

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПУБЛИЦИСТИКА-ФИЛОСОФИЯ-ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
КАПИТАЛ
ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

*ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!*

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М

XVI

Ч А С Т Ь I

ПАРТБЪДАТ ЦК ВКП(б) 1937

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

1883—1889

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В томе XVI, часть I собраны в основном работы Энгельса за годы 1883—1889. Здесь нет только работы о Людвиге Фейербахе, которая вошла в XIV том Сочинений.

На первом месте в настоящем томе помещено «Происхождение семьи, частной собственности и государства», согласно характеристике Ленина — «одно из основных сочинений современного социализма» (см. Лекция о государстве, Сочинения, т. XXIV). Печатающийся здесь перевод был заново проверен и в него были внесены некоторые необходимые исправления. Об одном из таких исправлений здесь следует упомянуть. В ходе своего изложения Энгельс неоднократно говорит о «Hausgenossenschaft», «Hausgemeinschaft». В буквальном переводе это слово означает «домовое товарищество», «домовая община». Этим немецким словом обозначается община кровных родственников, живущих в тесном семейном единении, часто даже под одной кровлей, и ведущих сообща свое хозяйство. Такая семейная коммуна встречается в ходе исторического развития у всех народов. У великороссов она известна под названием «большой семья». Этим термином здесь и переводится немецкий термин «Hausgenossenschaft», «Hausgemeinschaft».

В особую группу выделены работы, оставшиеся после Энгельса в рукописях, которые он сам не успел закончить и опубликовать. Здесь печатается впервые серия работ, относящихся к истории германцев начиная с древнейших времен. Они были написаны Энгельсом до 1883 г. Очерки по истории древних германцев, о германских племенах, о франкском государстве, о франкском диалекте показывают, с какой тщательностью и как глубоко изучал Энгельс первоисточники, какое всестороннее знание предмета лежит в основе его очерков о роде у германцев и об образовании государства германцев, которые он дает в VII и VIII главах «Происхождения семьи».

К серии работ по истории относится очерк, характеризующий разложение феодализма и ранние этапы развития буржуазии (XIV и XV вв.), а также большая работа по истории Германии XIX века,

которая должна была явиться четвертой главой брошюры, озаглавленной «Роль насилия в истории». Первые три главы этой брошюры должны были составить три главы из второй части «Анти-Дюринга», носящие заглавие «Теория насилия». Четвертая глава осталась незаконченной, и весь проект выпуска брошюры не получил осуществления.

Помимо перечисленных работ в томе собраны статьи Энгельса, ряд его предисловий к переиздававшимся им работам Маркса («Нисета философии», «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» и т. д.) и к своим собственным, а также отрывки из писем, опубликованные при его жизни в периодической печати.

В приложении помещены: 1) Текст программы «Северо-английской социалистической федерации» с поправками, сделанными в нем Энгельсом. Эту программу Энгельс оценивал как «инстинктивную декларацию принципов рабочего класса» (см. письмо Дж. Л. Магону от 22 и 23 июня 1887 г.). 2) Интервью Энгельса, данное им редакции «New Yorker Volkszeitung» во время его поездки в Америку в 1888 г.

В. Адоратский.

Ф. ЭНГЕЛЬС
ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ
1883—1889

Фридрих Энгельс
ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ,
ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
И ГОСУДАРСТВА

В СВЯЗИ С ИССЛЕДОВАНИЯМИ
Л. Г. МОРГАНА

Der Ursprung der Familie,
des
Privateigentums
und des Staats.

Im Anschluss
an
Lewis H. Morgan's Forschungen
von
Friedrich Engels.

Holtingen-Zürich.
Verlag der Schweizerischen Volkabuchhandlung.
1884.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ 1884 г.

Настоящей работой я в известной мере выполняю завещание. Сам Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с выводами своего — в известных пределах, я могу сказать, нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом за сорок лет перед этим, и на его основании пришел в своих сопоставлениях варварства и цивилизации в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс. И подобно тому как присяжные экономисты Германии годами с таким же усердием списывали «Капитал», с каким упорно замалчивали его, точно так же и представители «доисторической» науки в Англии поступали с моргановским «Ancient Society»*. Моя работа может лишь в слабой степени заменить то, что не суждено было выполнить моему покойному другу. Но в моем распоряжении имеются его подробные выписки из Моргана с критическими замечаниями, которые я в соответствующих местах воспроизвожу здесь.

Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории служит в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но оно, в свою очередь, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств существования, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные учреждения людей, живущих в определенную историческую эпоху и в определенной стране, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи. Чем меньше пока еще развит труд, чем

* Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilisation [«Первобытное общество, или исследование о путях развития человечества от дикости через варварство к цивилизации»]. By Lewis H. Morgan. London, Macmillan and Co. 1877. Книга напечатана в Америке, и в Лондоне достать ее чрезвычайно трудно. Автор умер несколько лет тому назад [в 1881 г. *Ред.*].

более ограничено количество его продуктов, а следовательно и богатство общества, тем сильнее проявляется доминирующее влияние на общественный строй уз родства. Между тем, в рамках этого расчленения общества, покоящегося на узах родства, все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с нею — частная собственность и обмен, различия в богатстве, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы сменяющихся поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость их обоих не приводит к полному перевороту. Столкновение новообразовавшихся общественных классов взрывает старое общество, покоящееся на родовых союзах; его место заступает новое общество, организованное в государство, подразделениями которого служат уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором семейные отношения полностью подчинены отношениям собственности и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей предыдущей *писанной* истории.

Большая заслуга Моргана — в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту донсторическую основу нашей писанной истории и в родовых объединениях северс-американских индейцев нашел ключ к важнейшим загадкам древнейшей истории — греческой, римской и германской, к загадкам, которые до сих пор оставались неразрешимыми. Его сочинение — труд не одного дня. Около сорока лет работал он над своим материалом, пока не овладел им вполне. Но зато и книга его — одно из немногих выдающихся произведений нашего времени, начинающих новую эпоху в науке.

В нижеследующем изложении читатель в общем легко отличит, что принадлежит Моргану и что добавил я. В исторических отделах о Греции и Риме я не ограничился доводами Моргана и прибавил то, что находилось в моем распоряжении. Отделы о кельтах и германцах в основном принадлежат мне; Морган располагал тут данными почти только из вторых рук, а о германцах — кроме Тацита — лишь плохими либеральными фальсификациями г. Фримана. Освещение экономических вопросов, которое было достаточно для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточно, все переработано мною. Наконец, само собой разумеется, я отвечаю за все те выводы, которые сделаны без прямых ссылок на Моргана.

1. ДОИСТОРИЧЕСКИЕ СТУПЕНИ КУЛЬТУРЫ.

Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительно разросшийся материал не заставит внести изменения, предложенная им группировка несомненно останется в силе.

Из трех главных эпох — дикости, варварства, цивилизации — его, само собою разумеется, занимают только две первые и переход к третьей. Каждую из этих двух эпох он подразделяет на низшую, среднюю и высшую ступень сообразно с успехами в производстве средств существования, потому что, говорит он, «искусство в этом производстве имеет решающее значение для степени человеческого превосходства и господства над природой; из всех живых существ только человеку удалось добиться почти неограниченного господства над производством продовольствия. Все великие эпохи человеческого прогресса более или менее непосредственно совпадают с эпохами расширения источников существования». — Наряду с этим идет развитие семьи, но оно не дает таких ярких признаков для разделения периодов.

1. ДИКОСТЬ.

1. *Низшая ступень.* Детство человеческого рода. Люди находились еще в местах своего первоначального пребывания, в тропических или субтропических лесах. Они жили, частью по крайней мере, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей. Пищей служили им плоды, орехи, корни; развитие членораздельной речи — главное достижение этого периода. Из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя это состояние длилось, вероятно, много тысячелетий, однако доказать его на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, мы должны допустить такое переходное состояние.

2. *Средняя ступень.* Начинается с употребления в пищу рыбы (куда мы относим также раков, ракушек и других водяных живот-

ных) и с применения огня. То и другое взаимно связано, так как рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь при помощи огня. Но с этой новой пищей люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности. Грубо выделанные, неотшлифованные каменные орудия раннего каменного века, так называемые палеолитические, целиком или большею частью относящиеся к этому периоду, распространены по всем материкам и являются доказательством этих передвижений. Заселение новых зон и неустанное инстинктивное стремление к поискам, в связи с обладанием огнем, добывавшимся трением, доставило новые средства питания: таковы крахмалистые корни и клубни, испеченные в горячей золе или пещерных ямах (земляных печах); дичь, которая, с изобретением первого оружия, дубины и копья, становилась случайной добавочной пищей. Исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, т. е. таких, которые живут *только* охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна. Вследствие длительной необеспеченности источников питания на этой ступени, повидимому, возникло людоедство, которое затем сохраняется надолго. Австралийцы и многие полинезийцы и теперь еще стоят на этой средней ступени дикости.

3. *Высшая ступень.* Начинается с изобретения лука и стрел, благодаря которым дичь стала постоянной пищей, а охота — одной из нормальных отраслей труда. Лук, тетива и стрелы составляют уже очень сложный инструмент, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и изощренные умственные силы, следовательно и одновременное знакомство со многими другими изобретениями. Сравнивая друг с другом народы, которые знают уже лук и стрелы, но еще не знают гончарного искусства (с него Морган начинает переход к варварству), мы действительно встречаем уже некоторые зачатки расселения деревнями, известную степень овладения производством средств существования: деревянные сосуды и утварь, ручное ткачество (без ткацкого станка) из мочала, плетеные корзины из лыка или камыша, шлифованные (неолитические) каменные орудия. Огонь и каменный топор дают уже по большей части возможность делать лодки из цельного дерева, а местами бревна и доски для постройки жилища. Все эти достижения мы встречаем, например, у северо-западных индейцев Америки, которые хотя и знают лук и стрелы, но не знают еще гончарного дела. Для эпохи дикости лук и стрелы были таким же решающим оружием,

каким железный меч был для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации.

2. ВАРВАРСТВО.

1. *Низшая ступень.* Начинается с введения гончарного искусства. Во многих случаях можно доказать, что оно произошло из обмазывания плетеных или деревянных сосудов глиною с целью сделать их огнеупорными. И так, вероятно, было везде. При этом скоро нашли, что формованная глина служит этой цели и без внутреннего сосуда.

До сих пор мы могли считать, что этот ход развития был всеобщим, что именно так шло развитие у всех народов определенного периода, независимо от их местопребывания. Но с наступлением варварства мы достигли такой ступени, когда приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков. Отличительной чертой периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений. Но восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих — только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим: кукурузой. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария идет с этих пор своим особым путем, и пограничные столбы, обозначающие отдельные ступени развития, становятся разными для каждого из обоих случаев.

2. *Средняя ступень.* На востоке начинается с приручения домашних животных, на западе — с разведения съедобных растений при помощи орошения и с употребления для построек адобов (высушенного на солнце кирпича-сырца) и камня.

Мы начинаем с запада, так как здесь, до завоевания европейцами, дальше этой ступени нигде не пошли.

У индейцев, находившихся на низшей ступени варварства (к ним принадлежали все жившие к востоку от Миссисипи), к тому времени, когда они были открыты, существовала уже некоторая огородная культура кукурузы и, может быть, тыква, дыня и других огородных растений, составлявших весьма существенную часть их питания; они жили в деревянных домах, в обнесенных тыном деревнях. Северо-западные племена, особенно обитавшие в бассейне Колумбии, стояли еще на высшей ступени дикости и не знали ни гончарного искусства, ни культуры каких бы то ни было растений.

Напротив, индейцы так называемых пуэбло в Новой Мексике, мексиканцы, обитатели Центральной Америки и перуанцы стояли ко времени завоевания на средней ступени варварства: они жили в похожих на крепости домах из кирпича-сырца (адобое) или камня, разводили в искусственно орошаемых огородах кукурузу и различные другие, в зависимости от местоположения и климата, питательные растения, служившие им главными источниками питания, и даже приручили некоторых животных: мексиканцы — индюка и других птиц, перуанцы — ламу. К тому же они были знакомы с обработкой металлов, за исключением железа, и поэтому все еще не могли обходиться без оружия и орудий из камня. Испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное развитие.

На востоке средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо, между тем как культура растений, повидимому, еще очень долго в течение этого периода оставалась здесь неизвестной. Приручение и разведение скота и образование крупных стад дали, повидимому, арийцам и семитам возможность выделиться из прочей массы варваров. У европейских и азиатских арийцев названия животных еще общие, названия же культурных растений — почти всегда разные.

Образование стад привело к пастушеской жизни в пригодных для этого местах: у семитов — на покрытых травой равнинах Евфрата и Тигра, у арийцев — на равнинах Индии, Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Дона и Днепра. Впервые приручение животных было достигнуто, повидимому, на границах таких пастбищ. Позднейшим поколениям кажется поэтому, что пастушеские народы происходили из местностей, которые не только не могли быть колыбелью человечества, но, напротив, были почти необитаемы для их диких предков и даже для людей, стоявших на низшей ступени варварства. Наоборот, после того как эти варвары средней ступени привыкали к пастушеской жизни, им никогда не могло притти в голову с заливных лугов речных долин добровольно вернуться в лесные районы, в которых обитали их предки. И даже когда семиты и арийцы были оттеснены дальше, на север и запад, они не могли направиться в западно-азиатские и европейские лесистые места раньше, чем разведение злаков не дало им возможности прокармливать свой скот, особенно зимою, на этой менее благоприятной почве. Более чем вероятно, что разведение злаков было вызвано здесь, прежде всего, потребностью в корме для скота и только впоследствии получило значение для питания людей.

Обильному мясному и молочному питанию арийцев и семитов и особенно благоприятному влиянию его на развитие детей следует, быть может, приписать выдающееся развитие обеих этих рас. Действительно, у индейцев пуэбло Новой Мексики, вынужденных кормиться почти исключительно растительной пищей, мозг меньше, чем у индейцев, стоящих на низшей ступени варварства, но больше питающихся мясом и рыбою. Во всяком случае, на этой ступени людоедство постепенно исчезает и сохраняется лишь как религиозный акт или, что здесь почти то же, как колдовство.

3. *Высшая ступень.* Начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию через изобретение буквенного письма и применение его для записей. Эта ступень, самостоятельно пройденная, как уже сказано, лишь на восточном полушарии, более богата успехами производства, чем все предыдущие ступени, вместе взятые. К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы времен Тацита, норманны времен викингов.

Прежде всего мы впервые встречаем здесь соху с железным лемехом, движимую силой животных; благодаря ей стала возможной обработка земли в крупном размере, обработка полей, а вместе с тем и практически не ограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов; затем — корчевка леса и расчистка его под пашню и луг, что опять-таки в широких размерах невозможно было производить без железного топора и железной лопаты. Вместе с тем пошло быстрое размножение населения, и оно становилось густым на небольших пространствах. До обработки полей только исключительные условия могли собрать полмиллиона людей под единым центральным руководством; этого, вероятно, никогда и не случалось.

Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами в поэзии Гомера, особенно в «Илиаде». Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, приготовление масла и вина, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города с зубчатыми стенами и башнями, гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию. Сравнивая с этим данное Цезарем и даже Тацитом описание германцев, стоявших в начале той самой ступени культуры, из которой готовились перейти в высшую гомеровские греки, мы видим, какое богатое развитие производства обнимает высшая ступень варварства.

Набросанная здесь мною, по Моргану, картина развития человечества через дикость и варварство к зачаткам цивилизации уже достаточно богата новыми и, что еще важнее, неоспоримыми чертами, так как они взяты непосредственно из производства. И все же эта картина покажется бледною и жалкою по сравнению с тою, которая развернется перед нами в конце нашего странствования; лишь тогда будет возможно вполне осветить переход от варварства к цивилизации и разительную противоположность между ними обоими. Пока же мы можем обобщить моргановскую классификацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственные произведения человека служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период, когда обучаются способам, как с помощью человеческой деятельности увеличить производство продуктов природы. Цивилизация — период, когда обучаются дальнейшей обработке продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства.

II. СЕМЬЯ.

Морган, проведший большую часть своей жизни среди ирокезов, которые и теперь еще живут в штате Нью-Йорк, и усыновленный в одном из их племен (в племени сенека), обнаружил, что действующая у них система родства противоречила их фактическим семейным отношениям. У них господствовал тот легко расторгаемый обеими сторонами брак, который Морган обозначает как «парную семью». Потомство такой супружеской пары было поэтому всем известно и общепризнано: не могло быть сомнения относительно того, к кому следует применять наименования отец, мать, сын, дочь, брат, сестра. Но фактическое употребление этих выражений этому противоречит. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом. Детей же своих сестер он называет своими племянниками и племянницами, а они его — дядей. Наоборот, ирокезка называет детей своих сестер, наряду со своими собственными детьми, своими сыновьями и дочерьми, а те называют ее матерью. Детей же своих братьев она называет своими племянниками и племянницами, а сама называется их теткой. Точно так же дети братьев, как и дети сестер, называют друг друга братьями и сестрами. Напротив, дети женщины и дети ее брата называют друг друга двоюродными братьями и сестрами. И это — не пустые слова, а выражения действительно господствующих взглядов на близость и дальность, на одинаковость и неодинаковость кровного родства; эти взгляды служат основой вполне разработанной системы родства, которая в состоянии выразить несколько сот различных родственных отношений отдельного индивидуума. Более того: эта система полностью имеет силу не только у всех американских индейцев (до сих пор не обнаружено ни одного исключения), но действует также почти без изменения у древнейших обитателей Индии, дравидских племен Декана и племен гаура в Индостане. Обозначения родства у тамилів Южной Индии и у сенека-ирокезов штата Нью-Йорк одинаковы еще и теперь более чем для двухсот различных родственных отношений. И у этих индийских племен, как и у всех американских индейцев, родственные отноше-

ния, вытекающие из существующей формы семьи, также находятся в противоречии с системой родства.

Как же это объяснить? При той решающей роли, какую играет родство в общественном строе у всех диких и варварских народов, нельзя одними фразами устранить эту так широко распространенную систему. Система, общепризнанная в Америке, существующая также в Азии у народов совершенно другой расы, встречающаяся часто в более или менее видоизмененных формах повсюду в Африке и Австралии, — такая система требует исторического объяснения; от нее нельзя отделаться словами, как это пытался сделать, например, Мак-Леннан. Обозначения: отец, сын и дочь, брат, сестра — отнюдь не почетные названия только, а влекут за собою вполне определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя этих народов. И объяснение нашлось. На Сандвичевых островах (Гавайи) существовала еще в первой половине настоящего века форма семьи, в которой были точно такие отцы и матери, братья и сестры, сыновья и дочери, дяди и тетки, племянники и племянницы, какие требуются американско-древне-индийской системой родства. Но удивительно! Система родства, действовавшая на Гавайских островах, в свою очередь не совпадала с фактически существовавшей там формой семьи. А именно, там все без исключения дети братьев и сестер считаются братьями и сестрами и общими детьми не только своей матери и ее сестер или своего отца и его братьев, а всех братьев и сестер своих родителей без различия. Если, следовательно, американская система родства предполагает уже не существующую в Америке более примитивную форму семьи, которую мы еще действительно находим на Гавайских островах, то, с другой стороны, гавайская система родства указывает на еще более первобытную форму семьи, существования которой мы, правда, уже нигде не можем доказать, но которая *наверное* существовала, так как иначе не могла бы возникнуть соответствующая система родства. «Семья, — говорит Морган, — активный элемент; она никогда не стоит на месте, а переходит от более низкой формы к более высокой, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны, лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, проделанный семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда радикально изменилась семья». «И точно так же, — прибавляет Маркс, — обстоит дело с политическими, юридическими, религиозными, философскими системами вообще». В то время как семья продолжает жить, система родства окостеневает, и в то время как последняя продолжает существо-

вать в силу привычки, семья перерастает ее рамки. Но с такою же достоверностью, с какою Кювье по найденным около Парижа сумчатым костям скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, — с такою же достоверностью можем мы по дошедшей до нас из исторического прошлого системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи.

Только что упомянутые системы родства и формы семьи отличаются от господствующих теперь тем, что у каждого ребенка несколько отцов и матерей. В американской системе родства, которой соответствует гавайская семья, брат и сестра не могут быть отцом и матерью одного и того же ребенка; гавайская же система родства, наоборот, предполагает семью, в которой это было правилом. Здесь перед нами ряд семейных форм, прямо противоречащих тем, которые до сих пор обычно считались единственно существующими. Традиционное представление знает только единобрачие, наряду с ним многоженство мужчины да еще, пожалуй, многомужество женщины и при этом, как и подобает морализирующему филистеру, умалчивает, что практика негласно, но бесцеремонно преступает границы предписанного официальным обществом. Изучение первобытной истории, напротив, показывает нам отношения, при которых мужчины живут в многоженстве, а их жены одновременно — в многомужестве, и поэтому дети тех и других считаются общими детьми их всех; отношения, которые, в свою очередь, до своего окончательного перехода в единобрачие, претерпевают целый ряд изменений. Эти изменения таковы, что круг, охватываемый общими брачными узами, первоначально очень широкий, все более и более суживается, пока, в конце концов, не остается только одиночная пара, преобладающая в настоящее время.

Воссоздавая таким образом историю семьи в обратном порядке, Морган, в согласии с большинством своих коллег, приходит к выводу, что существовало первобытное состояние, когда внутри племени господствовали ничем не ограниченные половые сношения, так что каждая женщина принадлежала каждому мужчине и равным образом каждый мужчина — каждой женщине. О таком первобытном состоянии говорили еще в прошлом веке, но только общими фразами; Бахофен первый, — и в этом одна из его крупных заслуг, — отнесся серьезно к этому вопросу и искал следов этого состояния в исторических и религиозных преданиях. Мы знаем теперь, что найденные им следы возвращают нас вовсе не к общественной ступени беспорядочных половых сношений, а к гораздо более поздней

форме, к групповому браку. Та примитивная общественная ступень, если она действительно существовала, относится к столь отдаленной эпохе, что едва ли можно рассчитывать найти среди социальных ископаемых, у отсталых дикарей, *прямые* доказательства ее существования в прошлом. Заслуга Бахофена в том и заключается, что он выдвинул этот вопрос на первый план исследовательской работы *.

С недавнего времени вошло в моду отрицать эту начальную ступень половой жизни человека. Хотят избавить человечество от этого «позора». И при этом ссылаются не только на отсутствие какого-либо прямого доказательства, но по преимуществу на пример прочего животного мира; в этой области Летурно («Évolution du mariage et de la famille») [«Эволюция брака и семьи»], 1888) собрал множество фактов, показывающих, что совершенно беспорядочные половые сношения свойственны и здесь низкой ступени развития. Однако из всех этих фактов я могу только вывести заключение, что они абсолютно ничего не доказывают в отношении человека и его доисторических условий жизни. Длительное парное сожителство у позвоночных животных достаточно объясняется физиологическими причинами: например, у птиц тем, что самка нуждается в помощи в период высиживания яиц; встречающиеся у птиц примеры строгой моногамии ничего не доказывают в отношении людей, так как люди происходят не от птиц. И если строгая моногамия составляет вершину всяческой добродетели, то пальма первенства по праву принадлежит ленточной глисте, которая в каждом из своих 50—200 проглоттид, или члеников тела, имеет полный женский и мужской половой аппарат и всю свою жизнь проводит в том, что в каждом из этих члеников сама с собой совокупляется. Если же мы ограничимся млекопитающими животными, то найдем здесь все формы половой жизни — беспорядочные сношения, подобие группового брака, многоженство, единобрачие; недостает только многомужества, которое могли осуществить только

* Называя это первобытное состояние *гетеризмом*, Бахофен показал этим, как мало он понимал, что именно он открыл или, вернее, угадал. Гетеризмом греки называли, когда ввели в употребление это слово, сношения мужчин, холостых или живущих в единобрачии, с незамужними женщинами; при этом предполагается всегда существование определенной формы брака, вне которой происходят эти сношения, и уже включается, по крайней мере как возможность, проституция. В ином смысле это слово никогда не употреблялось, и в этом смысле употребляю его и я вместе с Морганом. Свои в высшей степени важные открытия Бахофен повсюду до невероятия затемнял мистическими представлениями, вообразив, будто источником исторически возникавших отношений между мужчиной и женщиной были каждый раз религиозные представления людей, а не условия их действительной жизни.

люди. Даже наши ближайшие родственники, четверорукие, обнаруживают всевозможные различия в группировке самцов и самок; если же взять еще более узкие рамки и рассмотреть только четырех человекоподобных обезьян, то тут Летурно в состоянии только сказать, что у них встречается то моногамия, то полигамия, между тем как Соссюр, по Жиро-Тэлону, утверждает, что они единобрачны. Новейшие утверждения Вестермарка («The History of Human Marriage») [«История человеческого брака»], London, 1891) о единобрачии человекоподобных обезьян также еще далеко не могут служить доказательствами. Словом, имеющиеся данные таковы, что честный Летурно признается: «Впрочем, у млекопитающих животных совсем нет строгого соответствия между степенью умственного развития и формой полового общения». А Эспинас («Des sociétés animales») [«Общества животных»], 1877) прямо говорит: «Стая — это высшая социальная группа, которую мы можем наблюдать у животных. Она составляется, *повидимому*, из семей, но уже с самого начала семья и стая находятся в антагонизме, они развиваются в обратном соотношении».

Как уже видно из сказанного выше, мы о семейных и других общественных группах человекообразных обезьян ничего определенного не знаем; сведения прямо противоречивы. Это и не удивительно. Как противоречивы и как сильно нуждаются в критической проверке и отсеве даже сведения, которые мы имеем о диких человеческих племенах! А общества обезьян еще гораздо труднее наблюдать, чем общества людей. Пока, следовательно, мы должны отвергнуть всякие заключения, сделанные на основании таких абсолютно недостоверных сообщений.

Напротив, приведенное выше указание Эспинаса дает нам более прочную точку опоры. Стая и семья у высших животных не дополняют одна другую, а противоположны друг другу. Эспинас очень хорошо показывает, как ревность самцов в период течки ослабляет всякую общественную связь в стае или временно ее разрывает. «Там, где семья тесно сплочена, стаи образуются только как редкое исключение. Напротив, там, где господствуют свободные половые сношения, или полигамия, стая образуется почти сама собою... Чтобы могла образоваться стая, семейные узы должны ослабнуть, и особь должна снова стать свободною. Поэтому мы так редко встречаем у птиц организованные стаи... Напротив, у млекопитающих мы находим до известной степени организованные общества именно потому, что особь здесь не поглощается семьей... Для чувства стадной общности не может поэтому быть при его возникновении большего

врага, чем чувство семейной общности. Скажем прямо: если развилась более высокая общественная форма, чем семья, то это могло случиться только благодаря тому, что она растворила в себе семьи, претерпевшие основательное изменение, причем не исключается, что именно благодаря этому те же семьи впоследствии находят возможность снова организоваться при бесконечно более благоприятных условиях» (Эспинас. Цит. соч., цитировано у Жиро-Тэллона: «Origines du mariage et de la famille» [«Происхождение брака и семьи»], 1884, стр. 518—520).

Отсюда видно, что общества животных имеют, правда, известную ценность для умозаключений о человеческих обществах, но — только отрицательного характера. У высших позвоночных животных известны, насколько мы знаем, лишь две формы семьи: многоженство и одиночная пара; в обоих случаях допускается лишь *один* взрослый самец, лишь *один* супруг. Ревнивость самца, одновременно связывающая и ограничивающая животную семью, противопоставляет ее стае; стая, высшая форма общежития, в одних случаях становится невозможной, в других расплывается или распадается на время течки, в лучшем случае задерживается в своем дальнейшем развитии из-за ревности самцов. Одного этого достаточно для доказательства, что животная семья и первобытное человеческое общество — вещи несовместимые, что первобытные люди, поднимавшиеся из животного состояния, или совсем не знали семьи, или, самое большее, знали такую, какая у животных не встречается. Такое безоружное животное, как формирующийся человек, могло еще в небольшом числе пробиться и в условиях изоляции, когда высшую форму общения составляет отдельная пара, как, по мнению Вестермарка, опирающегося на рассказы охотников, живут гориллы и шимпанзе. Для того чтобы в процессе развития выйти из животного состояния и осуществить величайший прогресс, какой только происходит в природе, требовалось еще кое-что: недостаток сил отдельной особи для самозащиты надо было возместить объединенной силой и коллективными действиями орды. Из тех условий, в которых в настоящее время живут человекообразные обезьяны, переход к человеческому состоянию был бы прямо необъясним; эти обезьяны производят скорее впечатление отклонившихся боковых линий, обреченных на постепенное вымирание и, во всяком случае, клонящихся к упадку. Одного этого достаточно, чтобы отказаться от всяких параллелей между формами семьи у них и у первобытных людей. Взаимная же терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности были первым условием для образования таких больших и

прочных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека. И действительно, что находим мы в качестве древнейшей, наиболее первобытной формы семьи, существование которой в истории мы можем неоспоримо доказать и которую можно и теперь еще кое-где изучать? Групповой брак, форму, при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу и которая оставляет очень мало места для ревности. И далее, на позднейшей ступени развития мы находим в виде исключения форму многомужества, которая еще резче противоречит всем чувствам ревности и потому неизвестна животным. Но известные нам формы группового брака сопровождаются столь своеобразными и сложными условиями, что с необходимостью указывают на более ранние, более простые формы полового общения, а вместе с тем, в конечном счете, на соответствующий переход от животного состояния к человеку период беспорядочных половых сношений; поэтому ссылки на браки у животных возвращают нас к тому пункту, от которого они должны были нас раз навсегда увести.

Но что же это значит: беспорядочные половые сношения? Это значит, что запретительные ограничения нашего или более раннего времени силы не имели. Мы уже видели, как пало ограничение, обусловленное ревностью. Если что-либо установлено прочно, так это то, что ревность — чувство, развившееся относительно поздно. То же самое можно сказать относительно представления о кровосмешении. Не только брат и сестра были первоначально мужем и женою, но и половые сношения между родителями и детьми еще в настоящее время допускаются у многих народов. Банкрофт («The Native Races of the Pacific Coast of North America» [«Туземцы тихоокеанского побережья Северной Америки»], 1875, т. I) свидетельствует о существовании таких отношений у кавиатов в Беринговом проливе и у кадпаков близ Аляски, у тинне во внутренней части британской Северной Америки; Летурно дает сводку таких же фактов у индейцев-чиппевей, у кукусов в Чили, у карибов, каренов в Индо-Китае, не говоря уже о рассказах древних греков и римлян о парфянах, персах, скифах, гуннах и т. д. Пока не было открыто кровосмешение (а это — открытие, и притом в высшей степени ценное), половые сношения между родителями и детьми не могли вызывать большего отвращения, чем вообще сношения между лицами, принадлежащими к разным поколениям, а это ведь и теперь случается в самых филистерских странах, не возбуждая большого ужаса; даже старые «девы» в возрасте за шестьдесят лет, если они достаточно богаты, выходят иногда замуж за молодых мужчин лет

тридцати. Если же отнять у известных нам наиболее ранних форм семьи связанные с ними представления о кровосмешении, — представления, совершенно отличные от наших и часто прямо противоречащие им, — то мы получим форму полового общения, которое можно обозначить только как беспорядочное. Беспорядочное — в том смысле, что еще не существовало ограничений, установленных впоследствии обычаем. Но отсюда еще отнюдь не следует необходимость беспорядочных сношений в повседневной практике. Соединение на время отдельными парами, как это теперь бывает в большинстве случаев даже в групповом браке, отнюдь не исключается. И если Вестермарк, самый последний из отрицавших такое первобытное состояние, называет браком всякий случай, когда оба пола остаются в парном сожителстве до рождения детеныша, то следует сказать, что такого рода брак вполне мог иметь место при состоянии беспорядочных половых сношений, отнюдь не противореча беспорядочности, т. е. отсутствию ограничений, созданных обычаем. Правда, Вестермарк исходит из взгляда, что «беспорядочность включает подавление индивидуальных склонностей», так что «ее самой подлинной формой является проституция». Мне же, наоборот, кажется, что никакого понимания первобытных условий не может быть до тех пор, пока их рассматривают через очки дома терпимости. Мы вернемся к этому вопросу при рассмотрении группового брака.

Согласно Моргану, из этого первобытного состояния беспорядочных половых сношений, вероятно, весьма рано развилась:

1. *Кровнородственная семья*—первая ступень семьи. Здесь брачные группы разделены по поколениям: все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и их дети, т. е. отцы и матери; равным образом дети последних образуют третий круг общих супругов, а их дети, правнуки первых, — четвертый круг. Таким образом, в этой форме семьи исключаются взаимные супружеские права и обязанности (говоря современным языком) только между предками и потомками, между родителями и детьми. Братья и сестры — родные, двоюродные, троюродные и т. д. — все считаются между собою братьями и сестрами и *уже в силу этого* мужьями и женами друг друга. Родственные отношения брата и сестры на этой ступени семьи включают в себя взаимное половое общение как нечто само собой разумеющееся *. Типичным примером

* В одном письме, написанном весной 1882 г., Маркс в самых резких выражениях отзываясь о полном искажении первобытной эпохи в вагнеровском тексте «Нибелунгов». «Слыхано ли было когда-нибудь, чтобы брат обнимал сестру как супругу?» Этим вагнеровским «богам сладострастия», которые

подобной семьи было бы такое потомство пары, у которого в каждом последующем поколении все являются между собой братьями и сестрами и как раз поэтому также и мужьями и женами друг друга.

Кровнородственная семья вымерла. Даже наиболее дикие народы, о которых рассказывает история, не дают нам ни одного бесспорного примера ее. Но признать, что такая семья *наверное* существовала, заставляет нас гавайская система родства, остающаяся в силе еще и поныне во всей Полинезии и выражающая такие степени кровного родства, какие могут возникнуть лишь при этой форме семьи; признать это заставляет нас все дальнейшее развитие семьи, предполагающее существование этой формы как необходимой первоначальной ступени.

2. *Семья «пуналу»*. Если первый прогресс в организации семьи состоял в том, что из взаимного полового общения были исключены родители и дети, то второй состоял в исключении сестер и братьев. Этот прогресс, ввиду большего возрастного равенства участвующих лиц, был бесконечно важнее, но и труднее, чем первый. Он совершался постепенно, начавшись, вероятно, исключением из полового общения родных братьев и сестер (т. е. с материнской стороны), сперва в отдельных случаях, постепенно становясь правилом (на Гавайских островах бывали исключения еще в настоящем столетии),

совсем по-современному придают своим любовным похождениям большую канитность некоторой дозой кровосмешательства, Маркс отвечает: «В первобытную эпоху сестра была женой, и это было нравственно». (Примечание к 4-му изданию.) Некий французский друг и почитатель Вагнера не согласен с этим примечанием и замечает, что уже в более древней «Эдде», из которой исходил Вагнер, в «Эгисдрекке», Локи так упрекает Фрейю: «Перед богами обняла ты собственного брата». Отсюда будто бы следует, что брак между братом и сестрой уже тогда был запрещен. Но «Эгисдрекка» служит выражением того времени, когда вера в старые мифы была окончательно сломлена; это — чисто лукановского типа сатира на богов. Если Локи-Мефистофель делает в ней Фрейе такой упрек, то это скорее говорит против Вагнера. Притом несколькими стихами дальше Локи говорит Ниорду: «Со своей сестрой породил ты (такого) сына» (*vidh systur thinni gaztu slikan mög*). Правда, Ниорд не аз, а ван, и в саге Инглинга он говорит, что браки между братьями и сестрами обычны в стране ванов, чего не было у азов. Это может служить признаком того, что ваны более древние боги, чем азы. Во всяком случае, Ниорд живет среди азов, как среди себе подобных, и потому «Эгисдрекка» служит скорее доказательством того, что в эпоху возникновения норвежских саг о богах брак между братьями и сестрами, по крайней мере между богами, не возбуждал еще ни малейшего возмущения. Если же оправдывать Вагнера, то, пожалуй, лучше сослаться вместо «Эдды» на Гете, который в балладе о боге и баядерке делает подобную же ошибку относительно религиозной обязанности женщины отдаваться в храмах, слишком сближая этот обычай с современной проституцией.

и кончая запрещением брака даже в боковых линиях, т. е., по нашему обозначению, для детей, внуков и правнуков родных братьев и сестер; он служит, по мнению Моргана, «прекрасной иллюстрацией того, как действует принцип естественного подбора». Не подлежит сомнению, что племена, у которых кровосмешение было ограничено этой прогрессивной мерой, должны были развиваться быстрее и полнее, чем племена, у которых брак между братьями и сестрами существовал как правило и требовался обычаем. А как сильно сказалось влияние этого прогресса, доказывает учреждение *рода*: будучи его непосредственным следствием и далеко опережая первоначальную цель, род образует основу общественного порядка большинства, если не всех, варварских народов земли, и из него мы в Греции и Риме переходим непосредственно в эпоху цивилизации.

Каждая первоначальная семья должна была распаться самое позднее через несколько поколений. Первобытное коммунистическое общее хозяйство, которое еще долго господствует на средней ступени варварства без всяких исключений, определяло максимальные размеры семейной группы, изменявшиеся в зависимости от условий, но для каждой данной местности более или менее определенные. Но как только возникло представление о непопозволительности половых отношений между детьми одной матери, это должно было сказываться при дроблениях старых и при основании новых общин людей, живущих вместе и сообща ведущих свое хозяйство (*Hausgemeinden*) (эти общины не обязательно совпадали с семейной группой). Ряд сестер или несколько таких групп сестер становились ядром одной общины, их родные братья — ядром другой. Таким или подобным путем из кровнородственной семьи произошла семья, названная Морганом «пуналуа». По гавайскому обычаю известное число сестер, родных или более дальних степеней родства (двоюродных, троюродных и т. д.), были общими женами своих общих мужей, из числа которых, однако, исключались их братья; эти мужья называли уже друг друга не братьями, им было больше уже не обязательно быть братьями, а «пуналуа», т. е. близкий товарищ, так сказать, *associé* [член товарищества]. Равным образом ряд братьев, родных или более дальних степеней родства, состоял в общем браке с известным числом женщин, но только *не* своих сестер, причем эти женщины называли друг друга «пуналуа». Таков классический вид семейной формации (*Familienformation*), которая впоследствии допускала ряд видоизменений и главной отличительной чертой которой была взаимная общность мужей и жен внутри определенного семейного круга, из которого, однако, были исключены братья жен,

сперва родные, а позднее и более дальних степеней родства, а следовательно также и сестры мужей.

Вот эта форма семьи и воспроизводит перед нами с совершенной точностью степени родства, которые нашли свое выражение в американской системе. Дети сестер моей матери все еще являются и ее детьми, равно как дети братьев моего отца также и его детьми, и все они для меня братья и сестры; но дети братьев моей матери теперь являются ее племянниками и племянницами, дети сестер моего отца — его племянниками и племянницами, а для меня они все мои двоюродные братья и двоюродные сестры. В самом деле, в то время как мужья сестер моей матери все еще остаются ее мужьями, а равным образом жены братьев моего отца — его женами, — юридически, если не всегда фактически, — осуждение обществом половых сношений между родными братьями и сестрами вело к разделению детей братьев и сестер, до сих пор без различия признававшихся братьями и сестрами, на два класса: одни остаются между собой попрежнему братьями и сестрами (дальних степеней родства), другие — в одном случае дети брата, в другом дети сестры — *не могут* уже быть братьями и сестрами, не могут уже иметь общих родителей — ни общего отца, ни общей матери, ни их обоих вместе; здесь поэтому впервые возникает необходимость в разряде племянников и племянниц, двоюродных братьев и сестер, который был бы лишен всякого смысла при прежнем семейном строе. Американская система родства, которая представляется чистейшей бессмыслицей при всякой форме семьи, в основу которой положен тот или иной вид единобрачия, находит себе разумное объяснение и естественное обоснование, вплоть до своих мельчайших подробностей, в семье «пуналуа». По крайней мере, в такой же степени, в какой была распространена эта система родства, должна была существовать также семья «пуналуа» или какая-нибудь подобная ей форма.

Об этой форме семьи, действительное существование которой на Гавайских островах доказано, мы получили бы, вероятно, сведения из всей Полинезии, если бы благочестивые миссионеры, подобно блаженной памяти испанским монахам в Америке, способны были усмотреть в подобных противохристианских отношениях нечто большее, чем простую «мерзость» *. Когда Цезарь рассказывает нам

* Следы беспорядочных половых сношений, которые Бахофен, по его мнению, открыл и которые он назвал «Sumpfteugung», относятся, как теперь с полной достоверностью установлено, к групповому браку. «Если Бахофен находит эти браки «пуналуа» «беззаконными», то человек той эпохи признавал бы

о бриттах, находившихся тогда на средней ступени варварства, что «у них каждые десять или двенадцать человек имеют общих жен, причем большей частью — братья с братьями и родители с детьми», то это лучше всего объясняется существованием у них группового брака. У матерей периода варварства не бывает по десять-двенадцать достаточно взрослых сыновей, у которых могли бы быть общие жены, тогда как при американской системе родства, которая соответствует семье «пуналуа», бывает много братьев, так как все двоюродные и более отдаленные братья каждого мужчины являются его братьями. Говоря о «родителях с детьми», Цезарь, повидимому, ошибался; правда, при этой системе не абсолютно исключена возможность нахождения в одной брачной группе отца и сына или матери и дочери, но зато не допускается нахождение в ней отца и дочери или матери и сына. Точно так же эта или ей подобная форма группового брака легче всего объясняет рассказы Геродота и других древних писателей об общности жен у диких и варварских народов. Это относится и к тому, что сообщают Ватсон и Кей («The People of India» [«Население Индии»]) о тихурах в Ауде (к северу от Ганга): «Они живут сообща (т. е. в половом отношении), почти без всякого разбора, большими общинами, и если двое между ними считаются мужем и женою, то эта брачная связь только номинальная».

Непосредственно из семьи «пуналуа», повидимому, возник в громадном большинстве случаев институт *рода*. Правда, исходным моментом для него могла служить также и австралийская система классов: у австралийцев имеются роды, но у них еще нет семьи «пуналуа», а более грубая форма группового брака.

При всех формах групповой семьи неизвестно, кто отец ребенка, но известно, кто его мать. Если она и называет *всех* детей общей семьей своими и по отношению к ним несет материнские обязанности, то она все же знает своих родных детей среди остальных. Отсюда ясно, что раз существует групповой брак, то происхождение может быть установлено лишь с *материнской* стороны, а потому признается только *женская линия*. Так действительно бывает у всех диких народов и у всех народов, стоящих на низшей ступени варварства; и вторая крупная заслуга Бахофена состоит в том, что он первый это открыл. Это исключительное признание происхождения с материнской стороны и развившиеся отсюда с течением времени отно-

большинство нынешних браков между близкими и отдаленными родственниками с отцовской или материнской стороны кровосмесительными, как браки между кровными братьями и сестрами» (Маркс).

шения наследования он называет материнским правом; в интересах краткости я сохраняю это обозначение; но оно неудачно, так как на этой ступени развития общества еще нельзя говорить о праве в юридическом смысле.

Если мы теперь возьмем из семьи «пуналуа» за образец одну из двух ее групп, а именно группу сестер — родных и более дальних степеней родства, т. е. происходящих от родных сестер в первом, втором или более отдаленном поколении, вместе с их детьми и их братьями — родными и более дальних степеней родства с материнской стороны (которые, согласно нашему предположению, не состоят их мужьями), то перед нами будет тот именно круг лиц, из которых впоследствии составляется род в своей первоначальной форме. Все они имеют одну общую родоначальницу; в силу своего происхождения от нее все женские потомки каждого поколения являются сестрами. Но мужья этих сестер уже не могут быть их братьями, следовательно не могут происходить от этой родоначальницы, следовательно не входят в состав этой кровнородственной группы, позднейшего рода; дети их, однако, принадлежат к этой группе, потому что решающую роль играет только происхождение с материнской стороны как единственно достоверное. Лишь только установили запрет полового общения между всеми братьями и сестрами, даже между самыми отдаленными родственниками боковых линий с материнской стороны, указанная группа превратилась в род, т. е. конституировалась как твердо установленный круг кровных родственников по женской линии, которые не могут вступать в брак, и этот род с этих пор все более и более укрепляется другими общими общественными и религиозными учреждениями и отличается от других родов того же племени. Об этом более подробно в дальнейшем. Но если мы видим, что род не только неизбежно, но как нечто само собой разумеющееся развивается из семьи «пуналуа», то следует признать почти несомненным существование в прошлом этой формы семьи у всех народов, у которых могут быть обнаружены родовые учреждения, т. е. почти у всех варварских и культурных народов.

Когда Морган писал свою книгу, наши сведения о групповом браке были еще весьма скудны. Кое-что было известно о групповых браках у организованных в классы австралийцев, и, кроме того, Морган уже в 1871 г. опубликовал дошедшие до него сведения о гавайской семье «пуналуа». Семья «пуналуа» давала, с одной стороны, полное объяснение господствующей у американских индейцев системе родства, которая послужила Моргану исходным пунктом всех

его исследований; она, с другой стороны, служила готовым отправным пунктом, из которого можно было вывести род, основанный на материнском праве; она представляла собой, наконец, гораздо более высокую ступень развития, чем австралийские классы. Понятно поэтому, что Морган видел в ней ступень развития, которая необходимо предшествовала парному браку, и приписывал ей всеобщее распространение в древнейшее время. С тех пор мы ознакомились с целым рядом других форм группового брака и знаем теперь, что Морган в этом пункте зашел слишком далеко. Но ему все же повезло натолкнуться в своей семье «пуналуа» на высшую, классическую форму группового брака, на ту именно форму, которая проще всего объясняет переход к более высокой форме.

Обогащением наших сведений о групповом браке мы больше всего обязаны английскому миссионеру Лоримеру Файсону, который в течение многих лет изучал эту форму семьи на ее классической почве — в Австралии. Низшую ступень развития он обнаружил у австралийских негров в районе Маунт Гамбир в Южной Австралии. Здесь все племя разделено на два больших класса — кроки и кумите. Половые сношения внутри каждого из этих классов строго запрещены; напротив, каждый мужчина одного класса уже от рождения является мужем каждой женщины другого класса, а последняя — его женой. Не отдельные индивидуумы, а целые группы считаются состоящими в браке, класс с классом. И следует отметить, что ни различие в возрасте, ни близкое кровное родство нигде в Австралии не служит препятствием для половых сношений, за исключением ограничения, обусловленного разделением на два экзогамных класса. Для любого кроки каждая женщина кумите является по праву его женой; но так как его собственная дочь, как дочь женщины кумите, по материнскому праву, также кумите, то она в силу этого от рождения является женой каждого кроки, а следовательно и женой своего отца. Во всяком случае, классовая организация в том виде, в каком мы ее знаем, не ставит этому препятствий. Таким образом, или эта организация возникла в ту пору, когда, при всем неясном стремлении ограничить кровосмешение, люди не видели еще ничего ужасного в половом общении между родителями и детьми, — и в таком случае система классов возникла непосредственно из состояния беспорядочных половых сношений, — или же половое общение между родителями и детьми было уже воспрещено обычаем, когда возникли классы, и в таком случае современное состояние указывает на существование перед тем кровнородственной семьи и представляет первый шаг к ее преодолению. Последнее кажется более

вероятным. Насколько мне известно, никем не приводятся примеры полового общения между родителями и детьми в Австралии, а более поздняя форма экзогамии, основанный на материнском праве род, также, как правило, предполагает молчаливо запрещение такого общения как нечто уже существовавшее при возникновении рода.

Система *двух* классов встречается, помимо района Маунт Гамбир в Южной Австралии, также по реке Дарлинг, далее к востоку и на северо-востоке, в Квинсленде, и, таким образом, широко распространена. Она исключает лишь браки между братьями и сестрами, между детьми братьев и детьми сестер с материнской стороны, так как они принадлежат к одному классу; дети сестры и брата, напротив, могут вступать в брак друг с другом. Дальнейший шаг в сторону запрещения кровосмешения мы видим у камиларои по течению Дарлинга в Новом Южном Уэльсе, где два первоначальных класса распались на четыре, причем каждый из этих четырех классов целиком состоит в браке с каким-нибудь определенным другим классом. Первые два класса от рождения являются друг для друга супругами; в зависимости от того, принадлежит ли мать к первому или второму классу, ее дети попадают в третий или четвертый класс; дети последних двух классов, в свою очередь состоящих в брачных отношениях, входят в состав первого и второго классов. Таким образом, одно поколение всегда принадлежит к первому и второму классу, следующее за ним — к третьему и четвертому, третье поколение — снова к первому и второму. В соответствии с этим дети брата и сестры (с материнской стороны) не могут быть мужем и женой, но зато ими могут быть внуки брата и сестры. Этот своеобразно сложный порядок еще более усложняется позднейшим, правда, вклиниванием в него рода, основанного на материнском праве. Но мы не можем входить здесь в подробности. Мы видим, таким образом, что стремление воспрепятствовать кровосмешению проявляется все снова и снова, действуя, однако, инстинктивно и осязая, без ясного сознания цели.

Групповой брак, который здесь, в Австралии, представляет собою еще классовый брак, массовое супружество целого класса мужчин, часто рассеянных по всему матерку, со столь же широко распространенным классом женщин, — этот групповой брак, при ближайшем рассмотрении, выглядит отнюдь не так ужасно, как его рисует привыкшая к проституции фантазия наших филистеров. Напротив, прошло много лет, пока стали только догадываться о его существовании, причем совсем недавно снова стали его оспаривать. Поверхностному наблюдателю он представляется в виде непроч-

ного единобрачия, а в некоторых случаях — в виде многоженства с практикуемой время от времени неверностью. Нужно посвятить этому целые годы, как это сделали Файсон и Хауитт, чтобы открыть регулирующий закон в практике этих брачных отношений, в которых обыкновенный европеец склонен видеть нечто подобное тому, что существует у него на родине, закон, в силу которого чужой австралийский негр, за тысячи километров от своих родных мест, среди людей, говорящих на незнакомом ему языке, все-таки нередко в каждом лагере, в каждом племени находит себе женщин, готовых без сопротивления и возмущения отдаться ему, а человек, обладающий несколькими женами, уступает одну из них на ночь своему гостю. Там, где европеец усматривает безиравственность и беззаконие, на самом деле господствует строгий закон. Эти женщины принадлежат к брачному классу гостя, и потому они от рождения являются его женами; тот же самый нравственный закон, который соединяет их друг с другом, воспрещает, под угрозой общественного осуждения, всякое половое общение вне принадлежащих друг другу брачных классов. Даже там, где женщины похищают, что часто и во многих местностях бывает правилом, закон о классах тщательно соблюдается.

При похищении женщин проявляются уже, впрочем, признаки перехода к единобрачию, по крайней мере в форме парного брака: когда молодой человек похитил или увел с помощью своих друзей девушку, они все поочередно вступают с нею в половое общение, но затем она признается женою того молодого человека, который организовал похищение. И, наоборот, если похищенная женщина убежит от мужа и ею завладеет другой мужчина, она становится женою последнего, а первый утрачивает свои права на нее. Наряду и внутри продолжающегося группового брака возникают, таким образом, исключительные отношения, соединение отдельных пар на более или менее продолжительное время, а наряду с этим и многоженство, так что и здесь групповой брак начинает отмирать, и вопрос лишь в том, что раньше сойдет со сцены под влиянием европейцев — групповой брак или австралийские негры, которые его придерживаются.

Брак целыми классами, как он господствует в Австралии, представляет собою, во всяком случае, весьма низкую и первоначальную форму группового брака, тогда как семья «пуналуа», насколько нам известно, является высшей ступенью его развития. Первый, по видимому, соответствует уровню общественного развития бродячих дикарей, вторая предполагает уже сравнительно устойчивые посе-

ления коммунистических общин и непосредственно ведет к следующей, более высокой ступени развития. Между обеими этими формами брака мы, без сомнения, обнаружим еще ряд промежуточных ступеней; здесь перед нами пока еще только открытая, едва затронутая область исследования.

3. *Парная семья.* Некоторое подобие парного брака, на более или менее продолжительный срок, имело место уже в групповом браке или еще раньше; мужчина имел главную жену (едва ли еще можно говорить о любимой жене) среди многих жен, и он был для нее главным мужем среди других. Это обстоятельство в значительной степени сбивало с толку миссионеров, которые усматривают в групповом браке то беспорядочную общность жен, то произвольное нарушение супружеской верности. Но такое основанное на обычае сочетание пар должно было все более и более упрочиваться, чем больше развивался род и чем многочисленнее становились классы «братьев» и «сестер», между которыми брак был теперь невозможен. Данный родом толчок к запрещению браков между кровными родственниками вел еще дальше. Так, мы находим, что у ирокезов и у большинства других стоящих на низшей ступени варварства индейцев брак воспрещен между *всеми* родственниками, которых насчитывает их система, а таковых несколько сот видов. При такой растущей запутанности запрещений брака групповые браки становились все более и более невозможными; они вытеснялись *парной семьей*. На этой ступени мужчина живет с одной женой, однако так, что многоженство и случайная неверность остаются правом мужчин, хотя первое, в силу экономических причин, редко имеет место; в то же время от женщины на все время сожителства требуется в большинстве случаев строжайшая верность, и за прелюбодеяние их карают жестоко. Брачные узы, однако, легко могут быть расторгнуты любой из сторон, а дети, как и прежде, принадлежат только матери.

В этом все дальше проводимом исключении кровных родственников из брачного союза тоже продолжает действовать естественный подбор. Как говорит Морган, «браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, порождали физически и умственно более крепкую расу; смешивались два прогрессирующих племени, у новых поколений череп и мозг естественно увеличивались, пока они не объединяли в себе способностей обоих племен». Племена с родовым строем должны были, таким образом, одержать верх над отставшими или своим примером увлечь их за собою.

Развитие семьи в первобытную эпоху состоит, следовательно, в постепенном суживании того круга, который первоначально охва-

тывает все племя и внутри которого господствует брачная общность между обоими полами. Путем последовательного исключения сперва более близких, затем все более отдаленных родственников, наконец даже просто свойственников, всякий вид группового брака становится, в конце концов, практически невозможным, и в результате остается одна брачная пара, пока еще непрочно соединенная, та молекула, с распадением которой прекращается брак вообще. Уже из этого видно, как мало общего имела с возникновением единобрачия индивидуальная половая любовь в современном смысле этого слова. Еще больше доказывает это практика всех народов, стоящих на этой ступени развития. Тогда как при прежних формах семьи у мужчин никогда не было недостатка в женщинах, а, напротив, их скорее было более чем достаточно, теперь женщины стали редки, и их приходилось искать. Поэтому со времени возникновения парного брака появляются похищение и покупка женщин, служащие широко распространенными *симптомами* — но все же не более как симптомами — происшедшей, лежащей гораздо глубже перемены; однако на основании этих симптомов, относящихся только к способам добывания жен, педантичный шотландец Мак-Леннан сочинил особые виды семьи — «брак умыканием» и «брак посредством купли». И в других случаях заключение брака у американских индейцев и у других племен (на той же ступени развития) совершается не самими заинтересованными лицами, которых часто и не спрашивают, а их матерями. Часто, таким образом, бывают просватаны двое совершенно не знакомых друг другу лиц, и им сообщают о заключенной сделке только тогда, когда наступает время для бракосочетания. Перед свадьбой жених делает подарки родичам невесты (т. е. ее родственникам со стороны матери, но не отцу и его родственникам); эти подарки считаются выкупом за уступаемую девушку. Брак может быть расторгнут по желанию каждого из супругов, но у многих племен, например у ирокезов, общественное мнение все более и более высказывается против такого расторжения брака; при раздорах между супругами посредническую роль берут на себя сородичи обеих сторон, и только в том случае, если их вмешательство не помогает, брак расторгается, причем дети остаются у жены, и обеим сторонам предоставляется право вступить в новый брак.

Парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая, чтобы вызвать потребность в собственном домашнем хозяйстве или только желание обзавестись им, отнюдь не упраздняет унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства. Но коммунистическое домашнее хозяйство

означает господство в доме женщин, так же как исключительное признание родной матери, при невозможности с уверенностью знать родного отца, означает высокое уважение к женщинам, т. е. к матерям. Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи просвещения XVIII столетия, является мнение, что будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. Женщина у всех диких и у всех варварских племен, стоявших на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение. Каково это положение еще при парном браке — может засвидетельствовать Артур Райт, проведенный много лет миссионером среди ирокезов племени сенека. Он говорит: «Что касается их семей, то в те времена, когда они еще жили в старых длинных домах (коммунистические хозяйства нескольких семейств)... там всегда преобладал один клан (род), так что женщины брали мужей из других кланов (родов)... Обычно господствовала в доме женская половина; запасы были общими; но горе тому несчастному мужу или любовнику, который был слишком ленив или неловок и не вносил своей доли в общий запас. Сколько бы ни было у него в доме детей и принадлежащего ему имущества, все равно он каждую минуту мог ждать приказа связать свой узел и убраться прочь. И он не смел даже пытаться оказать сопротивление; дом превращался для него в ад, ему не оставалось ничего другого, как вернуться в свой клан (род) или же вступить в новый брак в другом клане, что в большинстве случаев и происходило. Женщины были большой силой в кланах (родах), да и везде вообще. Случалось, что они не останавливались перед смещением вождя и разжалованием его в рядовые».

Коммунистическое домашнее хозяйство, в котором все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам, служит реальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины, открытие которого составляет третью заслугу Бахофена. В дополнение, замечу еще, что сообщения путешественников и миссионеров относительно того, что женщины у диких и варварских народов обременены чрезмерной работой, отнюдь не противоречат сказанному выше. Разделение труда между обоими полами обуславливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами. Народы, у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается по нашим представлениям, часто питают к женщинам гораздо больше подлинного уважения, чем наши европейцы. Дама эпохи цивилизации, которой

оказывают внешнее почтение и которой чужд всякий действительный труд, находится в бесконечно более низком общественном положении, чем выполняющая тяжелый труд женщина эпохи варварства, которая считалась у своего народа действительной дамой (lady, frowa, Frau — госпожа) и по характеру своего положения таковой и была.

Более обстоятельное изучение стоящих еще на высшей ступени дикости северо-западных и, в особенности, южно-американских народов должно решить вопрос, совершенно ли вытеснен теперь групповой брак в Америке парным браком. О последних рассказывают так много различных примеров разнузданности в половых сношениях, что здесь едва ли возможно допустить полное преодоление старого группового брака. Во всяком случае, еще не все его следы исчезли. По меньшей мере у сорока северо-американских племен мужчина, вступающий в брак со старшей сестрой, имеет право вять в жены также и всех ее сестер, достигших установленного возраста, — остаток общности мужей для целой группы сестер. А о жителях полуострова Калифорнии (высшая ступень дикости) Банкрофт рассказывает, что у них бывают празднества, на которые сходятся вместе несколько «племен» в целях беспорядочного полового общения. Это, очевидно, роды, которые в этих празднествах сохраняют смутное воспоминание о том времени, когда женщины одного рода имели своими общими мужьями всех мужчин другого рода, и наоборот. Такой же обычай господствует еще в Австралии. У некоторых народов более старые мужчины, вожди и колдуны-жрецы, используют общность жен в своих интересах и монополизируют большинство женщин в свою пользу, но за это они должны в определенные праздники и во время больших народных собраний допускать ранее существовавшую общность и позволять своим женам развлекаться с молодыми людьми. Целый ряд примеров таких периодических сатурналий, когда на короткий срок вновь вступает в силу старое свободное половое общение, приводит Вестермарк на стр. 28—29 своей книги: у племен го, сантал, пандша и котар в Индии, у некоторых африканских народов и т. д. Странным образом Вестермарк делает отсюда тот вывод, что это пережиток не группового брака, которого он не признает, а общего первобытному человеку с другими животными периода течки.

Мы подходим здесь к четвертому великому открытию Бахофена, к открытию широко распространенной переходной формы от группового брака к парному. То, что Бахофен изображает как искупление за нарушение старых заповедей богов, — искупление, ценой

которого женщина приобретает право на целомудрие, — в действительности представляет собою только мистическое выражение выкупа, которым женщина откупается от существовавшей в старые времена общности мужей и приобретает право отдаваться только *одному* мужчине. Этот выкуп состоит во временной отдаче себя: вавилонские женщины должны были раз в год отдаваться мужчинам в храме Милитты; другие народы Передней Азии посылали своих девушек на целые годы в храм Анаитис, где они должны были предаваться свободной любви со своими избранниками, прежде чем получить право на вступление в брак; подобные обычаи, облеченные в религиозную оболочку, встречаются почти у всех азиатских народов между Средиземным морем и Гангом. Искупительная жертва, играющая роль выкупа, становится с течением времени все легче, как это уже заметил Бахофен: «Ежегодно повторявшееся жертвоприношение уступает место жертве однократной, гетеризм замужних женщин заменяется гетеризмом девушек; вместо того, чтобы практиковать его во время брака, им занимаются до брака; вместо того, чтобы отдаваться без разбору всякому, отдаются только определенным лицам» («Mutterrecht» [«Материнское право»], стр. XIX). У других народов религиозная оболочка отсутствует: у некоторых — фракийцев, кельтов и др. в древности, у многих коренных обитателей Индии, у малайских народов, у тихоокеанских островитян и у многих американских индейцев еще в настоящее время — девушки пользуются до своего замужества величайшей половой свободой. Так преимущественно обстоит дело в Южной Америке почти всюду, что может засвидетельствовать каждый, кто проникал в глубь материка. Так Агассиз («A Journey in Brazil» [«Путешествие в Бразилию»], Boston and London, 1868, стр. 266) рассказывает следующее об одной богатой семье индейского происхождения. Когда он познакомился с дочерью, он спросил о ее отце, полагая, что это муж ее матери, который участвовал в это время в качестве офицера в войне с Парагваем, но мать с улыбкой ответила: *paõ tem pai; é filha da fortuna*, — у нее нет отца, она — случайное дитя. «Так всегда говорят индейские женщины и метиски без стыда и стеснения о своих внебрачных детях; и это вовсе не исключение, исключением, повидимому, является скорее обратное. Дети... часто знают только свою мать, потому что все заботы и ответственность падают на нее; о своем отце они ничего не знают, да и жене, повидимому, никогда не приходит в голову, что она или ее дети имеют к нему какие-либо притязания». То, что здесь цивилизованному человеку представляется странным, согласно материнскому праву

и при существовании группового брака является попросту общим правилом.

У других же народов друзья и родные жениха или свадебные гости предъявляют во время самой свадьбы унаследованное от древних времен право на невесту, причем жених оказывается последним в очереди; так было в древности на Балеарских островах и у африканских авгилов, а у бареа в Абиссинии практикуется и в настоящее время. У других народов опять-таки какое-нибудь должностное лицо, предводитель племени или рода, касик, шаман, жрец, князь, или как бы он ни назывался, является представителем общины и осуществляет у невесты право первой ночи. Вопреки всем новоромантическим усилиям смягчить этот факт, это *jus primae noctis* [право первой ночи] существует еще и поныне как пережиток группового брака у большинства обитателей Аляски (Банкрофт. «Native Races» [«Туземные племена»], I, 81), у таху в Северной Мексике (там же, стр. 584) и у других народов; и оно существовало, — по крайней мере в странах, которые были первоначально кельтскими, где оно осталось непосредственно от группового брака, — в течение всего средневековья, например в Арагоне. В то время как в Кастилии крестьянин никогда не был крепостным, в Арагоне царил гнуснейшее крепостное право вплоть до декрета Фердинанда Католика от 1486 г. В этом документе сказано: «Мы постановляем и объявляем, что вышеупомянутые господа (*senyors*, бароны)... не имеют также права, когда крестьянин берет себе жену, спать с нею первую ночь или, в знак своего господства, переступать в свадебную ночь, когда жена ляжет в постель, через эту постель и упомянутую женщину; не имеют также права вышеупомянутые господа пользоваться дочерью или сыном крестьянина против их воли, будь то за плату или без платы». (Цитировано по каталонскому оригиналу у *Sugenheim*, «*Leibeigenschaft*», Petersburg [Зугенгейм, «Крепостное право», Петербург], 1861, стр. 35.)

Бахофен, далее, безусловно прав, когда настойчиво утверждает, что переход от того, что он называет «гетеризмом» или «*Sumpfzeugung*», к единобрачию совершился главным образом благодаря женщинам. Чем больше с развитием экономических условий жизни, с разложением, следовательно, первобытного коммунизма и увеличением плотности населения унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой наивный, первобытный характер, тем больше они должны были казаться женщинам унижительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или длитель-

ный брак лишь с одним мужчиной. От мужчин этот прогресс не мог исходить уже потому, что им вообще никогда, даже вплоть до настоящего времени, не приходило в голову отказываться от удобства фактического группового брака. Только после того как женщинами был осуществлен переход к парному браку, мужчины смогли ввести строгую моногамию, — разумеется, только для женщин.

Парная семья возникла на рубеже между дикостью и варварством, большей частью уже на высшей ступени дикости, в отдельных случаях только на низшей ступени варварства. Это — характерная форма семьи для периода варварства, как групповой брак — для дикости, а моногамия — для цивилизации. Для того чтобы парная семья развилась дальше в прочную моногамию, нужны были другие причины, кроме действовавших до сих пор. Группа была сведена в парном браке к своей последней единице, ее двухатомной молекуле, к одному мужчине и одной женщине. Естественный подбор завершил свое дело путем все дальше проводимых изъятий из брачного общения; в этом направлении для него уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, не начали действовать новые *общественные* движущие силы, то не было бы причины, в силу которой из парного брака должна была бы возникнуть новая форма семьи. Но такие движущие силы появились и стали действовать.

Мы покидаем теперь Америку, эту классическую почву парной семьи. Нет таких признаков, которые позволяли бы заключить, что здесь развилась более высокая форма семьи, что здесь до открытия и завоевания когда-либо существовала где-нибудь прочная моногамия. Другое дело — в Старом свете.

Здесь приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения. Вплоть до низшей ступени варварства постоянное богатство состояло почти только из жилища, одежды, грубых украшений и орудий для добывания и приготовления пищи: лодки, оружия, домашней утвари простейшего вида. Пищу приходилось изо дня в день добывать вновь. Теперь же развивающиеся пастушеские народы, — арийцы в индийском Пятиречьи и в области Ганга, а также в еще гораздо более богатых в ту пору водою степях бассейна Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, семиты по Евфрату и Тигру, — приобрели в стадах лошадей, верблюдов, ослов, рогатого скота, овец, коз и свиней имущество, которое требовало только надзора и самого примитивного ухода, для того чтобы оно размножалось все в большем и большем количестве и доставляло обильнейшую молочную и мясную пищу. Все прежние способы добы-

вания пищи отступили теперь на задний план; охота, бывшая раньше необходимостью, стала теперь роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство? Первоначально, несомненно, роду. Однако уже рано должна была развиться частная собственность на стада. Трудно сказать, был ли в глазах автора так называемой первой книги Моисея патриарх Авраам владельцем своих стад в силу собственного права, как глава семейной общины, или же в силу своего положения фактически наследственного главы рода. Несомненно лишь то, что мы не должны представлять его себе собственником в современном смысле этого слова. Столь же несомненно, далее, что в самом начале достоверной истории мы всюду находим стада в обособленном владении глав семейств, совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов.

Дело в том, что теперь изобретено было также и рабство. На низшей ступени варварства раб был бесполезен. Поэтому американские индейцы обращались с побежденными врагами совсем не так, как с ними поступали на более высокой ступени. Мужчин они убивали или же принимали как братьев в племя победителей; женщин они брали в жены или, иначе говоря, также принимали их в число членов своего племени вместе с их уцелевшими детьми. Рабочая сила человека на этой ступени еще не дает заметного избытка над расходами по ее содержанию. С введением скотоводства, обработки металлов, ткачества и, наконец, обработки полей положение изменилось. Подобно тому как жены, которых раньше добывать было так легко, стали теперь меновой стоимостью и предметом купли, точно так же случилось и с рабочей силой, в особенности после того, как стада окончательно перешли во владение семьи. Семья размножалась не так быстро, как скот. Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться военнопленным врагом, который к тому же мог размножаться, как тот же скот.

Переход таких богатств в частное владение отдельных семей и их быстрый рост нанес сильнейший удар обществу, основанному на парном браке и на материнском праве. Парный брак ввел в семью новый элемент. Рядом с родной матерью он поставил достоверного родного отца, который, к тому же, вероятно, был даже более достоверен, чем иные современные «отцы». Согласно существовавшему тогда разделению труда в семье, на долю мужа выпадало добывание пищи и необходимых для этого орудий труда, следовательно

и право собственности на последние; в случае расторжения брака он брал их с собою, а за женой оставалась ее домашняя утварь. В силу обычая тогдашнего общества муж был поэтому также собственником нового источника пищи — скота, а впоследствии и нового орудия труда — рабов. Но по обычаю того же общества его дети не могли ему наследовать, так как с наследованием дело обстояло следующим образом.

Согласно материнскому праву, следовательно до тех пор, пока происхождение считалось только по женской линии, и согласно первоначальному порядку наследования, умершему члену рода наследовали его сородичи. Имущество должно было оставаться в роде. При незначительном количестве входящих в его состав предметов, оно на практике, вероятно, всегда переходило к ближайшим сородичам, следовательно — к кровным родственникам со стороны матери. Но дети умершего мужчины принадлежали не к его роду, а к роду своей матери; они наследовали матери первоначально вместе с остальными ее кровными родственниками, позднее, возможно, — в первую очередь; но своему отцу они не могли наследовать, так как не принадлежали к его роду, в котором его имущество должно было оставаться. Таким образом, после смерти владельца стада его стада должны были переходить прежде всего к его братьям и сестрам и к детям его сестер или же к потомству сестер его матери. Его собственные дети оказывались лишенными наследства.

Таким образом, по мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и порождали, с другой стороны, стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить обычный порядок наследования в пользу своих детей. Но это не удавалось, пока происхождение устанавливалось по материнскому праву. Последнее надо было отменить, и оно было отменено. Это было совсем не так трудно, как это нам теперь представляется. Ведь эта революция, будучи одной из самых радикальных революций, пережитых человечеством, не должна была касаться ни одного из живых членов рода. Все его члены могли оставаться тем, чем они были раньше. Достаточно было простого решения, что на будущее время потомство мужских членов рода должно оставаться в нем, тогда как потомство женщин должно быть исключено из него и перейти в род своего отца. Этим отменялось определение происхождения по женской линии и наследование по материнскому праву и вводилось определение происхождения по мужской линии и право наследования по отцу. Мы ничего не знаем о том, как и когда эта революция про-

изошла у культурных народов. Она целиком относится к доисторической эпохе. Но что такая революция *произошла*, более чем достаточно доказано собранными именно Бахофеном многочисленными остатками материнского права; как легко она совершается, мы видим у целого ряда индейских племен, где она произошла только недавно и еще происходит под влиянием отчасти растущего богатства и изменившегося образа жизни (переселение из лесов в степи), отчасти под моральным воздействием цивилизации и миссионеров. Из восьми племен бассейна Миссури шесть ведут происхождение и признают наследование по мужской линии и два еще по женской линии. У племен шоуни, майами и делаваров укоренился обычай называть детей одним из родовых имен отцовского рода и таким путем приобщать их к отцовскому роду, чтобы они могли наследовать своему отцу. «Врожденная человеку казуистика — изменять вещи, меняя их название, и находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением!» (*Маркс*). Из-за этого происходила безнадежная путаница, которая могла быть устранена и действительно отчасти была устранена переходом к отцовскому праву. «Этот переход вообще кажется самым естественным» (*Маркс*). Что могут сказать нам специалисты по сравнительному правоведению относительно того, как совершался этот переход у культурных народов Старого света, — конечно, почти только гипотезы, — об этом см. *М. Ковалевский*, «Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété» [«Очерк происхождения и развития семьи и собственности»], Stockholm, 1890.

Ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, рабу его похоти, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, как оно особенно обнаруживается у греков героической и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено.

Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин проявляется в возникающей теперь промежуточной форме патриархальной семьи. Она означает главным образом не многоженство, о котором ниже, а «организацию некоторого числа свободных и несвободных лиц в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи. У семитов этот глава семьи живет в многоженстве, несвободные имеют жен и детей, а цель всей организации состоит в

уходе за стадами в пределах определенной территории». Существенным является включение в состав семьи несвободных и отцовская власть; поэтому законченным типом этой формы семьи служит римская семья. Слово familia [семья] первоначально означает не идеал современного филистера, состоящий из сентиментальности и домашней грызни; у римлян оно первоначально даже не относится к супругам и их детям, а только к рабам. Famulus значит домашний раб, а familia — все рабы, принадлежащие одному человеку. Еще во времена Гая familia [семья], id est patrimonium [т. е. наследство], передавалась по завещанию. Выражение это было придумано римлянами для обозначения нового общественного организма, глава которого был господином жены и детей и некоторого числа рабов, располагая в силу римской отцовской власти по отношению ко всем им правом жизни и смерти. «Таким образом, это слово не старшесодетой в железную броню семейной системы латинских племен, возникшей после введения обработки полей и узаконения рабства и отделения арийских италиков от греков». Маркс к этому прибавляет: «Современная семья содержит в зародыше не только рабство (servitus), но и крепостничество, так как она с самого начала имеет отношение к земледельческим повинностям. Она содержит в миниатюре все противоположности, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве».

Такая форма семьи означает переход от парного брака к моногамии. Чтобы обеспечить верность жены, а следовательно и происхождение детей от определенного отца, жена отдается в безусловную власть мужа; если он ее убивает, он только осуществляет свое право.

С патриархальной семьей мы вступаем в область писанной истории и вместе с тем в ту область, где сравнительное правоведение может оказать нам значительную помощь. И действительно, оно привело здесь к значительному шагу вперед. Мы обязаны Максиму Ковалевскому («Tableau etc. de la famille et de la propriété» [«Очерк происхождения и развития семьи и собственности»], Stockholm, 1890, стр. 60—100) доказательством того, что патриархальная большая семья (patriarchalische Hausgenossenschaft), какую мы теперь еще встречаем в Сербии и Болгарии под названием «задруга» (означает примерно содружество) или «братство» и в видоизмененной форме у восточных народов, явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира. По крайней мере для культурных народов Старого света, для арийцев и семитов, это представляется доказанным.

Юго-славянская задруга представляет собою наилучший живой образец такой семейной общины. Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (домачина), который представляет ее перед внешним миром, имеет право отчуждать мелкие предметы, ведет кассу и несет ответственность как за нее, так и за правильный ход всего хозяйства. Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старейшим. Женщины и их работы подчинены руководству домохозяйки (домачицы), которой обыкновенно бывает жена домачина. Она также играет важную, часто решающую роль при выборе мужей для девушек общины. Но высшая власть в общине сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин. Перед этим собранием отчитывается домохозяин; оно принимает окончательные решения, чинит суд над членами, выносит постановления о более значительных покупках и продажах, а именно земли и т. п.

Только около десяти лет тому назад было доказано существование таких больших семейных общин и в России; теперь все признают, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община. Они упоминаются в древнейшем русском своде законов, в «Правде» Ярослава, под тем же самым названием (вервь), как в далматских законах; их можно также найти в польских и чешских исторических источниках.

Согласно Гейслеру («Institutionen des deutschen Rechts» [«Учреждения германского права»]), и у германцев хозяйственной единицей первоначально служит не отдельная семья в современном смысле, а большая семья («Hausgenossenschaft»), состоящая из нескольких поколений или из отдельных семей и притом довольно часто включающая в свой состав и несвободных. Римская семья также сводится к этому типу, и в соответствии с этим в последнее время подвергают сильному сомнению как абсолютную власть домохозяина, так и бесправие по отношению к нему остальных членов семьи. У кельтов также, повидимому, существовали подобные семейные общины в Ирландии; во Франции они удержались в Ниверне до Великой революции под названием *raçonneries*, а во Франконтэ они и до настоящего времени еще не совсем исчезли. В районе Луана [Louhans] (департамент Соны и Луары) встречаются большие крестьянские дома с общим высоким,ходящим до самой крыши центральным залом и расположенными вокруг него спальнями,

в которые поднимаются по лестницам в 6—8 ступенек и где живет несколько поколений одной и той же семьи.

В Индии большая семья с совместной обработкой земли упоминается уже у Непарха в эпоху Александра Великого и существует до сих пор в той же местности, в Пенджабе, и на всем северо-западе страны. На Кавказе Ковалевский сам мог доказать ее существование. В Алжире она еще существует у кабиллов. Она встречалась, повидимому, даже в Америке; ее находят в «calpulli»¹, которую Сурита описывает в старой Мексике; напротив, Кунов («Ausland» № 42—44, 1890) довольно ясно доказал, что в Перу во время его завоевания существовало нечто вроде марки (причем замечательно, что эта марка также называлась *mapca*) с периодическими переделами обработанной земли, следовательно с индивидуальной обработкой земли.

Во всяком случае патриархальная большая семья с общинным землевладением и совместной обработкой приобретает теперь совсем не то значение, что раньше. Мы уже не можем подвергать сомнению важную переходную роль, которую она играла у культурных и некоторых других народов Старого света в период между матриархальной и индивидуальной семьей. В последующем изложении мы еще вернемся к сделанному Ковалевским дальнейшему выводу, что она была также переходной ступенью, из которой развилась сельская община или марка с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов.

Относительно семейной жизни внутри этих больших семей следует заметить, что, по крайней мере, в России об отцах семейств известно, что они сильно злоупотребляют своим положением по отношению к молодым женщинам общины, особенно к своим снохам, из которых часто образуют гарем; русские народные песни весьма красноречивы на этот счет.

Прежде чем перейти к моногамии, быстро развивающейся с падением материнского права, скажем еще несколько слов о многоженстве и многомужестве. Обе эти формы брака могут быть только исключениями, так сказать историческими предметами роскоши, за исключением разве случая, когда бы они в какой-либо стране встречались рядом одна с другой, чего, как известно, не бывает. Так как, следовательно, исключенные из многоженства мужчины не могли искать утешения у женщин, оставшихся излишними от много-

¹ Calpulli — семейная община ацтеков. *Ред.*

мужества, число же мужчин и женщин, независимо от социальных учреждений, до сих пор было почти одинаковым, то ни та, ни другая форма брака не могла стать общепризнанной. Действительно, многоженство мужчины было, очевидно, результатом рабства и было доступно только отдельным лицам, занимавшим исключительное положение. В семитической патриархальной семье в многоженстве живет только сам патриарх и, самое большее, некоторые из его сыновей, остальные должны довольствоваться одной женой. Так обстоит дело еще в настоящее время по всему Востоку; многоженство — привилегия богатых и знатных и жены достаются главным образом путем покупки рабынь; масса народа живет в моногамии. Такое же исключение представляет многомужество в Индии и Тибете; его, несомненно, небезынтересное происхождение из группового брака еще подлежит более тщательному изучению. Впрочем, в своей практике многомужество, повидимому, гораздо более терпимо, чем ревнивый режим магометанских гаремов. Так, по крайней мере, у наиров в Индии каждые трое, четверо и более мужчин имеют, правда, одну общую жену, однако каждый из них может наряду с этим иметь совместно с другими тремя и более мужчинами вторую жену, потом третью, четвертую и т. д. Удивительно, что Мак-Леннан, описывая эти брачные клубы, члены которых могут одновременно состоять в нескольких клубах, не открыл новой категории *клубного брака*. Этот обычай брачных клубов отнюдь, впрочем, не является полным многомужеством; напротив, как уже заметил Жиро-Талон, это просто особая (*spezialisierte*) форма группового брака; мужчины живут в многоженстве, женщины — в многомужестве.

4. *Моногамная семья*. Она возникает из парной семьи, как выяснено выше, на рубеже между средней и высшей ступенью варварства; ее окончательная победа служит одним из признаков начала цивилизации. Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети в качестве прямых наследников должны наследовать имущество отца. Она отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон. Теперь уже, по общему правилу, только муж может их расторгнуть и развестись со своей женой. Право на супружескую неверность остается обеспеченным за ним и теперь, по крайней мере, обычаем (*Code Napoléon* определенно предоставляет такое право мужу, пока он не вводит сожительницу под семейный кров), и по мере дальнейшего общественного развития

оно осуществляется все шире; если же жена вспомнит о былой половой практике и вздумает вернуться к ней, то подвергается более строгой каре, чем когда-либо.

Во всей своей суровости новая форма семьи выступает перед нами у греков. Тогда как, по замечанию Маркса, положение богинь в мифологии рисует нам более ранний период, когда женщины пользовались еще более свободным и почетным положением, мы в героический период застаем женщину уже приниженной господством мужчины и конкуренцией рабынь. Достаточно прочесть в «Одиссее», как Телемак обрывает свою мать и заставляет ее молчать. Захваченные в плен молодые женщины становятся у Гомера жертвой чувственности победителей: военачальники поочереды и в соответствии со своим рангом выбирают самых красивых из них; вся «Илиада», как известно, построена на споре между Ахиллесом и Агамемноном из-за такой рабыни. При каждом сколько-нибудь значительном гомеровском герое упоминается захваченная в плен девушка, с которой он делит палатку и ложе. Этих девушек берут также с собою на родину и в супружеский дом, как, например, у Эсхила Агамемнон поступает с Кассандрой; прижитые с такими рабынями сыновья получают небольшую долю отцовского наследства и признаются свободными гражданами; Тевкр является таким внебрачным сыном Теламона и может называть себя по отцу. От законной жены требуется, чтобы она со всем этим мирилась, сама же строго соблюдала целомудрие и супружескую верность. Хотя греческая женщина героической эпохи пользуется большим уважением, чем женщина эпохи цивилизации, все же она, в конце концов, служит для мужчины только матерью его законных детей, его главной домоправительницей и надсмотрщицей над рабынями, которых он по своему усмотрению может делать и действительно делает своими наложницами. Существование рабства рядом с моногамией, присутствие молодых красивых рабынь, находящихся в полном распоряжении *мужчины*, придавало моногамии с самого начала ее специфический характер, сделав ее моногамией *только для женщины*, но не для мужчины. Такой характер она сохраняет и в настоящее время.

У позднейших греков следует проводить различие между дорянами и ионянами. У первых, классическим образцом которых служит Спарта, существуют брачные отношения во многом еще более архаические, чем изображенные у Гомера. В Спарте существует парный брак, видоизмененный государством в соответствии с местными воззрениями и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак. Бездетные браки расторгаются: царь Анаксандрид (за 650 лет

до нашей эры), имевший бездетную жену, взял вторую и держал два хозяйства; около того же времени царь Аристон, у которого были две бесплодные жены, взял третью, но зато отпустил одну из первых. С другой стороны, несколько братьев могли иметь общую жену; человек, которому правилась жена его друга, мог делить ее с ним, и признавалось приличным предоставлять свою жену в распоряжение здорового «жеребца», как выразился бы Бисмарк, даже если тот не принадлежал к числу сограждан. Из одного места у Плутарха, где спартанка направляет к своему мужу поклонника, который домогается ее любви, можно заключить — согласно Шёману — о еще большей свободе нравов. Действительное нарушение супружеской верности, неверность жен за спиной мужа, было поэтому неслыханным делом. С другой стороны, Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашних рабов, крепостные илоты жили обособленно в имениях, поэтому у спартиатов было меньше соблазна пользоваться их женщинами. Естественно поэтому, что в силу всех этих условий женщины в Спарте занимали гораздо более почетное положение, чем у остальных греков. Спарганские женщины и избранная часть афинских гетер были в Греции единственными женщинами, о которых древние говорят с уважением и мнения которых они признают заслуживающими упоминания.

Совершенно иное положение у ионян, для которых характерны Афины. Девушек учили лишь прясть, ткать и шить, самое большее — немного читать и писать. Они жили почти затворницами, пользовались обществом лишь других женщин. Помещение для женщин находилось в обособленной части дома, в верхнем этаже или во флигеле, куда мужчины, в особенности чужие, не легко проникали и куда женщины удалялись при посещении дома мужчинами. Женщины не выходили из дома без сопровождения рабыни; дома они буквально были под стражей; Аристофан упоминает о молосских собаках, которых держали для устрашения нарушителей супружеской верности, а в азиатских городах для надзора за женщинами держали евнухов, которые уже во время Геродота фабриковались на о. Хиосе для продажи и, согласно Вакмуту, не для одних только варваров. У Эврипида жена обозначается словом *sikurena*, как вещь для работы по хозяйству (слово это среднего рода), и для афинянина она действительно была, помимо деторождения, не чем иным, как старшей служанкой. Муж предавался своим гимнастическим упражнениям, общественным делам, от участия в которых жена была отстранена; он, кроме того, имел еще часто к своим услугам рабынь, а в период расцвета Афин — широко распространенную проституцию, которой,

во всяком случае, покровительствовало государство. Именно на почве этой проституции развились в Греции единственные выдающиеся женщины, которые своим умом и художественным вкусом так же возвышались над общим уровнем женщин древности, как спартанки своим характером. Но то обстоятельство, что нужно было сперва сделаться гетерой, чтобы стать женщиной, служит самым строгим осуждением афинской семьи.

Эта афинская семья с течением времени сделалась образцом, по которому устраивали свой домашний быт не только остальные ионяне, но постепенно и все греки материка и колоний. Однако, вопреки всему этому затворничеству и надзору, гречанки довольно часто находили случай обмалывать своих мужей, а последние, стыдившиеся обнаружить хотя бы какое-нибудь чувство любви к своим женам, всячески развлекались любовными похождениями с гетерами; но унижение жен мстило за себя и унижало самих мужчин, пока они, в конце концов, не погрязли в противоестественной любви к мальчикам и не опозорили своих богов, так же как и самих себя, мифом о Ганпимеде.

Таково было происхождение моногамии, насколько мы можем проследить его у самого цивилизованного и наиболее развитого народа древности. Оно отнюдь не было плодом индивидуальной половой любви, с историей оно не имело абсолютно ничего общего, так как браки попрежнему оставались браками по расчету. Оно было первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия, именно победа частной собственности над первоначальной, естественно выросшей общей собственностью. Господство мужа в семье и рождение детей, которые могли быть только от него и должны были наследовать его имущество, — такова была исключительная цель индивидуального брака, открыто признававшаяся греками. Вообще же он был для них бременем, обязанностью по отношению к богам, государству и собственным предкам, которую приходилось выполнять. В Афинах закон предписывал не только вступление в брак, но и выполнение мужчиной определенного минимума так называемых супружеских обязанностей.

Таким образом, индивидуальный брак появляется в истории отнюдь не в качестве примирения между мужчиной и женщиной и еще меньше в качестве высшей формы брака. Напротив. Он означает порабощение одного пола другим, провозглашение неведомой до тех пор во всей предыдущей истории взаимной враждебности полов. В одной старой, ненапечатанной рукописи, составленной Марксом и мною в 1846 г., я нахожу следующие слова: «Первое разделение

труда было между мужчиной и женщиной для производства детей». К этому я могу теперь добавить: первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой в индивидуальном браке, а первый классовый гнет совпадает с порабощением женского пола мужским. Индивидуальный брак был крупным историческим прогрессом, но вместе с тем он открывает, наряду с рабством и частным богатством, ту продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и оттеснения других. Это та клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развивающихся внутри последнего противоположностей и противоречий.

Старая относительная свобода половых отношений отнюдь не исчезла с победой парного или даже индивидуального брака. «Старая система брака, введенная в более тесные границы постепенным вымиранием групп «пуналуа», все еще служила той средой, в которой развивалась семья, и тормозила ее развитие вплоть до возникновения цивилизации... она исчезла, наконец, в новой форме гетеризма, которая и в цивилизации преследует людей, точно мрачная тень, лежащая на семье». Под гетеризмом Морган понимает существующее *наряду с индивидуальным браком* внебрачное половое общение мужей с незамужними женщинами, которое, как известно, процветает в самых различных формах на протяжении всего периода цивилизации и все более и более превращается в явную проституцию. Этот гетеризм ведет свое происхождение непосредственно от группового брака, от искупительной жертвы женщин, которой они покупали себе право на целомудрие. Отдача себя за деньги была первоначально религиозным актом; она происходила в храме богини любви, и деньги шли сперва в сокровищницу храма. Геродоты [рабыни, прислуживавшие в храмах] Анаитис в Армении, Афродиты в Коринфе, а также состоявшие при храмах священные танцовщицы Индии, так называемые баядерки (искаженное португальское *bailadeira* — танцовщица), были первыми проститутками. Отдача себя мужчинами, бывшая первоначально обязанностью каждой женщины, впоследствии практиковалась только этими жрицами, замещавшими всех остальных. У других народов гетеризм ведет свое происхождение от предоставлявшейся девушкам до брака половой свободы, — также, следовательно, является остатком группового брака, только дошедшим до нас другим путем. С появлением имущественного неравенства, т. е. уже на высшей ступени варварства,

появляется местами, наряду с рабским трудом, и труд наемный и одновременно, как необходимый его спутник, профессиональная проституция свободных женщин рядом с принудительной отдачей себя рабынь. Таким образом, наследство, завещанное групповым браком цивилизации, двойственно, как и все, что порождено цивилизацией, — двойственно, двусмысленно, раздвоено, противоречиво; с одной стороны — моногамия, а с другой — гетеризм вместе с его крайней формой — проституцией. Гетеризм — ведь это такое же общественное учреждение, как и всякое другое; он обеспечивает дальнейшее существование старой половой свободы в пользу мужчин. На деле не только терпимый, но и свободно практикуемый, особенно господствующими классами, гетеризм осуждается на словах. Но это осуждение на самом деле направляется не против причастных к нему мужчин, а только против женщин; их презирают и выбрасывают из общества, чтобы, таким образом, снова провозгласить, как основной закон общества, безусловное господство мужчин над женским полом.

Но вместе с этим развивается второе противоречие внутри самой моногамии. Рядом с мужем, скрашивающим свое существование гетеризмом, стоит покинутая жена. Одна сторона противоречия немислима без другой, как немислимо сохранить в руке целое яблоко, съев перед тем его половину. Однако не таково, повидимому, было мнение мужчин, пока жены не вразумили их. Вместе с индивидуальным браком появляются два неизменных, ранее неизвестных характерных общественных типа: постоянный любовник жены и муж-рогоносец. Мужчины одержали победу над женщинами, но увенчать победителей великодушно взялись побежденные. Рядом с индивидуальным браком и гетеризмом неустранимым общественным явлением сделалось и прелюбодеяние, запрещенное, строго наказуемое, но неискоренимое. Достоверность происхождения детей от законного отца, как и раньше, основывалась самое большее на нравственном убеждении, и, чтобы разрешить неразрешимое противоречие, кодекс Наполеона ввел ст. 312: «L'enfant conçu pendant le mariage a pour père le mari»: отцом ребенка, зачатого во время брака, является муж. Таков конечный результат трех тысяч лет существования индивидуального брака.

Таким образом, в тех случаях, когда индивидуальная семья остается верна своему историческому происхождению и когда в силу исключительного господства мужа получает ясное выражение конфликт между мужчиной и женщиной, эта индивидуальная семья дает нам в миниатюре картину тех же антагонизмов и противоречий,

в которых идет жизнь общества, разделенного со времени цивилизации на классы, общества, которое не в состоянии разрешить и преодолеть эти противоречия и антагонизмы. Я говорю здесь, разумеется, лишь о тех случаях индивидуального брака, когда супружеская жизнь действительно протекает согласно предписаниям первоначального характера этого учреждения, но когда жена восстает против господства мужа. Что не все браки так протекают, об этом никто не знает лучше немецкого филистера, который так же не умеет обеспечить за собою господство в доме, как и в государстве, и его жена поэтому с полным правом берет в свои руки бразды правления, которые ему не по плечу. Но ему, тем не менее, кажется, что он гораздо выше своего французского товарища по несчастью, которому чаще, чем ему самому, приходится куда хуже.

Впрочем, индивидуальная семья отнюдь не везде и не во всякое время принимала такую классически резкую форму, какую она имела у греков. У римлян, которые в качестве будущих завоевателей мира обладали более широким, хотя и менее утонченным взглядом, чем греки, жена пользовалась большей свободой и уважением. Римлянин считал, что супружеская верность достаточно обеспечена предоставленной ему властью над жизнью и смертью его жены. Кроме того, жена могла здесь наравне с мужем при желании расторгнуть брак. Но наибольший прогресс в развитии индивидуального брака, несомненно, совершился с выступлением на исторической арене германцев, именно потому, что у них, вероятно ввиду их бедности, моногамия, повидимому, в то время еще не вполне развилась из парного брака. Мы приходим к этому заключению на основании следующих трех обстоятельств, упоминаемых Тацитом. Во-первых, при всей святости брака, — «они довольствуются одной женой, женщины живут огражденные целомудрием», — у них все же имело распространение многоженство среди знати и племенных вождей, подобно тому, что мы встречали у американцев, у которых существовал парный брак. Во-вторых, переход от материнского права к отцовскому мог совершиться у них только незадолго перед тем, так как брат матери — ближайший сородич мужского пола по материнскому праву — признавался еще у них чуть ли не более близким родственником, чем собственный отец; это также соответствует точке зрения американских индейцев, у которых Маркс, как он часто говорил, нашел ключ к пониманию нашего собственного прошлого. Наконец, в-третьих, женщины у германцев пользовались большим уважением и значительным влиянием на общественные дела, что стоит в прямом противоречии с отличающим моногамию

господством мужчин. Почти во всем этом германцы не отличаются от спартанцев, у которых, как мы видели, парный брак также не вполне еще был изжит. Таким образом, и в этом отношении вместе с германцами приобрел мировое господство совершенно новый элемент. Новая моногамия, развившаяся на развалинах римского мира после смешения народов, облекла власть мужа в более мягкие формы и дала женщинам, по крайней мере с внешней стороны, более почетное и свободное положение, какого никогда не знала классическая древность. Только в силу этого могли создаться условия для развития из моногамии — внутри ее, наряду с нею и вопреки ей, смотря по обстоятельствам, — величайшего нравственного прогресса, которым мы ей обязаны: современной индивидуальной половой любви, которая предыдущей истории была неизвестна.

Этот прогресс, однако, несомненно был вызван тем обстоятельством, что германцы переживали еще период парной семьи и перенесли в моногамию, насколько это представлялось возможным, соответствующее первой положение женщины, а отнюдь не каким-то сказочным, чудесным предрасположением германцев к чистоте нравов, которое в сущности сводится к тому, что парный брак в действительности свободен от реактивных нравственных противоречий, присущих моногамии. Напротив, нравы германцев в период переселений, в особенности на юго-восток, к степным черноморским кочевникам, глубоко пали, и они восприняли у последних, кроме их искусства верховой езды, также и отвратительные противоестественные пороки, о чем определенно свидетельствует Аммиан относительно тайфалов и Прокопий — относительно герулов.

Но если из всех известных форм семьи моногамия была единственной формой, при которой могла развиваться современная половая любовь, то это не значит, что последняя развилась в ней исключительно или преимущественно как любовь супругов друг к другу. Самая природа прочного индивидуального брака с господством мужа исключала это. У всех исторически активных, т. е. у всех господствующих классов, заключение брака оставалось тем, чем оно было со времени парного брака, — сделкой, которую устраивали родители. И первая появившаяся в истории форма половой любви, как страсть, и притом доступная каждому человеку (по крайней мере, из господствующих классов), как высшая форма полового влечения, — что и составляет ее специфический характер, — эта первая ее форма, рыцарская любовь средних веков, отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот! В своем классическом виде, у провансальцев, рыцарская любовь прямо стремится к нарушению супру-

жеской верности, и поэты это воспевают. Цвет провансальской поэзии любви составляли «альбы» (albas), [т. е. песни зари] ¹. Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели своей красотки, чужой жены, а снаружи стоит страж, который возвещает рыцарю о наступлении рассвета (alba), чтобы он мог ускользнуть незамеченным; сцена расставания — самый яркий момент в песне. Французы севера, а равным образом и brave немцы тоже усвоили этот род поэзии вместе с соответствующей ему манерой рыцарской любви, а наш старый Вольфрам фон-Эшенбах оставил три чудесные песни на ту же щекотливую тему, которые мне нравятся больше, чем его три длинные героические поэмы.

Вступление в брак в современной нам буржуазной среде происходит двояким образом. В католических странах родители по-прежнему подыскивают юному буржуазному сынку подходящую жену, и, разумеется, в результате этого происходит наиболее полное развитие присущего моногамии противоречия: пышный расцвет гетеризма со стороны мужа, пышный расцвет супружеской неверности со стороны жены. Католическая церковь, надо думать, отменила развод, лишь убедившись, что против супружеской неверности, как против смерти, нет никаких лекарств. В протестантских странах, напротив, молодому человеку из буржуазной среды, по общему правилу, предоставляется большая или меньшая свобода в выборе жены из своего класса; поэтому для заключения брака может служить поводом некоторая степень любви, как это, приличия ради, постоянно и предполагается в духе протестантского лицемерия. Здесь гетеризм практикуется мужем не столь энергично, а неверность жены встречается не так часто. Но так как при каждой форме брака люди остаются тем же, чем были до него, а граждане протестантских стран в большинстве своем филистеры, то эта протестантская моногамия, даже если брать лучшие случаи, все же приводит в среднем только к невыносимо скучному супружескому сожительству, которое называют семейным счастьем. Лучшим зеркалом обоих этих видов брака служит роман: для католического — французский, для протестантского — немецкий. В том и другом «он получает»: в немецком молодой человек — девушку, во французском муж — рога. Не всегда при этом ясно, кто из них оказывается в худшем положении. Поэтому-то скука немецкого романа ужасает французского буржуа не менее, чем «безнравственность» французского романа — немецкого филистера. Впрочем, в последнее время, с тех

¹ По-немецки Tagelieder. *Ред.*

пор как «Берлин становится мировым городом», немецкий роман начинает менее робко говорить о давно хорошо известном там гетеризме и супружеской неверности.

Но и в том и в другом случае брак обуславливается классовым положением сторон и поэтому всегда бывает браком по расчету. Этот брак по расчету в обоих случаях довольно часто обращается в самую откровенную проституцию — иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем, что отдает в наем свое тело не сдельно, как наемная работница, а раз навсегда продает его в рабство. И ко всем бракам по расчету относятся слова Фурье: «Как в грамматике два отрицания дают одно утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель». Половая любовь может стать правилом в отношениях к женщине и действительно им становится только среди угнетенных классов, следовательно в настоящее время — в среде пролетариата, независимо от того, официально признаны или не признаны эти отношения. Но в таких случаях бывают устранены также все основы классической моногамии. Здесь нет никакой собственности, для сохранения и наследования которой как раз и созданы моногамия и господство мужчин; здесь нет поэтому никакого побуждения для осуществления господства мужчин. Более того, здесь нет и средств для этого: гражданское право, которое охраняет это господство, существует только для имущих и для их взаимоотношений с пролетариями; оно стоит денег и вследствие бедности рабочего не имеет никакого значения для отношений рабочего к его жене. Здесь решающую роль играют совсем другие личные и общественные отношения. И, кроме того, с тех пор как крупная промышленность заставила женщину выйти из дома на рынок труда и на фабрику и довольно часто превращает ее в кормилицу семьи, лишены всякой почвы последние остатки господства мужа в пролетарском жилище, кроме разве некоторой грубости в обращении с женами, укоренившейся со времени появления моногамии. Таким образом, семья пролетария уже не моногамна в строгом смысле этого слова, даже при самой страстной любви и неизменной верности обеих сторон и несмотря на всевозможные церковные и светские благословения. Поэтому и постоянные спутники моногамии, гетеризм и супружеская неверность, играют здесь совершенно ничтожную роль; жена фактически вернула себе право на расторжение брака, и когда стороны не могут ужиться, они предпочитают разойтись. Одним словом, пролетарский брак моногамен в этимологическом значении этого слова, но отнюдь не в историческом его смысле.

Наши юристы, впрочем, считают, что прогресс законодательства все больше отнимает у женщин всякое основание для жалоб. Законодательства современных цивилизованных стран все более признают, во-первых, что брак, для того чтобы быть действительным, должен представлять собой договор, добровольно заключенный обеими сторонами, и, во-вторых, что обе стороны во время брачного сожителства должны иметь одни и те же взаимные права и обязанности. Если бы эти оба требования были последовательно проведены, то у женщин было бы все, чего они только могут желать.

Эта чисто юридическая аргументация совершенно совпадает с тою, какую пользуется радикальный буржуа-республиканец, призывая пролетария к спокойствию. Трудовой договор будто бы добровольно заключен обеими сторонами. Но его считают заключенным добровольно потому, что закон *на бумаге* признает обе стороны равными. Закону нет никакого дела до действительного экономического положения обеих сторон — его не касается ни власть, которую различное классовое положение дает одной стороне, ни нажим, производимый этой властью на другую сторону. И на время действия трудового договора обе стороны опять-таки якобы равноправны, коль скоро ни одна из сторон не заявила о прямом отказе от договора. Закону нет дела и до того, что экономическое положение заставляет рабочего отказываться даже от последней видимости равноправия.

В отношении брака даже самый прогрессивный закон вполне удовлетворяется, если заинтересованные стороны формально засвидетельствовали свое добровольное вступление в брак. Что происходит за юридическими кулисами, где разыгрывается действительная жизнь, как получается это добровольное согласие, — об этом закон и юрист могут не беспокоиться. А между тем самое простое сравнение права различных стран должно было бы показать юристу, что из себя представляет это добровольное согласие. В странах, где закон обеспечивает детям наследование обязательной части имущества родителей, где они, следовательно, не могут быть лишены наследства, — в Германии, в странах с французским правом и других, — дети при вступлении в брак связаны согласием родителей. В странах английского права, где родительского согласия при вступлении в брак законом не требуется, родители располагают полной свободой при завещании своего имущества, они могут при желании лишать своих детей наследства. Ясно, что, несмотря на это и даже именно поэтому, свобода при вступлении в брак у классов, у которых есть что наследовать, в Англии и Америке, фактически ничуть не больше, чем во Франции и Германии.

Не лучше обстоит дело с юридическим равноправием мужчины и женщины в браке. Правовое неравенство обоих, унаследованное нами от прежних общественных отношений, — не причина, а результат экономического угнетения женщины. В старом коммунистическом домашнем хозяйстве, охватывавшем много брачных пар с их детьми, вверенное женщинам ведение этого хозяйства было столь же общественно необходимым промыслом, как и добывание мужчинами средств пропитания. С возникновением патриархальной семьи и еще более — моногамной индивидуальной семьи, положение изменилось. Ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало интересовать общество; оно стало *частной службой*; жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном производстве. Только крупная промышленность нашего времени вновь открыла ей — да и то лишь пролетарке — путь к общественному производству. При этом дело складывается так, что, если она выполняет свои обязанности на частной службе в семье, она остается исключенной из общественного производства и ничего не может зарабатывать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то не в состоянии выполнять свои семейные обязанности. И в этом отношении положение женщины одинаково как на фабрике, так и во всех отраслях труда, вплоть до медицины и адвокатуры. Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество — это масса, состоящая только из индивидуальных семей, его молекул. Муж в настоящее время должен в большинстве случаев промышленять, кормить семью, по крайней мере в среде имущих классов, и это дает ему господствующее положение, которое ни в каких специальных юридических привилегиях не нуждается. Он в семье — буржуа, жена представляет пролетариат. Но в области промышленности специфический характер тяготеющего над пролетариатом экономического гнета выступает со всей своей резкостью только после того, как устранены все основанные на законе особые привилегии класса капиталистов и установлено полное юридическое равноправие обоих классов; демократическая республика не уничтожает противоположности обоих классов, она, напротив, лишь создает почву, на которой завершается борьба, вызываемая этой противоположностью. Равным образом, своеобразный характер господства мужа над женой в современной семье и необходимость, а также способ установления действительного общественного равенства для обоих только тогда выступают в полном освещении, когда они юридически будут вполне

равноправны. Тогда обнаружится, что освобождение женщины предполагает своим первым предварительным условием возвращение всего женского пола к общественному труду и что это требует, в свою очередь, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества.

* * *

Итак, мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия, дополняемая супружеской неверностью и проституцией. Между парным браком и моногамией на высшей ступени варварства мужья получают в свое распоряжение рабынь, и появляется многоженство.

Как показало все наше изложение, своеобразие прогресса, который проявляется в этой последовательной смене форм, заключается в том, что половой свободы группового брака все более и более лишаются женщины, но не мужчины. И действительно, групповой брак фактически существует для мужчин и по настоящее время. То, что со стороны женщины считается преступлением и влечет за собою тяжелые правовые и общественные последствия, считается для мужчины чем-то почетным или, в худшем случае, незначительным моральным пятном, которое носят с удовольствием. Но чем больше традиционный гетеризм изменяется в наше время под воздействием капиталистического товарного производства и приспособляется к последнему, чем больше он превращается в неприкрытую проституцию, тем большую деморализацию он несет с собою. При этом он деморализует мужчин гораздо больше, чем женщин. Проституция развращает среди женщин только тех несчастных, которые становятся ее жертвами, да и их далеко не в той степени, как это обычно полагают. В противоположность этому она опошляет характер всей мужской половины человеческого рода. Так, будучи долгое время женихом, молодой человек в девяти случаях из десяти проходит настоящую школу супружеской неверности.

Но мы идем навстречу общественному перевороту, когда существовавшие до сих пор экономические основы моногамии столь же неминуемо исчезнут, как и основы ее дополнения — проституции. Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках — притом в руках мужчины — и из необходимости передать эти богатства по наследству детям этого мужчины, а не другого. Для этого была нужна моногамия жены, а не

мужа, так что эта моногамия жены отнюдь не препятствовала явной или тайной полигамии мужа. Но предстоящий общественный переворот сведет к минимуму все это беспокойство о том, кому передать наследство, превратив в общественную собственность, по меньшей мере, неизмеримо большую часть прочных, передаваемых по наследству богатств — средства производства. Так как, однако, моногамия обязана своим происхождением экономическим причинам, то не исчезнет ли она, когда исчезнут эти причины?

Можно не без оснований ответить, что она не только не исчезнет, но, напротив, только тогда полностью осуществится. Вместе с превращением средств производства в общественную собственность исчезнет также и наемный труд, пролетариат, а следовательно и необходимость для известного числа женщин, которое можно статистически подсчитать, отдаваться за деньги. Проституция исчезнет, а моногамия, вместо того чтобы прекратить свое существование, станет, наконец, действительностью также и для мужчин.

Положение мужчин, таким образом, во всяком случае сильно изменится. Но и в положении женщин, *всех* женщин, произойдет значительная перемена. С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную промышленность. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться о всех детях, брачных и внебрачных. Благодаря этому отпадет боязнь «последствий», которая в настоящее время служит самым существенным общественным моментом, — моральным и экономическим, — мешающим девушке, не обращая внимания ни на что, отдаться любимому мужчине. Не будет ли это достаточной причиной для постепенного развития беспорядочных половых сношений, а вместе с тем и большей снисходительности общественного мнения к девичьей чести и женской стыдливости? И, наконец, разве мы не видели, что в современном мире моногамия и проституция хотя и противоположности, но противоположности неразделимые, полюсы одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собой в пропасть и моногамию?

Здесь вступает в действие новый момент, который ко времени развития моногамии едва существовал лишь в зародыше, — индивидуальная половая любовь.

До средних веков не может быть и речи об индивидуальной половой любви. Что физическая красота, близкие отношения, одинаковые склонности и т. п. пробуждали у людей различного пола стремление к половому общению, что как для мужчин, так и для женщины не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эти интимные отношения, — разумеется само собой. Но от этого до нашей половой любви еще бесконечно далеко. На протяжении всей древности браки заключались не заинтересованными сторонами, а их родителями, и первые спокойно мирились с этим. Та скромная доля супружеской любви, которую знает древность, — не субъективная склонность, а объективная обязанность, не основа брака, а дополнение к нему. Любовные отношения в современном смысле имеют место в древности лишь вне официального общества. Пастухи, любовные радости и страдания которых нам воспевают Феокрит и Мосх, «Дафнис и Хлоя» Лонга, — рабы, не принимающие участия в делах государства, в сфере жизни свободного гражданина. Но помимо любовных связей среди рабов мы встречаем любовные связи только как продукт распада гибнущего древнего мира, и притом связи с женщинами, которые также стоят вне официального общества, с гетерами, т. е. чужестранками или вольноотпущенницами: в Афинах — накануне их гибели, в Риме — во время империи. Если же любовные связи действительно устанавливались между свободными гражданами и гражданками, то только ради прелюбодеяния. А для древнего классического певца любви, старого Анакреона, половая любовь в нашем смысле была настолько безразлична, что для него безразличен был даже пол любимого существа.

Наша половая любовь существенно отличается от простого влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; поэтому женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как во времена античного эроса ее отнюдь не всегда спрашивали. Во-вторых, половая любовь знает такую степень интенсивности и продолжительности, при которой необладание и разлука представляются обеим сторонам большим, если не величайшим, несчастьем; они идут на большой риск, ставят на карту свою жизнь, чтобы только обладать друг другом, что в древности бывало разве только в случаях супружеской неверности. И, наконец, возникает новый нравственный критерий для оценки половой связи; спрашивают не только о том, была ли она в браке или вне брака, но и о том, по взаимной ли любви или нет? Понятно, что в феодальной или буржуазной практике с этим новым критерием обстоит не лучше, чем со всеми другими критериями нрав-

ственности, — с ним не считаются. Но к нему и не хуже относятся, чем к другим: он так же, как и те, признается в теории, на бумаге. А большего и требовать пока нельзя.

Средневековье начинается с того, на чем остановился древний мир в своих зачатках половой любви, — с прелюбодеяния. Мы описали уже рыцарскую любовь, создавшую песни утренней зари. От этой любви, стремящейся к разрушению брака, до любви, которая должна положить ему основание, лежит еще далекий путь, который рыцарство до конца пройти не могло. Даже переходя от легкомысленных романских народов к добродетельным германцам, мы находим в песне о Нибелунгах, что Кримгильда, хотя она втайне влюблена в Зигфрида не меньше, чем он в нее, однако на слова Гунтера, что он просватал ее за рыцаря, имени которого он не называет, отвечает просто: «Вам не нужно меня просить; как вы мне прикажете, так я всегда и буду поступать; кого вы, государь, дадите мне в мужья, с тем я охотно обручусь». Ей совсем в голову не приходит, что в данном случае вообще может быть принята во внимание ее любовь. Гунтер сватается за Брунгильду, а Этцель за Кримгильду, которых они ни разу не видели; точно так же в «Гудруне» сватается Зигбант прландский за норвежскую Уту, Гетель из Гегелингена — за Гильду прландскую, наконец Зигфрид морландский, Гартмут орманский и Гервиг зееландский — за Гудруну; и только последняя свободно решает в пользу Гервига. По общему правилу, невесту для молодого князя подыскивают его родители, если они еще живы; в противном случае он это делал сам, советуясь с крупными ленниками, мнение которых во всех таких случаях пользовалось большим весом. Да иначе и быть не может. Для рыцаря или барона, как и для самого владетельного князя, женитьба — политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых связей; решающую роль должны были играть интересы династии, а отнюдь не личные симпатии. Как при таких условиях могло в вопросе о браке последнее слово принадлежать любви?

То же самое было у цехового гражданина средневековых городов. Уже одни охранявшие его привилегии, снабженные различными оговорками цеховые правила, искусственные границы, отделявшие его юридически в одном случае — от других цехов, в другом — от его же товарищей по цеху, в третьем — от его подмастерьев и учеников, достаточно суживали круг, в котором он мог искать себе подходящую жену. И которая из невест была наиболее подходящей, решало при этой запутанной системе безусловно не его индивидуальное желание, а семейный интерес.

Таким образом, в огромном большинстве случаев заключение брака до самого конца средних веков оставалось тем, чем оно было с самого начала, — делом, которое решалось без участия непосредственно заинтересованных сторон. Вначале люди появлялись на свет уже состоящими в браке — в браке с целой группой другого пола. В позднейших формах группового брака сохранялось, вероятно, такое же положение, только при все большем сужении группы. При парном браке, как правило, матери договариваются относительно браков своих детей; в данном случае также решающую роль играют соображения о новых родственных связях, которые должны обеспечить молодой паре более прочное положение в роде и племени. А когда вместе с преобладанием частной собственности над общественной и заинтересованностью в наследовании господствующее положение заняли отцовское право и моногамия, заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера. *Форма* брака посредством купли исчезает, но по существу этот брак все шире распространяется, так что получает оценку не только женщина, но и мужчина — не по своим личным качествам, а по своему имуществу. В практике господствующих классов с самого начала считалось недопустимым, чтобы в качестве основания для брака взаимная склонность сторон преобладала над всеми другими. Нечто подобное знали лишь романтики да угнетенные классы, которые в счет не шли.

Таково было то положение, какое застало капиталистическое производство, которому со времени географических открытий мировая торговля и мануфактура подготовляли мировое господство. Надо полагать, что этот способ заключения браков был для него самым подходящим, и это действительно так и было. Однако — ирония мировой истории неисчерпаема — именно капитализму суждено было пробить здесь решающую брешь. Превращая все в товары, он уничтожил все исконные отношения, завещанные прошлым, на место унаследованных обычаев, исторического права он поставил куплю и продажу, «свободный» договор. Английский юрист Г. С. Мэн полагал, что сделал величайшее открытие, сказав, что весь наш прогресс, сравнительно с предыдущими эпохами, состоит в переходе from status to contract — от унаследованного порядка к порядку, устанавливаемому свободным договором, что, впрочем, — поскольку это вообще правильно, — было уже сказано в «Коммунистическом манифесте».

Но заключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно располагать своей личностью, действиями и имуществом и

равноправны по отношению друг к другу. Создание таких «свободных» и «равных» людей именно и было одним из главнейших дел капиталистического производства. Хотя это вначале происходило только полусознательно и вдобавок облекалось в религиозную оболочку, все же со времени лютеровской и кальвиновской реформации было твердо установлено положение, что человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли, и что нравственным долгом является сопротивление всякому принуждению к безнравственному поступку. Но как согласовалось это с прежней практикой заключения браков? Согласно буржуазному пониманию, брак был договором, правовой сделкой, и притом самой важной из всех, так как она на всю жизнь определяла судьбу тела и души двух человек. В ту пору формально сделка эта, правда, заключалась добровольно; без согласия сторон она не могла состояться. Но слишком хорошо было известно, как получалось это согласие и кто фактически заключал брак. Между тем, если требовалось действительно свободное решение при заключении других договоров, то почему не требовать его и при заключении брака? Разве двое молодых людей, которым предстояло соединиться, не имели права свободно располагать самими собою, своим телом и его органами? Разве благодаря рыцарству не вошла в моду полая любовь и разве, в противоположность рыцарской любви, связанной с прелюбодеянием, супружеская любовь не была ее правильной буржуазной формой? Но если долг супругов любить друг друга, то разве не должны были любящие сочетаться браком друг с другом и ни с кем другим? И разве это право любящих не стояло выше права родителей, родственников и иных обычных брачных маклеров и сводников? И если право свободной личной критики бесцеремонно вторглось в сферу церкви и религии, то как могло оно остановиться перед невыносимым притязанием старшего поколения распоряжаться телом, душой, имуществом, счастьем и несчастьем младшего поколения?

Все эти вопросы должны были выдвигаться в такое время, когда были ослаблены все старые узы общества и поколеблены все унаследованные представления. Мир сразу сделался почти в десять раз больше; вместо четвертой части полушария теперь весь земной шар лежал перед взором западно-европейцев, которые спешили завладеть остальными семью восьмыми. И вместе со старинными тесными границами родины пали также и тысячелетние рамки предписанного средневекового мышления. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт. Какое значение могли

иметь репутация порядочности и унаследованные от ряда поколений почетные цеховые привилегии для молодого человека, которого манили к себе богатства Индии, золотые и серебряные рудники Мексики и Потоси? То было для буржуазии время странствующего рыцарства; она переживала также свою романтику и свои любовные мечтания, но по-буржуазному преследуя в конечном счете буржуазные цели.

Обстоятельства сложились так, что растущая буржуазия, в особенности в протестантских странах, где больше всего был полюблен существующий порядок, все больше и больше стала признавать свободу при заключении договора также и для брака и осуществила ее вышеописанным образом. Брак оставался классовым браком, но в пределах класса за сторонами была признана известная степень свободы выбора. И на бумаге, в теории морали и в поэтическом изображении, не было ничего, что было бы столь незыблемо прочно установлено, как безнравственность всякого брака, не покаявшегося на взаимной половой любви и на действительном согласии супругов. Одним словом, брак по любви был провозглашен правом человека, и притом не только *droit de l'homme* [правом мужчины], но, как исключение, и *droit de la femme* [правом женщины].

Но это право человека в одном отношении отличалось от всех остальных так называемых прав человека. Тогда как эти последние на практике ограничивались господствующим классом, буржуазией, и прямо или косвенно сводились на нет для угнетенного класса, пролетариата, здесь снова сказалась ирония истории. Господствующий класс остается поработленным известными экономическими влияниями, и поэтому только в исключительных случаях в его среде бывают действительно свободно заключаемые браки, тогда как в среде угнетенного класса они, как мы видели, являются правилом.

Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранит все побочные экономические соображения, оказывающие еще в настоящее время столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше другого мотива, кроме взаимной склонности.

Так как половая любовь по своей природе требует единобрачия, но это единобрачие в наших условиях осуществляется одной только женщиной, — то брак, основанный на половой любви, по природе своей — индивидуальный брак. Мы видели, насколько

прав был Бахофен, усматривая в успешном переходе от группового брака к индивидуальному преимущественно дело женщин; только дальнейший переход от парного брака к моногамии следует приписать мужчинам; исторически он по существу привел к ухудшению положения женщин и облегчению неверности мужчин. Поэтому, если только отпадут экономические соображения, в силу которых женщины мирились с этой обычной неверностью мужчин, — забота о своем собственном существовании и еще более о будущем своих детей, — то достигнутое благодаря этому равноправие женщины, судя по всему прежнему опыту, будет в бесконечно более сильной степени способствовать действительной моногамии мужчин, чем полиандрии женщин.

Но при этом от моногамии безусловно отпадут те характерные черты, которые навязаны ей ее возникновением из отношений собственности, а именно, во-первых, господство мужчины и, во-вторых, нерасторжимость брака. Господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собою исчезнет вместе с последним. Нерасторжимость брака — это отчасти следствие экономического положения, при котором возникла моногамия, отчасти традиция того времени, когда связь этого экономического положения с моногамией воспринималась еще неясно в искаженных религией представлениях. Она уже в настоящее время нарушается в тысячах случаев. Если нравственный брак — только брак по любви, то только такой, в котором любовь продолжает существовать. Но длительность сильной индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, в особенности у мужчин, и раз чувство совершенно иссякло или его вытеснила новая страстная любовь, то развод становится благодеянием как для обеих сторон, так для общества. Надо только избавить людей от ненужной грязи бракоразводного процесса.

Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах половых отношений после предстоящего устранения капиталистического производства, отличается преимущественно отрицательным характером, ограничиваясь в большинстве случаев тем, что отпадает. Но что появится нового? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или другие средства социальной власти, и поколение женщин, которым никогда не придется отдаваться мужчине из-за каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, или отказываться отдаваться любимому мужчине из боязни экономических последствий. Когда появятся эти люди, им будет совершенно

безразлично, чего ожидают от них теперь; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому общественное мнение о поступках каждого в отдельности — точка.

Вернемся, однако, к Моргану, от которого мы порядочно удалились. Историческое изучение развивавшихся в период цивилизации общественных учреждений выходит за рамки его книги. Судьбы моногамии в течение этого периода поэтому занимают его совсем немного. Он также усматривает в дальнейшем развитии моногамии известный прогресс, приближение к полному равноправию полов, не считая, однако, эту цель уже достигнутой. Но, — говорит он, — «если признать тот факт, что семья последовательно прошла через четыре формы и находится теперь в пятой, то возникает вопрос, долго ли продержится эта форма в будущем? Ответ возможен только один — она должна развиваться вместе с развитием общества, изменяться в той же мере, в какой изменяется общество, так же, как и до сих пор. Она продукт общественного строя и будет отражением его культурного состояния. Так как моногамная семья за период с начала цивилизации заметно улучшилась, особенно в новейшее время, то можно, по меньшей мере, предполагать, что она способна к дальнейшему совершенствованию, пока не будет достигнуто равенство полов. Если же моногамная семья в отдаленном будущем окажется неспособной выполнять требования общества, то невозможно заранее предсказать, какова будет ее преемница».

III. ПРОКЕЗСКИЙ РОД.

Мы переходим теперь к другому открытию Моргана, имеющему, по меньшей мере, такое же значение, как и воссоздание первобытной формы семьи на основании систем родства. Морган доказал, что родовые союзы внутри племени американских индейцев, обозначаемые названиями животных, по существу тождественны с *genea* греков и *gentes* римлян; что американская форма — первоначальная, а греко-римская — позднейшая, производная; что вся общественная организация первобытных греков и римлян с ее родом, фратрией и племенем находит точную параллель в организации американо-индейской; что род представляет собой учреждение, общее для всех варваров, вплоть до их перехода к цивилизации и даже еще позднее (насколько можно судить на основании имеющих источники). Доказавши все это, Морган сразу разъяснил труднейшие участки древнейшей греческой и римской истории и одновременно с этим неожиданно вскрыл перед нами основные черты общественного устройства первобытной эпохи до возникновения *государства*. Каким простым ни кажется это открытие, когда оно уже известно, все же Морган сделал его только в последнее время; в своей предыдущей книге, вышедшей в 1871 г., он еще не проник в эту тайну, раскрытие которой на некоторое время заставило приумолкнуть вообще столь самоуверенных английских историков первобытной эпохи.

Латинское слово *gens*, которое Морган везде употребляет для обозначения этого родового союза, происходит, как и греческое равнозначное *genos*, от общearийского корня *gan* (по-немецки *kan*, так как здесь, по общему правилу, вместо арийского *g* должно стоять *k*), означающего «рождать». *Gens*, *genos*, санскритское *dschanas*, готское (по указанному выше правилу) *kuni*, древне-норманское и англо-саксонское *kun*, английское *kin*, средне-верхне-немецкое *künne* означает одинаково род, происхождение. Но латинское *gens* и греческое *genos* употребляются специально для обозначения такого родового союза, который гордится общим предком (в данном случае общим родоначальником) и объединяется в особую

группу известными общественными и религиозными учреждениями, причем происхождение и природа этой группы оставались, тем не менее, до сих пор неясными для всех наших историков.

Мы уже видели выше, при рассмотрении семьи «пуналуа», каков состав рода в его первоначальной форме. Он состоит из всех лиц, которые путем брака «пуналуа» и в силу неизбежно господствующих в нем представлений образуют признанное потомство одной определенной родоначальницы — основательницы рода. Так как при этой форме семьи отец не может быть установлен с достоверностью, то признается только женская линия. Так как братья не могут жениться на своих сестрах, а только на женщинах другого происхождения, то в силу материнского права прижитые с этими чужими женщинами дети оказываются вне рода. Таким образом, внутри родового союза остается лишь потомство *дочерей* каждого поколения; потомство сыновей переходит в роды своих матерей. Чем же становится эта кровнородственная группа, после того как она конституируется как особая группа по отношению к другим подобным группам внутри племени?

В качестве классической формы этого первобытного рода Морган берет род прокезов, особенно род племени сенека. В этом племени восемь родов под названиями животных: 1) волк, 2) медведь, 3) черепаха, 4) бобр, 5) олень, 6) кулик, 7) цапля, 8) сокол. В каждом роде существуют следующие обычаи:

1. Род выбирает своего «сахема» (старшину для мирного времени) и вождя (военачальника). Сахем должен был выбираться из состава самого рода, и его должность была наследственной в роде, так как по освобождении она должна была немедленно снова замещаться; военачальника можно было избрать и не из членов рода, а временно должность его могла оставаться никем не занятой. Сахемом никогда не избирали сына предыдущего сахема, так как у прокезов господствовало материнское право, и сын, следовательно, принадлежал к другому роду, но часто избирали его брата или сына сестры. В выборах участвовали все — мужчины и женщины. Но выборы подлежали утверждению со стороны остальных семи родов, и только после этого избранный торжественно вводился в должность общим советом всего союза прокезов. Значение этого акта видно будет из дальнейшего. Власть сахема внутри рода была отеческая, чисто морального порядка; средствами принуждения он не располагал. Вместе с тем, он по должности состоял членом совета племени сенека, а также и общего совета союза прокезов. Военачальник мог распоряжаться лишь во время военных походов.

2. Род по своему усмотрению смещает сахема и военачальника. Это опять-таки решается совместно мужчинами и женщинами. Смещенные должностные лица становятся после этого простыми воинами подобно другим, частными лицами. Впрочем, совет племени может сместить и сахема, даже против воли рода.

3. Никто из членов рода не может брать жену внутри рода. Таково основное правило рода, та связь, которая его скрепляет; это — отрицательное выражение того весьма положительного кровного родства, в силу которого объединяемые им индивидуумы только и становятся родом. Открытием этого простого факта Морган впервые вскрыл сущность рода. Как мало до сих пор понимали сущность рода, показывают прежние сообщения о дикарях и варварах, где различные группировки, из которых образуется родовой строй, без понимания и без разбора смешивают в одну кучу под названиями: племя, клан, тум и пр., причем нередко о них говорится, что внутри такой группировки брак воспрещается. Это и создало безнадежную путаницу, среди которой Мак-Леннан выступил в роли Наполеона, чтобы водворить в ней порядок властным приговором: все племена делятся на такие, внутри которых брак воспрещен (экзогамные), и такие, в которых он дозволяется (эндогамные). Запутав таким образом окончательно вопрос, он пустился затем в глубокомысленнейшие исследования, какой же из его нелепых классов более древний — экзогамия или эндогамия. Эта бессмыслица рассеялась сама собою после открытия рода, основанного на кровном родстве, и вытекающей из этого невозможности брака между его членами. — Само собою разумеется, что на той ступени развития, на которой мы застаем ирокезов, запрещение брака внутри рода нерушимо соблюдается.

4. Имущество умерших переходило к остальным сородичам, оно должно было оставаться в роде. При незначительном количестве предметов, которые мог оставить после себя ирокез, его наследство делили между собою его ближайшие сородичи; в случае смерти мужчины — его родные братья и сестры и брат матеря; в случае смерти женщины — ее дети и родные сестры, но не братья. По той же причине муж и жена не могли наследовать друг другу, а также дети — отцу.

5. Сородичи обязаны были оказывать друг другу помощь, защиту и в особенности помогать мстить за обиду, нанесенную чужими. В деле защиты своей безопасности индивидуум полагался на род и мог это делать; тот, кто оскорблял его, оскорблял весь род. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной

мести, безусловно признававшейся прокезами. Если кто-нибудь из чужого рода убивал сородича, весь род убитого был обязан кровной мстью. Сперва делалась попытка к соглашению; совет рода убийцы собирался и делал совету рода убитого предложение покончить дело миром, большей частью изъявляя сожаление и предлагая значительные подарки. Если предложение принималось, то дело считалось улаженным. В противном случае потерпевший род назначал одного или нескольких мстителей, которые были обязаны выследить и умертвить убийцу. Если это выполнялось, род убитого не имел права жаловаться, дело признавалось поконченным.

6. Род имеет определенные имена или серии имен, пользоваться которыми во всем племени может только он один, так что имя отдельного члена также указывает, к какому роду он принадлежит. С родовым именем неразрывно связаны и родовые права.

7. Род может усыновлять посторонних и таким путем принимать их в члены всего племени. Военнопленные, которых не убивали, становились, таким образом, в силу усыновления родом, членами племени сенека и приобретали тем самым все родовые и племенные права. Усыновление происходило по предложению отдельных членов рода: мужчин, которые принимали чужака как брата или сестру, и женщин, принимавших его в качестве своего ребенка; для утверждения такого усыновления необходимо было торжественное принятие в род. Часто отдельные, в силу исключительных условий ослабевшие роды вновь укреплялись путем массового усыновления из другого рода, с согласия последнего. У прокезов торжественное принятие в род происходило в публичном заседании совета племени, что фактически превращало это торжество в религиозную церемонию.

8. Трудно установить у индейских родов наличие особых религиозных празднеств; но религиозные церемонии индейцев более или менее связаны с родом. Во время шести ежегодных религиозных празднеств прокезов сахемы и военачальники отдельных родов по своей должности причислялись к «блюстителям веры» и выполняли жреческие обязанности.

9. Род имеет общее место погребения. У прокезов штата Нью-Йорк, стесненных со всех сторон белыми, оно теперь исчезло, но раньше существовало. У других индейцев оно еще сохранилось; так, например, у тускарора, состоящих в близком родстве с прокезами, у них, несмотря на то, что они христиане, на кладбище есть особый ряд для каждого рода, так что мать хоронят в одном ряду с детьми, но не отца. Да и у прокезов весь род умершего

участвует в погребении, заботится о могиле, надгробных речах и т. п.

10. Род имеет совет — демократическое собрание всех взрослых членов рода, мужчин и женщин, располагающих равным правом голоса. Этот совет выбирал и смещал сахемов и военачальников, а также и остальных «блистителей веры»; он выносил постановления о выкупе (ьире) или кровной мести за убитых сородичей; он принимал чужих в состав рода. Одним словом, он был верховной властью в роде.

Таковы права типичного индейского рода. «Все его члены — свободные люди, обязанные охранять свободу друг друга; обладая равными личными правами, — ни сахем, ни военачальник не претендуют ни на какие преимущества; они составляют братство, соединенное кровными узами. Свобода, равенство, братство, хотя это никогда не было сформулировано, были основными принципами рода, а род, в свою очередь, был единицей целой общественной системы, основой организованного индейского общества. Этим объясняется непреклонное чувство независимости и личного достоинства, которое каждый должен признать за индейцам».

Ко времени открытия Америки индейцы всей Северной Америки были организованы в роды на началах материнского права. Только у немногих племен, как, например, у дакота, роды пришли в упадок, а у некоторых других, каковы племена оджибва, омаха, они были организованы по отцовскому праву.

У очень многих индейских племен, насчитывающих более пяти или шести родов, мы встречаем организацию особых групп, по три, четыре и более родов в каждой; Морган называет такую группу фратрией (братством), точно передавая индейское название соответственно его греческому подобию. Так, у племени сенека — две фратрии; в первую входят роды 1—4, во вторую — роды 5—8. Более близкое ознакомление обнаруживает, что эти фратрии большей частью представляют первоначальные роды, на которые сперва распадалось племя; при запрещении браков внутри рода каждое племя по необходимости должно было охватывать по крайней мере два рода, чтобы самостоятельно существовать. По мере размножения племени каждый род, в свою очередь, распадался на два или более родов, которые теперь становились самостоятельными, тогда как первоначальный род, в который входят все дочерние роды, продолжает существовать как фратрия. У племени сенека и у большинства других индейцев роды одной фратрии считаются братскими родами, тогда как другие — двоюродными, — обозначения,

имеющие в американской системе родства, как мы видели, весьма реальное и выразительное значение. Первоначально ни один сенека не мог жениться внутри своей фратрии, но этот обычай уже давно потерял свое значение и ограничивается только родом. Согласно существующему у племени сенека преданию, первоначальными родами, от которых произошли другие, были роды «медведь» и «олень». После того как укоренилось это новое установление, оно видоизменялось в зависимости от потребности; если вымирали роды одной фратрии, то нередко для пополнения в нее переводились целые роды из других фратрий. Поэтому мы у различных племен находим роды с одинаковыми названиями, различно группирующиеся во фратриях.

Функции фратрии у ирокезов — отчасти общественного, отчасти религиозного порядка. 1) В игре в мяч фратрии выступают одна против другой; каждая выдвигает своих лучших игроков, остальные следят за игрой, разбившись по фратриям, и держат пари за победы своих игроков. 2) В совете племени сахемы и военачальники каждой фратрии сидят вместе, одна группа против другой, каждый оратор говорит, обращаясь к представителям каждой фратрии как к особой корпорации. 3) Если в племени случалось убийство, причем убийца и убитый принадлежали не к одной и той же фратрии, то пострадавший род часто апеллировал к своим братским родам; они созывали тогда совет фратрии и обращались к другой фратрии как к целому, чтобы та, в свою очередь, собрала свой совет для миролюбивого улажения дела. Здесь, таким образом, фратрия снова выступает как первоначальный род — и с большей надеждой на успех, чем более слабый отдельный род, от нее происшедший. 4) В случае смерти выдающихся лиц противоположная фратрия брала на себя организацию похорон и похоронных торжеств, тогда как члены фратрии умершего участвовали в похоронах в качестве скорбящих близких покойника. Когда умирал сахем, противоположная фратрия доводила до сведения союзного совета ирокезов об освобождении должности. 5) При выборах сахема также выступал на сцену совет фратрии. Утверждение выбора братскими родами считалось как бы само собою разумеющимся, но роды другой фратрии могли представлять возражения. В таком случае собирался совет этой фратрии; если он поддерживал протест, выборы признавались недействительными. 6) Раньше у ирокезов существовали особые религиозные мистерии, названные белыми *medicine-lodges* [ложи колдунов]. Эти мистерии у племени сенека устраивались двумя религиозными братствами, которые обставляли прием новых членов

особым церемониалом посвящения; на каждую из обеих фратрий приходилось по одному такому братству. 7) Если, что почти несомненно, четыре *linages* [рода], населявшие ко времени завоевания Америки четыре квартала Тласкалы, были четырьмя фратриями, то это доказывает, что фратрии, как у греков и подобные же родовые союзы у германцев, имели также значение военных единиц; эти четыре *linages* выступали в бой, каждая отдельным строем, в особой форме и с собственным знаменем, под начальством собственного вождя.

Как несколько родов образуют фратрию, так несколько фратрий, в классической форме родового строя, образуют племя; в некоторых случаях у значительно ослабленных племен недостает среднего звена — фратрии. Какие же черты отличают отдельное индейское племя в Америке?

1. Собственная территория и собственное имя. Каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой последней лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени; у племен с родственными языками эта полоса была уже; у племен, чуждых друг другу по языку, — шире. Эта полоса — то же самое, что пограничный лес германцев, пустыня, которую создали вокруг своей территории свевы Цезаря; это то же, что между датчанами и германцами *isargholt* (по-датски — *jarnved*, *limes Danicus*), между германцами и славянами — саксонский лес и *branibor* (по-славянски «защитный лес»), от которого получил свое название Бранденбург. Область, отделенная такого рода не совсем определенными границами, составляла общую землю племени, признавалась таковою соседними племенами, им самим защищалась от захватов. Неопределенность границ большей частью оказывалась практически неудобной только тогда, когда население сильно разрасталось. — Название племени, повидимому, в большинстве случаев скорее возникало случайно, чем сознательно выбиралось; с течением времени часто случалось, что соседние племена давали племени имя, отличное от того, которым называло себя само племя, подобно тому как немцам их первое историческое общее название «германцы» дали кельты.

2. Особый, свойственный лишь этому племени *диалект*. В действительности племя и диалект по существу совпадают; новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось в настоящее время. Там, где два ослабевших племени сливаются в одно, бывает, что

в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух близких родственных диалектах. Средняя численность американских племен ниже 2 000 душ; однако племя ирокезов насчитывает 26 000 душ — наибольшее в Соединенных Штатах число индейцев, говорящих на одном диалекте.

3. Право торжественно вводить в должность избранных родами сахемов и военачальников.

4. Право смещать их, даже против желания их рода. Так как эти сахемы и всеначальники состоят членами племенного совета, то эти права племени по отношению к ним объясняются сами собою. Там, где образовался союз племен и все вошедшие в него племена представлены в союзном совете, указанные права переходят к последнему.

5. Общие религиозные представления (мифология) и обряды культа. «Индейцы на свой варварский манер были религиозным народом». Их мифология до сих пор еще критически далеко не изучена; свои религиозные представления — всякого рода духов — они уже воплощали в человеческом образе, но низшая ступень варварства, на которой они находились, не знает еще освященных изображений, так называемых идолов. То был культ природы и стихий, находившийся на пути развития к многобожию. Различные племена имели свои регулярные празднества с определенными формами культа, а именно танцами и играми; танцы в особенности были существенной составной частью всех религиозных торжеств; каждое племя справляло свои празднества отдельно.

6. Совет племени для обсуждения общих дел. Он состоял из всех сахемов и военачальников отдельных родов, их подлинных представителей, потому что они в любое время могли быть смещены; он заседал публично, окруженный прочими членами племени, которые имели право участвовать в прениях и быть выслушанными; решение выносил совет. Как правило, каждый присутствующий мог, по желанию, высказаться, женщины также могли представлять свои соображения через уполномоченного ими оратора. У ирокезов для окончательного решения требовалось единогласие, как это было и в германских сельских общинах (марках) при решении некоторых вопросов. В круг ведения племенного совета входило регулирование отношений к другим племенам; он принимал и отправлял посольства, объявлял войну и заключал мир. Если дело доходило до войны, то в ней в большинстве случаев участвовали лишь добровольцы. В принципе каждое племя считалось состоящим в войне со всяким другим племенем, с которым оно не заключало

специального мирного договора. Военные выступления против таких врагов организовывались большею частью отдельными выдающимися воинами; они устраивали военный танец, и всякий, принявший в нем участие, заявлял тем самым о своем участии в походе. Отряд немедленно организовывался и выступал. Защита подвергшейся нападению племенной области также большей частью осуществлялась дружинами добровольцев. Выступление в поход и возвращение из похода таких дружин всегда служили поводом для общественных торжеств. Согласия племенного совета на такие походы не требовалось, его не испрашивали и не давали. Это те же частные походы германских дружин, как их нам рисует Тацит, только у германцев дружины уже приобрели более постоянный характер, составляли устойчивое ядро, которое организуется уже в мирное время и вокруг которого в случае войны группируются остальные добровольцы. Такие военные дружины редко бывали многочисленны; самые значительные экспедиции индейцев, даже на большие расстояния, совершались с незначительными боевыми силами. Когда несколько таких дружин соединялось для какого-нибудь крупного предприятия, каждая из них подчинялась только своему собственному вождю; единство плана похода так или иначе обеспечивалось советом вождей. Таков же был способ ведения войны аламаннов [алеманнов] в IV веке в верхнем течении Рейна, согласно описанию Аммиана Марцеллина.

7. У некоторых племен мы встречаем верховного вождя (Oberhäuptling), полномочия которого, однако, весьма невелики. То был один из сахемов, который в случаях, требующих немедленного действия, временно принимает соответствующие меры до того, как соберется совет и примет окончательное решение. Тут мы видим слабый, но в дальнейшем развитии оставшийся большей частью бесплодным, зачаток должности с исполнительной властью; последняя, наоборот, как мы увидим, в большинстве случаев, если не везде, развилась из должности верховного военачальника (oberster Heerführer).

Дальше объединения в племя значительное большинство американских индейцев не пошло. Немногочисленные племена их, отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабленные вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадное пространство. Союзы между родственными племенами заключались местами в случае временной нужды и с ее устранением распадались. Но в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщенные племена вновь сплачивались в длитель-

ные союзы, делая таким образом первый шаг к образованию наций. В Соединенных Штатах мы встречаем наиболее развитую форму такого союза у ирокезов. Выйдя из мест своего поселения к западу от Миссисипи, где они, вероятно, составляли ветвь большой родственной группы дакота, они после долгих странствований осели в нынешнем штате Нью-Йорк, разделившись на пять племен: сенека, кайюга, онондага, онейда и могавк. Они занимались рыбной ловлей, охотой и примитивным огородничеством; жили в деревнях, большей частью защищенных частоколами. Число их никогда не превышало 20 000 человек; во всех пяти племенах было несколько общих родов; они говорили на родственных диалектах одного и того же языка и населяли сплошную область, которая была поделена между пятью племенами. Так как область эта была вновь завоевана, то естественным являлось вошедшее в обычай сплочение этих племен против племен, вытесненных ими. Самое позднее в начале XV столетия развился, таким образом, подлинный «вечный союз», федерация, которая в сознании приобретенной ею силы немедленно приняла наступательный характер и на вершине своего могущества, около 1675 г., завоевала окружавшие ее значительные пространства, частью прогнав, частью обложив данью их население. Союз ирокезов представляет самую развитую общественную организацию, какую только создали индейцы, поскольку они не переступали низшую ступень варварства (следовательно, исключая мексиканцев, новомексиканцев и перуанцев). Основные черты союза были таковы:

1. Вечный союз пяти кровнородственных племен на основе полного равенства и самостоятельности во всех внутренних делах племени. Это кровное родство составляло действительную основу союза. Три из пяти племен назывались отцовскими и были между собой братьями; два других назывались сыновними племенами и также были братскими племенами между собой. Три рода — старшие — были еще представлены живыми членами во всех пяти племенах, три других рода — в трех племенах; члены каждого из этих родов считались все братьями во всех пяти племенах. Общий язык, различавшийся только диалектами, был выражением и доказательством общего происхождения.

2. Органом союза был союзный совет, состоявший из 50 сахемов, равных по положению и почету; этот совет выносил окончательные решения по всем делам союза.

3. Эти 50 сахемов были при учреждении союза распределены по племенам и родам в качестве носителей новых должностей, специально учрежденных для целей союза. При освобождении долж-

ности соответствующие роды выбирали заместителя, которого могли во всякое время сместить; но право утверждения в должности принадлежало союзному совету.

4. Эти союзные сахемы были также сахемами своих племен и обладали правом участия и голоса в племенном совете.

5. Все постановления союзного совета должны были приниматься единогласно.

6. Голосование производилось по племенам, так что каждое племя и в каждом племени все члены совета должны были одинаково голосовать, чтобы решение считалось действительным.

7. Каждый из пяти племенных советов мог созвать союзный совет, тогда как последний не мог собраться по собственному почину.

8. Заседания происходили перед собравшимся народом; каждый прокез мог взять слово; решение выносил только совет.

9. В союзе не было такого лица, которое стояло бы во главе исполнительной власти.

10. Но союз имел двух верховных военачальников с равными полномочиями и равной властью (два «царя» спартанцев, два консула в Риме).

Таков был общественный строй, при котором прокезы прожили свыше 400 лет и еще живут до сих пор. Я подробно описал этот строй, следуя Моргану, так как здесь мы имеем возможность изучить организацию общества, еще не знающего *государства*. Государство предполагает особую общественную власть, отделенную от всей массы составляющих его членов. Поэтому Маурер, который, руководствуясь верным чутьем, признает германскую марку чисто общественным учреждением, существенно отличным от государства, хотя большей частью и служившим позже основой для последнего, — Маурер во всех своих работах исследует постепенное возникновение общественной власти из первоначальной организации марки, деревни, поместья и города и рядом с ней. На северо-американских индейцах мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному матерiku; как племена, разделяясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства; как наряду с этим внутри племен отдельные роды распадаются на несколько родов, старые первоначальные роды (*Muttergentes*) сохраняются в виде фратрий, а названия этих старейших родов остаются все же одинаковыми у отдаленных и давно отделившихся друг от друга племен — волк и медведь остаются родовыми назва-

ниями еще у большинства всех индейских племен. И для всех них в общем и целом подходящим является вышесказанный общественный строй, — только многие из них не дошли до союза родственных племен.

Но мы видим также, что раз в качестве основной общественной ячейки дан род, то почти с непреодолимой необходимостью (потому, что это вполне естественно) развивается из этой ячейки вся структура родов, фратрий и племен. Все три группы представляют различные степени кровного родства, причем каждая из них замкнута в себе и сама управляет своими делами, но служит также дополнением для другой. Круг дел, подлежащих их ведению, охватывает всю совокупность общественных дел варвара, стоящего на низшей ступени. Поэтому, встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы можем искать у него и организации племени, подобной той, которая здесь описана; и там, где есть достаточно источников, как у греков и римлян, мы не только найдем ее, но и убедимся, что при отсутствии источников все труднейшие, сомнительные случаи и загадки нам объяснит сравнение с американским общественным устройством.

И какая чудесная организация этот родовой строй при всей ее наивной простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судей, без тюрем, без процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и недоразумения разрешаются коллективом тех, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собою; только как крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть; наша смертная казнь представляет только ее цивилизованную форму со всеми положительными и отрицательными сторонами цивилизации. Хотя общих дел существует гораздо больше, чем в настоящее время, домашнее хозяйство ведется у ряда семейств сообща и коммунистически, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам, — тем не менее у них и следа нет нашего широко разветвленного и сложного аппарата управления. Участники решают, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, не исключая женщин. Для рабов еще нет места; как правило, нет его и для порабощения чужих племен. Когда ирокезы около 1651 г. победили племя ири и «нейтральную нацию», они

предложили им вступить полноправными членами в свой союз; только после того как побежденные отказались от этого, они были прогнаны из своей области. А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывает восхищение всех белых, соприкасавшихся с неспорченными индейцами, перед чувством собственного достоинства, прямодушием, силой характера и храбростью этих варваров.

Примеры этой храбрости мы видели совсем недавно в Африке. Кафры-зулусы несколько лет тому назад, как и нубийцы несколько месяцев назад ¹, — племена, у которых родовые учреждения еще не исчезли, — сделали то, чего не может выполнить ни одно европейское войско. Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль скорострельных ружей английской пехоты, — по общему признанию первой в мире в сомкнутом строю, — доводили дело до штыкового боя, не расстраивали ее ряды и даже опрокидывали, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении, несмотря на то, что они не отбывают воинской повинности и не знают, что такое военное обучение. О том, что в состоянии они выдержать и выполнить, свидетельствует жалоба англичан, что кафр в сутки проходит больше, чем лошадь и быстрее ее. «У него выделяется мельчайший мускул, крепкий и закаленный, как сталь», — говорит один английский художник.

Так выглядели люди и человеческое общество до того, как произошло разделение на различные классы. И если мы сравним их положение с положением громадного большинства современных цивилизованных людей, то разница между нынешним пролетарием или крестьянином и древним свободным членом рода окажется огромной.

Это одна сторона дела. Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла; союз племен означает уже начало ее разрушения, как мы это увидим и как это уже сказало в попытках прокезов поработать другие племена. Все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии определенного мирного договора царила война между племенами, и эта война велась с жестокостью, которая отличает человека от остальных животных и которая только впоследствии несколько смягчилась, поскольку этого потребовали интересы.

¹ Речь идет о войне англичан против африканских зулусов в 1879 г. и о подавлении Англией в 1882 г. национального движения в Египте. *Ред.*

Родовой строй, находившийся в полном расцвете, как мы наблюдали его в Америке, предполагал крайне неразвитое производство, следовательно крайне редкое население на обширном пространстве, следовательно почти полное подчинение человека чуждой, противостоящей ему, непонятной внешней природе, что и находит свое отражение в наивных религиозных представлениях. Племя оставалось границей человека как по отношению к чужаку из другого племени, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импонируют нам люди этой эпохи, они, тем не менее, совсем не отличаются друг от друга, не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытного общества. Власть этого первобытного общества должна была быть сломлена — и была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые с самого начала оказываются регрессом, упадком, грехопадением с простой моральной высоты старого родового строя. Самые низменные интересы — пошлая жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния — являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, обман, измена — подкапывают старый бесклассовый родовой строй и приводят его к падению. А само новое общество за все время своего существования в течение целых двух с половиной тысяч лет всегда было только развитием небольшого меньшинства за счет эксплуатируемого и угнетенного громадного большинства, и теперешнее общество остается таким же в еще большей степени, чем когда бы то ни было прежде.

IV. ГРЕЧЕСКИЙ РОД.

Греки, подобно пелазгам и другим соплеменным народам, уже в доисторическое время были организованы сообразно той же органической последовательности, что и американцы: род, фратрия, племя, союз племен. Фратрии могло не быть, как у дорян, союз племен мог возникнуть не везде, но во всех случаях основной ячейкой был род. К моменту своего появления на исторической арене греки стояли на пороге цивилизации; между ними и американскими племенами, о которых была речь выше, лежат почти целых два больших периода развития, на которые греки героической эпохи опередили ирокезов. Род греков поэтому уже отнюдь не архаический род ирокезов, печать группового брака начинает заметно стираться. Материнское право уступило место отцовскому; с помощью этого последнего возникающее частное богатство пробивает первую брешь в родовом строе. Вторая брешь была естественным следствием первой: так как после введения отцовского права имущество богатой наследницы переходило бы при ее замужестве к ее мужу, следовательно в другой род, то сломали основу всего родового права и не только допустили, но и сделали для такого случая *обязательным*, чтобы девушка выходила замуж внутри своего рода в интересах сохранения за последним ее имущества.

Согласно греческой истории Грота, афинский род, в частности, покоился на следующих основаниях:

1. Общие религиозные празднества и исключительное право совершать священные обряды в честь определенного бога, предполагаемого родоначальника рода, который в качестве такового обозначался особым прозвищем.

2. Общее место погребения (ср. «Эвбулид» Демосфена).

3. Право взаимного наследования.

4. Взаимная обязанность оказывать друг другу в случае насилия помощь, защиту и поддержку.

5. Взаимное право и обязанность в известных случаях вступать в брак внутри рода, особенно когда дело касалось девушек-сирот или наследниц.

6. Владение, по крайней мере в некоторых случаях, общим имуществом с собственным архонтом (старшиной) и казначеем.

Затем несколько родов объединялись во фратрию, но менее тесными узами; однако и здесь мы видим подобного же рода взаимные права и обязанности, в особенности совместное отправление определенных религиозных церемоний и право преследования в случае убийства члена фратрии. Все фратрии одного племени имели, в свою очередь, общие, регулярно повторявшиеся священные празднества под председательством избранного из среды благородных (эвпатридов) филобазилевса (племенного старшины).

Так говорит Грот. Маркс замечает по этому поводу: «Сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, прокез)». Его можно будет разглядеть еще лучше, если мы продолжим наше исследование.

В самом деле, греческому роду свойственны еще следующие черты:

7. Происхождение считается по отцовскому праву.

8. Запрещение браков внутри рода, кроме браков с наследницами. Это исключение и его формулировка в качестве закона подтверждают, что старое правило было еще в силе. Это вытекает также из общеобязательного правила, что женщина, выходя замуж, отказывалась от участия в религиозных обрядах своего рода и переходила к обрядам мужа, во фратрию которого она и зачислялась. Согласно этому и известному месту у Дикеарха, брак вне своего рода был правилом, а Беккер в «Харикле» прямо считает, что никто не мог вступать в брак внутри своего рода.

9. Право усыновления родом; оно осуществлялось посредством усыновления семьей, но с соблюдением публичных формальностей, и только в виде исключения.

10. Право избирать и смещать старшин. Мы знаем, что каждый род имел своего архонта. Что эта должность переходила по наследству в определенных семьях, об этом не говорится нигде. До конца варварства всегда надо предполагать отсутствие строгой наследственности, совершенно несовместимой с порядком, при котором богатые и бедные внутри рода пользовались полным равноправием.

Не только Грот, но и Нибур, Моммзен и все другие историки классической древности не справились с вопросом о роде. Как ни верно обрисовали они многие его признаки, они всегда видели в нем *группу семей* и в силу этого не могли понять природу и происхождение рода. При родовом строе семья никогда не была и не могла

быть организационной единицей, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам. Род целиком входил во фратрию, фратрия — в племя; семья входила наполовину в род мужа и наполовину в род жены. Государство в своем публичном праве также не признает семьи, и она до сих пор существует только в гражданском праве. И, несмотря на все это, вся наша историческая наука исходит до сих пор из нелепого предположения, ставшего неоспоримым, особенно в XVIII веке, что моногамная индивидуальная семья, которая едва ли древнее периода цивилизации, была тем ядром, вокруг которого постепенно кристаллизовалось общество и государство.

«Г-ну Гроту следует далее заметить, — прибавляет Маркс, — что хотя греки и выводят свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная ими самими мифология с ее богами и полубогами».

Морган любит ссылаться на Грота, так как он авторитетный и все же вполне заслуживающий доверия свидетель. Грот рассказывает далее, что каждый афинский род носил имя, перешедшее к нему от его предполагаемого родоначальника, что до Солона во всех случаях, а после Солона при отсутствии завещания сородичи (*gennêtes*) умершего наследовали его имущество и что в случае убийства преследование преступника перед судом было правом и обязанностью в первую очередь ближайших родных, затем остальных сородичей и, наконец, членов фратрии убитого: «Все, что мы знаем о древнейших афинских законах, основано на подразделении на роды и фратрии».

Происхождение родов от общих предков доставило «ученым филистерам» (Маркс) головомомную работу. Считая, разумеется, этих предков чистым мифом, они просто никак не могут объяснить себе происхождение рода из семей, существующих друг подле друга, первоначально даже не родственных между собою, а между тем им приходится справиться с этим, чтобы только объяснить существование рода. Из заколдованного круга своего пустословия они не могут уйти дальше положения: родословная, конечно, — миф, но род существует в действительности, и, в конце концов, у Грота получается следующее (в скобках — вставки Маркса): «Об этой родословной мы слышим лишь изредка, потому что о ней публично упоминают только в известных, особенно торжественных случаях. Но и менее значительные роды имели общие религиозные обряды (странное дело, г. Грот!), и общего сверхчеловеческого родоначальника, и общую родословную совершенно так же, как и роды, поль-

зующиеся большей известностью (как все это странно, г. Грот, у *менее значительных* родов!); основной план и идейная основа (милостивый государь, *не идейная*, а карнальная, попросту — *плотская!*) были одинаковы у всех родов».

Ответ Моргана на этот вопрос Маркс резюмирует в следующих словах: «Система кровного родства, соответствующая роду в его первобытной форме, — а у греков, как и у других смертных, была когда-то такая форма, — обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. Они с детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения. С возникновением моногамной семьи это забылось. Родовое имя создало родословную, наряду с которой представлялась лишенной значения родословная отдельной семьи. Это родовое имя теперь свидетельствовало о факте общего происхождения его носителей; но родословная рода уходила так далеко в глубь времен, что его члены не могли уже точно устанавливать степень своего действительного родства, за исключением немногочисленных случаев, когда имелись более поздние общие предки. Самое имя было доказательством общего происхождения и доказательством бесспорным, не считая случаев усыновления. Напротив, фактическое отрицание всякого родства между членами рода, как это делают Грот и Нибур, превращающие род в продукт чистого вымысла и поэтического творчества, достойно только «идеальных», т. е. чисто кабинетных ученых. Вследствие того, что связь поколений, особенно с возникновением моногамии, уходит в глубь времен и минувшая действительность находит свое отражение в фантастических творениях мифологии, благонамеренные филистеры приходили и приходят к выводу, что фантастическая родословная создавала действительные роды».

Фратрия, как и у американцев, была первоначальным родом, объединяющим несколько выделившихся из него дочерних родов, и часто еще все их выводила от общего родоначальника. Так, по Гроту, «все современники, члены фратрии Гекатея, признавали одного и того же бога своим родоначальником в шестнадцатом колене»; все роды этой фратрии были поэтому буквально братскими родами. Фратрия встречается еще у Гомера в качестве военной единицы в знаменитом месте, где Нестор советует Агамемнону: «Построй людей по племенам и фратриям так, чтобы фратрия помогала фратрии, племя племени». Фратрия, кроме того, имела право и была обязана преследовать за убийство члена фратрии; следовательно, в более раннюю эпоху на ней лежала также обязанность кровной мести. У нее, далее, были общие святыни и празднества, и развитие

всей греческой мифологии из принесенного ею в собой древне-арийского культа природы в основном обязано родам и фратриям, и внутри их это развитие продолжалось. Далее, фратрия имела старшину (фратриарха) и, согласно де-Куланжу, общие собрания, принимала обязательные решения, обладала судебной и административной властью. Даже позднейшее государство, игнорировавшее род, оставило за фратрией некоторые общественные функции административного характера.

Несколько родственных фратрий образуют племя. В Аттике было четыре племени; в каждом племени — по три фратрии и в каждой фратрии — по тридцати родов. Такое точное определение групп предполагает сознательное и планомерное вмешательство в естественно создавшийся порядок вещей. Как, когда и почему это произошло, — об этом умалчивает греческая история, о которой и у самих греков не сохранилось воспоминаний, шедших в глубь времен далее героической эпохи.

Различия в диалектах у греков, тесно расположившихся на сравнительно небольшой территории, развились гораздо меньше, чем в обширных американских лесах; однако и здесь мы видим, что в одно большое целое соединились лишь племена с одинаковым основным наречием, и даже в маленькой Аттике встречаем особый диалект, который впоследствии приобрел господство в качестве общего языка для всей греческой прозы.

В поэмах Гомера мы находим греческие племена в большинстве случаев уже объединенными в небольшие народности, внутри которых, однако, еще вполне сохраняют свою самостоятельность роды, фратрии и племена. Они жили уже в городах, укрепленных стенами; численность населения возрастала вместе с ростом стад, расширением земледелия и появлением ремесла; вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней первобытной демократии. Отдельные народцы вели непрерывные войны из-за лучших земельных участков и военной добычи; рабство военнопленных было уже признанным учреждением.

Общественный строй этих племен и народцев был следующий:

1. Постоянным органом власти был *совет*, *bulê*, первоначально, повидимому, состоявший из старших родов, позднее же, когда число их слишком возросло, — из особых избранных, которые и послужили основой для образования и укрепления аристократического элемента; так именно и Дионисий изображает нам совет героической эпохи состоящим из знатных (*kratistoi*). В важных вопросах совет

принимает окончательные решения; так, например, у Эхила финансовый совет принимает постановление, которое при данных обстоятельствах имеет решающее значение, постановление устроить Этеоклу почетные похороны, а труп Полиника выбросить на съедение собакам. Впоследствии, когда было создано государство, этот совет превратился в сенат.

2. *Народное собрание* (агога). У ирокезов мы видели, что народ, мужчины и женщины, окружают собрание совета и, в установленном порядке участвуя в обсуждении, влияют, таким образом, на его решения. У гомеровских греков этот «Unstand» [стоящие вокруг люди], употребляя древне-германское судебное выражение, развился уже в настоящее народное собрание, как это имело место также у древних германцев. Оно созывалось советом для решения важных вопросов; каждый мужчина мог брать слово. Решение принималось поднятием рук (у Эхила в «Молящих защиты») или криком. Собранию принадлежала в последней инстанции верховная власть, ибо, как говорит Шёман («Греческие древности»), «когда идет речь о деле, для выполнения которого требуется участие народа, Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли». Ведь в это время, когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа общественной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена. Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете, и из этого мы должны исходить при суждении о власти и роли как совета, так и базилевса.

3. *Военачальник* (Basileus). Маркс замечает по этому поводу: «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают базилевса в монарха в современном смысле слова. Против этого протестует республиканец-янки Морган. Он говорит с иронией, но вполне справедливо о елейном г. Гладстоне и его «Juventus Mundi» [«Юности мира»]: «Г-н Гладстон изображает нам греческих предводителей героической эпохи в виде королей и князей, добавляя в придачу, что они были также джентльменами; но он сам должен признать, что обычай или право первородства мы находим у них как будто достаточно, но не слишком отчетливо выраженным». Надо полагать, что право первородства с такими оговорками самому г. Гладстону покажется достаточно, хотя и не слишком отчетливо, лишенным всякого значения.

Мы видели уже, как обстояло дело с наследственностью должностей старшин у ирокезов и других индейцев. Все должности

были выборными в большинстве случаев внутри рода и постольку были наследственными в пределах рода. При замещении освободившихся должностей стали мало-по-малу отдавать предпочтение ближайшему сородичу — брату или сыну сестры, если не было причин обойти его. Поэтому, если у греков при господстве отцовского права должность базилевса обычно переходила к сыну или к одному из сыновей, то это лишь доказывает, что сыновья могли рассчитывать на наследование в силу народного избрания, но отнюдь не служит доказательством законного наследования помимо такого избрания. В данном случае мы находим у ирокезов и греков первый зародыш особых знатных семей внутри рода, а у греков к тому же еще и первый зародыш будущего наследственного предводительства, или монархии. Поэтому следует предположить, что у греков базилевс или избирался народом, или же должен был утверждаться его признанными органами — советом или агорой, как это практиковалось по отношению к римскому «царю» (*rex*).

В «Илиаде» «владыка мужей» Агамемнон выступает не как верховный царь греков, а как верховный вождь союзного войска перед осажденным городом. На это его положение указывает в известном месте Одиссей, когда среди греков возникли раздоры: Нехорошо многовластие, один должен быть вождем и т. д. (далее еще излюбленный, позднее добавленный стих с упоминанием о скипетре). «Одиссей не читает здесь лекции о форме правления, а требует повиновения верховному вождю на войне. У греков, которые под Троей представляли из себя только войско, на собрании (*agora*) царят довольно демократические порядки: Ахиллес, говоря о подарках, т. е. о дележе добычи, эту задачу всегда возлагает не на Агамемнона или какого-нибудь другого базилевса, но на «сынов ахейн», т. е. на народ. Эпитеты: «Зевсом рожденный», «Зевсом вскормленный» ничего не доказывают, так как *каждый* род ведет свое происхождение от одного из богов, а род главы племени уже от «более благородного» бога, в данном случае — от Зевса. Даже лично несвободные, как, например, свинопас Эвмей, являются «божественными» (*diōi* и *theiōi*), и это в «Одиссее», следовательно значительно позднее, чем время «Илиады»; в той же «Одиссее» название «герой» дается еще герольду Милию, так же как и слепому певцу Демодоксу. Одним словом, выражение *basileia*, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровского так называемого царства (потому что его главный отличительный признак — военное предводительство), наряду с советом и народным собранием, означает только военную демократию» (*Маркс*).

У базилевса, помимо военных, были еще жреческие и судейские полномочия; последние не были точно определены, первые были присвоены ему как верховному представителю племени или союза племен. О полномочиях по гражданскому управлению никогда нет и речи, но, повидимому, базилевс по должности состоял членом совета. Таким образом, этимологически совершенно правильно переводить слово «базилевс» немецким словом «König» (kuning), так как слово «König» происходит от Kuni, Künne и означает «старшина рода». Но современному значению слова «король» древнегреческое «базилевс» совершенно не соответствует. Фукидид определенно называет древнюю *basileia* — *patrikê*, т. е. происходящей от родов, и говорит, что она обладала точно установленными, следовательно ограниченными полномочиями. И Аристотель говорит, что *basileia* героической эпохи была предводительством над свободными, а базилевс был военачальником, судьей и верховным жрецом; правительственной властью в позднейшем смысле он поэтому не обладал *.

Мы видим, таким образом, в греческом общественном строе героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но, вместе с тем, и начало ее разрушения: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствует накоплению богатств в семье и усиливает семью в противовес роду; влияние имущественных различий на общественный строй путем образования первых начатков наследственного дворянства и монархии; рабство, сперва одних только военнопленных, но уже подготовляющее возможность порабощения собственных соплеменников и даже сородичей; совершающееся уже вырождение былой войны между племенами в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств. Недоставало

* Как греческого базилевса, так и ацтекского военачальника подменяли современным владетельным князем. Морган впервые подвергает исторической критике первоначально основанные на недоразумении и преувеличенные, а затем и прямо лживые сообщения испанцев и доказывает, что мексиканцы стояли на средней ступени варварства, но несколько опередили в своем развитии новомексиканских индейцев пуэбло, и что их общественный строй, насколько можно заключить по искаженным сообщениям, соответствовал следующему: союз трех племен, подчинивший себе и обязавший данью несколько других племен и управлявшийся союзным советом и союзным военным вождем, которого испанцы превратили в «императора».

только одного: учреждения, которое обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц не только от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, следовательно и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатства; нехватало учреждения, которое увековечивало бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последними.

И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство*.

У. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА.

В древних Афинах мы лучше всего можем проследить, по крайней мере для начальной стадии, как развилось государство, частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их и внедряя на их место новые органы и, наконец, полностью заменяя их настоящими органами государственной власти. При этом место подлинного «вооруженного народа», создающего себе защиту в своих родах, фратриях и племенах, заняла вооруженная «общественная власть», подчиненная этим государственным органам, а следовательно применимая и против народа. Смена форм в основном изображена Морганом, экономическое содержание, порождающее эту смену форм, приходится мне большей частью добавлять.

В героическую эпоху четыре племени афинян занимали еще отдельные области Аттики; даже составлявшие их двенадцать фратрий, повидному, жили отдельно в двенадцати городах Кекропса. Общественный строй был тот же, что и в героическую эпоху: народное собрание, народный совет, базилевс. Насколько помнит писанная история, земля была уже поделена и перешла в частную собственность, как это и свойственно товарному производству, сравнительно уже развитому к концу высшей ступени варварства, и соответствующей ему торговле товарами. Наряду с хлебом производилось также вино и растительное масло; морская торговля по Эгейскому морю все более уходила из рук финикийян и попадала большей частью в руки аттических греков. Благодаря купле и продаже земельных участков, благодаря дальнейшему развитию разделения труда между земледелием и ремеслом, торговлей и судоходством члены родов, фратрий и племен должны были весьма скоро перемешаться; в округе фратрии и племени селились жители, которые, будучи соотечественниками, все же не принадлежали к этим группировкам, следовательно были чужаками в своем собственном месте жительства. Ведь каждая фратрия и каждое племя в спокойные времена сами управляли своими делами, не обращаясь в Афины, к народному совету или базилевсу. Но те, кто жил на территории фратрии или племени, не принадлежа к ним, не могли, разумеется, принимать участия в этом управлении.

Это так нарушило нормальное функционирование органов родового строя, что уже в героическую эпоху потребовалось принять меры для устранения этого. Была введена приписываемая Тезею конституция. Перемена состояла прежде всего в том, что в Афинах было учреждено центральное управление, т. е. часть дел, до того находившихся в самостоятельном ведении племен, была объявлена имеющей общее значение и передана в ведение заседающего в Афинах общего совета. Благодаря этому нововведению афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из туземных народов Америки: вместо простого союза живущих рядом племен произошло их слияние в единый народ. В связи с этим возникло общее афинское народное право, стоявшее выше правовых обычаев отдельных племен и родов; афинский гражданин получил также, как таковой, определенные права и новую правовую защиту и на той территории, где он был пришельцем из чужого племени. Но этим был сделан первый шаг к уничтожению родового строя, ибо это было первым шагом к тому, что позднее допускались граждане, являвшиеся чужестранцами во всей Аттике, целиком находившиеся и остававшиеся вне афинского родового строя. Второе, приписываемое Тезею, нововведение состояло в разделении всего народа, независимо от рода, фратрии или племени, на три класса: эвпатридов, или благородных, геоморов, или земледельцев, и демургов, или ремесленников, и в предоставлении благородным исключительного права на замещение должностей. Впрочем, это подразделение, если не считать связанного с ним замещения должностей благородными, оставалось без последствий, так как оно, кроме этого, не установило никаких правовых различий между классами. Но оно имеет важное значение, так как обнаруживает перед нами новые, незаметно развивающиеся общественные элементы. Оно показывает, что вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в мало оспариваемое право этих семей на общественные должности, что эти семьи, и без того могущественные благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и что эти их притязания были освящены государством, которое еще только зарождалось. Оно, далее, показывает, что разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось настолько, что умалило общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством; первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей путем разделения

членов каждого рода на привилегированных и простых граждан, а последних, в свою очередь, на два класса соответственно их промыслу, и таким образом противопоставляет их один другому.

Дальнейшая политическая история Афин вплоть до Солона далеко не достаточно известна. Должность базилевса утратила свое значение; во главе государства стали избранные из среды благородных архонты. Власть благородных все более и более усиливалась, пока, приблизительно в 600 г. до нашего летосчисления, она не сделалась невыносимой. Главным средством для подавления народной свободы служили при этом деньги и ростовщичество. Главное местопребывание благородных было в Афинах и их окрестностях, где морская торговля, а вместе с ней морская разбой, все еще при случае практикуемый, обогащали их и сосредоточивали в их руках денежные богатства. Отсюда развивающееся денежное хозяйство проникало, точно разъедающая кислота, в основанный на натуральном хозяйстве исконный образ жизни сельских общин. Родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством; разорение мелких крестьян Аттики совпало с ослаблением охранявших их старых родовых уз. Долговая расписка и заклад земли (ипотеку афиняне уже изобрели) не считались ни с родом, ни с фратрией. А старый родовой строй не знал ни денег, ни задатков, ни денежных долгов. Поэтому все пышнее расцветавшее денежное господство благородных выработало также новое обычное право, для того чтобы обеспечить кредитора против должника, для того чтобы освятить эксплуатацию мелких крестьян владельцами денег. На полях Аттики всюду торчали столбы с надписями на них, в которых сообщалось, что данный участок заложен тому-то и тому-то за такую-то сумму денег. Поля, свободные от таких надписей, были уже большей частью проданы вследствие неуплаты в срок закладной суммы или процентов и перешли в собственность благородного ростовщика; крестьянин мог быть доволен, если ему дозволяли оставаться на участке в качестве арендатора и жить на *шестую часть* продукта своего труда, уплачивая остальные *пять шестых* новому хозяину в виде арендной платы. Более того. Если сумма, вырученная при продаже участка, не покрывала долга или если заем не был обеспечен залогом, то должник вынужден был продавать своих детей за границу в рабство, чтобы расплатиться с кредитором. Продажа детей отцом — таков был первый плод отцовского права и моногамии! А если и в таком случае кровопийца не был вполне удовлетворен, он мог продать в рабство и самого должника. Такова была светлая заря цивилизации у афинского народа.

Прежде, когда условия жизни народа еще соответствовали родовому строю, такой переворот был невозможен; а теперь он совершился, и никто не знал, как он произошел. Вернемся на минуту к нашим ирокезам. Там было немыслимо положение, навязанное теперь афинянам, так сказать, без их участия и несомненно против их воли. Там остающийся из года в год неизменным способ добывания средств к жизни никогда не мог породить таких словно извне навязанных конфликтов, такого антагонизма между богатыми и бедными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Ирокезы были еще весьма далеки от власти над природой, но в известных, доступных для них границах они были господами своего производства. Если не считать неурожая на их небольших огородах, истощения рыбных запасов в их озерах и реках и исчезновения дичи в их лесах, они знали заранее, на что могут рассчитывать при своем способе добывания средств к жизни. Они знали, что получают средства к существованию — когда в скудном объеме, когда в изобилии; но непредвиденные общественные перевороты были тогда невозможны, невозможны были разрывы родовых связей, разделение сородичей и соплеменников на противоположные, борющиеся друг с другом классы. Производство вращалось в самых узких рамках, но продукт находился целиком во власти производителей. Это было громадным преимуществом варварского производства, преимуществом, которое с появлением цивилизации было утрачено. Задачей ближайших поколений будет обратное завоевание его, но уже на основе ныне приобретенного могучего господства человека над природой и на основе ставшего теперь возможным свободного товарищества (*freien Association*).

Иначе обстояло дело у греков. Появившаяся частная собственность на стада и роскошную утварь вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в *товары*. И в этом — зародыш всего последующего переворота. Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже не знали, что станет с продуктом. Возникла возможность воспользоваться продуктом против производителя, для его эксплуатации и угнетения. Поэтому ни одно общество не может сохранить на долго власть над своим собственным производством и контроль над социальными последствиями своего процесса производства, если оно не уничтожит обмена между отдельными лицами.

Как быстро после возникновения обмена между отдельными

людьми и вместе с превращением продуктов в товары начинает проявляться власть продукта над его производителем — это афинянам пришлось испытать на собственном опыте. Вместе с товарным производством появилась обработка земли отдельными лицами за собственный счет, а вскоре затем и земельная собственность отдельных лиц. Потом появились деньги, всеобщий товар, на который обменивались все другие товары. Но, изобретая деньги, люди не подозревали, что они вместе с тем создают новую общественную силу, единую имеющую всеобщее значение силу, перед которой должно будет склониться все общество. И эта новая сила, внезапно возникшая без ведома и против воли своих собственных творцов, дала почувствовать свое господство афинянам со всей грубостью своей молодости.

Что было делать? Древний родовой строй не только оказался бессильным против победного шествия денег, он был также абсолютно неспособен найти в своих пределах хотя бы место для таких вещей, как деньги, кредиторы и должники, принудительное взыскание долгов. Но новая общественная сила существовала, и благочестивые пожелания, стремления вернуть доброе старое время были не в состоянии сжить со света ни денег, ни ростовщичества. Сверх того, в родовом строе был пробит ряд других второстепенных брешей. От поколения к поколению все больше перемешивались между собою члены различных родов и фратрий по всей территории Аттики и особенно в самом городе Афинах, хотя и теперь еще афинянин мог, правда, продавать не-членам своего рода земельные участки, но не свое жилище. С дальнейшим развитием промышленности и торговых сношений все полнее развивалось разделение труда между различными отраслями производства: земледелием, ремеслом, а в ремесле — между бесчисленными разновидностями его, торговлей, судоходством и т. д.; население разделялось теперь по своим занятиям на довольно устойчивые и определенные группы, и каждая из них имела ряд новых общих интересов, интересов, которым не было места внутри рода или фратрии и для обслуживания которых требовались, следовательно, новые должности. Количество рабов значительно возросло, и в ту пору, вероятно, уже на много превышало число свободных афинян; родовой строй первоначально совсем не знал рабства и не знал поэтому, как держать в узде эту массу несвободных. И, наконец, торговля привлекала в Афины множество чужестранцев, которые селились здесь ради легкой наживы; они, в силу старых порядков, также были бесправными и беззащитными и, несмотря на традиционную терпимость, оставались чуждым элементом в народе.

Одним словом, родовой строй приходил к концу. Общество с каждым днем все более выросло из его рамок; даже худшие отрицательные явления, которые возникали у всех на глазах, он не мог ни ослабить, ни устранить. А тем временем незаметно развилось государство. Новые группы, созданные разделением труда сперва между городом и деревней, а затем между различными городскими отраслями труда, породили новые органы для ограждения своих интересов; были учреждены всякого рода должности. И кроме того, молодому государству потребовалась прежде всего собственная сила, которая у ведущих морскую торговлю афинян могла быть главным образом только морской силой для ведения отдельных небольших войн и для охраны торговых судов. Были учреждены, неизвестно за сколько времени до Солона, навкрарии, небольшие территориальные округа, по двенадцати в каждом племени; каждая навкрария должна была поставить, вооружить и укомплектовать экипажем одно военное судно и, кроме того, выставляла еще двух всадников. Это учреждение разлагало родовой строй двойным образом. Во-первых, оно создавало общественную власть, уже не совпадавшую со всем вооруженным народом; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, а по *территориальному сожителству*. Какое это имело значение, будет видно из последующего.

Так как родовой строй не мог оказывать эксплуатируемому народу никакой помощи, то оставалось только возникающее государство. И оно действительно оказало помощь, введя конституцию Солона и в то же время снова усилившись за счет старого строя. Солон, -- нас здесь не интересует способ, каким была проведена его реформа, относящаяся к 594 г. до нашего летосчисления, -- открыл ряд так называемых политических революций, и притом с вторжением в отношения собственности. Все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могут защищать один вид собственности, не посягая на другой. В Великую французскую революцию была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников. Долги были попросту объявлены недействительными. Подробности нам точно неизвестны, но Солон похваляется в своих стихах, что убрал залоговые столбы с обремененных долгами земельных участков и вернул обратно проданных за долги и бежавших за границу. Это можно было сделать

только посредством открытого нарушения прав собственности. И действительно, все так называемые политические революции, от первой до последней, были совершены ради защиты собственности *одного* рода и проводились путем конфискации, называемой также кражей, собственности *другого* рода. Таким образом, совершенно неоспоримым является то, что в течение двух с половиной тысяч лет частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности.

Но теперь необходимо было помешать повторению такого порабощения свободных афинян. Это достигалось, прежде всего, общими мерами, как, например, запрещением таких долговых обязательств, по которым закладывалась самая личность должника. Затем были установлены максимальные размеры земельной собственности, которою могло владеть отдельное лицо, чтобы положить хоть некоторые пределы ненасытной жадности благородных к крестьянской земле. Но потом последовали изменения и в государственном строе; для нас важнейшими представляются следующие:

Совет был сведен к четыремстам членам, по сто от каждого племени; здесь, таким образом, основой еще оставалось племя. Но это был единственный пункт старого порядка, воспринятый новым государством. Что касается остального, то Солон разделил граждан на четыре класса по размерам землевладения и его доходности; 500, 300 и 150 медимнов зерна (1 медимн равен приблизительно 41 литру) были минимальными размерами дохода для первых трех классов; имевшие меньшие участки или совсем не владевшие земельной собственностью попадали в четвертый класс. Все должности могли замещаться лишь представителями высших трех классов, а высшие должности — только представителями первого класса; четвертый класс имел лишь право выступать и голосовать в народном собрании, но здесь выбирались все должностные лица, здесь они должны были давать отчет в своей деятельности, здесь вырабатывались все законы, и здесь четвертый класс составлял большинство. Аристократические привилегии были частью возобновлены в форме привилегий богатства, но народ сохранял за собой решающую власть. Далее, четыре класса послужили основой для новой организации войска. Первые два класса поставляли кавалерию, третий должен был служить в качестве тяжело вооруженной пехоты, четвертый — в качестве легко вооруженной, подвижной пехоты или во флоте, и притом получал, вероятно, за свою службу также жалованье.

Здесь, таким образом, введен в конституцию совсем новый элемент — частная собственность. Права и обязанности граждан

государства стали устанавливаться соразмерно величине их земельной собственности, и поскольку стали приобретать влияние имущественные классы, постольку стали вытесняться старые кровнородственные группы; родовой строй потерпел новое поражение.

Однако отмеривание политических прав соответственно имуществу вовсе не было одним из таких установлений, без которых не может существовать государство. Хотя эта мера и играла большую роль в конституционной истории государств, все же очень многие государства, и как раз наиболее развитые, обходились без нее. Да и в Афинах она сыграла только преходящую роль; со времени Архистиды доступ ко всем должностям был открыт каждому гражданину.

В течение ближайших восьмидесяти лет развитие афинского общества постепенно приняло направление, по которому оно развивалось далее на протяжении следующих столетий. Процветавшим в до-солоновскую эпоху ростовщическим операциям с землей был положен предел, равно как и безмерной концентрации землевладения. Торговля и ремесло вместе с художественным ремеслом, развивавшиеся на рабском труде во все более крупных размерах, сделались господствующими промыслами. Люди стали более просвещенными. Вместо того чтобы по-старому жестоким образом эксплуатировать собственных сограждан, стали теперь эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей не-афинян. Движимое имущество, богатство, состоявшее в деньгах, рабах и кораблях, все более возрастало, но теперь оно уже не служило только средством для приобретения земельной собственности, как это было в первоначальные малокультурные времена, — оно стало самоцелью. Это, с одной стороны, создало в лице нового класса богатых промышленников и купцов победоносную конкуренцию старой власти благородных, а с другой стороны, отняло последнюю почву у остатков старого родового строя. Роды, фратрии и племена, члены которых были рассеяны теперь по всей Аттике и перемешаны между собой, стали совсем непригодными для роли политических единиц; значительное число афинских граждан не принадлежало ни к какому роду; это были переселенцы, которые хотя и получали права гражданства, но не были приняты ни в один из старых родовых союзов; наряду с этим еще имелась непрерывно возрастающая масса пользовавшихся лишь покровительством чужеземных переселенцев.

Между тем борьба партий продолжалась; благородные пытались вернуть себе прежние привилегии и на короткое время одержали верх, пока революция Клисфена (509 г. до нашего летосчисления).

не низвергла их окончательно, а с ними вместе и последние остатки родового строя.

В своей новой конституции Кликсфен игнорировал четыре древних племени, основанных на родах и фратриях. Их место заняла совершенно новая организация на основе уже испытанного в навкратриях разделения граждан только по месту их жительства. Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства; не народ подвергался делению, а территория; жители в политическом отношении превращались в простую принадлежность территории.

Вся Аттика была разделена на сто самоуправляющихся общинных территориальных округов (Gemeindebezirke) — демов. Живущие в каждом деме граждане (демоты) избирали своего старшину (демарха) и казначея, а также тридцать судей, которым были подсудны мелкие тяжбы. Демы получили также собственный храм и бога-покровителя или героя, для которого они выбирали священнослужителей. Высшая власть в деме принадлежала собранию демотов. Как справедливо замечает Морган, это — прообраз самоуправляющейся американской городской общины. Нарождающееся государство начало в Афинах с той же единицы, к которой приходит современное государство в результате своего высшего развития.

Десять таких единиц, демов, составляли племя, которое, однако, в отличие от старого родового племени стало называться теперь племенем местным (Ortsstamm). Оно было не только самоуправляющейся политической, но также и военной организацией; оно выбирало филарха, или племенного старшину, который командовал конницей, таксиарха, командовавшего пехотой, и стратега, стоявшего во главе всех вооруженных сил, набранных на территории племени. Оно, далее, снаряжало пять военных судов с экипажем и начальником и получало в качестве своего покровителя какого-нибудь аттического героя, по имени которого и называлось. Наконец, оно выбирало пятьдесят представителей в афинский совет.

Завершалось все это афинским государством, которое управлялось советом, состоявшим из пятисот избранных представителей десяти племен, а в последней инстанции — народным собранием, куда имел доступ и где пользовался правом голоса каждый афинский гражданин; наряду с этим архонты и другие должностные лица ведали различными отраслями управления и судебными делами. Главы исполнительной власти в Афинах не было.

С введением этого нового строя и с допущением очень большого числа неполноправных жителей, — частью вселившихся чужеземцев, частью вольноотпущенных рабов, — органы родовой организации были вытеснены из общественной жизни: они выродились в союзы частного характера и в религиозные товарищества. Но моральное влияние, унаследованные взгляды и способ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях и только постепенно отмирали. Это сказалось на одном из позднейших государственных учреждений.

Мы видели, что главной отличительной чертой государства является общественная власть, отделенная от массы народа. Афины располагали в ту пору лишь народным войском и флотом, который выставлял непосредственно народ; войско и флот были защитой от внешних врагов и держали в повиновении рабов, которые уже тогда составляли значительное большинство населения. По отношению к гражданам общественная власть первоначально существовала только в качестве полиции, которая так же стара, как государство, почему наивные французы XVIII столетия и говорили не о народах цивилизованных, а о *nations policées* [о народах с полицией]. Афиняне учредили одновременно со своим государством также и полицию, настоящую жандармерию из конных и пеших лучников — ландегерей, как их называют в Южной Германии и в Швейцарии. Но эта жандармерия формировалась из *рабов*. Эта полицейская служба представлялась свободному афинянину столь униженной, что он предпочитал дать себя арестовать вооруженному рабу, чем самому заниматься таким позорным делом. В этом сказывался еще образ мыслей старого родового быта. Государство не могло существовать без полиции, но оно было молодо и не пользовалось еще таким моральным авторитетом, чтобы внушить уважение к ремеслу, которое бывшим членам родового общества неминуемо должно было казаться гнусным.

В какой степени сложившееся в главных своих чертах государство оказалось приспособленным к новому общественному положению афинян, свидетельствует быстрый расцвет богатства, торговли и промышленности. Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизм между аристократией и простым народом, а между рабами и свободными, между неполноправными жителями и гражданами. Во время наивысшего расцвета Афин общее количество свободных граждан, считая женщин и детей, состояло приблизительно из 90 000 душ наряду с 365 000 рабов обоего пола и 45 000 неполно-

правных жителей — иностранцев и вольноотпущенных. На каждого взрослого гражданина мужского пола приходилось, таким образом, по меньшей мере 18 рабов и свыше 2 неполноправных. Большое число рабов объясняется тем, что многие из них, под надзором надсмотрщиков, работали вместе в больших мануфактурах, в обширных помещениях. Но с развитием торговли и промышленности происходило накопление и концентрация богатств в немногих руках, обнищание массы свободных граждан, которым только оставалось или, занявшись ремеслом, вступить в конкуренцию с рабским трудом, что считалось постыдным, позорным занятием и не сулило к тому же большого успеха, или же превратиться в нищих. Они шли — при данных условиях неизбежно — по последнему пути, а так как они составляли массу, то тем самым привели к гибели и все Афинское государство. Не демократия погубила Афины, как это утверждают европейские школьные учителя, висящие хвостом перед монархами, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным.

Возникновение государства у афинян вообще является в высшей степени типичным примером образования государства, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого вмешательства внешнего или внутреннего насилия, — захват власти Пизистратом не оставил никаких следов своего короткого существования, — с другой стороны, потому, что в данном случае очень развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества, и, наконец, потому, что мы в достаточной степени знаем все существенные подробности образования этого государства.

VI. РОД И ГОСУДАРСТВО В РИМЕ.

Из сказания об основании Рима видно, что первыми поселенцами был ряд объединившихся в одно племя латинских родов (согласно сказанию — сто), к которым вскоре присоединилось одно сабельское племя, также будто бы насчитывавшее сто родов, а затем и третье племя, состоявшее из различных элементов, также имевшее, по преданию, сто родов. Весь рассказ с первого взгляда свидетельствует о том, что здесь ничего не было естественно сложившегося, кроме рода, да и последний в некоторых случаях был лишь ветвью первоначального рода, продолжавшего существовать на старой родине. На племенах лежит печать искусственного образования, однако большей частью из родственных элементов и по образцу древнего, естественно выросшего, а не искусственно созданного племени; при этом не исключена возможность, что основным ядром каждого из трех племен могло служить подлинное старое племя. Промежуточное звено, фратрия, состояло из десяти родов и называлось куршей; их было, таким образом, тридцать.

Общепризнано, что римский род был таким же учреждением, как и род греческий; и если греческий род представляет дальнейшее развитие той общественной единицы, первобытную форму которой мы видим у американских краснокожих, то это целиком относится и к римскому роду. Мы можем поэтому быть здесь краткими.

Римский род, по крайней мере в древнейшую пору существования города, имел следующее устройство:

1. Взаимное право наследования членов рода; имущество оставалось внутри рода. Так как в римском роде, как и в греческом, господствовало уже отцовское право, то потомство по женской линии исключалось из наследования. По закону Двенадцати таблиц, древнейшему известному нам писанному памятнику римского права, наследовали в первую очередь дети как прямые наследники, за их отсутствием — агнаты (родственники по *мужской* линии), а за их отсутствием — сородичи. Во всех случаях имущество оставалось внутри рода. Мы видим здесь постепенное проникновение в родо-

вой обычай новых, порожденных ростом богатства и моногамией правовых норм: первоначально равное право на наследование всех сородичей сначала — и, как указывалось выше, очень рано — ограничивается на практике агнатами и, наконец, детьми и их потомством в мужской линии; в Двенадцати таблицах это, само собою разумеется, появляется в обратном порядке.

2. Обладание общим местом погребения. Патрицианский род Клавдиев при переселении из Регилла в Рим получил участок земли и кроме того в городе общее место погребения. Еще при Августе привезенная в Рим голова погибшего в Тевтобургском лесу Вара была погребена в *gentilitius tumulus* [родовом кургане] — род (Квинктилий), следовательно, имел еще особый могильный курган.

3. Общие религиозные празднества. Эти *sacra gentilitia* общеизвестны.

4. Обязательство не вступать в брак внутри рода. Это, повидимому, никогда не претворялось в Риме в писанный закон, но оставалось обычаем. Из огромной массы римских супружеских пар, имена которых сохранились для нас, ни одна не имеет одинакового родового имени для мужа и жены. Наследственное право также подтверждает это правило. Женщина с выходом замуж утрачивает свои агнатические права, выходит из своего рода; ни она, ни ее дети не могут наследовать ее отцу или братьям последнего, так как в противном случае утрачена была бы наследственная часть отцовского рода. Это имеет смысл только при предположении, что женщина не может выйти замуж за сородича.

5. Общее землевладение. Последнее в первобытную эпоху всегда существовало с тех пор, как начали производить раздел земли, принадлежащей племени. Среди латишских племен мы находим землю частью во владении племени, частью рода, частью отдельных хозяйств, которыми тогда вряд ли являлись отдельные семьи. Ромулу приписывается первый раздел земли между отдельными лицами, приблизительно по гектару (два югера) на каждого. Однако мы еще позднее застаем владение землей сосредоточенным в руках рода, не говоря уже о государственной земле, вокруг чего и вращается вся внутренняя история республики.

6. Обязанность сородичей оказывать друг другу защиту и помощь. Писанная история показывает нам одни лишь обломки этого; римское государство с самого начала выступило на сцену такой преобладающей силой, что право защиты от оскорблений и несправедливостей перешло к нему. Когда Аппий Клавдий был арестован, весь его род облекся в траур, даже те, кто были его лич-

ными врагами. Во время второй Пунической войны роды объединились для выкупа своих пленных сородичей; сенат *запретил* им это.

7. Право носить родовое имя. Оно сохранилось вплоть до времен империи; вольноотпущенникам дозволялось принимать родовое имя своих бывших господ, однако без приобретения родовых прав.

8. Право принимать в род чужаков. Это совершалось путем усыновления одною из семей (как у индейцев), что вело за собою прием в род.

9. О праве избирать и смещать старшину нигде не упоминается. Но так как в первый период существования Рима все должности замещались по выбору или по назначению, начиная с выборного царя, и так как жрецы курий также выбирались куриями, то мы можем предположить для старшин (*principes*) родов то же самое, хотя избрание из одной и той же семьи в роде могло уже стать правилом.

Таковы были права римского рода. За исключением уже завершившегося перехода к отцовскому праву, они точно воспроизводят права и обязанности ирокезского рода; и здесь «живо проглядывает ирокез».

Покажем на одном только примере, какая путаница понятий о римском родовом строе господствует еще в настоящее время даже среди наших самых известных историков. В работе Моммзена о римских собственных именах республиканской и августовской эпох («*Römische Forschungen*» [«Римские исследования»], Берлин, 1864, т. I) говорится следующее: «Помимо всех сородичей мужского пола, исключая, конечно, рабов, но включая усыновленных родом и находящихся под его покровительством, родовое имя распространяется также на женщин... Племя (*Stamm*, как Моммзен переводит здесь слово *gens*) представляет группу... которая происходит от общего — действительного, или предполагаемого, или даже выдуманного — предка, объединена общими празднествами, кладбищем и наследованием и к которой могут и должны причислять себя все лично свободные индивидуумы, а следовательно также и женщины. Затруднение представляет только определение родового имени замужних женщин. Этого затруднения, конечно, не было, пока женщина могла выходить замуж не иначе, как за члена своего рода; как известно, долгое время женщине труднее было выйти замуж за пределами своего рода, чем внутри его, что подтверждается правом *gentis euptio* [вступления в брак вне рода], которое еще в VI столетии давалось в награду в качестве личной привилегии... Но там, где имели место такие браки вне рода, женщина в древнейшую эпоху, повидимому, должна была переходить в племя мужа. Нет никакого сомнения

в том, что женщина через древний религиозный брак вступает в правовую и сакральную общину мужа и выходит из своей. Кто не знает, что замужняя женщина утрачивает активное и пассивное право на наследование в своем роде, но входит в наследственный союз со своим мужем, детьми и его сородичами? И если она как бы усыновляется мужем и вступает в его семью, то как же может она оставаться чуждой его роду?» (стр. 9—11).

Моммзен, таким образом, утверждает, что римские женщины, принадлежавшие к какому-нибудь роду, могли первоначально вступить в брак только *внутри* своего рода, что римский род, следовательно, был эндогамный, а не экзогамный. Этот взгляд, противоречащий всему, что известно об этом у других народов, опирается главным образом, если не исключительно, на одно единственное, вызывавшее много споров место у Ливия (книга XXXIX, гл. 19), согласно которому сенат в 568 г. с основания города, т. е. в 186 г. до нашего летосчисления, постановил, *uti Feceniae Hispallae datio, deminutio, gentis enuptio, tutoris optio item esset quasi ei vir testamento dedisset; utique ei ingenuo nubere liceret, neu quid ei qui eam duxisset, ob id fraudi ignominiaeve esset* — чтобы Фецения Гиспалла имела полное право располагать своим имуществом, уменьшать его, выйти замуж вне рода и избрать себе опекуна, как если бы ее [умерший] муж передал ей это право по завещанию; чтобы она могла выйти замуж за полноправного гражданина и чтобы того, кто возьмет ее в жены, не считали совершившим плохой или постыдный поступок.

Нет сомнения, что здесь Фецении, вольноотпущенной, предоставляется право выйти замуж вне рода. Столь же несомненно отсюда следует, что муж имел право по завещанию передать своей жене право выйти после его смерти замуж вне рода. Но вне *какого* рода?

Если женщина обязана была выходить замуж *внутри* своего рода, как предполагает Моммзен, то она и после замужества оставалась в этом роде. Но, во-первых, именно это утверждение об эндогамии рода и требуется доказать. А во-вторых, если женщина должна была вступить в брак *внутри* своего рода, то, естественно, также и мужчина, так как иначе он не нашел бы себе жены. Но тогда оказывается, что муж мог передать своей жене по завещанию право, которым он сам и для самого себя не располагал; это с юридической точки зрения бессмыслица. Моммзен также чувствует это и потому делает следующее предположение: «для брака вне рода требовалось юридически, вероятно, не только согласие имеющего власть, но и

всех сородичей» (стр. 10, примечание). Это, во-первых, очень смелое предположение, а во-вторых, оно противоречит ясному тексту приведенного места; сенат дает ей это право *вместо мужа*, он определенно дает ей не больше и не меньше того, что мог бы дать ей ее муж, но уж дает он ей право *абсолютное*, никакими другими ограничениями не связанное, так что, если она воспользуется этим правом, то и ее новый муж не должен страдать от этого; сенат даже поручает нынешним и будущим консулам и преторам позаботиться о том, чтобы для нее от этого не произошло никаких неприятностей. Таким образом, предположение Моммзена представляется совершенно необоснованным.

Или же женщина выходила замуж за мужчину из другого рода, но сама оставалась в своем прежнем роде. Тогда, согласно вышеприведенному месту, ее муж имел бы право позволить жене вступить в брак вне ее собственного рода. Это значит, что он имел бы право распоряжаться в делах, касавшихся рода, к которому он вовсе не принадлежал. Это такая нелепость, о которой и говорить не стоит.

Остается только предположить, что женщина в первом браке вышла за мужчину из другого рода и через этот брак перешла безоговорочно в род мужа, как это Моммзен фактически и допускает для подобных случаев. Все взаимоотношения сразу становятся ясными. Женщина, порвавшая своим замужеством связи со своим старым родом и принятая в новый родовой союз мужа, занимает там совершенно особое положение. Хотя она и член рода, но не связана с ним кровным родством; самый характер ее принятия заранее исключает ее из общего запрета вступать в брак внутри рода, в который она вошла именно путем замужества; она, далее, принята в брачный союз рода, наследует в случае смерти мужа его имущество, т. е. имущество члена рода. Что может быть естественнее правила, чтобы в целях сохранения имущества в роде она была обязана выйти замуж за сородича своего первого мужа и ни за кого другого? И если должно быть сделано исключение, то кто может быть достаточно компетентным для того, чтобы уполномочить ее на это, как не ее первый муж, который передал ей это имущество? В тот момент, когда он передает ей часть имущества и одновременно разрешает передать эту часть имущества путем брака или в силу брака в чужой род, это имущество еще принадлежит ему; он, следовательно, распоряжается буквально только своей собственностью. Что касается самой жены и ее отношения к роду мужа, то в этот род ввел ее именно муж актом своей свободной воли — браком; поэтому равным образом представляется естественным, что именно

он имел право уполномочить ее выйти из этого рода посредством второго брака. Одним словом, дело оказывается простым и само собою понятным, как только мы отбросим удивительное представление об эндогамности римского рода и вместе с Морганом признаем его первоначально экзогамным.

Остается еще последнее предположение, которое также нашло своих сторонников и, пожалуй, наиболее многочисленных: цитата будто говорит лишь о том, «что вольноотпущенные служанки (*libertae*) не могли без специального разрешения *e gente enubere* (вступать в брак вне рода) или совершить какой-либо другой акт, который, будучи связан с *capitis deminutio minima* [утратой семейных прав], повлек бы за собой выход *liberta* из родового союза» (Lange, «Römische Altertümer» [«Римские древности»], Berlin, 1856, I, стр. 195, где по поводу цитируемого нами места из Ливия делается ссылка на Гушке). Если это предположение правильно, то цитата уже решительно ничего не доказывает относительно положения полноправных римлянок, и тогда еще меньше оснований говорить об обязанности последних вступать в брак только внутри рода.

Выражение *enuptio gentis* встречается только в этом единственном месте у Ливия и нигде больше во всей римской литературе; глагол *enubere* (вступить в брак на стороне) встречается только три раза тоже у Ливия, и притом без отношения к роду. Фантазия, будто римлянки могли вступать в брак только внутри рода, обязана своим возникновением одному этому месту. Но она абсолютно не выдерживает критики. В самом деле, или это место относится к особым ограничениям для вольноотпущенниц, и тогда оно ничего не доказывает для полноправных (*ingenuae*); или же оно действительно и для полноправных, и тогда оно скорее доказывает, что женщина, по общему правилу, выходила замуж вне своего рода, но с замужеством переходила в род мужа, — следовательно, против Моммзена и за Моргана.

Еще почти триста лет спустя после основания Рима родовые узы были настолько прочны, что один патрицианский род, именно род Фабиев, мог с разрешения сената собственными силами предпринять военный поход против соседнего города Вейи. 306 Фабиев будто бы выступили в поход и все были убиты в засаде; единственный оставшийся в живых мальчик продолжил род.

Десять родов, как сказано, составляли фратрию, которая здесь называлась курией и получила более важные общественные функции, чем греческая фратрия. Каждая курия имела собственные религиозные церемонии, святыни и жрецов; последние в своей сово-

купности составляли одну из римских жреческих коллегий. Десять курий составляли племя, которое, вероятно, имело первоначально, подобно остальным латинским племенам, своего выборного старшину — военачальника и верховного жреца. Все три племена, взятые вместе, составляли римский народ, *populus romanus*.

К римскому народу, таким образом, мог принадлежать только тот, кто был членом рода, а через свой род — членом курии и племени. Первоначальный общественный строй этого народа был следующий. Общественными делами ведал сначала сенат, который, как это впервые верно подметил Нибур, составлялся из старшин трехсот родов; именно поэтому они, в качестве родовых старшин, назывались отцами, *patres*, а их совокупность — сенатом (совет старейших, от слова *senex* — старый). Вошедшее в обычай избрание старшин всегда из одной и той же семьи рода создало и здесь первую племенную знать; эти семьи назывались патрициями и претендовали на исключительное право вступления в сенат и на право замещать все другие должности. Тот факт, что народ со временем примирился с этими притязаниями, которые превратились в действующее право, нашел свое выражение в сказании о том, что Ромул пожаловал первым сенаторам и их потомству патрициат с его привилегиями. Сенат, как и афинская *bulè*, имел решающий голос во многих вопросах и предварительно обсуждал наиболее важные дела, в особенности новые законы. Последние принимались народным собранием, которое называлось *comitia curiata* (собрание курий). Народ собирался, группируясь по куриям и в каждой курии, вероятно, по родам; при решении вопросов каждая из тридцати курий имела по одному голосу. Собрание курий принимало или отвергало все законы, избирало всех высших должностных лиц, в том числе так называемого царя (*rex*), объявляло войну (но мир заключал сенат) и в качестве высшей судебной инстанции выносило окончательное решение по апелляции сторон во всех случаях, когда дело шло о смертном приговоре римскому гражданину. Наконец, рядом с сенатом и народным собранием стоял *rex*, который точно соответствовал греческому базилевсу и отнюдь не был почти самодержавным царем, каким его изображает Моммзен *. Он тоже был военачаль-

* Латинское *rex* — то же, что кельтско-ирландское *righ* (племенной старшина) и готское *reiks*; что последнее слово, как первоначально и наше *Fürst* (то же самое, что по-английски — *first*, по-датски — *förste*, первый), означало, равным образом, родового или племенного старшину, явствует из того, что готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника всего народа: *thiudans*. Артаксеркс и Ирод в переводе библии

ником, верховным жрецом и председателем в некоторых судах. Правами в области гражданского управления или властью над жизнью, свободой и собственностью граждан он отнюдь не обладал, поскольку они не вытекали из дисциплинарной власти военачальника или власти председателя суда по приведению приговора в исполнение. Должность царя (гех) не была наследственной; напротив, он сперва избирался, вероятно, по предложению предшественника, собраньем курий, а затем во втором собрании торжественно вводился в должность. Что он мог также быть смещен, доказывает судьба Тарквиния Гордого.

Так же, как и у греков в героическую эпоху, у римлян во время так называемых царей была военная демократия, основанная на родах, фратриях и племенах и из них развившаяся. Курии и племена были, правда, отчасти искусственными образованиями, но они были созданы по настоящим, естественно выросшим образцам общества, из которого они возникли и которое еще окружало их со всех сторон. Правда, естественно развившаяся патрицианская знать уже приобрела твердую почву под ногами, цари старались расширить мало-по-малу свои полномочия, но все это ничуть не меняет основного характера общественного строя, а в нем еся суть дела.

Между гем, население города Рима и римской области, расширившейся благодаря завоеванию, возрастало; этот рост происходил отчасти за счет новых поселенцев, отчасти — за счет населения покоренных, по преимуществу латинских, округов. Все эти новые граждане (вопроса о клиентах мы здесь не касаемся) стояли вне старых родов, курий и племен и, следовательно, не составляли части *populus romanus*, собственно римского народа. Они были лично свободные люди, могли владеть земельной собственностью, должны были платить налоги и отбывать военную службу. Но они не могли занимать никаких должностей и не могли участвовать ни в собраниях курий, ни в дележе завоеванных государственных земель. Они составляли лишенный всех общественных прав плебс. Благодаря своей все возрастающей численности, своей военной выучке и вооружению они сделались грозной силой, противостоящей старому *populus*, теперь прочно огражденному от всякого прироста извне. В добавок к этому земля была, повидимому, почти равномерно распре-

Ульфины никогда не называются *reiks*, а только *thiudans*, государство императора Тиберия — не *reiki*, а *thiudinassus*. В имени готского тиуданса или, как мы не точно переводим, короля Тиударейка, Теодориха, т. е. Дитриха, оба эти обозначения слились воедино.

делена между *patricii* и плебсом, тогда как торговое и промышленное богатство, впрочем еще не сильно развившееся, преимущественно было в руках плебса.

Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную древнейшую историю Рима и еще значительно усиленного рационалистически-прагматическими попытками толкования и сообщениями позднейших юридически образованных писателей, произведения которых служат нам источниками, — из-за этого мрака невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни о причинах революции, которая положила конец древнему родовому строю. Несомненно только одно, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и *patricii*.

Новая конституция, приписываемая царю Сервию Туллию и опиравшаяся на греческие образцы, особенно на Солона, создала новое народное собрание, в котором участвовали или из которого исключались без различия *patricii* и плебей, в зависимости от того, несли ли они воинскую повинность или нет. Все военнообязанное мужское население было разделено по своему имуществу на шесть классов. Минимальный размер имущества для каждого из пяти классов составлял: I — 100 000 ассов, II — 75 000, III — 50 000, IV — 25 000, V — 11 000, что, по Дюро де-ла-Маллю, составит приблизительно 14 000, 10 500, 7 000, 3 600 и 1 570 марок. Шестой класс, пролетарии, состоял из малоимущих, свободных от службы и налогов. В новом народном собрании центурий (*comitia centuriata*) граждане выстраивались по-военному, центуриями по 100 человек в каждой, причем каждая центурия имела 1 голос. Но первый класс выставлял 80 центурий, второй — 22, третий — 20, четвертый — 22, пятый — 30, шестой, для приличия, — также 1 центурию. Кроме того, всадники, набравшиеся из наиболее богатых граждан, выставляли 18 центурий; всего 193 центурии; большинство голосов — 97. Но всадники и первый класс вместе имели 98 голосов, т. е. большинство; при их единодушии остальных даже не спрашивали, решение считалось принятым.

К этому новому собранию центурий перешли теперь все политические права прежнего собрания курий (кроме некоторых номинальных прав); курии и составлявшие их роды были тем самым низведены, как и в Афинах, к роли простых частных и религиозных объединений и еще долгое время прозябали в качестве таковых, тогда как собрание курий вскоре совсем прекратило свое существование. Для того чтобы и три старых родовых племени устранить из государства, были по месту жительства созданы четыре пле-

мени, каждое из них жило в отдельном квартале города и имело ряд политических прав.

Так был разрушен и в Риме, еще до отмены так называемой царской власти, древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительное государственное устройство, в основу которого были положены территориальное деление и имущественные различия. Общественная власть сосредоточилась здесь в руках граждан, обязанных отбывать военную службу, и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, не допущенных к военной службе и лишенных вооружения.

В рамках этого нового строя, который лишь получил свое дальнейшее развитие, когда был изгнан последний царь Тарквиний Гордый, узурпировавший подлинную царскую власть, и царь был заменен двумя военачальниками (консулами) с одинаковой властью (как у ирокезов), — в рамках этого строя развивается вся история римской республики со всей ее борьбой между патрициями и плебеями за доступ к должностям и за участие в пользовании государственными землями, с растворением, в конце концов, патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов, которые постепенно поглотили все землевладение разоренных военной службой крестьян, обрабатывали возникшие таким образом громадные поместья при помощи рабов, обезлюднили Италию и тем самым проложили дорогу не только императорской власти, но и ее преемникам — германским варварам.

VII. РОД У КЕЛЬТОВ И ГЕРМАНЦЕВ.

Место не позволяет нам подробно рассмотреть родовые учреждения, существующие еще поныне у самых различных диких и варварских народов в более или менее чистой форме, или их следы в древней истории азиатских культурных народов. Те или другие встречаются повсюду. Достаточно нескольких примеров. Еще до того как узнали, что такое род, Мак-Леннан, который больше всех приложил усилий к тому, чтобы не понять его, доказал его существование и в общем правильно описал его у калмыков, черкесов, самоедов и у трех индийских народов — варали, магаров и муннипури. Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванетов и других кавказских племен. Здесь мы ограничимся некоторыми краткими замечаниями о существовании рода у кельтов и германцев.

Древнейшие из сохранившихся кельтских законов показывают нам род еще полным живым; в Ирландии он живет, по крайней мере инстинктивно, в народном сознании еще в настоящее время, после того как англичане насильственно разрушили его; в Шотландии он был в полном расцвете еще в середине прошлого столетия и здесь был также уничтожен только оружием, законодательством и судами англичан.

Древне-уэльские законы, записанные за много столетий до английского завоевания, самое позднее в XI столетии, показывают еще совместную обработку земли целыми селами, хотя и в виде только редкого остатка общераспространенного ранее обычая; у каждой семьи было пять акров для самостоятельной обработки; наряду с этим один участок обрабатывали сообща и урожай подлежал делению. По аналогии с Ирландией и Шотландией, не подлежит сомнению, что эти сельские общины представляют роды или подразделения родов, если даже новая проверка уэльских законов, для которой у меня нет времени (мои выдержки относятся к 1869 г.), прямо не подтвердит этого. Но уэльские источники, а с ними и ирландские прямо доказывают, что у кельтов в XI столетии парный брак отнюдь не был еще вытеснен моногамией. В Уэльсе лишь по

истечении семи лет брак нельзя было расторгнуть или, вернее, предупредить о его расторжении. Если недоставало только трех ночей до семи лет, то супруги могли разойтись. Тогда производился раздел имущества: жена делила, муж выбирал свою часть. Мебель делилась по определенным, очень курьезным правилам. Если брак расторгался мужем, то он должен был вернуть жене ее приданое и некоторые другие предметы; если женою, то она получала меньше. Из детей муж получал двух, жена — одного ребенка, именно — среднего. Если жена после развода вступала в новый брак, а первый муж снова брал ее к себе, то она должна была следовать за ним, если бы даже и ступила уже *одной* ногой на новое супружеское ложе. Но если они прожили вместе семь лет, то они становились мужем и женой даже и в том случае, когда брак не был раньше оформлен. Целомудрие девушек до брака отнюдь не соблюдалось строго и не требовалось; относящиеся сюда правила — весьма фривольного свойства и совсем не соответствуют буржуазной морали. Если женщина нарушала супружескую верность, муж мог избить ее (один из трех случаев, когда это ему дозволялось, в других случаях он подлежал взысканию), но уже затем он не имел права требовать другого удовлетворения: «за один и тот же проступок полагается либо искупление, либо месть, но не то и другое вместе». Причины, в силу которых жена могла требовать развода, ничего не теряя из своих прав при разделе, были весьма широкого свойства: достаточно было дурного запаха у мужа изо рта. Выплачиваемые главе племени или королю выкупные деньги за право первой ночи (*gobh meich*, откуда средневековое название *marqueta*, по-французски — *marquette*) играют значительную роль в этом сборнике законов. Женщины пользовались правом голоса в народных собраниях. Добавим к этому, что в Ирландии доказано существование подобных же отношений; что там также широко распространены браки на время и что жене при разводе обеспечиваются точно установленные, большие преимущества, даже вознаграждение за ее работу по домашнему хозяйству; что там встречается «первая жена» наряду с другими женами и не делается никакого различия при дележе наследства между брачными и внебрачными детьми. Таким образом, перед нами картина парного брака, по сравнению с которой существующая в Северной Америке форма брака кажется строгой, что, впрочем, в XI столетии не удивительно у народа, который еще в эпоху Цезаря жил в групповом браке.

Существование ирландского рода (*sept*, племя, называлось *clainne, clan*) удостоверяется и он описан не только в древних сбор-

никах законов, но и английскими юристами XVII столетия, которые были присланы в Ирландию для превращения земель кланов в коронные владения английского короля. Земля вплоть до этого времени была общей собственностью клана или рода, если только не была уже превращена вождами в свое частное владение. Когда умирал какой-нибудь член рода и, следовательно, одно из хозяйств прекращалось, старшина (*caput cognationis*, как называли его английские юристы) предпринимал передел всей земли между остальными хозяйствами. Последний производился, вероятно, в общем по правилам, принятым в Германии. Еще в настоящее время кое-где встречаются сельские поля в так называемых рандэйлях (*rundale*), сорок или пятьдесят лет тому назад таких полей было очень много. Крестьяне, одиночные арендаторы земли, ранее принадлежавшей всему роду, затем захваченной английскими завоевателями, платит каждый аренду за свой участок, но соединяют все пахотные и луговые полосы своих участков, делят их в зависимости от положения и качества на кону, «*Gewanne*», как они называются на Мозеле, и дают каждому его долю в каждом кону; болота и выгоны находятся в общем пользовании. Еще пятьдесят лет тому назад время от времени, иногда ежегодно, производились переделы. Межевой план такого села — рандэйля — выглядит совершенно так же, как карта какой-нибудь немецкой земельной общины (*Gehöferschaft*) на Мозеле или в Гохвальде. Род продолжает жить также и в «*factions*». Ирландские крестьяне часто делятся на партии, которые основываются на различиях, по видимости, совершенно бессмысленных или нелепых и для англичан совершенно непонятных; эти партии как будто не преследуют никакой другой цели, кроме излюбленных торжественных потасовок, устраиваемых ими друг другу. Это — искусственное возрождение, позднейшая замена уничтоженных родов, своеобразно свидетельствующая о живучести унаследованного родового инстинкта. Впрочем, в некоторых местностях сородичи еще живут вместе на своей старой территории; так, еще в 30-х годах значительное большинство жителей графства Монаган состояло всего из четырех фамилий, т. е. вело свое происхождение от четырех родов или кланов *.

* К четвертому изданию 1891 г. За несколько дней, проведенных в Ирландии, я снова живо осознал, как глубоко еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи. Помещик, у которого крестьянин арендует землю, для последнего все еще нечто вроде вождя клана, на котором лежит заведывание землей в интересах всех; крестьянин уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь. Там

В Шотландии гибель родового строя совпадает с подавлением восстания 1745 г. Остается еще невыясненным, какое именно звено этого строя представляет шотландский клан, но что он составляет такое звено, не подлежит сомнению. В романах Вальтера Скотта перед нами, как живой, встает этот клан горной Шотландии. Этот клан, — говорит Морган, — «превосходный образец рода по своей организации и по своему духу, разительный пример власти родовой жизни над членами рода... В их распрях и в их кровной мести, в разделе территории по кланам, в их общинном землепользовании, в верности членов клана вождю и друг другу мы встречаем всюду вновь проявляющиеся черты родового общества... Происхождение считалось по отцовскому праву, так что дети мужчин оставались в клане, тогда как дети женщин переходили в кланы своих отцов». Но что в Шотландии раньше господствовало материнское право, доказывает тот факт, что, по словам Беды, в королевской фамилии пиктов наследование шло по женской линии. Даже пережиток семьи «пуналуа» сохранился как у уэльсцев, так и у шотландцев вплоть до средних веков в виде права первой ночи, которым мог воспользоваться, если оно не было выкуплено, по отношению к каждой невесте вождь клана или король как последний представитель прежних общих мужей.

* * *

Не подлежит сомнению, что германцы вплоть до переселения народов были организованы в роды. Они, повидимому, заняли область между Дунаем, Рейном, Вислой и северными морями только за несколько столетий до нашей эры; кимвры и тевтоны были еще только кочевниками, а свевы прочно осели только во времена Цезаря. О последних Цезарь определенно говорит, что они рассели-

считают также, что всякий состоятельный человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде. Такая помощь — не милостыня, она по праву полагается менее состоятельному сородичу от богатого члена или от вождя клана. Понятны жалобы экономистов и юристов на невозможность вдолбить ирландскому крестьянину понятие о современной буржуазной собственности; понятие о собственности, у которой одни только права и никаких обязанностей, просто не умещается в голове ирландца. Но понятно также, как ирландцы, внезапно попадающие со столь наивными представлениями родового строя в большие английские или американские города, в среду с совершенно иными нравственными и правовыми понятиями, — как легко такие ирландцы оказываются совершенно сбитыми с толку в вопросах морали и права, теряют всякую почву под ногами и часто массами становятся жертвами полной деморализации.

лись родами и родственными группами (*gentibus cognationibusque*), а в устах римлянина из рода Юлиев (*gens Julia*) это слово *gentibus* имеет вполне определенное и бесспорное значение. Это относилось ко всем германцам; даже в завоеванных римских провинциях они еще селились, повидимому, родами. В «Аламанской Правде» подтверждается, что на завоеванной земле к югу от Дуная народ расселился родами (*genealogiae*); *genealogia* употреблено здесь совершенно в том же смысле, как позднейшая марка или сельская община. Недавно Ковалевский высказал взгляд, что эти *genealogiae* представляли собою крупные большие семьи (*Hausgenossenschaften*), между которыми была разделена земля и из которых лишь впоследствии развилась сельская община. То же самое относится тогда и к *faqa*, каковым выражением у бургундов и лангобардов, — следовательно, у готского и герминонского или верхне-германского племени, — обозначается почти, если и не совсем, то же самое, что и словом *genealogia* в «Аламанской Правде». Действительно ли перед нами род или большая семья — подлежит еще дальнейшему исследованию.

Памятники языка не дают нам положительного ответа на вопрос относительно того, существовало ли у всех германцев общее выражение для обозначения рода — и какое именно. Этимологически греческому *genos*, латинскому *gens* соответствует готское *kuni*, средне-верхне-германское *künne*, и употребляется это слово в том же самом смысле. На времена материнского права указывает то, что название женщины происходит от того же корня: греческое *gune*, славянское *zěna* [жена], готское *qvinō*, древне-скандинавское *kona*, *kuna*. — У лангобардов и бургундов мы встречаем, как уже сказано, слово *faqa*, которое Гримм выводит от гипотетического корня *fisan* — рождать. Я предпочел бы исходить из более очевидного происхождения от *faqan* — ездить, кочевать, возвращаться, как обозначения определенной части кочевого обоза, почти что, само собой разумеется, состоящей только из родственников, — обозначения, которое за время многовековых скитаний сперва на восток, затем на запад постепенно было перенесено на самый род. Далее, готское *sibja*, англо-саксонское *sib*, древне-верхне-германское *sipria*, *sipra* — род (*Sippe*). В древне-скандинавском языке встречается лишь множественное число *sifjar* — родственники; в единственном числе — только как имя богини *Sif*. И, наконец, в песне о Гильдебранде попадает еще другое выражение, именно в том месте, где Гильдебранд спрашивает Гадубранда: «Кто твой отец среди мужчин в народе... или какого ты рода?»

(*eddo huêlihhes cnuosles du sis*). Если только вообще существовало общее германское обозначение для рода, то оно, очевидно, звучало по-готски *kunī*; за это говорит не только тожество с соответствующим выражением родственных языков, но и то обстоятельство, что от него происходит слово *kuning* — король, которое первоначально обозначает родового или племенного старшину. *Sibja* (родственник, родня) не приходится, повидимому, принимать в расчет; по крайней мере, *sifjar* означает на древне-скандинавском языке не только кровных родственников, но и свойственников, т. е. включает членов по меньшей мере *двух родов*: самое слово *sif*, таким образом, не могло служить обозначением рода.

Как у мексиканцев и греков, так и у германцев эскадрон конницы и клиновидная колонна пехоты выстраивались в боевой порядок по родовым группам; если Тацит говорит: по семьям и родственным группам, то это неопределенное выражение объясняется тем, что в его время род в Риме давно перестал быть живым объединением.

Решающее значение имеет одно место у Тацита, где говорится, что брат матери смстрит на своего племянника как на сына; некоторые даже считают кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более священными и тесными, чем связь между отцом и сыном, так что, когда требуют заложников, сын сестры признается большей гарантией, чем собственный сын человека, которого хотят связать поручительством. Здесь мы имеем живой пережиток рода, организованного на материнском праве, следовательно первоначального, и притом как нечто специально отличающее германцев *. Если член такого рода давал собственного сына в залог какого-либо обязательства и сын становился жертвой

* Особенно тесная по своей природе связь между дядей с материнской стороны и племянником, ведущая свое происхождение от эпохи материнского права и встречающаяся у многих народов, известна грекам только в мифологии героического периода. Согласно Диодору (IV, 34), Мелеагр убивает сыновей Тестия, братьев своей матери Альтеи. Последняя видит в этом поступке столь непростительное преступление, что проклинает убийцу, своего собственного сына, и призывает на него смерть. «Боги, как рассказывают, вняли ее желаниям и положили конец жизни Мелеагра». По словам того же Диодора (IV, 44), аргонавты под предводительством Геракла высаживаются во Фракии и находят там, что Финей, подстрекаемый своей новой женой, истязает своих двух сыновей, рожденных от первой прогнанной жены, Бореады Клеопатры. Но среди аргонавтов оказываются также Бореады, братья Клеопатры, т. е. братья матери истязаемых. Они тотчас же вступаются за своих племянников, освобождают их и убивают стражу.

нарушенного отцом договора, то это было делом только самого отца. Но если жертвой оказывался сын сестры, то этим нарушалось священнейшее родовое право; ближайший кровный родственник мальчика или юноши, предпочтительно перед другими обязанный охранять его, оказывался виновником его смерти; этот родственник или не должен был делать его заложником, или обязан был выполнить договор. Если бы мы не обнаружили никаких других следов родового строя у германцев, то было бы достаточно одного этого места.

Еще более решающее значение имеет одно место из древне-скандинавской песни «Völuspá» о сумерках богов и гибели мира как источник на 800 лет более поздний. В этом «Видении пророчицы», в которое, как доказано теперь Бангом и Бугге, вплетены также и элементы христианства, при описании эпохи всеобщего вырождения и нравственного упадка, предшествующей катастрофе, говорится следующее:

Broedhr munu berjask	ok at lönum verdask,
munu <i>systrungar</i>	sifjuin spilla.

«Братья будут между собой враждовать и станут убивать друг друга, *дети сестер* порвут союз родства».

Systrungr — значит сын сестры матери, и то обстоятельство, что они не будут признавать взаимного кровного родства, представляется поэтому еще большим преступлением, чем братоубийство. Это усугубление выражено в слове *systrungar*, которое подчеркивает родство с материнской стороны; если бы вместо этого стояло *syskina-börn* — дети братьев и сестер — или *syskina-zunir* — сыновья братьев и сестер, то вторая строка означала бы по отношению к первой не усиление, а ослабление. Таким образом, даже во время викингов, когда возникла «Völuspá», в Скандинавии еще не исчезло воспоминание о материнском праве.

Впрочем, во время Тацита, по крайней мере у ближе известных ему германцев, материнское право уступило уже место отцовскому праву; дети наследовали отцу; при отсутствии детей наследовали братья и дяди с отцовской и материнской стороны. Допущение к участию в наследстве брата матери связано с сохранением только что упомянутого обычая и также доказывает, как ново еще было тогда отцовское право у германцев. Следы материнского права обнаруживаются также вплоть до позднейшего средневековья. Еще в ту пору, повидимому, не очень полагались на происхождение от отца, в особенности у крепостных; так, когда феодал требовал

обратно от какого-нибудь города сбежавшего крепостного, то крепостное состояние ответчика, например в Аугсбурге, Базеле и Кайзерслаутерне, должны были под клятвой подтвердить шесть ближайших кровных родственников, и притом исключительно с материнской стороны (Maurer, «Städteverfassung» [«Городской строй»], I, стр. 381).

Еще один пережиток отмирающего материнского права можно видеть в том уважении германцев к женскому полу, которое для римлян было совсем непонятно. Девушки из благородной семьи признавались самыми надежными заложниками при договорах с германцами; мысль о том, что их жены и дочери могут попасть в заточение и рабство, для них ужасна и больше всего другого возбуждает их мужество в бою; нечто священное и пророческое видят они в женщине; они считаются с ее советом даже в важнейших делах; так, Веледа, бруктерская жрица на Липпе, была душой всего восстания батавов, во время которого Цивилис во главе германцев и белгов поколебал римское владычество в Галлии. Внутри дома господство жены, повидимому, бесспорно; правда, на ней, на стариках и детях лежат все домашние работы, муж охотится, пьет или бездельничает. Так говорит Тацит; но так как он не говорит, кто обрабатывает поле, и определенно заявляет, что рабы только вносили подати, но были свободны от барщины, то, очевидно, масса взрослых мужчин все же должна была выполнять ту небольшую работу, какую требовало земледелие.

Формою брака был, как уже сказано выше, постепенно приближающийся к моногамии парный брак. Строгой моногамией это еще не было, так как допускалось многоженство знатных. Целомудрие девушек в общем соблюдалось строго (в противоположность кельтам), и равным образом Тацит с особой теплотой отзываясь о ненарушимости брачного союза у германцев. Только прелюбодеяние жены он приводит как основание для развода. Но его рассказ оставляет здесь много пробелов, и, кроме того, он слишком явно служит зеркалом добродетели для развратных римлян. Несомненно одно: если германцы и были в своих лесах этими удивительными рыцарями добродетели, то достаточно было только малейшего соприкосновения с внешним миром, чтобы низвести их на уровень остальных европейских средних людей; последний след строгости нравов исчез среди римского мира еще значительно быстрее, чем германский язык. Достаточно почитать Григория Турского. Само собою разумеется, что в германских девственных лесах не могла, как в Риме, господствовать изощренная утонченность в чувственных наслажде-

ниях, и, таким образом, за германцами и в этом отношении остается достаточное преимущество перед римским миром, если даже мы не будем приписывать им того воздержания в плотских делах, которое нигде и никогда не было общим правилом для целого народа.

Из родового строя вытекало обязательство наследовать, так же как и дружбу, и враждебные отношения отца или родственников; равным образом наследовалась вира, т. е. выкупной штраф, вместо кровной мести за убийство или изувеченне. Эта вира, признававшаяся еще в прошлом поколении специфически германским учреждением, теперь установлена у сотен народов как общая форма смягчения кровной мести, вытекающей из родового строя. Виру, как и обязательное гостеприимство, мы встречаем также, между прочим, и у американских индейцев; описание гостеприимства у Тацита («Германия», глава 21) почти до мелочей совпадает с рассказом Морган о гостеприимстве его индейцев.

Горячий и бесконечный спор о том, окончательны ли поделили уже германцы времен Тацита свои поля или нет и как понимать относящиеся сюда места, — принадлежит теперь прошлому. Едва ли стоит даже упоминать о нем, после того как почти у всех народов доказана совместная обработка земли родом, а впоследствии коммунистическими семейными общинами, существование которых Цезарь устанавливает еще у свевов; после того как доказано сменяющее эту совместную обработку распределение земли между отдельными семьями с периодическими переделами ее, после того как установлено, что этот периодический передел земли местами сохранился в самой Германии до наших дней. Если германцы за 150 лет, отделяющие рассказ Цезаря от Тацита, перешли от совместной обработки земли, которую Цезарь определенно приписывает свевам (разделенной или частной пашни у них совсем нет, говорит он), к обработке отдельными хозяйствами с ежегодным переделом земли, то это действительно довольно значительный прогресс; переход от совместной обработки земли к полной частной собственности на землю за такой короткий промежуток времени и без всякого воздействия извне представляется просто невозможным. Я просто читаю поэтому у Тацита только то, что он на самом деле говорит; они меняют (или снова переделывают) обработанную землю каждый год, и при этом остается достаточно свободной общинной земли. Это та ступень земледелия и землевладения, какая вполне соответствует тогдашнему родовому строю германцев.

Предыдущий абзац я оставляю без изменений, таким, каким

он был в прежних изданиях ¹. За это время вопрос принял другой оборот. После того как Ковалевский (см. выше, стр. 40) доказал широкое, если не повсеместное, распространение патриархальной большой семьи как промежуточной ступени между коммунистической семьей, основанной на материнском праве, и современной изолированной семьей, вопрос уже стоит не так, как ставили его Маурер и Вайц, — общая или частная собственность на землю; теперь вопрос стоит о *форме* общей собственности на землю. Нет никакого сомнения, что во время Цезаря у севов существовала не только общая собственность, но и совместная обработка земли за общий счет. Еще долго можно будет спорить о том, были ли хозяйственной единицей род, или большая семья, или промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, или же, в зависимости от почвенных условий, существовали все три группы. Но вот Ковалевский утверждает, что описанное Тацитом положение предполагает существование не марки или сельской общины, а большой семьи; только из этой последней много позднее, в результате роста населения, развилась сельская община.

Согласно этому взгляду, поселения германцев на землях, занятых ими во времена римлян, как и на отнятых ими впоследствии у римлян, состояли не из сел, а из больших семейных общин, включавших в свой состав несколько поколений, занимавших под обработку соответствующую полосу земли и пользовавшихся окружающими пустошами, вместе с соседями, как общей маркой. Место у Тацита о перемене обработанной земли следует тогда действительно понимать в агрономическом смысле: община каждый год запахивала другой участок, а пашню прошлого года оставляла под паром или совсем давала ей зарости. При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, так что всякие споры из-за земли были излишни. Только спустя целые столетия, когда число членов общины так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, они распались; находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между возникшими теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими.

Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным. Что же касается Германии и, во вторую очередь,

¹ Далее три абзаца вставлены Энгельсом в 4-м издании, вышедшем в 1894 г. *Ред.*

остальных германских стран, то нельзя отрицать, что это предположение во многих отношениях лучше объясняет источники и легче разрешает трудности, чем господствовавшая раньше точка зрения, которая существование сельской общины отодвигала еще ко времени Тацита. Большая семья в общем гораздо лучше объясняет, чем сельская община, древнейшие документы, как, например, *Codex Laureshamensis* [поземельную книгу города Лорх]. С другой стороны, это объяснение, в свою очередь, открывает новые трудности и новые вопросы, которые еще требуют своего разрешения. Здесь могут привести к окончательному решению только новые исследования; я, однако, не могу отрицать, что большая семья, как промежуточная ступень, весьма вероятно также для Германии, Скандинавии и Англии.

Тогда как у Цезаря германцы частью только еще осели на землю, частью отыскивали места постоянного поселения, во времена Тацита они имеют уже позади себя целое столетие оседлой жизни; в соответствии с этим имеется несомненный прогресс в производстве средств существования. Они живут в бревенчатых домах, одежда их еще очень примитивная, это одежда жителей лесов: грубый шерстяной плащ, звериная шкура; у женщин и знатных людей — полотняная нижняя одежда. Пищу их составляют молоко, мясо, дикie плоды и, как добавляет Плиний, овсяная каша (еще и поныне кельтское национальное блюдо в Ирландии и Шотландии). Их богатство заключается в скоте, но плохой породы: быки и коровы — низкорослые, невзрачные, без рогов; лошади — маленькие пони и плохие скакуны. Деньги употреблялись редко и мало, притом только римские. Золота и серебра они не обрабатывали и не ценили, железо было редко и, по крайней мере у племен по Рейну и Дунаю, повидимому, преимущественно ввозилось, а не добывалось самостоятельно. Рунические письма (подражание греческим или латинским буквам) были известны лишь как тайное письмо и служили только для религиозного колдовства. Еще не вышли из обычая человеческие жертвы. Одним словом, здесь перед нами народ, только что поднявшийся со средней ступени варварства на высшую. Но в то время как у граничивших непосредственно с римлянами племен развитие самостоятельного металлического и текстильного производства встретило препятствие в большой легкости ввоза продуктов римской промышленности, такая промышленность, вне всякого сомнения, развилась на северо-востоке, на побережье Балтийского моря. Найденные в Шлезвигских болотах предметы вооружения — длинный железный меч, кольчуга, серебряный шлем

и т. п. — вместе с римскими монетами конца II столетия, а также распространившиеся благодаря переселению народов германские металлические изделия являются продуктами довольно развитого и совершенно своеобразного искусства даже в тех случаях, когда они подражают первоначально римским образцам. Переселение в цивилизованную Римскую империю положило конец этой самостоятельной промышленности всюду, кроме Англии. Как единообразно возникла и дальше развилась эта промышленность, показывают, например, бронзовые запястья; запястья, найденные в Бургундии, в Румынии, на берегах Азовского моря, могли выйти из той же мастерской, что английские и шведские, и они столь же несомненно — германского происхождения.

Высшей ступени варварства соответствует и общественный строй. Повсеместно существовал, по Тациту, совет старшин (*principes*), который решал более мелкие дела, а более важные готовил для решения их в народном собрании; последнее на низшей ступени варварства, по крайней мере там, где мы его знаем, у американцев, существует только для рода, но не для племени или союза племен. Старшины (*principes*) еще резко отличаются от военачальников (*duces*), совсем как у прокезов. Первые живут уже отчасти за счет почетных приношений скотом, хлебом и пр. от членов племени; их выбирают, как в Америке, большей частью из одной и той же семьи; переход к отцовскому праву, как в Греции и Риме, благоприятствует постепенному превращению выборного начала в наследственное право и тем самым возникновению знатной семьи в каждом роде. Эта древняя, так называемая племенная знать в большинстве своем погибла при переселении народов или же вскоре после него. Военачальники избирались независимо от происхождения, исключительно по соображениям пригодности. Они обладали небольшой властью и должны были влиять своим примером; собственно дисциплинарную власть в войске Тацит определенно приписывает жрецам. Действительная власть сосредоточивалась в руках народного собрания. Король или племенной старшина председательствует; народ выносит свое решение: отрицательное — ропотом, утвердительное — возгласами одобрения, бряцанием оружия. Народное собрание служит вместе с тем и судом; сюда приносят и здесь же разрешают жалобы, здесь выносятся смертные приговоры, причем смерть полагается только за трусость, измену и противоестественный разврат. В родах и других подразделениях суд правят также все члены под председательством старшины, который, как и во всех германских первоначальных судах, мог быть только руководителем процесса

и ставить вопросы; приговор у германцев всегда и повсюду выносился всем коллективом.

Со времени Цезаря образовались союзы племен; у некоторых из них были уже короли; верховный военачальник, как у греков и римлян, уже домогался тираннической власти и иногда достигал ее. Такие счастливые узурпаторы, однако, отнюдь не были неограниченными властителями; но они уже начинали разбивать оковы родового строя. Между тем как раньше вольноотпущенные рабы занимали подчиненное положение, так как не могли принадлежать ни к какому роду, у новых королей такие любимцы часто достигали высоких постов, богатства и почета. То же самое происходило после завоевания Римской империи с военачальниками, которые становились королями больших стран. У франков рабы и вольноотпущенники короля играли большую роль сперва при дворе, а затем в государстве; большая часть нового дворянства ведет свое происхождение от них.

Одно учреждение содействовало возникновению королевской власти — дружины. Уже у американских краснокожих мы видели, как наряду с родовым строем создаются частные объединения для ведения войны за свой страх и риск. Эти частные объединения стали у германцев уже постоянными союзами. Военный вождь, приобревший славу, собирал вокруг себя толпу жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Вождь содержал их и награждал, устанавливал известную иерархию между ними; для незначительных походов служили отряд телохранителей и всегда готовое к бою войско, для более крупных существовал готовый кадр офицеров. Как ни слабы должны были быть эти дружины и как ни слабы они действительно оказываются, например позже у Одоакра в Италии, все же в них был уже зародыш упадка старинной народной свободы, и такую именно роль они сыграли во время переселения народов и после него. Потому что, во-первых, они содействовали появлению королевской власти. Во-вторых, как уже замечает Тацит, их организацию можно было сохранить только путем постоянных войн и разбойных набегов. Грабеж стал целью. Если вождю дружины нечего было делать в ближайших окрестностях, он направлялся со своим отрядом к другим народам, у которых происходила война и можно было рассчитывать на добычу; вспомогательные войска, составленные из германских племен, которые большими массами сражались под римским знаменем даже против германцев, состояли отчасти из таких дружин. Система военного наемничества, позор и проклятие германцев, была уже

здесь налицо в своей первой форме. После завоевания Римской империи эти дружинники королей образовали, наряду с несвободными и римскими придворными, вторую из главных составных частей позднейшего дворянства.

Таким образом, в общем, у объединившихся в народы германских племен существует такое же общественное устройство, как и у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей: народное собрание, совет родовых старшин, военачальник, стремящийся уже к подлинной королевской власти. Это был наиболее развитой общественный строй, какой вообще мог развиваться при родовом устройстве; это был образцовый общественный строй высшей ступени варварства. Стоило обществу выйти из рамок, внутри которых этот строй удовлетворял своему назначению, наступал конец родовому устройству; оно разрушалось, его место заступало государство.

VIII. ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ГЕРМАНЦЕВ.

Германцы, по свидетельству Тацита, были очень многочисленным народом. Приблизительное представление о численности отдельных германских народов мы получаем у Цезаря; он определяет число появившихся на левом берегу Рейна узипетов и тенктеров в 180 000 душ, включая женщин и детей. Следовательно, около 100 000 на каждый народ *, что уже значительно больше, чем, например, число всех ирокезов в период их расцвета, когда они, не превышая 20 000 душ, были грозой всей страны, от Великих озер до Огайо и Потомака. Если мы попытаемся наметить на карте, как, согласно дошедшим до нас рассказам, были расположены более известные народы, поселившиеся вблизи Рейна, то каждый такой народ в отдельности займет в среднем приблизительно площадь прусского административного округа, т. е. около 10 000 кв. километров, или 182 кв. географические милл. Но Великая Германия (*Germania Magna*) римлян, вплоть до Вислы, охватывает в круглых цифрах 500 000 кв. километров. При средней численности отдельных народов в 100 000 душ общая численность населения всей Великой Германии должна была доходить до пяти миллионов душ; для варварской группы народов — цифра значительная, для наших условий — 10 душ на квадратный километр, или 550 на квадратную географическую миллю, — крайне малая. Но этим отнюдь не исчерпывается число живших в то время германцев. Мы знаем, что вдоль Карпат до самых устьев Дуная жили германские народы готского племени — бастарны, певкины и другие, столь многочисленные, что Плиний считал их за пятое основное племя германцев и что эти народности, о которых нам известно, что за 180 лет до нашего летосчисления

* Принятая здесь цифра подтверждается одним местом у Диодора о галльских кельтах: «В Галлии живет много народностей неодинаковой численности. У крупнейших из них численность населения достигает приблизительно 200 000 душ, у самых малых — 50 000» (*Diodorus Siculus*, V, 25). В среднем, следовательно, — 125 000; галльские отдельные народы, ввиду более высокой степени их развития, безусловно следует считать более крупными, чем германские.

они состояли на службе у македонского царя Персея, еще в первые годы царствования Августа прорвались до окрестностей Адрианополя. Если мы определим их численность только в один миллион, то вероятное число германцев к началу нашего летосчисления составит, по меньшей мере, шесть миллионов.

После того как они поселились в Германии, население должно было увеличиваться со все возрастающей быстротой; одни вышеупомянутые промышленные успехи доказывают это. Находки в Шлезвигских болотах, судя по обнаруженным в них римским монетам, относятся к III столетию. Таким образом, к этому времени на побережье Балтийского моря уже существовала развитая металлическая и текстильная промышленность, велись оживленные торговые сношения с Римской империей и среди богатых была известная роскошь — все это признаки более густого населения. Около этого же времени начинается общее наступление германцев по всей линии Рейна, римского пограничного вала и Дуная, от Северного до Черного моря — прямое доказательство все большего роста населения, стремящегося к расширению за своими пределами. Триста лет длилась борьба; в это время все основное племя готских народов (исключая скандинавских готов и бургундов) двинулось на юго-восток и образовало левое крыло растянувшейся линии наступления, в центре которой верхне-германцы (гермионы) прорвались на верхний Дунай, а на правом крыле искевоны, теперь называемые франками, — на Рейн; на долю ингевонов выпало завоевание Британии. В конце V столетия путь в Римскую империю, обессиленную, обескровленную и беспомощную, для вторжения германцев был открыт.

Выше мы стояли у колыбели античной греческой и римской цивилизации. Здесь мы стоим у ее могилы. По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий наструг римского владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченному латинскому; исчезли все национальные различия, уже не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они превратились в римлян. Римское управление и римское право повсеместно разрушили древние родовые союзы, а вместе с ними и последние остатки местной и национальной самостоятельности. Новоиспеченное римское гражданство ничего не предлагало взамен; оно не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности. Элементы новых наций были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций

все больше и больше отличались друг от друга; естественные границы, сделавшие когда-то Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятельными областями, еще существовали и также давали себя чувствовать. Но нигде не было налицо силы, способной создать из этих элементов новые нации; нигде еще не было и следа способности к развитию, силы сопротивления, не говоря уже о творческих способностях. Для громадной массы людей на огромной территории единственной объединяющей связью служило Римское государство, которое со временем сделалось ее злейшим врагом и угнетателем. Провинции уничтожили Рим; Рим сам превратился в провинциальный город, подобный другим, — привилегированный, но уже переставший господствовать, переставший быть центром мировой империи, утративший свое значение резиденции императоров и их наместников, которые жили теперь в Константинополе, Трире, Милане. Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей.

Состояние общества было не менее отчаянным. Уже начиная с последних времен республики римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций; империя не только не устранила этой эксплуатации, а, напротив, превратила ее в систему. Чем более империя приходила в упадок, тем выше становились налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и вымогали чиновники. Торговля и промышленность никогда не были делом господствовавших над народами римлян; только в сфере ростовщичества они превзошли все, что было до и после них. Существовавшая раньше и еще сохранявшаяся торговля погибла из-за вымогательства чиновников; уцелевшие остатки ее приходится на восточную, греческую часть империи, которая лежит вне сферы нашего рассмотрения. Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового господства.

Земледелие во всем древнем мире было решающей отраслью производства, теперь оно снова, более чем когда-либо, приобрело прежнее значение. В Италии громадные комплексы имений (латифундии), с конца республики охватывавшие почти всю территорию, использовались двояким образом: или для пастбищ, где население было заменено овцами и быками, надзор за которыми требовал лишь небольшого числа рабов; или в качестве вилл, где при помощи массы рабов велось садоводство в больших размерах — отчасти как роскошь для владельца, отчасти для сбыта на городских рынках. Крупные пастбища сохранились и были даже расширены; поместья-виллы и их садоводство пришли в упадок вместе с обеднением их владельцев и запустением городов. Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход; но в ту эпоху оно было единственно возможной формой крупного земледелия. Мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия. Одна вилла за другой подвергались разбивке на мелкие parcelлы, которые передавались наследственным арендаторам, уплачивающим определенную сумму, или дольщикам — *partiarum*, которые были скорее управителями, чем арендаторами, получая за свой труд одну шестую, а то и всего лишь девятую часть годового продукта. Преобладала же сдача этих мелких parcelл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей parcelлой; они, правда, не были рабами, но и не считались свободными, не могли вступать в брак со свободными, и их браки между собою не считались законными, а рассматривались, так же как и браки рабов, как простое сожительство (*contubernium*). Они были предшественниками средневековых крепостных.

Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывающего затраченный труд, — рынок для его продуктов исчез. А в мелком земледелии и мелком ремесле, к которым свелось громадное производство времен расцвета империи, не было места для большого числа рабов. Только для рабов, занятых в домашнем хозяйстве богачей, и для таких рабов, которые служили богачам предметами роскоши, оставалось еще место в обществе. Но отмирающее рабство все еще было в силах заставить признавать всякий производительный труд делом рабов, недостойным свободных римлян, а таковыми теперь были все. В результате, с одной стороны, — возрастающее число освобожденных рабов, излишних и ставших обузой, а с другой стороны, — увеличение числа колон

и обнищавших свободных (напоминавших poor whites [белых бедняков] бывших рабовладельческих штатов Америки). Христианство совершенно неповинно в постепенном отмирании античного рабства. Оно в течение целых столетий уживалось в Римской империи с рабством и впоследствии никогда не препятствовало работоторговле христиан ни у германцев на севере, ни у венецианцев на Средиземном море, ни позднейшей торговле неграми *. Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в презрении свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое *уже* не могло, второй *еще* не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция.

В провинциях положение было не лучше. Больше всего сведений мы имеем относительно Галлии. Наряду с колонами здесь были еще свободные мелкие крестьяне. Чтобы обеспечить себя от насилий чиновников, судей и ростовщиков, они часто прибегали к защите, патронату какого-нибудь влиятельного лица; так поступали не только отдельные крестьяне, но и целые общины, так что императоры в IV столетии неоднократно издавали указы о запрещении этого. Но находили ли защиту искавшие ее? Патрон ставил им условие, чтобы они передавали ему право собственности на их участки, а он взамен этого обеспечивал им пожизненное пользование последними. Эту уловку усвоила святая церковь и усердно пользовалась ею в IX и X столетиях в целях расширения царства божьего и увеличения своих собственных земельных владений. Тогда, правда, около 475 г., епископ Сальвиан Марсельский еще возмущенно громит такой грабеж и рассказывает, что гнет римских чиновников и крупных землевладельцев сделался столь невыносимым, что многие «римляне» бегут в местности, уже занятые варварами, а поселившиеся там римские граждане ничего так не боятся, как очутиться снова под римским владычеством. О том, что родители из-за бедности тогда часто продавали своих детей в рабство, свидетельствует изданный против этого закон.

Германские варвары в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и

* По словам епископа Лиутпранда Кремонского, в X веке в Вердене, следовательно в Священной германской империи, главной отраслью промышленности была фабрикация евнухов, которые с большой прибылью вывозились в Испанию для мавританских гаремов.

поделили ее между собой. Раздел произошел согласно порядкам родового строя; ввиду сравнительно небольшой численности завоевателей обширные земли оставались неразделенными во владении частью всего народа, частью отдельных племен и родов. В пределах каждого рода пахотная земля и луга были по жребию поделены поровну между отдельными хозяйствами; происходили ли в дальнейшем переделы, нам неизвестно, во всяком случае они скоро вышли из употребления в римских провинциях, и отдельные участки превратились в отчуждаемую частную собственность — аллод. Лес и выгоны оставались неразделенными в общем пользовании; это пользование ими, а также способ обработки разделенной пашни регулировались древним обычаем и постановлениями всей общины. Чем дольше жил род в своем селе и чем больше постепенно сливались германцы и римляне, тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из родственных отношений членов общины. Так незаметно, по крайней мере в странах, где удержалась марка, — на севере Франции, в Англии, Германии, Скандинавии, — родовой строй переходил в территориальный и был поэтому в состоянии приспособиться к государству. Но он все же сохранил свой первобытный демократический характер, отличающий весь родовой строй, так что даже при его дальнейшем навязанном ему вырождении еще уцелели его остатки, служившие оружием в руках угнетенных и дожившие до новейшего времени.

Если, таким образом, в роде скоро исчезло сознание кровной связи, то это было следствием того, что в племени и во всем народе его органы тоже выродились в результате завоевания. Мы знаем, что господство над покоренными несовместимо с родовым строем. Здесь мы видим это в крупном масштабе. Германские народы, ставшие господами римских провинций, должны были организовать это свое завоевание. Но не представлялось возможным ни впитать массы римлян в родовые организации, ни господствовать над ними посредством последних. Во главе римских местных органов управления, большею частью продолжавших вначале существовать, надо было поставить вместо Римского государства какую-то новую власть, и такой властью могло быть лишь другое государство. Органы родового строя должны были поэтому превратиться в государственные органы, и притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро. Но ближайшим представителем народа-завоевателя был военный вождь. Защита завоеванной области внутри и во-вне тре-

бовала усиления его власти. Наступил момент для превращения власти военного вождя в королевскую власть, и это превращение совершилось.

Остановимся на Франкском государстве. Здесь победоносному народу салических франков достались не только обширные римские государственные владения, но также и все обширные земельные участки, еще не разделенные между более крупными и более мелкими областными и сельскими общинами, именно все более крупные лесные массивы. Первым делом франкского короля, превратившегося из простого верховного военачальника в настоящего монарха, было превратить это народное достояние в королевское имущество, украсть его у народа и раздать его в виде подарков или в виде пожалований своей дружине. Эта дружина, первоначально состоявшая из его личных боевых дружинников и остальных низших начальников войска, скоро пополнилась не только римлянами, т. е. романизированными галлами, которые вскоре стали для него необходимы своим умением писать, своим образованием, своим знанием романского разговорного и латинского литературного языка, а также и местного права; дружина пополнилась также рабами, крепостными и вольноотпущенниками, которые составляли его придворный штат и из среды которых он выбирал своих любимцев. Сначала всем им большей частью дарились участки народной земли, позднее отдавались в пользование в форме бенефициев, сперва в большинстве случаев на все время жизни короля, и таким образом за счет народа создавалась основа нового дворянства.

Мало того. Ввиду обширных размеров государства нельзя было управлять, пользуясь средствами старого родового строя; совет старшин, если он давно не исчез, не мог бы собираться и был вскоре заменен постоянными приближенными короля; старое народное собрание продолжало для вида существовать, но также становилось все более и более собранием лишь низших военных начальников и вновь нарождающейся знати. Свободные, владевшие землей крестьяне, составлявшие массу франкского народа, были истощены и разорены вечными междоусобными и завоевательными войнами, последними особенно при Карле Великом, точно так же как раньше были разорены римские крестьяне в последние времена республики. Эти крестьяне, которые первоначально составляли все войско, а после завоевания франкской земли — его основное ядро, так обеднели к началу IX столетия, что едва только один из пяти крестьян в состоянии был выступить в поход. Место созываемого непосредственно королем ополчения свободных крестьян заняло войско,

составленное из служилых людей вновь народившейся знати, в том числе и из крепостных крестьян, потомков тех, кто прежде не знал другого господина, кроме короля, а еще раньше вообще не знал никакого господина, даже и короля. При преемниках Карла Великого разорение франкского крестьянского сословия было довершено внутренними войнами, слабостью королевской власти и соответственными захватами знатных, к которым прибавились еще назначенные Карлом графы областей, стремившиеся сделать свои должности наследственными, наконец набегами норманнов. Через пятьдесят лет после смерти Карла Великого франкское королевство столь же беспомощно лежало у ног норманнов, как за четыре столетия до того Римская империя лежала у ног самих франков.

И не только внешнее бессилие, но и внутренний общественный порядок или, скорее, беспорядок был почти такой же. Свободные франкские крестьяне очутились в том же положении, что и их предшественники, римские колонны. Разоренные войнами и грабежами, они должны были прибегать к покровительству народившейся знати или церкви, так как королевская власть была слишком слаба, чтобы защитить их; но это покровительство им приходилось покупать за дорогую цену. Как прежде галльские крестьяне, они должны были передавать покровителю право собственности на свой земельный участок, получая последний от него обратно в аренду на различных и меняющихся условиях, но всегда только взамен выполнения повинностей и уплаты оброков; раз попав в такого рода зависимость, они мало-по-малу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они уже в большинстве своем превращались в крепостных. Как быстро исчезало свободное крестьянское сословие, показывает составленная Ирмином опись земельных владений аббатства Сен-Жермен де-Прэ, находившегося тогда близ Парижа, а теперь — в самом Париже. В обширном владении этого аббатства, разбросанном на значительном пространстве, находились тогда, еще при жизни Карла Великого, 2 788 дворов, заселенных почти исключительно франками с германскими именами. В это число входило 2 080 колоннов, 35 литов, 220 рабов и только 8 свободных поселенцев! Получивший распространение обычай, согласно которому покровитель заставлял крестьянина передавать свой земельный участок ему в собственность, а затем давал этот участок крестьянину лишь в пожизненное пользование, был объявлен Сальвпаном безбожным деянием, тем не менее теперь эта практика в отношении крестьян была у церкви в большом ходу. Все более и более распространялись теперь барщинные повинности, прообразом которых были, с одной

стороны, римские «ангари», принудительные работы для государства, с другой стороны — повинности членов германской марки по сооружению мостов, дорог и для других общих целей. Таким образом, масса населения спустя четыреста лет, повидимому, вернулась к своему исходному пункту.

Но это лишь доказывало, что, во-первых, общественное расслоение и распределение собственности в Римской империи периода упадка вполне соответствовали тогдашнему уровню производства в земледелии и промышленности, следовательно были неизбежны; что, во-вторых, этот уровень производства в течение последующих четырехсот лет существенно не понизился и не повысился, а потому с такой же необходимостью вновь вызвал такое же распределение собственности и те же самые классы населения. Город утратил в последние столетия существования Римской империи свое прежнее господство над деревней и не вернул его себе в первые столетия владычества германцев. Это предполагает низкую ступень развития как земледелия, так и промышленности. Такое общее положение с необходимостью порождает крупных землевладельцев, обладающих властью, и зависимых мелких крестьян. Как трудно было навянуть такому обществу, с одной стороны, хозяйство римских латифундий с рабами, с другой стороны — новейшее крупное хозяйство с барщинным трудом, доказывают громадные, но почти бесследно прошедшие эксперименты Карла Великого с знаменитыми императорскими виллами. Эти опыты продолжали монастыри, и только у них они были плодотворны; но монастыри были ненормальными общественными организмами, в основе их лежало безбрачие; они могли давать исключительные результаты, но должны были именно поэтому сами оставаться исключениями.

И все же за эти четыреста лет был сделан шаг вперед. Если и в конце периода мы встречаем почти те же главные классы, что и в начале, то люди, составлявшие эти классы, стали другими. Исчезло античное рабство, исчезли обнищавшие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин. «Бесполезные воспоминания и тщетная борьба» гибнущего римского мира уже умерли и были погребены. Общественные классы IX столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации. Новое поколение — как господа, так и слуги — в сравнении со своими римскими предшественниками было поколением мужей. Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, эти отношения,

которые в Риме вели к безысходной гибели античного мира, становились теперь исходным моментом нового развития. И затем, какими бесплодными ни представляются эти четыреста лет, они оставили *один* крупный результат: современные национальности, новую группировку и расчленение западно-европейского человечества для грядущей истории. Германцы действительно вновь оживили Европу, и поэтому разрушение государств, происходившее в германский период, закончилось не норманно-сарацинским завоеванием, а дальнейшим развитием бенефициев и отношений покровительства (коммандации) в феодализм и столь громадным ростом населения, что менее чем через двести лет были безболезненно перенесены сильные кровопускания крестовых походов.

Но в чем состояло то таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули новую жизненную силу умиравшей Европе? Была ли это особая, прирожденная германскому племени чудодейственная сила, как воображает наша шовинистическая историография? Отнюдь нет. Германцы, особенно тогда, были высоко одаренным арийским племенем, полным жизненных сил для своего дальнейшего развития. Но омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй.

Их личная одаренность, храбрость, их свободолюбие и демократический инстинкт, видевший во всех общественных делах свое собственное дело, — одним словом, все качества, утраченные римлянами, при наличии которых только и можно было образовать из тины римского мира новые государства и вырастить новые национальности, — чем было все это, как не характерными чертами варвара высшей ступени, как не плодами его родового строя?

Если германцы преобразовали античную форму моногамии, смягчили господство мужчины в семье, дали женщине более высокое положение, чем это когда-либо знал классический мир, — что сделало их способными на это, как не их варварство, их родовые обычаи, их еще живые пережитки из эпохи материнского права?

Если они, по меньшей мере в трех важнейших странах, в Германии, Северной Франции и Англии, сумели сберечь в феодальном государстве осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные проле-

тарии, — то чему следует приписать это, как не их варварству, их исключительно варварскому способу селиться родами?

И, наконец, если они могли развить и сделать господствующей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости, в которую и в Римской империи все более и более переходило рабство, — форму, которая, как впервые отметил Фурье, дает порабощенным средство к постепенному освобождению *как классу* (*fournit aux cultivateurs des moyens d'affranchissement collectif et progressif*), — форму, стоящую благодаря этому высоко над рабством, при котором возможен лишь немедленный отпуск отдельных лиц на волю без переходного состояния (уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает), тогда как крепостные средних веков в действительности постепенно провели свое освобождение как класс, — то чему мы этим обязаны, если не их варварству, в силу которого они не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства?

Все, что германцы привили жизненного и плодотворного римскому миру, было варварством. Действительно, только варвары способны омолодить мир, страдающий от того, что старая цивилизация умирает. И высшая ступень варварства, на которую поднялись германцы перед переселением народов, была как раз наиболее благоприятной для этого процесса. Этим объясняется все.

IX. ВАРВАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Мы проследили разложение родового строя на трех крупных примерах греков, римлян и германцев. Исследуем в заключение общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества уже на высшей ступени варварства, а с появлением цивилизации совершенно устранили ее. Здесь «Капитал» Маркса будет столь же необходим, как и книга Моргана.

Возникнув на средней ступени дикости и продолжая развиваться на высшей ее ступени, род, насколько позволяют судить об этом наши источники, достигает своего расцвета на низшей ступени варварства. С этой ступени развития мы и начнем.

Мы находим здесь, где примером должны служить нам американские краснокожие, вполне развившийся родовой строй. Племя разделилось на несколько родов, чаще всего на два; эти первоначальные роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов, по отношению к которым первоначальный род является фратрией; самое племя раскалывается на несколько племен, в каждом из них мы большей частью вновь встречаем прежние роды; союз объединяет, по крайней мере в отдельных случаях, родственные племена. Эта простая организация вполне соответствует общественным условиям, из которых она возникла. Она представляет не что иное, как естественную группировку, создающуюся этими условиями; она в состоянии улаживать все конфликты, которые могут возникнуть внутри организованного таким образом общества. Конфликты с внешним миром устраняет война; она может кончиться уничтожением племени, но не порабощением его. Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность проявляются в том, что здесь нет места для господства и угнетения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями; для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или ее выкуп правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, что такое еда, сон, охота — право или обязанность? Точно так же невозможно расслоение племени и рода на

различные классы. И это приводит нас к рассмотрению экономического базиса этого строя.

Население в высшей степени редко; оно гуще только в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом прежде всего область охоты, затем нейтральный защитный лес, отделяющий его от других племен. Разделение труда — чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу и изготавливает необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды — варит, ткёт, шьёт. Каждый из них — хозяин в своей области: мужчина — в лесу, женщина — в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина — собственник оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведётся на коммунистических началах для нескольких, часто для многих семей *. То, что делается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка. Здесь, таким образом, и притом только здесь, на самом деле существует придуманная юристами и экономистами цивилизованного общества «собственность, добытая своим трудом», — последнее ложное правовое основание, на которое ещё опирается современная капиталистическая собственность.

Но люди не везде остановились на этой ступени развития. В Азии они нашли животных, которых можно было приручать и разводить в прирученном состоянии. За самкой дикого буйвола нужно было охотиться, прирученная же — она ежегодно приносила теленка и, кроме того, давала молоко. У некоторых наиболее передовых племен — арийцев, семитов, может быть уже и у туранцев — главной отраслью труда сделалось сначала приручение и только после этого разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров: *первое крупное общественное разделение труда*. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства существования были другие. Они имели, сравнительно с теми, не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество пряжи и тка-

* В особенности на северо-западном побережье Америки — см. у Банкрофта. У [племени] хайда на острове королевы Шарлотты встречаются под одной крышей хозяйства, охватывающие до 700 человек. У нутка под одной крышей жили целые племена.

ней. Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На ранних ступенях развития мог происходить лишь случайный обмен; особое искусство в изготовлении оружия и орудий может вести к временному разделению труда. Так, например, во многих местах были найдены несомненные остатки мастерских для изготовления каменных орудий позднейшего периода каменного века; мастера, развивавшие здесь свое искусство, работали, вероятно, за счет всего общества, как это еще делают постоянные ремесленники родовых общин в Индии. На этой ступени развития обмен мог возникнуть только внутри племени, и притом как исключительное явление. Здесь, напротив, после выделения пастушеских племен мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения. Первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старшин; когда же стада стали переходить в обособленную собственность, все больше стал преобладать и, наконец, сделался единственной формой обмена — обмен между отдельными лицами. Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен, — одним словом, скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в особом товаре — деньгах.

Огородничество, вероятно не знакомое азиатским варварам нижней ступени, появилось у них не позднее средней ступени, как предтеча обработки полей. В климатических условиях Туранского плоскогорья невозможна пастушеская жизнь без запасов корма на долгую и суровую зиму; луговое хозяйство и разведение зерновых хлебов было здесь, таким образом, необходимым условием. То же самое относится к степям Черного моря. Но если сначала зерно добывалось для скота, то скоро оно стало пищей и для человека. Обработанная земля оставалась еще собственностью племени и передавалась в пользование сначала роду, позднее большим семьям, наконец отдельным лицам; они могли иметь на нее известные права владения, но не больше.

Из достижений в области промышленной деятельности на этой ступени особенно важное значение имеют два: первое — ткацкий станок, второе — плавка металлических руд и обработка металлов. Медь и олово и выплавляемая из них бронза имели наибольшее значение: бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вы-

теснить каменные орудия; это могло сделать только железо, а добывать железо еще не научились. Начали употреблять для украшения и в качестве драгоценностей золото и серебро, которые, по-видимому, уже имели большую ценность, чем медь и бронза.

Увеличение производства во всех отраслях — в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Стоило привлекать новые рабочие силы. Война доставляла их: военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при всех данных исторических условиях, с необходимостью влекло за собою рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Как и когда перешли стада из общего владения племени или рода в собственность глав отдельных семей, об этом мы ничего до сих пор не знаем. Но в основном переход этот должен был произойти на этой ступени. А с появлением стад и прочих новых богатств в семье произошла революция. Промысел всегда был делом мужчины, средства для промысла изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новыми промысловыми средствами, их первоначальное приручение и дальнейший уход за ними — делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. «Дикий» воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, гордясь своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе. И она не могла жаловаться. Разделение труда в семье служило основанием для распределения собственности между мужчиной и женщиной; оно осталось неизменным и, тем не менее, оно совершенно перевернуло существовавшие до того домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая обеспечивала женщине ее прежнее господство в доме — ограничение ее труда работой по дому, — эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме: домашняя работа женщины

утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком. Уже здесь обнаруживается, что освобождение женщины, ее уравнение с мужчиной невозможны и остаются таковыми, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и ограничивается домашним частным трудом. Освобождение женщины становится возможным только тогда, когда она может в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому занимает ее лишь в незначительной степени. А это сделалось возможным только при современной крупной промышленности, которая не только допускает в больших размерах женский труд, но и прямо требует его и частный домашний труд все более и более стремится превратить в общественную промышленность.

С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено падением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. Но это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, и притом грозной силой, противостоящей роду.

Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, на которой все культурные народы пережили свой героический период: период железного меча, но также и железного плуга и топора. Железо стало служить человеку, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории, последнее вплоть до появления картофеля. Железо создало обработку земли на крупных площадях, обеспечило расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо было часто мягче бронзы. Каменное оружие поэтому исчезало лишь медленно; не только в песне о Гильдебранде, но и в сражении при Гастингсе в 1066 г. еще пользуются каменными топорами. Но прогресс продолжался теперь неудержимо, с меньшими перерывами и быстрее. Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубцами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен; огромный прогресс в строительном искусстве, но вместе с тем и признак увеличившейся опасности и потребности в защите. Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц; в ткачестве, в обработке металлов и в других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, разви-

вадось все в возрастающей степени разнообразие и совершенство производства; земледелие стало теперь давать наряду с хлебом, стручковыми растениями и овощами также масло и вино, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия. Непрерывающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда повышал ценность человеческой рабочей силы; рабство, только возникавшее и случайное на предыдущей ступени развития, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми помощниками; десятками их гонят теперь работать на поля и в мастерские. С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Все это еще в весьма мало развитом виде; благородные металлы начинают играть роль преобладающего и всеобщего товара — денег, но металл еще не чеканят, а обменивают просто по весу.

Наряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными — с новым разделением труда новое разделение общества на классы. Имущественные различия между отдельными главами семей разрушают старую коммунистическую общину большой семьи везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли за счет этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сперва на время, потом раз навсегда, переход к полной частной собственности совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества.

Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военачальник народа — *rex*, *basileus*, *thuidans* — становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нор-

мальными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (*Маркс*) и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным лишь раба, более унижительным, чем грабеж.

* * *

Мы подошли теперь к порогу цивилизации. Она начинается новым шагом вперед в разделении труда. На низшей ступени люди производили только непосредственно для собственного потребления; происходившие отдельные акты обмена были редки, касались только случайно остававшихся излишков. На средней ступени варварства мы уже находим у пастушеских народов скотоводческое хозяйство, которое при известной величине стад регулярно доставляет

некоторый излишек над собственным потреблением; одновременно мы застаем разделение труда между пастушескими народами и остальными племенами без стад, две рядом стоящие различные ступени производства и вместе с тем условия для регулярного обмена. На высшей ступени варварства происходит дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, а вместе с тем — производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества. Цивилизация упрочивает и усиливает все эти возникшие до нее виды разделения труда, особенно путем обострения противоположности между городом и деревней (причем экономически господствовать может город над деревней, как это было в древности, или же деревня над городом, как это было в средние века); она присоединяет к этому третье, свойственное ей, весьма важное разделение труда: создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, создает *купцов*. Все бывшие до сих пор тенденции к образованию классов связаны были еще исключительно с производством; они разделяли занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей более крупных и менее значительных. Здесь впервые появляется класс, который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей; становится неустрашимым посредником между каждым двумя производителями и эксплуатирует обоих. Под тем предлогом, что производители избавляются от труда и риска, связанных с обменом, что расширяется сбыт их продуктов вплоть до самых отдаленных рынков и тем самым создается якобы самый полезный класс населения, возникает класс паразитов, класс настоящих общественных захребетников, который в вознаграждение за свои в действительности весьма незначительные услуги снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства, быстро приобретает громадные богатства и соответствующее им общественное влияние и именно поэтому захватывает в период цивилизации все более почетное положение и все более подчиняет себе производство, пока, наконец, сам не производит свой собственный продукт — периодические торговые кризисы.

Впрочем, на рассматриваемой нами ступени развития молодое купечество еще не предчувствует тех великих дел, какие ему предстоят. Но оно формируется и делается необходимым, и этого достаточно. Вместе с ним появляются *металлические деньги*, ча-

канная монета, а с металлическими деньгами новое средство господства непроезжающего класса над производителями и их производством. Был изобретен товар товаров, который в скрытом виде содержит в себе все другие товары, волшебное средство, могущее по желанию превращаться в любую заманчивую и желанную вещь. Кто обладал им, тот властвовал над миром производства. А кто прежде всего обладал им? Купец. Культ денег был у него в надежных руках. Он взял на себя заботу разъяснить, что все товары, а с ними и все товаропроизводители должны с благоговением повергнуться в прах перед деньгами. Он доказал на практике, что все другие формы богатства являются только видимостью перед этим воплощением богатства как такового. Никогда впоследствии власть денег не выступала в такой первобытной грубости и жестокости, как в этот период их юности. Вслед за покупкой товаров на деньги появилась денежная ссуда, а вместе с ней — процент и ростовщичество. И ни одно законодательство позднейшего времени не бросает должника столь безжалостно и безнадежно к ногам кредитора-ростовщика, как законодательства древних Афин и Рима. А они возникли самопроизвольно, как обычное право, исключительно под давлением экономических условий.

Наряду с богатством, заключающимся в товарах и рабах, наряду с денежным богатством теперь появляется также богатство земельное. Право отдельных лиц на владение земельными участками, предоставленными им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти участки стали принадлежать им на правах наследственной собственности. К чему они за последнее время более всего стремились — так это именно к освобождению парцеллы от прав на нее со стороны родовой общины, прав, которые стали для них оковами. Оковы эти исчезли, но вскоре после того исчезла также и их новая земельная собственность. Полная, свободная собственность на землю означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, она означала также возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей. Что это означало, уяснили ему деньги, изобретенные одновременно с частной собственностью на землю. Земля могла теперь стать товаром, который продают и закладывают. Едва была установлена собственность на землю, как была уже придумана ипотека (Афины). Как по пятам моногамии

следуют гетеризм и проституция, так по пятам земельной собственности отныне неотступно идет ипотека. Вы желали полной, свободной, отчуждаемой земельной собственности, — так получайте же ее, вот она: «tu l'as voulu, Georges Dandin!» [ты этого хотел, Жорж Данден!]

Так вместе с расширением торговли, вместе с деньгами и денежным ростовщичеством, земельной собственностью и ипотекой быстро происходила концентрация и централизация богатств в руках немногочисленного класса, а наряду с этим росло обнищание масс и возрастала масса бедняков. Новая имущественная аристократия окончательно оттесняла на задний план старую племенную знать (в Афинах, в Риме, у германцев), если она с самого начала не совпадала с последней. И рядом с этим разделением свободных на классы по состоянию имело место, особенно в Греции, громадное увеличение числа рабов *, принудительный труд которых служил основанием, на котором возвышалась надстройка всего общества.

Посмотрим же теперь, что стало при этом общественном перевороте с родовым строем. Он оказался бессильным перед новыми элементами, выросшими без содействия с его стороны. Его предпосылкой было совместное проживание членов одного рода или племени на одной и той же территории, заселенной исключительно ими. Это давно уже прекратилось. Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, клиенты (Schutzverwandte), чужестранцы. Оседлость, приобретенная только к концу средней ступени варварства, то и дело нарушалась подвижностью и переменой местожительства, что было вызвано торговой деятельностью, переменой занятий, отчуждением земельной собственности. Члены родовых организаций не могли уже сходиться для решения своих общих дел; кое-как обслуживались еще только маловажные дела, как, например, религиозные празднества. Наряду с потребностями и интересами, для обслуживания которых были призваны и приспособлены родовые организации, возникли в результате переворота в условиях производительной деятельности и вызванных им изменений в общественной структуре новые потребности и интересы, не только чуждые древнему родовому строю, но и во всех отношениях противоположные ему. Интересы ремесленных групп, возникших благодаря разделению труда, особые потребности города в противоположность деревне требовали новых органов; но каждая из этих групп состояла из людей различ-

* Число рабов в Афинах см. выше, стр. 97—98. В Коринфе в эпоху расцвета города оно доходило до 460 000, в Эгине — до 470 000, в обоих случаях в десять раз превышая численность свободного населения.

ных родов, фратрий и племен, включала даже чужестранцев; эти органы должны были поэтому возникать вне родовой организации, рядом с нею, а вместе с тем и против нее. И в каждой родовой организации сказывалось, в свою очередь, это столкновение интересов, достигавшее своей наибольшей остроты в объединении богатых и бедных, ростовщиков и должников в одном и том же роде и в одном и том же племени. — К этому присоединилась масса нового населения, которое было чуждо родовым группам и могло стать силой в стране, как это было в Риме, к тому же оно было слишком многочисленно, чтобы его можно было постепенно включить в кровнородственные роды и племена. Этой массе родовые группы противостояли как замкнутые, привилегированные корпорации; первобытная естественная демократия превратилась в ненавистную аристократию. Наконец, родовой строй вырос из общества, не знавшего никаких внутренних противоположностей, и был приспособлен только к такому обществу. У него не было никаких других способов принуждения, кроме общественного мнения. Здесь же возникло общество, которое, в силу всех своих экономических условий жизни, должно было расколоться на свободных и рабов, эксплуатирующих богачей и эксплуатируемых бедняков, — общество, которое не только не могло примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между этими классами или же под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляет их открытые столкновения и, самое большее, допускает классовую борьбу только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был разрушен разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Он был заменен *государством*.

* * *

Выше мы рассмотрели в отдельности три главные формы, в которых государство поднимается на развалинах родового строя. Афины представляют самую чистую, наиболее классическую форму: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового общества. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию среди многочисленного, вне его стоящего, бесправного, но несущего обязанности плебса; победа плебса разрушает старый родовой строй и на его развалинах учреждает государство,

в котором скоро совершенно исчезают и родовая аристократия и плебс. Наконец, у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств. Но так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная борьба с прежним населением, ни более прогрессивное разделение труда; так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, а потому экономическая основа общества остается прежней, то родовой строй может дальше существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме общинного устройства марки и даже на некоторое время обновляться в ослабленной форме в позднейших дворянских и патрицианских родах, даже в родах крестьянских, как, например, в Дитмаршене *.

Итак, государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство.

По сравнению со старой родовой организацией государство, во-первых, отличается разделением подданных государства по *территориальным делениям*. Старые родовые союзы, возникшие и державшиеся в силу кровной связи, сделались, как мы видели, недостаточными большею частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно исчезла. Территория осталась, но люди сделались подвижными. Поэтому исходным пунктом было принято территориальное деление, и гражданам предоставили осуществлять свои права и обязанности там,

* Первым историком, который имел хотя бы приблизительное представление о сущности рода, был Нибур, и этим, — но также и своими почерпнутыми прямо оттуда ошибками; — он обязан своему знакомству с дитмаршенскими родовыми общинами.

где они поселялись, не считаясь с их принадлежностью к тому или другому роду или племени. Такая организация граждан по месту жительства общепринята во всех государствах. Она поэтому нам кажется естественной; но мы видели, какая потребовалась упорная и длительная борьба, пока она могла утвердиться в Афинах и Риме на место старой организации по родам.

Вторая отличительная черта — учреждение *общественной власти*, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим само себя как вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы. Рабы также входят в состав населения: 90 000 афинских граждан по отношению к 365 000 рабов образуют только привилегированный класс. Народное войско афинской демократии было аристократической вооруженной силой против рабов и держало их в повиновении; но для того чтобы держать в повиновении также и граждан, оказалась необходимой, как рассказано выше, жандармерия. Эта общественная власть существует в каждом государстве; она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому обществу. Эта власть может быть весьма незначительной, почти незаметной в обществах с еще неразвитыми классовыми противоречиями и в отдаленных областях, как это наблюдается иногда кое-где в Соединенных Штатах Америки. Но она усиливается, по мере того как обостряются классовые противоречия внутри государства и по мере того как соприкасающиеся между собою государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на нашу современную Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили общественную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство.

Для содержания этой общественной власти необходимы взносы граждан — *налоги*. Последние были совершенно неизвестны родовому обществу. Но мы теперь их знаем очень хорошо. С развитием цивилизации даже и налогов недостаточно; государство выдает векселя на будущее, делает долги, *государственные долги*. И о них старушка Европа может порассказать не мало.

Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, *над* обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового строя, им уже недостаточно, даже если бы они могли это

уважение завоевать; носители обособившейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они становятся особо священны и неприкосновенны. Самый жалкий полицейский служитель цивилизованного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный князь и величайший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации могли бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, с которым относятся к самому скромному родовому старшине. Последний стоит внутри общества, тогда как они вынуждены представлять собой нечто вне его и над ним.

Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подавления и обуздания рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая уравнивает друг против друга дворянство и буржуазию; таков бонапартизм первой и особенно второй французской империи, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата. Новейшее достижение в этой области, при котором властитель и подвластные выглядят одинаково комично, представляет собою новая Германская империя бисмарковской нации: здесь капиталисты и рабочие уравновешены друг с другом и подвергаются одинаковому шантажу в интересах оскудевшего прусского юнкерства.

Кроме того, в большинстве исторических государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и этим прямо заявляется, что государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего класса. Так было уже в Афинах и Риме с их делением на классы по имуществу.

Так было и в средневековом феодальном государстве, где политическое положение определялось размерами землевладения. Это находит выражение в избирательном цензе современных представительных государств. Однако это политическое признание различий в имущественном положении отнюдь не существенно. Напротив, оно характеризует низкую ступень государственного развития. Высшая форма государства, демократическая республика, которая в наших современных общественных условиях становится все более и более неизбежной необходимостью и представляет собою форму государства, в которой только и может быть доведена до конца последняя решительная борьба между пролетариатом и буржуазией, — эта демократическая республика официально уже ничего не знает об имущественных различиях. В ней богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее: с одной стороны — посредством прямого подкупа чиновников (классический образец — Америка), с другой стороны — в форме союза между правительством и биржей, который осуществляется тем легче, чем больше возрастают государственные долги и чем больше акционерные общества сосредоточивают в своих руках не только транспорт, но и самое производство и делают своим средоточием ту же биржу. Ярким примером этого, кроме Америки, служит новейшая Французская республика. Даже добропорядочная Швейцария внесла свою лепту на этом поприще. Но что для такого братского союза правительства и биржи совсем не требуется демократической республики, доказывает, кроме Англии, новая Германская империя, где нельзя сказать, кого выше вознесло всеобщее избирательное право: Бисмарк или Блейхредера. Наконец, имущий класс господствует непосредственно при помощи всеобщего избирательного права. До тех пор пока угнетенный класс, — в данном случае, следовательно, пролетариат, — еще не созрел для своего самоосвобождения, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственно возможным и политически будет идти в хвосте класса капиталистов, составлять его крайнее левое крыло. Но, по мере того как он созревает для своего освобождения, он конституируется в собственную партию, избирает своих собственных представителей, а не представителей капиталистов. Всеобщее избирательное право — показатель зрелости рабочего класса. Дать большее оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве; но и этого достаточно. В тот день, когда термометр всеобщего избирательного права будет показывать точку кипения у рабочих, для них, как и для капиталистов, ситуация будет ясна.

Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором.

* * *

Итак, согласно сказанному, цивилизация представляет ту ступень общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе.

Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу общественным, равным образом и потребление шло при прямом распределении продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин. Эта общность производства осуществлялась в весьма узких рамках, но она влекла за собою господство производителей над своим производственным процессом и вырабатываемым продуктом. Они знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук; и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить призрачные, чуждые им силы, как это обыкновенно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации.

Но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает общность производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом индивидуальное присвоение и вместе с тем порождает обмен между отдельными лицами — как это происходит, мы исследовали выше. Постепенно товарное производство становится господствующей формой.

При товарном производстве, при производстве уже не для собственного потребления, а для обмена, товары по необходимости

переходят из рук в руки. Производитель при обмене отдает свой товар; он уже не знает, что с ним станет. Когда же в роли посредника между производителями появляются деньги, а вместе с деньгами купец, процесс обмена становится еще запутаннее, конечная судьба продуктов еще неопределеннее. Купцов много, и ни один из них не знает, что делает другой. Товары теперь переходят уже не только из рук в руки, они передвигаются с одного рынка на другой; производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни, но эта власть не перешла и к купцам. Продукты и производство попадают во власть случайности.

Но случайность — это только один полюс взаимоотношения, другой его полюс называется необходимостью. В природе, где также как будто господствует случайность, мы давно уже установили в каждой отдельной области внутреннюю необходимость и закономерность, пробивающуюся сквозь эту случайность. Но что имеет силу для природы, имеет также силу и для общества. Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется представленной чистой случайности, тем с большей силой и необходимостью пробиваются сквозь эту случайность свойственные ей внутренние законы. Такие законы господствуют и над случайностями товарного производства и товарообмена: отдельному производителю и участнику обмена они противостоят как чуждые, вначале даже неведомые силы, природа которых подлежит еще тщательному изучению и исследованию. Эти экономические законы товарного производства видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства. И еще в настоящее время продукт господствует над производителями; и поныне общественное производство в целом регулируется не согласно сообщу обдуманному плану, а слепыми законами, которые проявляются со стихийной силой, в конечном счете — в бурях периодических торговых кризисов.

Мы видели, что на сравнительно ранней ступени развития производства рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя, и что эта ступень развития в главном совпадает с той, на которой появляется разделение труда и обмен между отдельными лицами. И не много потребовалось теперь времени для того, чтобы отыскать великую «истину», что человек также может

быть товаром, что человеческую силу можно обменивать и потреблять, если превратить человека в раба. Едва люди начали менять, как уже они сами стали предметами обмена. Действительный залог превратился в страдательный, — хотели того люди или нет.

С появлением рабства, достигшего при цивилизации наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостное право в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда ее сопровождает.

Степень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе с тем и денежного капитала, процента и ростовщичества; 2) появлением кушцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю и ипотеки и 4) применением рабского труда как господствующей формы производства. Цивилизации соответствует и вместе с нею окончательно утверждает свое господство новая форма семьи — моногамия, господство мужчины над женщиной, и индивидуальная семья как хозяйственная единица общества. Общей связью цивилизованного общества служит государство, которое во все типичные периоды является государством исключительно господствующего класса и остается во всех случаях главным образом машиной для удержания в подчинении угнетенного, эксплуатируемого класса. Для цивилизации характерно еще следующее: с одной стороны, закрепление противоположности города и деревни как основы всего общественного разделения труда; с другой стороны, введение завещаний, с помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти. Этот институт, прямо противоречивший древнему родовому строю, в Афинах был неизвестен вплоть до Солона; в Риме он уже рано был введен, но мы не знаем точно, когда именно *, у германцев ввели его попы, для того чтобы честный германец мог беспрепятственно завещать церкви свое наследство.

При этом общественном строе цивилизация совершила такие

* «Система приобретенных прав» Лассалья во второй части посвящена главным образом положению, что римское завещание столь же старо, как и самый Рим, что для римской истории никогда «не существовало времени без

дела, до каких ни в малейшей степени не доросло древнее родовое общество. Но она совершила их, приведя в движение самые низменные стремления и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам. Грубая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивидуума, было ее единственной, определяющей целью. Если при этом выходило так, что при ней все более развивалась наука и повторялись неоднократно периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого не были бы возможны все достижения нашего времени в области накопления богатств.

Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий прогресс в производстве означает одновременно регресс в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого. Наиболее ярким примером этого служит введение машин, последствия которого теперь общеизвестны. И если у варваров, как мы видели, едва можно было отличить права от обязанностей, то цивилизация даже круглому дураку разъяснит различие и противоположность между ними, предоставляя одному классу почти все права и взваливая на другой почти все обязанности.

Но так не должно быть. Что хорошо для господствующего класса, должно быть добром и для всего общества, с которым господствующий класс себя отождествляет. Поэтому, чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена бывает покрывать плащом любви неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать, — одним словом, вводить в практику условное лицемерие, которое не было известно ни прежним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое приводит, наконец, к утверждению: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единст-

завещаний», что завещание возникло скорее в до-римский период из культа умерших. Лассаль, в качестве правоверного старогегельянца, выводит римские правовые нормы не из общественных отношений римлян, а из «спекулятивного понятия» воли и приходит при этом к указанному, совершенно не историческому утверждению. Это не удивительно в книге, которая на основании того же спекулятивного понятия приходит к выводу, что в римском наследстве передача имущества была только второстепенным делом. Лассаль не только верит в иллюзии римских юристов, в особенности более раннего времени, он еще превосходит их в своих иллюзиях.

венно и исключительно в интересах самого эксплуатируемого класса; и если последний этого не понимает и даже начинает возмущаться, то это самая постыдная неблагодарность по отношению к благодетелям, эксплуататорам *.

В заключение — суждение Моргана о цивилизации: «С началом цивилизации рост богатства принял такие громадные размеры, его формы столь разнообразны, его применение столь обширно, а управление им так умело велось в интересах собственников, что это богатство сделалось *силой, которою народ не мог уже овладеть. Разум человеческий стоит бессильный в смятении перед своим собственным творением.* Но все же придет время, когда окрепший человеческий разум сумеет овладеть богатством, когда он установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и границы прав собственников. Интересы общества абсолютно важнее интересов отдельных лиц, и между ними должно быть установлено справедливое и гармоническое отношение. Голая погоня за богатством не должна быть конечным призванием человечества, если вообще прогресс и на будущее время остается законом, каким он был в прошлом. Протекшее с начала цивилизации время представляет собою только ничтожную долю протекшей жизни человечества, только ничтожную долю времени, которое ему еще предстоит прожить. Распад общества угрожает нам как завершение исторического периода, единственной конечной целью которого является богатство, потому что такой период содержит в себе элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование украсят следующую, высшую ступень общества, для наступления которой непрерывно работают опыт, разум и наука. *Оно будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов*» (Морган, «Ancient Society», стр. 552).

* Я сначала собирался привести рядом с моргановской критикой цивилизации и моей собственной блестящую критику цивилизации, которая встречается в различных местах в сочинениях Шарля Фурье. К сожалению, у меня нет времени заняться этим. Замечу только, что уже у Фурье моногамия и земельная собственность служат главными отличительными признаками цивилизации и что он называет их войною богатых против бедных. Точно так же мы уже находим у него глубокое понимание того, что во всех несовершенных, терзаемых антагонизмами обществах отдельные семьи (*les familles incohérentes*) служат хозяйственными единицами.

«ПЕСНЯ ПОДМАСТЕРЬЯ».

ГЕОРГА ВЕЕРТА (1846 г.).

Цвела весною вишня,
Когда сюда пришли;
Цвела весною вишня —
Во Франкфурт мы пришли.
 Нам говорит трактирщик:
 «Одеты вы... того!»
 «Тебе, подлец-трактирщик,
 Нет дела до того!»
Неси, не тратя слова,
Нам пива и вина!
И помни: к ним жаркого
Тарелочка нужна!»
 На петуха похоже
 Запел в боченке кран;
 Хлебнули мы, и что же?
 Точь-в-точь — мочи стакан.
С пучком петрушки заяц
Нам подан был потом,
Ах, этот мертвый заяц
Нам в горле стал колом.
 Когда ж уже в постели
 Нам довелось лежать,
 Нас принялись в постели
 Во-всю клопы кусать.
Такой вот приключился
Во Франкфурте скандал,
И он тому не вновь,
Кто жил там и страдал.

Это стихотворение нашего друга Веерта я отыскал среди посмертных бумаг Маркса. Веерт, первый и самый значительный поэт немецкого пролетариата, родился на Рейне, в Детмольде, где отец его был пастором-суперинтендантом¹. Во время моего пребывания

¹ Пастор в должности инспектора в протестантском церковном округе.

в 1843 г. в Манчестере Веерт приехал в Бредфорд в качестве комиссионера одной немецкой фирмы, и мы вместе весело провели много воскресных дней. В 1845 г., когда мы с Марксом жили в Брюсселе, Веерт взял на себя агентуру от своего торгового дома на континенте и поставил дело так, что мог свою главную контору также перенести в Брюссель. После мартовской революции 1848 г. мы все собрались в Кельне, чтобы основать «Новую Рейнскую Газету». Веерт взял на себя фельетоны, и я сомневаюсь, были ли когда-нибудь в другой газете такие живые и остроумные фельетоны. Одним из главных его произведений было: «Жизнь и деяния знаменитого рыцаря Шнаппганского»; в нем описывались приключения князя Лихновского, прозванного так в гейневском «Атта Тролль». Все факты соответствуют действительности; каким образом эти факты стали нам известны, — об этом, может быть, я расскажу в другой раз. Эти фельетоны о Шнаппганском вышли в 1849 г. в издании Гофмана и Кампе отдельной книгой и еще до сих пор чрезвычайно забавны. Но 18 сентября 1848 г. Шнаппганский-Лихновский вместе с генералом фон-Ауэрсвальдом (также членом парламента) отправились верхом для выслеживания крестьянских отрядов, направлявшихся на помощь франкфуртским баррикадным борцам, и оба они, как шпионы, заслуженно были убиты крестьянами. Поэтому германское имперское регентство возбудило преследование против Веерта за оскорбление памяти Лихновского, и Веерт, давно уже проживавший в Англии, был присужден к трем месяцам тюрьмы, после того как реакция уже давно покончила с «Новой Рейнской Газетой». Эти три месяца он полностью отсидел, так как время от времени вынужден был выезжать по делам в Германию.

В 1850/51 г. он отправился по делам другой бредфордской фермы в Испанию, затем в Вест-Индию и объездил почти всю Южную Америку. После кратковременного посещения Европы он снова вернулся в свою любимую Вест-Индию. Там он не мог отказать себе в удовольствии хоть раз увидеть подлинный оригинал Луи Наполеона III, негритянского короля Сулука на Гаити. Но, как сообщает В. Вольф Марксу в письме от 28 августа 1856 г., он встретил «затруднения со стороны карантинных учреждений, должен был отказаться от своего проекта и, схватив в пути желтую лихорадку, вернулся в Гаванну. Он слег, болезнь осложнилась воспалением мозга, и 30 июля наш Веерт скончался в Гаванне».

Я назвал его первым и самым значительным поэтом немецкого пролетариата. И действительно, его социалистические и политические стихотворения по своей оригинальности, остроумию, а в осо-

беничности по своей пламенной страстности гораздо лучше стихотворений Фрейлиграта. Он часто пользовался гейневскими формами, но лишь для того, чтобы наполнить их совершенно оригинальным, самостоятельным содержанием. При этом он отличался от большинства поэтов тем, что к стихотворениям, однажды им написанным, он становился совершенно равнодушным. Послав копию своих стихов Марксу или мне, он о них забывал, и зачастую его трудно было заставить где-нибудь напечатать их. Только во времена «Новой Рейнской Газеты» дело обстояло иначе. Почему так было, видно из нижеследующего отрывка из письма Веерта к Марксу, написанного в Гамбурге 28 апреля 1851 г.:

«Надеюсь, впрочем, в начале июля снова встретиться с тобой в Лондоне, так как не могу дольше выносить этих гамбургских кузнечиков (*grass hoppers*). Мне угрожает здесь блестящая карьера, но она меня пугает. Всякий другой ухватился бы обеими руками. Но я слишком стар, чтобы стать обывателем (*Philister*), а по ту сторону океана лежит к тому же далекий Запад.

«За последнее время я писал на разные темы, но ничего не закончил, так как не вижу в писательстве ни смысла, ни цели. Когда ты что-нибудь пишешь по политической экономии, то это имеет смысл. Но я? Отпускать убогие остроты и плоские шутки, чтобы вызвать робкую улыбку на отечественных рожках — что может быть гнуснее! Моя литературная деятельность кончилась навсегда вместе с «Новой Рейнской Газетой».

«Должен сознаться, что так же, как попусту потерянные последние три года вызывают у меня досаду, меня радует воспоминание о нашем пребывании в Кельне. Мы *не* скомпрометировали себя. Это главное! Со времен Фридриха Великого никто не третировал так *en canaille* немецкий народ, как «Новая Рейнская Газета».

«Я не хочу сказать, что это было моей заслугой; но я был к этому причастен...

«О Португалия! о Испания! (В. как раз вернулся оттуда). О, если бы только у нас было ваше прекрасное небо, ваше вино, ваши апельсины и мирты. Но даже и этого нет. Ничего, кроме дождя, опущенных носов и копченого мяса!

«В дождь, с опущенным носом, твой *Г. Веерт*».

В чем Веерт был мастер, в чем он превосходил Гейне (потому что был здоровее и искреннее) и в немецкой литературе был превзойден только одним Гете, это в выражении естественной, здоровой чувственности и плотской страсти. Многие из читателей «Социал-демократа» пришли бы в ужас, если бы я перепечатал в нем некото-

рые фельетоны из «Новой Рейнской Газеты». Но я не собираюсь этого делать. Не могу, однако, не заметить, что и для немецких социалистов должен когда-нибудь наступить момент, когда они открыто отбросят этот последний немецкий филистерский предрассудок, ложную мещанскую стыдливость, которая, впрочем, служит лишь прикрытием для тайного сквернословия. Когда, например, читаешь стихи Фрейлиграта, то действительно можно подумать, что у людей совсем нет половых органов. Однако никто так не любил послушать втихомолку пикантный анекдот, как именно этот благопристойный в поэзии Фрейлиграт. Пора бы, по крайней мере, немецким рабочим привыкнуть говорить о том, чем они сами занимаются днем или ночью, о естественных, необходимых и чрезвычайно приятных вещах, так же непринужденно, как романские народы, как Гомер и Платон, как Гораций и Ювенал, как Ветхий завет и «Новая Рейнская Газета».

Веерт писал, впрочем, и менее пикантные вещи, и из них я позволю себе время от времени присылать кое-что в «Социалдемократ» для фельетонов.

Напечатано в «Der Sozialdemokrat»

№ 24 от 7 июня 1883 г.

Подпись: Ф. Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА» 1883 г.

Предисловие к настоящему изданию мне приходится, к сожалению, подписывать одному. Маркс, — человек, которому весь рабочий класс Европы и Америки обязан более, чем кому бы то ни было, — покоится на Хайгейтском кладбище, и его могила уже поросла первой травой. После его смерти уж не может быть и речи о переработке или дополнении «Манифеста». Тем более я считаю необходимым еще раз категорически заявить здесь следующее:

Основная мысль, проходящая через весь «Манифест» и состоящая в том, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества всякой исторической эпохи образуют основу ее политической истории и истории ее умственного развития; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история на различных ступенях общественного развития была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами, и что теперь эта борьба достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время навсегда всего общества от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежит всецело и исключительно Марксу¹.

Я это уже неоднократно говорил, но именно теперь необходимо также предпослать это заявление самому «Манифесту».

Лондон, 28 июня 1883 г.

Напечатано в 1883 г. в Цюрихе.

Подпись: Ф. Энгельс.

¹ К этой мысли, которая, по моему мнению, должна иметь для истории такое же значение, какое имела теория Дарвина для естествознания, мы оба постепенно подходили еще за несколько лет до 1845 г. Как далеко я самостоятельно продвинулся в этом направлении, лучше всего показывает мое «Положение рабочего класса в Англии». Когда же я весной 1845 г. опять встретился с Марксом в Брюсселе, он уже разработал эту мысль и изложил ее мне почти в таких же ясных выражениях, в каких я привел ее здесь. [Примечание Энгельса в немецком издании 1890 г. *Ред.*]

КНИГА ОТКРОВЕНИЯ.

Историческая и лингвистическая критика Библии, исследование вопроса о времени, происхождении и историческом значении различных произведений, входящих в состав Ветхого и Нового заветов, — эта наука неизвестна в Англии почти никому, за исключением немногих либеральствующих богословов, которые норовят, по возможности, хранить ее в тайне.

Наука эта почти исключительно немецкая. Более того, то немногое, что проникло из нее за пределы Германии, — отнюдь не лучшая ее часть; это тот вольнодумный критицизм, который мнит себя совершенно свободным от предрассудков и компромиссов, оставаясь в то же время христианским. Эти книги не являются непосредственным откровением святого духа, но представляют божественное откровение через святой дух гуманности и т. д. Так, Тюбингенская школа (Баур, Гфререр и др.) пользуется большим успехом в Голландии и Швейцарии, как и в Англии, а если имеется желание быть немного более последовательными, то идут за Штраусом. Такой же кроткий, но совершенно не исторический дух преобладает у знаменитого Эрнеста Ренана, этого жалкого плагиатора немецких критиков. Во всех его трудах ему принадлежит только эстетический сентиментализм пространных рассуждений и водянистый язык, в который они облечены.

Но вот что Эрнест Ренан сказал хорошо: «Если хотите ясно представить себе, чем были первые христианские общины, то не сравнивайте их с современными приходскими общинами; они скорей напоминают местные секции Международного товарищества рабочих». И это верно. Христианство так же, как и современный социализм, овладело массами при наличии среди них различных сект и даже более — при наличии противоречивых индивидуальных взглядов, из которых одни были ясные, другие путанные, причем последних была большая часть; но все они находились в оппозиции к господствующему строю, к «властям предержажим».

Возьмем, например, нашу Книгу откровения. Мы увидим, что это не только не самая непонятная и таинственная, а, наоборот, самая простая и ясная книга из всего Нового завета. Мы должны

пока просить читателя поверить тому, что мы собираемся ему сейчас доказать, именно: что она была написана в 68 г. или в январе 69 г. и что она поэтому не только единственная книга Нового завета, дата которой действительно установлена, но и самая старая из этих книг. Как выглядело христианство в 68 г., мы можем видеть в ней, как в зеркале.

Прежде всего, секты и секты без конца. В послании к семи церквям в Азии упоминаются по крайней мере три секты, о которых мы помимо этого совершенно ничего не знаем: николаиты, валаамиты и последователи некоей женщины, символически названной здесь именем Иезавели. О всех трех сказано, что они разрешали своим последователям принимать в пищу то, что приносили в жертву идолам, и что они предавались прелюбодеянию. Любопытный факт: в каждом большом революционном движении вопрос о «свободной любви» выступает на первый план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, ставших уже ненужными; для других — приятное учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной. Последние, филистеры, повидимому, скоро оказались во главе этого движения; «прелюбодеяние» всегда связывается с потреблением в пищу «жертв, принесенных идолам»; это было строго запрещено как евреям, так и христианам, но и отказываться от этого могло быть иногда опасно или по меньшей мере неприятно. Из этого совершенно очевидно, что упомянутые здесь сторонники свободной любви были вообще склонны со всеми поддерживать хорошие отношения, но никоим образом не были склонны идти на мученичество.

Христианство, как и всякое другое крупное революционное движение, было создано массами. Совершенно неизвестно, каким образом оно возникло в Палестине; это было время, когда новые секты, новые религии, новые пророки появлялись сотнями. Фактически христианство возникло стихийно в результате взаимных влияний наиболее передовых из этих сект и было впоследствии оформлено в доктрину с примесью умозрений александрийского еврея Филона, под сильным последующим влиянием учения стоиков. Действительно, если мы можем считать Филона отцом христианского учения, то дядей его был Сенека. Целые отрывки из Нового завета как будто списаны почти дословно с его сочинений; с другой стороны, в сатирах Персия вы можете найти места, словно списанные с несуществовавшего еще в то время Нового завета. В нашей Книге откровения элементов всех этих учений нет и следа. Здесь христианство представлено в самой необработанной из дошедших до нас

форм. Преобладает только один догмат: верующие спасены жертвой Христа. Но как и почему — совершенно нельзя понять. Здесь нет ничего, кроме старой еврейской и языческой идеи о том, что бога или богов следует умиловать жертвами, — идеи, впоследствии преобразованной в специфически христианскую (в сущности сделавшей христианство универсальной религией) и состоявшей в том, что смерть Христа есть великое жертвоприношение, которое, будучи однажды принесено, имеет силу навеки.

О первородном грехе — ни намек. Ни слова о троице. Иисус — «агнец», но подчиненный богу. Действительно, в одном месте (XV, 3) он поставлен на один уровень с Моисеем. Вместо одного святого духа там «семь духов божиих» (III, 1 и IV, 5). Убитые святые (мученики) вызывают к богу о мести: «Доколе, владыка, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» (VI, 10) — чувство, которое впоследствии было тщательно вытравлено из теоретического кодекса христианской морали, но которое на практике проявилось в мести, как только христиане взяли верх над язычниками.

Христианство называет себя не иначе, как иудейской сектой, и делает это как нечто само собой разумеющееся. Так, в послании к семи церквям говорится: «Я знаю злословие тех, которые говорят о себе, что они иудеи (не христиане), а они не таковы, но сборище сатанинское» (II, 9); и опять (III, 9): «Из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они иудеи, но не суть таковы». Итак, наш автор в 69 г. нашей эры не имел даже отдаленного понятия о том, что он — представитель новой фазы религиозного развития, которому предназначено стать одним из величайших элементов революции. Точно так же, когда святые предостоят перед престолом Божиим, сперва идут 144 000 евреев, по 12 000 от каждого из двенадцати колен, и только после них допускаются язычники, присоединившиеся к этому новому виду иудейства.

Таким было христианство в 68 г. и таким оно изображено в древнейшей из книг Нового завета, единственной, достоверность которой не может быть оспариваема. Кто был ее автором, мы не знаем. Он называет себя Иоанном. Он даже не претендует быть апостолом Иоанном, хотя на основаниях «Нового Иерусалима» имеются «имена двенадцати апостолов агнца» (XXI, 14). Следовательно, когда он писал, их, по видимому, уже не было в живых. Что он был еврей, видно по обильным юдаизмам в его греческом языке, который плохой грамматикой резко выделяется даже среди других книг Нового завета. Что так называемое Евангелие от Иоанна, послание Иоанна и эта книга принадлежат по крайней мере трем различным авторам,

ясно доказывает их язык, если бы этого не доказывали изложенные в них учения, которые совершенно расходятся между собой.

Апокалиптические видения, составляющие почти все содержание Откровения, в большинстве случаев дословно заимствованы у классических пророков Ветхого завета и их более поздних подражателей, начиная с книги Даниила (около 190 г. до нашей эры пророчествовавшей о событиях, которые происходили веками раньше) и кончая «книгой Еноха» — апокрифической стряпней, написанной по-гречески незадолго до начала нашей эры. Оригинальное творчество, даже в группировке заимствованных видений, чрезвычайно бедное. Профессор Фердинанд Бенари, — курсу его лекций, читанных в Берлинском университете в 1841 г., я обязан нижеследующими сведениями, — показал, исследуя главы и стихи, откуда наш автор заимствовал каждое из своих мнимых видений. Бесплезно поэтому следовать за нашим «Иоанном» во всех его фантазиях. Лучше сразу подойти к тому пункту, который раскрывает тайну этой, во всяком случае, любопытной книги.

В противоположность всем своим ортодоксальным комментаторам, которые, по прошествии более 1800 лет, все еще ожидают, что его пророчества должны исполниться, «Иоанн» постоянно повторяет: «Время близко, сему надлежит быть скоро». И особенно это касается кризиса, который он предсказывает и который, очевидно, рассчитывает увидеть.

Кризис этот — великая последняя борьба между богом и «антихристом», как называли его другие. Важнейшие главы — XIII и XVII. Опускаем все излишние украшения. «Иоанн» видит поднимающегося из моря зверя с семью головами и десятью рогами (рога нас совсем не интересуют): «И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела». Этот зверь должен был получить власть над землей, враждебную богу и агнцу, на сорок два месяца (половина священных семи лет), и все люди должны были иметь начертание зверя или число имени его на правой руке или на своем челе. «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот *счти число зверя, ибо это число человеческое, и число его 666*».

Иринеи во II веке еще знал, что раненая и исцеленная голова означала императора Нерона. Нерон первый организовал страшное гонение на христиан. После его смерти распространился слух, особенно в Ахайе и в Азии, что он не умер, а только ранен, когда-нибудь вновь появится и наведет ужас на весь мир (*Тацит*, *Анналы*, VI, 22). В то же время Иринею был известен и другой, очень старый текст, в котором число имени было обозначено 616, а не 666.

В главе XII снова появляется зверь с семью головами; на этот раз на нем сидит пресловутая жена в порфире, красивое описание которой читатель может найти в самой книге. Тут ангел объясняет Иоанну: «Зверь, которого ты видел, был, и нет его... Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, а когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой и из числа семи... Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями».

Итак, здесь два ясных утверждения: (1) жена в порфире — это Рим, великий город, царствующий над земными царями; (2) книга написана в царствование шестого римского императора; после него придет другой, которому царствовать недолго; а затем следует возвращение одного «из семи», который был ранен, но исцелился, имя которого содержится в этом таинственном числе и о котором Ириной знал, что это Нерон.

Начиная с Августа, следуют: Август, Тиберий, Калигула, Клавдий; пятый — Нерон; шестой — Гальба, восшествие которого на престол послужило сигналом к восстанию легионов, особенно в Галлии, под предводительством Отона (Otho), преемника Гальбы. Таким образом, наша книга, повидимому, была написана в царствование Гальбы, которое продолжалось от 9 июня 68 г. по 15 января 69 г. И в ней предсказывается неминуемое возвращение Нерона.

А теперь о последнем доказательстве — о числе. Это доказательство также было открыто Фердинандом Бенарци и с тех пор никогда не оспаривалось в научном мире.

За 300 лет до нашей эры евреи стали употреблять свои буквы в качестве символов для обозначения чисел. Философствующие раввины видели в этом новый метод мистического толкования или каббалы. Тайные слова выражались числом, полученным от сложения цифровых значений букв, из которых состояли эти слова. Эту новую науку они называли гематрия, геометрия. Эту науку и применяет наш «Иоанн». Мы должны доказать, что 1) число содержит имя человека и что этот человек — Нерон, и 2) что данное решение вопроса остается в силе как для текста с числом 666, так и для старого текста — 616. Возьмем еврейские буквы и их цифровое значение:

א (нун) n=50	כ (коф) k=100
ב (реш) p=200	ס (самех) s=60
ו (вов) o=6	ר (реш) r=200
ז (нун) n=50	

Нерон кесарь, император Нерон, по-гречески — Нерон Кайсар. Теперь, если вместо греческого начертания мы напишем латинское Неро Цезарь еврейскими буквами, то буква «нун» в конце слова «Нерон» отпадает, а вместе с ней и ее числовое значение 50. Это приводит нас к старому тексту — 616, и доказательство, таким образом, совершенно безупречно*.

Итак, мистическая книга становится теперь вполне понятной. «Иоанн» предсказывает возвращение Нерона приблизительно к 70-му году и господство террора в его царствование, которое должно продолжаться сорок два месяца, т. е. 1260 дней. По прошествии этого срока бог восстанет, победит антихриста-Нерона, разрушит великий город огнем и закует дьявола на тысячу лет. Наступает тысячелетнее царство и т. д. Всё это теперь утратило всякий интерес для всех, кроме разве только невежественных людей, которые еще, может быть, пытаются вычислять день последнего суда. Но в качестве достоверной картины самого раннего христианства, картины, нарисованной одним из самих христиан, эта книга имеет большую ценность, чем все остальные книги Нового завета, вместе взятые.

Напечатано в «Progress»

за июнь—декабрь 1833 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

* Приведенное выше начертание имени как со вторым «нун», так и без него встречается в Талмуде и, таким образом, достоверно.

МАРКС И «НОВАЯ РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА» 1848—1849 гг.

Когда разразилась февральская революция, немецкая «Коммунистическая партия», как мы ее называли, состояла из немногочисленного основного ядра, из «Союза коммунистов», организованного как тайное пропагандистское общество. Союз был тайным только потому, что в то время в Германии не существовало свободы союзов и собраний. Помимо рабочих обществ за границей, в которых Союз вербовал своих членов, у него было около тридцати общин или секций в самой Германии и, кроме того, были отдельные члены во многих местах. Но у этого незначительного боевого отряда был в лице *Маркса* первоклассный вождь, которому все охотно подчинялись, и была, благодаря ему, принципиальная и тактическая программа, сохранившая все свое значение и до сих пор, — *Коммунистический манифест*.

Здесь для нас важнее всего тактическая часть программы. В общем она заключалась в следующем:

«Коммунисты отнюдь не являются какой-то особой партией, противопоставляющей себя другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Они не выставляют никаких особых принципов, сообразно которым они хотели бы придавать форму пролетарскому движению. Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают *общие, не зависящие от национальности интересы* всего пролетариата; с другой стороны — тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями *интересов движения в целом*. Поэтому коммунисты на деле являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

А относительно немецкой партии, в частности, в программе говорилось:

«В Германии коммунистическая партия борется совместно с бур-

жуазией, — поскольку буржуазия выступает революционно против абсолютной монархии, феодального землевладения и мелкого мещанства ¹. Но ни на минуту не перестает она вырабатывать в среде рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли тотчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее самой, чтобы тотчас же после падения реакционных классов в Германии началась борьба против самой буржуазии. На Германию коммунисты обращают главное свое внимание, потому что Германия стоит накануне буржуазной революции» и т. д. («Манифест», гл. IV).

Никогда еще ни одна тактическая программа не оправдывалась в такой мере, как эта. Выдвинутая накануне революции, она выдержала испытание этой революцией; и с тех пор каждый раз, когда какая-нибудь рабочая партия отступала от нее в своей деятельности, она расплачивалась за каждое отступление. И ныне, почти сорок лет спустя, она служит руководящей нитью для всех решительных, сознательных рабочих партий Европы — от Мадрида до Петербурга.

Февральские события в Париже ускорили надвигавшуюся немецкую революцию и тем самым изменили ее характер. Вместо того, чтобы победить собственными силами, немецкая буржуазия победила на буксире французской рабочей революции. Не успев еще окончательно справиться со своими старыми противниками — абсолютной монархией, феодальной земельной собственностью, бюрократией, трусливым мещанством, она уже должна была повернуть фронт против нового врага — пролетариата. Но при этом в Германии тотчас же сказалось влияние очень отсталых, по сравнению с Францией и Англией, экономических отношений и таких же отсталых вследствие этого классовых взаимоотношений.

Немецкая буржуазия, только начавшая создавать свою крупную промышленность, не имела ни силы, ни мужества завоевать себе безусловное господство в государстве и не была вынуждена к этому необходимостью; пролетариат, в такой же мере неразвитый, выросший в полном духовном порабощении, неорганизованный и даже еще не способный к самостоятельной организации, только смутно

¹ В подлиннике — «Kleinbürgerei»; Маркс и Энгельс обозначали этим словом реакционные элементы мелкой городской буржуазии, идеалом которых был средневековый цеховой строй. В германских городах в то время этот слой был очень многочисленным. *Ред.*

чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии. Поэтому, хотя по существу он был грозным противником буржуазии, он, тем не менее, оставался ее политическим придатком. Напуганная не тем, чем немецкий пролетариат был, а тем, чем он грозил стать и чем французский пролетариат уже был, буржуазия видела свое спасение во всяком, даже самом трусливом компромиссе с монархией и дворянством; пролетариат же, не сознавая еще своей собственной исторической роли, должен был в подавляющей своей массе на первых порах взять на себя роль передового, крайнего левого крыла буржуазии. Немецкие рабочие должны были прежде всего завоевать себе те права, которые были им необходимы для самостоятельной организации в классовую партию: свободу печати, союзов и собраний, — права, которые сама буржуазия должна была бы завоевать в интересах своего собственного господства, но которые она из страха перед рабочими стала теперь у них оспаривать. Две-три сотни разрозненных членов союза затерялись в огромной массе, внезапно приведенной в движение. Немецкий пролетариат появился поэтому в первый раз на политической сцене как крайняя демократическая партия.

Это определяло наше знамя, когда мы приступили к основанию в Германии большой газеты. Этим знаменем могло быть только знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду по каждому отдельному случаю свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать на своем знамени. Если бы мы не пошли на это, если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то нам ничего другого не оставалось бы, как проповедывать коммунизм в каком-нибудь захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: для этого мы слишком хорошо изучили утопистов, и не для этого составили мы свою программу.

Когда мы приехали в Кельн, там уже делались приготовления демократами, а отчасти и коммунистами, к созданию большой газеты. Ее хотели сделать узко местной, кельнской, а нас сослать в Берлин. Но мы в 24 часа завоевали позиции, и именно благодаря Марксу; газета стала нашей, причем мы согласились включить в редакцию Генриха Бюргерса. Последний написал (в № 2) одну статью, а второй статьи так никогда и не написал.

Нам нужен был именно Кельн, а не Берлин. Во-первых, Кельн был центром Рейнской провинции, которая проделала французскую

революцию, усвоила через кодекс Наполеона *современное* правосознание, развила у себя наиболее крупную промышленность и вообще во всех отношениях была тогда самой передовой частью Германии. Мы по собственным наблюдениям слишком хорошо знали тогдашний Берлин с его едва зарождавшейся буржуазией, с его злоязычным, но трусливым и раболепным мещанством, с его еще совершенно неразвитыми рабочими, с его бесчисленными бюрократами, придворной и дворянской челядью, со всеми его особенностями города, представлявшего только «резиденцию». Но решающее значение имел тот факт, что в Берлине действовало ялалкое прусское земское право и политические процессы разбирались профессиональными судьями; на Рейне же действовал кодекс Наполеона, не знавший процессов по делам печати, так как исходил из существования цензуры, и тот, кто совершал не политическое правонарушение, а просто *преступление*, тот подлежал суду присяжных. В Берлине *после* революции молодой Шлеффель за пустяки был осужден на год, на Рейне же у нас была безусловная свобода печати, и мы ее полностью использовали.

Мы приступили к изданию газеты 1 июня 1848 г. с очень небольшим акционерным капиталом, из которого была выплачена только небольшая часть; да и сами акционеры были более чем ненадежные. После первого же номера половина из них нас покинула, а к концу месяца не осталось ни одного.

Конституция редакции сводилась просто к диктатуре Маркса. Большая ежедневная газета, которая должна выходить в определенный час, ни при какой другой конституции не может последовательно проводить свои взгляды. К тому же для нас диктатура Маркса была чем-то само собой разумеющимся, бесспорным, и мы все ее охотно принимали. Благодаря главным образом его проникательности и твердой позиции газета стала самым известным немецким органом революционных годов.

Политическая программа «Новой Рейнской Газеты» состояла из двух главных пунктов: единая, неделимая, демократическая Германская республика и война с Россией, которая включала восстановление Польши.

Мелкобуржуазная демократия разделялась тогда на две фракции: северо-германскую, желавшую демократического прусского императора, и южно-германскую, тогда почти специфически баденскую, желавшую превратить Германию в федеративную республику по образцу Швейцарии. Мы должны были бороться с обеими фракциями. Интересам пролетариата одинаково противоречило как

опруссачение Германии, так и увековечение ее раздробления на множество мелких государств. Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного объединения Германии в единую *нацию*, — объединения, которое одно могло очистить от всяких унаследованных от прошлого мелких препятствий то поле битвы, на котором пролетариат и буржуазия должны были померяться силами. Но было также недопустимо, чтобы во главе стала Пруссия: прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним противником революции в Германии, и революция должна была его сокрушить; кроме того, Пруссия могла объединить Германию, только разорвав ее, только исключив из нее немецкую Австрию. Разложение прусского государства, развал австрийского, действительное объединение Германии как республики — только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время. Осуществить ее следовало при помощи войны с Россией, только таким путем! К этому пункту я еще вернусь.

Вообще же тон газеты отнюдь не был торжественным, серьезным или восторженным: у нас были одни только жалкие противники, и мы относились ко всем им, без исключения, с крайним презрением. Конспирирующая монархия, камарилья, дворянство, «*Kreuzzeitung*», словом — вся «реакция», вызывавшая такое нравственное негодование у филистера, с нашей стороны встречала только насмешки и издевательства. Но не лучше относились мы и к новым, созданным революцией кумирам: мартовским министрам, Франкфуртскому и Берлинскому собраниям, как к их правым, так и к левым. Первый же номер газеты начинался статьей, издевавшейся над ничтожеством Франкфуртского парламента, над бесполезностью длиннейших речей, над никчемностью его трусливых резолюций. Она стояла нам половины наших акционеров. Франкфуртский парламент не был даже дискуссионным клубом; в нем почти не дискутировали, а в большинстве случаев произносили заранее заготовленные академические трактаты и принимали резолюции, которые должны были воодушевлять немецкого филистера, но которыми, однако, никто не интересовался.

Берлинское собрание имело большее значение: оно противостояло реальной силе, оно дебатировало и принимало решения не на пустом месте, не на заоблачных высотах Франкфуртского собрания. Ему поэтому и уделялось больше внимания. Но и к тамошним кумирам «левой» — Шульце-Деличу, Берендсу, Эльснеру, Штейну и т. д. — мы относились не менее резко, чем к франкфуртцам; мы бес-

пошадно разоблачали их нерешительность, робость и мелочную расчетливость, показывая им, как они со своими компромиссами шаг за шагом изменяли революции. Это, разумеется, вызывало ужас у демократических мещан, только что сфабриковавших себе этих кумиров для собственного употребления. Но нам этот ужас показывал, что мы попадали прямо в цель.

Точно так же выступали мы и против распространявшейся мещанством иллюзии, будто революция закончилась мартовскими днями и теперь остается только пожинать ее плоды. Для нас февраль и март могли иметь значение действительной революции только в том случае, если бы они были не концом, а, наоборот, отправным моментом для длительного революционного движения, в котором, как во время великого французского переворота, народ развивался бы в ходе своей собственной борьбы, партии все резче обособлялись бы, пока полностью не совпали бы с крупными классами: буржуазией, мелкой буржуазией, пролетариатом, а пролетариат в ряде битв завоевывал бы одну позицию за другой. Поэтому мы выступали также против демократической мелкой буржуазии повсюду, где она желала затушевать свою классовую противоположность пролетариату излюбленной фразой: «Ведь все мы хотим одного и того же, все разногласия — просто результат недоразумений». Но чем меньше мы позволяли мелкой буржуазии создавать себе ложное представление о нашей пролетарской демократии, тем смиреннее и стоворчливее становилась она по отношению к нам. Чем резче и решительнее выступают против нее, тем послушнее она становится, тем больше уступок делает она рабочей партии. В этом мы убедились.

Наконец, мы вскрывали парламентский кретинизм (по выражению Маркса) различных так называемых национальных собраний. Эти господа выпустили из рук все средства власти, передав их, отчасти добровольно, обратно правительствам. Наряду с вновь окрепшими реакционными правительствами в Берлине и во Франкфурте существовали еще немощные собрания, воображавшие, однако, что их бессильные резолюции перевернут мир. Жертвами этого иднотского самообмана были все, вплоть до крайней левой. А мы повторяли им: ваша парламентская победа будет в то же время в действительности вашим поражением.

Так оно и случилось в Берлине и во Франкфурте. Когда «левая» получила большинство, правительство разогнало Собрание; оно могло себе это позволить, так как Собрание потеряло доверие народа.

Когда я прочитал впоследствии книгу *Бужсара о Марате*, я

увидел, что мы во многих отношениях бессознательно подражали великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) «Друга народа» и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, искажившие почти на сто лет истинный облик Марата, объясняются только тем, что он безжалостно срывал маску с тогдашних кумиров — Лафайета, Байи и других, разоблачив в их лице уже готовых изменников революции, и тем еще, что, подобно нам, он не считал революцию законченной, а хотел, чтобы она была объявлена перманентной.

Мы открыто заявляли, что представляемое нами направление лишь тогда будет в состоянии начать борьбу за достижение наших действительных партийных целей, когда самая крайняя из существующих в Германии официальных партий встанет у власти: по отношению к ней мы перейдем в оппозицию.

Но события позаботились о том, чтобы наряду с насмешками над немецкими противниками мы проявили и пламенную страстность. Восстание парижских рабочих в июне 1848 г. застало нас на посту. С первого же выстрела мы решительно стали на сторону повстанцев. После их поражения Маркс почтил память побежденных одной из своих самых сильных статей.

Тут нас покинули последние акционеры. Но мы были удовлетворены тем, что наша газета была единственной в Германии и почти во всей Европе, которая высоко держала знамя разгромленного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мещанство всех стран обливали побежденных своей грязной клеветой. Наша иностранная политика была проста: выступление в защиту каждого революционного народа, призыв революционной Европы ко всеобщей войне против великой опоры европейской реакции — России. С 24 февраля нам было ясно, что революция имеет только *одного* действительно страшного врага — Россию и что этот враг тем скорее будет вынужден вступить в борьбу, чем больше движение будет становиться общеевропейским. Венские, миланские, берлинские события должны были задержать нападение России, но неизбежность этого нападения становилась тем вернее, чем ближе надвигалась революция на Россию. Но если бы удалось толкнуть Германию на войну с Россией, то Габсбургам и Гогенцоллернам пришел бы конец, и революция победила бы по всей линии.

Эта политика проходит красной нитью через все номера газеты до момента действительного вторжения русских в Венгрию, вполне подтвердившего наши предсказания и сыгравшего решающую роль в поражении революции.

Когда весной 1849 г. стал надвигаться решительный бой, тон газеты с каждым номером становился все более резким и страстным. Силезским крестьянам *Вильгельм Вольф* напомнил в «Силезском миллиарде» (восемь статей) о том, как при освобождении их от феодальных повинностей помещики, при содействии правительства, обманули их и в денежном отношении и в отношении земли, и требовал миллиард талеров возмещения.

Одновременно с этим, в апреле, появилась работа *Маркса* о наемном труде и капитале в ряде передовых статей, определенно указывавших на социальную цель нашей политики. Каждый номер, каждый экстренный выпуск указывал на подготовлявшуюся великую битву, на обострение противоречий во Франции, Италии, Германии и Венгрии. Особенно апрельские и майские экстренные выпуски были сплошными призывами к народу быть готовым к атаке.

Во всей Германии удивлялись нашим бесцеремонным выступлениям в первоклассной прусской крепости с восьмьютысячным гарнизоном и гауптвахтой; но 8 ружей и 250 патронов в редакционной комнате и красные якобинские колпаки наборщиков придавали нашему помещению в глазах офицерства также вид крепости, которую нельзя взять простым налетом.

Наконец, 18 мая 1849 г. последовал удар.

Восстание в Дрездене и Эльберфельде было подавлено; восстание в Изерлоне окружено; Рейнская провинция и Вестфалия были наводнены солдатами, которые закончили подавление прусских областей на Рейне и должны были выступить против Пфальца и Бадена. Тогда, наконец, правительство отважилось обратиться и против нас. Против половины редакции было возбуждено судебное преследование; другие, не-пруссак, подлежали высылке. Против этого ничего нельзя было поделать, так как за правительством стоял целый армейский корпус. Мы должны были сдать свою крепость, но мы отступили, унося свое оружие и снаряжение, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера, в котором мы предостерегали кельнских рабочих от безнадежных путчей и говорили им:

«Редакторы «Новой Рейнской Газеты», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им сочувствие. Их последним словом всегда и всюду будет: *Освобождение рабочего класса!*»

Так закончила свое существование «Новая Рейнская Газета» незадолго до того, как истек ее первый год. Начатая почти без вся-

ких денежных средств, — небольшая, обещанная ей сумма денег не была, как я уже сказал, выплачена ей, — она уже в сентябре достигла тиража в 5 000. При введении осадного положения в Кельне она была закрыта; в середине октября она должна была начать все с начала. Но в мае 1849 г., при ее запрещении, у нас было снова 6 000 подписчиков, между тем как у «Кельнской Газеты» было, по ее собственному признанию, не более 9 000. Ни одна из немецких газет — ни раньше, ни после — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «Новая Рейнская Газета».

И этим она была обязана главным образом *Марксу*.

Когда разразился удар, редакция рассеялась. *Маркс* уехал в Париж, где готовилась развязка, наступившая 13 июня 1849 г., *Вильгельм Вольф* занял теперь свое место во Франкфуртском парламенте — в тот момент, когда это Собрание должно было выбрать между разгоном сверху или присоединением к революции; а я отправился в Пфальц и стал адъютантом в добровольческом отряде Виллиха.

Напечатано в «*Der Sozialdemokrat*»

№ 11 от 13 марта 1884 г.

Подпись: Ф. Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ПЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «НИЩЕТЫ ФИЛОСОФИИ».

Настоящее произведение было написано зимою 1846—1847 г., когда Маркс окончательно выработал основные принципы своих новых исторических и экономических воззрений. Появившаяся тогда «*Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère*» [«Система экономических противоречий, или философия нищеты»] Прудона дала ему повод развить эти принципы и противопоставить их взглядам человека, которому предстояло занять с этого времени самое видное место среди тогдашних французских социалистов. С того времени, когда оба они в Париже часто проводили целые ночи в спорах по экономическим вопросам, пути их разошлись все больше; сочинение Прудона показало, что теперь уже между ними лежит непроходимая пропасть, которую тогда невозможно было обойти молчанием, и Маркс в своем ответе констатировал окончательный разрыв.

Общий отзыв Маркса о Прудоне читатель найдет в помещенной за этим предисловием статье, появившейся в 16-м, 17-м и в 18-м номерах берлинского «Социал-Демократа» за 1865 г.¹ Это была единственная статья, которую Маркс написал для этой газеты; обнаружившиеся вскоре попытки фон-Швейцера направить газету по феодальному и правительственному фарватеру вынудили нас уже через несколько недель публично отказаться от сотрудничества в ней².

Для Германии предлагаемое произведение имеет именно в настоящий момент такое значение, какого сам Маркс никогда не предвидел. Мог ли он знать, что, направляя свои стрелы в Прудона, он попадет в кумира современных карьеристов Родбертуса, которого он в то время не знал даже по имени?

Здесь не место подробно останавливаться на отношениях между Марксом и Родбертусом; случай для этого мне, вероятно, скоро представится. Замечу здесь только, что если Родбертус обвиняет

¹ См. Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 23—30. *Ред.*

² Там же, т. XXIII, стр. 254. *Ред.*

Маркса в том, что последний его «ограбил» и, «не цитируя», широко использовал в своем «Капитале» его произведение «Zur Erkenntnis», то он в азарте доходит до клеветы, объяснимой лишь раздражительностью непризнанного гения и его удивительной неосведомленностью в том, что происходит за пределами Пруссии, особенно же в социалистической и экономической литературе. Ни эти обвинения, ни упомянутое произведение Родбертуса никогда не попадались Марксу на глаза; из сочинений Родбертуса он вообще был знаком только с его тремя «Социальными письмами», да и с ними во всяком случае не раньше 1858 или 1859 г.

С большим основанием Родбертус утверждает в этих письмах, что «прудоновская конституированная стоимость» открыта им еще до Прудона; но и тут он снова ошибочно тешит себя тем, будто он первый сделал это открытие. Следовательно, он, во всяком случае, также подвергся критике в нашей книге, и это заставляет меня вкратце остановиться на разборе его «основного» сочинения «Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände», 1842 г. [«К познанию нашего государственно-хозяйственного строя»] ввиду того, что, кроме содержащегося в нем (опять-таки бессознательно) вейтлинговского коммунизма, оно предвосхищает также Прудона.

В той мере, в какой современный социализм, независимо от направления, исходит из буржуазной политической экономии, он почти без исключения примыкает к теории стоимости Рикардо. Из обоих положений, которые Рикардо провозгласил в 1817 г. на первых же страницах своих «Principles» [«Основ»]: 1) что стоимость всякого товара определяется исключительно количеством труда, необходимого на его производство, и 2) что продукт всего общественного труда делится между тремя классами: землевладельцами (рента), капиталистами (прибыль) и рабочими (заработная плата), — из этих обоих положений в Англии уже с 1821 г. делались социалистические выводы, и притом иногда с такой последовательностью и решительностью, что эта литература, в настоящее время почти совершенно забытая и в большой своей части вновь открытая лишь Марксом, оставалась непревзойденной до появления «Капитала». Но об этом в другой раз. Когда поэтому Родбертус в 1842 г., в свою очередь, сделал социалистические выводы из вышеприведенных положений, то для немца это было, конечно, весьма значительным шагом вперед, но сойти за новое открытие могло разве только в Германии. В критике Прудона, страдавшего таким же сомнением, Маркс показал, как мало нового было в таком применении теории Рикардо.

«Кто хоть сколько-нибудь знаком с развитием политической экономии в Англии, тот во всяком случае знает, что почти все социалисты этой страны предлагали в разное время *уравнительные* (*egalitäre*, т. е. социалистические) выводы из теории Рикардо. Мы могли бы указать г. Прудону на «Политическую экономию» Годскина, 1822 г.; Вильяма Томпсона «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, most conducive to Human Happiness», 1824 г. [«Исследование о принципах распределения богатства, более всего ведущих к счастью человечества»]; Т. Р. Эдмондса «Practical, Moral and Political Economy», 1828 г. [«Практическая, моральная и политическая экономия»], и пр. и т. п., и еще четыре страницы таких и пр. и т. п. Приведем только слова английского коммуниста Брея из его интересного труда: «Labour's Wrongs and Labour's Remedy» Лидс, 1839 г.». [«Бедствия труда и способ их устранения»]. Одни только цитаты из Брея, которые приведены здесь, устраняют порядочную часть претензий Родбертуса на приоритет.

В то время Маркс еще ни разу не бывал в читальном зале Британского музея. Кроме книг парижской и брюссельской библиотек и моих книг и выписок, он просмотрел только те книги, которые можно было достать в Манчестере во время нашей совместной шестинедельной поездки в Англию летом 1845 г. В 40-х годах соответственная литература отнюдь не была еще так недоступна, как в настоящее время. И если она все-таки все время оставалась неизвестной Родбертусу, то он этим обязан исключительно своей прусской провинциальной ограниченности. Он подлинный основатель специфически прусского социализма и таковым, наконец, теперь признан.

Однако Родбертуса не оставляли в покое даже в его любезной Пруссии. В 1859 г. появилась в Берлине книга Маркса «Zur Kritik der politischen Oekonomie, erstes Heft» [«К критике политической экономии, первый выпуск»]. Там в числе возражений экономистов по адресу Рикардо вторым приведено следующее (стр. 40)¹:

«Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Или заработная плата должна быть равна продукту труда. Между тем, в действительности имеет место обратное». Маркс делает к этому следующее примечание: «Это возражение, приводимое против Рикардо буржуазными экономистами, впоследствии было подхвачено социалистами. Предполагая теоретическую верность формулы, они обвиняли практику в противоречии с теорией

¹ См. Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 48. *Ред.*

и приглашали буржуазное общество практически осуществить мнимый вывод из его теоретического принципа. Таким способом, по крайней мере, английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против политической экономии». В том же примечании Маркс ссылается на свою книгу «*Misère de la Philosophie*» [«Нищета философии»], которая в то время была еще повсюду в продаже.

Родбертус имел, следовательно, сам полную возможность убедиться, были ли действительно новы открытия, сделанные им в 1842 г. Вместо этого он продолжает постоянно возвещать о них и считает их несравненными, и ему даже в голову не приходит, что Маркс мог самостоятельно сделать выводы из Рикардо с таким же успехом, как это сделал сам Родбертус. Где там! Маркс «ограбил» его, — его, которому тот же Маркс предоставил все возможности для того, чтобы убедиться, что задолго до них обоих эти выводы уже были высказаны в Англии, по крайней мере в такой грубой форме, какую они еще сохраняют у Родбертуса.

Вышеизложенное и представляет простейшее социалистическое применение теории Рикардо. Такое применение во многих случаях приводило к взглядам, идущим гораздо дальше, чем взгляды Рикардо на происхождение и на природу прибавочной стоимости, в числе других и у Родбертуса. Но, не говоря уже о том, что в этом отношении он ничего решительно не дает такого, что не было бы уже до него сказано ничуть не хуже, его изображение предмета, так же как и у его предшественников, страдает тем, что экономические категории — труд, капитал, стоимость и др. — он некритически заимствует в их грубой форме, перешедшей по наследству от экономистов и скользящей по поверхности явления, не исследуя содержания этих категорий. Этим он не только отрезает себе всякий путь к дальнейшему развитию, но и прокладывает себе, как увидим ниже, прямой путь к утопии, в противоположность Марксу, впервые кое-что сделавшему из этих положений, которые часто повторяют вот уже 64 года.

Указанный вывод из теории Рикардо, — что рабочим, как единственным действительным производителям, принадлежит весь общественный продукт, *их* продукт, — ведет прямо к коммунизму. Но, как замечает Маркс в вышеприведенных строках, в формально-экономическом смысле этот вывод ложен, так как представляет простое приложение морали к политической экономии. По законам буржуазной политической экономии наибольшая часть продукта *не* принадлежит рабочим, которые его произвели. Когда мы говорим: это несправед-

ливо, этого не должно быть, — то это не дело политической экономии. Мы говорим лишь, что этот экономический факт противоречит нашему нравственному чувству. Поэтому Маркс никогда не основывал своих коммунистических требований на таких доводах, а основывал их на неизбежном, принимающем на наших глазах ежедневно все большие размеры крушении капиталистического способа производства; он только констатирует тот простой факт, что прибавочная стоимость состоит из неоплаченного труда. Но ложное в формально-экономическом смысле может, тем не менее, быть истиной в всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание масс объявляет несправедливым тот или другой экономический факт, как в свое время рабство или крепостной труд, то это доказывает, что самый факт уже изжит, что появились новые экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несостоятельным. За формально ошибочным экономическим положением может, следовательно, скрываться очень верное экономическое содержание. Здесь не место более подробно говорить о значении и истории теории прибавочной стоимости.

Но из теории стоимости Рикардо можно, кроме того, делать еще и другие выводы, и их делали. Стоимость товаров определяется необходимым для их производства трудом. А между тем, в нашем грешном мире товары продаются то выше, то ниже своей стоимости, и притом вследствие колебаний, вызываемых не только конкуренцией. Норма прибыли имеет такую же тенденцию приходить к одному уровню для всех капиталистов, как цены товаров имеют тенденцию устанавливаться посредством спроса и предложения на уровне трудовой стоимости. Но норма прибыли исчисляется по отношению ко всему капиталу, вложенному в промышленное предприятие. А так как в двух различных отраслях производства годовой продукт может воплощать одинаковые количества труда и представлять, следовательно, равные стоимости при одинаковом уровне заработной платы, причем, однако, капиталы, авансированные в одной отрасли промышленности, могут быть и часто бывают вдвое или втрое больше, чем в другой, то закон стоимости Рикардо приходит здесь в открытое уже самим Рикардо противоречие с законом равной нормы прибыли. Если продукты обеих отраслей производства продаются по их стоимостям, то нормы прибыли не могут быть равными, при равных же нормах прибыли продукты обеих отраслей производства не всегда могут продаваться по их стоимостям. Мы имеем здесь, следовательно, противоречие, антиномию двух экономических законов, на практике разрешаемое, по мнению Рикардо (гл. I,

отделы 4 и 5), обыкновенно в пользу нормы прибыли за счет стоимости.

Но в рикардовском определении стоимости, несмотря на его зловещие свойства, есть одна сторона, которая делает его весьма привлекательным для сердца честного буржуа. Оно с непреоборимой силой вызывает к его чувству справедливости. Справедливость и равенство прав — таковы основные устои, на которых буржуа XVIII и XIX столетий хотел построить свое общественное здание на развалинах феодальных несправедливостей, неравенства и привилегий. Определение же стоимости товаров трудом и совершающийся на основании этого мерила стоимости свободный обмен продуктов труда между равноправными товаровладельцами — таковы, как уже показал Маркс, реальные основы, на которых воздвигнута вся политическая, юридическая и философская идеология современной буржуазии. Признав однажды, что труд — мерило стоимости товара, честный буржуа должен чувствовать себя крайне оскорбленным в своих лучших чувствах со стороны нечестивого мира, где на словах этот основной закон справедливости признают, на деле же, повидимому, ежеминутно самым бесцеремонным образом нарушают. Именно мелкий буржуа, честный труд которого — хотя бы даже это был только труд его подмастерьев и учеников — изо дня в день все больше обесценивается конкуренцией крупной промышленности и машин, именно мелкий производитель должен жаждать такого общества, в котором обмен продуктов по их трудовой стоимости будет, наконец, истиной без исключений. Другими словами, он должен жаждать такого общества, в котором действует исключительно и без ограничений только один закон товарного производства, но устранены те условия, при которых он вообще может действовать, именно остальные законы товарного, а затем и капиталистического производства.

Как глубоко проникла эта утопия в мышление современного — действительного или идеального — мелкого буржуа, показывает тот факт, что уже в 1831 г. она была систематически развита Джоном Греем, в 30-х годах в Англии производили опыт осуществления ее на практике и широко пропагандировали в теории; в 1842 г. она была провозглашена в качестве новейшей истины Родбертусом в Германии, в 1846 г. — Прудоном во Франции; в 1871 г. еще раз возведена Родбертусом как решение социального вопроса и в то же время как его социальное завещание, а в 1884 г. снова находит приверженцев среди армии карьеристов, которые стараются эксплуатировать прусский государственный социализм, прикрываясь именем Родбертуса.

Критика этой утопии, направленная Марксом как против Прудона, так и против Грея (см. приложение к этой книге¹), носит настолько исчерпывающий характер, что я могу ограничиться здесь несколькими замечаниями о ее специально родбертусовской форме обоснования и изложения.

Как уже сказано, Родбертус воспринимает традиционные определения экономических понятий целиком в той форме, в какой они перешли к нему по наследству от экономистов. Он не делает ни малейшей попытки исследовать их. Стоимость для него есть «значение предмета в его количественном отношении к остальным предметам, причем это значение принимается за мерило». Это, мягко выражаясь, в высшей степени небрежное определение в лучшем случае дает нам представление о том, как приблизительно выглядит стоимость, но абсолютно ничего не говорит о том, что она такое. А так как это все, что Родбертус в состоянии нам сказать о стоимости, то понятно, что он ищет мерило стоимости, которое находится вне стоимости. После того как он на целых тридцати страницах без всякой системы смешивает потребительную стоимость с меновой, проявляя такую силу абстрактного мышления, которая вызывает бесконечное удивление Адольфа Вагнера, он приходит к выводу, что действительного мерила стоимости не существует и что приходится довольствоваться суррогатным мерилом. В качестве такового мог бы служить труд, но лишь в том случае, если бы продукты равного количества труда всегда обменивались на продукты равного количества труда, независимо от того, «имеет ли этот случай место сам по себе или принимаются меры», которые его обеспечивают. Стоимость и труд остаются, следовательно, без всякой внутренней связи, хотя первая глава целиком посвящена разъяснению того, что товары «стоят труда», и только труда, и почему именно.

Труд опять-таки некритически берется Родбертусом в той форме, в которой он фигурирует у экономистов. Мало того. Хотя Родбертус и указывает в нескольких словах на различия в интенсивности труда, тем не менее он труд берет в самом общем виде как «обладающий стоимостью» и, следовательно, измеряющий стоимость — безразлично, расходуется ли он при нормальных средних общественных условиях или нет. Тратят ли производители десять дней или только один день на производство продукта, который может быть изготовлен в один день; применяют ли они лучшие или худшие орудия, употребляют ли они свое рабочее время на произ-

¹ См. стр. 187 настоящего тома. *Ред.*

водство общественно-необходимых предметов и в общественно-необходимом количестве или изготовляют предметы, на которые нет никакого спроса, или предметы, на которые есть спрос, но в количестве, большем или меньшем, чем они требуются, — обо всем этом и речи нет: труд есть труд, продукт равного труда должен обмениваться на продукт равного труда. Родбертус, который в других случаях всегда готов, кстати и некстати, становиться на национальную точку зрения и с высоты всеобщего общественного наблюдательного пункта рассматривать отношения отдельных производителей, в данном случае боязливо этого избегает. И, конечно, только потому, что он с первой же строки своей книги прямехонько устремляется к утопии рабочих денег, а всякое исследование свойства труда создавать стоимость запрудило бы его фавватер скалами и сделало бы его непроходимым. Его инстинкт оказался на этот раз значительно сильнее его способности абстрактно мыслить, способности, которую можно, впрочем, у Родбертуса открыть только при помощи самого конкретного умственного убожества.

Переход к утопии совершен в одно мгновение. «Мероприятия», обеспечивающие обмен товаров по их трудовой стоимости, как правило, не знающее исключений, не вызывают никаких затруднений. Другие утописты того же направления, от Грея до Прудона, мучились над измышлением общественных учреждений, которые должны были осуществить эту цель. Они пытались, по крайней мере, решать экономические вопросы экономическим же путем, при посредстве самих товаровладельцев, совершавших обмен. У Родбертуса дело решается гораздо проще. Как настоящий пруссак, он апеллирует к государству, и реформа декретируется государственной властью.

Таким образом, благополучно «конституируется» стоимость, но отнюдь не первенство конституирования, на которое Родбертус претендует. Наоборот, Грей и Брей — наряду со многими другими — задолго до Родбертуса без конца повторяли ту же мысль, благочестивое пожелание таких мероприятий, при помощи которых продукты всегда и при всех обстоятельствах обменивались бы только по их трудовой стоимости.

После того как государство таким образом конституировало стоимость по крайней мере части продуктов, — Родбертус к тому же скромно, — оно выпускает свои бумажные рабочие деньги и ссужает ими промышленных капиталистов, которые оплачивают ими рабочих, а эти последние покупают на полученные рабочие деньги продукты, возвращая таким образом бумажные деньги к их исход-

ному пункту. Как восхитительно все это устраивается, мы должны услышать от самого Родбертуса.

«Что касается второго условия, то мероприятия, необходимые для того, чтобы в обращении действительно были обозначенные на расписках стоимости, достигаются тем, что только лица, действительно доставляющие продукты, получают расписки с точно указанным количеством труда, потраченного на изготовление этих продуктов. Кто доставляет продукт двух дней труда, тот получает расписку, на которой обозначены «два дня». Точным соблюдением этого правила при эмиссии будет несомненно выполнено это второе условие. Так как стоимость продуктов, согласно нашей предпосылке, всегда совпадает с количеством труда, потраченного на их изготовление, а это количество труда измеряется масштабом обычных подразделений времени, то лицо, доставляющее продукт, на который затрачено два дня труда, если оно получает расписку с отметкой о двух днях, имеет расписку или ассигновку на стоимость, не большую и не меньшую той, которую оно действительно доставило; и так как, далее, *только* тот получает такую расписку, кто действительно доставил продукт для обращения, то несомненно также, что отмеченная в расписке стоимость имеется в наличности для удовлетворения потребностей общества. Если это правило строго соблюдается, то какой бы широкий круг разделения труда ни представить себе, *сумма наличной стоимости должна быть в точности равна сумме стоимости, отмеченной на расписках*. А так как сумма отмеченной стоимости есть, вместе с тем, в точности сумма выданных ассигновок, то и последняя сумма с необходимостью должна *совпадать с количеством наличной стоимости; все претензии удовлетворяются, и ликвидация этих претензий совершается правильно*» (стр. 166, 167).

Если до сих пор Родбертус имел несчастье вечно запаздывать со своими новыми открытиями, то на этот раз, по крайней мере, ему можно поставить в заслугу *одного* рода оригинальность: в такой детски-наивной, прозрачной, можно сказать, истинно померанской форме ни один из конкурентов не отважился высказать всю нелепость утопии рабочих денег. Так как под каждую расписку доставлен соответствующий предмет стоимости и ни один предмет стоимости, в свою очередь, не выдается иначе, как только после представления соответствующей расписки, то сумма расписок должна постоянно покрываться суммой предметов стоимости; сведение счета происходит без малейшего остатка, совпадение — до секунды труда, и ни один поседевший на службе калькулятор главной кассы госу-

дарственного казначейства не в состоянии будет открыть в нем ни малейшей ошибки. Чего же еще более желать?

В современном капиталистическом обществе каждый промышленный капиталист производит на свой риск и страх — что, как и сколько хочет. Но общественная потребность остается для него неизвестной величиной точно так же, как и качество, род требующихся предметов и их количество. То, что сегодня не может быть достаточно скоро доставлено, может быть завтра предложено в количестве, далеко превышающем потребность. Тем не менее, так или иначе, хорошо или плохо, потребность, в конце концов, удовлетворяется, и производство, в конце концов, направляется в общем и целом на требуемые предметы. Чем же устраняется это противоречие? Конкуренцией. А каким образом это достигается конкуренцией? Просто. Снижая цены товаров, которые по своему сорту или количеству не соответствуют в данный момент общественной потребности, ниже их трудовой стоимости, конкуренция этим окольным путем дает производителям почувствовать, что они произвели предметы, которые или вообще не соответствуют потребности, или сами по себе соответствуют потребности, но количественно превышают потребность. Отсюда вытекают два вывода.

Во-первых: постоянные отклонения цен товаров от их стоимости составляют необходимое условие, при котором и в силу которого только и может быть выявлена стоимость товаров. Только благодаря колебаниям конкуренции, а тем самым и товарных цен прокладывает себе путь закон стоимости товарного производства и становится действительностью определение стоимости товара общественно-необходимым рабочим временем. И если при этом форма проявления стоимости — цена — обыкновенно выглядит несколько иначе, чем стоимость, которую она проявляет, то эту судьбу стоимость разделяет с большей частью общественных отношений. Король также выглядит в большинстве случаев совершенно иначе, чем монархия, которую он представляет. Поэтому в обществе товаропроизводителей, обменивающихся своими товарами, хотеть установить определение стоимости рабочим временем, запрещая конкуренции осуществлять это определение стоимости путем давления на цены, т. е. единственным путем, каким это вообще может быть достигнуто, — значит только доказывать, что, по крайней мере в этой области, усвоено обычное презрение утопистов к экономическим законам.

Во-вторых: в обществе товаропроизводителей, обменивающихся своими товарами, закон стоимости товарного производства действует через конкуренцию, и именно благодаря этому конкуренция

осуществляет такую организацию и такой порядок общественного производства, которые являются единственно возможными при данных обстоятельствах. Только слишком низкие или слишком высокие цены на продукты воочию показывают отдельным производителям — что и сколько требуется для общества и чего не требуется. Между тем, именно этот единственный регулятор и хочет упразднить представляемая также и Родбертусом утопия. Если же мы спросим теперь, какие же у вас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве и не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под горами свекловичного сахара и утопая в картофельной водке, или будем испытывать недостаток в брюках, чтобы покрыть свою наготу, среди миллионов брючных пуговиц, то Родбертус с торжеством укажет нам на свой знаменитый расчет, из которого видно, что за каждый излишний фунт сахара, за каждую не проданную бочку водки, за каждую не пришитую к брюкам пуговицу выдана правильная расписка, расчет, в котором все в точности сходится и по которому «все претензии удовлетворяются, и ликвидация этих претензий совершается правильно». А кто этому не верит, тот пусть обратится к калькулятору главной кассы государственного казначейства X. в Померании, который проверял счет, нашел его правильным и, как человек, еще ни разу в недочете по кассе не уличенный, заслуживает полного доверия.

Обратим теперь внимание на наивность, с которой Родбертус думает устранить посредством своей утопии торговые и промышленные кризисы. Когда товарное производство приняло объем мирового рынка, то соответствие между производством отдельных производителей, производящих на свой риск и страх, и более или менее неизвестным рынком в отношении количества и качества его потребностей устанавливается путем бури на мировом рынке, путем торгового кризиса *. Мешать конкуренции ставить отдельных производителей в известность о состоянии мирового рынка посредством повышения и понижения цен — значит совершенно закрывать им глаза повязкой. Организовать производство товаров в таком поряд-

* Так было, по крайней мере, до недавнего времени. С тех пор как монополия Англии на мировом рынке все более подрывается участием Франции, Германии и главным образом Америки в мировой торговле, намечается, повидимому, новая форма выравнивания. Предшествовавший кризису период всеобщего процветания все еще не возвращается. Если он совсем не придет, то хронический застой лишь с небольшими колебаниями должен сделаться нормальным состоянием современной промышленности.

ке, чтобы производители совсем ничего больше не могли знать о состоянии рынка, на который они производят, — это, конечно, такой способ лечения от кризисов, которому мог бы позавидовать сам доктор Эйзенбарт.

Теперь понятно, почему Родбертус определяет стоимость товара просто «трудом», допуская разве только различные степени интенсивности труда. Если бы он исследовал, при помощи чего и как труд создает и потому также определяет и измеряет стоимость, он пришел бы к общественно-необходимому труду — необходимому для отдельного продукта как в отношении к другим продуктам того же рода, так и ко всей общественной потребности. Это привело бы его к вопросу о том, как совершается приспособление производства отдельных товаропроизводителей ко всей общественной потребности, а вместе с тем сделало бы невозможной и всю его утопию. На этот раз он действительно предпочел «абстрагировать», именно от самой сущности вопроса.

Теперь, наконец, мы переходим к пункту, в котором Родбертус предлагает нам нечто действительно новое, отличающее его от всех его многочисленных единомышленников по хозяйству с обменом товаров при помощи рабочих денег. Все они требуют этой организации обмена с целью уничтожения эксплуатации наемного труда капиталом. Каждый производитель должен получать полностью трудовую стоимость своего продукта. В этом согласны все от Грея до Прудона. Ни в коем случае, — говорит Родбертус. Наемный труд и его эксплуатация остаются.

Во-первых, ни при каком состоянии общества, которое только мыслимо, рабочий не может получать для потребления полную стоимость своего продукта; из произведенного фонда всегда должны будут покрываться расходы на целый ряд хозяйственно непроеводительных, но необходимых функций, а следовательно и расходы на содержание лиц, выполняющих эти функции. Это верно лишь до тех пор, пока существует современное разделение труда. В обществе с обязательным для всех производительным трудом, — а такое общество также ведь «мыслимо», — это отпадает. Но останется необходимость в общественном резервном фонде и фонде накопления, и поэтому тогда рабочие, т. е. все, будут, правда, владеть и пользоваться всем своим продуктом, но не каждый в отдельности будет пользоваться своим «полным продуктом труда». Расходы на экономически непроеводительные функции из продукта труда не были упущены из виду и другими утопистами рабочих денег. Но они предоставляют самим рабочим в обычном демократическом порядке облагать

себя налогом для этой цели, тогда как Родбертус, вся социальная реформа которого выкроена в 1842 г. применительно к тогдашнему прусскому государству, передает все дело на усмотрение бюрократии, которая сверху определяет и милостиво выдает рабочему его долю в его собственном продукте.

А во-вторых, земельная рента и прибыль также должны остаться в целости. В самом деле, землевладельцы и промышленные капиталисты также выполняют известные общественно-полезные и даже необходимые функции, хотя экономически и непроизводительные, и в земельной ренте и прибыли получают, так сказать, содержание за это, — взгляд, как известно, отнюдь не новый, даже в 1842 г. Собственно говоря, они получают теперь чересчур уже много за ту незначительную работу, которую они выполняют и выполняют довольно плохо, но Родбертусу нужен привилегированный класс по меньшей мере на ближайшие 500 лет, а потому современная норма прибавочной стоимости, выражаясь точно, должна остаться, но не должна возрастать. Эту современную норму прибавочной стоимости Родбертус принимает в 200 %, т. е. при ежедневном 12-часовом труде рабочим будут выдавать расписки не на 12, а только на 4 часа, стоимость же, произведенная в остальные 8 часов, должна распределяться между землевладельцем и капиталистом. Трудовые расписки Родбертуса, следовательно, просто лгут. Но нужно опять-таки быть владельцем дворянского поместья в Померании, чтобы вообразить, что рабочий класс может согласиться работать по 12 часов, а получать расписки на 4 часа. Если перевести этот фокус-покус капиталистического производства на этот наивный язык, на котором он выглядит как неприкрытый грабеж, то он становится невозможным. Каждая выданная рабочему расписка была бы прямым призывом к восстанию и подходила бы под § 110 германского Имперского уголовного кодекса. Нужно быть человеком, никогда не видевшим другого пролетариата, кроме еще пребывающих фактически в полукрепостном состоянии поденщиков дворянских поместий в Померании, где в полном ходу кнут и палка и где все красивые женичины деревни составляют принадлежность барского гарема, чтобы представить себе, что можно выступать перед рабочими с такими бессмысленными предложениями. Наши консерваторы — вот кто самые большие наши революционеры.

Но если наши рабочие настолько добродушны, чтобы позволить себя убедить, будто в течение тяжелого 12-часового труда они в действительности проработали только 4 часа, то в награду за это им на веки вечные будет гарантировано, что их доля в их

собственном продукте никогда не упадет ниже одной трети. Это действительно разыгранная на игрушечной трубе музыка будущего, и о ней не стоит и разговаривать. Итак, все новое, что внесено Родбертусом в утопию обмена при помощи рабочих денег, просто наивно и по своему значению гораздо ниже всего того, что написано его многочисленными товарищами как до него, так и после него.

В то время, когда работа Родбертуса «Zur Erkenntnis etc.» появилась, она несомненно была значительным произведением. Его разработка теории стоимости Рикардо в известном направлении была многообещающим началом. Хотя она и была новой только для него и для Германии, но в общем она все же стоит на одной высоте с произведениями его лучших английских предшественников. Но это было только начало, из которого действительный вклад в теорию мог получиться лишь при дальнейшей основательной и критической работе. Этот дальнейший путь он сам себе отрезал тем, что с самого начала принялся развивать теорию Рикардо в другом направлении, в направлении к утопии. Вместе с этим он лишился первого условия всякой критики — беспристрастия. Он работал для заранее определенной цели, он стал тенденциозным экономистом. Раз очутившись во власти своей утопии, он преградил себе всякую возможность научного прогресса. С 1842 г. до своей смерти Родбертус вертится в круге, постоянно повторяет одни и те же мысли, высказанные или намеченные уже в первом его произведении, чувствует себя непризнанным, считает себя ограбленным там, где нечего было грабить, и, наконец, не без умысла отказывается понять, что открыл он в сущности то, что давно уже было открыто.

В некоторых местах немецкий перевод отличается от печатного французского оригинала. Это сделано на основании исправлений, сделанных рукою Маркса; они будут внесены также в подготавливаемое новое французское издание.

Едва ли еще нужно обращать внимание читателей на то обстоятельство, что употребляемые в этом сочинении термины не вполне совпадают с терминологией «Капитала». Так, например, вместо рабочей силы (*Arbeitskraft*) здесь еще говорится о *труде* (*Arbeit*) как товаре, о покупке и продаже труда.

В качестве дополнения к настоящему изданию приложены: 1) выдержка из произведения Маркса «К критике политической экономии», Берлин, 1859 г., о первой утопии обмена при помощи

рабочих денег Джона Грея¹ и 2) перевод брюссельской речи Маркса о свободе торговли (1847)², относящейся к тому же периоду развития Маркса, как и «Misère» [«Ницета философии»].

Лондон, 23 октября 1884 г.

Напечатано в 1885 г. в Штутгарте.

Подпись: Фридрих Энгельс.

¹ См. Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 69—72. *Ред.*

² См. там же, т. V, стр. 447. *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «ВОСЕМНАДЦАТОГО БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА».

Необходимость в новом издании «Восемнадцатого брюмера» спустя тридцать три года после его первого появления доказывает, что это сочинение до сих пор несколько не утратило своего значения.

И действительно, это была гениальная работа. Непосредственно после события, поразившего весь политический мир, точно гром из ясного неба, проклипаемого одними с громким криком нравственного негодования, принятого другими как спасительный выход из революции и как кара за ее заблуждения, события, которое во всех вызвало только изумление и никем не было понято, — непосредственно после этого события Маркс выступил с кратким, как эпиграмма, произведением, в котором он изложил в его внутренней связи весь ход французской истории со времени февральских дней и раскрыл в чуде 2 декабря естественный, необходимый результат этой связи, причем, разумеется, он мог оценивать герся государственного переворота только с тем презрением, какого этот герой вполне заслужил. И картина была набросана Марксом с таким мастерством, что всякое дальнейшее разоблачение доставляло каждый раз только новые доказательства того, как верно отражалась действительность в этой картине. Такое превосходное понимание живой истории дня, такое ясное проникновение в смысл событий в самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно.

Но для этого требовалось также глубокое знание французской истории, какое было у Маркса. Франция — это страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Францию, следовательно, в наиболее резких очертаниях выковываются те меняющиеся политические формы, внутри которых движется эта классовая борьба и в которых находят свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время Великой революции феодализм и основала чистое господ-

ство буржуазии с классической ясностью, с какой этого не сделала ни одна европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, какая другим странам неизвестна. Этим объясняется, почему Маркс с особенной любовью не только изучал прошлую историю Франции, но и следил за ее текущей историей во всех деталях, собирая материал для использования его в будущем. События поэтому никогда не заставляли его врасплох.

К этому присоединяется еще другое обстоятельство. Не кто иной, как Маркс, впервые открыл великий закон исторического движения, закон, по которому всякая историческая борьба, совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо другой идеологической области, в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и их столкновения между собой, в свою очередь, обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена. Этот закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания, — именно этот закон послужил Марксу и в данном случае ключом к пониманию истории второй французской республики. На этой истории он сделал опыт проверки открытого им закона, и, даже теперь, спустя тридцать три года, мы попрежнему должны признать, что опыт оказался блестящим.

Напечатано в Гамбурге в 1885 г.

Подпись: Ф. Э.

ИМПЕРАТОРСКИЕ РУССКИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ТАЙНЫЕ ДИНАМИТНЫЕ СОВЕТНИКИ.

Всем известно, что русское правительство пускает в ход все средства, чтобы добиться соглашений с западно-европейскими государствами о выдаче бежавших русских революционеров.

Всем известно также и то, что этому правительству важно добиться такого соглашения в первую очередь с Англией.

Всем, наконец, известно, что официальная Россия не отступит ни перед какими средствами, если только они ведут к цели.

Так вот. 13 января 1885 г. Бисмарк заключает договор с Россией, по которому каждый русский политический эмигрант должен быть выдан, как только России вздумается объявить его будущим царубийцей или динамитчиком.

15 января Ольга Новикова, та самая Новикова, которая в 1877 и 1878 гг. перед турецкой войной и во время войны ловко провела благородного Гладстона в интересах России, напечатала в «*Pall Mall Gazette*» воззвание к Англии. В этом воззвании Англию убеждают не допускать больше, чтобы такие люди, как Гартман, Кропоткин и Степняк, конспирировали на английской территории «с целью убивать нас в России», — теперь, когда динамит угрожает самим англичанам. Разве не того же самого Россия требует от Англии в отношении русских революционеров, чего Англия сама теперь должна требовать от Америки в отношении ирландских динамитчиков!

Утром 24 января в Лондоне опубликовывается прусско-русское соглашение.

А 24 января в 2 часа пополудни на протяжении четверти часа в Лондоне происходят три динамитных взрыва, которые производят больше опустошений, чем все прежние взрывы, вместе взятые, и ранят по меньшей мере семь, а по другим сведениям восемнадцать человек.

Эти взрывы подоспели слишком уж кстати, чтобы не вызвать вопроса: кому они на пользу? Кто наиболее заинтересован в этих, в других отношениях бесцельных, ни против кого в частности не на-

правленных взрывах, жертвой которых пали не только нижние чины полиции и буржуа, но и рабочие, их жены и дети? Кто? Те несколько ирландцев, которые доведены до отчаяния жестокостью английского правительства, особенно во время их тюремного заключения, и которых подозревают в том, что они подложили динамит? Или же русское правительство, которое не может добиться своей цели—соглашения о выдаче,—не оказав совершенно исключительного давления на английское правительство и английский народ, давления, которое могло бы привести английское общество в состояние слепого бешенства против динамитчиков?

Когда польские эмигранты — за очень немногими исключениями — не согласились выполнить предложение русской дипломатии и полиции и отказались подделывать русские ассигнации, русское правительство послало за границу агентов, в том числе статского советника Каменского, чтобы подстрекнуть к этому эмигрантов, а когда и это не удалось, господа Каменские и компания должны были сами заняться подделкой русских ассигнаций. Все это подробно изложено в брошюре «Die Falschmünzer oder die Agenten der russischen Regierung». Genf. H. Georg. 1875 [«Фальшивомонетчики или агенты русского правительства». Женева. Г. Георг]. Швейцарская, лондонская, вероятно и парижская полиция может кое-что рассказать о том, как, преследуя русских фальшивомонетчиков, она, в конце концов, обыкновенно наталкивалась на людей, преследование которых русское посольство упорно отклоняло.

О том, как официальная Россия умеет при помощи яда, кинжала и т. п. устранять мешающих ей людей, дает достаточно примеров история Балканского полуострова за последние сто лет. Сошлюсь на известную книгу «Histoire des principautés danubiennes par Elias Renault, Paris, 1855» [Элиас Рено. «История придунайских княжеств»]. Русская дипломатия всегда имеет в своем распоряжении всякого рода агентов, в том числе и таких, услугами которых пользуются для всяких подлостей и от которых затем отрекаются.

Я не настаиваю на том, что лондонские взрывы 24 января 1885 г. следует просто приписать России. Возможно, что динамит подложили ирландские руки, но более чем вероятно, что эти руки направляла русская голова и русские деньги.

Способ борьбы русских революционеров продиктован им действиями их противников. За применяемые ими средства революционеры ответственны перед своим народом и историей. Но те господа, которые без нужды школьнически пародируют эту борьбу в Западной Европе, которые революцию делают по образцу живодера Ганса

(Schinderhannes) ¹, которые направляют свое оружие даже не против настоящих врагов, а против публики вообще, — эти господа ни в каком случае не последователи и не союзники русской революции, а ее злейшие враги. С тех пор как выяснилось, что кроме официальной России никто не заинтересован в успехе этих подвигов, вопрос идет только о том, кто из них является невольным и кто добровольным, платным агентом русского царизма.

Лондон, 25 января 1885 г.

*Напечатано в «Der Sozialdemokrat» № 5
от 29 января 1885 г.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

¹ Прозвище разбойника Иоганна Бюрклера. *Ред.*

АНГЛИЯ В 1845 И 1885 ГОДАХ.

Сорок лет тому назад Англия стояла перед кризисом, который, по всей видимости, мог быть разрешен только силой. Гигантское и быстрое развитие промышленности далеко опередило расширение внешних рынков и рост спроса. Каждые десять лет ход производства насильственно прерывался общим торговым кризисом, за которым после долгого периода хронического застоя следовал короткий период процветания, всякий раз кончавшийся лихорадочным перепроизводством и, наконец, новым крахом. Класс капиталистов громко требовал свободной торговли хлебом и грозил добиться этого, отправляя голодных жителей городов обратно в те сельские районы, откуда они пришли, отправляя их, как выразился Джон Брайт, «не как нищих, выпрашивающих хлеб, а как армию, занимающую вражескую область». Рабочие массы городов требовали для себя участия в политической власти, Народной хартии; их поддерживало большинство мелкой буржуазии, и единственное разногласие между ними состояло лишь в том, как проводить хартию: путем применения физической или моральной силы. Между тем, наступил торговый кризис 1847 г. и голод в Ирландии, а вместе с ними и перспектива революции.

Французская революция 1848 г. спасла английскую буржуазию. Социалистические лозунги победоносных французских рабочих напугали английскую мелкую буржуазию и внесли дезорганизацию в движение английских рабочих, прстекавшее в более узких рамках, но имевшее непосредственно более практический характер. Как раз в тот момент, когда чартизм должен был развернуться во всю свою силу, в нем уже произошел внутренний надлом еще раньше, чем наступил его внешний крах 10 апреля 1848 г. Деятельность рабочего класса была отодвинута на задний план. Класс капиталистов одержал победу по всей линии.

Парламентская реформа 1831 г. была победой всего класса капиталистов над землевладельческой аристократией. Отмена хлебных пошлин была победой *промышленных* капиталистов не только над крупным землевладением, но и над теми группами капиталистов,

интересы которых были более или менее тождественны или тесно связаны с интересами землевладения, вроде банкиров, биржевиков, рантье и т. д. Свобода торговли означала преобразование всей внутренней и внешней финансовой и торговой политики Англии в соответствии с интересами промышленных капиталистов — класса, говорившего теперь от имени нации. И этот класс серьезно принялся за дело. Всякое препятствие промышленному производству беспощадно устранялось. В таможенном тарифе и во всей налоговой системе был произведен полный переворот. Все было подчинено одной единственной цели, но цели, в высшей степени важной для промышленных капиталистов: удешевлению всякого сырья и в особенности всех средств существования рабочего класса, снижению издержек на сырье и удержанию на низком уровне — если еще не *снижению* — заработной платы. Англия должна была стать «мастерской мира»; все другие страны должны были стать для Англии тем, чем уже была Ирландия, — рынками сбыта для ее промышленных изделий, источниками сырья и съестных припасов. Англия — великий промышленный центр земледельческого мира, то промышленное солнце, вокруг которого вращается все большее число Ирландий, производящих зерно и хлопок. Какая величественная перспектива!

Промышленные капиталисты приступили к осуществлению этой великой своей цели с тем крепким здравым смыслом и с тем презрением к традиционным принципам, которыми они всегда отличались от своих более узколобых континентальных конкурентов. Чартизм умирал. Вновь начавшийся расцвет промышленности, естественный после того как крах 1847 г. был вполне изжит, приписывался исключительно влиянию свободы торговли. Вследствие этих двух причин английский рабочий класс стал в политическом отношении придатком «великой либеральной партии», — партии, которой руководили фабриканты. Это раз достигнутое выгодное положение надо было увековечить. Страстная оппозиция чартистов не против свободы торговли как таковой, а против превращения свободы торговли в единственный жизненный вопрос нации, показала фабрикантам и с каждым днем показывает им все более, что без помощи рабочего класса буржуазии никогда не удастся добиться полного социального и политического господства над нацией. Так постепенно изменялись взаимные отношения обоих классов. Фабричные законы, бывшие прежде жупелом для всех фабрикантов, теперь не только исполнялись ими добровольно, но даже были более или менее распространены на все отрасли промышленности. Тред-юнионы, недавно еще

треггируемые как исчадие ада, теперь стали пользоваться вниманием и покровительством фабрикантов как вполне правомерные учреждения и как полезное средство для распространения среди рабочих здоровых экономических учений. Даже стачки, которые до 1848 г. преследовались, были теперь признаны подчас весьма полезными, в особенности когда господа фабриканты в нужный момент сами их вызывали. Из законов, которые лишали рабочего равенства в правах с его работодателем, по крайней мере самые возмутительные были упразднены, а некогда столь страшная «Народная хартия» стала в основном политической программой тех же фабрикантов, которые до самого последнего времени выступали ее противниками. *Отмена имущественного ценза и тайное голосование* были проведены законодательным путем. Парламентские реформы 1867 и 1884 гг. сильно приближаются уже к *всеобщему избирательному праву*, по крайней мере в том виде, в каком оно существует теперь в Германии; новый проект закона об избирательных округах, обсуждаемый теперь в парламенте, создает *равные избирательные округа*, не более неравные, — по крайней мере в общем, — чем во Франции или Германии. Уже намечаются, как несомненные достижения в ближайшем будущем, *вознаграждение депутатам* и сокращение срока мандатов, хотя еще не намечаются *ежегодно переизбираемые парламенты*; и при всем том находятся люди, которые говорят, что чартизм умер.

У революции 1848 г., как и у многих ее предшественниц, были страшные спутники и преемники. Те самые люди, которые ее подавили, были, как говаривал Маркс, ее душеприказчиками. Луи Наполеон был вынужден создать единую и независимую Италию, Бисмарк был вынужден революционизировать Германию и восстановить независимость Венгрии, а английским фабрикантам ничего лучшего не оставалось, как узаконить Народную хартию.

Последствия этого господства промышленных капиталистов были для Англии сначала поразительны. Промышленность вновь ожила и стала развиваться с быстротой, неслыханной даже для этой колыбели современной индустрии. Все прежние поразительные успехи, достигнутые с помощью пара и машин, совершенно ступевались перед мощным подъемом производства за двадцать лет от 1850 до 1870 г., перед огромными цифрами вывоза и ввоза, перед богатством, накопившимся в руках капиталистов, и перед человеческой рабочей силой, сконцентрированной в гигантских городах. Этот подъем, правда, прерывался, как и раньше, кризисами, повторявшимися каждые десять лет; кризис был в 1857, а также и

в 1866 г.; но эти рецидивы рассматривались теперь как естественные неизбежные явления, которым неизбежно приходится подвергаться, но которые сами собой, в конце концов, улаживались.

Каково же было положение рабочего класса в этот период? Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение всегда сводилось на-нет притоком огромного числа рабочих из резерва безработных, непрерывным вытеснением рабочих новыми машинами и приливом сельских рабочих, которые также все более и более вытеснялись теперь машинами.

Длительное улучшение мы находим в положении только двух «привилегированных» слоев рабочего класса. К первому принадлежат фабричные рабочие. Законодательное установление сравнительно рациональных границ их рабочего дня восстановило до известной степени их физическое здоровье и дало им некоторое моральное преимущество, еще усиленное их концентрацией в одном месте. Их положение несомненно лучше, чем до 1848 г. Это всего нагляднее доказывается тем, что из десяти их стачек девять бывают спровоцированы самими фабрикантами в их собственных интересах как единственное средство ограничить производство. Вы никогда не увидите фабрикантов согласиться на сокращение рабочего времени, хотя бы их товары и вовсе не находили сбыта; но заставьте рабочих объявить стачку — и капиталисты все до одного закроют свои фабрики.

Второй слой составляют крупные тред-юныоны. Это — организации в таких отраслях промышленности, в которых применяется исключительно или, по крайней мере, главным образом труд *взрослых мужчин*. Ни конкуренция женского и детского труда, ни конкуренция машин не могли до сих пор сломить их организованную силу. Машиностроительные рабочие, плотники и столяры, строительные рабочие объединены в организации, из которых каждая в отдельности настолько сильна, что может, как это делают, например, строительные рабочие, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более 15 лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они составляют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это положение они рассматривают как окончательно завоеванное. Это примерные рабочие господ Леоне Леви и Гиффена, и они в самом деле очень милые, покладистые люди для всякого неглупого капиталиста в отдельности и для класса капиталистов в целом.

Что же касается широких масс рабочих, то уровень их нищеты и необеспеченности существования в настоящее время так же низок, как был всегда, если только не ниже. Ист-Энд Лондона представляет собой все более расширяющуюся трясину безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физического и морального упадка при наличии работы. За исключением только привилегированного меньшинства рабочих, то же самое происходит и во всех других крупных городах; не лучше обстоит дело в более мелких городах и сельских округах. Закон, ограничивающий *стоимость* рабочей силы ценой необходимых для нее средств существования, и другой закон, понижающий, как правило, ее *среднюю стоимость* до минимума этих средств существования, — оба эти закона действуют с непреодолимой силой машины-автомата, которая давит рабочих между своими колесами.

Таково, стало быть, было положение, созданное установившейся с 1847 г. политикой свободы торговли и двадцатилетним господством промышленных капиталистов. Но затем наступил поворот. За кризисом 1866 г. последовало около 1873 г. слабое и кратковременное оживление, но оно продолжалось недолго. У нас не было, правда, полного кризиса тогда, когда он должен был произойти, в 1877 или 1878 г., но начиная с 1876 г. все главные отрасли промышленности не выходят из хронического состояния застоя. Нет ни полного краха, ни долгожданного периода промышленного расцвета, на который мы могли рассчитывать как до этого краха, так и после него. Мертвящий застой, хроническое переполнение всех рынков во всех отраслях — таково состояние, в котором мы живем почти уже десять лет. Чем же это вызвано?

Теория свободы торговли основывалась лишь на одном предположении — на том, что Англия должна стать единственным крупным промышленным центром земледельческого мира. На самом деле это предположение оказалось совершенно несостоятельным. Условия существования современной промышленности, паровая сила и машина, могут быть созданы везде, где есть топливо, в особенности уголь, а уголь есть не только в Англии, но и в других странах: во Франции, Бельгии, Германии, Америке, даже в России. И жители этих стран не видели никакого интереса в том, чтобы превратиться в голодных ирландских арендаторов только ради вящей славы и обогащения английских капиталистов. Они завели собственные фабрики и стали производить не только для себя, но и для остального мира; и в результате промышленная монополия, которою Англия пользовалась почти целое столетие, теперь безвозвратно подорвана.

Но промышленная монополия Англии есть краеугольный камень существующего в Англии общественного строя. Даже во время господства этой монополии рынки не поспевали за растущей производительностью английской промышленности; результатом были кризисы через каждые десять лет. А теперь новые рынки с каждым днем становятся все большей редкостью, так что даже неграм в Конго навязывают цивилизацию в виде ситцев из Манчестера, глиняной посуды из Стаффордшира и металлических изделий из Бирмингама. Что же будет тогда, когда континентальные и, в особенности, американские товары хлынут во все возрастающем количестве, когда львиная доля в снабжении всего мира, все еще принадлежащая английским фабрикам, станет год от году уменьшаться? Пусть даст на это ответ свобода торговли, это универсальное средство!

Не я первый на это указываю. Уже в 1883 г., на съезде Британской ассоциации в Саутпорте, председатель ее экономической секции г. Инглис Палгрейв заявил, что «для Англии дни больших прибылей уже прошли, и дальнейшее развитие различных крупных отраслей промышленности приостановилось. *Можно почти утверждать, что Англия переходит в стадию застоя.*»

Но чем же все это кончится? Капиталистическое производство не может стоять на месте: оно должно расти и развиваться или же должно умереть. Уже теперь одно лишь ограничение львиной доли Англии в снабжении товарами мирового рынка означает застой, нищету, избыток капитала, с одной стороны, избыток незанятых рабочих рук — с другой. Что же будет тогда, когда ежегодного прироста производства совсем не будет?

Вот где уязвимая ахиллесова пята капиталистического производства. Постоянное расширение составляет необходимое условие его существования, а это постоянное расширение становится теперь невозможным. Капиталистическое производство упирается в тупик. С каждым годом перед Англией все более настойчиво встает вопрос: кто должен погибнуть — нация или капиталистическое производство? Кто из них обречен?

А рабочий класс? Если даже во время невиданного подъема торговли и промышленности с 1848 до 1868 г. ему приходилось жить в такой нищете, если даже тогда для громадного большинства рабочих в лучшем случае наступило лишь кратковременное улучшение их положения и только незначительное привилегированное «охраняемое» меньшинство достигало длительного улучшения, то что же будет тогда, когда этот блестящий период решительно придет к концу, когда нынешнее угнетенное состояние не только усилится, но, уси-

лившись, станет хроническим, нормальным состоянием английской промышленности?

Истина такова: пока сохранялась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам временами кое-что перепало. Вот почему, с тех пор как вымер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение. Наступит день, когда он весь, — не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, окажется на таком же уровне, на каком находятся его товарищи в других странах. И вот почему социализм снова появится в Англии.

*Напечатано в «Соттонвейл» № 3,
март 1885 г.*

Подпись: Ф. Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «К. МАРКС ПЕРЕД СУДОМ ПРИСЯЖНЫХ».

Чтобы лучше понять нижеприведенные прения, достаточно будет сгруппировать главные события, которые служили исходным моментом для этих прений.

Трусость германской буржуазии позволила феодально-бюрократически-абсолютистской реакции настолько оправиться от ошеломляющих ударов, полученных ею в марте 1848 г., что уже в конце октября предстояла вторая решительная борьба. Падение Вены после долгого героического сопротивления внушило и прусской камарилье мужество пойти на государственный переворот. Послушное берлинское «Национальное собрание» все еще было для нее слишком диким. Его нужно было разогнать, с революцией следовало покончить.

8 ноября 1848 г. составляется министерство Бранденбурга-Мантейфеля. 9-го оно переносит местопребывание Собрания из Берлина в Бранденбург, для того чтобы оно там могло «свободно» заседать под охраной штыков, не тревожимое революционными влияниями Берлина. Собрание отказывается переезжать; гражданская гвардия отказывается выступить против Собрания. Министерство распускает и разоружает гражданскую гвардию без сопротивления с ее стороны и объявляет Берлин на осадном положении. Собрание отвечает тем, что 13 ноября возбуждает преследование против министерства по обвинению в государственной измене. Министерство гонит Собрание по Берлину из одного помещения в другое. 15 ноября Собрание постановляет, что министерство Бранденбурга не в праве распоряжаться государственными средствами и взимать налоги, пока Собрание не имеет возможности свободно продолжать свои заседания в Берлине.

Это постановление об отказе в налогах могло быть проведено в жизнь только при условии, если бы народ оказал вооруженное сопротивление при взимании налогов. В то время в распоряжении гражданской гвардии оставалось еще достаточно оружия. Несмотря на это, почти повсюду ограничивались пассивным сопротивлением.

Только в немногих местах готовились силе противопоставить силу. Но самым смелым призывом к таким действиям было воззвание комитета демократических обществ Рейнской провинции, который заседал в Кельне и состоял из *Маркса, Шанпера* и *Шнейдера*.

Что на Рейне нельзя было с расчетом на успех поднять борьбу против государственного переворота, победоносно совершенного в Берлине, на этот счет комитет не обманывался. В Рейнской провинции было пять крепостей; в самой провинции, в Вестфалии, Майнце, Франкфурте и Люксембурге было сосредоточено около трети всей прусской армии, в том числе много полков из восточных провинций. Гражданская гвардия в Кельне и других городах была уже распущена и разоружена. Но задача была не в том, чтобы добиться непосредственной победы в Кельне, где всего за несколько недель до того было снято осадное положение. Необходимо было показать пример остальным провинциям и, таким образом, спасти революционную честь Рейнской провинции. Это и было сделано.

Прусская буржуазия, которая уступала правительству одну командную позицию за другой из страха перед неожиданными выступлениями наполовину еще бессознательного пролетариата, которая давно уже раскаялась в своем прежнем стремлении к власти, которая от страха уже с марта была в полной растерянности, потому что, с одной стороны, ей грозно противостояли силы старого общества, сгруппировавшиеся вокруг абсолютизма, а с другой — юный пролетариат, в котором пробуждалось сознание его классового положения, — прусская буржуазия поступила так, как она всегда поступала в решительные моменты: она смиренно покорилась. А рабочие были не настолько глупы, чтобы драться за буржуазию без буржуазии; для них прусские вопросы, в особенности на Рейне, были и без того чисто местными вопросами; а если уж идти в огонь за интересы буржуазии, то, по крайней мере, во всей Германии и для всей Германии. Это был знаменательный симптом — уже в то время «прусское верховенство» абсолютно не имело успеха у рабочих.

Словом, правительство победило. Месяц спустя, 6 декабря, оно могло окончательно распустить Берлинское собрание, которое до того времени влачило довольно жалкое существование, и октроировать новую конституцию, которая, однако, фактически была проведена в жизнь лишь после того, как превратилась в пустой конституционный фарс.

На следующий день после появления возвания, 20 ноября, трое подписавших его были вызваны к судебному следователю; против них было возбуждено дело по обвинению в призыве к мятежу.

Об аресте не было тогда и речи даже в Кельне. 7 февраля газете «Neue Rheinische Zeitung» предстояло выступить на своем первом процессе о печати. Маркс, я и ответственный редактор Корф предстали перед присяжными и были оправданы. На следующий день разбиралось дело комитета. Народ уже раньше вынес свой приговор, избрав за две недели до того обвиняемого Шнейдера депутатом от Кельна.

Защитительная речь Маркса представляет, разумеется, кульминационный пункт прений. Она в особенности интересна в двух отношениях.

Она, во-первых, интересна тем, что здесь, перед буржуазными присяжными, выступает коммунист, которому приходится разъяснять им, что действия, которые он совершил и за которые он в качестве обвиняемого стоит перед ними, должны были, собственно, быть не только совершены, но и доведены до конца, как долг и обязанность *их* класса — буржуазии. Одного этого факта достаточно для характеристики поведения германской, в частности прусской, буржуазии во время революции. Вопрос в том, кто должен господствовать: те ли силы общества и государства, которые сгруппировались вокруг монархии, — феодальное крупное землевладение, армия, бюрократия, попы, — или же буржуазия? Только еще нарождающийся пролетариат заинтересован в борьбе лишь в той мере, в какой он благодаря победе буржуазии получает свободные условия для собственного развития, некоторое пространство на той арене борьбы, на которой ему предстоит когда-нибудь одержать победу над всеми другими классами. Между тем, буржуазия, а вместе с ней и мелкая буржуазия даже не пошевелинется, когда враждебное ей правительство нападает на нее там, где находятся ее главные силы, разгоняет ее парламент, разоружает ее гражданскую гвардию, ее самое подвергает осадному положению. Тогда в прорыв бросаются коммунисты и призывают буржуазию выполнять то, что составляет ее прямой долг. В противоположность старому, феодальному обществу буржуазия и пролетариат образуют новое общество, оба стоят вместе. Воззвание, естественно, не привело ни к каким результатам, и проники истории было угодно, чтобы эта же самая буржуазия теперь судила, с одной стороны, революционного пролетарского коммуниста, а с другой — контрреволюционное правительство.

А во-вторых, — и это делает речь особенно важной и для наших дней, — в противоположность лицемерной законности правительства, она отстаивает революционную точку зрения в такой форме, которая могла бы кое для кого послужить примером и в на-

стоящее время. — Мы призывали народ к оружию против правительства? Да, мы это делали, это был наш долг. Мы нарушили закон, мы покинули правовую почву? Да, но правительство еще раньше порвало и бросило к ногам народа те законы, которые мы нарушили, и правовой почвы больше не существует. Нас можно убрать с пути, как побежденных врагов, но нас нельзя осудить.

Официальные партии, от «Kreuzzeitung» до «Frankfurter Zeitung», упрекают социал-демократическую рабочую партию в том, что она — революционная партия, что она не хочет признавать правовую почву, созданную в 1866 и 1871 гг., и тем самым, — так, по крайней мере, говорят все, до национал-либералов включительно, — сама поставила себя вне общего права. Я не говорю уже о чудовищном заявлении, будто, отстаивая то или иное мнение, можно себя поставить вне общего права. Вот оно — подлинное полицейское государство, которому лучше всего оказывают услугу, действуя втихомолку заодно с ним, а на словах продолжая проповедывать правовое государство. А разве правовая почва 1866 г. не революционная почва? Ломают конституцию Союза, а союзникам объявляют войну. Нет, — говорит Бисмарк, — это другие сломали Союз. На это можно ответить, что слишком простоватой была бы та революционная партия, которая под каждое вооруженное восстание не подвела бы, по меньшей мере, столь же веских правовых оснований, какие Бисмарк нашел для своего призыва к оружию в 1866 г. Затем провоцируют гражданскую войну, так как ничем иным война 1866 г. не была. Но всякая гражданская война есть революционная война. Войну ведут революционными средствами. Вступают в союз с границей против немцев; вводят в бой итальянские войска и суда, ловят Бонапарта на приманку — перспективой территориального расширения за счет германских областей на Рейне. Организуют венгерский легион, который должен бороться за революционные цели против наследственного государя своей страны; в Венгрии опираются на Клапку, а в Италии на Гарибальди. Побеждают — и проглатывают три короны божьей милостью: Ганновер, Кургессен, Нассау, из которых каждая была, по меньшей мере, столь же законной, столь же «исконной» и «божьей милостью», как корона Пруссии. Наконец, прочим союзникам навязывают имперскую конституцию, которая Саксонией, например, была принята столь же добровольно, как в свое время Тильзитский мир Пруссией.

Сетую ли я на это? Нет, это мне и в голову не приходит. На исторические события не сетуют — напротив, стараются понять их причины, а вместе с тем и их следствия, *которые далеко еще не исчер-*

паны. Но от людей, которые все это проделали, можно с полным правом потребовать, чтобы они не упрекали других в том, что те — революционеры. Германская империя создана революцией, конечно революцией особого рода, но, тем не менее, все же революцией. Но что правильно для одного, то справедливо и для другого. Революция остается революцией, совершается ли она прусской короной или бродячим паяльщиком. Если нынешнее правительство пользуется существующими законами, чтобы избавиться от своих противников, то оно действует, как всякое другое правительство. Но если оно воображает, будто может окончательно сразить их еще грозным окриком: революционер! — то этим оно может запугать разве только филистера. «Сами революционеры!» — эхом отзывается по всей Европе.

Но крайне смешно требовать отказа от революционной природы, представляющей неизбежное следствие исторических условий, когда с этим требованием обращаются к партии, которую к тому же ставят вне общего права, т. е. вне закона, и от которой затем требуют, чтобы она признала ту самую правовую почву, которую как раз для нее упразднили.

Если еще приходится по этому поводу тратить слова, то это лишний раз доказывает политическую отсталость Германии. В остальном мире всякий знает, что все современное политическое положение есть только результат революций. Франция, Испания, Швейцария, Италия — сколько стран, столько и правительств милостью революции. В Англии даже виг Маколей признает, что основанием современного правопорядка служил целый ряд революций (revolutions heaped upon revolutions). Америка уже сто лет празднует каждое 4 июля свою революцию. В большинстве этих стран имеются партии, которые не считают себя связанными существующим правопорядком дольше, чем он их может связывать. Но если бы кто-нибудь, например во Франции, вздумал обвинять роялистов или бонапартистов в том, что они революционеры, то его просто высмеяли бы.

Только в Германии, где политически ничто основательно не доводится до конца (иначе она не была бы разодрана на две части — на Австрию и так называемую Германию) и где именно поэтому все еще копошатся в головах не умирающие представления лишь наполовину изжитых прошлых времен (потому-то немцы и называют себя народом мыслителей), — только в Германии могут требовать от партии, чтобы она считала себя не только фактически, но и морально связанной существующим так называемым правовым порядком; чтобы она наперед дала обещание, что, как бы ни сложились обстоя-

тельства, она не станет свергать этот правовой порядок, против которого она ведет борьбу, даже если бы у нее была к тому возможность. Другими словами, она должна дать обязательство сохранить на вечные времена существующий политический строй. Только это и ничто другое означает предъявляемое германской социал-демократии требование, чтобы она перестала быть «революционной».

Но немецкий мещанин, — а его мнение все еще представляет общественное мнение Германии, — особого рода человек. Он никогда ни одной революции не *сделал*. Революцию 1848 г. сделали за него — к его ужасу — рабочие. Но тем больше зато революций он *перенес*. В самом деле, ведь это же были *князья*, которые на протяжении 300 лет делали в Германии революции, — по ним и революции были. Вся их территориальная власть и, наконец, их суверенитет были плодом их бунтов против императора. Пруссия шла впереди, подавая им добрый пример. Пруссия могла сделаться королевством лишь после того, как «великий курфюрст» успешно взбунтовался против своего сюзерена, польской короны, и, таким образом, сделал герцогство Прусское независимым от Польши. Со времен Фридриха II бунт Пруссии против Германской империи был возведен в систему; он еще больше «плевал» на имперскую конституцию, чем наш бравый *Бракке* на закон против социалистов. А затем пришла французская революция, и князья, как и мещане, переживали ее со слезами и вздохами. В силу имперского закона 1803 г. французы и русские в высшей степени революционно поделили Германскую империю между немецкими князьями, так как последние сами не могли сговориться относительно дележа. Затем пришел Наполеон и позволил князьям Бадена, Баварии и Вюртемберга, которые пользовались его особым покровительством, захватить все непосредственно имперские графства, баронства и города, находившиеся внутри их областей и между ними и непосредственно входившие в состав империи. Вслед за тем эти же три государственных изменника устроили последний успешный бунт против своего императора, сделались с помощью Наполеона суверенными и тем самым окончательно взорвали старую Германскую империю. С того времени фактический германский император Наполеон примерно каждые три года делил Германию между своими верными слугами, германскими и другими князьями. Наконец, пришло достославное освобождение от иноземного господства, и в награду Германия была Венским конгрессом, т. е. Россией, Францией и Англией, поделена и распродана разорившимся князьям в качестве области, предназначенной для всеобщего возмещения; и германские мещане, очутившись на терри-

тории, разрезанной примерно на 2 000 отдельных клочков, были, как бараны, розданы тридцати шести отцам народа (Landesväter), перед большинством которых, как перед исконными государями, они и теперь еще «верноподданнически благоговееют». Все это будто бы не было революционно, — как прав был, однако, Шнаппганский-Лихновский, когда он воскликнул во Франкфуртском парламенте: «Историческое право не знает сроков!» Оно их действительно никогда не знало!

Итак, требование, с которым немецкий мещанин обращается к германской социал-демократической рабочей партии, имеет только один смысл: эта партия должна сделаться такой же мещанской, как он сам, и отнюдь не должна участвовать в революциях, а только становиться жертвой их всех. А если правительство, достигшее власти через контрреволюцию и революцию, ставит то же требование, то это означает только одно: революция хороша, когда она совершается Бисмарком для Бисмарка и его присных, но революция плоха, если она делается против Бисмарка и его присных.

Лондон, 1 июля 1885 г.

Напечатано в 1885 г. в Цюрихе.

Подпись: Фридрих Энгельс.

К ИСТОРИИ «СОЮЗА КОММУНИСТОВ».

С осуждением кельнских коммунистов в 1852 г. закончился первый период самостоятельного немецкого рабочего движения. Этот период в настоящее время почти забыт. А между тем он продолжался с 1836 до 1852 г., и благодаря тому, что за границей повсюду было много немецких рабочих, это движение пользовалось влиянием почти во всех культурных странах. Но мало того. Современное международное рабочее движение по существу представляет непосредственное продолжение тогдашнего немецкого, которое вообще было *первым международным рабочим движением* и из которого вышло много лиц, игравших потом руководящую роль в Международном товариществе рабочих. А теоретические принципы «Коммунистического манифеста», которые Союз коммунистов в 1847 г. начертал на своем знамени, служат в настоящее время наиболее крепкой интернациональной связью для всего пролетарского движения Европы и Америки.

До сих пор для связной истории этого движения имеется только один основной источник. Это так называемая черная книга: «Коммунистические заговоры XIX столетия», Вермута и Штибера, Берлин, 2 части, 1853 и 1854 гг. («Die Kommunisten-Verschwörungen des 19. Jahrhunderts. Von Wermuth und Stieber»). Эта лживая, переполненная сознательными подлогами стряпня двух подлейших полицейских негодяев нашего столетия и теперь еще служит первоисточником для всех некоммунистических работ, посвященных тому времени.

Я могу здесь дать только набросок, да и то лишь в той мере, в какой речь идет о самом Союзе, — только абсолютно необходимое для понимания «Разоблачений». Надеюсь, что мне еще удастся когда-нибудь обработать собранный Марксом и мною богатый материал по истории того славного периода юности международного рабочего движения.

* * *

Из основанного в 1834 г. германскими эмигрантами в Париже демократическо-республиканского тайного «Союза отверженных» вы-

делились в 1836 г. самые крайние, по большей части пролетарские элементы и образовали новый тайный союз — «Союз справедливых». Первоначальный союз, в котором остались только самые бездеятельные элементы, вроде Якоба Венедя, скоро совсем заснул: в 1840 г., когда полиция выследила несколько его секций в Германии, от него оставалась едва лишь тень. Напротив, новый союз развивался сравнительно быстро. Первоначально он был немецким отпрыском французского рабочего коммунизма, сложившегося к тому времени в Париже и примыкавшего к бабувистским традициям; требование общности имущества выдвигалось как необходимое следствие «равенства». Цели были те же, что и у тогдашних парижских тайных обществ. Это было наполовину пропагандистское, наполовину заговорщическое общество, причем, однако, Париж всегда считался центром революционного действия, хотя отнюдь не исключалась подготовка при случае путчей и в Германии. Но так как Париж оставался ареной решающих битв, то Союз фактически был тогда лишь немецким отделением французских тайных обществ, а именно руководимого Бланки и Барбесом «Общества времен года» («Société des Saisons»), с которым он находился в тесной связи. Французы начали восстание 12 мая 1839 г.; вместе с ними выступили и секции Союза и потерпели, таким образом, вместе с ними общее поражение.

Из немцев были арестованы *Карл Шанпер* и *Генрих Бауэр*. Правительство Луи Филиппа удовлетворилось их высылкой после длительного тюремного заключения. Оба они отправились в Лондон. Шанпер был родом из Вейльбурга в Нассау; будучи студентом-лесником в Гиссене, он в 1832 г. был участником заговора, организованного Георгом Бюхнером, 3 апреля 1833 г. участвовал в нападении на франкфуртский полицейский пост, бежал за границу и в феврале 1834 г. принимал участие в походе Мадзини в Савойю. Богатырского сложения, решительный и энергичный, всегда готовый рисковать житейскими благами и самою жизнью, он был образцом того революционера-профессионала, который в 30-х годах играл определенную роль. Как показывает его развитие из «демагога» в коммуниста, ему, при известной медлительности мышления, отнюдь не было недоступно глубокое понимание теоретических вопросов, и тем с большим постоянством он держался того, что однажды им было признано. Именно поэтому его революционный пыл шел иногда вразрез с его разумом, но впоследствии он всегда замечал свои ошибки и открыто их признавал. Это был крупный человек, и то, что он сделал для первоначальной организации германского рабочего движения, никогда не будет забыто.

Генрих Бауэр из Франконии был сапожником; это был живой, бойкий и остроумный паренек, в маленьком теле которого, однако, таилось также много изворотливости и решимости.

Прибыв в Лондон, где Шаппер, работавший в Париже наборщиком, стал добывать средства к существованию преподаванием языков, они оба снова начали восстанавливать оборвавшиеся связи Союза и сделали Лондон его центром. Здесь, если не раньше еще в Париже, к ним примкнул часовщик из Кельна, *Иосиф Молль*; это был силач среднего роста, — сколько раз они вдвоем с Шаппером победоносно отстаивали двери зала против сотни вламывавшихся противников, — человек, который в энергии и решимости по меньшей мере не уступал обоим своим товарищам, а умом превосходил их обоих. Он не только был прирожденным дипломатом, что доказали успехи его многочисленных поездок в качестве уполномоченного, — и теоретические вопросы ему были более доступны. Со всеми троими я познакомился в Лондоне в 1843 г.; это были первые революционные пролетарии, которых я видел. И как бы ни расходились в частности наши тогдашние взгляды, — их ограниченному «коммунизму равенства» * я в то время противопоставлял не малую дозу столь же ограниченного философского высокомерия, — все же я никогда не забуду импонирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека в то время, когда я еще только хотел стать человеком.

В Лондоне, как в меньшей степени и в Швейцарии, свобода союзов и собраний сослужила им хорошую службу. Уже 7 февраля 1840 г. было основано открытое Немецкое просветительное рабочее общество, существующее до настоящего времени. Это общество служило Союзу местом вербовки новых членов, и так как коммунисты были, как всегда, наиболее деятельными и интеллигентными членами общества, то вполне понятно, что руководство обществом всецело находилось в руках Союза. Вскоре у Союза было в Лондоне уже несколько общин, или «лож», как их тогда еще называли. Эта же совершенно понятная тактика применялась в Швейцарии и других местах. Везде, где только можно было основывать рабочие общества, ими пользовались подобным же образом. Там, где это воспрещалось законами, члены Союза шли в певческие, гимнастические и тому подобные общества. Связи главным образом поддерживались постоянно приезжавшими и уезжавшими членами Союза, которые выступали

* Под «коммунизмом равенства» я понимаю, как уже сказано выше, коммунизм, который опирается исключительно или по преимуществу на требование равенства.

также в качестве эмиссаров там, где это требовалось. И в том и в другом отношении Союзу оказывали большую помощь мудрые правительства, которые всякого неугодного им рабочего, — а среди них девять из десяти были членами Союза, — высылали и таким образом превращали в эмиссара.

Организация восстановленного Союза получила значительное распространение. В частности, в Швейцарии *Вейтлинг*, *Август Беккер* (человек весьма незаурядного ума, но, подобно многим немцам, погибший из-за внутренней неустойчивости) и другие создали сильную организацию, которая в большей или меньшей степени тяготела к коммунистической системе Вейтлинга. Здесь не место критиковать вейтлинговский коммунизм. Что же касается его значения, как первого самостоятельного теоретического движения германского пролетариата, то я и теперь подписываюсь под словами Маркса, напечатанными в парижском «Vorwärts» в 1844 г.: «Где у (немецкой) буржуазии, вместе с ее философами и книжниками, найдется такое произведение *об освобождении буржуазии* — политическом освобождении, — как вейтлинговские «Гарантии гармонии и свободы»? Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим беспримерным, блестящим дебютом германских рабочих, стоит сравнить эти *гигантские детские башмаки пролетариата* с карликовыми стоптанными политическими башмаками буржуазии, чтобы предсказать этой Золушке в будущем фигуру атлета». Эта атлетическая фигура стоит в настоящее время перед нами, хотя она далеко еще не достигла своего полного роста.

В Германии также были многочисленные секции, по существу своему преходящего характера, но число возникавших далеко превосходило число распадавшихся. Полиция только через семь лет, в конце 1846 г., открыла в Берлине (Ментель) и в Магдебурге (Бекк) следы Союза, но проследить их дальше ей не удалось.

В Париже Вейтлинг, в 1840 г. еще находившийся там, также собрал рассеянные элементы, прежде чем отправиться в Швейцарию.

Ядром Союза были портные. Немецкие портные были повсюду: в Швейцарии, в Лондоне, в Париже. В последнем немецкий язык был в портняжном ремесле настолько господствующим, что в 1846 г. я там знал одного норвежского портного, который приехал во Францию морем прямо из Дронтейма и в продолжение восемнадцати месяцев не усвоил почти ни одного французского слова, но прекрасно научился говорить по-немецки. Из парижских общин две состояли в 1847 г. преимущественно из портных, одна — из столяров-мебельщиков.

С тех пор как центр тяжести был перенесен из Парижа в Лондон, на первый план выступил новый момент: Союз из немецкого постепенно стал *интернациональным*. В рабочее общество, кроме немцев и швейцарцев, входили также члены всех тех национальностей, которые пользовались главным образом немецким языком для общения с иностранцами. Это были скандинавцы, голландцы, венгерцы, чехи, южные славяне, а также русские и эльзасцы. В 1847 г. постоянным гостем был, между прочим, один английский гвардейский гренадер в форме. Общество скоро стало называться *Коммунистическим* рабочим просветительным обществом, и на членских карточках был девиз: «Все люди — братья», по меньшей мере на двадцати языках, — правда, кое-где не без ошибок. Тайный союз, как и открытое общество, вскоре принял более интернациональный характер, сначала только в ограниченном смысле; практически — в силу пестрого национального состава его членов, теоретически — из убеждения, что всякая революция, чтобы стать победоносной, должна быть европейской. Дальше этого еще не шли, но основа была заложена.

С французскими революционерами общество поддерживало тесную связь через лондонских эмигрантов, участников борьбы 12 мая 1839 г. То же и с радикальными поляками. Официальная польская эмиграция и Мадзини были, конечно, скорее противниками, чем союзниками. Английские чартисты, ввиду специфически английского характера их движения, были оставлены в стороне как элемент неревolutionный. С ними лондонские руководители Союза вступили в связь только впоследствии через меня.

Также и в других отношениях характер Союза изменялся вместе с ходом событий. Хотя на Париж все еще смотрели — и в то время с полным основанием — как на родину революции, тем не менее зависимость от парижских заговорщиков уже прекратилась. С ростом Союза росло и его самосознание. Чувствовалось, что движение все больше пускает корни в рабочем классе Германии и что германские рабочие призваны историей быть знаменосцами для рабочих севера и востока Европы. В лице Вейтлинга у них был теоретик коммунизма, которого можно было смело поставить рядом с его тогдашними французскими конкурентами. Наконец, опыт 12 мая показал, что путчи ни к чему привести не могут. И если всякое событие продолжали еще истолковывать как предзнаменование наступающей бури, если старый полузаговорщический устав еще целиком соблюдался, то в этом было главным образом повинно старое революционное упрямство, которое начинало уже приходить в столкно-

вание с пробивавшими себе дорогу более правильными воззрениями.

Напротив, социальная доктрина Союза, при всей своей неопределенности, отличалась одним крупным недостатком, который, однако, вытекал из самих общественных отношений. Члены Союза, если они вообще были рабочими, были, собственно говоря, почти исключительно ремесленниками. Человек, который их эксплуатировал, даже в крупных мировых центрах был в большинстве случаев только мелким мастером. Эксплуатация даже в портняжном промысле крупного масштаба, современной так называемой конфекционной промышленности, путем превращения портняжного ремесла в домашнюю промышленность, которая работает на крупного капиталиста, тогда даже в Лондоне только еще зарождалась. С одной стороны, эксплуататором этих ремесленников был мелкий мастер; с другой стороны, они сами надеялись, в конце концов, стать мелкими мастерами. К тому же тогдашний немецкий ремесленник находился еще под влиянием массы унаследованных цеховых понятий. Эти ремесленники еще не были настоящими пролетариями; они составляли только придаток мелкой буржуазии, который еще только совершал переход в современный пролетариат и еще не стоял в прямом противоречии с буржуазией, т. е. с крупным капиталом. И величайшую честь им делает то обстоятельство, что они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и констатировались, хотя и не вполне сознательно, как партия пролетариата. Было неизбежно, что их старые предрассудки ремесленников подводили их каждый раз, когда дело шло о детальной критике существующего общества, т. е. об анализе экономических фактов. Я полагаю, что во всем Союзе не было тогда ни одного человека, который прочел бы хотя одну книгу по политической экономии. Что за беда: «равенство», «братство» и «справедливость» помогали брать любые теоретические высоты.

Между тем, наряду с коммунизмом Союза и Вейтлинга создан был новый коммунизм, существенно отличный от первого. Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что экономические факты образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития, — в частности, следо-

вательно, в Англии, — в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и вместе с тем для всей политической истории. Маркс не только пришел к тем же взглядам, но и обобщил их уже в «Deutsch-Französische Jahrbücher» (1844г.) в том смысле, что вообще не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обуславливается и определяется государство, что, следовательно, политику и ее историю следует объяснять из экономических отношений и их развития, а не наоборот. Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях. С того времени началась наша совместная работа. Когда мы весной 1845 г. снова встретились в Брюсселе, Маркс, исходя из вышеуказанных основных положений, уже развил в главных чертах свою материалистическую теорию истории, и мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений в самых разнообразных направлениях.

Но это открытие, которое произвело переворот в исторической науке и, как мы видим, в основном было делом Маркса, в котором я могу приписать себе лишь очень небольшое участие, имело непосредственное значение для современного ему рабочего движения. Коммунизм у французов и немцев, чартизм у англичан уже не казались какой-то случайностью, которой с таким же успехом могло и не быть. Эти движения представлялись теперь движениями современного угнетенного класса, пролетариата, более или менее развитыми формами его исторически неизбежной борьбы против господствующего класса, буржуазии, формами классовой борьбы, отличающимися, однако, от всякой прежней классовой борьбы тем, что современный угнетенный класс, пролетариат, не может добиться своего освобождения, не освобождая в то же время все общество от разделения на классы и тем самым от классовой борьбы. Коммунизм отныне означал уже не фантастическое измышление возможно более совершенного общественного идеала, а понимание природы, условий и вытекающих из них общих целей борьбы, которую ведет пролетариат.

Мы отнюдь не намеревались сообщить о новых научных результатах исключительно «ученому» миру, изложив их в толстых книгах. Наоборот. Мы оба уже глубоко вошли в политическое движение; у нас уже были последователи среди интеллигенции, особенно в Западной Германии, и значительные связи с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности

наших воззрений европейский и прежде всего германский пролетариат. Когда мы самим себе все уяснили, мы приступили к работе. В Брюсселе мы основали Немецкое рабочее общество и завладели «Deutsche Brüsseler Zeitung», которая оставалась нашим органом до Февральской революции. С революционной частью английских чартистов мы поддерживали сношения через Джулиана Гарни, редактора центрального органа этого движения, «The Northern Star», сотрудником которого я состоял. Мы находились также в своего рода коалиции с брюссельскими демократами (Маркс был вице-председателем «Демократической ассоциации») и с французскими социал-демократами из «Réforme», которой я посылал сообщения об английском и немецком движении. Словом, наши связи с радикальными и пролетарскими организациями и органами печати вполне соответствовали нашим желаниям.

С «Союзом справедливых» мы находились в следующих отношениях. О существовании Союза мы были, понятно, осведомлены; в 1843 г. Шашпер предложил мне вступить в Союз, но тогда я, разумеется, отклонил предложение. Мы, однако, не только поддерживали постоянную переписку с лондонцами, но и находились в еще более тесных сношениях с д-ром Эвербеком, руководителем парижских общин. Не входя во внутренние дела Союза, мы все же узнавали о всех важных происшествиях. С другой стороны, мы устно, письменно и при посредстве печати воздействовали на теоретические воззрения наиболее выдающихся его членов. Той же цели служили разные литографированные циркуляры, которые мы в особых случаях, когда речь шла о внутренних делах создававшейся коммунистической партии, рассылали по всему свету своим друзьям и корреспондентам. В этих циркулярах затрагивался иногда и самый Союз. Так, например, один молодой вестфальский студент Герман Криге, отправившись в Америку и выступая там в качестве эмиссара Союза, связался с сумасшедшим Гарро Гаррингом с целью вызвать при посредстве Союза переворот в Южной Америке; он основал газету, в которой от имени Союза проповедывал основанный на «любви», преисполненный любовью, чрезвычайно сентиментальный коммунизм. Против него мы выступили в одном циркуляре, который не преминул оказать свое действие: Криге исчез с арены Союза.

Позднее в Брюссель приехал Вейтлинг. Но это был уже не тот наивный, молодой подмастерье-портной, пораженный своим собственным талантом и старающийся уяснить себе, как будет выглядеть коммунистическое общество. Это был великий человек, которого преследовали завистники за его превосходство, которому всюду

мерещились соперники, тайные враги и козни; гонимый из страны в страну пророк, он носил в кармане готовый рецепт осуществления царства небесного на земле и воображал, что каждый только о том и думает, чтобы украсть у него этот рецепт. Вейтлинг уже в Лондоне перессорился с членами Союза, а также и в Брюсселе, где Маркс и его жена относились к нему с необыкновенным, почти сверхчеловеческим терпением. Он ни с кем не мог поладить. Поэтому он вскоре уехал в Америку, чтобы там попытаться выступить в роли пророка.

Все эти обстоятельства способствовали перевороту, который незаметно совершался в Союзе и особенно среди лондонских руководителей. Несостоятельность существовавших до того времени коммунистических воззрений, как французского примитивного коммунизма равенства, так и вейтлинговского, становилась им все более ясной. То обстоятельство, что Вейтлинг начал сводить коммунизм к первобытному христианству, при всей гениальности отдельных положений его «Евангелия бедного грешника», привело в Швейцарии к тому, что движение большей частью попадало сперва в руки таких глупцов, как Альбрехт, а затем и корыстных пророков-шарлатанов, как Кульман. Распространяемый несколькими беллетристами («истинный социализм») — перевод французских социалистических теорий на испорченный гегельянско-немецкий язык и сентиментально-мечтательное человеколюбие (см. отдел о немецком или истинном социализме в «Коммунистическом манифесте»), — этот социализм, который вместе с соответствующей литературой был введен в Союз Германом Криге, должен был уже своим слюнчавым бессилием вызывать отвращение в старых революционерах Союза. Несостоятельность господствовавших до тех пор теоретических представлений и вытекавшие из них практические ошибки все более убеждали лондонцев в правильности нашей, Маркса и моей, новой теории. Усвоению этого взгляда несомненно содействовали находившиеся тогда среди лондонских вождей двое человек, которые по своим способностям к теоретическому познанию значительно превосходили остальных; это были живописец-миниатюрист Карл Пфендер из Гейльбронна и портной Георг Эккариус из Тюрингии *.

* Пфендер приблизительно восемь лет тому назад умер в Лондоне. Это был человек с тонким, оригинальным умом, одаренный остроумием, иронией, диалектикой. Эккариус впоследствии был, как известно, много лет генеральным секретарем Интернационала, в Генеральном совете которого состояли, между прочим, следующие старые члены Союза коммунистов: Эккариус, Пфендер, Лесснер, Лохнер, Маркс и я. Впоследствии Эккариус посвятил себя исключительно английскому профессиональному движению.

Наконец, весной 1847 г. Молль приехал в Брюссель к Марксу и тотчас же после этого ко мне в Париж, чтобы от имени своих товарищей просить нас вступить в Союз. Они, по его заявлениям, были убеждены как в общей правильности наших воззрений, так и в необходимости освободить Союз от старых заговорщических традиций и форм. Если мы пожелаем вступить в Союз, то нам дана будет возможность изложить на съезде Союза наш критический коммунизм в форме манифеста, который после этого будет опубликован как манифест Союза; вместе с тем мы будем иметь возможность содействовать замене его устарелой организации новой, более целесообразной и соответствующей условиям времени.

Что для немецкого рабочего класса необходима организация хотя бы для целей пропаганды и что эта организация, если она не носит исключительно местного характера, может быть даже за пределами Германии только тайной организацией, на этот счет у нас не было сомнений. Но как раз такая организация уже существовала; это был Союз. То, что мы до сих пор считали недостатками Союза, теперь сами его представители готовы были устранить и нас же приглашали принять участие в его реорганизации. Могли ли мы ответить отказом? Разумеется, нет. Мы поэтому вступили в Союз. Маркс организовал в Брюсселе общину Союза из наших близких друзей, в то время как я посещал три парижские общины.

Летом 1847 г. в Лондоне состоялся первый конгресс Союза, на котором В. Вольф представлял брюссельские, а я парижские общины. Здесь прежде всего была проведена реорганизация Союза. Все, что в нем еще оставалось из старых мистических названий, сохранившихся от заговорщических времен, было уничтожено; организацию Союза составляли общины, округа, руководящие округа, центральный комитет и конгресс, и с этого времени ему было присвоено название «Союза коммунистов». «Цель Союза — свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности», — так гласит первый параграф. Самая организация была полностью демократическая, с выборными и в любое время сменяемыми комитетами; уже одно это закрывало путь всякому стремлению к заговорам, требующим диктатуры, и Союз — по крайней мере, для обычного мирного времени — превратился в чисто пропагандистское общество. Этот новый устав был передан — так демократично теперь действовали — на обсуждение общинам, после чего он еще раз был

рассмотрен и окончательно принят вторым конгрессом 8 декабря 1847 г. Он напечатан у «Вермут и Штибер», т. I, стр. 239, приложение VIII.

Второй конгресс состоялся в конце ноября и в начале декабря того же года. На нем присутствовал и Маркс, который в продолжительных прениях — конгресс продолжался, по меньшей мере, десять дней — защищал новую теорию. Все разногласия и сомнения были, наконец, устранены, и новые принципы приняты единогласно. Марксу и мне было поручено выработать манифест. Поручение это было выполнено в ближайшее же время, и за несколько недель до Февральской революции манифест был отослан для напечатания в Лондон. С того времени он обошел весь мир, был переведен почти на все языки и до сих пор продолжает служить руководством пролетарскому движению в самых различных странах. Место старого девиза Союза: «Все люди — братья» занял новый боевой лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», открыто провозгласивший международный характер борьбы. Через семнадцать лет этот лозунг прогремел как боевой клич Международного товарищества рабочих по всему миру, и в настоящее время борющийся пролетариат всех стран начертал его на своем знамени.

Вспыхнула Февральская революция. Лондонский Центральный комитет немедленно препоручил свои полномочия Брюссельскому руководящему округу. Но это постановление получилось в Брюсселе в то время, когда там уже фактически господствовало осадное положение и немцам нигде уже нельзя было больше устраивать собрания. Мы все уже приготовились переехать в Париж, и новый Центральный комитет постановил поэтому также распустить свою организацию, передать все свои полномочия Марксу и уполномочить его немедленно создать новый центральный комитет в Париже. Не успели разойтись эти пять человек, которые приняли (3 марта 1848 г.) это решение, как в квартиру Маркса ворвалась полиция, арестовала его и заставила на другой же день выехать во Францию, куда он как раз и собирался ехать.

Вскоре мы все снова встретились в Париже. Там был составлен следующий подписанный членами нового Центрального комитета документ, который был распространен по всей Германии и из которого многие и в настоящее время могут кое-чему научиться:

*Требования коммунистической партии в Германии*¹.

¹ Энгельс цитирует здесь «Требования» в сокращенном виде. Полностью они напечатаны в V томе Сочинений, стр. 585—586. *Ред.*

1. Вся Германия объявляется единой нераздельной республикой.

3. Народные представители получают жалованье, чтобы и рабочий имел возможность заседать в парламенте немецкого народа.

4. Всеобщее вооружение народа.

7. Княжеские и прочие феодальные земельные владения, все рудники, копи и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях в интересах всего общества хозяйство ведется в крупном масштабе и при помощи наиболее современных, рекомендуемых наукой вспомогательных средств.

8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются государственной собственностью. Проценты по этим ипотекам крестьяне уплачивают государству.

9. В тех областях, где развита аренда, земельная рента или арендная плата уплачивается государству как налог.

11. Государство берет в свои руки все транспортные средства: железные дороги, каналы, пароходы, гужевые дороги, почту и т. д. Они обращаются в государственную собственность и бесплатно отдаются в распоряжение неимущего класса.

14. Ограничение права наследования.

15. Введение высоких ставок прогрессивного налога и отмена налогов на предметы потребления.

16. Устройство национальных мастерских. Государство гарантирует средства к существованию всем рабочим и берет на себя попечение о неспособных к труду.

17. Всеобщее и бесплатное народное образование.

В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянства — со всей энергией способствовать проведению в жизнь указанных выше мероприятий. Только с их осуществлением миллионы людей, которых до сих пор в Германии эксплуатировало небольшое число лиц и которых постараются и впредь держать в угнетении, сумеют добиться своих прав и такой власти, какая полагается им, как производителям всех богатств.

Комитет:

*Карл Маркс, Карл Шаппер, Г. Бауэр,
Ф. Энгельс, И. Моль, В. Вольф.*

В Париже господствовало тогда увлечение революционными легионами. Испанцы, итальянцы, бельгийцы голландцы, поляки и немцы объединялись в отряды, чтобы идти освобождать свое отечество. Немецкий легион возглавляли Гервег, Борнштедт, Бернштейн. Так

как все иностранные рабочие немедленно после революции не только лишились работы, но и стали подвергаться притеснениям со стороны населения, то наплыв в эти легионы был большой. Новое правительство хотело воспользоваться легионами, для того чтобы избавиться от иностранных рабочих, и предоставляло им l'étape du soldat, т. е. квартиры по пути следования, и денежное довольствие в размере 50 сантимов в день до границы, где вечно растроганный до слез министр иностранных дел, красной Ламартин, имел уже возможность выдавать их соответствующим правительствам.

Мы самым решительным образом выступили против этой игры в революцию. Произвести вторжение в Германию в разгар происходившего там тогда брожения и насильственно навязывать ей революцию, импортированную извне, означало подставлять ногу революции в Германии, усиливать правительства, а самих легионеров — этому порукой был Ламартин — выдавать безоружными немецким войскам. С победой революции в Вене и в Берлине организация легиона становилась уже совершенно бесцельной; тем не менее, раз начавшись, игра не прекращалась.

Мы учредили немецкий коммунистический клуб и в нем убеждали рабочих не идти в легион, а поодиночке возвращаться на родину и действовать там в интересах движения. Наш старый друг Флокон, бывший членом Временного правительства, добился для отправляемых нами рабочих таких же путевых льгот, какие были обещаны легионерам. Таким способом мы отправили обратно в Германию от 300 до 400 рабочих, среди которых члены Союза составляли огромное большинство.

Как легко было предвидеть, перед лицом поднявшегося теперь движения народных масс Союз оказался слишком слабым орудием воздействия. Три четверти членов Союза, живших раньше за границей, переменили с возвращением на родину свое местожительство; их прежние общины были вследствие этого большей частью распущены, и всякая связь с Союзом была для них потеряна. Часть наиболее честолюбивых из них даже не пыталась восстановить эту связь, но каждый в отдельности начинал за свой собственный страх и риск создавать в месте своего пребывания маленькое сепаратное движение. Наконец, условия были настолько различны в каждом отдельном маленьком государстве, в каждой провинции, в каждом городе, что Союз был в состоянии давать лишь самые общие директивы; но распространять их было лучше всего через прессу. Словом, с того момента, как исчезли причины, которые делали необходимым тайный Союз, и самый тайный Союз, как таковой, потерял всякое

значение. И это меньше всего могло удивить тех, кто только что лишился этот тайный Союз последних остатков его заговорщического характера.

Теперь, однако, обнаружилось, что Союз был превосходной школой революционной деятельности. На Рейне, где «Новая Рейнская Газета» представляла надежный центр, в Нассау, в Рейнском Гессене и т. д. — повсюду во главе крайнего демократического движения стояли члены Союза. То же было и в Гамбурге. В южной Германии этому мешало преобладание мелкобуржуазной демократии. В Бреславле с большим успехом действовал до лета 1848 г. Вильгельм Вольф; он получил также в Силезии мандат кандидата в депутаты Франкфуртского парламента. Наконец, наборщик Стефан Борн, бывший деятельным членом Союза в Брюсселе и Париже, основал в Берлине «Рабочее братство», которое получило значительное распространение и продержалось до 1850 г. Борн, талантливый молодой человек, слишком поспешил, однако, с выступлением в качестве политического деятеля. Он «братался» с самым разношерстным сбродом, лишь бы собрать вокруг себя толпу. Он был вовсе не из тех людей, которые способны внести единство в противоречивые стремления, внести свет в хаос. В официальных публикациях его братства постоянно попадаетя поэтому путаница и смешение взглядов «Коммунистического манифеста» с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луп Блана и Прудона, с защитой протекционизма и т. д., — одним словом, эти люди хотели всем угодить. В особенности занимались они устройством стачек, профессиональных союзов, производительных товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы посредством политической победы завоевать себе сначала такое поприще, на котором только и могли прочно, надежно осуществиться такие вещи. И вот, когда победы реакции заставили вожakov этого братства почувствовать необходимость прямого участия в революционной борьбе, тогда, само собой разумеется, неразвитая масса, группировавшаяся вокруг них, покинула их. Борн принял участие в дрезденском восстании в мае 1849 г. и спасся по счастливому случаю. «Рабочее же братство» удержалось в стороне от великого политического движения пролетариата как обособленный союз, существовавший большей частью лишь на бумаге и игравший до того второстепенную роль, что реакция нашла нужным закрыть его лишь в 1850 г., а его филиальные отделения лишь много лет спустя. Борн, настоящая фамилия которого, собственно, Буттермильх, так и не сделался крупным политическим деятелем, а оказался маленьким швейцарским профессором,

который переводит теперь не Маркса на цеховой язык, а благодушного Ренана — на свой собственный сладенький немецкий язык.

13-м июня 1849 г. в Париже, поражением майского восстания в Германии и подавлением венгерской революции русскими закончился большой период революции 1848 г. Но победа реакции еще ни в коем случае не была окончательной. Необходима была реорганизация рассеянных революционных сил, а вместе с тем и сил Союза. Как и до 1848 г., общее положение не допускало открытой организации пролетариата; приходилось, следовательно, опять организовываться тайно.

Осенью 1849 г. большинство членов прежних центральных комитетов и конгрессов опять оказалось в Лондоне. Только Шаппера и Молля недоставало. Шаппер находился в заключении в Висбадене и после своего оправдания весной 1850 г. также прибыл в Лондон. Молль, закончив целый ряд опаснейших партийных поручений и агитационных поездок, — под конец он вербовал среди прусской армии в Рейнской провинции верховых канониров для пфальцской артиллерии, — вступил в отряд Виллиха, в безансонскую рабочую роту, и в сражении на Мурге перед Ротенфельдским мостом был убит пулей в голову. Но зато явился Виллих. Виллих был одним из тех коммунистов по чувству, которые так часто встречались в Западной Германии начиная с 1845 г. Уже в силу одного этого он инстинктивно находился в скрытой оппозиции к нашему критическому направлению. Но мало того. Это был настоящий пророк, убежденный в том, что ему судьбою предопределено стать освободителем германского пролетариата, и в качестве такового он считал себя прямым претендентом на политическую и военную диктатуру. Наряду с древне-христианским коммунизмом, который проповедывался Вейтлингом, возникал, таким образом, в некотором роде коммунистический ислам. Впрочем, пропаганда этой новой религии пока не выходила за пределы эмигрантской казармы, которой командовал Виллих.

Итак, Союз был реорганизован, выпущено отпечатанное в приложении воззвание от марта 1850 г.¹ и Генрих Бауэр был отправлен в Германию в качестве эмиссара. Это воззвание, проредактированное Марксом и мною, представляет интерес и в настоящее время, потому что мелкобуржуазная демократия еще и теперь есть та партия, которая при ближайшем европейском потрясении, — а оно должно

¹ Воззвание вышло отдельной брошюрой под заглавием: «Обращение ЦК к Союзу» (коммунистов), март 1850 г. *Ред.*

скоро наступить (промежутки между европейскими революциями — 1815, 1830, 1848—1852, 1870 — длятся в нашем веке от 15 до 18 лет), — в Германии безусловно должна стать первой у кормила правления как спасительница общества от коммунистических рабочих. Следовательно, многое из сказанного там применимо и к настоящему моменту. Поездка Генриха Бауэра увенчалась полным успехом. Этот маленький веселый сапожник был прирожденным дипломатом. Он снова собрал в активную организацию бывших членов Союза, которые частью отошли от работы, частью работали за собственный страх; он привлек туда и теперешних вождей «Рабочего братства». Союз стал играть руководящую роль в рабочих, крестьянских и гимнастических обществах в несравненно большей степени, чем до 1848 г., так что уже ближайшее очередное — раз в три месяца — обращение к общинам, напечатанное в июне 1850 г., могло констатировать, что обезжавший Германию от мелкобуржуазной демократии студент Шурц из Бонна (впоследствии американский экс-министр) «нашел уже все дельные элементы в руках Союза». Союз был безусловно единственной революционной организацией, имевшей значение в Германии.

Но цели, которым должна была служить эта организация, зависели главным образом от того, оправдаются ли надежды на новый подъем революции. А это в течение 1850 г. становилось все менее вероятным и даже невозможным. Промышленный кризис 1847 г., подготовивший революцию 1848 г., был изжит; начался новый, неслыханный дотеле период промышленного процветания. Для всякого, кто имел глаза, чтобы видеть, и пользовался ими, должно было стать ясным, что революционная буря 1848 г. постепенно исчерпала себя.

«При таком всеобщем процветании, при котором производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно при буржуазных отношениях, о *действительной революции не может быть и речи*. Подобная революция возможна лишь в такие периоды, когда оба эти фактора, — современные производительные силы и буржуазные формы производства, — вступают в противоречие друг с другом. Различные распри, которые теперь затевают представители отдельных фракций континентальных партий порядка и которыми они взаимно себя компрометируют, не только не дают повода к новым революциям, но, наоборот, возможны лишь потому, что основа существующего положения теперь так прочна и, — чего реакция не знает, — так *буржуазна*. Все реакционные попытки задержать буржуазное разви-

тие так же несомненно разобьются об эту основу, как и все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов». Так мы писали, Маркс и я, в «Обзрении» за май — октябрь 1850 г. в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Oekonomische Revue», томы V и VI, Гамбург, 1850 г., стр. 153.

Это трезвое понимание положения представлялось, однако, многим ересью в то время, когда Ледрю-Роллен, Луи Блан, Мадзини, Кошут, а из менее значительных немецких светил Руге, Кинкель, Гегг и как они еще там назывались — толпами организовывались в Лондоне в будущие временные правительства не только для своих отечеств, но и для всей Европы, и когда все сводилось лишь к тому, чтобы добыть при помощи революционного займа в Америке необходимые средства для немедленной организации европейской революции и заодно, само собой разумеется, для организации ряда различных республик. Кого может удивить тот факт, что сюда попал такой человек, как Виллих, что и Шаппер, охваченный старым революционным пылом, дал себя одурачить и что состоявшее главным образом из эмигрантов большинство лондонских рабочих последовало за ним в лагерь буржуазно-демократических революционных дел мастеров? Словом, отстаиваемая нами сдержанность была не по нутру этим людям; следовало, по их мнению, начать делать революцию; мы самым решительным образом отказывались от этого. Произошел раскол. О дальнейшем можно прочесть в «Разоблачениях». Затем последовал арест сначала Нотьюнга, а потом Гаупта в Гамбурге, который выдал членов Центрального комитета в Кельне и стал предателем. Он должен был фигурировать в процессе в качестве главного свидетеля, но его родственники хотели избежать такого позора и отправили его в Рио-де-Жанейро, где он впоследствии устроился в качестве купца и, в признание своих заслуг, был назначен сперва прусским, а затем и германским генеральным консулом. Теперь он опять в Европе *.

Для лучшего понимания последующего я привожу список кельнских обвиняемых: 1) П. Г. Резер, рабочий-сигарочник; 2) Генрих Бюргерс, умерший впоследствии прогрессистским депутатом ландтага; 3) Петер Нотьюнг, портной, затем фотограф, умерший несколько лет тому назад в Бреславле; 4) В. И. Рейфф; 5) д-р Герман Беккер,

* Шаппер умер в 1870 г. в Лондоне. Виллих участвовал в гражданской войне в Америке и получил отличие; будучи бригадным генералом, он в битве при Мерфрисборо (Тенесси) был ранен в грудь, но вылезился и умер около десяти лет тому назад в Америке. Из других упомянутых лиц Генрих Бауэр пропал без вести в Австралии, Вейтлинг и Эвербек умерли в Америке.

ныне обер-бургомистр Кельна и член палаты господ; 6) д-р Роланд Даниэльс, врач, умерший через несколько лет после процесса от чахотки, которую он нажил в тюрьме; 7) Карл Отто, химик; 8) д-р Абрагам Якоби, теперь врач в Нью-Йорке; 9) д-р И. Я. Клейн, теперь врач и гласный г. Кельна; 10) Фердинанд Фрейлиграт, который, однако, тогда был уже в Лондоне; 11) И. Л. Эргард, приказчик; 12) Фридрих Лесснер, портной, живет теперь в Лондоне. Суд присяжных, публичные заседания которого продолжались с 4 октября до 12 ноября 1852 г., приговорил за покушение совершить государственную измену Резера, Бюргерса и Нотьюнга к 6 годам заключения в крепости, Рейффа, Отто и Беккера — к 5 годам, Лесснера — к 3 годам; Даниэльс, Клейн, Якоби и Эргард были оправданы.

Кельнским процессом заканчивается первый период немецкого коммунистического рабочего движения. Непосредственно после приговора мы распустили наш Союз; несколько месяцев спустя приказал долго жить и отделившийся союз (Sonderbund) Виллиха — Шаппера.

* * *

Между тем, что было тогда и что происходит теперь, прошла жизнь целого поколения. Тогда Германия была страной ремесла и домашней промышленности, основанной на ручном труде, теперь это страна крупной промышленности, страна, в которой непрерывно продолжается промышленный переворот. Тогда нужно было выискивать отдельных рабочих, которые сознавали свое положение как рабочие и свою историко-экономическую противоположность капиталу, потому что самая эта противоположность только тогда возникала. Теперь приходится весь немецкий пролетариат подчинять исключительным законам для того только, чтобы хоть немного замедлить процесс его развития к полному пониманию своего положения как угнетенного класса. Тогда те немногие, которые дошли до понимания исторической роли пролетариата, должны были работать в подполье, собираться украдкой небольшими группами от 3 до 20 человек. Теперь германскому пролетариату не нужна больше официальная организация, ни открытая, ни тайная; простая, сама собой разумеющаяся связь одинаково мыслящих товарищей по классу достаточна для того, чтобы без всяких уставов, комитетов, постановлений и тому подобных осязаемых форм расшатать всю Германскую империю. Бисмарк — третейский судья в Европе, за пределами Германии; но внутри страны растет с каждым днем все более грозная атлетическая фигура немецкого пролетариата, которую Маркс предвидел

уже в 1844 г., исполин, которому уже слишком мало места в тесном, рассчитанном на филистера государственном здании и мощное сложение и широкие плечи которого крепнут в предвидении момента, когда ему достаточно будет только выпрямиться, чтобы превратить в развалины все здание имперской конституции. Более того. Международное движение европейского и американского пролетариата теперь настолько окрепло, что не только его первая узкая форма — тайный Союз, — но и его вторая, бесконечно более широкая форма — открытое Международное товарищество рабочих — стали сковывать его; достаточно простого чувства солидарности, основанного на одинаковом понимании классового положения, чтобы создать и поддерживать среди рабочих всех стран и языков одну великую партию пролетариата. Учение, представителем которого с 1847 по 1852 г. был Союз и на которое тогда мудрые филистеры смотрели, пожимая плечами, как на бред безумцев, как на тайное учение нескольких одиноких сектантов, это учение имеет теперь бесчисленных приверженцев во всех цивилизованных странах мира, среди узников сибирских рудников и среди золотоискателей Калифорнии; а основатель этого учения, наиболее ненавидимый, наиболее оклеветанный человек своего времени, *Карл Маркс*, был на склоне своих лет тем человеком, к которому постоянно обращались и который всегда был готов помочь, — он давал свои советы пролетариату Старого и Нового света.

Лондон, 8 октября 1885 г.

Напечатано в «*Der Sozialdemokrat*»

№№ 46, 47, 48

от 12, 19 и 26 ноября 1885 г.

Подпись: *Фридрих Энгельс*.

[СОЗДАВШЕЕСЯ ПОЛОЖЕНИЕ.] [LA SITUATION.]

[ИЗ ПИСЬМА К ФРАНЦУЗСКОМУ ТОВАРИЩУ.]

Лондон, 12 октября 1885 г.

«...Я не считаю 4-е октября поражением, если вы только не создавали себе разных иллюзий. Нужно было раздавить оппортунистов, — они были раздавлены. Но чтобы раздавить их, нужен был нажим с двух противоположных сторон — справа и слева. Несомненно, что нажим справа оказался более сильным, чем этого можно было ожидать. Но вследствие этого создается гораздо более революционное положение.

«Буржуа, крупный и мелкий, предпочел скрытым орлеанистам и бонапартистам орлеанистов и бонапартистов явных, предпочел людям, которые хотят обогатиться за счет нации, людей, которые уже обогатились, обворовывая ее, завтрашним консерваторам — консерваторов вчерашних. Вот и все.

«Во Франции монархия невозможна, хотя бы только вследствие многочисленности претендентов. Если бы она была возможна, то это показывало бы, что бисмарковцы имеют основание говорить о вырождении Франции. Но вырождается только буржуазия в Германии и Англии, так же как и во Франции.

«Республика всегда остается правительством, которое менее всего вносит рознь в среду трех монархистских сект и позволяет им объединиться в консервативную партию. Когда возможность монархической реставрации становится актуальной, консервативная партия тотчас же делится на три секты, между тем как республиканцы вынуждены группироваться вокруг единственно возможного правительства; и в данный момент таким правительством, по всей вероятности, является министерство Клемансо.

«Клемансо во всяком случае прогрессивнее Ферри и Вильсона. Очень важно, чтобы он получил власть не как защитник собственности против коммунистов, а как спаситель республики против монархии. В этом случае он был бы в большей или меньшей степени *вынужден* сдерживать свои обещания, в противном случае он вел бы себя так же, как вели себя другие, которые считали себя, подобно

Луи Филиппу, «лучшей республикой»: мы у власти, республика может спать спокойно; достаточно того, что министерства в наших руках, не говорите нам больше об обещанных реформах.

«Я думаю, что люди, которые 4-го голосовали за монархистов, уже испугались своего собственного успеха и что 18-е даст более или менее клемансистские результаты; оппортунисты будут иметь некоторый успех *non d'estime, mais de mépris* [не из уважения, а из презрения к ним]. Обыватель скажет себе: в конце концов, при таком числе роялистов и бонапартистов мне нужно несколько оппортунистов. Впрочем, 18-го положение определится; Франция — страна неожиданностей, и я воздержусь высказывать окончательное мнение.

«Но во всяком случае будут противостоять друг другу радикалы и монархисты. Той опасности, которая будет угрожать республике, будет достаточно, для того чтобы заставить мелкого буржуа податься несколько больше в сторону крайней левой, чего он в другом случае никогда не сделал бы. *Это именно то самое положение, которое нужно нам, коммунистам.* До настоящего момента я не вижу оснований думать, что столь исключительно последовательный ход политического развития Франции уклонился от своего пути: логика все та же, что в 1792—1794 гг., только опасность, которая угрожала тогда со стороны коалиции, теперь угрожает со стороны монархических партий внутри страны. Если ближе присмотреться к ней, то она окажется менее опасной, чем была та...»

Напечатано в «Le Socialiste» № 8

от 17 октября 1885 г.

Подпись: Ф. Энгельс.

РЕДАКЦИОННОМУ КОМИТЕТУ «SOCIALISTE».

Граждане!

В номере вашей газеты от 17-го числа вы опубликовали выдержку из моего частного письма, адресованного одному из вас. Это письмо было написано наспех, так что я даже не успел его перечитать, опасаясь пропустить почту. Позвольте же мне уточнить одно место из этого письма, которое выражает мою мысль недостаточно ясно.

Говоря о Клемансо как о знаменосце французского радикализма, я сказал: «Очень важно, чтобы он получил власть не как защитник собственности против коммунистов, а как спаситель республики против монархии. В этом случае он был бы в большей или меньшей степени вынужден сдерживать свои обещания; в противном случае он вел бы себя (здесь следует вставить: *может быть*) так же, как вели себя другие, которые считали себя, подобно Луи Филиппу, лучшей республикой: мы у власти, республика может спать спокойно; достаточно того, что министерства в наших руках, не говорите нам больше об обещанных реформах».

Прежде всего, я не имею никакого права утверждать, что Клемансо, в случае если бы он пришел к власти обычным путем парламентских правительств, стал бы действовать непременно так, «как другие». Затем, я не принадлежу к числу тех, кто объясняет действия правительств лишь одними побуждениями их доброй или злой воли; самая эта воля определяется причинами, от них не зависящими, — общим положением. Поэтому речь идет здесь не о доброй или злой воле Клемансо. Для нас важно, чтобы в интересах рабочей партии радикалы пришли к власти при таком положении, когда проведение в жизнь их программы оказалось бы для них единственным способом удержаться у власти. Будем же надеяться, что 200 монархистов в палате будет достаточно, чтобы создать такое положение.

Лондон, 21 октября 1885 г.

Напечатано в «Le Socialiste» № 10

от 31 октября 1885 г.

Подпись: Ф. Энгельс.

КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПЕРЕВОДИТЬ МАРКСА.

Первый том «Капитала» — общественная собственность, поскольку дело касается его перевода на иностранные языки. Поэтому, хотя в английских социалистических кругах довольно хорошо известно, что перевод готовится и будет издан за ответственностью литературных душеприказчиков Маркса, никто не имел бы права выражать недовольство, если бы до этого перевода вышел другой, который был бы сделан верно и так же хорошо.

Первые несколько страниц такого перевода, сделанного Джоном Бродгаусом, напечатаны в октябрьском номере «To-Day». Я определенно заявляю, что он очень далек от верной передачи текста, и это потому, что у Бродгауса нет ни одного из качеств, которыми должен обладать переводчик Маркса.

Для того чтобы переводить такую книгу, недостаточно хорошо знать литературный немецкий язык. Маркс свободно пользуется выражениями из повседневной жизни и идиомами провинциальных диалектов; он создает новые слова, свой иллюстрационный материал он заимствует из всех областей науки, а свои ссылки — из литератур целой дюжины языков; чтобы понимать его, нужно действительно в совершенстве владеть немецким языком, разговорным и литературным, и кроме того нужно кое-что знать и из немецкой жизни.

Приведу пример. Когда несколько оксфордских студентов переплывали через Дуврский пролив на четырехвесельной лодке, то в газетных отчетах сообщалось, что один из них «caught a crab»¹. Лондонский корреспондент «Kölnische Zeitung» понял это выражение буквально и добросовестно сообщил в свою газету, что «краб зацепился за весло одного из гребцов». Если человек, много лет живший в Лондоне, встретившись с техническими терминами неизвестного ему искусства, способен совершить такую грубую и смешную ошибку, то чего же нам ждать от человека, который, посредственно зная только книжный немецкий язык, берется переводить одного из наи-

¹ Catch a crab — буквально значит поймать краба, в переносном смысле — неудачно погрузить весло в воду. *Ред.*

более трудно поддающихся переводу немецких писателей, пишущих прозой? И мы действительно увидим, что Бродгаус большой мастер «ловить крабов».

Но в данном случае требуется еще кое-что. Из числа писателей нашего века у Маркса наиболее сильный и сжатый стиль. Чтобы передать его равноценным стилем, следует в совершенстве владеть не только немецким, но и английским языком. Однако Бродгаус, будучи, повидимому, достаточно способным журналистом, владеет английским языком только в том ограниченном объеме, которым пользуются, чтобы удовлетворить условным литературным требованиям. Этим языком он владеет свободно, но это не тот английский язык, на который можно было бы переводить «Капитал». Сильный немецкий язык следует передавать сильным английским языком; нужно использовать лучшие ресурсы языка; вновь созданные немецкие термины требуют создания соответствующих новых английских терминов. Но как только перед Бродгаусом встают такие затруднения, у него недостает не только ресурсов, но и храбрости. Малейшее расширение его ограниченного запаса слов, малейшее новшество, выходящее за пределы условного повседневногo языка английской литературы, его пугает, и скорее, чем рискнуть на такую ересь, он передает трудное немецкое слово более или менее неопределенным термином, который не режет его слуха, но затемняет мысль автора; или, что еще хуже, он переводит его, если оно повторяется, целым рядом различных терминов, забывая, что технический термин должен всегда передаваться одним и тем же равнозначным выражением. Так, в самом заголовке первого параграфа (1-й главы) он переводит *Wertgröße* [величина стоимости] посредством «extent of value» [«уровень стоимости»], игнорируя то, что *Grösse* [величина] есть определенный математический термин, равнозначный *magnitude*, или определенное количество, тогда как *extent* может, кроме того, означать многое другое. Так, даже такое несложное новшество, как «labour-time» для *Arbeitszeit* [рабочее время], ему уже не под силу; он его передает посредством: 1) «time-labour», означающего, если оно вообще что-нибудь означает, труд, оплачиваемый повременнo, или же труд, выполняемый человеком, «отбывающим» *sрок (time)* принудительных работ (*hard labour*), 2) «time of labour» [время труда], 3) «labour-time» [рабочее время] и 4) «period of labour» (*Arbeitsperiode*) [период труда] — посредством термина, под которым Маркс во втором томе понимает нечто совсем другое. Между тем, как хорошо известно, «категория» labour-time [рабочее время] — одна из самых основных во всей книге, и переводить ее четырьмя различными

терминами менее чем на десяти страницах — более чем непростительно.

Маркс начинает с анализа товара. Товар представляется, прежде всего, как полезный предмет; как таковой его можно рассматривать или по качеству, или по количеству. «Каждая такая вещь есть целое в себе, совокупность многих качеств и свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно и многообразные способы употребления вещей, есть *дело исторического развития*. То же самое следует сказать об отыскании и установлении *общественных мер* для количественной стороны полезных вещей. Различия товарных мер отчасти определяются различною природою самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными»¹.

Это передано Бродгаусом в следующем виде: «Открывать эти разнообразные стороны и, следовательно, многообразные формы, в каких вещь может быть полезна, есть *дело времени*. То же, *следовательно*, представляет и отыскание *общественной меры* для количеств полезных вещей. Различие в *массе* товаров отчасти вытекает из различной природы»² и т. д.

По Марксу отыскание различных полезных сторон вещей составляет существенную часть исторического прогресса, по Бродгаусу — только дело времени. По Марксу так же определяется установление общественных мер. По Б[родгаусу] другое «дело времени» представляет «отыскание общественной меры для количеств полезных вещей»; о такого рода мере Маркс, конечно, никогда не беспокоился. И, наконец, Бродгаус ошибочно смешивает *Masse (меры)* с *Masse*

¹ «Jedes solches Ding ist ein Ganzes vieler Eigenschaften und kann daher nach verschiedenen Seiten nützlich sein. Diese verschiedenen Seiten und daher die mannigfachen Gebrauchsweisen der Dinge zu entdecken ist geschichtliche Tat. So die Findung gesellschaftlicher *Masse* für die Quantität der nützlichen Dinge. Die Verschiedenheit der Warenmasse entspringt teils aus der verschiedener Natur der zu messenden Gegenstände, teils aus Konvention».

Английский перевод Энгельса: «Any such thing is a whole in itself, the sum of many qualities or properties, and may therefore be useful in different ways. To discover these different ways and therefore the various uses to which a thing may be put, is the *act of history*. So, too is the finding and fixing of *socially recognised standards of measure* for the quantity of useful things. The diversity of the modes of measuring commodities arises partly from the diversity of the nature of the objects to be measured, partly from convention».

² «To discover these various ways, and consequently the multifarious modes in which an object may be of use, is a *work of time*. So, *consequently*, is the finding of the *social measure* for the quantity of useful things. The diversity in the *bulk* of commodities arises partly from the different nature», etc.

(масса) и наделяет, таким образом, Маркса самым прекрасным из когда-либо пойманных крабов.

Дальше Маркс говорит: «Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма»¹ (специфическая форма присвоения, в которой осуществляется владение и распределение). У Бродгауса: «Потребительные стоимости составляют действительную основу богатства, которая всегда служит их социальной формой»²; это или претенциозная пошлость, или полнейшая бессмыслица.

Второй аспект, в котором представляется товар, есть его меновая стоимость. Тот факт, что все товары могут обмениваться один на другой в известной изменяющейся пропорции, что они обладают меновыми стоимостями, включает в себе и то, что в них содержится нечто общее им всем. Я не останавливаюсь на той неряшливости, с какою Бродгаус передает здесь один из тончайших анализов в книге Маркса, и сразу перехожу к тому месту, где Маркс говорит: «Этим эбцим для всех товаров не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства подлежат здесь рассмотрению вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями». И он продолжает: «Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции»³.

¹ «Gebrauchswerte bilden den stofflichen Inhalt des Reichtums, welches immer seine gesellschaftliche Form sei».

Английский перевод Энгельса: «Use-values form the material out of which wealth is made up, whatever may be the social form of that wealth».

² «Use-values constitute the actual basis of wealth which is always their social form».

³ «Dies gemeinsame kann nicht eine geometrische, physikalische, chemische oder sonstige natürliche Eigenschaft der Ware sein. Ihre körperlichen Eigenschaften kommen überhaupt nur in Betracht, soweit selbe sie nutzbar machen, also zu Gebrauchswerten. Andreseits aber ist es gerade die Abstraktion von ihren Gebrauchswerten, was das Austauschverhältnis der Waren augenscheinlich charakterisiert. Innerhalb desselben gilt ein Gebrauchswert grade so viel wie jeder andre, wenn er nur in gehöriger Proportion vorhanden ist».

Английский перевод Энгельса: «This something common to all commodities cannot be a geometrical, physical, chemical or other natural property. In fact their material properties come into consideration only in so far as they make them useful, that is, in so far as they turn them into use-values. But it is the very

А Бродгаус: «Но, с другой стороны, именно *эти потребительные стоимости, рассматриваемые абстрактно, повидимому*, характеризуют меновую пропорцию товаров. Сама по себе одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько другая, если она имеется в той же самой пропорции»¹.

Таким образом, оставляя в стороне меньшие ошибки, Бродгаус заставляет Маркса сказать как раз обратное тому, что он говорит. У Маркса характерным для менового отношения товаров является тот факт, что совершается полное абстрагирование от их потребительных стоимостей, что товары рассматриваются как совершенно не имеющие потребительных стоимостей. Переводчик Маркса заставляет его сказать, что характерна для меновой пропорции (о которой здесь нет и речи) именно их потребительная стоимость, только взятая «абстрактно»! А затем, несколькими строками дальше, он приводит фразу Маркса: «Как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно; как меновые стоимости, они могут иметь лишь количественные различия, следовательно *не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости*»², ни абстрактной, ни конкретной. Мы в праве спросить: «Понимаешь ли ты то, что ты читаешь?»

Ответить утвердительно на этот вопрос становится невозможным, когда мы видим, что у Бродгауса неизменно повторяется это непонимание. После только что цитированной фразы Маркс продолжает: «Если *оставить в стороне*» (т. е. отвлечься) «потребительные стоимости товаров, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись *от его потребительной стоимости*, мы вместе с тем отвлеклись

act of making abstraction from their use-values which evidently is the characteristic point of the exchange-relation of commodities. Within this relation, one use-value is equivalent to any other, so long as it is provided in sufficient proportion».

¹ «But on the other hand, it is precisely *these use-values in the abstract* which apparently characterise the exchange-ratio of the commodities. In itself, one use-value is worth just as much as another if it exists in the same proportion».

² «Als Gebrauchswerte sind die Waren vor allem verschiedener Qualität, als Tauschwerte können sie nur verschiedener Quantität sein, enthalten also kein Atom Gebrauchswert».

Английский перевод Бродгауса: «As use-values, commodities can only be of different quality, as exchange-values they can only be of different quantity, containing not an atom of use-values».

также *от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью*»¹.

Это передано Бродгаусом по-английски так: «Если мы *отделим* потребительные стоимости *от* действительного вещества товаров, то остается» (где? в потребительных стоимостях или в действительном веществе?) «только одно свойство — свойство продукта труда. Но продукт труда уже преобразился в наших руках. Если мы абстрагируем *от него его потребительную стоимость, то мы абстрагируем также основу и форму, которые составляют его потребительную стоимость*»².

Еще у Маркса: «В меновом *отношении* товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно независимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся *от потребительной стоимости* продуктов труда, то получим их стоимость, как она была *только что* определена»³. Это у Бродгауса передано так: «В меновой *пропорции* товаров их меновая стоимость представляется нам как нечто вполне независимое от их потребительной стоимости. Если мы теперь действительно абстрагируем *потребительную стоимость от продуктов труда*, то мы получаем их стои-

¹ «Sieht man nun vom Gebrauchswert der Warenkörper ab, so bleibt ihnen nur noch eine Eigenschaft, die von Arbeitsprodukten. Jedoch ist uns auch das Arbeitsprodukt bereits in der Hand verwandelt. Abstrahieren wir von seinem Gebrauchswert, so abstrahieren wir auch von den körperlichen Bestandteilen und Formen, die es zum Gebrauchswert machen».

Английский перевод Энгельса: «Now, if we leave out of consideration» (that is, make abstraction from) «the use-values of the commodities, there remains to them but one property: that of being the products of labour. But even this product of labour has already undergone a change in our hands. If we make abstraction from its use-value, we also make abstraction from the bodily components and forms which make it into a use-value».

² «If we separate use-values from the actual material of the commodities, there remains» (where? with the use-values or with the actual material?) «one property only, that of the product of labour. But the product of labour is already transmuted in our hands. If we abstract from it its use-value, we abstract also the stamina and form which constitute its use-value».

³ «Im Austauschverhältnis der Waren selbst erschien uns ihr Tauschwert als etwas von ihren Gebrauchswerten durchaus unabhängiges. Abstrahiert man nun wirklich vom Gebrauchswert der Arbeitsprodukte, so erhält man ihren Wert wie er eben bestimmt ward».

Английский перевод Энгельса: «In the exchange-relation of commodities, their exchange-value presented itself to us as something perfectly independent of their use-values. Now, if we actually make abstraction from the use-value of the products of labour, we arrive at their value, as previously determined by us».

мость, как она *тогда* определяется»¹. Нет никаких сомнений. Бродгаус никогда не слышал ни о каких других актах и способах абстрагирования, кроме физических, вроде абстрагирования денег из кассы или сейфа. Однако отождествлять абстрагирование и вычитание (abstraction and subtraction) совсем не подобает переводчику Маркса.

Другой образец превращения немецкой мысли в английскую бессмыслицу. Один из тончайших анализов у Маркса — это анализ, вскрывающий двойственный характер труда. Труд, рассматриваемый как производитель потребительной стоимости, есть труд особого характера, отличающийся от того же труда, когда он рассматривается как производитель стоимости. Один есть труд определенного рода, прядение, ткачество, пахота и т. д.; другой есть всеобщее свойство человеческой производительной деятельности, общее прядению, ткачеству, пахоте и т. д., охватывающее их все одним общим термином «труд». Один есть конкретный труд, другой — абстрактный труд. Один — технический труд, другой — экономический труд. Короче: так как в английском языке *есть* термины для того и другого — один есть *work* как отличающийся от *labour*; другой есть *labour* как отличающийся от *work*. После этого анализа Маркс продолжает: «Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное, как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, *уже не имеет тех признаков*, которые принадлежат ему как создателю потребительных стоимостей»². Бродгаус упорно старается доказать, что он ни слова не понял в анализе Маркса, и дает следующий перевод вышеприведенного места: «Сначала мы видели, что товар представляет *смесь* (compound) потребительной стоимости и меновой стоимости. Затем мы увидели, что труд, поскольку он выражен в стоимости, *обладает этим свойством лишь постольку, по-*

¹ «In the exchange-ratio of commodities their exchange-value appears to us as something altogether independent of their use-value. If we now in effect abstract the use-value from the labour-products, we have their value as it is then determined».

² «Ursprünglich erschien uns die Ware als ein Zwieschlächtiges, Gebrauchswert und Tauschwert. Später zeigte sich, dass auch die Arbeit, soweit sie in Wert ausgedrückt ist, nicht mehr dieselben Merkmale besitzt, die ihr als Erzeugerin von Gebrauchswerten zukommen».

Английский перевод Энгельса: «Originally a commodity presented itself to us as something duplex: use-value and exchange-value. Further on we saw that labour, too, as far as it is expressed in value, does no longer possess the same characteristics which belong to it in its capacity as a creator of use-value».

сколько он является производителем потребительной стоимости»¹. Когда Маркс говорит: белое, Бродгаус не видит основания, почему бы ему не перевести: черное.

Но довольно об этом. Возьмем более забавный пример. Маркс говорит: «В гражданском обществе господствует *fictio juris* [юридическая фикция], будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения»². Но хотя «гражданское общество» есть чисто английское выражение и «История гражданского общества» Фергюсона существует более ста лет, этот термин не по силам Бродгаусу. Он переводит его: «amongst ordinary people» [у обыкновенных людей] и таким образом превращает эту мысль в бессмыслицу. Ибо как раз «обыкновенные люди» постоянно жалуются на то, что их обманывают лавочники и т. д. вследствие их незнания природы и стоимости товаров, которые им нужно купить.

Производство (Herstellung) потребительной стоимости переведено: «установление (establishing) потребительной стоимости». Когда Маркс говорит: «Если бы удалось с небольшой затратой труда превращать уголь в алмаз, стоимость алмаза могла бы упасть ниже стоимости кирпича»³, Бродгаус, повидимому не зная, что алмаз есть аллотропическая форма углерода, превращает уголь в кокс. Подобным же образом он «всю выработку бразильских алмазных копей»⁴ превращает во «всю прибыль со всей выработки»⁵. «Первобытные (primitive) общины в Индии» у него становятся «почтенными (venerable) общинами». Маркс говорит: «В потребительной стоимости каждого товара содержится» (*steckt*, что лучше было бы перевести: «На производство потребительной стоимости товара была затрачена») «определенная целесообразная производительная дея-

¹ «We saw the commodity first as a *compound* of use-value and exchange-value. Then we saw that labour, so far as it is expressed in value, *only possesses that character so far as it is a generator of use-value*».

² «In der bürgerlichen Gesellschaft herrscht die *fictio juris*, dass jeder Mensch als Warenkäufer eine encyclopädische Warenkenntnis besitzt».

Английский перевод Энгельса: «In civil society, the *fictio juris* prevails that everybody, in his capacity as a buyer of commodities, possesses an encyclopaedical knowledge of all such commodities».

³ «Gelingt es mit wenig Arbeit Kohle in Diamant zu verwandeln, so kann sein Wert unter den von Ziegelsteinen fallen».

Английский перевод Энгельса: «If we succeed in transforming, with little labour, *coal* into diamonds, their value may fall below that of bricks».

⁴ «Gesamtausbeute der brasilischen Diamantgruben».

Английский перевод Энгельса: «Total yield of the Brazilian diamond mines».

⁵ «The entire profits of the whole yield».

тельность или полезный труд»¹. Бродгаус должен сказать: «В потребительной стоимости товара содержится известное количество производительной силы (*productive power*) или полезного труда»², превращая таким образом не только качество в количество, но и затраченную производительную деятельность в производительную силу, которую следует затратить.

Но довольно. Я мог бы привести в десять раз больше примеров, чтобы показать, что Бродгаус ни в каком отношении не является таким человеком, который был бы способен переводить Маркса, особенно потому, что он, повидимому, совершенно не представляет себе, что такое подлинно добросовестная научная работа*.

Напечатано в «*Comptoir*» № 10,
ноябрь 1885 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

¹ «In dem Gebrauchswert jeder Ware steckt eine bestimmte zweckmässig produktive Tätigkeit oder nützliche Arbeit».

Английский перевод Энгельса: «In the use-value of a commodity is contained» (*steckt*, which has better be translated: For the production of the use-value of a commodity there has been spent) «a certain productive activity, adapted to the peculiar purpose, or a certain useful labour».

² «In the use-value of a commodity is contained a certain quantity of productive power or useful labour».

* Из сказанного выше ясно, что «Капитал» не такая книга, перевод которой может быть сделан по договору. Дело перевода этой книги в прекрасных руках, но переводчики не могут посвящать ему всего своего времени. Такова причина задержки. Но хотя нельзя точно указать срок выхода книги, мы можем с уверенностью заявить, что читатель получит английское издание в течение следующего года.

К ИСТОРИИ ПРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА.

[ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ В. ВОЛЬФА «СИЛЕЗСКИЙ МИЛЛИАРД».]

Для пояснения настоящей работы Вольфа я считаю необходимым предпослать ей несколько слов.

Германия к востоку от Эльбы и к северу от Рудных и Исполинских гор была во второй половине средних веков отнята у проникших сюда славян и вновь германизирована немецкими колонистами. Завоеватели, немецкие рыцари и бароны, которые были наделены землей, подвизались в качестве «грюндеров» [учредителей] деревень; они разбивали свои владения на деревенские участки, из которых каждый дробился на равные по величине крестьянские наделы, или гуфы. К каждой гуфе принадлежал усадебный участок с двором и огородом в самой деревне. Эти гуфы распределялись по жребию между переселившимися сюда франкскими (франками прирейнскими и нидерландскими), саксонскими и фризскими колонистами; колонисты были обязаны за это грюндеру, т. е. рыцарю или барону, очень умеренными, твердо установленными оброком и отработками. До тех пор пока крестьяне выполняли эти повинности, они были наследственными владельцами своих гуф. К тому же они имели в лесу грюндера (впоследствии помещика) такое же право пользования пастбищем, право на рубку дров, откорм свиней и т. д., каким пользовались крестьяне Западной Германии в своей общинной марке. Распаханная деревенская земля подлежала принудительному севообороту и в большинстве случаев обрабатывалась по трехпольной системе — под озимое поле, яровое и под пар. Поля под паром или жнивьем служили общим выгоном для скота как грюндера, так и крестьян. Все деревенские дела решались на собрании односельчан (Hofgenossen), т. е. владельцев гуф, большинством голосов. Права дворян-грюндеров ограничивались правом взыскания повинностей и участия в пользовании паром и жнивьем под выгон, правом на избыточный лес и на председательствование в собрании односельчан, которые все были лично свободными людьми. Таково в среднем было положение немецких крестьян от Эльбы до Восточной Пруссии и Силезии. Эти крестьяне были в общем в значительно

более выгодном положении, чем крестьяне Западной и Южной Германии в это время; последние тогда уже вели жестокую, постоянно возобновлявшуюся борьбу с феодалами за свои старые наследственные права и большей частью уже попадали в гораздо более тяжелую зависимость, которая угрожала их личной свободе или даже совсем лишала их свободы.

Возраставшая у феодалов нужда в деньгах в XIV и XV веках приводила, разумеется, и на северо-востоке к противодоговорным попыткам угнетения и эксплуатации крестьян, но далеко не в таких размерах и не с тем успехом, как в Южной Германии. Население к востоку от Эльбы было еще редкое; пустопорожных земель было еще много; распашка этих пустопорожных земель, расширение обработки, стройка новых оброчных деревень оставались здесь самым верным способом обогащения и для феодального вотчинника; к тому же здесь, на границе с Польшей, уже образовались крупные государства: Померания, Бранденбург, курфюршество Саксонское (Силезия принадлежала Австрии), и поэтому здесь лучше сохранялась общественная безопасность, а раздоры и грабежи дворянства встречали более сильный отпор, чем в раздробленных прирейнских областях, во Франконии и Швабии; но больше всех от этих непрерывных войн страдали все те же крестьяне.

Только по соседству с покоренными польскими или литовско-прусскими деревнями стали уже чаще проявляться попытки дворян подчинять колонистов, поселившихся на основании немецкого феодального права, той же крепостной зависимости, в которой находились польские и прусские подданные. Так было в Померании и владениях Прусского ордена, реже — в Силезии.

Это более благоприятное положение послужило причиной того, что крестьяне, населявшие земли к востоку от Эльбы, остались почти не затронутыми могучим крестьянским движением Южной и Западной Германии в последнюю четверть XV и первую четверть XVI века, а когда разразилась революция 1525 г., она нашла лишь слабый отклик в Восточной Пруссии и без большого труда была там подавлена. Крестьяне к востоку от Эльбы предоставили своих восставших братьев их судьбе и получили за это по заслугам. В тех местах, где бушевала великая крестьянская война, крестьяне были просто превращены в крепостных с неограниченными повинностями и барщиной, зависевшими только от произвола вотчинника, а их свободная марка была просто превращена в господскую собственность, пользование которой они сохраняли только в том случае, если на то была милость помещика. Этот идеал феодального землевладения,

к которому немецкое дворянство тщетно стремилось на протяжении всего средневековья и которого оно, наконец, достигло, теперь, при разложении феодального хозяйства, стал постепенно распространяться и на земли, лежавшие к востоку от Эльбы. Не только право пользования господскими лесными угодьями, право, принадлежавшее крестьянам в силу договора, заменено было, если оно уже раньше не было урезано, милостивым соизволением помещика, которое могло быть и отменено; не только обработки и платежи были противозаконно повышены, но введены были еще и новые повинности, как, например, лаудемии (платежи помещику в случае смерти владельца крестьянского двора), которые считались отличительными признаками крепостного состояния; или же обыкновенным традиционным повинностям придавали характер таких повинностей, которые несли только крепостные, а не свободные люди. Таким образом, менее чем в сто лет свободные крестьяне по правую сторону Эльбы были превращены в крепостных сначала фактически, а затем и юридически.

Между тем, феодальное дворянство становилось все более и более буржуазным. Все в большей степени возрастала его задолженность городским денежным капиталистам, а вместе с тем деньги становились для него насущной потребностью. Но из крестьянина, из крепостного никаких денег нельзя было выколачивать; только труд или сельскохозяйственные продукты можно было пока выжимать из него, да и этих последних крестьянские земли, обрабатываемые при крайне тяжелых условиях, производили только ничтожный излишек сверх самых скудных средств существования для владельцев, которые на них работали. Рядом же лежали обширные доходные монастырские земли, которые обрабатывались за счет владельца под умелым руководством, при помощи барщинного труда обязанных или крепостных крестьян. Так вести хозяйство мелкое дворянство до этого времени почти никогда не умело, да и крупное дворянство и князья могли так хозяйничать в своих поместьях лишь в виде исключения. Теперь же, после успокоения страны, с одной стороны, везде можно было вести хозяйство в крупных размерах, а с другой стороны, растущая потребность в деньгах все более вынуждала дворянство переходить к такому хозяйству. Обработка крупных поместий при помощи барщинного труда крепостных крестьян за счет землевладельца постепенно сделалась, таким образом, тем источником дохода, который должен был возместить дворянству убытки от прекращения уже отживших свой век рыцарских грабежей. Но откуда взять нужную земельную площадь? Дворянин, правда, владел более или менее обширной вотчиной, но она была, за немногими исключе-

ниями, отдана в наследственное владение крестьянам-чиншевикам, которые до тех пор, пока они выполняли обусловленные повинности, имели такое же право на свои усадьбы и гуфы, а также и на общинные угодья (Markberechtigungen), как и сам помещик. Нужно было найти выход, а для этого прежде всего требовалось превратить крестьян в крепостных. В самом деле, хотя изгнание крепостных крестьян из их усадеб было не меньшим нарушением закона и актом насилия, чем выселение свободных чиншевиков, все же это гораздо легче было оправдать при помощи вошедшего в употребление римского права. Словом, после того как удалось превратить крестьян в крепостных, они были в необходимом числе согнаны с земли или же вновь поселены в качестве коттеров (Kottsassen) — крепостных поденщиков с хижинкой и огородом на господской земле. Если прежние укрепленные замки дворян уступили место более или менее открытым замкам, то именно поэтому на место дворов некогда свободных крестьян появилось гораздо больше убогих хижин крепостных батраков.

После того как го подское хозяйство — доминиум, как оно называется в Силезии, — было организовано, требовалось только послать крестьянскую рабочую силу для его обработки. И тут сказались другая выгодная сторона крепостного права. Прежние, твердо установленные договором барщинные работы крестьян совершенно не были пригодны для этой цели. В большинстве случаев они исключительно состояли из работ общественного значения — по устройству дорог и мостов и т. п., из строительных работ в господском замке, работ женщин и девушек в замке, в разных промыслах и в личном обслуживании. Но как только крестьянин превращался в крепостного, а этот последний римскими юристами приравнивался к римскому рабу, барин заводил совсем другую песню. При поддержке юристов в судебном ведомстве он требовал теперь от крестьянина работы в неогреченном количестве, в любое время и где ему вздумается. Крестьянин должен был работать на помещика, возить, пахать, сеять, жать по первому требованию, запуская работу на собственном поле и оставляя собственный урожай под дождем. Точно так же и оброк его, зерном или деньгами, взвинчивался до крайних пределов.

Но этим дело не кончалось. Не менее благородному владельцу князю, — а к востоку от Эльбы князья были повсюду, — так же нужны были деньги, много денег. За то, что он позволял дворянину поработать своих крестьян, дворян и позволял ему облагать этих же крестьян государственными податями — сам дворянин был, конечно, свободен от податей! И в довершение всего тот же владелец

ный князь санкционировал фактически уже происходившее превращение прежнего права вотчинника председательствовать на — давно отмененном — свободном поместно-крестьянском суде в сеньеральное правосудие и в земскую полицейскую власть; в силу этого помещик сделался не только начальником полиции, но и единственным судьей над своими крестьянами — даже в собственном деле, так что крестьянин мог жаловаться на помещика только самому же помещику. Таким образом, в лице одного помещика сосредоточена была законодательная, судебная и исполнительная власть, и в своем поместье он был совершенно неограниченным властелином.

Эти ужасные условия, каких не бывало даже в России, — там крестьянин все же имел свою самоуправляющуюся общину, — достигли своего апогея в период между Тридцатилетней войной и спасительным поражением при Иене. Бедствия Тридцатилетней войны позволили дворянству завершить порабощение крестьянства; запустение бесчисленных крестьянских хозяйств дало возможность беспрепятственно присоединить их к доминиуму дворянского поместья; перевод вновь на оседлое положение крестьян, которых опустошительная война насильственно превратила в бродяг, давал ему лишний предлог для их прикрепления к земле в качестве крепостных. Но и это не надолго. Едва стали до некоторой степени зарубцовываться в ближайшие пятьдесят лет страшные раны, нанесенные войною, поля стали вновь обрабатываться и и селение расти, к к у благородных вотчинников снова появился аппетит на крестьянскую землю и крестьянский труд. Господский доминиум не был достаточно велик, чтобы поглотить весь труд, который еще можно было выколотить из крепостных (я имею в виду выколотить в буквальном смысле слова). Система перевода крестьян на положение коттеров (Kottsassen), крепостных поденщиков, блестяще себя оправдала. С начала XVIII века она приобретает все больший размах: она носит теперь название «сгона крестьян» (Bauernlegen). «Сгоняют» столько крестьян, сколько возможно, смотря по обстоятельствам; сначала еще оставляют столько крестьян, сколько необходимо для выполнения барщинных работ с упряжкой, а остальных обращают в коттеров (Kottsassen), безземельных (Dreschgärtner), малоземельных (Häusler), поденщиков (Instleute) и носящих другие подобные названия людей, которые за хижину и небольшое картофельное поле должны из года в год без конца работать в господском поместье, получая нищенскую поденную плату зерном и очень немного деньгами. Там, где барин был достаточно богат, чтобы поставить свой собственный рабочий скот, там «сгоняют» и остальных

крестьян, а их гуфы включают в господское хозяйство. Таким образом, все крупное землевладение немецкого дворянства, особенно же к востоку от Эльбы, составлено *из награбленной крестьянской земли*, и если эту землю у грабителей отнимут без всякого возмещения, то они еще не вполне получат по заслугам. В сущности, они должны будут еще кроме того возместить убытки.

С течением времени владетельные князья стали замечать, что эта система, при всей ее полезности для дворянства, совершенно не соответствует их собственным интересам. Крестьяне платили государственные подати до того, как их согнали с земли; с присоединением же гуф к свободному от податей доминиуму государство ни копейки от них не получало, а от вновь поселенных коттеров поступали разве только жалкие гроши. Согнанные с земли крестьяне частью оказались лишними для помещичьего хозяйства и были просто удалены и таким образом стали свободными, т. е. свободными нищими (*vogelfrei*). Сельское население на равнине стало редеть, а с тех пор как владетельный князь стал пополнять свое дорого стоящее наемное войско более дешевым набором среди крестьян, это ему было далеко не безразлично. И на протяжении всего XVIII века указы, имевшие целью приостановить сгон крестьян с земли, следовали одни за другими, особенно в Пруссии. Но участь этих указов такая же, как и участь девяноста девяти сотых той бесконечной макулатуры, которая исписана была всеми немецкими правительствами со времен капитуляриев Карла Великого; они так и оставались на бумаге; дворянство очень мало обращало на них внимания, и сгон крестьян продолжался.

Даже страшная расправа Великой французской революции с упрямым феодальным дворянством напугала не надолго. Все оставалось по-старому, и то, с чем не справился Фридрих II, тем менее еще мог осуществить его слабый и близорукий племянник Фридрих Вильгельм III. Но возмездие пришло. 14 ноября 1806 г. при Иене и Ауэрштедте все Прусское государство было разбито в один день, и прусский крестьянин имеет все основания праздновать этот день и день 18 марта 1848 г. больше, чем все прусские победы от Мольвица до Седана. После того как прусское правительство было загнано за русскую границу, оно стало понемногу понимать, что свободных, владеющих землей французских крестьянских сыновей нельзя победить при помощи сыновей крепостных помещичьих крестьян, которые ежедневно могут быть изгнаны из поместья и своей усадьбы; теперь, наконец, оно заметило, что и крестьянин, так сказать, тоже человек. Теперь должны были быть приняты меры.

Но как только был заключен мир и двор и правительство вернулись в Берлин, благородные намерения снова растаяли, как снег под лучами мартовского солнца. Этот столь прославленный эдикт от 9 апреля 1807 г. отменял, правда, на бумаге, *название* крепостного права или наследственной зависимости (*Leibeigenschaft und Erbunterthänigkeit*)¹ (и то лишь со дня св. Мартина 1810 г.), но в действительности почти все оставалось по-старому. На этом дело и остановилось. Столь же нерешительный, сколь и ограниченный король до такой степени шел попрежнему на поводу у грабившего крестьян дворянства, что с 1808 по 1810 г. появилось четыре указа, которыми помещику разрешалось в ряде случаев снова сгонять крестьян в полном противоречии с эдиктом 1807 г. Только тогда, когда уже надвигалась война Наполеона с Россией, снова вспомнили, что понадобятся крестьяне, и издали эдикт от 14 сентября 1811 г., который *рекомендовал* крестьянам и помещикам в течение двух лет вступить в полюбовное соглашение о выкупе барщины и повинностей, а также и прямой собственности (*Obereigenthum*), причем вслед за этим королевская комиссия должна была на основании установленных правил в принудительном порядке ввести в действие это соглашение. Согласно основному принципу, крестьянин за уступку одной трети своего земельного участка (или ее денежной стоимости) становился свободным собственником еще оставшейся у него земли. Но даже и этот выкуп, предоставлявший такие огромные выгоды дворянству, оставался музыкой будущего. Дворянство тормозило дело, чтобы получить еще больше, а через два года Наполеон снова появился в стране.

Едва только Наполеон был окончательно изгнан из страны, при неизменных обещаниях испуганного короля дать в будущем конституцию и народное представительство, как все прекрасные посулы были снова забыты. Уже 29 мая 1816 г. — не прошло еще года после победы при Ватерлоо! — была издана декларация к эдикту 1811 г., которая звучала уже совершенно иначе. Выкуп феодальных повинностей был здесь уже не правилом, а исключением: он распространялся только на такие внесенные в поземельные налоговые кадастры (т. е. на более крупные) сельскохозяйственные участки, владельцами которых в Силезии уже были крестьяне в 1749 г., в Восточной

¹ Вид крепостной зависимости крестьян в XVII и XVIII веках, главным образом в Западной и Восточной Пруссии; крестьяне были обязаны работами в поле и на господском дворе, а крестьянские дети отбывали барщину в доме помещика; законом предусматривалось прикрепление к земле и принудительное поселение на освобождавшихся крестьянских наделах. *Ред.*

Пруссии в 1752 г., в Бранденбурге и Померании в 1763 г. *, в Западной Пруссии в 1774 г. Разрешалось также сохранить некоторые виды барщинного труда на время посева и жатвы. А когда, наконец, в 1817 г. серьезно взялись за выкупные комиссии, аграрное законодательство зашагало назад гораздо быстрее, чем аграрные комиссии вперед. 7 июня 1821 г. последовало новое положение о выкупах, в котором вновь подтверждалось, что право на выкуп ограничивается более крупными крестьянскими дворами, так называемыми *Ackerndahrungen*¹ [«потребительскими хозяйствами»], и определенно увековечивались барщина и другие феодальные повинности для владельцев мелких хозяйств — коттеров (*Kottsassen*), малосемельных (*Häusler*), безземельных (*Dreschgärtner*), — словом, всех посаженных на землю поденщиков. Это и стало отныне законом. Только с 1845 г., в виде исключения для Саксонии и Силезии, стал допускаться выкуп и этого рода повинностей без обоюдного соглашения между помещиком и крестьянином, для чего, разумеется, закона не требовалось. Кроме того, денежная сумма, которой можно было раз навсегда откупиться от повинностей, переведенных на деньги или на зерно, была определена в 25-кратном размере ренты; платежи должны были производиться каждый раз суммами не ниже 100 талеров; между тем, уже в 1809 г. на государственных землях крестьянам был разрешен выкуп в 20-кратном размере ренты. Одним словом, прославленное просвещенное аграрное законодательство «просвещенного государства» преследовало только одну цель: спасти из феодализма все, что еще можно было спасти.

Практический результат вполне соответствовал этим жалким мероприятиям. Аграрные комиссии полностью усвоили благожелательные виды правительства и, как это на отдельных примерах ярко показано Вольфом, позаботились о том, что при выкупе крестьянин был надлежащим образом обманут в интересах дворянина. С 1816 по

* Прусское коварство не знает границ. Здесь оно вновь проявляется даже в дате. Почему взят 1763 г.? Только потому, что в следующем году, 12 июня 1764 г., Фридрих II издал строгий эдикт, в котором упорствующим дворянам под страхом наказания предписывалось вновь заселить в течение одного года соответствующими хозяевами крестьянские дворы и участки коттеров, которые массами захватывались начиная с 1740 г., особенно же с начала Семилетней войны. Результаты этого эдикта, если таковые имели место, были, таким образом, вновь уничтожены в 1816 г. в интересах дворянства.

¹ Хозяйство, в котором крестьянская семья может прокормить себя, не прибегая ни к отхожим промыслам, ни к найму посторонней рабочей силы.
Ред.

1848 г. было выкуплено 70 582 крестьянских хозяйства с общей площадью в 5 158 827 моргенов; это составляло $\frac{6}{7}$ всех обязанных барщиной более крупных крестьянских хозяйств. Между тем, из мелких дворов было выкуплено только 289 651 (из них свыше 228 000 в Силезии, Бранденбурге и Саксонии). Число всех выкупленных годовых барщинных дней составляло: конных барщинных дней — 5 978 295; лачных дней — 16 869 824. За это благородное дворянство получило вознаграждение в следующих размерах: деньгами — 18 544 766 талеров; денежной рентой ежегодно — 1 599 992 талера; натуральной рентой — рожью — 260 069 шеффелей ежегодно; наконец, уступленной крестьянами земель — 1 533 050 моргенов*.

Таким образом, помимо всех других видов возмещения прежние вотчинники получили еще целую треть бывших крестьянских земель!

1848 год открыл, наконец, глаза столь же ограниченным, сколько и высокомерным прусским захолустным юнкерам. В особенности в Силезии, где система латифундий и связанное с ней принудительное обращение населения в поденщиков-коттеров получили самое широкое развитие, крестьяне врывались в замки, сжигали уже заключенные по выкупным платежам акты и принуждали помещиков письменно отказываться от всех дальнейших платежей. Эти эксцессы, казавшиеся возмутительными и господствовавшей в то время буржуазии, были, правда, подавлены военной силой и повлекли за собой строгие наказания. Но даже самые безмозглые юнкерские головы поняли тогда, что барщина стала невозможной, что лучше ее совсем не получать, чем получать от этих мятежных крестьян. Теперь дело заключалось лишь в том, чтобы спасти все, что еще можно было спасти; и землевладельческое дворянство действительно имело наглость потребовать возмещения за эти повинности, которые уже стали невозможными. И как только реакция снова почувствовала более или менее твердую почву под ногами, это требование было удовлетворено.

Раньше, однако, появился еще закон 9 октября 1848 г., который приостанавливал все неоконченные еще дела о выкупах и вытекавшие отсюда тяжбы, а также целый ряд других тяжб между помещиками и крестьянами. Этим законом, следовательно, было осуждено все прославленное законодательство начиная с 1807 г. Но после того как было разогнано берлинское так называемое Национальное собрание и удался государственный переворот, феодально-бюрократ-

* См. по поводу этой статистики: Meitzen, Der Boden des Preussischen Staats, [Мейцен, «Почва в прусском государстве»], I, стр. 432 сл.

тическое министерство Бранденбурга — Мантейфеля сочло себя достаточно сильным, чтобы провести серьезное мероприятие в интересах дворянства. Оно выпустило 20 декабря 1848 г. временный указ, который, за немногими исключениями, восстанавливал на старых основаниях крестьянские повинности и т. д. впредь до дальнейшего урегулирования вопроса. Этот указ и послужил нашему Вольфу поводом для того, чтобы осветить положение силезских крестьян на страницах «Neue Rheinische Zeitung».

Между тем, еще прошло больше года, прежде чем был выработан новый окончательный закон о выкупах от 2 марта 1850 г. Нельзя резче осудить и теперь еще превозносимое до небес прусскими патриотами аграрное законодательство 1807—1847 гг., чем это пришлось сделать в мотивировке к этому закону — и притом устами министерства Бранденбурга — Мантейфеля.

Одним словом, некоторые незначительные повинности были просто отменены, выкуп для других был установлен декретом путем их перевода в денежную ренту с капитализацией этой ренты в 18-кратном размере; для проведения операций по платежам были учреждены рентные банки, которые при помощи известных амортизационных операций должны были уплатить помещику ренту в 20-кратном размере, между тем как крестьянин освобождался от всех обязательств, погашая их ежегодными платежами в течение 56 лет.

Министерство в своей мотивировке осуждало все предшествовавшее аграрное законодательство, а комиссия палаты осуждала новый закон. Закон этот не распространялся на левобережные рейнские области, давно очищенные французской революцией от всего этого хлама; комиссия присоединилась к этому ограничению на том основании, что из всех 109 статей законопроекта едва только одна, может быть, была там применима, «между тем как все остальные постановления совершенно не соответствуют этим областям, — более того, легко могут вызвать там замешательство и лишние волнения... ввиду того, что законодательство в левобережных рейнских областях в проведении отмены поземельных повинностей *шло гораздо дальше, чем это хотят сделать в настоящее время*», и нельзя же ожидать от населения Рейнской области, чтобы оно позволило опять поставить себя в идеальное положение новой Пруссии.

Теперь, наконец, серьезно приступили к упразднению феодальных форм труда и эксплуатации. В несколько лет были проведены крестьянские выкупные операции. С 1850 до конца 1865 г. произвели выкупные операции: 1) оставшиеся более крупные крестьяне-собственники; их было только 12 706 с земельной площадью в 352 305

моргенов; 2) мелкие владельцы, включая коттеров; в то время как до 1848 г. из них выкупилось менее 290 000, в течение последних пятнадцати лет внесли за себя выкуп не менее 1 014 341 человека. В соответствии с этим число выкупленных конных рабочих дней, которые приходились на большие хозяйства, равнялось 356 274, а число личных барщинных дней — 6 670 507. Точно так же и возмещение, которое производилось землей и которое также падало только на более крупные крестьянские дворы, равнялось только 113 071 моргену, а годовая рента, которую приходилось уплачивать рожью, — 55 522 шеффелям. В то же время землевладельцы получали 3 890 136 талеров новой ежегодной денежной ренты и, кроме того, при окончательной расплате деньгами еще 19 697 483 талера *.

Сумма, которую все прусское поместное дворянство, включая государственные домены, заставило себе уплатить из кармана крестьян за добровольный возврат части земли, отнятой у них в прежние времена — вплоть до настоящего столетия, — составляет, согласно Мейцену (I, стр. 437), 213 861 035 талеров. Но это слишком мало. В самом деле, морген обработанной земли расценивается здесь «только» в 20 талеров, морген лесных угодий — в 10 талеров, а шеффель ржи — в 1 талер, т. е. гораздо ниже стоимости. Кроме того, сюда включены только совершенно «достоверные сделки», т. е. совсем не приняты во внимание, по меньшей мере, все частным образом состоявшиеся соглашения между сторонами. Мейцен и сам говорит, что приведенные здесь выкупленные повинности, а следовательно и выплаченное за них вознаграждение являются только «минимальными».

Мы можем поэтому принять, что сумма, уплаченная крестьянами дворянству и казне за освобождение от противозаконно возложенных на них повинностей, составляет по крайней мере 300 миллионов талеров, может быть, миллиард марок.

Миллиард марок — только для того, чтобы вернуть себе свободной от повинностей лишь очень небольшую часть отнятой четырехста лет тому назад земли. Очень небольшую часть, так как гораздо большую часть дворянство и казна и без того присвоили себе в виде майоратных и других дворянских поместий и государственных доменов.

Лондон, 24 ноября 1885 г.

Напечатано в 1886 г.

Подпись: Ф. Энгельс.

* Эти цифры составляют разницу итоговых сумм при сопоставлении обеих таблиц Мейцена (I, стр. 432 и 434).

ПРИЛОЖЕНИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ «ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ».

Книга, предлагаемая вниманию говорящих по-английски читателей, на их родном языке, написана более сорока лет тому назад. Автор был тогда молод, ему было 24 года, и на его произведении лежит печать его молодости с ее хорошими и плохими чертами, но ни тех, ни других ему нечего стыдиться. Инициатива перевода этого произведения на английский язык принадлежит отнюдь не автору. Тем не менее, он позволяет себе сказать несколько слов, чтобы «представить объяснения», почему он не воспрепятствовал выходу в свет этого перевода.

Описанное в этой книге положение вещей, поскольку оно касается Англии, в значительной своей части принадлежит уже прошлому. Один из законов современной политической экономии, хотя в общепринятых учебниках об этом и не говорится, состоит в том, что чем больше развито капиталистическое производство, тем менее может оно прибегать к той практике мелкого надувательства и обмана, которая характеризует низшие ступени его развития. Мелкие плутни польского еврея, представителя европейской торговли на самой низкой ступени ее развития, те самые уловки, которые на родине оказывают этому еврею прекрасные услуги и применяются там всеми, совершенно изменяют ему, как только он вступает на почву Гамбурга или Берлина. Совершенно так же какой-нибудь комиссионер, еврей или христианин, попавши из Берлина или Гамбурга на манчестерскую биржу, сейчас же убеждался в том, что для того чтобы дешево купить пряжу или ткань, ему надо прежде всего отказаться от своих, хотя уже не таких грубых, но все-таки очень жалких мошеннических проделок, которые у него на родине считались верхом коммерческой ловкости. И действительно, все эти уловки уже не окупаются на крупном рынке, где время — деньги и где известный уровень коммерческой честности неизбежно развивается просто для того, чтобы не терять понапрасну время и труд. И точно так же обстоит дело с отношениями фабриканта к своим рабочим. Отмена хлебных законов, открытие золотых россыпей

в Калифорнии и Австралии, почти полное вытеснение домашнего ручного ткачества в Индии, усиливающееся наступление на китайский рынок, быстрый рост железных дорог и парохозяйства во всем мире, а также и другие менее важные причины вызвали такое гигантское развитие английской крупной промышленности, по сравнению с которым ее состояние в 1844 г. кажется нам теперь примитивным и незначительным. И по мере того как происходил этот рост, фабричная промышленность приобретала внешний лоск моральности. В конкуренции фабрикантов между собою мелкое обворовывание рабочих оказывалось уже невыгодным. Размах дел перерос уже эти жалкие средства добывания денег; у фабриканта-миллионера были дела поважнее, чем терять свое время на такие пустяки, к которым прибегали в своей конкурентной борьбе только более мелкие люди, готовые подобрать грош, где только возможно. Таким образом исчезла так называемая trucksystem [система оплаты труда товарами], в парламенте прошел билль о десятичасовом рабочем дне и целый ряд более мелких реформ, которые все были в прямом противоречии с духом свободной торговли и безудержной конкуренции, но зато создавали еще большее преимущество магнатам капитала в их конкуренции с капиталистами, находящимися в менее благоприятных условиях. Далее, чем крупнее промышленное предприятие, чем больше в нем занято рабочих, тем больше бывало убытков и коммерческих затруднений при всяком конфликте с рабочими. Вот почему с течением времени среди фабрикантов, и как раз среди наиболее крупных, повеяло новым духом. Они научились избегать ненужных препирательств, научились мириться с существованием и силой тред-юнионов и, в конце концов, открыли даже, что стачки, — если только они происходят во-время, — могучее средство для осуществления их собственных целей. Самые крупные фабриканты, задававшие раньше тон в борьбе с рабочим классом, теперь стали первые твердить о мире и гармонии. И на это у них были весьма веские основания. Все эти уступки справедливости и человеколюбию были на самом деле лишь средством к тому, чтобы ускорить концентрацию капитала в руках немногих, для которых мелкие вымогательства прежних лет потеряли всякое значение и стали даже помехой для дела; это было средство наиболее быстро и решительно уничтожить своих мелких конкурентов, которые без таких побочных доходов не могли сводить концы с концами. Таким образом, поскольку речь идет о главных отраслях промышленности, — о менее важных отраслях этого сказать нельзя, — достаточно было одного уже развития капиталистического производства, чтобы устранить все те мелкие

придирки, которые в прежние годы ухудшали долю рабочего. И, таким образом, все более и более становится очевидным тот великий основной факт, что причину бедственного положения рабочего класса следует искать не в этих мелких недостатках, а в самой капиталистической системе. Рабочий продает капиталисту свою рабочую силу за известную поденную плату. После нескольких часов работы он воспроизводит стоимость этой платы. Но, согласно своему договору с капиталистом, он должен работать еще целый ряд часов, чтобы целиком заполнить рабочий день; стоимость, которую он создает в эти лишние часы прибавочного труда, составляет ту прибавочную стоимость, на которую капиталист не тратит ни гроша, но которая все же идет в его карман. Такова основа той системы, которая все более и более раскалывает цивилизованный мир на две части: с одной стороны, горстка Вандербильтов, собственников всех средств производства и потребления, а с другой — огромное множество наемных рабочих, вся собственность которых заключается в их рабочей силе. А что причина этого явления коренится не в том или другом частном недостатке, а единственно в самой системе, — этот факт теперь ярко освещен развитием капитализма в Англии начиная с 1847 г.

Далее. Все время повторяющиеся эпидемии холеры, тифа, оспы и пр. показали английскому буржуа, что он должен безотлагательно приступить к оздоровлению своих городов, если он не хочет вместе с семьей пасть жертвой этих эпидемий. Вот почему самые вопиющие недостатки, описанные в этой книге, в настоящее время или устранены, или же хоть не так бросаются в глаза. Введена или улучшена канализация; даже в наихудших «трущобах», которые мне приходилось описывать, проложены широкие улицы; исчезла «Little Ireland» [«Малая Ирландия»], теперь очередь за «Seven Dials» [«Семь стрелок»]¹. Но какое это имеет значение? Ведь целые районы, которые я в 1844 г. мог описать как почти идиллические, в настоящее время, с ростом городов, пришли в состояние такого же упадка, запустения, нищеты. Правда, свиней и помойных ям теперь уже не терпят. Буржуазия достигла новых успехов в искусстве скрывать нищету рабочего класса. Но что в отношении рабочих жилищ никакого существенного прогресса не произошло, вполне доказывает отчет королевской комиссии «on the Housing of the Poor» [«о жилищных условиях бедных»] за 1885 г. И то же самое — во всех остальных

¹ Район с семью скрещивающимися улицами; «Малая Ирландия» и «Семь стрелок» — беднейшие районы Лондона. *Ред.*

отношениях. Полицейские приказы сыплются, как из рога изобилия, но они могут только отгородить нищету рабочих, устранить же ее не могут.

Но если Англия выросла теперь из этого описанного мною юношеского возраста капиталистической эксплуатации, то другие страны только что достигли его. Франция, Германия и прежде всего Америка — вот те грозные соперницы, которые, как я это предвидел в 1844 г., все более и более нарушают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода сравнительно с английской, но она растет с гораздо большей быстротой; и в настоящее время — любопытная вещь — достигла почти той же ступени развития, на какой английская промышленность стояла в 1844 г. По отношению к Америке сравнение особенно разительно. Конечно, внешние условия жизни американского рабочего класса весьма отличны от условий английских рабочих, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не вполне тождественные, должны все же быть одного и того же порядка. Вот почему мы находим в Америке ту же борьбу за более короткий, установленный законом рабочий день, в особенности для женщин и детей на фабриках; находим в полном расцвете trucksystem [систему оплаты труда товарами] и систему коттеджей в сельских местностях как средства господства «боссов» [хозяев] над рабочими. Я как раз получил американские газеты с сообщением о крупной стачке 12 000 пенсильванских рудокопов в Коннелльсвилльском округе, и мне кажется, что я читаю свое собственное описание стачки углекопов в Северной Англии в 1844 г. То же самое надувательство рабочих при помощи фальшивых мер и весов; та же trucksystem, та же попытка сломить сопротивление горняков при помощи последнего сокрушительного средства капиталистов — выселения рабочих из их жилищ, из коттеджей, принадлежащих компании.

Два обстоятельства долго мешали неизбежным следствиям капиталистической системы в Америке проявиться во всем своем блеске. Это были — возможность легко и дешево приобретать в собственность землю и прилив иммиграции. Это позволяло в течение многих лет основной массе коренного американского населения по достижении зрелого возраста «отказываться» от наемного труда и становиться фермерами, торговцами или работодателями, между тем как тяжелая работа за плату, положение пожизненного пролетария большею частью выпадало на долю иммигрантов. Однако Америка выросла из этой ранней стадии. Безграничные девственные леса исчезли, а еще более безграничные прерии все чаще и чаще переходят от госу-

дарства и штатов к частным собственникам. Большой предохранительный клапан против образования постоянного класса пролетариев фактически перестал действовать. В настоящее время в Америке существует класс пожизненных и даже наследственных пролетариев. Нация в 60 миллионов, упорно и притом со всеми шансами на успех стремящаяся к тому, чтобы сделаться ведущей промышленной страной мира, — такая нация не может бесконечно ввозить свой собственный класс наемных рабочих, даже если иммигранты вливаются в нее в количестве полумиллиона в год. Тенденция капиталистической системы к окончательному разделению общества на два класса — на небольшое число миллионеров, с одной стороны, и на огромную массу наемных рабочих, с другой, — эта тенденция, несмотря на другие встречные, постоянно противодействующие ей социальные факторы, нигде не проявляется с большей силой, чем в Америке; в результате образовался класс коренных американских наемных рабочих, которые, правда, представляют рабочую аристократию по сравнению с иммигрантами, но которые с каждым днем все более сознают свою солидарность с последними и все острее чувствуют свою нынешнюю обреченность на пожизненный наемный труд, потому что они еще помнят былые дни, когда было сравнительно легко подняться на более высокую социальную ступень. В соответствии с этим движение рабочего класса в Америке началось с подлинно американской силой, и так как по ту сторону Атлантического океана события нарастают, по крайней мере, вдвое скорее, чем в Европе, то нам, может быть, еще доведется увидеть, как Америка займет ведущее положение и в этом отношении.

В этом переводе я не пытался довести изложение книги до настоящего времени, перечислять в отдельности все изменения, происшедшие с 1844 г. Не делал я этого по двум причинам: во-первых, для этого пришлось бы почти удвоить объем книги, а перевести ее оказалось для меня столь неожиданной работой, что я не мог взять на себя такого труда; а во-вторых, первый том «Капитала» Маркса, который должен вскоре появиться в английском переводе, дает подробное описание положения рабочего класса в Англии около 1865 г., т. е. в то время, когда промышленное процветание Англии достигло своего апогея. Так что мне пришлось бы вступить в область, уже исчерпанную знаменитым произведением Маркса.

Вряд ли необходимо отмечать что общая теоретическая точка зрения настоящей книги в философском, политическом и экономическом отношении отнюдь не вполне совпадает с теперешней моей точкой зрения. В 1844 г. еще не существовало современного

интернационального социализма, который с тех пор, благодаря прежде всего и почти исключительно работам Маркса, развился в науку. Моя книга представляет собою только одну из фаз его зародышевого развития. И подобно тому как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития воспроизводит еще жаберные дуги наших предков — рыб, так и в этой книге повсюду можно найти следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой философии. Так, например, в книге делается сильное ударение на том, что коммунизм не есть только партийная доктрина рабочего класса, но теория, конечная цель которой — освобождение всего общества, включая и класс капиталистов, от тесных рамок современных отношений. В абстрактном смысле это утверждение верно, но на практике оно абсолютно бесполезно и даже хуже того. Пока имущие классы не только сами не испытывают никакой потребности в освобождении, но даже противятся всеми силами самоосвобождению рабочего класса, до тех пор социальную революцию должен будет готовить и проводить один рабочий класс. Французские буржуа 1789 г. также объявили освобождение буржуазии освобождением всего человечества; но дворянство и духовенство не пожелали с этим согласиться, и это утверждение, — хотя оно, поскольку имелся в виду феодализм, было абстрактной исторической истиной, — тотчас выродилось в чисто сентиментальную фразу и совершенно испарилось в огне революционной борьбы. И сейчас есть люди, которые со своей беспристрастной «высшей точки зрения» проповедуют рабочим социализм, стоящий выше их классовых интересов и классовой борьбы, социализм, стремящийся примирить в высшей гуманности интересы обоих борющихся классов. Но это или новички, которым нужно еще многому поучиться, или же это злейшие враги рабочего класса, волки в овечьей шкуре.

Цикл больших промышленных кризисов исчисляется в моей книге пятью годами. Такой вывод о продолжительности цикла вытекал, повидимому, из хода событий от 1825 до 1842 г. Но история развития промышленности от 1842 до 1868 г. показала, что в действительности этот период надо считать десятилет им, что промежуточные потрясения были вторичного характера и стали все более и более исчезать. С 1868 г. положение вещей опять изменилось, но об этом ниже.

Я умышленно не вычеркнул из текста многие предсказания, в особенности предсказание близости социальной революции в Англии, на которое я отважился под влиянием своей юношеской

горячности. Удивительно не то, что многие из этих предсказаний не оправдались, а то, что очень многие из них сбылись и что критическое положение английской промышленности, которое, как я предвидел, должна была вызвать германская и в особенности американская конкуренция, — правда, я предвидел слишком короткие сроки, — действительно наступило. В этом пункте я могу и обязан привести книгу в соответствие с современным положением вещей. С этой целью я воспроизвожу здесь одну мою статью, напечатанную в лондонской «Commonweal» от 4 марта 1885 г. под названием «Англия в 1845 и 1885 гг.»¹. Эта статья дает в то же время краткий очерк английского рабочего класса за эти сорок лет.

Лондон, 25 февраля 1886 г.

*Напечатано в качестве «Приложения»
(«Appendix») к американскому изданию
1887 г.*

Подпись: Ф. Энгельс.

¹ См. стр. 194—200 настоящего тома. *Ред.*

[К ГОДОВЩИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.]

ПИСЬМО ЭНГЕЛЬСА ФРАНЦУЗСКИМ ТОВАРИЩАМ.]

«Сегодня вечером рабочие всего мира празднуют одновременно и вместе с вами годовщину самого славного и самого трагического этапа в развитии пролетариата. Впервые с тех пор как рабочий класс имеет свою историю, он в 1871 г. завладел политической властью в большой столице. Но увы! Это промелькнуло, как сон. Зажатая в тиски между наемниками бывшей французской империи, с одной стороны, и пруссаками — с другой, Коммуна была быстро истреблена в беспрецедентной резне, которой мы никогда не забудем. Победившая реакция не знала границ; социализм, казалось, был потоплен в крови, а пролетариат обречен на вечное рабство.

«Пятнадцать лет прошло с момента этого поражения. Все это время, во всех странах, правительства, состоящие на службе у владельцев земли и капитала, ни перед чем не останавливались, чтобы покончить с последними порывами рабочих к восстанию. Чего же они добились?

«Оглянитесь кругом. Революционный рабочий социализм, более жизненный, чем когда бы то ни было, представляет в настоящее время силу, перед которой трепещут правительства стран всего мира — французские радикалы и Бисмарк, биржевые короли Америки и царь всея Руси.

«Но это еще не все.

«Мы достигли того, что все наши противники, что бы они ни делали, вопреки своей воле работают в нашу пользу.

«Они думали убить Интернационал. А в настоящее время международное единство пролетариата, братство революционных рабочих всех стран в тысячу раз сильнее, более распространено, чем оно было до Коммуны. Интернационал не нуждается более в организации в собственном смысле этого слова; он живет и растет благодаря добровольному и искреннему сотрудничеству рабочих Европы и Америки.

«В Германии Бисмарк исчерпал все средства вплоть до самых гнусных, чтобы раздавить рабочее движение. К чему же это привело? До Коммуны он имел против себя четырех социалистических депутатов; в результате его преследований теперь их избрано двадцать пять человек. Немецкие рабочие смеются над великим канцлером, который даже за плату не мог бы вести лучшей революционной пропаганды.

«Во Франции вам навязали систему выборов по спискам, буржуазную по преимуществу, систему, изобретенную специально для того, чтобы обеспечить избрание исключительно адвокатов, журналистов и других политических авантюристов, защитников капитала. А что принесли буржуазии эти выборы богатых? Они создали во французском парламенте революционную социалистическую рабочую партию, которая одним своим появлением на сцене внесла разногласия в ряды всех буржуазных партий.

«Вот каково положение! Все события обращаются в нашу пользу. Меры, наиболее тщательно рассчитанные на то, чтобы препятствовать успехам пролетариата, только ускоряют его победоносное шествие. Сам враг действует, вынужден действовать нам на пользу. И он так много и так хорошо действовал в этом направлении, что сегодня, 18 марта 1886 г., миллионы рабочих, от пролетариев-рудодкопов Калифорнии и Авейрона, до каторжан-рудодкопов Сибири, воскликнут в один голос:

«Да здравствует Коммуна! Да здравствует международное единство мирового пролетариата!»

Напечатано в «Le Socialiste» № 31

от 27 марта 1886 г.

Без подписи¹.

¹ Авторство Энгельса подтверждает рукопись, хранящаяся в архиве ИМЭЛ. *Ред.*

О СТАЧКЕ РАБОЧИХ СТЕКОЛЬНЫХ ЗАВОДОВ В ЛИОНЕ.

Правительство Французской республики решило, повидимому, всячески показывать, что оно совершенно такое же правительство капиталистов, как и любое из его предшественников. Не довольствуясь поддержкой горнопромышленной компании в Деказвилле, оно выступает теперь еще энергичней в Лионе. На тамошних стекольных заводах вспыхнула стачка; несколько штрейкбрехеров продолжали работать, и для большей безопасности их поселили на заводах. Когда домашний скарб одного из них — немецкого анархиста по имени Литнер — перевозили на завод, стачечники шли сзади с гиканьем и свистом. Не успела телега со скарбом скрыться за заводскими воротами, как из окон раздались выстрелы — револьверные пули летели по всем направлениям, ранив около тридцати человек. Толпа, конечно, рассеялась. В дело вмешалась полиция и судебные власти. Но не для того, чтобы арестовать капиталистов и их слуг, стрелявших в народ, о нет! Арестовано много стачечников за посягательство на свободу труда! Этот инцидент, только что имевший место, вызвал огромное возбуждение в Париже. Деказвилль поднял число социалистических голосов в Париже с 30 000 до 100 000 с лишним; но последствия кровавого дела, имевшего место на La Malotier Gray, в Лионе, будут еще внушительней.

*Напечатано в «Соттописал» № 18
от 15 мая 1886 г.
Подпись: Ф. Э.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ.

В марте 1879 г. Дизраэли послал в Босфор четыре броненосца; одного их присутствия было достаточно, чтобы остановить триумфальное шествие русских на Константинополь и порвать Сан-Стефанский договор. Берлинский мир урегулировал на некоторое время положение на Востоке. Бисмарку удалось добиться соглашения между правительствами России и Австрии. Австрия негласно получила господство в Сербии, тогда как Болгария и Румелия были предоставлены преобладающему влиянию России. На основании этого уже можно было предположить, что если Бисмарк впоследствии разрешит русским взять Константинополь, то Австрии он предоставит Салоники и Македонию.

Кроме того, Австрии была отдана Босния, подобно тому как Россия в 1794 г. предоставила пруссакам и австрийцам самую большую часть собственно Польши, чтобы в 1814 г. отнять ее обратно. Босния была постоянным кровопусканием для Австрии, яблоком раздора между Венгрией и Западной Австрией и, кроме того, *доказательством для Турции*, что австрийцы и русские готовят ей судьбу Польши. Отныне Турция не могла питать доверия к Австрии: это была важная победа политики русского правительства.

В Сербии были славянофильские тенденции, — вернее, руссофильские, но со времени своего освобождения она черпает все средства своего буржуазного развития в Австрии. Молодые люди ездят учиться в австрийские университеты; бюрократическая система, кодекс, судопроизводство, школы — все было скопировано с австрийских образцов. Это было естественно. Но в Болгарии Россия должна была помешать такому подражанию, она не хотела таскать каштаны из огня для Австрии. Поэтому из Болгарии была создана русская сатрапия. Управление, офицеры и унтер-офицеры, чиновники, наконец вся система — были русскими. Дарованный Болгарии Баттенберг был двоюродным братом Александра III.

Менее четырех лет господства русского правительства, сперва прямого, а затем косвенного, было достаточно, чтобы уничтожить все симпатии болгар к России, несмотря на восторженное отноше-

ние и большие симпатии, которыми она там раньше пользовалась. В населении все больше росло возмущение против наглости «освободителей», и даже Баттенберг, человек мягкий, без политических взглядов, всемерно готовый служить царю, но требовавший уважения, становился все более непокорным.

Между тем, события в России развивались; суровыми мерами правительству удалось на некоторое время рассеять и дезорганизовать нигилистов. Однако этого было недостаточно: нужна была поддержка общественного мнения, необходимо было отвлечь внимание от все растущих социальных и политических неурядиц внутри страны; наконец, ему нужен был какой-нибудь патриотический призрак. При Наполеоне III для отвлечения революционных страстей служил левый берег Рейна. Точно так же русское правительство предложило недовольному и волнуемому народу завоевание Константинополя, «освобождение» угнетаемых турками славян и объединение их в одну великую федерацию под главенством России. Но недостаточно было придумать этот призрак, необходимо было что-нибудь сделать, чтобы воплотить его в нечто реальное.

Обстоятельства благоприятствовали. Присоединение Эльзаса и Лотарингии посеяло семена раздора между Францией и Германией, которые, казалось, должны были нейтрализовать эти две державы. Австрия одна не могла вести борьбы против России, так как самый острый меч для нападения — призыв к полякам — был бы удержан в ножнах Пруссией. А захват Боснии, этот грабеж, создавал Эльзас между Австрией и Турцией. Италия была на той стороне, где больше предлагали, т. е. на стороне России, которая предлагала ей Триент и Истрию вместе с Далмацией и Триполи. А Англия? Миротворивший руссофил Гладстон внял искушающим словам России: *он занял Египет* среди всеобщего мира; это привело к вечным раздорам между Англией и Францией; это исключало *возможность союза между турками и англичанами, которые ограбили Турцию*, захватив турецкое владение — Египет. Кроме того, русские военные приготовления в Азии достаточно подвинулись вперед, чтобы в случае войны причинить много хлопот англичанам в Индии. Никогда на долю русских не выпадало столько шансов; их дипломатия торжествовала по всей линии.

Возмущение болгар против русского деспотизма давало повод начать военные действия. Летом 1885 г. Болгарию и Румелию стали прельщать возможностью их объединения, обещанного Сан-Стефанским миром и отмененного Берлинским трактатом. Им говорили, что если они вновь бросятся в объятия России-освободитель-

ницы, то русское правительство исполнит свою миссию и совершит это объединение; но для этого болгары должны были сначала прогнать Баттенберга. Последний был во-время предупрежден. Против своего обыкновения, он действовал быстро и энергично. Он осуществил, но в свою пользу, то объединение, которое Россия хотела провести против него. С этого момента началась непримиримая борьба между Баттенбергом и царем.

Вначале борьба велась тайно и окольными путями. Для мелких балканских государств появилась в новом издании прекрасная доктрина Луи Бонапарта, согласно которой, если народ, до тех пор разьединенный, например Италия или Германия, объединяется и образует нацию, то другие государства, скажем Франция, имеют право на территориальные компенсации. Сербия пошла на эту приманку и объявила войну Болгарии. Успех России состоял в том, что эта война, вызванная в ее интересах, велась на глазах у всего мира под покровительством Австрии, которая не решалась помешать войне из опасения, что русская партия захватит власть в Сербии. Россия же, со своей стороны, дезорганизовала болгарскую армию, отозвав из нее всех русских офицеров, т. е. весь главный штаб и всех высших офицеров, вплоть до батальонных командиров.

Но против всякого ожидания болгары, на целую треть численно уступавшие сербской армии, без русских офицеров, наголову разбили сербов и завоевали уважение изумленной и восхищенной Европы. Этими победами они обязаны двум причинам. Во-первых, Александр Баттенберг хотя и слабый политик, но хороший солдат; стратегию и тактику войны он усвоил в прусской школе, между тем как сербы следовали своим австрийским образцам. Это в сущности было вторым изданием богемской кампании 1866 г. К тому же сербы прожили шестьдесят лет под бюрократическим австрийским режимом, который не дал им ни сильной буржуазии, ни независимого крестьянства (земли крестьян все уже заложены), но разорил и дезорганизовал остатки родового коллективизма, составлявшего их силу в борьбе против турок. У болгар, наоборот, турки оставили в неприкосновенности эти первобытные формы, чем и объясняется их чрезвычайная храбрость.

Итак, новое поражение России; приходилось опять начинать все сначала. Славянофильский повинизм, подогретый в противовес революционному элементу, нарастал со дня на день и становился уже опасным для правительства. Царь отправляется в Крым, и русские газеты сообщают, что он свершит великое дело; он старается

привлечь на свою сторону султана, показывая ему, как прежние его союзники (Австрия и Англия) изменяют и грабят его, а Франция находится в полной зависимости от России и тащится на буксире у нее. Но султан притворяется тугим на ухо, и огромные вооружения в западной и южной России в данный момент остаются в бездействии.

Царь возвращается из Крыма (в июне). Но за это время шовинистическая волна поднимается выше, и правительство, не будучи в состоянии подавить это захватывающее движение, само все более ему подчиняется; дело дошло до того, что пришлось разрешить московскому городскому голове в его *обращении к царю* во всеуслышание говорить о завоевании Константинополя. Пресса под влиянием и *покровительством* генералов открыто говорит, что ждет от царя энергичных действий против Австрии и Германии, которые связывают его шаги, и у правительства недостает мужества заставить прессу молчать. Славянофильский шовинизм сильнее царя: он вынужден уступить из страха перед революцией, которая объединила бы славянофилов с конституционалистами, нигилистами и, наконец, со всеми недовольными.

Финансовый тупик осложняет ситуацию. Никто не хочет давать займы правительству, которое с 1870 по 1875 г. заняло 1 миллиард 750 тысяч франков в Лондоне и угрожает европейскому миру. Два или три года тому назад Бисмарк помог этому правительству получить в Германии заем в 375 миллионов франков, но этот заем давно уже съеден, а без подписи Бисмарка немцы не дадут ни копейки. Однако подпись Бисмарка может быть получена только ценою унижительных условий. Экспедиция заготовления государственных бумаг выпустила слишком много ассигнаций, серебряный рубль стоит 4 франка, а бумажный — 2 франка 20 сантимов. Вооружения стоят безумных денег.

Однако приходится действовать. Или успешный захват Константинополя, или революция. Гирс посетил Бисмарка и ознакомил его с положением, которое тот очень хорошо понял. В интересах Австрии Бисмарк хотел бы умерить аппетиты царского правительства, ненасытность которого его беспокоит. *Но революция в России означает падение бисмарковского режима.* Без России, этой огромной резервной армии реакции, господство прусского юнкерства не просуществовало бы ни одного дня. Революция в России немедленно изменила бы положение в Германии; одним ударом была бы уничтожена слепая вера во всемогущество Бисмарка, которая обеспечивает ему поддержку господствующих

классов; русская революция подготовила бы революцию в Германии.

Зная, что существование царизма служит основой для всей его системы, Бисмарк немедленно отправился в Вену, чтобы сообщить своим друзьям, что перед лицом такой опасности не время останавливаться на вопросах самолюбия; что необходимо предоставить царю хоть некоторую видимость триумфа и что в своих же правильно понятых интересах Австрия и Германия должны преклонить колена перед Россией. Впрочем, если австрийцы настаивают на вмешательстве в болгарские дела, то он умывает руки; они увидят тогда, что из этого выйдет. Кальноки уступил, Александр Баттенберг принесен в жертву, и Бисмарк лично спешит известить об этой новости Гирса.

К несчастью, болгары проявили энергию и политические способности, неожиданные и недопустимые для славянской нации, которая была «освобождена святой Русью». Баттенберг был ночью арестован, но болгары арестовали заговорщиков, назначили способное, энергичное и неподкупное правительство — качества, уже совершенно недопустимые для только что освобожденного народа. Они вновь призывают Баттенберга; последний, однако, обнаруживает всю свою слабость и бежит. Но болгары неисправимы. С Баттенбергом или без него, они оказывают сопротивление властным приказам царя и делают героя Каульбарса посмешищем перед всей Европой.

Можно себе представить ярость царя. Склонить на свою сторону Бисмарка, сломить сопротивление Австрии и после этого — остановиться из-за этого маленького народа, который существует только со вчерашнего дня, обязан ему или его отцу своей «независимостью» и не хочет понять, что эта независимость означает только слепое подчинение приказам «освободителя». Греки и сербы были неблагодарны, но болгары перешли всякие границы. Всерьез принимать свою независимость! Преступники!

Чтобы спастись от революции, бедный царь должен сделать новый шаг. Но каждый такой шаг становится все опаснее, потому что связан с риском вызвать европейскую войну, чего русская дипломатия всегда старалась избежать. Не подлежит сомнению, что если произойдет прямая интервенция русского правительства в Болгарии и приведет к дальнейшим осложнениям, то наступит момент, когда непримиримость русских и австрийских интересов обнаружится открыто. Тогда невозможно будет локализовать войну, она станет всеобщей. Зная благородство мошенников, управляю-

щих Европой, трудно предвидеть, из кого составится тот и другой лагерь. Бисмарк способен стать на сторону России против Австрии, если не в состоянии будет иным путем задержать революцию в России. Но более вероятно, что, если вспыхнет война между Россией и Австрией, Германия придет на помощь Австрии, чтобы предотвратить ее полное крушение.

В ожидании весны, так как раньше апреля русские не в состоянии будут начать большую зимнюю кампанию на Дунае, царь старается завлечь в свои сети турок; измена Австрии и Англии в отношении Турции облегчает ему эту задачу. Цель его — занять Дарданеллы и превратить таким образом Черное море в русское озеро, сделать из него неприступное убежище для организации сильного флота, который мог бы, выходя оттуда, господствовать на Средиземном море, названном Наполеоном «французским озером». Но эта цель еще не была достигнута, а его сторонники в Софии выдали его тайну.

Таково положение. Чтобы избежать революции в России, царю нужен Константинополь. Бисмарк колеблется — он хотел бы найти средство избежать и того и другого.

А Франция?

Французские патриоты, уже шестнадцать лет мечтающие о реванше, думают, что нет ничего более естественного, как воспользоваться случаем, который может представиться. Но в глазах нашей партии вопрос далеко не кажется таким простым; не более прост он и для господ шовинистов. Война ради реванша, в союзе и под эгидой России, может привести к революции или контрреволюции во Франции. В случае революции, которая привела бы к власти социалистов, союз с Россией потерпел бы крах. Прежде всего *русские немедленно заключили бы мир с Бисмарком, чтобы вместе с немцами броситься на революционную Францию*. Затем, Франция не допустила бы к власти социалистов, для того чтобы войной воспрепятствовать революции в России. Такой случай, однако, почти невероятен; скорее возможна *монархическая контрреволюция*. Царь желает реставрации Орлеанов, своих близких друзей, единственного правительства, которое обещает ему прочный союз на выгодных условиях. Когда начнется война, будут использованы монархистские офицеры для подготовки этой реставрации. При малейших частичных поражениях, а таковые будут, станут кричать, что это вина республики, что в интересах победы и безоговорочной поддержки России необходимо прочное, монархическое правительство — одним словом, Филипп VII. Генералы-монархисты будут

действовать вяло, чтобы иметь возможность свои неудачи приписать республиканскому правительству; и вот монархия восстановлена. Когда Филипп VII будет на престоле, короли и императоры тотчас же столкнутся между собой и, вместо того чтобы пожирать друг друга, разделят между собой Европу и поглотят мелкие государства. После того как будет ликвидирована Французская республика, созовут новый Венский конгресс, где, может быть, республиканские и социалистические грехи Франции послужат предлогом лишить ее Эльзаса и Лотарингии, целиком или частично. И монархи посмеются над республиканцами, которые были так наивны, что поверили в возможность искреннего союза между царизмом и республикой.

Правда ли, наконец, будто генерал Буланже говорит всякому, кто желает его слушать, что *«нужна война, чтобы помешать социальной революции»*? Если это правда, то пусть это послужит предостережением для социалистической партии. Этот добрый малый Буланже — большой хвостун, что может быть прощительно военному, но плохо рекомендует его как политика. Конечно, не он спасет республику. Поставленный между социалистами и орлеанистами, он, вероятно, договорится с последними, если они обеспечат ему союз с Россией. Во всяком случае, *буржуазные республиканцы во Франции находятся в таком же положении, как и царь; перед ними встает призрак социальной революции, и они знают только одно средство для спасения — войну.*

Во Франции, в России и в Германии события так выгодно складываются в нашу пользу, что в данный момент мы можем желать только сохранения *status quo* [существующего положения]. Революция в России создала бы самые благоприятные условия. Всеобщая же война, наоборот, отбросила бы нас в область непредвиденного. Революция в России и во Франции была бы отодвинута; наша партия в Германии подверглась бы участи Парижской коммуны 1871 г. Без сомнения, в конце концов события повернулись бы в нашу пользу; но сколько бы пришлось потерять времени, принести жертв и преодолеть новых препятствий!

Велика сила, вовлекающая Европу в войну. Прусская военная система, принятая везде, требует от двенадцати до шестнадцати лет для ее полного освоения. По прошествии этого времени резервные кадры будут заполнены людьми, умеющими владеть оружием. Эти двенадцать—шестнадцать лет везде уже прошли; везде имеется от двенадцати до шестнадцати призывных возрастов, прошедших через армию. Везде, таким образом, готовы к войне, и у немцев нет

в этом отношении особых преимуществ. Это значит, что угрожающая нам война бросит 10 миллионов солдат на поле сражения. Затем, старик Вильгельм, вероятно, умрет. Положение Бисмарка более или менее поколеблется, и он, возможно, будет подстрекать к войне, чтобы таким путем удержаться самому. А биржа повсюду действительно уверена, что война вспыхнет, как только старик закроет глаза.

Война, если она начнется, будет вестись только с целью помешать революции; в России — чтобы предупредить общее выступление всех недовольных: славянофилов, конституционалистов, нигилистов, крестьян; в Германии — чтобы поддержать Бисмарка, во Франции — чтобы подавить победоносное движение социалистов и восстановить монархию.

Для французских и немецких социалистов не существует эльзасского вопроса. Немецкие социалисты слишком хорошо знают, что аннексия 1871 г., против которых они всегда протестовали, служили точкой опоры для реакционной политики Бисмарка, как внутренней, так и внешней. Социалисты обеих стран одинаково заинтересованы в сохранении мира, так как именно им придется оплачивать все издержки войны.

Напечатано в «Le Socialiste» № 63
от 6 ноября 1886 г.

Подпись: Ф. Энгельс.

ИОГАНН ФИЛИПП БЕККЕР.

Снова смерть пробила брешь в рядах передовых борцов за пролетарскую революцию. 7 декабря в Женеве умер Иоганн Филипп Беккер.

Он родился в 1809 г., во Франкентале, в баварском Пфальце, и в 20-х годах, едва выйдя из детского возраста, уже принял участие в политическом движении своей родины. Когда после Июльской революции, в начале 30-х годов, это движение приняло республиканский характер, Беккер был одним из его самых деятельных и решительных участников. Его много раз арестовывали, предавали суду присяжных и оправдывали, но, в конце концов, он вынужден был бежать от победившей реакции. Он отправился в Швейцарию, поселился в Биле и приобрел право швейцарского гражданства. И здесь он не оставался бездеятельным; с одной стороны, его интересовали дела немецких рабочих союзов и революционные попытки немецких, итальянских и вообще европейских эмигрантов, с другой — борьба швейцарской демократии за власть в отдельных кантонах. Известно, что эта борьба, особенно в начале 40-х годов, вылилась в ряд вооруженных нападений на аристократические и клерикальные кантоны. В большинстве этих «путчей» Беккер был в большей или меньшей степени замешан и поэтому был, в конце концов, приговорен к десятилетнему изгнанию из своей новой родины, из кантона Берн. Эти маленькие кампании завершились, наконец, в 1847 г. войной Зондербунда¹; Беккер, состоявший офицером швейцарской армии, занял свой пост и в походе на Люцерн вел авангард дивизии, к которой был прикомандирован.

Разразилась Февральская революция 1848 г., за ней последовали попытки ввести республику в Бадене при помощи добровольческих отрядов. Во время похода Геккера Беккер организовал эмигрантский легион, но успел подойти к границе только после

¹ Зондербунд — союз семи клерикальных швейцарских кантонов (основ. в 1843 г.), поднявший борьбу против либеральной политики Швейцарского союза; борьба закончилась в 1847 г. гражданской войной и поражением Зондербунда. *Ред.*

того, как Геккер был уже снова отброшен. Этот легион, впоследствии в большей своей части интернированный во Франции, составил в 1849 г. ядро нескольких лучших частей пфальцской и баденской армий.

Когда весной 1849 г. в Риме была провозглашена республика, Беккер хотел организовать из этого легиона вспомогательный корпус для Рима. Он отправился в Марсель, сформировал кадры и приступил к набору солдат. Но, как известно, французское правительство собиралось задуть Римскую республику и восстановить папу. Разумеется, оно воспрепятствовало переброске войск на помощь его римским противникам. Беккеру, который уж нанял корабль, было категорически заявлено, что корабль будет пущен ко дну при малейшей попытке покинуть гавань.

Но тут разразилась революция в Германии. Беккер тотчас же поспешил в Карлсруэ, легион последовал за ним и принял впоследствии участие в бою под командой Бенинга, между тем как другая часть старого легиона 1848 г., сформированная Виллихом в Безансоне, послужила ядром для волонтерского корпуса Виллиха. Беккер был назначен начальником всего баденского народного ополчения, следовательно всех войск, за исключением линейных, и тотчас же приступил к организации. С первого же момента он натолкнулся на сопротивление правительства и его главы Brentano, находившегося в подчинении у реакционной буржуазии. Приказы Беккера встречали противоположные приказы, его требования оружия и предметов военного снабжения оставались без внимания или получали прямой отказ. Попытка запугать правительство революционной вооруженной силой, предпринятая 6 июня, попытка, в которой Беккер принимал деятельное участие, не дала решительных результатов, однако Беккер и его войска были спешно высланы из Карлсруэ на Неккар против неприятеля.

Здесь уже начиналось сражение и приближалась развязка. Беккер со своими добровольческими отрядами и народным ополчением занял Оденвальд. Не располагая ни артиллерией, ни конницей, он вынужден был разбросать свои незначительные силы для занятия обширной, неудобной местности, и у него не оставалось достаточно сил для перехода в наступление. Тем не менее, он 15 июня блестящей операцией освободил ганауских гимнастов, окруженных имперскими войсками генерала Пойкера в Гиршгорнском замке.

Когда Мерославский принял командование над революционной армией, Беккер получил командование 5-й дивизией (исключительно народное ополчение и только пехота) с поручением оказать

сопротивление корпусу Пойкера, который превосходил его по меньшей мере в шесть раз. Но вскоре затем последовали — переход первого прусского корпуса через Рейн у Гермерстейма, движение Меро-славского навстречу этому корпусу, Ваггейзельское поражение 21 июня. Беккер занимал Гейдельберг, с севера наступал второй прусский корпус из Гребена, с северо-востока — корпус Пойкера, каждый в составе более 20 000 человек; на юго-западе стояли пруссаки Гиршфельда, также в числе более 20 000 человек. И вот беглецы из Ваггейзеля, т. е. вся огромная масса баденской армии, линейных войск и народного ополчения, хлынули на Гейдельберг, чтобы через горы длинным путем пройти в Карлсруэ и Раштатт в обход закрытого для них пути по равнине.

Это отступление должен был прикрывать Беккер со своими только что набранными, необученными людьми и, как всегда, без конницы и артиллерии. Он дал беглецам достаточно времени, чтобы уйти, и 22-го в 8 часов вечера выступил из Гейдельберга в Неккаргемюнд, сделал там привал на несколько часов, 23-го прибыл в Зинсгейм, где он в непосредственной близости неприятеля снова сделал привал на несколько часов в боевом порядке и в тот же вечер пришел в Эппинген, а 24-го — через Бреттен в Дурлах, в 8 часов вечера, где опять был втянут в беспорядочное отступление теперь уже соединенной пфальцско-баденской армии. Здесь Беккер получил еще приказ принять командование над остатками пфальцских войск и должен был теперь уже не только прикрывать отступление Меро-славского, но и удерживать до тех пор Дурлах, пока не будет эвакуирован Карлсруэ. Как всегда, его оставили и теперь без артиллерии, так как прикомандированная к нему артиллерия уже ушла.

Беккер укрепил Дурлах окопами, насколько это возможно было в спешном порядке, и уже на следующее утро (25 июня) был атакован с трех сторон двумя прусскими дивизиями и имперскими войсками Пойкера. Он не только отбил все атаки, но и неоднократно переходил в наступление сам, хотя на орудийный огонь неприятеля мог отвечать только ружейным огнем; после четырехчасового боя он отступил в полном порядке, не встречая препятствий со стороны высланных обходных колонн, отступил только тогда, когда получил известие, что Карлсруэ очищен и его поручение выполнено.

Это, несомненно, самый блестящий эпизод во всей баденско-пфальцской кампании. С людьми, большинство которых было набрано всего за 2—3 недели до того, — причем эти совершенно неопытные рекруты, едва обученные импровизированными офицерами и унтер-офицерами, не имели почти никакого представления о дис-

циплине, — Беккер в 48 часов сделал переход более чем в 80 километров, или 11 немецких миль, отступая в качестве арьергарда разбитых и наполовину уничтоженных армий. Этот переход начался сразу ночным переходом и привел их прямо через линию неприятеля в Дурлах в таком боевом порядке, что они на следующее утро могли дать пруссакам одно из немногих сражений этой кампании, в котором цель боя была полностью достигнута революционной армией. Такое достижение сделало бы честь и старым войскам, а для таких молодых солдат это было в высшей степени редкое и славное дело.

Прибыв к Мургу, Беккер занял со своей дивизией позицию к востоку от Раптатта и с честью принял участие в боях 29 и 30 июня. Результат известен: в шесть раз более многочисленный неприятель обошел позицию через территорию Вюртемберга, атаковал и сбил их правый фланг. Теперь участь кампании была решена и формально; кампания закончилась вынужденным переходом революционной армии на швейцарскую территорию.

До сих пор Беккер преимущественно выступал как обыкновенный демократ-республиканец; с этого момента он делает значительный шаг вперед. Более близкое знакомство с немецкими «чистыми республиканцами», особенно с южно-германскими, и опыт, приобретенный в революцию 1849 г., доказали ему, что в будущем за дело надо взяться иначе. Сильные симпатии к пролетариату, которые Беккер питал с юности, приняли теперь более конкретную форму; ему стало ясно, что если буржуазия повсюду составляла ядро реакционных партий, то ядро подлинно революционной силы может составить только пролетариат. Коммунист по чувству стал сознательным коммунистом.

Еще один раз попытался он организовать добровольческий отряд; это было в 1860 г., после победоносного похода Гарибальди в Сицилию. Беккер отправился из Женевы в Геную, чтобы в согласии с Гарибальди приступить к подготовительной работе. Но быстрые успехи Гарибальди и вмешательство итальянской армии, которая должна была использовать плоды победы для монархии, положили конец кампании. Между тем, в ближайшем же году все ожидали новой войны с Австрией. Известно, что Россия хотела использовать Луи Наполеона и Италию, чтобы отомстить Австрии, но это ей не удалось в 1859 г. Итальянское правительство послало в Геную к Беккеру одного из высших офицеров генерального штаба и предложило ему чин полковника в итальянской армии, блестящее содержание и суточные, а также командование легионом в предстоявшей войне. Он должен был сам сформировать легион, если бы только

согласился вести в Германии пропаганду в пользу Италии против Австрии. Но пролетарий Беккер наотрез отказался; с княжеской службой он ничего общего иметь не хотел.

Это была его последняя попытка организовать добровольческий отряд. Вскоре было основано Международное товарищество рабочих, и одним из его основателей был Беккер. Он присутствовал на знаменитом митинге в Сен-Мартинс Холле, с которого Интернационал ведет свое начало. Он организовал немецких и местных рабочих романской Швейцарии, основал орган этой группы «Vorboten», присутствовал на всех конгрессах Интернационала и боролся в первых рядах против бакунистских анархистов из «Alliance de la Démocratie socialiste» и Швейцарской Юры.

После распада Интернационала Беккер имел меньше поводов выступать публично. Но он всегда, тем не менее, оставался в центре рабочего движения и, пользуясь своей обширной перепиской и многочисленными посетителями, навещавшими его в Женеве, постоянно оказывал свое влияние на ход этого движения. В 1882 г. у него провел один день Маркс, и еще в сентябре этого года 77-летний Беккер предпринял путешествие, через Пфальц и Бельгию, в Лондон и Париж, во время которого я имел счастье в течение двух недель принимать его у себя и беседовать с ним о старых и новых временах. Но не прошло и двух месяцев, как телеграф принес известие о его смерти!

Беккер был редким человеком. Его можно вполне охарактеризовать одним единственным словом: здоровяк. Он был здоров телом и духом до конца своей жизни. Обладая могучим сложенем, огромной физической силой и к тому же красивой внешностью, он, благодаря счастливым задаткам и здоровой деятельности, так же гармонически, как и свое тело, развил и свой не прошедший учебы, но отнюдь не необразованный ум. Он был одним из тех немногих людей, которым достаточно следовать своим природным инстинктам, чтобы легко идти в ногу со всем развитием революционного движения и на 78-м году жизни так же бодро стоять в первых рядах, как в 18-летнем возрасте. Мальчик, который уже в 1814 г. играл с проходившими казаками, а в 1820 г. видел казнь Занда, убийцы Коцебу, шел по пути развития от неустановившегося оппозиционера 20-х годов все дальше и еще в 1886 г. целиком стоял на высоте движения. К тому же он не был мрачным идейным невеждой, подобно большинству «серьезных» республиканцев 1848 г., — он был настоящим жизнерадостным сыном веселого Пфальца, не хуже всякого другого любившим вино, женщин и песни. Выросший на родине песни о Нибелунгах, около Вормса, он даже в старости походил на обравы на-

шего древнего героического эпоса, с веселой насмешкой обращаясь к врагу между одним ударом меча и другим и сочиняя народные песни, когда некого было рубить: так, по всей вероятности, выглядел скрипач Фолькер.

Но безусловно самым значительным было его военное дарование. В Бадене он сделал неизмеримо больше, чем кто-либо другой. Остальные офицеры, воспитанные в школе постоянной армии, увидели здесь перед собой совершенно чуждый, почти не поддающийся управлению солдатский материал, между тем как Беккер изучил все свое организационное искусство, тактику и стратегию в примитивной школе швейцарской милиции, и народная армия не представляла для него ничего чуждого, ее неизбежные недостатки — ничего непривычного. Там, где другие падали духом или раздражались, Беккер оставался спокойным и находил один выход за другим; он знал, как обращаться со своими людьми, умел оживить их шуткой и в конце концов прибирал к рукам. Любой прусский генерал 1870 г. мог бы позавидовать его переходу из Гейдельберга в Дурлах с дивизией, состоявшей почти целиком из необученных рекрутов, которые, тем не менее, сохранили способность тотчас же вступить в бой и успешно провести его. И в этот бой он сумел ввести порученных ему пфальцских солдат, с которыми никто ничего не мог поделать, и даже перейти с ними в наступление в открытом поле. В лице Беккера мы потеряли единственного немецкого революционного генерала, которого имели.

Это был человек, с честью принимавший участие в освободительной борьбе трех поколений.

Рабочие будут свято хранить память о нем как об одном из своих лучших представителей.

Лондон, 9 декабря 1886 г.

*Напечатано в «Der Sozialdemokrat» № 51
от 17 декабря 1886 г.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА».

Настоящее сочинение представляет перепечатку трех статей, помещенных мною в 1872 г. в лейпцигском «Volksstaat». Как раз тогда на Германию полились дождем французские миллиарды; были уплачены государственные долги, построены крепости и казармы, пополнены запасы оружия и амуниции. Свободный капитал, как и находившаяся в обращении денежная масса внезапно возросли в огромной степени, и все это как раз в такое время, когда Германия выступила на мировую арену не только как «единое государство», но и как крупная промышленная страна. Миллиарды дали очень сильный толчок молодой крупной промышленности; они-то прежде всего и вызвали после войны краткий, богатый иллюзиями период процветания, а вслед за тем, в 1873—1874 гг., грандиозный крах, который показал, что Германия — промышленная страна, способная выступать на мировом рынке.

Время, когда старая культурная страна совершает подобный, к тому же еще ускоренный столь благоприятными обстоятельствами переход от мануфактуры и мелкого производства к крупной промышленности, преимущественно бывает также и временем «жилищной нужды». С одной стороны, массы рабочих из деревень неожиданно оказываются стянутыми в крупные города, которые развиваются в промышленные центры; с другой стороны, планировка этих старых городов не соответствует больше условиям новой крупной промышленности и усилившемуся движению; расширяют улицы, прокладывают новые, проводят железные дороги. Как раз тогда, когда рабочие потоками устремляются в города, там происходит массовое разрушение рабочих жилищ. Отсюда внезапная жилищная нужда как у рабочих, так и у мелких торговцев и ремесленников, клиентуру которых составляют рабочие. В городах, которые с самого начала возникли как промышленные центры, эта жилищная нужда почти неизвестна. Таковы: Манчестер, Лидс, Бредфорд, Бармен, Эльберфельд. Напротив, в Лондоне, Париже, Берлине, Вене жилищная нужда в свое время крайне обострилась и большей частью продолжает оставаться хроническим явлением.

Именно эта острая жилищная нужда, симптом совершающейся в Германии промышленной революции, вызвала тогда в прессе широкое обсуждение «жилищного вопроса» и послужила поводом для разного рода социального шарлатанства. Ряд таких статей появился и в «Volksstaat». Анонимный автор, назвавшийся впоследствии доктором медицины Мюльбергером из Бюртемберга, счел этот повод подходящим для того, чтобы на этом вопросе разъяснить немецким рабочим чудесное действие прудоновской социальной панацеи. Когда я выразил редакции свое удивление по поводу печатания этих странных статей, мне предложено было ответить на них, что я и сделал (см. I отдел: «Как Прудон разрешает жилищный вопрос»). Вслед за этой серией статей я вскоре напечатал другую, в которой я, на основании книги д-ра Эмиля Закса, анализировал филантропическо-буржуазные взгляды на этот вопрос (см. II отдел: «Как буржуазия разрешает жилищный вопрос»). После долгого молчания д-р Мюльбергер удостоил меня ответом на мои статьи, вынудив меня вновь выступить с возражением (см. III отдел: «Еще о Прудоне и жилищном вопросе»); этим и закончились как полемика, так и мои специальные занятия по этому вопросу. Такова история происхождения этих трех серий статей, вышедших также отдельной брошюрой. Если теперь потребовалось новое издание, то этим я, несомненно, снова обязан благосклонному попечению германского имперского правительства, которое своим запрещением вызвало, как всегда, усиленный спрос и которому я здесь почтительнейше приношу свою благодарность.

Для нового издания я пересмотрел текст, сделал кое-какие добавления и примечания и исправил в I отделе маленькую экономическую ошибку, оставшуюся, к сожалению, не замеченной моим противником д-ром Мюльбергером.

При этом пересмотре передо мной ярко предстали гигантские успехи, которые сделало международное рабочее движение за последние 14 лет. Факт тот, что рабочие, «говорящие на романских языках, на протяжении 20 лет не имели никакой духовной пищи, кроме произведений Прудона» да еще дальнейшего упрощения прудонизма, произведенного отцом «анархизма» Бакуниным, в глазах которого Прудон был «нашим общим учителем» (*notre maître à nous tous*). Хотя прудонисты были во Франции только маленькой сектой среди рабочих, тем не менее они одни только имели определенно сформулированную программу и могли во время Коммуны взять на себя руководство в экономической области. В Бельгии прудонизм безраздельно господствовал среди валлонских рабочих, а в рабочем

движении Испании и Италии все, за очень ничтожными исключениями, если не были анархистами, были решительными прудонистами. А теперь? Во Франции рабочие совершенно отвернулись от Прудона; он имеет еще приверженцев только среди радикальных буржуа и мелкой буржуазии, которые в качестве прудонистов называют себя «социалистами», однако социалистические рабочие ведут с ними самую ожесточенную борьбу. В Бельгии фламандцы вырвали руководство движением из рук валлонов, отвергли прудонизм и очень сильно подняли движение. В Испании, как и в Италии, бурный прилив анархизма 70-х годов отхлынул и унес с собой остатки прудонизма; если в Италии новая партия пока еще находится в процессе проверки и организации своих рядов, то в Испании Nuova Federacion Madrilená [Новая мадридская федерация], оставшаяся верной Генеральному совету Интернационала, из небольшого ядра развилась в сильную партию, которая, как это видно из самой республиканской прессы, гораздо успешнее подрывает влияние буржуазных республиканцев на рабочих, чем это когда-либо удавалось ее шумливым предшественникам — анархистам. Место забытых произведений Прудона у романских рабочих заняли «Капитал», «Коммунистический манифест» и ряд других произведений марксовской школы; главное требование Маркса — захват всех средств производства от имени общества пролетариатом, достигшим политического единства, — стало теперь требованием всего революционного рабочего класса также и в романских странах.

Но если прудонизм окончательно отвергнут даже рабочими романских стран, если он теперь, в соответствии со своим истинным назначением, служит лишь выражением буржуазных и мелкобуржуазных вожеланий французских, испанских, итальянских и бельгийских буржуазных радикалов, — то зачем же теперь снова им заниматься? Зачем снова бороться с умершим врагом и перепечатывать эти статьи?

Во-первых, эти статьи не ограничиваются одной полемикой с Прудоном и его немецкими представителями. Ввиду разделения труда, существовавшего между мной и Марксом, на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе, — в частности, следовательно, вести борьбу с враждебными взглядами, для того чтобы сберечь Марксу время для разработки его великого основного произведения. В силу этого мне приходилось излагать наши воззрения, противопоставляя их другим взглядам, в большинстве случаев в полемической форме. Так было и в этом случае. Разделы I и III содержат не только критику прудоновского толкования вопроса, но также изложение и нашей собственной точки зрения.

Во-вторых, Прудон сыграл в истории европейского рабочего движения слишком значительную роль, чтобы можно было просто предать его забвению. Опровергнутый теоретически, оттесненный в сторону в практической жизни, он продолжает сохранять исторический интерес. Кто сколько-нибудь обстоятельно изучает современный социализм, тот должен изучить также и те «точки зрения» движения, которые были «преодолены». Произведение Маркса «Нищета философии» появилось несколькими годами раньше, чем Прудоном были предложены его практические проекты общественной реформы; Маркс мог тогда открыть и критиковать прудоновский обменный банк только в его зародыше. В этом отношении произведение Маркса дополняется настоящей брошюрой, к сожалению совершенно недостаточно. Маркс сделал бы все это гораздо лучше и убедительнее.

Наконец, буржуазный и мелкобуржуазный социализм имеет до настоящего времени многочисленных представителей в Германии. С одной стороны, в лице катедер-социалистов и всякого рода филантропов, у которых все еще играет большую роль желание превратить рабочих в собственников их жилищ; против них моя работа является, следовательно, все еще своевременной. С другой стороны, в самой социалдемократической партии, включая сюда и фракцию рейхстага, находит себе место определенного сорта мелкобуржуазный социализм. Он находит там выражение в такой форме, что основные воззрения современного социализма и требование превращения всех средств производства в общественную собственность признаются правильными, но осуществление этого признается возможным лишь в отдаленном, практически неопределенном будущем. Этим самым в настоящем ограничиваются одним лишь социальным штопаньем и, в зависимости от обстоятельств, могут даже сочувствовать реакционнейшим стремлениям, направленным на так называемый «подъем трудовых классов». Существование подобного направления совершенно неизбежно в Германии, мелкобуржуазной стране по преимуществу, особенно в такое время, когда промышленное развитие насильственно и в огромных размерах вырывает с корнем эту искони укоренившуюся мелкую буржуазию. Это, впрочем, совершенно не опасно для движения при удивительно здравом смысле наших рабочих, который они так блестяще проявляли как раз за последние восемь лет борьбы против закона о социалистах, против полиции и судей. Необходимо, однако, вполне ясно отдать себе отчет в том, что такое направление существует. И если это направление впоследствии примет более устойчивую форму и более определенные

контуры, что неизбежно и даже желательно, то оно принуждено будет для формулировки своей программы вернуться к своим предшественникам и при этом вряд ли обойдется без Прудона.

Основным моментом как в буржуазном, так и в мелкобуржуазном решении «жилищного вопроса» служит собственность рабочего на свое жилище. Но пункт этот, благодаря промышленному развитию Германии в течение последних 20 лет, получил совершенно своеобразное освещение. Ни в какой другой стране нет так много наемных рабочих, собственников не только своего жилища, но и огорода или земельного участка; наряду с этим имеется еще много других рабочих, которые располагают, на условиях фактически довольно обеспеченного владения, домом, огородом или земельным участком в качестве арендаторов. Сельская домашняя промышленность в соединении с огородничеством или мелким полеводством образует широкую основу для молодой крупной промышленности Германии; на западе рабочие — преимущественно собственники, на востоке — преимущественно арендаторы своих жилищ. Эта связь домашней индустрии с огородничеством и полеводством, а вместе с тем и с обеспеченным жилищем повсюду встречается не только там, где ручное ткачество еще борется с механическим ткацким станком: на нижнем Рейне и в Вестфалии, в саксонских Рудных горах и в Силезии; мы встречаем эту связь повсюду, где какая-либо отрасль домашней промышленности укоренилась как сельский промысел, например в Тюрингенском лесу и в Рейнских горах. При обсуждении вопроса о табачной монополии выяснилось, что даже изготовление сигар уже приняло характер сельской домашней промышленности. И когда среди мелких крестьян появляется нужда, как это было, например, несколько лет тому назад в Эйфеле, буржуазная пресса тотчас поднимает шум о насаждении подходящей домашней промышленности как единственного средства помощи. Действительно, растущая среди немецких мелких крестьян нужда, как и общее положение немецкой промышленности, неизменно ведет к дальнейшему распространению сельской домашней промышленности. Это особенность Германии. Нечто подобное мы встречаем во Франции лишь как исключение, например в районах шелководства; в Англии, где нет мелких крестьян, сельская домашняя промышленность держится на труде жен и детей батраков; только в Ирландии мы встречаем, как в Германии, настоящие крестьянские семьи, занятые в домашней промышленности по производству готового платья. Мы не говорим здесь, понятно, о России и других странах, не представленных на мировом промышленном рынке.

Итак, на обширной территории Германии промышленность находится в настоящее время в таком состоянии, которое на первый взгляд соответствует состоянию, господствовавшему повсюду до введения машин. Но это только на первый взгляд. Сельская домашняя промышленность прежних времен, связанная с огородничеством и полеводством, представляла, по крайней мере в промышленно развивающихся странах, основу сносного, местами даже вполне обеспеченного материального положения рабочего класса, но вместе с тем и основу его умственного и политического ничтожества. Продукт ручного труда и издержки его производства определяли рыночную цену; и при тогдашней производительности труда, ничтожной в сравнении с современной, рынки сбыта обычно росли быстрее предложения. Так было в середине прошлого столетия [XVIII] в Англии и отчасти во Франции, особенно в текстильной промышленности. В Германии же, которая тогда только с трудом оправлялась при самых неблагоприятных условиях от опустошений, произведенных Тридцатилетней войной, дело обстояло, конечно, совершенно иначе: единственная домашняя промышленность, работавшая здесь на мировой рынок, — льняное ткачество, — была настолько обременена налогами и феодальными повинностями, что она не поднимала жизни крестьянина-ткача над весьма низким уровнем жизни прочего крестьянства. Тем не менее, у рабочего домашней промышленности было тогда до известной степени обеспеченное существование.

С введением машинного производства все это изменилось. Цена стала определяться теперь продуктом машинного производства, и оплата рабочего домашней промышленности упала вместе с этой ценой. Но рабочий принужден был либо брать эту цену, либо искать другой работы, а этого он не мог сделать, не становясь пролетарием, т. е. не покинув своего домика, огорода и клочка земли — собственного или арендуемого. На это он шел только в очень редких случаях. Таким образом, огородничество и полеводство старых кустарных ткачей стали причиной, повсюду так сильно затянувшей борьбу ручного ткацкого станка с механическим, борьбу, которая еще до сих пор не закончилась в Германии. В этой борьбе впервые обнаружилось, особенно в Англии, что то самое обстоятельство, которое прежде служило основой сравнительного благосостояния рабочего, — свои собственные средства производства, — стало теперь для него помехой и несчастьем. В промышленности механический ткацкий станок побил его ручной, в сельском хозяйстве крупное земледелие одержало верх над его мелким. Но в то время как в

обеих областях производства совместный труд многих и применение машин и науки сделались общественным правилом, — домик, огород, клочок земли и ткацкий станок приковывали его к устарелому способу единоличного производства и ручного труда. Владение домом и огородом представляло теперь гораздо меньшую ценность, чем неограниченная свобода передвижения (*vogelfreie Beweglichkeit*). Ни один фабричный рабочий не поменялся бы с деревенским ручным ткачом, умирающим медленной, но неизбежной голодной смертью.

Германия поздно выступила на мировом рынке; наша крупная промышленность, возникшая в 40-х годах, обязана своим первым подъемом революции 1848 г. и могла полностью развернуться только после революций 1866 и 1870 гг., устранивших с ее пути, по крайней мере, самые серьезные политические препятствия. Но она застала мировой рынок в большей его части занятым. Продукты массового потребления поставляла Англия, изысканные предметы роскоши — Франция. Германия не могла побить ни первые — ценой, ни вторые — качеством. Таким образом, ей не оставалось ничего другого, как, следуя прежними проторенными путями германского производства, прежде всего пролезть на мировой рынок с товарами, которые для Англии были слишком незначительны, а для Франции слишком плохи. Излюбленная немецкая практика надувательства — сперва присылать хорошие образцы, а затем скверные товары — скоро, разумеется, была жестоко наказана на мировом рынке и почти вышла из употребления; с другой стороны, конкуренция в условиях перепроизводства толкала понемногу даже солидных англичан на скользкий путь ухудшения качества и таким образом оказала помощь немцам, не имеющим соперников на этом поприще. Так мы приобрели, наконец, крупную промышленность и стали играть роль на мировом рынке. Но наша *крупная* промышленность работает почти исключительно на внутренний рынок (за исключением железодельательной промышленности, производство которой значительно превышает внутренние потребности страны), и наш массовый вывоз составляется из огромного количества мелких предметов, для которых крупная индустрия доставляет разве только полуфабрикаты, самые же предметы поставляются большей частью сельской домашней промышленностью.

Тут-то и проявляется в полном блеске та «благодать», которую составляют для современного рабочего собственный домик и клочок земли. Нигде, — едва ли даже ирландская домашняя промышленность составляет исключение, — нигде нет такой чрезвычайно

низкой заработной платы, как в немецкой домашней промышленности. То, что семья вырабатывает на своем огороде или клочке земли, капиталист, пользуясь конкуренцией, вычитает из цены рабочей силы; рабочие вынуждены соглашаться на любую сдельную плату потому, что иначе они совсем ничего не получают, а жить продуктами только своего сельского хозяйства они не могут, и также потому, с другой стороны, что именно это сельское хозяйство и земельная собственность приковывают их к месту, мешают им искать других занятий. Это обстоятельство и дает Германии возможность конкурировать на мировом рынке при сбыте целого ряда мелких товаров. *Вся прибыль выколачивается путем вычета из нормальной заработной платы, а вся прибавочная стоимость может быть подарена покупателю.* Такова тайна изумительной дешевизны большей части немецких экспортных товаров.

Именно это обстоятельство, более чем всякое другое, удерживает и в прочих отраслях промышленности заработную плату и жизненный уровень немецких рабочих ниже уровня рабочих западно-европейских стран. Свинцовая гиря таких цен на труд, традиционно удерживаемых значительно ниже стоимости рабочей силы, давит также на заработную плату рабочих в городах, и даже в крупных городах, опуская ее ниже стоимости рабочей силы, — тем более, что и в городах плохо оплачиваемая домашняя промышленность заняла место старого ремесла, понижая и здесь общий уровень заработной платы.

Для нас здесь выяснилось следующее: то, что на более ранней исторической ступени служило основой относительного благосостояния рабочего, — связь земледелия с промышленностью, собственный дом, огород, земельный участок, обеспеченное жилье, — становится теперь, при господстве крупной промышленности, не только крайне тяжелыми оковами для рабочего, но и величайшим несчастьем для всего рабочего класса, основой беспримерного снижения заработной платы против ее нормального уровня, притом не только в отдельных отраслях промышленности и в отдельных районах, но и во всей стране. Не удивительно, что крупная и мелкая буржуазия, живущая и обогащающаяся за счет этих огромных вычетов из заработной платы, мечтает о сельской промышленности, о рабочих с собственными домиками и видит во введении новых кустарных промыслов единственное целебное средство от всех крестьянских невзгод!

Это одна сторона дела; но есть еще и обратная сторона. Домашняя промышленность стала широкой основой для немецкого

экспорта, а вместе с тем и для всей крупной промышленности. Это и было причиной ее широкого распространения во многих районах Германии, и с каждым днем она распространяется все шире. Разорение мелкого крестьянства, неизбежное с того времени, когда его домашний промышленный труд для собственного потребления был уничтожен дешевой фабричной и машинной продукцией, а его скотоводство, следовательно и производство навоза, было уничтожено разрушением общинного строя, общинной марки и принудительного севооборота, — это разорение насильственно гонимых ростовщиками мелких крестьян в современную домашнюю промышленность. Как в Ирландии земельная рента землевладельцев, так в Германии проценты ростовщической ипотеки могут быть уплачены не из земледельческого дохода, а лишь из заработной платы крестьянина, занятого в домашней промышленности. Но с распространением домашней промышленности сельские местности одна за другой втягиваются в современное промышленное движение. Именно это революционизирование сельских местностей домашней промышленностью и распространило промышленную революцию в Германии на гораздо большую область, чем это было в Англии и во Франции; сравнительно низкий уровень нашей промышленности вызывает тем большую необходимость в ее широком распространении. Этим объясняется, почему в Германии, в противоположность Англии и Франции, революционное рабочее движение так широко разлилось по большей части страны и не связано исключительно с городскими центрами. Этим же объясняется спокойный, устойчивый, непрерывный успех движения. Поэтому в Германии, само собой разумеется, победоносное восстание в столице и других крупных городах станет возможно только тогда, когда для переворота созреют также большинство мелких городов и большая часть сельских округов. При более или менее нормальном развитии мы никогда не будем в состоянии одержать рабочие победы, как парижане в 1848 и 1871 гг., но изменю поэтому мы и не можем потерпеть поражений революционной столицы от реакционной провинции, какие понес Париж в обоих случаях. Во Франции движение всегда исходило из столицы, в Германии же — из районов крупной промышленности, мануфактуры и домашней промышленности; столица была завоевана лишь впоследствии. Поэтому, может быть, и в будущем инициатива будет принадлежать французам, но решительная победа может быть одержана только в Германии.

Но эта сельская домашняя промышленность и мануфактура, которые в силу своей распространенности стали важнейшей от-

расплю производству в Германии и вместе с тем все более и более революционизируют немецкое крестьянство, сами служат только первой ступенью для дальнейшего переворота. Как показал уже Маркс («Капитал», т. I, изд. 3-е, стр. 484—495¹), и для них на известной ступени развития пробьет час гибели от машин и фабричного производства. И этот час, кажется, уже близок. Но уничтожение сельской домашней промышленности и мануфактуры машиной и фабричным производством означает в Германии уничтожение средств к существованию миллионов сельских производителей, экспроприацию почти половины немецкого мелкого крестьянства, превращение не только домашней промышленности в фабричную, но и крестьянского хозяйства в крупное капиталистическое земледелие и мелкого землевладения в крупные помещичьи хозяйства, означает промышленную и сельскохозяйственную революцию в интересах капитала и крупного землевладения за счет крестьян. Если Германии суждено проделать и этот переворот еще при старых общественных условиях, то он несомненно послужит поворотным моментом. Если до тех пор ни в какой другой стране рабочий класс не захватит инициативы, то атаку, несомненно, начнет Германия, и крестьянские сыны «славной боевой армии» окажут мужественную поддержку.

Таким образом, буржуазная и мелкобуржуазная утопия — дать каждому рабочему в полную собственность домик и приковать его таким путем на полуфеодальных началах к капиталисту — принимает теперь совершенно другой вид. Ее осуществление означает превращение всех мелких сельских домохозяев в промышленных домашних рабочих, уничтожение старой замкнутости и связанного с этим политического ничтожества мелких крестьян, вовлекаемых теперь в «социальный вихрь»; означает распространение промышленной революции на деревню и превращение самого неподвижного, самого консервативного класса населения в рассадник революции и в довершение всего — экспроприацию крестьян, занятых в домашней промышленности, машиной, которая насильственно толкает их на путь восстания.

Мы охотно можем предоставить буржуазно-социалистическим филантропам наслаждаться своим идеалом, пока они в своей общественной функции капиталистов продолжают осуществлять его навыворот, на пользу социальной революции.

Лондон, 10 января 1887 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

¹ См. «Капитал», т. I, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 389—399. *Ред.*

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ.

[ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ «ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА
В АНГЛИИ».]

Десять месяцев прошло с тех пор, как я, по желанию переводчицы, написал «Приложение» к этой книге. За эти десять месяцев в американском обществе произошла революция, на которую во всякой другой стране потребовалось бы, по меньшей мере, десять лет. В феврале 1885 г. американское общественное мнение было почти единодушно в одном пункте, именно в том, что в Америке вообще нет рабочего класса — в европейском смысле; что поэтому в Американской республике невозможна такая классовая борьба между рабочими и капиталистами, какая разрывает на части европейское общество, и что, следовательно, социализм — растение, ввезенное извне и не способное пустить корни на американской почве. Однако именно тогда уже надвигавшаяся классовая борьба отбрасывала гигантскую тень: происходили стачки пенсильванских углекопов и рабочих многих других отраслей промышленности и шли приготовления — во всех концах страны — к большому движению за восьмичасовой рабочий день, которое было назначено на май и действительно в мае состоялось. Мое «Приложение»¹ показывает, что я уже тогда правильно оценил эти симптомы, что я предугадал начало рабочего движения в национальном масштабе. Но никто не мог тогда предвидеть, что в такой короткий срок движение разразится с такой непреодолимой силой, распространится с быстротой степного пожара и потрясет американское общество до самых его оснований.

Но факт налицо, упрямый, неоспоримый! До какой степени поразил он ужасом американские правящие классы, я услышал в забавной форме от американских журналистов, оказавших мне прошлым летом честь своим посещением; «новый поворот» поверг их в беспомощное состояние страха и растерянности. Но тогда движение еще только начиналось; был лишь ряд неосознанных и, по видимости, разрозненных судорожных движений того класса, который вследствие уничтожения рабства негров и быстрого разви-

¹ См. стр. 250—256 настоящего тома. *Ред.*

тия промышленности стал низшим слоем американского общества. В самом конце года эти беспорядочные социальные конвульсии начали принимать определенное направление. Стихийные, инстинктивные движения этих огромных рабочих масс на обширной территории страны, одновременный взрыв их общего недовольства бедственным социальным положением, — взрыв, который всюду принимал одинаковые формы и вызывался одинаковыми причинами, — привели эти массы к сознанию того факта, что они составляют новый и особый класс американского общества, в сущности класс более или менее наследственных наемных рабочих — пролетариев. Это сознание и подлинный американский инстинкт помогли им тут же сделать следующий шаг к своему освобождению — образовать политическую рабочую партию со своей собственной платформой и с задачей завоевать Капитолий и Белый дом. В мае — борьба за восьмичасовой рабочий день, волнения в Чикаго, Милвоки и пр., попытки правящего класса подавить начинающийся подъем рабочих грубой силой и жестокой классовой юстицией. В ноябре новая рабочая партия уже организована во всех больших центрах; выборы в Нью-Йорке, Чикаго и Милвоки. До сих пор май и ноябрь напоминали американской буржуазии только об уплате купонов по облигациям Соединенных Штатов; отныне май и ноябрь будут ей напоминать также и о сроках, когда американский рабочий класс предъявил к оплате свои купоны.

В европейских странах рабочему классу потребовались долгие годы для того, чтобы вполне убедиться в том, что он составляет особый и, при существующих условиях, постоянный класс современного общества; и затем снова потребовались годы, пока это классовое самосознание привело его к созданию для себя особой независимой политической партии, противостоящей всем старым политическим партиям, образованным различными группами правящих классов. На благоприятной почве Америки, где нет никаких преграждающих путь средневековых развалин, где история начинается с возникших в XVII веке элементов современного буржуазного общества, рабочий класс прошел через эти две стадии своего развития в десять месяцев.

Тем не менее, все это только начало. Что рабочие массы почувствовали общность своего бедственного положения и своих интересов, свою классовую солидарность в противоположность всем другим классам; что для выражения своих чувств и претворения их в действие они привели в движение политический механизм, имеющийся для этой цели в каждой свободной стране, — все это

только первый шаг; следующий шаг состоит в том, чтобы найти общее лекарство от этих общих страданий и воплотить его в программу новой рабочей партии. А этот шаг, самый важный и трудный во всем движении, еще предстоит сделать Америке.

Новая партия должна иметь определенную положительную программу, программу, которую можно изменить в деталях в связи с изменением обстановки и с развитием самой партии, но в течение известного периода времени эту программу должна разделять вся партия. Пока такая программа не выработана или существует только в зачаточной форме, и сама партия будет оставаться в зачаточном состоянии; она может существовать как местная партия, но еще не национальная; она будет только еще собираться стать партией, но не будет ею на деле.

Эта программа, какова бы ни была ее первоначальная форма, должна развиваться в направлении, которое может быть определено заранее. Причины, вырывшие пропасть между рабочим классом и классом капиталистов, одинаковы в Америке и в Европе; способы заполнения этой пропасти также повсюду одинаковы. Поэтому программа американского пролетариата, в конце концов, совпадет в своей конечной цели с той, которая после шестидесяти лет разногласий и дискуссий стала признанной программой широких масс борющегося европейского пролетариата. Конечной целью она объявит завоевание рабочим классом политической власти, для того чтобы осуществить прямое присвоение обществом в целом всех средств производства — земли, железных дорог, рудников, машин и т. д. — для совместной работы всех за общий счет и на общую пользу.

Но если новая американская партия, подобно всем прочим политическим партиям, уже в силу самого факта своего возникновения стремится к завоеванию политической власти, то она еще далека от единодушия в вопросе о том, что делать с этой властью, когда она будет достигнута. В Нью-Йорке и в других больших городах востока рабочий класс создавал профессиональные организации, основывая в каждом городе сильный Центральный рабочий союз. В Нью-Йорке Центральный рабочий союз в истекшем ноябре избрал своим знаменосцем Генри Джорджа, и поэтому временная избирательная платформа союза была сильно пропитана принципами последнего. В больших северо-западных городах избирательная борьба велась на довольно неопределенной рабочей платформе, и влияние теорий Генри Джорджа было едва заметно, если оно вообще было заметно. И в то время как в этих больших

центрах с многочисленным населением и крупной промышленностью новое классовое движение приняло политический характер, мы находим по всей стране два широко распространенные рабочие организации — Рыцарей труда и Социалистическую рабочую партию, из которых только вторая имеет программу, совпадающую с вышеизложенной современной европейской точкой зрения.

Из трех более или менее определенных форм, в которых выступает перед нами американское рабочее движение, первое, т. е. нью-йоркское движение, возглавляемое Генри Джорджем, имеет в настоящее время преимущественно местное значение. Нью-Йорк — несомненно самый значительный город штатов; но Нью-Йорк — не Париж, и Соединенные Штаты — не Франция. И программа Генри Джорджа в ее теперешнем виде представляется мне слишком ограниченной, чтобы служить основой для какого-нибудь движения, кроме местного, или, в лучшем случае, для кратковременной фазы общего движения. Для Генри Джорджа главную и универсальную причину, расколовшую население на богатых и бедных, составляет экспроприация земли у народных масс. Но исторически это не совсем правильно. В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, т. е. не столько экспроприация земельной собственности у масс, сколько превращение в частную собственность их личностей. Когда во время упадка Римской республики у свободных италийских крестьян были экспропрированы их наделы, они образовали класс таких же «белых бедняков», какие были в южных рабовладельческих штатах до 1861 г.; среди рабов и «белых бедняков», двух классов, одинаково не способных освободить себя, произошел распад древнего мира. В средние века источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, а, наоборот, его прикрепление к земле. Крестьянин сохранял свою землю, но был прикреплен к ней как крепостной или обязанный и был обязан землевладельцу работами и продуктами. Только на заре нового времени, к концу XV века, экспроприация крестьянства в широких размерах положила начало современному классу наемных рабочих, которые не владеют ничем, кроме своей рабочей силы, и могут жить, только продавая эту рабочую силу другим. Но если этот класс и был создан экспроприацией земли, то только развитие капиталистического производства, современной промышленности и сельского хозяйства в крупных размерах придало характер постоянства его существованию, увеличило его численно и оформило как особый класс, с особыми интересами и с особой исторической миссией. Все это подробно изложено у

Маркса («Капитал», часть VIII. «Так называемое первоначальное накопление»¹). Согласно Марксу, причиной современного антагонизма между классами и социальной деградации рабочего класса служит экспроприация у последнего *всех* средств производства, в число которых, конечно, входит и земля.

Объявив монополию земли единственной причиной бедности и нищеты, Генри Джордж, естественно, видит панацею от них в национализации земли. Но социалисты марксовской школы также требуют национализации земли, однако не только земли, а равным образом и всех других средств производства. И если даже оставить это в стороне, то имеется еще одно различие. Что делать с землей? Современные социалисты, представителем которых является Маркс, требуют, чтобы ею владели и на ней работали сообща и за общий счет точно так же, как должно обстоять дело и с другими средствами общественного производства — рудниками, железными дорогами, фабриками и т. д.; Генри Джордж хочет ограничиться сдачей ее в аренду отдельным лицам, как это практикуется и теперь; он только хочет урегулировать ее распределение и употреблять арендную плату на общественные нужды, а не на частные, как это теперь делается. То, чего требуют социалисты, предполагает полный переворот во всей системе общественного производства; то, чего хочет Генри Джордж, оставляет нынешний способ общественного производства нетронутым и в сущности предвосхищено крайним крылом буржуазных экономистов рикардианской школы, которое также требовало конфискации ренты государством.

Было бы, конечно, несправедливо предполагать, что Генри Джордж сказал свое последнее слово раз навсегда. Но я принужден брать его теорию в том виде, в каком я ее нахожу.

Второе крупное течение в американском рабочем движении представлено Рыцарями труда. Это течение, повидимому, наиболее типичное для нынешней стадии движения и вместе с тем и наиболее сильное. Огромная ассоциация, распространенная на огромной территории страны в бесчисленных «собраниях» (*assemblies*), представляет все оттенки личных и местных мнений в среде рабочего класса и соответственно объединяется неопределенной программой. Ее скрепляет не столько практический устав, сколько инстинктивное чувство рабочих, показывающее им, что уже самый факт их объединения для общей цели превращает их в большую силу в стране. Истинно американский парадокс: самые современные тен-

¹ 24-я глава I тома. *Ред.*

денции облачают в самые средневековые костюмы и самый демократический и даже бунтарский дух скрывают под наружным, но в действительности бессильным деспотизмом, — такова картина, которую Рыцари труда представляют для европейского наблюдателя. Но если мы не будем останавливаться на чисто внешних странностях, мы непременно увидим в этом обширном агglomerате огромный запас потенциальной энергии, медленно, но верно развивающейся в активную силу. Рыцари труда — первая национальная организация, созданная всем американским рабочим классом; каковы бы ни были ее происхождение и история, ее ошибки и мелкие проявления ее наивности, ее программа и устав, она в действительности создана всем классом американских наемных рабочих и представляет единственную национальную связь, которая их всех объединяет, дает почувствовать свою силу им самим не меньше, чем их врагам, и внушает рабочим гордую надежду на будущие победы. Поэтому неправильно было бы сказать, что Рыцари труда не способны к развитию; они непрерывно и полным ходом идут по пути развития и революции. Это — растущая, находящаяся в состоянии брожения масса, состоящая из пластического материала и ищущая формы, которая соответствовала бы ее природе. Эта форма несомненно будет найдена, так как историческая эволюция подчиняется, подобно эволюции природы, своим собственным имманентным законам. Безразлично, сохраняют ли тогда Рыцари труда свое теперешнее имя или нет, но для постороннего наблюдателя ясно, что здесь перед нами сырой материал, из которого будет сформировано будущее американского рабочего движения, а вместе с ним и будущее всего американского общества.

Третье течение представлено Социалистической рабочей партией. Это партия только по названию, так как нигде в Америке до настоящего времени она в сущности не была в состоянии выступить как политическая партия. Кроме того, она до известной степени чужда Америке, так как до недавнего времени была представлена почти исключительно немецкими иммигрантами, которые пользовались своим языком и в своем большинстве были мало знакомы с общим языком страны. Но хотя эта партия и шла от чужого ствола, она, тем не менее, была в то же время во всеоружии опыта, приобретенного во время многолетней классовой борьбы в Европе, и ее понимание общих условий освобождения рабочего класса значительно превосходило то понимание, которое тогда было у американских рабочих. Это — счастливое обстоятельство для американских пролетариев, получивших таким образом возможность

усвоить и использовать интеллектуальные и моральные плоды сорокалетней борьбы своих европейских товарищей и ускорить таким образом момент своей победы. Как я уже выше заметил, не может быть никакого сомнения в том, что окончательная программа американского рабочего класса должна быть и будет в существенном та же, что и принятая теперь всем борющимся рабочим классом Европы, та же, что и программа германско-американской социалистической рабочей партии. Ввиду этого эта партия призвана играть весьма важную роль в движении. Но чтобы достигнуть этого, она должна окончательно освободиться от каких бы то ни было остатков своего иностранного обличия. Она должна полностью стать американской. Она не может ждать, пока американцы придут к ней; она представлена меньшинством и иммигрантами и должна поэтому пойти к американцам, которые составляют огромное большинство коренных жителей страны. А чтобы сделать это, надо прежде всего изучить английский язык.

Процесс слияния всех этих различных элементов огромной, пришедшей в движение массы, элементов, в сущности не враждующих, но фактически изолированных друг от друга в силу различных исходных точек, потребует некоторого времени и не обойдется без трений, заметных кое-где и в настоящее время. Рыцари труда, например, кое-где в восточных городах ведут местную борьбу с организованными тред-юнионами. Но такие же трения происходят и в среде самих Рыцарей труда — здесь далеко от мира и гармонии. Это не признаки упадка, по поводу которых могли бы торжествовать капиталисты. Это лишь признаки того, что многочисленные массы рабочих, впервые начавшие движение в общем направлении, еще не нашли ни одинакового выражения для своих общих интересов, ни формы организации, наиболее подходящей для борьбы, ни дисциплины, необходимой для обеспечения победы. Это первые массовые наборы для великой революционной войны, самостоятельно призванные и снаряженные на местах, все стекающиеся для того, чтобы образовать одну общую армию, но еще без правильной организации и без общего плана кампании. Стекающиеся в одно место колонны порой пересекают друг другу путь; возникают резкие споры, замешательство, угрожают даже столкновения. Но общность конечной цели побеждает, в конце концов, все мелкие недоразумения. Разбросанные и ссорящиеся друг с другом батальоны в ближайшее время будут построены в длинную боевую линию и предстанут перед врагом стройным фронтом, в грозном молчании сверкая оружием, поддерживаемые сме-

лыми застрельщиками в авангарде и непоколебимыми резервами в тылу.

Добиться этого результата, объединить различные независимые организации в одну национальную рабочую армию с временной программой, хотя бы и несовершенной, лишь бы она была действительно рабочей программой, — таков ближайший крупный шаг, который предстоит сделать в Америке. Для достижения этой цели и выработки достойной ее программы Социалистическая рабочая партия может много сделать, если только захочет действовать в том же направлении, в каком действовали европейские социалисты, когда они представляли лишь незначительное меньшинство рабочего класса. Эта тактика была впервые намечена в «Коммунистическом манифесте» 1847 г. в следующих словах:

«Коммунисты, — это было имя, которое мы приняли тогда и от которого мы отнюдь не собираемся отказываться и теперь, — коммунисты не являются какой-то особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

«У них нет никаких интересов, отдельных от интересов пролетариата в целом.

«Они не выставляют никаких особых принципов, сообразно которым они хотели бы придавать форму пролетарскому движению.

«Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны — тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

«Коммунисты, следовательно, на деле являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

«Они борются за достижение ближайших целей и интересов рабочего класса, но в современном движении они в то же время представляют и будущее этого движения».

Такова тактика, которой следовал великий основатель современного социализма Карл Маркс, а с ним и я и социалисты всех стран, работавшие вместе с нами более сорока лет; в результате она всюду привела к победе, и в настоящее время вся масса евро-

пейских социалистов в Германии и Франции, в Бельгии, Голландии и Швейцарии, в Дании и Швеции, в Испании и Португалии борется как единая армия под одним знаменем.

Лондон, 26 января 1887 г.

Напечатано по-английски как введение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» и в немецком переводе в «Der Sozialdemokrat» № 24 от 10 июля 1887 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

[ПИСЬМО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ КОМИТЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЗДНИКА В ПАРИЖЕ.]

Граждане! Мы стоим перед лицом чрезвычайной опасности. Нам угрожают войной, в которой французские и немецкие пролетарии, чувствуя отвращение к ней и имеющие одни лишь общие интересы, будут вынуждены убивать друг друга.

Какова истинная причина этого положения вещей?

Милитаризм, введение прусской военной системы во всех больших странах континента.

Эта система будто бы вооружает всю нацию для защиты своей территории и своих прав. Это ложь.

Прусская система вытеснила систему ограниченного рекрутского набора и права заместительства, покупаемого богатыми, потому что она отдавала в распоряжение правителей все ресурсы страны, людские и вещевые. Но при помощи этой системы нельзя было создать народную армию.

Прусская система делит призванных на военную службу граждан на две категории. Первая составляет пехоту, тогда как вторая тотчас же зачисляется в резерв или в территориальную армию. Эта последняя категория не получает никакого или почти никакого военного обучения; но первую держат два-три года под ружьем, — время, достаточное для того, чтобы сделать из нее послушную, вымуштрованную дисциплиной армию, готовую к внешним завоеваниям и к жестоким подавлениям внутренних народных движений. Не следует забывать, что все правительства, принявшие эту систему, боятся рабочего народа у себя дома гораздо больше, чем соперничающих с ними правительств по ту сторону границы.

Благодаря своей эластичности эта система способна на безграничное расширение. В самом деле, пока еще существует хотя бы один только не зачисленный в армию молодой человек, до тех пор наличные ресурсы еще не исчерпаны. Отсюда такая безудержная конкуренция между государствами за обладание крупнейшей и сильнейшей армией; каждое увеличение сил одной страны побуждает другие страны сделать то же самое, если не больше. И все это стоит

безумных денег. Народы изнемогают под тяжестью военных расходов. Мир обходится почти дороже войны, так что, в конце концов, война представляется уже не страшным бичом, а спасительным кризисом, который положит конец невозможной ситуации.

Вот почему интриганам всех стран, охотникам ловить рыбу в мутной воде, предоставлена возможность вызывать войну.

А средство против этого?

Упразднить прусскую систему и заменить ее настоящей народной армией, простой школой, в которую зачисляется каждый гражданин, способный носить оружие, на время, необходимое для обучения ремеслу солдата; формировать из людей, прошедших такую школу, хорошо организованные территориальные кадры запаса, с тем чтобы каждый город, каждый кантон имел свой батальон, составленный из людей, знающих друг друга, объединенных между собою, вооруженных, снаряженных и готовых к выступлению в 24 часа в случае надобности. Это значит, что у каждого будет своя винтовка и снаряжение у себя дома, как это делается в Швейцарии.

Народ, который первый введет эту систему, удвоит свою реальную военную силу и в то же время уменьшит вдвое свой военный бюджет. Он докажет свою любовь к миру тем, что вооружит всех своих граждан. Армия, которая состоит из самого народа, настолько же непригодна для внешних завоеваний, насколько необходима при защите родной территории. *И затем, какое правительство осмелится посягать на политическую свободу, если у каждого гражданина будет дома винтовка и 50 патронов?*

Лондон, 13 февраля 1887 г.

*Напечатано в «Le Socialiste» № 79
от 26 февраля 1887 г. и в «Der Sozial-
demokrat» № 11 от 11 марта 1887 г.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

ЮРИДИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ.

Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим. Европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего внешнего врага, сарацин. Единство западно-европейского мира, представлявшего группу народов, развитие которых совершалось в постоянном взаимодействии, это единство было осуществлено католицизмом. Это теологическое объединение было не только идеальным. Оно в действительности существовало не только в лице папы, своего монархического центра, но прежде всего в организованной на феодальных и иерархических началах церкви, которая в каждой стране владела приблизительно третьей частью всей земли и составляла поэтому крупную силу в феодальной организации. Церковь с ее феодальным землевладением служила реальной связью между различными странами; феодальная организация церкви освящала религией светский феодальный государственный строй. Духовенство к тому же было единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма была исходным моментом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви.

Однако в недрах феодализма развивалась сила буржуазии. Новый класс выступил против крупных землевладельцев. Горожане были прежде всего и исключительно товаропроизводителями и торговцами, между тем как феодальный способ производства главным образом покоился на потреблении продуктов, произведенных в пределах узкого круга частью самими производителями, частью феодалами, взимавшими оброк. Скроенное по феодализму католическое мировоззрение не могло уже удовлетворять этот новый класс с его условиями производства и обмена. Тем не менее, и этот новый класс еще долго оставался связанным путями всемогущей теологии. Все реформационные движения и связанная с ними борьба, происходившая с XIII до XVII столетия под религиозной фирмой, в теоретическом отношении были только повторными по-

пытками буржуазии, городских плебеев и крестьянства, в союзе с ним ставшего революционным, приспособить старое теологическое мировоззрение к изменившимся экономическим условиям и положению нового класса. Но ничего не выходило. Религиозное знамя развевалось в последний раз в XVII столетии в Англии, а меньше чем через пятьдесят лет во Франции появилось в своем настоящем виде новое мировоззрение, которое должно было стать классическим мировоззрением буржуазии, — *юридическое мировоззрение*.

Юридическое мировоззрение было обмирщением (*Verweltlichung*) теологического. Место догмы, божественного права заняло человеческое право, место церкви — государство. Хозяйственные и общественные отношения раньше воспринимались как созданные церковью и догмой ввиду того, что они были санкционированы церковью; теперь они представлялись основанными на праве и созданными государством. Так как товарообмен в общественном масштабе вызывает в своем наиболее развитом виде, особенно при системе авансов и кредита, сложные договорные взаимоотношения и тем самым предъявляет требование на общепризнанные правила, которые могут быть установлены только обществом, на правовые нормы, установленные государством, то создается представление, будто эти правовые нормы обязаны своим возникновением не экономическим отношениям, а формальным установлениям государства. А так как конкуренция — основная форма обмена свободных товаропроизводителей — величайшая уравнительница, то равенство перед законом стало основным боевым кличем буржуазии. Тот факт, что борьба этого восходящего класса против феодалов и защищавшей их тогда абсолютной монархии должна была, как всякая классовая борьба, быть борьбой политической, борьбой за обладание государственной властью, и должна была вестись за *правовые требования*, этот факт способствовал упрочению юридического мировоззрения.

Но буржуазия породила своего близнеца-антагониста, пролетариат, а вместе с ним и новую классовую борьбу, которая началась еще до того, как буржуазия окончательно завоевала политическую власть. Так же как в свое время буржуазия в борьбе против дворянства еще долго придерживалась по традиции теологического мировоззрения, и пролетариат вначале перенял от противника юридическое мировоззрение и в нем искал оружия против буржуазии. Первые пролетарские партийные организации, как и их теоретические представители, оставались всецело на юридической, «пра-

вовою почве», только они сконструировали себе не такую правовую почву, какая была у буржуазии. С одной стороны, требование равенства было расширено в том смысле, что правовое равенство должно быть дополнено общественным равенством; с другой стороны, из положения Адама Смита, что труд — источник всякого богатства, но что рабочему приходится делиться продуктом своего труда с землевладельцем и капиталистом, сделан был вывод, что это деление продукта несправедливо и должно быть или совершенно отменено, или же изменено в пользу рабочего. Но чутье подсказывало, что оставлять вопросы на чисто юридической, «правовой почве» отнюдь не значит устранить бедствия, созданные буржуазно-капиталистическим и особенно современным крупнопромышленным способом производства, и побудило уже наиболее крупных представителей ранних социалистов — Сен-Симона, Фурье и Оуэна — совершенно оставить юридическо-политическую почву и всякую политическую борьбу объявить бесплодной.

Обе эти точки зрения были одинаково непригодны для того, чтобы соответственно выразить и полностью охватить вызванные экономическим положением освободительные стремления рабочего класса. Требования равенства не в меньшей степени, чем требования полного продукта труда, запутывались в неразрешимых противоречиях, когда приходилось давать им конкретную юридическую формулировку, причем суть дела, коренное преобразование способа производства, оставалась более или менее незатронутой. Отказ от политической борьбы со стороны великих утопистов был в то же время и отказом от классовой борьбы, т. е. от единственно возможной формы участия того класса, в интересах которого они выступали. Обе точки зрения абстрагировались от тех исторических условий, которым они обязаны своим существованием; обе апеллировали к чувству: одни — к чувству справедливости, другие — к чувству человечности. Обе облакали свои требования в форму благочестивых пожеланий, о которых нельзя было сказать, почему их следовало проводить в жизнь именно теперь, а не на тысячу лет раньше или позже.

Рабочий класс, который вследствие превращения феодального способа производства в капиталистический был лишен всех собственных средств производства и под действием механизма капиталистического способа производства всегда оставался на этом наследственном положении класса, лишенного собственности, рабочий класс не может в юридической иллюзии буржуазии найти исчерпывающее выражение для условий своей жизни. Он может сам

вполне осознать эти условия своей жизни только тогда, когда будет рассматривать вещи не через юридически окрашенные очки, а в их действительности. В этом отношении помог ему Маркс своим материалистическим взглядом на историю, доказав, что все юридические, политические, философские, религиозные и тому подобные представления людей в конечном счете обязаны своим происхождением хозяйственным условиям их жизни, их способу производства и обмена продуктов. Тем самым дано было мировоззрение, соответствующее условиям жизни и борьбы пролетариата: отсутствию собственности у рабочих могло только соответствовать отсутствие иллюзий в их головах. И это пролетарское мировоззрение совершает теперь свое победное шествие по всему миру.

*Напечатано в «Neue Zeit»
за 1887 г.*

Без подписи.

ВВЕДЕНИЕ К БРОШЮРЕ БОРКГЕЙМА «НА ПАМЯТЬ УРА-ПАТРОТАМ 1806—1807 гг.»

Автор настоящей брошюры, Сигизмунд Боркгейм, родился 29 марта 1825 г. в Глогау. Окончив в 1844 г. гимназию в Берлине, он продолжал учиться в университете в Бреславле, Грейфсвальде и Берлине. Для отбывания воинской повинности ему пришлось в 1847 г. поступить в артиллерию в Глогау вольноопределяющимся с трехлетним сроком службы, так как он был слишком беден, чтобы нести расходы, связанные с одногодичной службой. После начала революции 1848 г. Боркгейм принимал участие в демократических собраниях и попал из-за них под следствие военного суда, от которого спасся бегством в Берлин. Оставшись здесь, он вначале не подвергался преследованиям и в качестве активного деятеля движения принимал живейшее участие в штурме арсенала. От угрожавшего ему за это ареста он снова спасся бегством в Швейцарию. Когда Струве в сентябре 1848 г. организовал здесь поход повстанческих отрядов в баденский Шварцвальд, Боркгейм примкнул к нему, был взят в плен и просидел в тюрьме до тех пор, пока баденская революция в мае 1849 г. не освободила заключенных.

Боркгейм отправился в Карлсруэ, чтобы в качестве солдата предложить свои услуги революции. Когда Иоганн Филипп Беккер был назначен главнокомандующим всего народного ополчения, он поручил Боркгейму сформировать батарею, для которой правительство отпустило сначала одни орудия без лошадей. Лошади все еще не были получены, когда вспыхнуло движение 6 июня; пользуясь этим движением, решительные элементы хотели побудить к более энергичным действиям дряблое временное правительство, часть которого состояла из настоящих изменников. Боркгейм вместе с Беккером также принимал участие в демонстрации, непосредственным результатом которой было только то, что Беккера со всеми его вольными отрядами и народным ополчением удалили из Карлсруэ и послали на театр военных действий на Неккар. Боркгейм не мог последовать за ним со своей батареей, пока ему не давали лошадей для орудий. Когда он, наконец, их получил, — так как

глава правительства, Брентано, был теперь всемерно заинтересован в том, чтобы отделаться от революционной батареи, — пруссаки уже завоевали Пфальц, и первая операция батареи Боркгейма состояла в том, чтобы занять позицию у Книллингенского моста для прикрытия перехода пфальцской армии на баденскую территорию.

Вместе с пфальцскими и находившимися еще в районе Карлсруэ баденскими войсками батарея Боркгейма направлялась теперь на север. 21 июня она вступила в бой у Бланкенлоха и с честью принимала участие в битве при Убштадте (25 июня). При реорганизации армии для занятия позиции на Мурге Боркгейм со своими орудиями был прикомандирован к дивизии Оборского и отличился в боях за Куппенгейм.

После отступления революционной армии на швейцарскую территорию Боркгейм направился в Женеву. Здесь он встретил своего старого начальника и друга И. Ф. Беккера, а также некоторых более молодых боевых товарищей, которые составили веселую компанию, насколько это было возможно в тяжелых условиях эмигрантской жизни. Осенью 1849 г. я проездом через Женеву провел с ними несколько веселых дней. Эту самую компанию Карл Фогт назвал «серной бандой» и своей чудовищной ложью создал ей совершенно незаслуженную посмертную известность.

Однако развлечения продолжались недолго. Летом 1850 г. рука сурового Федерального совета настигла также и безобидную «серную банду», и большинство веселых молодых людей должно было покинуть Швейцарию, так как они принадлежали к тем категориям эмигрантов, которые подлежали высылке. Боркгейм отправился в Париж, затем в Страсбург. Но и здесь ему нельзя было оставаться. В феврале 1851 г. он был арестован и этапным порядком препровожден в Кале для отправки морем в Англию. В течение трех месяцев его таскали с места на место, большей частью в кандалах, через 25 различных тюрем. Но повсюду, куда его привозили, республиканцев заранее предупреждали о его прибытии; они встречали этапного арестанта, хорошо его снабжали пищевыми продуктами, угощали, подкупали жандармов и чиновников и, где было возможно, обеспечивали дальнейший переезд. Таким путем добрался он, наконец, до Англии.

В Лондоне он застал, правда, гораздо более острую нужду среди эмигрантов, чем в Женеве или даже во Франции, но и здесь гибкость натуры не покинула его. Он искал каких бы то ни было занятий и нашел их сначала в ливерпульском эмигрантском предприятии, в которое требовались немецкие приказчики в качестве

переводчиков для многочисленных немецких эмигрантов, распро-
щавшихся со старым, вновь счастливо умиротворенным отечеством.
В то же время он искал и других деловых связей и добился в этом
отношении успеха; ему удалось в начале Крымской кампании от-
править в Балаклаву пароход со всякого рода товарами и сбывать
там этот груз частью командованию армией, частью английским
офицерам по неслыханным ценам. Он вернулся с чистой прибылью
в 15 000 ф. ст. (300 000 марок). Но этот успех побуждал его к даль-
нейшим спекуляциям. Он затеял новую поставку для английского
правительства. Так как к этому времени уже завязались мирные
переговоры, то правительство внесло в договор условие, по кото-
рому оно могло отказаться от приема товаров, если в момент их
прибытия предварительный мир уже будет заключен. Боркгейм
согласился на это условие. Когда он со своим пароходом прибыл
в Босфор, мир уже был заключен. Капитан корабля, нанятого для
плавания только в один конец, мог немедленно получить много
выгодных обратных фрахтов и потребовал немедленной разгрузки,
и так как Боркгейм не мог найти в битком набитой гавани пристан-
ница для оставшегося в его распоряжении груза, то капитан выгру-
зил все на берег на первое попавшееся место. И вот Боркгейм сидел
со своими бесполезными ящиками, тюками и бочками и должен был
беспомощно смотреть, как разворовывал его товары всякий сброд,
сбежавшийся в то время со всех концов Турции и всей Европы в
Босфор. Он вернулся в Англию таким же бедняком, каким был
раньше; все 15 000 фунтов были потеряны. Но не потеряна была
его непоколебимая гибкость натуры. Он спустил на спекуляции
свои деньги, но приобрел деловой опыт и связи в деловом мире.
Кроме того, он обнаружил, что обладает чрезвычайно тонким вкусом
дегустатора вина, и успешно занялся представительством от разных
экспортирующих фирм из Бордо.

Но в то же время он продолжал участвовать, насколько мог,
в политическом движении. Либкнехта он знал по Карлсруэ и Же-
неве. С Марксом он вошел в сношения по поводу фогтовского скан-
дала, и таким путем я также снова с ним встретился. Не связывая
себя определенной программой, Боркгейм всегда примыкал к самой
революционной партии. Основной его политической деятельностью
была борьба с главной опорой европейской реакции — русским
абсолютизмом. Чтобы лучше следить за русскими интригами, на-
правленными на подчинение балканских стран и, косвенно, на гос-
подство над Западной Европой, он усвоил русский язык и годами
изучал русские газеты и эмигрантскую литературу. Между прочим,

он перевел брошюру Серно-Соловьевича: «Наши русские дела»; в ней автор бичевал введенное Герценом (и затем продолженное Бакуниным) обыкновение русских эмигрантов лицемерно распространять о России в Западной Европе не правду, которая им хорошо была известна, а общепринятую легенду, соответствовавшую их национальным и панславистским интересам. Он написал также много статей о России в берлинской газете «Zukunft», в «Volksstaat» и др.

Летом 1876 г., во время поездки в Германию, с ним в Баденвейлере случился апоплексический удар, парализовавший на всю остальную жизнь левую сторону его тела. Он должен был оставить свои дела. Через несколько лет после этого умерла его жена. Так как он страдал грудной болезнью, то ему пришлось переселиться в Гастингс, на английское южное побережье с его мягким морским климатом. Ни паралич, ни болезнь, ни скудные, отнюдь не всегда обеспеченные средства к существованию не могли сломить его несокрушимые духовные силы. Его письма всегда отличались задорной веселостью, а при свидании с ним он заражал своим смехом. Его любимым чтением был цюрихский «Sozialdemokrat». 16 декабря 1885 г. он умер от воспаления легких.

«Ура-патриоты» появились в «Volksstaat» непосредственно после французской войны и вскоре после этого — отдельным оттиском. Они оказались прекрасно действующим противоядием против сверхпатриотического опьянения победой, в котором пребывала и еще продолжает пребывать официальная и буржуазная Германия. В самом деле, не было лучшего отрезвляющего средства, чем напоминание о том времени, когда поднятая теперь до небес Пруссия была позорно и постыдно сокрушена нападением тех самых французов, которых теперь презирают как побежденных. И это средство должно было действовать тем сильнее, что рассказ о роковых фактах мог быть заимствован из книги, в которой прусский генерал, бывший директор военной школы, изобразил эту позорную эпоху по официальным прусским документам — и, следует признать, вполне объективно и без прикрас. Большой армии, как и всякой другой крупной общественной организации, после большого поражения лучше всего уйти в себя и покаяться в своих прежних грехах. В таком положении были пруссаки после Иены и еще раз после 1850 г., когда они, правда, не понесли большого поражения, но когда с очевидностью выяснилось и для них самих и для всего мира их полное военное ничтожество в целом ряде небольших походов — в Данию и в Южную Германию — и во время первой большой мобилизации 1850 г., и тогда, когда они избежали

даже подлинного поражения только ценою политического позора Ольмюца и Варшавы. Они были вынуждены подвергнуть свое прошлое беспощадной критике, чтобы научиться, как поправить дело. Их военная литература, которая в лице Клаузевица создала звезду первой величины, очень сильно снизила с тех пор свой уровень и снова подняла его в силу этой неизбежности проверки своих сил. И одним из плодов этой самопроверки была книга Гепфнера, из которой Боркгейм заимствовал материал для своей брошюры.

И теперь еще необходимо постоянно напоминать об этой эпохе высокомерия и поражений, королевской бездарности, тупой хитрости прусских дипломатов, запутавшихся в своем собственном двоедушии, хвостовства офицеров-дворян, проявлявших самое малодушное предательство, напоминать об эпохе полного крушения государственного строя, совершенно чуждого народу, основанного на лжи и обмане. Немецкие мещане (к которым принадлежат также дворяне и князья) теперь проявляют при случае еще больше чванства и шовинизма, чем проявляли в то время; дипломатия ведет себя значительно более дерзко, но еще сохранила прежнее двоедушие; офицеры-дворяне естественными и искусственными путями значительно выросли численно, чтобы снова занять прежнее господствующее положение в армии, а государство становится все более и более чуждым интересам широких народных масс и превращается в консорциум аграриев, биржевиков и крупных промышленников для эксплуатации народа. Конечно, если дело снова дойдет до войны, то прусско-германская армия уже по одному тому, что она служит образцом организации для всех других, будет иметь значительные преимущества перед своими противниками и союзниками. Но уже никогда больше она не будет иметь тех преимуществ, какие имела в последние две войны. Например, единство высшего командования, имевшее место тогда благодаря особым счастливым обстоятельствам, и соответствующее безусловное повиновение низшего командного состава едва ли снова повторятся в таком виде. Господствующее в настоящий момент кумовство в деловых отношениях между аграрным и военным дворянством — до императорских адъютантов включительно — и биржевыми маклерами легко может сделаться роковым для снабжения армий на театре военных действий. Германия будет иметь союзников, но Германия изменит своим союзникам, и союзники изменят Германии при первом удобном случае. И, наконец, для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размаха, невиданной силы.

От 8 до 10 миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадёжная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, то мы не заплачем (*uns kann es recht sein*). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все-ж-таки (*doch*) неизбежна.

Лондон, 15 декабря 1887 г.

Напечатано в 1888 г. в Цюрихе.

Подпись: Фридрих Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ».

«Манифест» был опубликован в качестве программы Союза коммунистов, который вначале был исключительно немецкой, а позднее международной рабочей организацией и при тогдашних политических условиях в Европе до 1848 г. неизбежно был тайной организацией. На конгрессе Союза, состоявшемся в ноябре 1847 г. в Лондоне, Марксу и Энгельсу было поручено подготовить к изданию полную теоретическую и практическую программу партии. Написанная на немецком языке в январе 1848 г., рукопись была отправлена лондонскому издателю за несколько недель до французской Февральской революции. Французский перевод вышел в Париже незадолго перед Июньским восстанием 1848 г. На английском языке он появился впервые в переводе мисс Эллен Макфарлейн в 1850 г. в Лондоне в «Red Republican» Джорджа Джулпана Гарни. Вышли также датское и польское издания.

Поражение парижского Июньского восстания 1848 г., этой первой крупной битвы пролетариата с буржуазией, вновь отодвинуло на некоторое время на задний план социальные и политические задачи рабочего класса Европы. Поэтому борьба за власть снова происходила только между различными группами имущего класса, как это было до Февральской революции; рабочему классу оставалось бороться за политический плацдарм и занять положение крайнего крыла радикальной мелкой буржуазии. Всякое самостоятельное пролетарское движение, подававшее кое-какие признаки жизни, безжалостно подавлялось. Так, прусская полиция выследила Центральный комитет Союза коммунистов, находившийся в то время в Кельне. Члены его были арестованы, и после восемнадцатимесячного тюремного заключения их судили в октябре 1852 г. Этот знаменитый «Кельнский процесс коммунистов» продолжался с 4 октября по 12 ноября; семь человек из подсудимых были приговорены к тюремному заключению на сроки от трех до шести лет. Непосредственно после суда Союз был официально распущен оставшимися

членами. Что касается «Манифеста», то он с этих пор, казалось, был обречен на забвение.

Когда рабочий класс Европы опять достаточно окреп для нового наступления на господствующие классы, возникло Международное товарищество рабочих. Но это товарищество, образовавшееся с определенной целью — сплотить в одну организацию все боеспособные силы пролетариата Европы и Америки, не могло немедленно объявить своими принципами принципы, изложенные в «Манифесте». Программа Интернационала должна была быть достаточно широка, чтобы быть приемлемой для английских тред-юнионов, французских, бельгийских, итальянских и испанских прудонистов и для немецких лассальянцев *. Маркс, написавший эту программу с расчетом удовлетворить все партии, всецело полагался на умственное развитие рабочего класса, которое неизбежно должно было явиться результатом совместной деятельности и обмена мнений. Самые события и превращения борьбы против капитала, победы, а еще более поражения неизбежно должны были довести до сознания людей недостаточность излюбленных знахарских методов и подготовить их к более основательному пониманию действительных условий освобождения рабочего класса. И Маркс был прав. Рабочие в 1874 г., в период распада Интернационала, были уже совсем не такими, какими они были в 1864 г. Прудонизм во Франции, лассальянство в Германии умирали, и даже консервативные английские тред-юнионы, которые в своем большинстве еще задолго до того порвали связь с Интернационалом, постепенно двигались вперед, и председатель их конгресса, происходившего в прошлом году в Свонси, мог сказать от их имени: «Континентальный социализм перестал быть страшным для нас». Действительно, принципы «Манифеста» получили значительное распространение среди рабочих всех стран.

Таким образом, и самый «Манифест» вновь выдвигается на передний план. Немецкий текст несколько раз переиздавался после 1850 г. в Швейцарии, Англии и Америке. В 1872 г. он был переведен на английский язык в Нью-Йорке и напечатан в «Woodhull and Claflin's Weekly». С этого английского текста был напечатан французский перевод в нью-йоркском «Le Socialiste». После этого в Америке появилось по меньшей мере еще два более или менее

* Лично нам Лассаль всегда заявлял, что он ученик Маркса и в качестве такового стоял на почве «Манифеста». Но в своей публичной агитации 1862—1864 гг. он не шел дальше требования производительных товариществ с государственным кредитом.

искаженных английских перевода; один из них был издан в Англии. Первый русский перевод, сделанный Бакуниным, был издан в типографии герценовского «Колокола» в Женеве около 1863 г.; второй русский перевод, сделанный героической Верой Засулич, появился также в Женеве, в 1882 г. Новое датское издание появилось в «Socialdemokratisk Bibliothek» в Копенгагене в 1885 г.; в 1886 г. вышел новый французский перевод в парижском «Le Socialiste». С этого последнего был в 1886 г. подготовлен и опубликован испанский перевод в Мадриде. Не приходится уже говорить о повторных немецких изданиях; их было по меньшей мере двенадцать. Армянский перевод, который должен был быть напечатан несколько месяцев тому назад в Константинополе, как мне передавали, не появился на свет потому, что издатель боялся выпустить книгу с именем Маркса, а переводчик не согласился выдать «Манифест» за свое произведение. О позднейших переводах на другие языки я слышал, но не видел их. Таким образом, история «Манифеста» в значительной степени отражает историю современного рабочего движения. В настоящее время он несомненно представляет самое распространенное, наиболее международное произведение всей социалистической литературы, является общей программой, признанной миллионами рабочих от Сибиря до Калифорнии.

И, тем не менее, мы не могли назвать его *социалистическим манифестом* в то время, когда он был написан. В 1847 г. социалистами назывались, с одной стороны, приверженцы различных утопических систем: оуэнисты в Англии, фурьеристы во Франции, которые уже выродились в секты и постепенно вымирали; с другой стороны — всевозможные социальные знахари, которые обещали исцелить общественные бедствия различными снадобьями без всякого вреда для капитала и прибыли. То были в обоих случаях люди, стоявшие вне движения рабочего класса и искавшие поддержки скорее у «образованных» классов. А те группы рабочего класса, которые убеждались в недостаточности чисто политических переворотов и требовали коренного переустройства общества, называли себя тогда коммунистическими. Это был грубоватый, плохо отесанный, чисто инстинктивный коммунизм, тем не менее он добирался до кардинального момента и оказался достаточно сильным в рабочем классе для того, чтобы создать утопический коммунизм Каба во Франции и Вейтлинга в Германии. Таким образом, в 1847 г. социализм был мелкобуржуазным движением, коммунизм — рабочим движением. Социализм, по крайней мере на континенте, пользовался «уважением» (was «respectable»), коммунизм — как раз наобо-

рот. А так как мы с самого начала были того мнения, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса», то для нас не могло быть никакого сомнения в том, какое из двух названий нам следовало выбрать. Более того, нам и впоследствии никогда не приходило в голову отказываться от него.

Хотя «Манифест» — наша общая работа, я, тем не менее, считаю своим долгом констатировать, что главное положение, составляющее его основу, принадлежит Марксу. Это положение состоит в том, что в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо вытекающий из него общественный строй образуют основание, на котором строится политическая и умственная история этой эпохи и при помощи которого последняя и может только быть объяснена; что, в соответствии с этим, вся история человечества (со времени разложения первобытного родового общества с его общинным землевладением) была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, правящими и угнетенными классами; что история этой классовой борьбы достигла в своем развитии в настоящее время той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс — пролетариат — не может освободиться от ига эксплуатирующего и правящего класса — буржуазии, не освобождая в то же время всего общества навсегда от всякой эксплуатации, угнетения, разделения на классы и классовой борьбы.

К этому положению, которое, по моему мнению, должно пмечь для истории такое же значение, какое имела теория Дарвина для биологии, мы оба постепенно подходили еще за несколько лет до 1845 г. Как далеко я самостоятельно продвинулся в этом направлении, лучше всего показывает мое «Положение рабочего класса в Англии» *. Когда же я весной 1845 г. опять встретился с Марксом в Брюсселе, он уже разработал это положение и изложил его мне почти в таких же ясных выражениях, в каких я привел его здесь.

Следующие строки я привожу из нашего совместного предисловия, написанного к немецкому изданию 1872 г.:

«Хотя сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, тем не менее основные принципы, изложенные в этом «Манифесте», остаются в общем и целом совершенно правильными и по настоящее время. Кое-где можно было бы внести некоторые поправки. Практическое применение этих принципов, как указано

* The Condition of the Working Class in England in 1844. By Frederick Engels. Translated by Florence K. Wischnewetzky, New York, Lovell, London, W. Reeves, 1888.

в самом «Манифесте», будет всегда и везде зависеть от существующих в данное время исторических условий. Поэтому не следует придавать исключительного значения предложенным в конце II главы революционным мероприятиям. Это место пришлось бы теперь по многим соображениям изложить совершенно иначе. Ввиду огромного развития крупной промышленности со времени 1848 г. и одновременного расширения и улучшения организации рабочего класса, ввиду практического опыта, приобретенного сперва во время Февральской революции, а потом, в еще большей мере, во время Парижской коммуны, где впервые в руках пролетариата была политическая власть в продолжение целых двух месяцев, эта программа местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. «The Civil War in France; Address of the General Council of the International Working-men's Association», London, Truelove, 1871, p. 15 [«Гражданская война во Франции. Обращение Генерального совета Международного товарищества рабочих», Лондон, Трулав, 1871 г., стр. 15], где эта мысль развивается подробнее)¹. Далее, само собою разумеется, что критика социалистической литературы недостаточна для настоящего времени, так как она доведена только до 1847 г.; то же следует сказать о замечаниях по поводу отношения коммунистов к различным оппозиционным партиям (глава IV); хотя и теперь еще принципиально верные, эти замечания на практике устарели, потому что политическое положение совершенно изменилось, и исторический прогресс смел с лица земли большинство перечисленных там партий.

Однако «Манифест» стал историческим документом, который мы уже не считаем себя в праве изменять».

Предлагаемый перевод сделан г. Самюелем Муром, переводчиком большей части «Капитала» Маркса. Мы его совместно просмотрели, и я добавил несколько пояснений к историческим ссылкам.

Лондон, 30 января 1888 г.

Напечатано в 1888 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

¹ См. Сочинения, т. XIII, ч. 2. *Ред.*

ПРОТЕКЦИОНИЗМ И СВОБОДА ТОРГОВЛИ¹.

В конце 1847 г. в Брюсселе состоялся конгресс, посвященный свободе торговли. Это был стратегический маневр английских фабрикантов в их тогдашней кампании за свободу торговли. Одержав победу у себя дома и добившись отмены хлебных законов в 1846 г., они отправились на континент, чтобы за свободный пропуск континентального зерна в Англию потребовать свободного доступа английским промышленным товарам на континентальные рынки. На этом конгрессе Маркс записался в число ораторов. Но, как и следовало ожидать, конгресс постарались закрыть, прежде чем дошла до него очередь. Таким образом, Маркс вынужден был доложить в Брюссельской демократической ассоциации, международной организации, в которой он состоял одним из вице-президентов, о том, что он собирался сказать о свободе торговли.

Ввиду того, что вопрос — свобода торговли или протекционизм — стоит в настоящий момент в порядке дня в Америке, было признано полезным опубликовать речь Маркса на английском языке, и меня просили написать к ней несколько вводных слов.

«Система протекционизма, — говорит Маркс, — была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых рабочих, капитализировать национальные средства производства и существования, насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному»². Таков был протекционизм в период своего возникновения в XVII веке, таким он надолго перешел и в XIX век. Протекционизм считали тогда нормальной политикой всякого цивилизованного государства Запад-

¹ Примечание Энгельса к немецкому переводу: «Предисловие (переведенное автором) к печатающемуся в Нью-Йорке английскому изданию речи Маркса по вопросу о свободе торговли. Так как это предисловие в первую очередь рассчитано на американскую публику, то немецкая протекционистская политика могла быть затронута только мимоходом. Автор будет скоро, вероятно, иметь случай рассмотреть также этот вопрос специально в отношении Германии». *Ред.*

² *К. Маркс*, «Капитал», т. I, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 650. *Ред.*

ной Европы. Исключение составляли только мелкие государства Германии и Швейцарии — не потому, что им не нравилась эта система, а потому, что на таких небольших территориях ее невозможно было применять.

Под покровительственным крылышком протекционизма была высижена и развилась в Англии в течение последней трети XVIII века эта система современной крупной промышленности — производство при помощи машин, приводимых в движение паром. И, словно покровительственных тарифов было недостаточно, войны против французской революции помогали обеспечить за Англией монополию новых промышленных методов. На двадцать с лишним лет английский военный флот отрезал промышленных соперников Англии от их колониальных рынков и в то же время насильственно открывал эти рынки для английской торговли. Отторжение южноамериканских колоний от их европейских метрополий, завоевание Англией наиболее ценных французских и голландских колоний, постепенное покорение Индии превратили население всех этих огромных территорий в потребителей английских товаров. Англия дополняла таким путем протекционизм, который она применяла на внутреннем рынке, свободой торговли, которую она навязывала, где только могла, на иностранных рынках. Благодаря этому удачному сочетанию обеих систем Англия к концу войны, в 1815 г., оказалась фактическим монополистом мировой торговли во всех важнейших отраслях промышленности.

На протяжении следующих мирных лет эта монополия еще больше расширялась и укреплялась. Подъем, имевший место в Англии во время войны, с каждым годом принимал все больший размах; казалось, что она все больше и больше обгоняет всех своих возможных соперников. Вывоз промышленных товаров во все возрастающих количествах действительно сделался для этой страны вопросом жизни и смерти. Только два препятствия стояли, казалось, на ее пути: запретительное и протекционистское законодательство других стран и ввозные пошлины на сырье и пищевые продукты в Англии.

Тогда-то в стране Джона Булля приобрело популярность учение о свободе торговли классической политической экономии — французских физиократов и их английских преемников — Адама Смита и Рикардо. Протекционизм внутри страны был бесполезен фабрикантам, которые побивали всех своих иностранных соперников и самое существование которых находилось в зависимости от расширения вывоза. Протекционизм внутри страны был выгоден

только производителям пищевых продуктов и другого сырья; он отвечал интересам сельского хозяйства, или, при существовавших в то время в Англии условиях, интересам получателей ренты, землевладельческой аристократии. Но фабрикантам такой протекционизм приносил вред. Облагая пошлиной сырье, он повышал цену на вырабатываемые из него товары; облагая пищевые продукты, он повышал цену на труд; в обоих случаях он ставил английского фабриканта в невыгодное положение по сравнению с его иностранным конкурентом. А так как все другие страны посылали в Англию главным образом сельскохозяйственные продукты и вывозили оттуда преимущественно промышленные изделия, то отмена английских покровительственных пошлин, главным образом на хлеб и сырье, была одновременно призывом к другим странам, в свою очередь, отменить или, по крайней мере, снизить пошлины на ввозимые из Англии промышленные товары.

После продолжительной и упорной борьбы победа осталась за английскими промышленными капиталистами, уже в то время действительным руководящим классом нации, классом, интересы которого были в тот момент главными национальными интересами. Землевладельческая аристократия вынуждена была уступить. Пошлины на хлеб и на другое сырье были отменены. Свобода торговли сделалась лозунгом дня. Ближайшая задача английских фабрикантов и их глашатаев политико-экономов состояла в том, чтобы заставить все другие страны поверить в евангелие фритредерства и создать, таким образом, мир, в котором Англия была бы большим промышленным центром, а все остальные страны — зависящими от нее земледельческими провинциями.

Это было время Брюссельского конгресса. Тогда и подготовил Маркс свою речь. Признавая, что при некоторых условиях, как, например, в тогдашней Германии (1847 г.), протекционизм все еще может быть выгоден промышленным капиталистам; доказывая, что свободная торговля — не панацея от всех зол, от которых страдает рабочий класс, что она может даже усугубить их, — он в последнем счете принципиально высказывается за свободу торговли. Для него свобода торговли — нормальное условие современного капиталистического производства. Только при свободе торговли огромные производительные силы пара, электричества, машин могут получить полное развитие; и чем быстрее темпы этого развития, тем скорей и полней осуществляются его неизбежные следствия: расщепление общества на два класса — капиталистов и наемных рабочих; наследственное богатство на одной стороне, наследствен-

ная бедность — на другой; предложение, превышающее спрос; рынки, которые не в состоянии поглотить все возрастающую массу промышленных продуктов; неизменно повторяющиеся циклы процветания, перепроизводства, кризисов, паники, хронической депрессии и постепенного торгового оживления, которое служит предвестником не длительного улучшения, а нового перепроизводства и нового кризиса; словом, возрастание производительных сил до таких колоссальных размеров, что общественные учреждения, при которых они приведены в движение, становятся их невыносимыми оковами; единственно возможная развязка — социальная революция, освобождающая общественные производительные силы от оков устарелого социального строя, а подлинных производителей, широкие народные массы, — от наемного рабства. И потому, что свобода торговли — естественная, нормальная атмосфера для этой исторической эволюции, экономическая среда, в которой скорей всего будут созданы условия, необходимые для неизбежной социальной революции, — поэтому, и только поэтому, Маркс высказывался за свободу торговли.

Годы, непосредственно следовавшие за победой фритредерства в Англии, видимо, оправдали самые фантастические надежды на вызванное им процветание. Британская торговля возросла до сказочных размеров; промышленная монополия Англии на мировом рынке казалась более прочной, чем когда-либо раньше; новые домны, новые текстильные фабрики поднимались целыми гнездами; новые отрасли промышленности вырастали во всех концах. Правда, в 1857 г. наступил жестокий кризис, но он был преодолен, и ввиду нового подъема в торговле и промышленности дела вскоре пошли полным ходом, пока в 1866 г. снова не началась паника, которая на этот раз, повидимому, знаменует новый поворотный момент в экономической истории мира.

Небывалое развитие промышленности и торговли в Англии между 1848 и 1866 гг. несомненно было вызвано в значительной степени отменой покровительственных пошлин на пищевые продукты и сырье. Но отнюдь не только этим. Одновременно произошли и другие важные перемены, которые точно так же влияли в этом направлении. К этим годам относится открытие и разработка калифорнийских и австралийских золотых приисков, которые до огромных размеров увеличили средства обращения на мировом рынке. В эти же годы пар одерживает окончательную победу над всеми другими видами транспорта; в океанских водах пароходы совершенно вытеснили парусные суда; на суше железные дороги заняли во всех

цивилизованных странах первое место, шоссе, железные дороги — второе; транспорт сделался вчетверо быстрее и вчетверо дешевле. Ничего нет удивительного в том, что при таких благоприятных условиях английская промышленность, работающая при помощи пара, могла распространить свое влияние за счет иноземной кустарной промышленности, пользующейся ручным трудом. Но разве эти страны так и должны были сидеть и смиренно подчиняться этим переменам, которые приводили их на положение простых земледельческих придатков Англии, этой «мастерской мира»?

Иностранные государства далеко не так поступали. Франция в течение почти двухсот лет окружала свою промышленность настоящей китайской стеной охранительных и запретительных пошлин и достигла в производстве предметов роскоши и художественного вкуса такого превосходства, которое Англия и не думала оспаривать. Швейцария при полной свободе торговли обладала сравнительно важными отраслями промышленности, которых не могла затронуть английская конкуренция. Германия, при тарифе гораздо более либеральном, чем в какой бы то ни было другой большой континентальной стране, развивала свою промышленность сравнительно более быстрыми темпами, чем даже Англия. Америка, которая в гражданскую войну 1861 г. была неожиданно предоставлена своим собственным ресурсам, должна была изыскать способ, как удовлетворить внезапно возникший спрос на всякого рода промышленные изделия, и могла это сделать, только создав в собственной стране фабричную промышленность. С прекращением войны прекратился также и вызванный ею спрос; но новая промышленность осталась и должна была выдерживать английскую конкуренцию. Война укрепила в Америке сознание того, что народу в 35 миллионов, удваивающему свое население менее чем в сорок лет, обладающему такими огромными ресурсами и окруженному соседями, которые еще на много лет должны остаться по преимуществу земледельцами, — что такому народу «предназначено судьбой» стать независимым от иноземной промышленности в получении главных предметов потребления как в военное, так и в мирное время. И Америка ввела тогда протекционную систему.

Лет пятнадцать тому назад мне пришлось ехать в вагоне железной дороги с интеллигентным глазговским коммерсантом, который был, повидимому, связан с железодельательной промышленностью. В разговоре об Америке он пустился со мной в старые фритредерские разглагольствования.

«Мыслимо ли, чтобы такие деловитые коммерсанты, как аме-

риканцы, платили дань туземным металлопромышленникам и фабрикантам, тогда как они могли бы здесь у нас купить те же товары, если не лучшие, гораздо дешевле?» И он приводил мне примеры, показывавшие, какими высокими налогами облагают себя американцы, чтобы обогатить нескольких жадных металлопромышленников.

«Думаю, — отвечал я, — что в этом вопросе есть и другая сторона. Вы знаете, что Америка обладает такими запасами угля, водяной силы, железа и других руд, такими ресурсами дешевых пищевых продуктов, туземного хлопка и других видов сырья и такими преимуществами, каких нет ни в одной стране, и что эти ресурсы могут только тогда получить полное развитие, когда Америка сделается промышленной страной. Вы должны также признать, что в настоящее время такая большая страна, как Америка, не может оставаться только земледельческой страной; что это было бы равносильно обречению себя на вечное варварство и зависимое положение. Ни один великий народ не может в наше время жить без собственной промышленности. Но если Америка должна стать промышленной страной и если у нее все шансы на то, чтобы не только догнать, но и обогнать своих соперников, то перед ней открываются два пути: или, придерживаясь свободы торговли, в течение, скажем, пятидесяти лет вести чрезвычайно дорого стоящую конкурентную борьбу против английской промышленности, опередившей американскую почти на сто лет; или же покровительственными пошлинами преградить доступ английским промышленным изделиям, скажем, на двадцать пять лет, с почти абсолютной уверенностью в том, что по истечении этих двадцати пяти лет американская промышленность будет в состоянии занять прочное место на свободном мировом рынке. Какой из двух путей самый дешевый и самый короткий? В этом вопрос. Чтобы проехать из Глазго в Лондон, вы можете воспользоваться парламентским поездом¹, платя по пенсу за милю и проезжая по 12 миль в час. Но вы этого не делаете. Вам время слишком дорого, вы садитесь в экспресс, платите по 2 пенса за милю и делаете 40 миль в час. Так вот, американцы предпочитают платить за экспресс и ехать со скоростью экспресса».

Мой шотландский фритредер ничего не мог мне возразить.

Будучи способом искусственной фабрикации фабрикантов, протекционизм может поэтому оказаться выгодным не только не вполне

¹ Поезд малой скорости. *Ред.*

развитому классу капиталистов, который продолжает еще борьбу с феодализмом; он может быть также полезен восходящему капиталистическому классу в стране, подобно Америке, никогда не знавшей феодализма, но достигшей такой степени развития, когда переход от сельского хозяйства к промышленности становится необходимостью. Находясь в таком положении, Америка и решила перейти к протекционизму. С тех пор как это решение было принято, прошло около двадцати пяти лет, о которых я говорил своему спутнику, и если я тогда не ошибался, то протекционизм должен был уже сыграть свою роль для Америки и в настоящее время сделаться для нее стеснительным.

Таково было с некоторого времени мое мнение. Года два тому назад я говорил американцу-протекционисту: «Я убежден, что если Америка введет свободу торговли, то она через десять лет побьет Англию на мировом рынке».

Протекционизм — это, в лучшем случае, бесконечный винт, и вы никогда не знаете, когда вы с ним дойдете до конца. Охраняя одну отрасль промышленности, вы прямо или косвенно наносите вред всем остальным, и вам поэтому приходится охранять и их. Этим же вы вновь наносите ущерб той отрасли промышленности, которую вначале охраняли, и вам приходится возмещать ее убытки, но эта компенсация, в свою очередь, влияет, как в первом случае, на все остальные отрасли и дает им право на возмещение убытков, — и так *in infinitum* [до бесконечности]. Америка в этом отношении представляет нам разительный пример того, как протекционизмом можно задуть важную отрасль промышленности. В 1856 г. общая сумма ввоза и вывоза морем составляла в Соединенных Штатах 641 604 850 долларов; из этого количества 75,2% перевезено на американских и только 24,8% на иностранных судах. Британские океанские пароходы уже тогда начали вытеснять американские парусные суда; однако в 1860 г. из общего оборота морской торговли в 762 288 550 долларов на долю американских судов все еще приходилось 66,5%. Настушила гражданская война, и протекционная система была в Америке распространена на судостроение; это мероприятие оказалось столь успешным, что американский флаг почти совершенно исчез в открытом море. В 1887 г. общий оборот морской торговли Соединенных Штатов равнялся 1 408 502 979 долларов; но из этой суммы только 13,80% было перевезено на американских судах и 86,20% на иностранных. В 1856 г. на американских судах перевезено было товаров на сумму 482 268 274 доллара, в 1860 — на сумму 507 247 757 долларов. В 1887 г. эта сумма упала до

194 356 746 долларов *. Сорок лет тому назад американский флаг был самым опасным соперником британского флага и грозил опередить его в океанских водах; теперь его не видно. Протекционная система в судостроении убила и судоходство и судостроение.

Другой момент. Усовершенствования в методах производства так быстро следуют в наше время одни за другими и так внезапно и основательно меняют характер целых отраслей промышленности, что то, что вчера еще могло быть выгодно установленным протекционным тарифом, сегодня уже не представляет этого. Возьмем другой пример из отчета министерства финансов за 1887 г.:

«Усовершенствования, введенные за последние годы в кардочесальных машинах, до такой степени изменили качество так называемых камвольных тканей, что эти изделия в очень значительной степени вытеснили обыкновенную шерстяную материю, употреблявшуюся для одежды. Эти изменения... нанесли существенный ущерб нашему отечественному производству этих (камвольных) товаров, так как шерсть, которая идет на их изготовление, оплачивается такой же пошлиной, как и шерсть, из которой изготовляют обыкновенные шерстяные ткани; между тем, пошлина на последний товар при цене не свыше 80 центов за фунт выражается в 35 центов за фунт и 35% ad valorem [со стоимости], тогда как пошлина на камвольный товар при цене, не превышающей 80 центов, составляет от 10 до 24 центов за фунт и 35% ad valorem [со стоимости]. В некоторых случаях пошлина на шерсть, идущая на изготовление камвольных изделий, *превышает пошлину на готовый товар*».

Таким образом, то, что вчера служило охраной для туземной промышленности, сегодня превращается в премию для иностранного импортера, и прав министр финансов, когда говорит: «Есть много оснований предполагать, что производство камвольных изделий должно будет у нас скоро прекратиться, если тариф соответственно не будет изменен» (стр. XIX). Но для того чтобы изменить тариф, вам придется бороться с фабрикантами шерстяных тканей, которые выигрывают от современного положения вещей; вам придется вести правильную кампанию, чтобы добиться большинства в обеих палатах конгресса и, наконец, завоевать общественное мнение страны; но еще вопрос, окупится ли это.

Но самое худшее в протекционизме — это то, что раз он введен, от него трудно избавиться. Как ни трудно установить правиль-

* Годовой отчет министерства финансов и г. д. за 1887 г. Вашингтон, 1887 г., стр. XXVIII, XXIX.

ный тариф, неизмеримо трудней вернуться к свободной торговле. Условия, позволившие Англии осуществить этот переход в течение немногих лет, не повторятся вновь. Но и там борьба, начавшаяся в 1823 г. (Хаскисон), имела первый успех в 1842 г. (тариф Пилля) и продолжалась еще несколько лет после отмены хлебных законов. Так, протекционизм в шелковой промышленности (единственной, которая должна была опасаться иностранной конкуренции) был сначала продлен на ряд лет, а затем разрешен в другой, безусловно позорной форме; тогда как другие отрасли текстильной промышленности были подчинены фабричному закону (Factory Act), ограничивающему рабочее время женщин, подростков и детей, в шелковой промышленности был допущен ряд существенных исключений из общего правила: здесь было разрешено брать на работу детей более раннего возраста, чем в других отраслях текстильной промышленности, и заставлять детей и подростков работать большее количество часов. Отменив монополию в интересах иностранных конкурентов, лицемерные фритредеры восстановили ее за счет здоровья и жизни английских детей.

Но ни одна страна не будет в состоянии снова произвести переход от протекционизма к свободе торговли в такой момент, когда все или почти все отрасли ее промышленности сумеют выдерживать конкуренцию с иностранной промышленностью на свободных рынках. Необходимость такого перехода наступит гораздо раньше, чем можно надеяться на такое счастливое положение. Эта необходимость обнаружится в разных отраслях промышленности в разное время. На почве противоречивых интересов в этих отраслях возникнут весьма назидательные ссоры, кулуарные интриги и парламентские конспирации. Владельцы машиностроительных, механических и судостроительных заводов, может быть, находят, что покровительственная система, охраняющая владельцев литейных заводов, настолько поднимает цену на их товары, что в силу этого, и только в силу этого, их экспорт становится невозможен; фабриканты хлопчатобумажных тканей видели бы свою задачу в том, чтобы вытеснить английские материи с китайских и индийских рынков, если бы не высокая цена на пряжу, которую им приходится платить за покровительство прядильной промышленности и т. д. В тот момент, когда какая-нибудь отрасль национальной промышленности вполне завоевывает внутренний рынок, вывоз становится для нее необходимостью. В условиях капиталистического строя отрасли промышленности или расширяются, или приходят в упадок. Они не могут оставаться в стационарном состоянии; остановка в росте — начало

разорения; рост изобретений в механике и химии, неизменно вытесняя труд человека, содействуя еще более быстрому увеличению и концентрации капитала, создает в каждой застойной промышленности избыток труда и капитала, избыток, которому нет нигде применения, так как тот же процесс происходит и во всех других отраслях промышленности. Таким образом, переход от внутренней торговли к экспортной становится вопросом жизни или смерти для соответствующих отраслей промышленности, но им противостоят установленные права и особые интересы других, которым протекционизм представляется пока более надежным и более выгодным, чем свобода торговли. Тогда наступает продолжительная и упорная борьба между фритредерами и протекционистами; руководство этой борьбой с обеих сторон вскоре переходит из рук людей, непосредственно заинтересованных, в руки профессиональных политиков, заправил традиционных политических партий; интересы этих политиков не в том, чтобы разрешить вопрос, а в том, чтобы оставить его навсегда открытым; в результате огромной потери времени, энергии и денег появляется ряд компромиссов, благоприятных то для одной, то для другой стороны и медленно, хотя и не величественно, идущих в направлении свободы торговли, — если только тем временем протекционизм не сумеет сделаться совершенно нестерпимым для нации, а это, повидимому, как раз теперь имеет место в Америке.

Существует, однако, другой вид протекционизма, худший из всех, — он-то и практикуется в Германии. Германия после 1815 г. также начала ощущать потребность в более быстром развитии своей промышленности. Но первым условием для этого было создание внутреннего рынка путем уничтожения бесчисленных таможенных границ между мелкими немецкими государствами и разнообразия их фискального законодательства, другими словами — образование Германского таможенного союза (Zollverein). Это возможно было осуществить только на основе либерального тарифа, рассчитанного скорее на увеличение государственных доходов, чем на защиту отечественного производства. Ни на каких других условиях нельзя было бы убедить мелкие государства присоединиться к Союзу. Таким образом, новый германский тариф, хотя до известной степени и покровительствовал некоторым отраслям промышленности, был, однако, в то время, когда его ввели, образцом фритредерского законодательства. Таким он и оставался, несмотря на то, что уже начиная с 1830 г. большинство немецких промышленников громко требовало покровительственных пошлин. Тем не менее, при этом

чрезвычайно либеральном тарифе и несмотря на то, что немецкая кустарная промышленность, основанная на ручном труде, была безжалостно раздавлена и вытеснена конкуренцией английских фабрик, работающих при помощи пара, переход от ручного труда к машинному постепенно совершался и в Германии и в настоящее время почти закончен; одновременно происходило превращение Германии из земледельческой страны в промышленную; начиная с 1866 г. этому превращению содействовали благоприятные политические события; установление сильной центральной власти и общесоюзного законодательства, обеспечивающего единообразие законов, регулирующих торгово-промышленный оборот, а также единую денежную систему и единую систему мер и весов; и, наконец, приток французских миллиардов. Таким образом, около 1874 г. торговля Германии на мировом рынке занимала второе место после Великобритании *, Германия применяла на фабриках и на транспорте больше паровой силы, чем какая-либо другая европейская страна на континенте. Это, таким образом, доказывает, что даже теперь, несмотря на огромный путь, пройденный английской промышленностью, большое государство может добиться успешной конкуренции с Англией на свободном рынке.

Но неожиданно произошла перемена фронта: Германия перешла к протекционной системе в тот момент, когда свободная торговля была, казалось, для нее более чем когда-либо необходимостью. Переход этот, несомненно, был абсурдом; но он может быть объяснен. Пока Германия была страной, вывозящей хлеб, все представители интересов сельского хозяйства, точно так же как и представители судоходной промышленности, были горячими приверженцами свободы торговли. Но в 1874 г., вместо того чтобы экспортировать хлеб, Германия нуждалась в импорте большого количества хлеба из-за границы. Около того же времени Америка стала наводнять Европу огромным количеством дешевой пшеницы; всюду, куда только проникала эта пшеница, она понижала денежные доходы, получаемые от земли, а следовательно и земельную ренту; и с этого момента представители интересов сельского хозяйства во всей Европе стали громко требовать охранительных законов. В то же время промышленники в Германии страдали от последствий чрезмерного перепроизводства, вызванного притоком французских

* Общий оборот по импорту и экспорту за 1874 г. в миллионах долларов: Великобритания — 3 300; Германия — 2 325; Франция — 1 665; Соединенные Штаты — 1 245 (*Кольб, Статистика, 7-е издание. Лейпциг, 1875 г., стр. 790*).

миллиардов, между тем как Англия, промышленность которой со времени кризиса 1866 г. была в состоянии хронической депрессии, наводняла все доступные рынки товарами, которых она не могла продать у себя и которые предлагала за границей по разорительно низким ценам. Тогда немецкие промышленники, несмотря на то, что сами более всего находились в зависимости от экспорта, начали смотреть на покровительственную систему как на средство, которым можно обеспечить внутренний рынок исключительно за собой. А правительство, находящееся целиком в руках земельной аристократии и дворянства, было счастливо воспользоваться случаем, чтобы облагодетельствовать получателей земельной ренты введением покровительственных пошлин как для землевладельцев, так и для фабрикантов. В 1878 г. был установлен высокий протекционистский тариф как для продуктов сельского хозяйства, так и для промышленных товаров.

В результате экспорт германских промышленных товаров производился с этих пор непосредственно за счет отечественных потребителей. Где только возможно было, образовывались «ринги» или «тресты» для регулирования экспортной торговли и даже самого производства. Германская железодельная промышленность сосредоточена в руках немногих крупных фирм, большей частью акционерных компаний, которые, вместе взятые, могут производить приблизительно в четыре раза больше железа, чем страна может в среднем поглощать. Во избежание бесполезной взаимной конкуренции эти фирмы образовали трест, который распределяет между ними все контракты с иностранцами и устанавливает в каждом отдельном случае ту фирму, которая должна сделать конкретное предложение. Этот «трест» несколько лет тому назад вошел даже в соглашение с владельцами английских железодельных заводов, но соглашения этого теперь уже не существует. Точно так же вестфальские угольные копи (производящие около 30 миллионов тонн ежегодно) образовали трест для регулирования производства, заявок на договоры и цен. Вообще всякий немецкий промышленник вам скажет, что единственная возможность, которую покровительственные пошлины дают ему, это — возместить на внутреннем рынке убытки, получаемые от разорительных цен на внешнем рынке. Но это еще не все. Эта нелепая система покровительства промышленникам — не что иное, как подачка, брошенная промышленным капиталистам для того, чтобы заставить их поддержать еще более бессмысленную монополию, предоставленную аграриям. Все сельскохозяйственные продукты не только обложены высокими

ввозными пошлинами, возрастающими из года в год, но некоторые отрасли сельскохозяйственной промышленности, разрабатываемые в крупных поместьях за счет владельцев, по существу субсидируются из общественного кошелька. Свеклосахарная промышленность не только охраняется пошлинами, но получает еще огромные суммы в виде экспортных премий. Одно хорошо осведомленное лицо выразило мнение, что если бы весь экспортируемый сахар был выброшен в море, свеклосахарный промышленник все же извлек бы прибыль из правительственных премий. Точно так же, согласно новейшему законодательному акту, картофельные винокуренные заводы получают из общественного кармана подарок приблизительно в 9 миллионов долларов в год. А так как почти каждый землевладелец в северо-восточной Германии — свеклосахарный или винокуренный заводчик, а иногда бывает и тем и другим одновременно, то не удивительно, что мир буквально наводнен их продукцией.

Эта политика, разорительная при всяких обстоятельствах, вдвойне разорительна для страны, промышленность которой удерживает свое место на нейтральных рынках главным образом дешевой рабочей силой. Заработная плата в Германии, которая даже в лучшие времена держится почти на голодном уровне в силу избыточности населения (быстро растущего, несмотря на эмиграцию), должна повыситься в результате вызванного протекционизмом повышения цен на пищевые продукты; и тогда немецкий промышленник не будет в состоянии, как это слишком часто теперь случается, вознаградить себя за разорительно низкую цену своих товаров путем вычета из нормальной заработной платы своих рабочих и будет вытеснен с рынка. Протекционизм в Германии убивает курицу, несущую золотые яйца.

Франция также страдает от последствий протекционизма. Эта система, безраздельно господствовавшая в названной стране в течение двух столетий, сделалась существенной частью жизни нации. Тем не менее, она все более и более становится препятствием. Постоянные изменения в методах производства стоят в порядке дня, но протекционизм преграждает им путь. В шелковом бархате в настоящее время изнанка делается из тонких бумажных ниток; французский фабрикант должен или платить за эти нитки высокую цену, обусловленную покровительственной пошлиной, или же подвергаться такой бесконечной бюрократической волоките, которая целиком съедает разницу между этой ценой и правительственной экспортной возвратной пошлиной, и поэтому бархатная промышленность уходит из Лиона в Крефельд, где ввозные пошлины на тонкие

бумажные нитки гораздо ниже. Французский экспорт, как указано выше, состоит главным образом из предметов роскоши; в этой отрасли французский вкус до сих пор не может быть превзойден, но потребителями этих изделий во всем мире бывают главным образом современные капиталистические выскочки, невоспитанные и безвкуса и вполне удовлетворяющиеся грубой и дешевой немецкой или английской подделкой, которая часто подсовывается им по вздутым ценам вместо подлинно французского товара. Рынок для тех специальных изделий, которые нигде не могут быть изготовлены, кроме Франции, все больше суживается, вывоз французских товаров с трудом поддерживается на прежнем уровне и вскоре начнет падать. Какими новыми товарами может Франция заменить те, экспорт которых отмирает?

Если здесь еще чем-нибудь можно помочь, то только решительным шагом — переходом к свободе торговли, которая вновь выведет французского промышленника из привычной для него тепличной атмосферы на свежий воздух конкуренции с иностранными соперниками. И действительно, главные отрасли французской торговли давно начали бы падать, если бы не этот скромный, нерешительный шаг к свободе торговли — Кобденовский договор 1860 г. Но его действие уже почти прекратилось, и требуется более сильная доза того же укрепляющего средства.

О России едва ли стоит упоминать. Там пошлины уплачиваются золотом, а не обесцененными бумажными деньгами, обращающимися в стране, и покровительственный тариф служит прежде всего для снабжения нищего правительства звонкой монетой, необходимой ему для сделок с иностранными кредиторами; в тот самый день, когда этот тариф выполнит свою протекционистскую миссию, совершенно вытеснив иностранные товары, в этот самый день русское правительство обанкротится. И, тем не менее, это самое правительство обнадеживает своих подданных, рисуя перед ними планы превращения России при помощи этого тарифа в страну, целиком самоснабжающуюся, не требующую от иностранцев ни пищевых продуктов, ни сырья, ни промышленных изделий, ни произведений искусства. Люди, верящие в этот призрак Российской империи, обособленной и изолированной от остального мира, стоят на одном уровне с прусским лейтенантом-патриотом, который пришел в магазин и потребовал глобус, — не земного шара или небесной сферы, а глобус Пруссии.

Но вернемся к Америке. По имеющимся уже многим симптомам, протекционизм дал Соединенным Штатам все, что мог, и чем

скорей ему будет дана отставка, тем лучше для всех. Один из этих симптомов — это образование «рингов» и «трестов» в охраняемых отраслях промышленности с целью более полного использования дарованной им монополии. «Ринги» и «тресты» — подлинно американские организации, и там, где они эксплуатируют естественные преимущества, их в общем терпят, хотя и неохотно. Превращение пенсильванской нефтяной промышленности в монополию Standard Oil Company — мера, вполне соответствующая законам капиталистического производства. Но когда владельцы сахаро-рафинадных заводов пытаются превратить оказанное им нацией покровительство для защиты против иностранной конкуренции в монополию, направленную против отечественного потребителя, т. е. против той самой нации, которая оказала это покровительство, то это уже совершенно другое дело. Тем не менее, крупные сахарозаводчики образовали «трест», цель которого именно такова. И сахарный трест — не единственный в своем роде. Образование подобных трестов в покровительствуемых отраслях промышленности — самый верный признак того, что протекционизм сделал свое дело и что изменяется самый его характер; что он защищает производителя уже не от иностранного импортера, а от внутреннего потребителя; что им создано, по крайней мере в данной специальной отрасли, совершенно достаточно, если не слишком много фабрикантов; что те деньги, которые он кладет в кошелек этих фабрикантов, это выброшенные деньги, — совсем как в Германии.

В Америке, как и в других странах, в пользу протекционизма выдвигается аргумент, что свободная торговля будет выгодна только для одной Англии. Лучшим доказательством для противоположного вывода служит то, что в Англии не только сельские хозяева и землевладельцы, но даже промышленники переходят на сторону протекционизма. На самой родине «Манчестерской школы» фритредерства 1 ноября 1886 г. Манчестерская торговая палата обсуждала следующую резолюцию: «Напрасно прождав сорок лет в расчете, что другие страны последуют фритредерскому примеру Англии, палата считает, что наступило время пересмотреть этот вопрос». Резолюция была, правда, отвергнута, но 22 голосами против 21! И это происходило в самом центре английской хлопчатобумажной промышленности, т. е. единственной отрасли английской промышленности, превосходство которой на свободном рынке представляется до сих пор неоспоримым! Но дело в том, что даже в этой специальной области изобретательский гений из Англии перекочевал в Америку. Последние усовершенствования в прядильных и ткац-

ких машинах для хлопка почти все пришли из Америки, и Манчестеру пришлось ввести их у себя. Во всякого рода промышленных изобретениях Америке определенно принадлежит руководящая роль, между тем как Германия занимает место непосредственно за Англией. В Англии все более растет сознание, что ее промышленная монополия безвозвратно утрачена, что она, по сравнению с другими странами, неизменно теряет почву, между тем как ее соперники делают успехи, и что мало-по-малу она дойдет до того, что ей придется довольствоваться положением одной из многих промышленных стран, вместо того чтобы быть, как она когда-то мечтала, «мастерской мира». Для того чтобы отвести от себя грозные удары судьбы, сыновья тех самых людей, которые сорок лет тому назад видели спасение только в свободе торговли, страстно взывают теперь к протекционизму, плохо завуалированному «свободной торговлей» и репрессивными пошлинами. Когда английские промышленники находят, что свобода торговли их разоряет, и просят правительство защитить их от иностранных конкурентов, тогда именно для этих конкурентов наступает момент для того, чтобы свести с ними свои счеты и, выбросив за борт бесполезный отныне протекционизм, повернуть против падающей английской промышленной монополии собственное ее оружие — свободу торговли.

Однако, как я уже говорил, легко ввести протекционизм, но трудно от него избавиться. Установив покровительственную систему, законодательство создало крупные интересы, за которые оно ответственно. И не каждая из заинтересованных различных отраслей промышленности одинаково готова в данный момент выдержать открытую конкуренцию. Одни сильно отстают, тогда как другие уже не нуждаются в няньке. Такое различие в положении неизбежно вызовет обычные кулуарные интриги и уже само по себе служит надежной гарантией того, что в случае, если вопрос будет решен в пользу свободы торговли, для покровительствуемых отраслей промышленности будут созданы весьма льготные условия, так же как это было с шелковой промышленностью в Англии после 1846 г. Это при теперешних условиях неизбежно, и фритредеры должны будут этому подчиниться, пока переход от протекционизма к свободе торговли решен в принципе.

Вопрос о свободе торговли и протекционизме целиком относится к проблемам современной системы капиталистического производства и потому не представляет непосредственного интереса для нас, социалистов, стремящихся к устранению этой системы. Косвенно, однако, он интересует и нас, поскольку мы должны же

лать, чтобы современная система производства развивалась и распространялась возможно быстрее и свободней, потому что одновременно с этим развиваются и те экономические явления, которые служат ее неизбежными следствиями и должны разрушить всю систему: нищета широких народных масс в результате перепроизводства; вызванные этим перепроизводством периодическое переполнение рынка и кризисы, сопровождаемые паникой, или же хронический застой в торговле; деление общества на малочисленный класс крупных капиталистов и многочисленный класс фактически наследственных наемных рабов, пролетариев, число которых постоянно возрастает, но которые в то же время постоянно замещаются новыми машинами, сокращающими применение труда; словом, — общество, загнанное в тупик, из которого нет иного выхода, как только путем полного преобразования того экономического строя, который составляет основу этого общества. С этой точки зрения Марке сорок лет тому назад высказался в принципе за свободу торговли как за более прогрессивную систему, т. е. такую, которая скорей заведет капиталистическое общество в этот тупик. Но если на этом основании Марке высказывался за свободу торговли, то не служит ли это основанием для каждого сторонника современного общественного порядка высказываться против свободы торговли? Если установлено, что свободная торговля революционна, то не должны ли все добрые граждане подавать голос за протекционизм как за консервативную систему?

Если в наши дни какая-либо страна введет свободу торговли, то, конечно, не для того, чтобы доставить удовольствие социалистам. Это будет сделано потому, что свобода торговли стала необходимостью для промышленных капиталистов. Но если эта страна откажется от свободы торговли и будет цепляться за протекционизм, для того чтобы обмануть надежды социалистов на ожидаемую социальную катастрофу, то это ни в коей мере не повредит видам на социализм. Протекционизм — система искусственной фабрикации фабрикантов и поэтому также система искусственной фабрикации наемных рабочих. Вы не можете разводить одних, не разводя других. Наемный рабочий всюду следует по стопам фабриканта; он подобен «мрачной заботе» Горация, которая сидит позади всадника и от которой он не может избавиться, куда бы он ни поехал. Вы не можете уйти от своей судьбы, — другими словами, вы не можете уйти от неизбежных последствий ваших собственных действий. Система производства, основанная на эксплуатации наемного труда, система, при которой богатство возрастает пропорционально числу

занятых и эксплуатируемых рабочих, такая система неизбежно увеличивает численность класса наемных рабочих, т. е. класса, который призван в один прекрасный день разрушить самую систему. Но в то же время другого выхода нет; вы должны продолжать развивать капиталистическую систему, вы должны ускорять производство, накопление и централизацию капитала и попутно производство революционного класса рабочих. В конце концов безразлично, пойдете ли вы путем протекционизма или свободы торговли; едва ли это изменит срок наступления конца. Задолго до этого дня протекционизм превратится в невыносимое препятствие для всякой страны, которая с видами на успех стремится удержать самостоятельное положение на мировом рынке.

Напечатано в «Neue Zeit» в июле 1888 г. и в американском издании речи Маркса о свободе торговли на английском языке в 1889 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

ПОССИБИЛИСТСКИЕ МАНДАТЫ.

Сторонники парижского конгресса поссibiliстов — небезызвестный Смит Хедингли из «Star», Г. Бероз и г-жа Безант из еженедельника «Press» — без конца повторяют, что их конгресс состоял из подлинных представителей, тогда как на конгрессе марксистов были люди, представлявшие только самих себя, и поэтому они не осмелились выполнить требование поссibiliстов — показать свои мандаты. Английские делегаты конгресса марксистов, конечно, постараются при случае доказать лживость возводимых на них обвинений; поэтому мы можем пока не касаться этой части вопроса; заметим только, что поссibiliсты вряд ли могли бы нанести конгрессу марксистов большее оскорбление, чем нанесли своим требованием признать произведенную последними проверку своих мандатов недействительной и произвести ее вторично, несмотря на то, что она была закончена уже на второй (или на третий?) день; между тем, сами поссibiliсты в своей резолюции по этому вопросу, со своей стороны, тщательно избегали обязательства дать марксистам свои мандаты для проверки.

Что сказанное выше правильно освещает вопрос и что у поссibiliстов было гораздо больше оснований, чем у марксистов, не показывать своих мандатов никому, кроме своих друзей, доказывает сообщение д-ра Адлера на конгрессе марксистов о том, что ему стало известно об «австрийских» делегатах поссibiliстов. Так как это сообщение характеризует тот способ, каким поссibiliсты фабриковали подлинных делегатов, то оно заслуживает того, чтобы его напечатали.

В поссibiliстском списке делегатов, в рубрике «Австрия», представлены следующие общества: «Венский союз булочников», «Федерация Верхней Австрии и Зальцбурга», «Федерация рабочих Богемии, Моравии и Силезии». Д-р Адлер, который в течение последних трех лет с удивительной энергией, тактом и настойчивостью реорганизовал социалистическое движение в Австрии и знает каждое рабочее общество в каждом из австрийских городов, сообщил конгрессу, что у всех этих обществ, каковы бы

ни были их прочие заслуги, есть один роковой недостаток — *они не существуют*.

Когда в Париже стало известно, что в воскресенье открылся конгресс марксистов и что на нем присутствуют делегаты из Австрии, в понедельник на конгресс пришли два австрийца и виделись с д-ром Адлером. Они рассказали ему, что они — булочники и с некоторого времени работают в Париже; что один венгерский булочник, по фамилии Добоши, пригласил их в качестве «делегатов» на рабочий конгресс; тот ли самый это конгресс? Адлер расспросил их и выяснил, что их пригласили на конгресс поссибилистов, на который у них были членские билеты; они сказали тем, кто их приглашал, что они никого не представляют, кроме самих себя; им ответили, что это ничего не значит; так как Австрия—деспотическая страна, то настоящих мандатов не требуется; теперь они узнали, что подлинные австрийские делегаты присутствуют на настоящем конгрессе; как им теперь поступить? Австрийские делегаты сказали им, что незачем играть в делегаты на каком бы то ни было конгрессе. Они условились относительно следующего свидания. Через день или два они снова пришли, присутствовали на заседании конгресса марксистов и затем заявили, что им необходимо выйти из этого ложного положения, — они это сами видят, — но как? Им посоветовали вернуть мандаты. У них таковых не оказалось. Тогда верните ваши членские билеты. Они обещали так поступить и пришли сообщить, что они это сделали.

Вот пример того, что поссибилисты и их английские сторонники называют «подлинным представительством». А во внушительном списке венгерских обществ, названия которых так хорошо скрыты опечатками, что только в отношении нескольких можно узнать местность, где они якобы находятся, и эти общества, согласно сообщению действительных венгерских делегатов конгресса марксистов, также существуют только в воображении поссибилистов; слишком грубо здесь стряпают небыллицы. «Общества изучения социального вопроса и федерация Хорватии, Славонии, Далмации, Триеста и Фиуме» — на этом громком названии лежит слишком яркая печать его парижского происхождения. И ведь за всем этим нет даже трех портных с Тулистрит ¹.

Нам, далее, говорят, будто абсолютно неверно, что конгресс

¹ Трое портных с Тулистрит (т. е. с улицы Тули), по словам Кеннинга (Canning), начинают свою петицию в парламент словами: «Мы, английский народ...». *Ред.*

поссибилистов был только конгрессом тред-юнионов. Герберт Бероз крайне возмущен такой клеветой: за исключением нескольких английских тред-юнионистов, «все делегаты» были революционные социалисты и, как таковые, представляли соответствующие общества. Хорошо, приведем только один пример. Что говорит мадридский «El Socialista» (от 26 июля) об испанских делегатах-поссибилистах? Что «они говорят, будто они представляют 20 тысяч социалистов, тогда как они являются делегатами только таких обществ, куда допускаются как карлисты ¹, так и революционные социалисты», от клубов, которые совершенно не занимаются политикой, т. е. фактически от таких, которые в Англии называются тред-юнионами

Напечатано в «The Labour Elector»

10 августа 1889 г.

Без подписи ².

¹ Сторонники Дон-Карлоса, претендента на испанский престол. *Ред.*

² Об авторстве Энгельса см. письмо Энгельса Зорге от 17 августа 1889 г. Письма Маркса и Энгельса и др. к Зорге и др.). *Ред.*

ОТСТАВКА БУРЖУАЗИИ.

Из всей мировой буржуазии английская национальная буржуазия несомненно больше всех проявила до настоящего времени классовой сознательности, т. е. политического ума.

Наша *немецкая* буржуазия глупа и труслива; она даже не сумела взять политическую власть, завоеванную для нее в 1848 г. рабочим классом, и удержать ее в своих руках; в Германии рабочий класс должен еще вымести остатки феодализма и патриархального абсолютизма, которые наша буржуазия давно обязана была устранить.

Французская буржуазия, наиболее корыстолюбивая и из всех наиболее падкая до наслаждений, ослеплена своим корыстолюбием и не видит своих собственных будущих интересов; она живет изо дня в день; в бешеной погоне за наживой она бросается на самый скандальный подкуп, объявляет подходящий налог государственной изменой социалистов и не может иначе встретить забастовку, как только ружейными залпами, и доводит этим дело до того, что в республике со всеобщим избирательным правом у рабочих почти не остается других путей к победе, кроме насильственной революции ¹.

Английская буржуазия не так глупо жадна, как французская и не так глупо труслива, как немецкая. В период своих величайших триумфов она постоянно делала рабочим уступки; даже наиболее ограниченная ее часть, консервативная земельная и финансовая аристократия, не побоялась предоставить городским рабочим столь широкое право голоса, что только по вине самих рабочих у них с 1868 г. нет 40—50 представителей в парламенте. А с тех пор вся буржуазия — консервативная и либеральная вместе — распространила расширенное избирательное право и на сельские округа, при-

¹ В «Berliner Volkstribune» конец фразы изменен — очевидно, в силу цензурных условий — и гласит: «dass in einer Republik mit allgemeinen Stimmrecht die Arbeiter von diesem Rechte wenig zu erwarten haben» [«что в республике со всеобщим избирательным правом рабочие мало чего могут ожидать от этого права»]. *Ред.*

близительно выравнивала избирательные округа и таким образом предоставила в распоряжение рабочего класса по крайней мере тридцать новых избирательных округов.

В то время как немецкая буржуазия никогда не обладала способностью вести за собой нацию и представлять ее в качестве господствующего класса; в то время как французская буржуазия каждый день доказывает — лишней раз она это доказала на последних выборах, — что она совершенно потеряла эту способность, которой она когда-то обладала в большей степени, чем всякая другая буржуазия, английская буржуазия (в состав которой входит растворившаяся в ней так называемая аристократия) проявила до последнего времени известную способность выполнять, хотя бы до некоторой степени, роль руководящего класса.

Но теперь положение это, повидимому, все больше и больше изменяется.

В Лондоне все, что связано со старым городским управлением, — с устройством и управлением собственно Сити, — представляет еще чистейшее средневековье. Сюда же относится и лондонский порт, первый порт в мире. Владельцы пристаней (wharfin-gers), грузчики (lightermen) и лодочники (watermen) образуют настоящие цехи со специальными привилегиями, а отчасти еще и со средневековыми костюмами. Эти старинные цеховые привилегии за последние семьдесят лет увенчивала монополия доковых обществ; вместе с тем весь огромный лондонский порт был передан небольшому числу привилегированных корпораций для беспощадной эксплуатации. И все это привилегированное уродливое создание увековечивается и делается, так сказать, неприкосновенным в силу бесконечного ряда запутанных и противоречивых парламентских актов, которыми оно было произведено и выращено, и этот юридический лабиринт стал, таким образом, его лучшей защитой.

Но в то время как перед торгующей публикой эти корпорации надменно отстаивают свои средневековые привилегии и делают Лондон самым дорогим портом в мире, члены этого общества превратились в настоящих буржуа, которые, кроме своих клиентов, самым бесстыдным образом эксплуатируют и своих рабочих, используя таким путем выгоды средневекового цехового общества и современного капиталистического.

Так как, однако, эта эксплуатация совершалась в рамках современного капиталистического общества, то она была подчинена законам этого общества, несмотря на средневековый наряд. Боль-

шие пожирала малых или, по крайней мере, приковывала их к своей триумфальной колеснице. Крупные доковые компании стали господами над цехами владельцев верфей, грузчиков и лодочников и, следовательно, над всем лондонским портом. Перспектива неограниченных прибылей открывалась перед ними. Эта перспектива ослепляла их. Они выбрасывали миллионы на нелепые предприятия; а так как таких компаний было несколько, то они начали между собой конкурентную войну, которая обошлась во много миллионов, вызвала новые бессмысленные постройки и почти довела компании до банкротства, пока, наконец, два года назад они не объединились.

Между тем, лондонская торговля уже прошла через свой кульминационный пункт. Гавр, Антверпен, Гамбург, а с проведением морского канала и Амстердам все больше привлекали к себе торговлю, центром которой был прежде Лондон. Ливерпуль, Гуль и Глазго также получили свою долю. Вновь построенные доки пустовали, дивиденды уменьшались и частью совсем исчезали, акции падали; директора доков, упрямые, избалованные добрыми старыми временами, высокомерные денежные тузы, не находили выхода. Подлинных причин относительного и абсолютного упадка торгового оборота лондонского порта они и знать не хотели. А этими причинами, поскольку они местного характера, были исключительно их собственное бессмысленное высокомерие и его источник — привилегированное положение, средневековое, давно отжившее устройство Сити и лондонского порта, которому место в Британском музее, рядом с египетскими мумиями и ассирийскими каменными чудовищами.

Нигде в мире в другом месте не потерпели бы подобного сумасбродства. В Ливерпуле, где подобное положение начало было создаваться, оно было устранено еще в зародыше, и все устройство порта приняло современный характер. Но в Лондоне торговый мир из-за этого страдает, брюзжит, но терпит. Буржуазия, масса которой должна расплачиваться за эти глупости, склоняется перед монополией, — возмущаясь, правда, но склоняется. У нее нет больше энергии для того, чтобы стряхнуть с себя этот кошмар, который угрожает задушить со временем жизнь во всем Лондоне.

Но вот вспыхивает стачка доковых рабочих. Бунт поднимает не буржуазия, ограбленная доковыми компаниями, а эксплуатируемые рабочие; беднейшие из бедных, низшие слои пролетариев Ист-Энда, бросили вызов магнатам доков. И тогда, наконец, буржуазия вспоминает, что магнаты доков — и ее враги, что бастующие

рабочие начали борьбу не только в своих собственных интересах, но косвенно и в интересах буржуазного класса.

В этом тайна симпатии публики к забастовке и небывалой до сих пор щедрой денежной помощи со стороны буржуазных кругов. Но этим все не ограничилось. Рабочие ринулись в бой, сопровождаемые криками одобрения и рукоплесканиями буржуазии; рабочие вышли победителями из борьбы и доказали не только то, что гордых доковых магнатов можно победить, но своей борьбой и победой настолько взбудоражили общественное мнение, что доковая монополия и феодальное устройство порта не могут быть больше терпимы и в скором времени, вероятно, поступят в Британский музей.

Эту задачу давно должна была выполнить буржуазия. Она этого не могла или не хотела сделать. Теперь рабочие взяли дело в свои руки, и оно теперь выполнено. Другими словами, в данном случае буржуазия сама отказалась от своей собственной роли в пользу рабочих.

А вот другая картина. Из средневекового лондонского порта мы переходим в современные бумагопрядильные фабрики Ланкашира. В настоящий момент здесь урожай хлопка 1888 г. исчерпан, а урожай 1889 г. еще не поступил на рынок, следовательно в это время спекуляция сырьем имеет наилучшие перспективы. Богатый голландец по имени Стенстранд вместе с другими сообщниками образовал картель для закупки всего имеющегося хлопка и для соответствующего повышения цен.

Бумагопрядильные фабриканты могут бороться с этим картелем, только сокращая потребление, т. е. приостанавливая работу на своих фабриках на несколько дней в неделю или совсем, пока не появится новый хлопок. Это они и пытались делать в течение шести недель. Дело, однако, не ладится, как никогда не ладилось и прежде в таких случаях: дело в том, что среди прядильщиков многие настолько обременены долгами, что частичная или полная приостановка работы поставит их на край гибели. Другие же хотят даже, чтобы большая часть фабрик приостановила работу и таким образом были бы подняты цены на пряжу; сами же они хотят продолжать работу и извлекать прибыль из этих повышенных цен на пряжу. За десять лет с лишним уже выяснилось, что есть только одно средство вызвать всеобщее прекращение работы на хлопчатобумажных фабриках — безразлично для какой в конечном счете цели, — именно посредством снижения заработной платы, скажем,

на 5%. Тогда произойдет стачка или приостановка фабрик самими фабрикантами, и в борьбе против рабочих воцарится безусловное единение всех фабрикантов, и даже те из них приостановят свои машины, которые не знают, в состоянии ли они будут снова пустить их в ход.

При настоящем положении вещей снижение заработной платы не рекомендуется. Но как же закрыть все фабрики, не прибегая к такому снижению и не выдавая спекулянтам на шесть недель бумагопрядильных фабрикантов связанными по рукам и ногам? Шаг, сделанный для этой цели, — единственный в своем роде в истории современной промышленности.

Фабриканты через свой центральный комитет «официозно» обращаются к центральному комитету профессионального союза рабочих с просьбой о том, чтобы организованные рабочие, в общих интересах, *посредством организации стачек заставили* сопротивляющихся фабрикантов *приостановить работу*. Господа фабриканты, признавая свою неспособность к совместным действиям, сообщая просят бывшие им столь ненавистными раньше профессиональные рабочие союзы соблаговолить применить меры принуждения к ним самим, к фабрикантам, для того чтобы они, фабриканты, горькой нуждой были вынуждены действовать единодушно, как класс, в интересах своего собственного класса.

Вынужденные рабочими, так как сами они на это неспособны!

Рабочие соблаговолили. Достаточно было одной только угрозы со стороны рабочих. Через 24 часа картель хлопковых спекулянтов был разбит.

Это показывает, что могут сделать фабриканты и что могут сделать рабочие.

Итак, в этой самой современной из всех современных крупных отраслей промышленности буржуазия обнаруживает такую же неспособность в отстаивании своих собственных классовых интересов, как и в средневековом Лондоне. Она открыто это признает и, обращаясь к организованным рабочим с просьбой отстоять классовые интересы фабрикантов, действуя принуждением против самих же фабрикантов, не только сама заявляет о своей отставке, но и признает в организованном рабочем классе призванного к власти и способного своего преемника. Она сама провозглашает, что если даже каждый отдельный фабрикант еще может руководить своей собственной фабрикой, то только одни лишь организованные рабочие в состоянии взять на себя руководство всей хлопчатобумажной

промышленностью. А это, в переводе на обыкновенный язык, означает, что у фабрикантов нет иного призвания, как только поступить платными руководителями предприятий на службу к организованным рабочим.

Напечатано в «Der Sozialdemokrat» № 40 от 5 октября 1889 г., в Лондоне, и в «Berliner Volkstribune» № 43 от 26 октября 1889 г. под заглавием «Was die Bourgeoisie nicht kann und was die Arbeiter können» [«Чего не может сделать буржуазия и что могут сделать рабочие»].

Подпись: Ф. Энгельс.

**ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА
ЭНГЕЛЬСА**

К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ.

НАБРОСОК.

[I.] Цезарь и Тацит.

Немцы отнюдь не первые обитатели той территории, которую они занимают в настоящее время *. По меньшей мере три расы предшествовали им. Древнейшие следы человека в Европе находят в Южной Англии, в некоторых пластах, древность которых до сих пор нельзя точно установить, но которые, вероятно, приходятся на промежуток между обоими периодами обледенения так называемой ледниковой эпохи.

С постепенным потеплением климата, после второго периода обледенения, человек появляется во всей Европе, Северной Африке и Передней Азии, а также в Индии вместе с вымершими крупными толстокожими (мамонт, слон с прямыми бивнями, покрытый шерстью носорог) и хищными животными (пещерный лев, пещерный медведь), а также с животными, еще существующими в настоящее время (северный олень, лошадь, гиена, лев, бизон, зубр). Орудия этой эпохи указывают на крайне низкую ступень культурного развития: совсем неотделанные каменные ножи, грушевидные каменные колуны или топоры, употреблявшиеся без рукоятки, скребки для очистки звериных шкур, сверла, все из кремня, несколько напоминающие стадию развития современных туземцев Австралии. Найденные до сих пор остатки костей не позволяют сделать заключение о строении тела этих людей; их широкое распространение и повсеместно единообразная культура дают основание считать этот период очень продолжительным.

Что случилось с этими людьми раннего палеолита, мы не знаем. Ни в одной из тех стран, где они появлялись, в том числе и в Индии, не сохранилось человеческих рас, которые могли бы служить их представителями среди современного человечества.

* Я придерживаюсь здесь преимущественно Boyd Dawkins. «Early Man in Britain». London, 1880 [Бойд Даукинс. «Первобытный человек в Британии»].

В пещерах Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии и Южной Германии орудия этих вымерших людей встречаются большей частью только в низших слоях отложений почвы. Над этим низшим культурным слоем находится второе наслоение, содержащее орудия и отделенное от первого более или менее толстым пластом сталактита. Эти орудия, принадлежащие более поздней эпохе, сделаны уже с гораздо большим умением и притом из более разнообразного материала. Каменные орудия, правда, еще не отшлифованы, но уже целесообразнее по замыслу и по выполнению; тут же находятся острия стрел и копий из камня, рога северного оленя, кости, кинжалы и иглы для шитья из кости и оленьего рога, ожерелья из продырявленных зубов животных и т. д. На отдельных более крупных орудиях мы находим иногда очень живые изображения животных — северного оленя, мамонта, зубра, тюленя, кита, — охотничьих сцен с фигурами голых людей и даже начатки скульптуры из рога.

Одновременно с людьми раннего палеолита мы встречаем животных преимущественно южного происхождения, тогда как в поздний палеолит наряду с человеком появляются животные северного происхождения: два еще существующих в настоящее время вида медведя, песец, росомаха, белая сова. Вместе с этими животными переселились, вероятно, с северо-востока и эти люди; последние их современные остатки — это, повидимому, эскимосы. В орудиях тех и других полное сходство не только по отдельным видам, но и по всей группе; то же и в рисунках; пищу добывали они почти от одних и тех же видов животных; их образ жизни, насколько мы его можем установить для исчезнувшей расы, почти одинаков.

И эти эскимосы, существование которых до сих пор установлено лишь к северу от Пиренеев и Альп, также исчезли с территории Европы. Как американские краснокожие еще в прошлом столетии после беспощадной истребительной войны оттеснили эскимосов на крайний север, так, повидимому, и появившаяся в Европе новая раса постепенно вытесняла их и, наконец, искоренила, не смешиваясь с ними.

Эта новая раса пришла, по крайней мере в Западной Европе, с юга и проникла, вероятно, из Африки в Европу, когда обе эти части света, у Гибралтара и Сицилии, были еще соединены сушей. Она стояла на значительно более высокой ступени развития, чем ее предшественники. Она была уже знакома с земледелием; у нее были домашние животные (собака, лошадь, овца, коза, свинья, крупный рогатый скот). Ей было известно ручное гончарное производство, прядение и ткачество. Ее орудия были еще, правда, из камня, но уже сделаны с большою тщательностью и большею частью гладко

отшлифованы (их называют неолитическими в отличие от орудий более раннего периода). Топоры снабжены рукоятками и поэтому впервые становятся пригодными для рубки деревьев; становится возможным выдалбливать из древесных стволов лодки и переправляться в них на Британские острова, которые к этому времени отделились от материка вследствие постепенного опускания почвы.

В противоположность своим предшественникам люди этой расы тщательно закапывали своих покойников; поэтому до наших дней сохранилось достаточно скелетов и черепов, по которым можно судить о строении их тела. Длинные черепа, небольшой рост (средний для женщины — приблизительно 1,46, для мужчины — 1,65 метра), низкий лоб, орлиный нос, выдающиеся надбровные дуги, слабо выраженные скулы и умеренно развитые челюсти указывают на расу, последними представителями которой в настоящее время являются *баски*. Неолитические обитатели не только Испании, но и Франции, Англии и всей территории по крайней мере до Рейна, принадлежали, по всей вероятности, к иберийской расе. До прихода арийцев Италия была также населена подобной низкорослой черноволосой расой; о более или менее отдаленном их родстве с басками в настоящее время трудно судить.

Вирхов прослеживает эти длинные черепа басков вплоть до самой Северной Германии и Дании; древнейшие неолитические свайные постройки северных склонов Альп принадлежат также им. С другой стороны, Шаафгаузен считает ряд найденных близ Рейна черепов определенно финскими, в частности лапландскими, а древнейшая история знает только финнов в качестве северных соседей немцев в Скандинавии, литовцев и славян — в России. Обе эти расы низкорослых, темноволосых людей, — одна, переселившаяся с противоположного берега Средиземного моря, другая — непосредственно из Азии, с северного побережья Каспийского моря, — повидимому, столкнулись впоследствии в Германии. При каких обстоятельствах, — остается совершенно невыясненным.

За этими различными переселениями последовало, наконец, — также еще в доисторическую эпоху, — переселение последней главной крупной племенной группы, *арийцев*, народов, языки которых группируются вокруг древнейшего из них — санскритского. Самыми ранними пришельцами были греки и латины, завладевшие обоими юго-восточными полуостровами Европы; тогда же, вероятно, пришли и ныне исчезнувшие скифы, обитатели степей к северу от Черного моря, народ, ближе всего родственник северо-персидским племенам. Затем следовали кельты. О переселенческом движении

последних мы знаем только, что оно имело место к северу от Черного моря и прошло через Германию. Их передовые массы вторглись во Францию, завоевали страну до Гаронны и подчинили себе даже часть Западной и Средней Испании. Море, с одной стороны, сопротивление иберов — с другой, заставили их остановиться, в то время как сзади с обеих сторон Дуная на них еще напирала другие кельтские племена. Здесь, у самых берегов океана и у истоков Дуная, их застаёт Геродот. Однако они переселились сюда, повидимому, уже гораздо раньше. Раскопки могил и другие находки, сделанные во Франции и в Бельгии, указывают на то, что кельты еще не знали металлических орудий, когда завоевывали страну, а при их появлении в Британии у них уже были бронзовые орудия. Следовательно, на протяжении времени между завоеванием Галлии и переселением в Британию кельты, благодаря торговым связям с Италией и Марселем, повидимому, ознакомились с бронзой и ввели ее у себя*.

Тем временем все сильнее напирала находившиеся позади кельтские племена, в свою очередь теснимые германцами; впереди проходы были закрыты, и начался поэтому обратный поток в юго-восточном направлении, какой мы позднее снова встречаем во время передвижений германцев и славян. Кельтские племена перебрались через Альпы, прошли по Италии, Фракийскому полуострову и Греции и частью погибли, частью прочно осели в долине реки По и в Малой Азии. Главную массу племени мы находим в это время (—400 до —300 гг.) ** в Галлии до реки Гаронны, в Британии и Ирландии и к северу от Альп, по обеим сторонам Дуная, до Майна и Исполинских гор, если не дальше. И хотя кельтские названия гор и рек в Северной Германии менее часты и бесспорны, чем на юге, все же нельзя предположить, будто кельты выбрали только более трудную дорогу через гористую Южную Германию и не воспользовались более удобным путем через открытую равнину Северной Германии.

Переселение кельтов только частично оттеснило обитателей страны; в Южной и Западной Галлии последние все еще составляли большинство населения, хотя и на положении угнетенной расы, и передали по наследству современному населению строение своего тела. Что кельты и германцы господствовали в своем новом местопребывании над туземным темноволосым населением, следует из существовавшего у тех и других обычая красить волосы мылом

* Urgeschichte, 5. [Имеется в виду: *Boyd Dawkins*. «Early Man in Britain». Ред.]

** Я обозначаю хронологические даты до нашей эры для краткости математическим знаком минус (—).

в желтый цвет. Светлые волосы были признаком господствующей расы, и там, где этот признак от смешения рас исчезал, приходилось прибегать к мылу.

За кельтами следовали германцы; для них мы уже с некоторой долей достоверности можем установить, по крайней мере приблизительно, время переселения. Оно едва ли началось задолго до —400 г. и еще не вполне закончилось во времена Цезаря.

Около —325 г. Питеас в отчете о своем путешествии дает нам первые подлинные сведения о германцах. Он отправился из Марсея к Янтарному берегу и упоминает о живущих там несомненно германских племенах гуттонов и тевтонов. Но где находился этот Янтарный берег? Обычно имеют в виду, конечно, только берег Восточной Пруссии, и если соседями этого побережья названы гуттоны, то это несомненно верно. Однако расстояния, которые дает Питеас, не соответствуют этой местности, но довольно хорошо подходят для большой бухты Северного моря между берегом Северной Германии и Кимврским полуостровом. Там как раз место и тевтонам, указанным в качестве соседей. Там — на западной стороне Шлезвига и Ютландии — также имеется Янтарный берег; Рингкебинг¹ еще и теперь ведет довольно значительную торговлю собираемым там янтарем. К тому же представляется совершенно невероятным, чтобы Питеас мог уже так рано проникнуть так далеко в совсем незнакомые воды, и еще более невероятно, чтобы опасное плавание от Каттегата до Восточной Пруссии не только осталось без всякого упоминания в его столь тщательных описаниях, но и вообще не совпадало с ними. Итак, следовало бы со всей решительностью присоединиться к мнению, впервые высказанному Лелевелем, что Янтарный берег Питеаса нужно искать у Северного моря, если бы не упоминание о гуттонах, которые могут иметь отношение лишь к Балтийскому морю. К устранению этого последнего препятствия сделал шаг Мюлленгоф: он считает, что гуттоны — искаженное название тевтонов.

Около 180 г. до нашего летосчисления несомненные германцы — бастарны — появляются на Нижнем Дунае. Несколько лет спустя они уже появляются как наемники — первые ландскнехты в войске македонского царя Персея, воевавшего против римлян. Это — дикле воины: «мужчины не знают ни земледелия, ни судоходства и не питаются продуктами скотоводства; они знают только одно занятие, одно искусство: постоянно воевать и преодолевать всякое сопротивление». Таковы первые сведения об образе жизни германского на-

¹ Фиорд в Дании, на западном берегу полуострова Ютландии. *Ред.*

рода, которые сообщает нам Плутарх. Этих же бастарнов мы находим целые столетия спустя к северу от Дуная, хотя и несколько западнее. Через пятьдесят лет в область кельгов на Дунае вторгаются кимвры и тевтоны и, прогнанные жившим в Богемии кельтским племенем бойев, направляются несколькими ордами в Галлию до самой Испании, разбивают одно римское войско за другим, пока, наконец, Марий не кладет предел их почти двадцатилетним переселениям и не уничтожает их несомненно уже ослабленные полчища — тевтонов при Эксе (*Aquae Sextiae*, современный Aix) в Провансе (—102 г.), а кимвров при Верчелли в Верхней Италии (—101 г.).

Полстолетия спустя Цезарь столкнулся в Галлии с двумя новыми полчищами германцев: сначала на Верхнем Рейне с войском Ариовиста, в котором были представлены семь различных племен, в том числе маркоманны и свевы, и вскоре после того — на Нижнем Рейне — с узипетами и тенктерами; эти последние были потеснены свемами в прежних местах своего поселения, покинули эти места и после трехлетних странствований прошли на Рейн. Оба полчища были уничтожены римской стратегией, а узипеты и тенктеры, кроме того, и римским вероломством. Дион Кассий знает о вторжении бастарнов во Фракию в первые годы царствования Августа; Марк Красс разбил их на Гебре (теперешняя Марица). Тот же историк упоминает еще о движении гермундулов, которые около начала нашей эры по неизвестным причинам покинули свою родину и были поселены римским полководцем Домицием Агенобарбом «в одной части земли маркоманнов». Это — последние передвижения той эпохи. Укрепленное на Рейне и Дунае римское господство надолго загородило им дорогу; однако есть очень много указаний на то, что на северо-востоке, по ту сторону Эльбы и Исполинских гор, народы еще далеко не осели на своих местах.

Эти передвижения германцев представляют первый акт того переселения народов, которое сдерживалось римским сопротивлением в течение трех столетий, но к концу III века с непреодолимой силой прорвалось через обе пограничные реки, наводнило Южную Европу, и Северную Африку и приостановилось только с завоеванием Италии лангобардами в 568 г., — приостановилось, поскольку речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом. Повозки, прикрытые кожами животных, служили им для жилья и для перевозки женщин, детей и скудной домашней утвари;

скот они также вели с собой. Мужчины, вооруженные и в боевом порядке, были готовы преодолевать всякое сопротивление и защищаться от нападений; военный поход днем, ночью военный лагерь в укреплении, сооруженном из повозок. Потери людьми в непрерывных боях от усталости, голода и болезней во время этих переходов должны были быть огромными. Это была ставка на жизнь или на смерть. Если поход удавался, то оставшаяся в живых часть племени селилась на новой земле; в случае же неудачи переселявшееся племя исчезало с лица земли. Кто не пал в бою, погибал в рабстве. Гельветы и их союзники, переселение которых задержал Цезарь, пустились в путь в числе 368 000 человек, среди которых было 92 000 способных носить оружие; после поражения, нанесенного римлянами, их осталось только 110 000 человек, которых Цезарь в виде исключения, по политическим соображениям, отправил обратно на родину. Узипеты и тенктеры перешли Рейн в числе 180 000 человек; почти все они погибли в сражении и во время бегства. Нет ничего удивительного, что за этот продолжительный период переселений часто исчезали бесследно целые племена.

Этому бродячему образу жизни германцев вполне соответствует то положение, которое Цезарь нашел на Рейне. Рейн ни в какой мере не представлял резкой границы между галлами и германцами. У бельгийско-галльского племени менапиев были деревни и пахотные поля в окрестностях Везеля, на правом берегу Рейна; с другой стороны, дельта Мааса у левого берега Рейна была занята германцами — батавами, а у Вормса и до Страсбурга жили германские племена вангионов, трибоков и неметов — со времен Ариовиста или еще раньше, точно неизвестно. Белги вели постоянные войны с германцами, везде еще были спорные земли; к югу от Майна и Рудных гор германцы в ту пору еще не жили; гельветы были незадолго перед тем изгнаны свевами из области между Майном, Рейном, Дунаем и Богемским лесом, так же как и бойи из Богемии (Boihemum), носящей еще до сих пор их имя. Но свевы не заселили этой земли, а превратили ее в лесную пустошь в 600 римских (150 германских) миль длиною, которая должна была служить им прикрытием с юга. Далее к востоку Цезарь знает еще кельтов (вольковтектозагов) по северному Дунаю, там, где Тацит впоследствии называет германских квадов. Только во времена Августа Маробод повел свое свевское племя маркоманнов в Богемию, между тем как римляне заперли укрепления угол между Рейном и Дунаем и заселили его галлами. Область по ту сторону этого пограничного вала была потом занята, по видимому, гермундурами. Из этого с несомненностью следует,

что германцы прошли в Германию через низменность, лежащую к северу от Карпат и богемских пограничных гор; только заняв северную равнину, они прогнали за Дунай кельтов, живших южнее в горах.

Образ жизни германцев, как его изображает Цезарь, показывает также, что они еще отнюдь не были оседлыми обитателями своей страны. Они живут главным образом скотоводством, питаются сыром, молоком и мясом, меньше — хлебом; главное занятие мужчин — охота и военные упражнения. Они занимаются немного и земледелием, но лишь между прочим, и притом самым диким первобытным способом. Цезарь рассказывает, что они обрабатывали поля лишь в течение одного года, а на следующий год всегда занимали под пашню новые земли. Это была, повидимому, подсечная система земледелия, которая еще и теперь практикуется в Северной Скандинавии и Финляндии; лес сжигался, — а кроме леса имелись лишь болота и торфяники, тогда еще непригодные для земледелия, — корни кое-как удалялись и также сжигались вместе с взрыхленным верхним слоем почвы; удобренная золою земля засеивалась рожью. Но даже и в этом случае указание Цезаря на ежегодную смену пахотной земли не следует понимать буквально; как правило, обычный переход на новую землю происходил по меньшей мере через каждые две или три жатвы. Все место, — не свойственный германцам раздел земли князьями и должностными лицами и особенно подsunутые германцам мотивы этой быстрой смены земель, — дышит римскими представлениями. Римлянину эта смена земель была непонятна. Рейнским германцам, которые переходили уже к оседлому расселению, она могла представляться уже превзойденным обычаем, который все более терял свой смысл. Но для Внутренней Германии, для приходящих только к Рейну свевов, она, напротив, оставалась еще необходимым условием такого образа жизни, при котором весь народ медленно продвигался вперед в том направлении и с такой скоростью, какие допускали встречавшиеся препятствия. К этому образу жизни приспособлен и их общественный строй: свевы делятся на сто областей, из которых каждая ежегодно поставляет тысячу человек для войска, в то время как остальное мужское население остается дома, обрабатывает землю и ходит за скотом, а на следующий год сменяет ушедших на войну. Весь народ с женами и детьми следует за войском только после того, как оно завоеует новую территорию. Это — уже шаг вперед к оседлости по сравнению с военными походами времен кимбров.

Цезарь несколько раз возвращается к практикуемому герман-

цами способу огораживаться широкими лесными пустошами со стороны врага, т. е. всякого чуждого народа. Этот способ защиты был широко распространен вплоть до позднего средневековья. Саксов, живших в бассейне нижнего течения Эльбы, защищал от датчан пограничный лес между Эйдером и Шлеем (на древне-датском языке — Jarnwidhr), а от славян, от Кильского залива до Эльбы — саксонский лес; славянское название Бранденбурга, Бранибор, — опять-таки не что иное, как обозначение такого защитного леса (по-чешски «бранити» значит защищать, «бор» — сосна и сосновый лес).

После всего этого не может быть никаких сомнений относительно ступени культурного развития германцев ко времени Цезаря. Они далеко не такие номады, как современные азиатские кочевые народы. Кочевому быту место в степи, а германцы жили в первобытном лесу. Но они были также далеки и от стадии оседлых крестьян.

Еще Страбон шестьдесят лет спустя говорит о них: «Все эти (германские) народцы с одинаковой легкостью снимаются со своих мест благодаря примитивности своего образа жизни, так как они не занимаются земледелием и не копят сокровищ, а живут в хижинах, которые они каждый день строят, и питаются главным образом продуктами скотоводства, как номады, на которых они похожи еще и тем, что возят с собою все свои пожитки на повозках и перекочевывают со своими стадами куда им вздумается»¹. Знакомство с земледелием, как установлено сравнительным языковедением, они принесли еще из Азии; что они его не забыли, удостоверяет Цезарь. Но это было земледелие, которое служило лишь в крайних случаях подсобным источником существования для полукочевых воинственных племен, медленно продвигавшихся по средне-европейским лесным равнинам.

Отсюда следует, что переселение германцев на их новую родину между Дунаем, Рейном и Северным морем в эпоху Цезаря еще не закончилось или тогда только заканчивалось. Что тевтоны, а может быть, и кимвры уже во времена Питеаса дошли до полуострова Ютландии, а передовые орды германцев — до Рейна, как можно допустить ввиду отсутствия всяких сведений о их прибытии, нисколько этому не противоречит. Образ жизни, обычный только в длительных странствиях, повторные походы на запад и на юг, наконец то обстоятельство, что наибольшую известную ему массу — свевов — Цезарь застал еще в полном движении, все это допускает только одно заключение: очевидно, перед нами здесь частью проходят последние

¹ *Strabo*, «Geographica» [География], VII, 1, 3. *Ред.*

моменты великого переселения германцев в их главное местопребывание в Европе. Римское сопротивление на Рейне, а затем на Дунае кладет предел этому переселению, ограничивает владения германцев занятой ими до сих пор территорией и таким путем принуждает их перейти к оседлому образу жизни.

В остальном наши предки, по наблюдениям Цезаря, были настоящими варварами. Торговцев они впускают в свою страну только для того, чтобы сбывать им свою военную добычу, сами они не покупают почти ничего; да и что из чужого могло бы им понадобиться? Даже своих скверных пони они предпочитают красивым и хорошим галльским лошадям. А вино свевы вообще не пропускают в свою страну, потому что оно расслабляет. В этом отношении уже их сородичи бастарны были более цивилизованы; во время упомянутого вторжения во Фракию они отправили к Крассу послов, которых тот напоил, выспросил нужные ему сведения о позиции и намерениях бастарнов, а затем заманил последних в засаду и уничтожил. Еще перед сражением на Идиставизе ¹ (в 15 г. нашей эры) Германик описывал своим солдатам германцев, как людей без панцыря и шлема, защищенных лишь щитами, сплетенными из ивовых прутьев, или тонкими досками, причем только первый ряд имеет настоящие колья, а задние — только колья, заостренные и слегка обожженные. Следовательно, обработка металлов вряд ли уже была известна жителям долины Везера, и римляне, конечно, позаботились о том, чтобы торговцы не завозили в Германию оружия.

Более полутора столетия после Цезаря Тацит дает нам свое знаменитое описание германцев. Здесь уже многое выглядит совсем иначе. Вплоть до Эльбы и далее передвижение племен прекратилось, и они осели на земле. О городах, конечно, еще долго нет и речи; селятся частью деревнями, состоящими из разбросанных отдельных дворов или из дворов, расположенных рядом; но и в этом случае каждый дом построен отдельно и окружен свободным пространством. Дома, еще без камня и черепиц, грубо построены из неотесанных бревен (*materia informi* должно здесь обозначать это в противоположность к *caementa* и *tegulae*) — бревенчатые дома, какие еще строятся в Северной Скандинавии, но все-таки уже не хижины, которые можно построить в один день, как у Страбона. К земельному устройству мы еще вернемся. Германцы имеют уже подземные кладовые — род подвалов, в которых зимой прятались от холода и где, по свидетельству Плиния, женщины занимались ткачеством. Земле-

¹ Долина на правом берегу реки Везера. *Ред.*

деле, следовательно, имеет уже большое значение, но скот все еще остается главным достоянием. Скота много, но плохой породы; лошади безобразны и не способны к быстрому бегу, овцы и коровы мелкие, и последние без рогов. В числе пищевых продуктов перечисляются мясо, молоко, дикие яблоки, но не хлеб. Охота была уже меньше распространена; дичи, нужно полагать, стало со времен Цезаря значительно меньше. И одежда еще также весьма первобытная: у большинства грубое покрывало, остальное тело голое (почти как у зулусских кафров), но у богатых уже платья, плотно облегающие тело; в употреблении также и шкуры; женщины одеваются, как мужчины, но у них уже чаще встречаются полотняные одежды без рукавов. Дети все бегают нагишом. Чтение и письмо неизвестны, но одно место указывает на то, что жрецы уже пользовались заимствованными из латинских букв руническими письменами, которые они вырезывали на дереве. К золоту и серебру внутренние германские племена равнодушны; серебряные сосуды, подаренные римлянами князьям и послам, употребляются в обиходе наравне с глиняными. Незначительный торговый оборот представляет простой обмен.

По общему всем первобытным народам обыкновению мужчины еще предоставляют женщинам, старикам и детям работу по дому и на поле как недостойную мужчины. Зато они переняли у цивилизации две привычки — пьянство и игру — и предаются обеим со всей неумеренностью девственных варваров — игре до проигрыша собственной особы. Их напитком во внутренних областях служит пиво из ячменя или пшеницы; если бы уже тогда была изобретена водка, то ход мировой истории, наверное, был бы другой.

В пограничных с римской территорией местностях наблюдается еще больший прогресс: там пили привозное вино; привыкли уже до некоторой степени к деньгам, причем, конечно, отдается предпочтение серебру, более удобному для ограниченного обмена, и, согласно обычаю варваров, монетам давно знакомой чеканки. Дальше видно будет, насколько эта предосторожность была основательна. Торговля с германцами происходила только на Рейне; только гермундуры, жившие за пограничным валом, ездили по торговым делам в Галлию и Грецию.

Эпоха между Цезарем и Тацитом представляет, таким образом, первый большой отдел немецкой истории — окончательный переход от кочевой жизни к оседлости, по крайней мере для большей части народа, от Рейна до областей, лежащих далеко за Эльбой. Названия отдельных племен начинают более или менее срачиваться с опреде-

ленными местностями. Но ввиду противоречивости сведений, сообщаемых древними, и непостоянства и изменчивости названий часто все-таки невозможно точно определить местожительство каждого отдельного племени. Это к тому же завело бы нас слишком далеко. Здесь достаточно общего указания, которое мы находим у Плиния:

«Существует 5 основных германских племен: *виндилы*, к которым принадлежат бургундионы, варины, карины, гуттоны; второе племя образуют *ингевоны*, часть которых составляют кимвры, тевтоны и племена хавков. Ближе к Рейну живут *искевоны*, среди них сигамбры. В центре страны — *гермионы*, среди них свевы, гермундуры, хатты, херуски. Пятое племя образуют певкины и бастарны, которые граничат с даками». К этому еще присоединяется шестая ветвь, которая населяет Скандинавию: гиллевионы.

Из всех сведений, сообщаемых древними, вышеприведенное более всего соответствует более поздним фактам и дошедшим до нас остаткам языка.

Виндилы включают племенные группы, говорящие на *готском* языке; они занимали побережье Балтийского моря между Эльбой и Вислой вплоть до внутренних областей страны; по ту сторону Вислы, вокруг Фришгафа, сидели гуттоны (готы). Дошедшие до нас скудные остатки языка не оставляют ни малейшего сомнения в том, что вандалы (которые во всяком случае должны принадлежать к виндилам Плиния, так как он переносит их название на все основное племя) и бургунды говорили на готских диалектах. Сомнение могли бы возбудить только варны, или варины, которых на основании сведений из V и VI веков принято относить к тюрингам; о их языке мы не знаем ничего.

Второе племя, ингевоны, состоит из племенных групп, говорящих на языке *фризов*, жителей берегов Северного моря и Кимврского полуострова, и, весьма вероятно, также групп саксонского наречия, живших между Эльбой и Везером; в таком случае сюда следовало бы причислить также и херусков.

Искевоны вместе с присоединенными к ним сигамбрами числятся как будущие франки, живущие на правом берегу Рейна от Таунуса до истоков Лана, Зига, Рура, Липпы и Эмса и граничащие на севере с фризами и хавками.

Гермионы, или, как их более правильно называет Тацит, герминоны, — позднейшие жители Верхней Германии; гермундуры (тюринги), свевы (швабы и маркоманны; баварцы), хатты (гессы) и т. д. Херуски, без всякого сомнения, попали сюда по ошибке.

Это — единственная несомненная ошибка во всем этом размещении племен у Плиния.

Пятое племя — певкины и бастарны — исчезло. Яков Гримм несомненно прав, причисляя его к готам.

Наконец, шестое, гиллевионское племя включает жителей датских островов и большого Скандинавского полуострова.

Таким образом, классификация Плиния с поразительной точностью соответствует действительной группировке известных впоследствии германских наречий. Мы не знаем диалектов, которые не принадлежали бы к готскому, фризско-нижне-саксонскому, франкскому, верхне-немецкому или скандинавскому, и мы еще в настоящее время можем признать эту классификацию Плиния образцовой. То, что можно было бы против нее возразить, я исследую в заметке о германских племенах.

Первоначальное переселение германцев на их новую родину мы должны были бы, следовательно, представлять себе приблизительно так, что первыми по северно-германской равнине, между южными возвышенностями и Балтийским и Северным морями, продвинулись искевоны, непосредственно за ними, но ближе к берегу — ингевоны. За этими последовали, повидимому, гиллевионы, но завернули на острова. Возможно, что за гиллевионами последовали готы (виндилы у Плиния), оставив певкинов и бастарнов на юго-востоке; имя готов в Швеции свидетельствует о том, что отдельные ветви примкнули к переселению гиллевионов. Наконец, к югу от готов следовали гермюны, которые — по крайней мере в большей своей части — только во времена Цезаря и даже Августа заняли те места, на которых они сидели вплоть до переселения народов ¹.

[3.] Первые бои с римлянами.

Со времени Цезаря римляне и германцы стояли друг против друга на противоположных берегах Рейна, а после покорения Августом Реции, Норикума и Паннонии — и на берегах Дуная. Между тем в Галлии римское господство упрочилось; по всей стране была проложена Агриппой сеть военных дорог; были построены крепости; выросло новое поколение, родившееся под римским игом. Построенными при Августе альпийскими дорогами через Малый и Большой Сен-Бернар была установлена самая тесная связь между Италией и

¹ Здесь в скобках следующая заметка карандашом: «Следует глава об аграрном и военном строе». Этой главы в рукописи нет. *Ред.*

Галлией, которая могла служить базой для завоевания Германии со стороны Рейна. Выполнение этой задачи Август возложил на своего пасынка (или родного сына?) Друза с восемью легионами, расположенными на Рейне.

Поводом послужили продолжавшиеся недоразумения между пограничными жителями, набеги германцев на Галлию и мнимый или действительный заговор недовольных белгов и сигамбров; согласно этому заговору, последние должны были перейти через Рейн и поднять всеобщее восстание. Друз заручился содействием вождей белгов (—12 г.), перешел через Рейн у самого Батавского острова, выше дельты, опустошил область узипетов и часть области сигамбров, спустился затем на судах вниз по Рейну, принудил фризов поставить ему вспомогательные отряды пехотинцев и направился со своим флотом вдоль берега до впадения Эмса в море с целью покорить хавков. Здесь, однако, его римские матросы, не знакомые с морскими приливами и отливами, посадили его флот на мель во время отлива; только при помощи союзных отрядов фризов, которые лучше были знакомы с делом, он снял суда и вернулся обратно.

Этот первый поход был только большой рекогносцировкой. В следующем году (—11 г.) он начал настоящее завоевание. Он вновь перешел через Рейн, ниже впадения Липпы, подчинил живущих здесь узипетов, построил мост через Липпу и вторгся в область сигамбров, которые как раз в это время вели войну с хаттами, потому что последние не пожелали примкнуть к союзу против римлян под руководством сигамбров. Затем он построил при слиянии Липпы и Элизо крепкий лагерь (Алпзон) и с приближением зимы перешел обратно через Рейн. На этом обратном пути на его войско напали в ущельи германцы, и оно лишь с большим трудом спаслось от уничтожения. В том же году он построил другой укрепленный лагерь «в земле хаттов, почти на Рейне».

В этот второй военный поход Друз выполняет уже целый завоевательный план, который последовательно проводился с тех пор в жизнь. Область, в первую очередь подлежащая завоеванию, была довольно точно ограничена: это — искевонская внутренняя область до границы с херусками и хаттами и принадлежащее сюда побережье до Эмса и частью до Везера. Основной труд по покорению прибрежной земли падает на флот. На юге операционной базой служит основанный Агриппой и расширенный Друзом Майнц, по соседству с которым следует искать крепость, построенную «в земле хаттов» (в последнее время ее ищут в Заалбурге около Гомбурга). Отсюда нижнее течение Майна ведет в открытую местность Веттерау и верхнего Лана;

при оккупации этой местности искиевоны будут отрезаны от хаттов. Расположенное в центре фронта наступления между Липпой и Руром и прорезанное течением Липпы плоскогорье представляет самую удобную операционную линию для главных сил римлян; овладев ею, они разбивают всю подлежащую завоеванию область на две приблизительно равные части и вместе с тем отделяют бруктеров от сигамбров; исходя из этой позиции, они могут на левом фланге действовать совместно с флотом, на правом колоннами из Веттерау изолировать искиевонскую область сланцевых гор, а в центре сдерживать херусков. Форт Ализон образует крайний укрепленный опорный пункт этой операционной линии; он был расположен недалеко от истоков Липпы, или близ Эльзена у Падерборна, при впадении Альмы в Липпу, или у Липштадта, где недавно была открыта большая римская крепость.

Предвидя общую опасность, хатты в следующем (—10) году соединились на севере с сигамбрами. Тогда Друз напал на них и, по крайней мере, часть из них подчинил. Но они уже до конца зимы вышли из подчинения, так как следующей весной (—9) он еще раз нападает на них, продвигается до земли свевов (следовательно, и тюрингов), а согласно Флору и Орозию — и до земли маркоманнов, которые тогда еще жили к северу от Рудных гор, затем атакует херусков, переходит через Везер и поворачивает обратно только у Эльбы. Он прошел и опустошил всю страну, но везде встречал энергичное сопротивление. На обратном пути, не успев дойти до Рейна, он умер тридцати лет отроду.

К вышеизложенному рассказу, взятому у Диона Кассия, мы прибавим из Светония, что Друз прорыл между Рейном и Эйзелем канал, через который провел свой флот в Северное море по земле фризов и через Флево (Флистром — теперешний фарватер из Зюдерзее между Флиландом и Тершеллингом); а из Флора, — что он построил вдоль Рейна больше пятидесяти фортов и мост у Бонна, а также укрепил линию Масса и обеспечил таким образом позицию рейнских легионов как от восстаний галлов, так и от нападений германцев. Басни же Флора о фортах и укреплениях на Везере и Эльбе — пустое хвастовство; Друз, может быть, и возводил там укрепления во время своих переходов, но он был слишком хорошим полководцем для того, чтобы оставлять в них гарнизоны, хотя бы даже из одного человека. С другой стороны, несомненно, что он снабдил укрепленными этапными пунктами операционную линию вдоль Липпы. Переходы через Таунус он также укрепил.

Преемник Друза на Рейне, Тиберий, в следующем году (—8)

перешел реку; германцы, за исключением сигамбров, прислали представителей для ведения мирных переговоров; Август, находившийся в Галлии, отказался от ведения каких бы то ни было переговоров ввиду отсутствия представителей от сигамбров. Когда, наконец, и они прислали представительство, «многочисленное из почтенных лиц», как говорит Дион, Август велел их арестовать и интернировать в разных городах внутри империи; «с горя они покончили с собой». В следующем году (—7) Тиберий снова пошел со своим войском в Германию, где уже почти нечего было усмирять, за исключением нескольких незначительных волнений. Об этом времени Веллей говорит: «Тиберий поставил страну (Германию) в такое подчиненное положение, что она почти ничем не отличалась от обязанной данью провинции».

Этим успехом римляне были обязаны не только своему оружию и столь прославленному дипломатическому уму Тиберия, но и поселению германцев на римском берегу Рейна. Уже Агриппа переселил всегда преданных римлянам убиев, согласно их желанию, на левый берег Рейна, около Кельна. Тиберий заставил 40 000 сигамбров переселиться и таким путем надолго сломил силу сопротивления этого могущественного племени.

После этого Тиберий на долгое время удаляется от всяких государственных дел, и мы ничего не знаем о том, что происходит в Германии в течение многих лет. Отрывок из Диона сообщает о походе Домиция Агенобарба с берегов Дуная за Эльбу. Но вскоре после того, около первого года нашей эры, германцы подняли восстание. Римский главнокомандующий Марк Вициний провел кампанию, по утверждению Веллея, в общем удачно и в благодарность за нее даже получил награду. Тем не менее, Тиберий должен был в 4-м году, тотчас после его усыновления Августом, еще раз отправиться за Рейн, чтобы восстановить поколебленное римское господство. Он покорил живущих близ реки каннинэфатов и хаттуариев, затем бруктеров и «привлек на свою сторону» херусков. Веллей, участвовавший в этом и в следующем походе, не приводит дальнейших подробностей. Мягкая зима позволила легионам продолжать поход до декабря; затем они разбили зимний лагерь в самой Германии, повидимому у истоков Липпы.

Поход следующего года (5-го) должен был завершить покорение Западной Германии. В то время как Тиберий динулся из Ализона и покорил лангобардов на Нижней Эльбе, флот проплыл вдоль берега и «привлек на свою сторону» хавков. На Нижней Эльбе сухопутное войско встретилось с флотом, подымавшимся вверх по реке. Ввиду

достижений этого похода операции римлян на севере, по Веллею, казались законченными; в следующем году Тиберий отправился на Дунай, чтобы, находясь там, вести борьбу против маркоманнов, которые незадолго перед тем под начальством Маробода переселились в Богемию и угрожали границе. Маробод, воспитанный в Риме и знакомый с римской тактикой, организовал по римскому образцу войско из 70 000 пехотинцев и 4 000 всадников. Тиберий выступил против него на Дунае с фронта, тогда как Сентий Сатурнин должен был направить легионы с Рейна через землю хаттов в тыл и фланг врагу. В этот момент в собственном тылу Тиберию подняли восстание паннонцы; войско должно было повернуть обратно и вновь завоевывать свою операционную базу. Борьба длилась три года; но когда паннонцы уже были разбиты, обстоятельства в Северной Германии сложились так, что о завоеваниях в земле маркоманнов нельзя было больше и думать.

Завоевательный план Друза был полностью сохранен, только для его успешного выполнения стали необходимы сухопутные и морские походы до самой Эльбы. В плане военного похода против Маробода проглядывает мысль перенести границу к малым Карпатам, Исполинским горам и к устью Эльбы, но это было еще пока делом далекого будущего и скоро стало совсем невыполнимо. Как далеко простирались в то время римские укрепленные пункты вверх по Веттерау, мы не знаем; по всей вероятности, эта операционная линия была тогда заброшена и, наоборот, использована более важная линия — вдоль Липпы. Но здесь римляне, видимо, проникли довольно далеко и укрепились прочно. Долина правого берега Рейна, вниз по течению от Бонна, принадлежала им; вестфальская равнина к северу от Рура за Эмс, вплоть до пределов фризов и хавков, была попрежнему оккупирована войсками. В тылу были батавы и фризы, тогда еще верные друзья; далее на запад хавки, херуски и хатты могли считаться достаточно усмирёнными после их многократных поражений, после удара, который постиг также и лангобардов. Во всяком случае, у этих трех племен была в то время довольно сильная партия, которая видела спасение только в союзе с Римом. На юге только что было сломлено могущество сигамбров; часть их территории, между Липпой и Руром и по долине Рейна, была оккупирована, а остальная часть была окружена на Руре с трех сторон рейнскими римскими позициями, расположенными в Веттерау, и по ней, наверное, не раз проходили римские колонны. Недавно было установлено существование римских дорог, которые вели к истокам Липпы, от Нейвида к Зигу, от Дейца и Мусса к Вупперу через господству-

ющие горные высоты, по крайней мере, до границ территорий Берга и Марка. Еще дальше на юг гермундуры, с согласия Домиция Агенобарба, заняли часть оставленной маркоманнами земли и поддерживали мирные отношения с римлянами. И, наконец, хорошо известные раздоры германских племен давали основание ожидать, что римлянам предстоит вести с ними лишь отдельные войны, которые им самим будут желательны в целях постепенного превращения союзников в подданных.

Центром римской позиции служила земля, расположенная по обе стороны реки Липпы вплоть до Оснинга. Постоянная близость римских легионов в укрепленных лагерях приучала здесь к римскому господству и римским нравам, благодаря которым варвары, по словам Диона, «словно преображались»: здесь, вокруг гарнизонных стоянок, возникали те города и рынки, о которых рассказывает тот же историк, и их мирные торговые сношения больше всего способствовали укреплению чужеземного господства. Все, казалось, обстояло великолепно. Но должно было случиться иначе.

Главнокомандующим римскими войсками в Германии был назначен Квинтилий Вар. Это был римлянин эпохи начинающегося упадка, флегматичный и беспечный, склонный почитать на лаврах своих предшественников и еще более склонный использовать эти лавры в своих интересах. Что он отнюдь не был бессребренником, свидетельствовала Сирия, которой он управлял: «Бедняком пришел он в богатую страну и богачом ушел из бедной страны» (Веллей). У него вообще был «мягкий характер», но этот «мягкий человек» должен был притти в злейшую ярость, попавши в страну, где вымогательство становилось делом очень затруднительным, потому что там почти нечего было взять. Однако Вар попробовал это сделать, и притом таким способом, который уже давно практиковался римскими проконсулами и пропреторами. Прежде всего предстояло в кратчайший срок перевести оккупированную часть Германии на положение римской провинции, на место туземной политической власти, сохранившейся при военном господстве, поставить римскую власть и сделать таким путем страну источником доходов для фиска и для проконсула. Вар попытался поэтому с большой быстротой и натиском преобразовать германцев; он отдавал им приказы, как рабам, и требовал денег, как с подданных (Дион). Но главным, давно испытанным орудием угнетения и вымогательства, которое он пустил здесь в ход, была верховная судебная власть наместников римских провинций; он эту власть присвоил себе здесь и, пользуясь ею, хотел навязать германцам римское право.

К сожалению, Вар почти на полтора тысячелетия опередил историю своей цивилизаторской миссией; приблизительно столько времени прошло, пока Германия созрела для «рецепции римского права». В самом деле, римское право с его классическим расчленением частнособственнических отношений должно было показаться просто абсурдным в глазах германцев, владевших только на основании их общинной собственности на землю незначительной частной собственностью, которая у них развилась. Точно так же и торжественная обстановка римского судебного процесса с отводами и постоянными отсрочками должна была показаться германцам, привыкшим по обычаю предков в какие-нибудь несколько часов самостоятельно творить суд и расправу в открытом народном суде, лишь отказом в каком бы то ни было правосудии, а окружающая проконсула толпа стряпчих и крючкотворов — тем, чем они и были в действительности, т. е. настоящими разбойниками. И вот германцы должны были отказаться от своего свободного суда, где товарищ судил товарища, и подчиняться безапелляционному приговору одного человека, который вел дело на чужом языке, и притом на основе в лучшем случае чуждого им и к тому же совершенно неприменимого права, и который сам был заинтересованной стороной. Свободный германец, которого, по Тациту, только жрец имел право ударить в редких случаях, который подвергался смертной казни лишь за измену своему племени, а в остальных случаях мог штрафом (вергельдом) искупить всякий ущерб, даже убийство, который привык сам приводить в исполнение кровную месть за себя и за своих родных, — должен был теперь ложиться под розги и секиру ликтора. И все это только для того, чтобы создать условия для высасывания соков из страны податями в пользу фиска, вымогательством и взятками в пользу проконсула и его присных.

Но Вар просчитался. Германцы не были сирийцами. Своей насильно навязываемой римской цивилизацией он произвел впечатление на них только в одном отношении. Он показал соседним племенам, состоявшим только в вынужденном союзе с Римом, какое невыносимое иго угрожало им, и вызвал среди них своими насилиями такое единство, которого они до сих пор никогда не могли добиться.

Вар стоял с тремя легионами в Германии, Аспрен с двумя другими — на Нижнем Рейне, всего в пяти-шести переходах от центрального пункта позиции — Алисона. Против такой силы мог быть успешным только внезапный и решительный удар, нанесенный после длительной и тщательной подготовки. Путь заговора был, таким образом, predetermined. Организовать его взял на себя Арминий.

Арминий, происходивший из родовой знати племени херусков, сын Зегимера, бывшего, по видимому, предводителем дружины в своей стране, провел свою раннюю молодость на римской военной службе, знал хорошо язык и нравы римлян и был частым и желанным гостем в римской главной квартире; его верность, казалось, была вне всяких подозрений. Еще накануне нападения Вар полагался на него, как на каменную стену. Веллей называет его «юношей благородного происхождения, храбрым, сметливым — не в пример другим варварам, юношей, лицо и глаза которого светились внутренним огнем; который был нашим постоянным спутником во время прежних походов (т. е. против германцев) и вместе с правом римского гражданства имел также и звание римского всадника». Но мало этого: Арминий обладал большим государственным умом и был выдающимся полководцем. Решив положить конец господству римлян на правом берегу Рейна, он без колебаний воспользовался всеми необходимыми для этого средствами. Надлежало привлечь, по крайней мере, большую часть военной знати херусков, которая была под сильным влиянием римлян, и втянуть в заговор хаттов и хавков и особенно бруктеров и сигамбров, находившихся под непосредственным римским игмом. На это требовалось время, хотя почва и была подготовлена вымогательствами Вара; и на это время нужно было Вара усыпить. Для этой цели воспользовались его страстью к судопроизводству и форменным образом дурачили его. «Германцы, — рассказывает Веллей, — при всей своей дикости — настоящие продувные бестии и словно созданы для лжи (кто сам не испытал, этому не поверит); они создавали ему бесконечные выдуманнные тяжбы: то подавали жалобы друг на друга без всякого основания, то благодарили за то, что он все рассудил с римской справедливостью, что их дикость уже начинает уменьшаться под влиянием новой, ранее им неизвестной дисциплины и нового порядка, и то, что раньше решалось оружием, теперь разбирается разумно и справедливо. Таким образом они довели его до того, что он стал совершенно беззаботным; ему начинало казаться, что он претор, который творит суд на форуме, а не командующий римскими войсками в центре Германии».

Так прошло лето девятого года. Чтобы еще более обеспечить успех, они вводили Вара в заблуждение всевозможными беспорядками, которые вели к дроблению войска; это было не трудно сделать, учитывая характер этого человека и данные обстоятельства. «Вар, — говорит Дион, — держал свою военную силу не в должном порядке, не в одном месте, как следует делать во вражеской стране, а предоставлял войсковые части нуждавшимся в их помощи, когда просили

об этом для охраны какого-нибудь укрепленного пункта, для поимки разбойников или для сопровождения транспортов с хлебом». Между тем, главные заговорщики, Арминий и Зегимер, постоянно были около него и часто сидели за его столом. По словам Диона, Вар был уже тогда предупрежден, но его доверие не знало границ. Наконец, осенью, когда все уже было подготовлено к восстанию и Вара вместе с его главными силами заманили в землю херусков, до самого Везера, мнимое восстание, будто бы вспыхнувшее в некотором отдалении, подало сигнал к выступлению. Еще тогда, когда Вар получил это известие и отдал приказ к выступлению, его предупреждал другой предводитель херусков, Сегест, бывший, повидимому, в родовой вражде с семьей Арминия. Вар не хотел ему верить. Тогда Сегест предложил ему перед выступлением заковать в оковы его самого, Арминия и других вождей херусков; исход дела должен был показать, кто прав. Но доверие Вара не было поколеблено даже тогда, когда заговорщики остались после его ухода под предлогом собрать союзников и вместе с ними поспешить к нему.

Это и произошло в действительности, только не так, как того ожидал Вар. Войско херусков было уже в сборе. Их первым делом было разбить стоявшие у них римские отряды, о присылке которых они раньше сами просили, и затем ударить во фланг выступившему Вару. Вар продвигался по скверным лесным дорогам; здесь, в земле херусков, еще не было шоссированных римских военных дорог. Застигнутый врасплох, он понял, наконец, свое положение; он проникся мужеством и с этого момента вел себя как римский полководец; но было уже поздно. Он приказал войску построиться в колонны, привести в надлежащий порядок большой обоз, состоявший из женщин, детей, повозок и вьючных животных, и охранять его, насколько это было возможно на узких дорогах в германских лесах, и направился к своей операционной базе, каковой мы должны считать Ализон. От проливного дождя размякла земля, затрудняя движение и внося беспорядок в непомерно большой обоз. С большими потерями Вару удалось достигнуть покрытой густым лесом горы со свободной площадкой для кое-какого лагеря, который был разбит и укреплен еще в должном порядке и по инструкции; войско Германика, спустя 6 лет посетившее это место, еще отчетливо видело здесь «укрепление трех легионов». С решимостью, соответствовавшей его положению, Вар приказал сжечь все повозки и поклажу, в которых не было крайней необходимости. На следующий день он проходил через открытую равнину, но опять понес такие потери, что войска еще больше были расстроены, и вечером уже невозможно было как

следует укрепить лагерь; Германик нашел лишь наполовину развалившийся вал и неглубокий ров. На третий день путь опять лежал по лесистым холмам, и Вар и большинство вождей потеряли мужество. Вар покончил с собой, легионы были уничтожены почти целиком. Только конница спаслась под предводительством Вала Нумония; спаслись также, повидимому в Ализон, и отдельные беглецы из пехоты. Ализон продержался еще некоторое время, так как германцы не были знакомы с регулярной осадой; позднее гарнизон — весь или его часть — пробил себе дорогу. Напуганный Аспрен ограничился, повидимому, кратковременным походом, чтобы встретить гарнизон. Бруктеры, сигамбры и все мелкие племена восстали, римское господство было снова отброшено за Рейн.

О местности, в которой совершался этот поход, много спорили. Наиболее вероятно, что Вар перед сражением стоял в котловине Ринтельн, где-нибудь между Хаусберге и Хамельном; что предпринятое после мнимого восстания и вслед за первым нападением отступление происходило по направлению к ущелью Дерен близ Детмольда; ущелье образует ровный и широкий проход через Оснинг. Таково в сущности и общепринятое мнение; оно соответствует данным источников и военным требованиям, вытекавшим из создавшегося положения. Достиг ли Вар ущелья Дерен или нет, остается неизвестным; прорыв, произведенный конницей и, может быть, передовым отрядом пехоты, повидимому, говорит за это.

Известие об уничтожении трех легионов и о восстании всей Западной Германии поразило Рим, как удар грома. Уже казалось, что Арминий перешел Рейн и поднимает Галлию, а с другой стороны Маробод переправился через Дунай и увлекает с собой в поход через Альпы с трудом усмирённых паннонцев. А силы Италии были уже настолько исчерпаны, что она не могла больше выставить почти никакого войска. Дион рассказывает, что среди римского гражданства было очень мало молодых людей, годных к военной службе, что более пожилые уклонялись вступать в ряды армии, так что Август стал прибегать к конфискации их имущества и некоторых даже казнил; что, в конце концов, император вынужден был оставить несколько отрядов для защиты Рима из вольноотпущенных и из оставших солдат, разоружить свою германскую гвардию и выслать всех германцев из города.

Однако Арминий не перешел через Рейн, а Маробод не думал о наступлении, и Рим мог беспрепятственно продолжать возмущаться «вероломными германцами». Мы уже видели, как Веллей изображал их «продувными бестиями, словно созданными для лжи».

То же говорит и Страбон. Он не знает ни «германской верности», ни «романского вероломства», а как раз обратное. Называя кельтов «простыми и бесхитростными», столь простодушными, что «они на глазах у всех, без всякой предосторожности спешат в бой, чем облегчается победа их противникам», он о германцах говорит: «Не доверять им всегда было полезно, и те, кому было оказано доверие, причинили много вреда, как, например, херуски, которые нарушили договоры и истребили в засаде три легиона вместе с военачальником Варом». Мы уже не говорим о негодующих и дышащих мстостью стихах Овидия. Кажется, будто читаешь французских писателей из времен самого яркого шовинизма, писателей, изливающих свой гнев по поводу вероломства Иорка и предательства саксонцев под Лейпцигом. Германцы достаточно хорошо изучили римскую честность и верность договорам, когда Цезарь нападал на узипетов и тенктеров во время перемирия и начавшихся переговоров и когда Август брал в плен послов сигамбров, до прибытия которых он отказывался от каких бы то ни было переговоров с германскими племенами. Всем народам-завоевателям свойственно всяческими способами обманывать своих противников, и это, по их мнению, в порядке вещей; но стоит их противникам позволить себе то же самое — и они назовут это вероломством и изменой. Однако те средства, которые пускаются в ход в целях порабощения, должны быть дозволены и в целях свержения ига рабства. Пока будут существовать эксплуатирующие и господствующие народы и классы на одной стороне, эксплуатируемые и поработанные на другой, — до тех пор коварство и насилие будут с обеих сторон необходимостью, против которой всякая моральная проповедь бессильна.

Конечно, только ребячеством было построение фантастического памятника Арминию у Детмольда; единственно хорошим в нем было то, что он соблазнил Луи Наполеона, и тот воздвиг такой же смешной колоссальный памятник Верцингеториксу на горе у Ализы. Однако верно то, что сражение с Варом представляет один из наиболее решающих поворотных моментов в истории. Независимость германцев от Рима была этим сражением установлена навсегда. Можно много и бесплодно спорить о том, была ли эта независимость уж таким большим выигрышем для самих германцев, но бесспорно, что без нее все историческое развитие пошло бы в другом направлении. Правда, вся последующая история германцев в действительности представляет почти исключительно длинный ряд национальных бедствий, в которых большей частью виноваты были они сами, так что даже самые прочные успехи обращались во вред народу. Тем не

менее, приходится сказать, что тогда, в начале их истории, германцам определенно улыбалось счастье.

Цезарь употребил на покорение Галлии последние жизненные силы умирающей республики. Легионы, составлявшие уже со времен Мария из наемных солдат, но все еще исключительно из италиков, начиная с Цезаря стали буквально вымирать, по мере того как вымидали и сами италики под гнетом стремительно растущих латифундий, которые обрабатывались рабами. Сто пятьдесят тысяч человек, составлявшие сомкнутые ряды 25 легионов пехоты, можно было удерживать в строю лишь при помощи самых крайних средств. Двадцатилетний срок службы не соблюдался; отслуживших срок ветеранов заставляли на неопределенное время оставаться под знаменами. Это было главной причиной бунта римских легионов после смерти Августа, бунта, так наглядно изображенного Тацитом и своей удивительной смесью непокорства и дисциплины столь живо напоминающего бунта испанских солдат Филиппа II в Нидерландах; в обоих случаях обнаруживается крепкая организация войска, по отношению к которому вождь нарушил свое слово. Мы видели, как попытка Августа провести в жизнь старые, давно вышедшие из употребления законы о воинской повинности оказалась безрезультатной, и ему пришлось вновь обратиться к уже отслужившим срок и даже к вольноотпущенным — последних он уже однажды принял на службу во время паннонского восстания. Пополнение войска сыновьями свободных италийских крестьян прекратилось вместе с исчезновением самих италийских крестьян. Каждое новое пополнение легионов добавочными контингентами ухудшало качество войска. И так как приходилось, тем не менее, по возможности щадить легионы, это с трудом сохраняемое ядро всех военных сил, то на первый план все более выдвигаются вспомогательные войска; они сражаются в битвах, в которых легионы служат лишь резервом, так что батавы могли сказать уже во времена Клавдия: кровью провинций завоевываются провинции.

С таким войском, которому все более чуждыми становились старая римская дисциплина и выдержка, а вместе с тем и староримская боевая техника, с войском, все в большей мере составлявшимся из провинциалов и, в конце концов, даже из варваров, не входящих в состав империи, уже нельзя было теперь вести большие наступательные войны, а скоро стало невозможным давать и крупные наступательные сражения. Вырождение войска заставило государство ограничиться обороной, которая вначале еще носила наступательный характер, а потом становилась все более пассивной, пока, наконец,

инициатива в наступлениях не перешла к германцам по всей линии от Немецкого моря до Черного, через Рейн и Дунай.

Между тем даже для обеспечения линии Рейна нужно было дать германцам снова почувствовать на их собственной территории превосходство римского оружия. Для этой цели Тиберий поспешил на Рейн, восстановил собственным примером и строгими наказаниями ослабевшую дисциплину, ограничил размеры войскового обоза в походе самым необходимым и в два военных похода прошел по Западной Германии (годы 10 и 11). Германцы уклонялись от решительных сражений, римляне не осмеливались разбивать свои зимние лагеря по правую сторону Рейна. Были ли поставлены постоянные зимние гарнизоны в Ализоне и в укреплении, построенном у устья Эмса в земле хавков, — об этом сведений нет, но допустить это возможно.

В августе 14 г. умер Август. Рейнские легионы, которым не давали ни отставки по истечении срока службы, ни жалования, отказались признать Тиберия и провозгласили императором сына Друза — Германика. Последний сам усмирил мятеж, восстановил в войсках дисциплину и совершил с ними три описанных Тацитом похода в Германию.

Здесь против него выступил Арминий и показал себя полководцем, вполне достойным своего противника. Он всячески старался избегать решительных сражений в открытом поле, по возможности мешал продвижению римлян и нападал на них только в болотах и узких проходах, где они не могли развернуться. Но германцы не всегда его слушались. Войнственный пыл вовлекал их нередко в стычки при неблагоприятных обстоятельствах, жажда добычи не раз спасала римлян, уже крепко сидевших в западне. Таким образом, Германик одержал две бесплодные победы на Идизавизе и у пограничного вала ангривариев, на обратном пути с трудом выбрался по узким тропам из болот, понес потери морскими судами и людьми от бурь и приливов на фризском берегу и, наконец, после похода 16 г. был отозван Тиберием. На этом закончились походы римлян в глубь Германии.

Но римляне слишком хорошо знали, что над рекой господствуют только тогда, когда господствуют и над переправой через реку. Отнюдь не собираясь пассивно отступать назад за Рейн, они перенесли свою оборону на его правый берег. Римские укрепления, покрывающие район Нижней Липпы, Рура и Вуппера большими группами, соответствующими, по крайней мере в отдельных случаях, позднейшим областям, и военные дороги, построенные от Рейна до границ графства Марк, заставляют предположить, что здесь была

создана система оборонительных сооружений, которые тянулись от Эйселя до Зига в направлении теперешней пограничной линии между Франконией и Саксонией с некоторыми отклонениями по границе Рейнской провинции и Вестфалии. Вероятно, эта система укреплений, еще в VII веке до некоторой степени сохранившая свою обороноспособность, задержала наступавших тогда саксов у Рейна и таким образом определила теперешнюю границу, отделяющую их племя от франков. Наиболее интересные открытия сделаны здесь только за последние годы (И. Шнейдером), и можно поэтому ожидать также дальнейших открытий.

Далее, вверх по течению Рейна, был постепенно сооружен, главным образом при Домициане и Адриане, большой римский пограничный вал; он тянется из-под Нейвида через возвышенность Монтабаура к Эмсу, затем пересекает Лан, у Адольфсека поворачивает к западу по направлению северных склонов Таунуса, охватывает самый северный пункт, Грюнпинген, в долине Веттерау, отсюда направляется к юго-востоку и к югу от Ганау доходит до Майна. Затем вал идет по левому берегу Майна до Мильтенберга, а отсюда прямой линией, преломленной только в одном пункте, до Реймса в Вюртемберге близ замка Гогенштауфен. Здесь вал, построенный позднее, вероятно при Адриане, направляется к западу через Динкельсбюль, Гунценгаузен, Эллинген и Кипфенберг и у Ирнсинга, несколько выше Кельгейма, достигает Дуная. За валом были расположены более мелкие укрепления, а в некотором отдалении от них более значительные крепости в качестве опорных пунктов. Огражденная таким образом по правому берегу Рейна территория, которая со времени изгнания гелветов свевами, по крайней мере к югу от Майна, оставалась незанятой, была заселена, по свидетельству Тацита, галльскими бродягами и мародерами.

Таким образом, между Рейном и Дунаем вдоль вала постепенно наступили более спокойные и устойчивые условия жизни. Войны и набеги продолжались, но границы владений противников оставались неизменными в течение нескольких столетий.

[4.] [Прогресс за период до переселения народов.]

С Тацитом и Птоломеем прекращаются письменные источники о событиях и условиях внутренней жизни Германии. Но открывается ряд других гораздо более наглядных источников — находки памятников древности, относящиеся к эпохе, подлежащей нашему рассмотрению.

Мы видели, что во времена Плиния и Тацита торговля римлян с внутренними областями Германии почти равнялась нулю. Но и у Плиния мы находим указание на старый торговый путь, которым иногда пользовались и в его время, путь от Карнунта (против впадения Марха в Дунай) вдоль Марха и Одера к Янтарному берегу. Этим путем, как и вторым через Богемию, вдоль Эльбы, вероятно, пользовались уже в очень древние времена этруски, пребывание которых в северных альпийских долинах доказано многочисленными находками, особенно гальштадтской. Вторжение галлов в Верхнюю Италию, повидимому, положило конец этой торговле (около—400 г.) (Boyd Dawkins). Если это утверждение правильно, то эти торговые сношения, главным образом ввоз бронзовых изделий, этруски, повидимому, вели с народами, которые занимали земли по реке Висле и Эльбе раньше германцев, т. е. с кельтами; в таком случае переселение сюда германцев могло оказать такое же влияние на перерыв этих сношений, как и обратное движение кельтов в Италию. Только после этого перерыва возник, повидимому, торговый путь дальше, на востоке от греческих городов Черноморского побережья, вдоль по Днестру и Днепру к устью Вислы. За это говорят найденные у Бромберга, на острове Эзеле и в других местах старые греческие монеты; среди них имеются монеты четвертого, может быть пятого, столетия до нашей эры, чеканенные в Греции, Италии, Сицилии, Кирене и т. д.

Нарушенные торговые пути вдоль Одера и Эльбы должны были сами собой восстанавливаться, после того как переселившиеся народы приходили в состояние покоя. Кю времени Птолемея, повидимому, опять стали пользоваться не только этими, но и другими путями сообщения через Германию, и там, где прекращается свидетельство Плиния, продолжают говорить находки.

Ц. Ф. Виберг * многое здесь выяснил путем тщательного сопоставления материалов раскопок и доказал, что во II веке нашей эры вновь пользовались торговыми путями через Силезию вниз по течению Одера и через Богемию вниз по Эльбе. В Богемии Тацит упоминает «скупщиков добычи и торговцев (*lixae ac negociatores*) из наших провинций, которых корыстолюбие и забвение родины завели во вражескую область и в военный лагерь Маробода». Точно

* *C. F. Wiberg. Bidrag till kännedomen om Grekerna och Romarnas förbindelse med Norden. Deutsch von J. Mestorf. Der Einfluss der klass. Völker etc., Hamburg. 1867* [«Исследование об отношениях греков и римлян с Севером». На немецком языке: «Влияние классических народов и т. д.». Я. Месторф, Гамбург].

так же и гермундуры, которые издавна были в дружбе с римлянами и, согласно Тациту, беспрепятственно вели торговлю с десятичными землями и Рецией до самого Аугсбурга, завозили, конечно, римские товары и монеты с Верхнего Майна на берега Заалы и Берры. И дальше, за римским пограничным валом, на Лане, обнаруживаются следы торгового пути внутрь Германии.

Наибольшее значение, повидимому, имел путь через Моравию и Силезию. Водораздел между Мархом (или Бечвой) и Одером, — единственный, который приходится пересечь, — проходит по открытой холмистой местности на высоте ниже 325 метров над уровнем моря; и теперь сюда проложена железная дорога. Начиная с Нижней Силезии открывается Северо-германская низменность для дорог во всех направлениях — в сторону Вислы и Эльбы. В Силезии и Бранденбурге во II и III веках римские купцы были, повидимому, постоянными жителями. Там мы находим не только стеклянные урны с флакончиками из-под мира (Tränenfläschchen) и могильные урны с латинскими надписями (раскопки у Требница в Силезии и в других местах), но даже целые римские склепы с нишами для урн (колумбариями — в Нахельне у Глогау). У Варина в Мекленбурге также найдены несомненно римские могилы. Находки монет, римских металлических товаров, глиняных ламп и т. д. также свидетельствуют о том, что торговые сношения велись по этому пути *. Вообще вся Восточная Германия словно усеяна римскими монетами и изделиями, хотя по ней никогда не проходили римские войска; эти изделия часто снабжены теми же клеймами, которые встречаются также и на вещах, найденных в провинциях Римской империи **.

Но затем в первые столетия после Августа римские торговые суда посещали также Северное море. Морские сношения имели место и вдоль южного побережья Балтийского моря; они достигали датских островов, Швеции и Готланда, которыми мы займемся подробнее. На это указывают найденные в Нейгаузе на Осте (устье Эльбы) 344 римских серебряных монеты времен от Нерона до Марка Аврелия и остатки корабля, вероятно потерпевшего там крушение. Расстояния между различными береговыми пунктами, которые дают Птоломей и Марциан (около 400 года), могли только быть указаны купцами, посещавшими эти берега. Они плавали от мекленбургского

* Найденные в Силезии глиняные лампы имеют то же клеймо, что и другие, найденные в Далмации, Вене и т. д.

** Так, штемпель «Ti. Robilicus Sitalcis» имеется на двух бронзовых изделиях, из которых одно найдено в Мекленбурге, а другое в Богемии; это указывает на торговый путь вдоль Эльбы.

побережья до Данцига и оттуда до Скандии (Скандинавии). На это, наконец, указывают и другие многочисленные находки римского происхождения в Голштинии, Шлезвиге, Мекленбурге, Передней Померании, на датских островах и в Южной Швеции; места этих находок лежат все вместе, очень близко одно от другого и на небольшом расстоянии от берега.

Трудно решить, в какой мере этот римский торговый оборот включал ввоз оружия в Германию. Найденное в Германии в большом количестве римское оружие могло, конечно, быть военной добычей, а римские пограничные власти, само собою разумеется, прилагали все усилия, чтобы отрезать германцам ввоз оружия. Однако морским путем кое-что, вероятно, все же проникало, особенно к более отдаленным племенам, например на полуостров кимбров.

Остальные римские товары, которые этими различными путями проникали в Германию, состояли из домашней утвари, украшений, принадлежностей туалета и т. п. В числе домашней утвари обнаруживаются бронзовые миски, меры весов, кубки, сосуды, кухонная посуда, сита, ложки, ножницы, ковши и т. д., отдельные сосуды из золота и серебра, глиняные лампы, которые были очень распространены; украшения из бронзы, серебра и золота; ожерелья, диадемы, браслеты и кольца, застежки вроде наших брошек; среди принадлежностей туалета находим гребни, щипчики, ложечки для чистки ушей и т. п., не говоря уже о вещах, назначение которых спорно. Большинство этих изделий возникло, по признанию Ворсо (Worsaae), под влиянием вкусов, господствовавших в I веке в Риме.

Разница между германцами Цезаря и даже Тацита и народом, употреблявшим эту утварь, очень велика, даже если признать, что ею пользовались лишь наиболее знатные и богатые. «Простая пища», которой германцы, по словам Тацита, «без больших приготовлений» (*sine apparatus*) и без приправ «утоляли голод», уступила место кухне, которая пользовалась довольно сложными приспособлениями и кроме того заимствовала у римлян и соответствующие приправы. Вместо пренебрежительного отношения к золотым и серебряным вещам появилось желание украшать себя ими; вместо равнодушия к римским деньгам — их распространение по всей германской территории. И наконец, далее, принадлежности туалета — разве самый факт их наличия не обозначает начало полного переворота в нравах народа, который, правда, как мы знаем, изобрел мыло, но умел его применять лишь для окрашивания волос в желтый цвет? Что поставляли германцы римским купцам за все эти наличные деньги и товары, мы можем узнать из сообщений древних, а послед-

ние, как уже было сказано, оставляют нас почти в безвыходном положении. Плиний упоминает овощи, гусиные перья, шерстяную материю и мыло в качестве предметов, ввозимых империей из Германии. Но эта начинающаяся пограничная торговля не может служить масштабом для позднейшей эпохи.

Главным предметом торговли, о котором мы знаем, был янтарь, но это недостаточно для объяснения торговли, которая распространилась по всей стране. Скот, составлявший главное богатство германцев, был, вероятно, и важнейшим предметом вывоза; уже одни только легионы, расположенные на границе, обеспечивали здесь постоянный спрос на мясо. Звериные шкуры и пушные товары, которые во времена Иорнанда отправляли из Скандинавии к устью Вислы, а оттуда в Римскую империю, наверное, уже раньше нашли туда дорогу из восточно-германских лесов. Виберг полагает, что дикие звери для цирка привозились римскими мореходами с севера. Но кроме медведей, волков и, может быть, зубров там ничего нельзя было достать, а львов, леопардов и даже медведей можно было ближе и легче достать из Африки и Азии. — Рабы? — стыливо спрашивает, наконец, Виберг, и тут он, пожалуй, попадает в цель. В самом деле, помимо скота, рабы были единственным товаром, который германцы могли вывозить в достаточном количестве, чтобы сводить свой торговый баланс с Римом. Италия пользовалась в городах и на латифундиях трудом огромного рабского населения, которое размножалось лишь в незначительных размерах. Все хозяйство римского крупного землевладения держалось на колоссальном ввозе проданных в рабство военнопленных, притекавших в Италию во время непрерывных захватнических войн приходившей в упадок республики, и на ввозе, имевшем место еще в правление Августа. Теперь этому пришел конец. Империя перешла к обороне в устойчивых границах. Побежденные враги, из числа которых рекрутировалась масса рабов, все реже попадали в римские войска. Приходилось покупать рабов у варваров. Но вот заявляют, будто бы германцы не были продавцами на рынке рабов. Германцы, которые, уже по сведениям Тацита, продавали рабов («Германия», 24), постоянно воевали между собой и за недостатком денег платили дань римлянам женами и детьми, отдавая их в рабство, как это делали фризы; уже в третьем столетии, если не раньше еще, они разъезжали по Балтийскому морю, и их морские экспедиции в Северное море, начиная с набегов саксов в III веке и кончая набегами норманнов в X веке, имели своей ближайшей целью, — наряду с прочим морским разбоем, — охоту за рабами почти исключительно

для торговли. А несколько столетий спустя, в период переселения народов и их войн со славянами, они—первые пираты, похитители рабов и работорговцы своего времени. Или мы должны предположить, что германцы II и III столетий были совсем не такими людьми, как все прочие соседи римлян и их собственные потомки III, IV и V столетий, или же нам придется признать, что и они принимали большое участие в торговле рабами с Италией, что считалось тогда делом вполне благопристойным и даже почетным. Вместе с тем рассеивается та таинственность, которой была покрыта германская экспортная торговля того времени.

Мы должны здесь вернуться к вопросу о тогдашних торговых сношениях по Балтийскому морю. В то время как на берегах Каттегата нельзя указать ни одной римской находки, их очень много на южном побережье Балтийского моря до самой Лифляндии, в Шлезвиг-Гольштинии, на южных берегах и во внутренних областях датских островов, на южном и юго-восточном берегах Швеции, на Эланде и Готланде. Наибольшая часть этих находок относится к так называемому периоду динария, о котором мы еще будем говорить ниже и который продолжается до первых лет правления Септимия Севера, т. е. круглым счетом до 200 года. Уже Тацит говорит о суйонах, что они сильны своим весельным флотом и что богатство у них было в почете; они, следовательно, уж наверное занимались морской торговлей. После того как их мореплавание получило такое развитие в Балтике, Эрезунде и Эландзунде, а также у побережий, они должны были решиться выйти и в открытое море, чтобы расширить круг своего влияния на Борнгольм и Готланд; они должны были уже хорошо уметь управлять кораблями, чтобы развить оживленную торговлю, центром которой служил как раз самый отдаленный от материка остров Готланд. В самом деле, здесь до 1873 г. * было найдено свыше 3 200 римских серебряных динариев, в то время как на Эланде найдено около 100, на шведском континенте меньше 50, на острове Борнгольме 200, в Дании и Шлезвиге 600 (из них 428 в одной только находке, у Слагельзе в Зеландии). Исследование этих находок показывает, что до 161 г., когда Марк Аврелий сделался императором, на Готланд проникло лишь немного римских динариев, а начиная с этого времени и до конца столетия они направлялись туда массами. Следовательно, во второй половине века мореплавание по Балтийскому морю должно было уже достигнуть значительного раз-

* *Hans Hildebrand*. «Das heidnische Zeitalter in Schweden». Deutsch von J. Mestorf. Hamburg. 1873 [*Ганс Гильдебранд*. «Языческая эпоха в Швеции»].

вития; что оно существовало уже и раньше, засвидетельствовано показанием Птоломея, по сообщению которого расстояние между устьем Вислы и Скандией (Скандинавией) было 1 200—1 600 стадий (30—40 больших миль). Оба расстояния приблизительно верны для восточной оконечности Блекинга и для южной оконечности Эланда или Готланда, смотря по тому, мерить ли от Риксгефта, или от Нейфарвассера, или Пиллау. Они могут базироваться только на сообщениях моряков, как и другие указания расстояний вдоль немецкого побережья вплоть до устья Вислы.

Что этим плаванием по Балтийскому морю занимались не римляне, свидетельствуют, во-первых, все их туманные представления о Скандинавии и, во-вторых, то, что не найдено никаких римских монет у берегов Каттегата и в Норвегии. Кимврские предгорья (Скаген), которых римляне достигли при Августе и откуда они увидели простиравшееся перед ними бесконечное море, были и остались, по видимому, крайним пунктом их непосредственных сношений по морю. Итак, германцы сами посещали Балтийское море, поддерживали торговые сношения, завозили в Скандинавию римские деньги и изделия. Да иначе это и не могло быть. Со второй половины III столетия вдруг начинаются саксонские морские набеги на галльские и британские берега, и притом с такой смелостью и уверенностью, какая ими за одну ночь не могла быть приобретена, а, наоборот, предполагает длительное и основательное знакомство с плаванием в открытом море. А такое основательное знакомство саксы, — под этим именем мы должны здесь иметь в виду также все племена Кимврского полуострова, т. е. также фризов, англов и ютов, — могли приобрести только в Балтийском море. Это большое внутреннее море, без приливов и отливов, куда юго-западные атлантические штормы приходят лишь после того, как их сила уже в значительной мере исчерпана в Северном море, этот вытянутый в длину бассейн с его многочисленными островами, заливами и проливами, где при переезде с одного берега на другой лишь очень короткое время не видно земли, словно создан для упражнений вновь развивающегося судоходства. Уже шведские рисунки на скалах, приписываемые бронзовому веку, с их многочисленными изображениями весельных лодок, указывают на издревле существовавшее здесь судоходство. находка в Нидамском болоте в Шлезвиге представляет построенную в начале III столетия из дубовых досок ладью в 70 футов длины и 8—9 футов ширины, вполне приспособленную к плаванью в открытом море. Здесь вырабатывалась в тиши та техника судостроения, та сноровка мореходов, которая саксам и норманнам дала позднее воз-

возможность делать свои завоевательные походы в открытом море и благодаря которой германское племя до сих пор стоит во главе всех морских народов мира.

Римские монеты, проникавшие до конца II века в Германию, были преимущественно серебряные динарии (1 динарий = 1,06 марки). При этом германцы, как нам сообщает Тацит, предпочитали старые, давно известные им монеты, с зубчатыми ребрами и с изображением парной колесницы. И действительно, среди старых монет было найдено много и этих *Serrati bigatique*¹. В этих старых монетах было только 5—10% меди. Уже Траян велел прибавлять к серебру 20% меди; этого германцы, повидимому, не заметили. Но когда Септимий Север с 198 г. повысил примесь до 50—60%, то это уже вызвало недовольство у германцев; позднейшие неполноценные динарии встречаются в находках в виде исключения, ввоз римских денег прекратился. Он возобновился лишь после того, как Константин в 312 г. установил в качестве монетной единицы золотой солид (72 солида из 1 римского фунта чистого золота в 327 граммов, т. е. 1 солид = 4,55 грамма чистого золота = 12,70 марки); с тех пор в Германию, а еще больше на Эланд и особенно на Готланд идут преимущественно золотые монеты, солиды. Этот второй период ввоза римских денег, период солида, продолжается для западно-римских монет до конца Западно-римской империи, для византийских — до Анастасия (умер в 518 г.²). Находки приходится преимущественно на Швецию, датские острова и некоторые — на германское побережье Балтийского моря; во внутренних областях Германии они встречаются только изредка.

Порча монеты, которую производили Септимий Север и его преемники, сама по себе, однако, не может служить объяснением внезапного перерыва торговых сношений между германцами и римлянами. Были, повидимому, еще и другие причины. Одной из них несомненно служили политические отношения. С первых лет III века начинается наступательная война германцев против римлян, и приблизительно к 250 г. она уже разгорается по всей линии от устья Дуная до Рейнской дельты. Между воюющими сторонами, конечно, не могло уже быть никакой регулярной торговли. Но эти внезапно возникшие упорные наступательные войны сами нуждаются в объяснении. В условиях внутренней римской жизни такого объяснения

¹ *Serratus* — зубчатый; *bigatus* — с изображением парной колесницы. *Ред.*

² В оригинале описка: указан 418 год. *Ред.*

найти нельзя; напротив, империя еще повсюду оказывает успешное сопротивление и в промежутки между отдельными периодами крайней анархии все еще выдвигает — и как раз в это время — могущественных императоров. Следовательно, нападения германцев были вызваны переменами, происшедшими у них самих. И здесь опять-таки находки разъясняют это.

В течение первых шестнадцати лет нашего века в двух шлезвигских торфяных болотах были сделаны исключительной важности находки, которые были тщательно исследованы Энгельгардтом в Копенгагене и после разных мытарств помещены теперь в Кильском музее. От прочих находок подобного рода их выгодно отличают находящиеся в них монеты, которые устанавливают со значительной точностью древность находок. Одна из них, из Ташбергского болота (по-датски — Thorsbjerg) около Зюдербаррупа, содержит 37 монет, чеканенных в период от Нерона до Септимия Севера; другая находка, из Нидамского болота, занесенного илом и превратившегося в торфяник морского залива, содержит 34 монеты за время от Тиберия до Макрина (218 г.). Найдки относятся несомненно к периоду между 220 и 250 гг. В них содержатся предметы не только римского происхождения, но и много других, сделанных в самой Германии; ввиду того, что они почти полностью сохранились в железистой торфяной воде, они с поразительной ясностью показывают нам состояние северо-германской металлической промышленности, ткачества, судостроения, а рунические знаки показывают также состояние письменности в первую половину III столетия.

Еще более поражает нас здесь самый уровень промышленности. Тонкие ткани, изящные сандалии и хорошо сработанные шорные изделия указывают на гораздо более высокую ступень культуры, чем та, на которой стояли тацитовские германцы; но что нас особенно изумляет, так это туземные металлические изделия.

Что германцы принесли с собой со своей азиатской родины знакомство с употреблением металлов, доказывает сравнительное языковедение. Знакомство с добыванием и обработкой металлов у них, может быть, также было, но едва ли уже в то время, когда они столкнулись с римлянами. По крайней мере, у писателей I века не встречается никаких указаний на то, что между Рейном и Эльбой добывалось и обрабатывалось железо или бронза; они скорее приводят к противоположным выводам. Правда, относительно готинов (в Верхней Силезии) Тацит говорит, что они добывают железо, а соседним квадам Птоломей приписывает изготовление железных изделий, но и те и другие могли заимствовать с берегов Дуная умение плавить

железо. И находки I века, о давности которых свидетельствуют монеты, также нигде не обнаруживают туземных металлических изделий, а только римские; да и зачем было бы привозить в Германию в массовых количествах римские металлические товары, если бы там существовала собственная обработка металлов? Правда, в Германии встречаются старые формы для отливки, незаконченные бронзовые отливки и отбросы литья, но все это без монет, удостоверяющих их давность; по всей вероятности, это следы догерманской эпохи, остатки изделий из бронзы, сделанных странствующими этрусскими литейщиками. Впрочем, бесцельно ставить вопрос о том, *совершенно* ли забыли переселившиеся германцы обработку железа; все факты говорят за то, что в I веке они не занимались никакой или почти никакой обработкой металлов.

Вот теперь и выступают на сцену находки в Ташбергских болотах и обнаруживают неожиданно высокий уровень развития туземной металлической промышленности. Застежки, металлические бляхи для украшений с изображениями голов животных и людей, серебряный шлем, совершенно закрывающий все лицо, за исключением только глаз, носа и рта, кольчуги из сплетенных проволок, требующие чрезвычайно усидчивой работы, так как проволоку приходится предварительно выковывать (волоченье проволоки было изобретено лишь в 1306 г.), золотой головной обруч; не упоминаю уже о других предметах, туземное происхождение которых может быть подвергнуто сомнению. С этими предметами, найденными при раскопках, обнаруживают сходство предметы из Нидамского болота, из болотной раскопки на острове Фюнене и, наконец, из одной богемской находки (в Горжовице) также начала 60-х годов: роскошные бронзовые диски с изображением человеческих голов, застежки, пряжки и т. д. — совершенно такие же, как и ташбергские, во всяком случае, следовательно, той же эпохи.

Начиная с III века металлическая промышленность, все более совершенствуясь, распространилась, по видимому, по всей германской территории; ко времени переселения народов, примерно к концу V века, она достигла сравнительно высокого уровня. Не только железо и бронза, но и золото и серебро постоянно обрабатывались, по образцу римских монет чеканились золотые брактеаты¹, производилось золочение неблагородных металлов; встречаются инкрустации, эмалевые и филигранные работы; часто при неуклюжем общем виде изделия на нем можно обнаружить в высокой степени художе-

¹ Монеты с чеканкой на одной стороне. *Ред.*

ственные и с большим вкусом сделанные украшения, лишь отчасти представляющие подражание римским; это главным образом относится к застежкам и пряжкам или брошкам с их определенными характерными формами, которые встречаются повсюду. В Британском музее лежат застежки из Керчи, с Азовского моря, рядом с совершенно такими же, найденными в Англии, словно из одной мастерской. Стиль этих работ — часто при довольно резких местных особенностях — остается в основных чертах одинаковым на всем пространстве от Швеции до Нижнего Дуная и от Черного моря до Франции и Англии. Этот первый период германской металлической промышленности на континенте приходит к концу вместе с окончанием переселения народов и со всеобщим принятием христианства; в Англии и Скандинавии он продолжается несколько дольше.

Как широко было распространено это производство у германцев в VI и VII веках и в какой мере оно уже тогда выдвинулось как особая ветвь промышленности, показывают «народные правды». Кузнецы, в частности кузнецы, изготовляющие мечи, золотых и серебряных дел мастера часто упоминаются в «Аламандской правде», среди них даже такие, которые подвергались публичному испытанию (*publice probati*). «Баварская правда» наказывает за воровство, произведенное в церкви, в поместье герцога, в кузнице или на мельнице, повышенным штрафом, «потому что эти четыре здания — общественные дома и постоянно стоят открытыми». За убийство золотых дел мастера платят, по «Фризской правде», виру (вергельд — штраф) на $\frac{1}{4}$ больше, чем за других людей этого сословия; «Салическая правда» оценивает обыкновенного крепостного в 12 солидов, а крепостного кузнеца (*faber*) в 35 солидов.

О *судостроении* мы уже говорили. Нидамские суда — весельные ладьи; одно побольше — из дуба, на 14 пар гребцов, другое, меньшее, — из соснового дерева. Весла, руль, ковши еще находились в самой лодке. Только после того как германцы стали посещать также и Северное море, они, повидимому, заимствовали у римлян и кельтов употребление паруса.

Гончарное дело было им знакомо уже во времена Тацита, правда, только ручное гончарное ремесло. На границе, именно с внутренней стороны пограничного вала в Швабии и Баварии, у римлян были большие гончарные мастерские, в которых работали и германцы, как о том свидетельствуют выжженные имена рабочих. Через них в Германию проникло знакомство с гончарным кругом и стеклянным литьем, а также и более совершенные технические навыки. Изготовление стекла также стало известно германцам, вторгшимся в за-

дунайские земли; в Баварии и Швеции часто находили стеклянные сосуды, цветные бусы и стеклянные инкрустации на металлических товарах, все — германского происхождения.

Наконец, мы видим уже повсеместное распространение и применение рунической письменности. В ташбергской находке имеются ножны меча и пряжка от щита с руническими надписями. Те же рунические знаки мы находим и на золотом кольце, найденном в Валахии, на пряжках из Баварии и Бургундии, наконец на древнейших рунических камнях Скандинавии. Это более совершенный рунический алфавит, из которого впоследствии образовались англо-саксонские рунические знаки; он содержит на семь графических знаков больше, чем северная руническая строка, получившая впоследствии распространение в Скандинавии, и указывает также на более раннюю форму языка, чем дошедшая до нас форма древнейшего северного диалекта. Впрочем, то была в высшей степени неуклюжая система письма из римских и греческих букв с необходимыми изменениями, чтобы легче было нацарапывать эти буквы на камне или металле и в особенности на древесных стволах. Круглые формы букв должны были уступить место угольчатым; по древесным волокнам можно было проводить только вертикальные или косые штрихи, но не горизонтальные; именно поэтому они были крайне неудобны для письма на пергаменте или бумаге. И, насколько мы можем судить, они фактически служили лишь для религиозных целей, для заклинаний и надписей, а также и для других кратких сообщений; как только возникла потребность в настоящей книжной письменности, как это было у готов и впоследствии у англо-саксов, они отбрасывались, и вновь приспособлялись греческий и римский алфавиты, причем сохранились только отдельные рунические знаки.

Наконец, в течение рассматриваемого периода германцы несомненно сделали также значительные успехи в земледелии и скотоводстве. К этому побуждал их переход к оседлости; огромный прирост населения, приведший в эпоху переселения народов к перенаселению, был бы иначе невозможен. Не мало участков первобытного леса, вероятно, было выкорчевано, и отсюда произошла, повидимому, большая часть так называемых «высоких пашен» («Hochäcker»), т. е. лесных участков со следами старинного земледелия, если они только находятся на тогдашней германской территории. Специальных доказательств для этого, конечно, нет. Но если уже Проб в конце III века предпочитал для своей конницы германских лошадей, а крупный белый рогатый скот, вытеснивший в саксонских областях Британии кельтскую черную и низкорослую породу, был туда завезен — как

это теперь полагают — англо-саксами, то это указывает на целую революцию в скотоводстве, а вместе с тем и в земледелии германцев.

В результате нашего исследования мы приходим к заключению, что германцы в период от Цезаря до Тацита сделали значительный шаг вперед по пути цивилизации, но что после Тацита, до эпохи переселения народов, примерно до 400 г., они сделали еще гораздо большие успехи. Торговля проникла к ним и принесла продукты римской промышленности, а вместе с ними, по крайней мере в известной степени, и римские потребности; она вызвала к жизни отечественную промышленность, которая исходила, правда, из римских образцов, но развивалась при этом совершенно самостоятельно. Находки в шлезвигских болотах представляют первый этап этой промышленности, время которого может быть установлено; находки из эпохи переселения народов — второй этап, указывающий на более высокую ступень развития. Характерно при этом, что западные племена решительно отстают от племен Внутренней Германии, особенно Прибалтийского побережья. Франки и алеманны и еще позднее саксы производят металлические товары худшего качества, чем англосаксы, скандинавы и народы, переселившиеся из внутренних областей, — готы по берегам Черного моря и Нижнего Дуная, бургунды во Франции. Здесь не следует упускать из виду влияние старых торговых путей от Среднего Дуная вдоль линии Эльбы и Одера. Между тем, прибрежные жители становятся искусными судостроителями и смелыми мореплавателями; повсюду сильно растет численность населения; урезанная римлянами территория становится недостаточной. В первую голову начинаются новые переселения ищущих земли племен на дальнем востоке, пока, наконец, поднявшиеся со всех сторон людские массы неудержимым потоком не устремились сухим и морским путем на новые земли.

[2.]¹ Германские племена.

Во внутренние области Великой Германии (*Germania magna*) римские войска совершили только несколько походов, заходили не надолго и притом не дальше Эльбы; купцы и другие путешественники до Тацита также проникали сюда редко и не вглубь. Не удивительно, что сведения об этой стране и ее населении так скудны и противоречивы; следует скорей удивляться тому, что вообще у нас еще много достоверных сведений.

¹ Первая статья не сохранилась. *Ред.*

Из источников можно безоговорочно пользоваться обоими греческими географами только при безусловном подтверждении их данных. Оба они были кабинетными учеными, собирателями и в меру своих средств в своем роде даже критическими обозревателями материала, который в большей своей части для нас утрачен. Им недоставало личного знания страны. Так, хорошо знакомая римлянам Липпа течет, по Страбону, не в Рейн, а параллельно Эмсу и Везеру, в Северное море; он, впрочем, сам честно сознается, что местность, лежащая по ту сторону Эльбы, совершенно неизвестна. В то время как он освобождается от противоречий своих источников и собственных сомнений при помощи наивного рационализма, который часто напоминает начало нашего столетия, ученый географ Птоломей пытается разместить названные в его источниках единичные немецкие племена в математически вычисленных клетках неумолимой градусной сетки своей карты. Но как ни великолепен весь труд Птолемея для своего времени, все же его география Германии ошибочна. Во-первых, сведения, которыми он пользуется, в большинстве случаев ненадежны и противоречивы, часто прямо ложны. Во-вторых, его карта неверно начерчена; течение рек и горные цепи в большинстве случаев нанесены совершенно неправильно. Словно никогда не путешествовавший берлинский географ считал бы, примерно в 1820 г., своей обязанностью заполнить пустое пространство на карте Африки, согласовывая данные всех источников со времени Льва Африканского и точно устанавливая направление каждой реки и возвышенности, местонахождение каждого народа. Такие попытки добиться невозможного приводят к тому, что ошибки использованных источников еще усугубляются. Так, много народов Птоломей приводит дважды: лаккобардов в нижнем течении Эльбы и лангобардов от среднего течения Рейна до среднего течения Эльбы; он знает две Богемии — одна заселена маркоманнами, другая байнохаймами, и т. д. Тацит определенно говорит, что в Германии городов нет, между тем как Птоломей менее чем через 50 лет уже перечисляет целых 96 пунктов с названиями. Некоторые из этих названий были, повидимому, правильные; Птоломей, очевидно, собрал много сведений, полученных от купцов, которые к этому времени уже в значительно большем числе посещали восточную часть Германии и знакомы с названиями, которые постепенно закреплялись за теми местами, где они бывали. На происхождение других названий указывает один пример мнимого города Суатутанда, который наш географ вычитывает у Тацита из слов «ad sua tutanda» [для охраны своего имущества], повидимому, из плохой рукописи. Наряду с этим

встречаются сведения поразительной точности и первостепенной исторической ценности. Так, Птоломей, единственный из древних, помещает лангобардов, правда, под ошибочным названием лаккобардов, как раз на том месте, где теперь еще о них свидетельствуют названия Барденгау и Барденвик, также ингрионов — в Энгерсгау, где в настоящее время Энгерс лежит на Рейне у Нейвида. Также только он один приводит имена литовских галюндов и зудиттов, которые теперь еще населяют восточно-пруссские районы Гелюнден (Gelunden) и Зудауен (Sudauen). Однако такие примеры свидетельствуют только о его большой учености, но не о правильности остальных его данных. В очень многих местах текст, особенно там, где идет речь о самом важном, о названиях, до крайности испорчен.

Наиболее непосредственными источниками остаются работы римлян, именно тех, которые сами посещали Германию. Веллей был в Германии солдатом и пишет, как солдат, примерно в таком роде, как офицер великой армии пишет о походах 1812 и 1815 гг. Даже места, где происходили военные события, его рассказ не дает возможности установить. Это и не удивительно в стране без городов. Плиний также служил в Германии кавалерийским офицером и, между прочим, посетил хавкское побережье; он же описал в 20 книгах все войны, которые велись с германцами; из этих книг черпал свои данные Тацит. К тому же Плиний был первым римлянином, интересовавшимся войнами в варварской стране не только с военно-политической, но и с теоретической точки зрения. Кроме того, он был естествоиспытателем. Поэтому его сообщения о немецких племенах, основанные на непосредственных наблюдениях ученого римского энциклопедиста, должны иметь для нас особенную ценность. По традиции утверждают, что Тацит был в Германии, но доказательства тому я не нашел. Во всяком случае, он мог в свое время собирать прямые сведения только близ Рейна и Дуная.

Безуспешная попытка согласовать племена «Германии» [Тацита] и Птолемея между собой и с путаницей прочих древних сведений была сделана в двух классических трудах: Каспара Цейса — «Die Deutschen und ihre Nachbarstämme», 1837 [«Германцы и соседние племена»], и Якова Гримма — «Geschichte der deutschen Sprache» [«История немецкого языка»]. То, что не удалось этим гениальным ученым и позднейшим исследователям, следует считать невыполнимым на основании наших современных материалов. Недостаточность этих материалов видна уже из того, что оба они вынуждены были построить ложные вспомогательные теории: Цейс — что последнее слово во всех спорных вопросах следует искать у Птолемея, хотя

никто так резко не охарактеризовал основных ошибок Птоломея, как он сам; Grimm — что силы, которые ниспровергли римское мировое владычество, должны были вырасти на более широкой почве, чем пространство между Рейном, Дунаем и Вислой, и что поэтому вместе с готскими и дакскими землями к Германии следует отнести и большую часть страны на севере и северо-востоке нижнего течения Дуная. Взгляды Цейса и Grimma в настоящее время устарели.

Попытаемся внести хоть некоторую ясность в вопрос, ограничив свою задачу. Если нам удастся произвести общее распределение народностей по некоторым основным племенам, то будет заложена прочная основа для дальнейших детальных исследований. И здесь место из Плиния дает нам точку опоры, устойчивость которой все больше подкрепляется в ходе исследования; во всяком случае, это место создает меньше затруднений, в меньшей степени запутывает нас в противоречиях, чем какое-либо другое.

Но, исходя из системы Плиния, мы должны будем отказаться от безусловной пригодности тацитовской триады и от трех сыновей Манна — Инге, Иске и Эрмине. Во-первых, Тацит и сам не знает, как ему быть со своими ингевонами, искевонами и герминонами; он не делает ни малейшей попытки распределить порознь перечисленные им племена по этим трем основным племенным группам. И, во-вторых, это и впоследствии никому не удалось. Цейс делает отчаянные усилия включить в тацитовскую триаду готские племена, которые он считает истевонами, и вносит еще большую путаницу в вопрос. Включить туда же скандинавов он даже и не пытается и создает из них четвертое основное племя. Но таким образом тацитовская триада нарушается, как она нарушается и пятью основными племенами Плиния.

Рассмотрим каждое из этих пяти основных племен отдельно.

I. *Vindili, quorum pars Burgundiones, Varini, Carini, Guttones* [Виндилы, часть которых составляют бургунды, варины, карины, гуттоны].

Здесь три народности: вандалы, бургунды и сами готы, относительно которых определенно установлено, что они, во-первых, говорили на готских диалектах и, во-вторых, жили в то время в дальней восточной части Германии: готы — в устье Вислы и по ту сторону этого устья, бургунды поселены Птоломеем по Варте до Вислы, а вандалы помещены Дионом Кассием (который по их имени называет Исполинские горы) в Силезии. К этому готскому основному племени, как мы будем обозначать его по языку, мы должны безусловно отнести все те народности, диалекты которых Grimm свел к готскому

диалекту, следовательно прежде всего те области, которым и Прокопий наряду с вандалами приписывает готский язык. О прежнем месте их жительства мы ничего не знаем, так же мало знаем мы о месте жительства герулов, которых Гримм вместе со скирами и ругиями также причисляет к готам. Плиний упоминает о скирах на берегах Вислы, а Тацит помещает ругиев рядом с готами на берегу моря. Готский диалект занимает, таким образом, сплошную область между Вандальскими (Исполинскими) горами, Одером и Балтийским морем до Вислы и за этой рекой.

Кто такие были карины, мы не знаем. Некоторые затруднения причиняют варны. Тацит приводит их наряду с англами в числе семи народностей, приносящих жертвы Нерте; о них уже Цейс справедливо заметил, что у них своеобразный ингевонский облик. Птоломей же относит англов к свевам, что явно неверно. На основании одного или двух искаженных тем же географом названий варнов Цейс переселяет их в Гавельланд, к свевам. Запись древней «народной правды» прямо отождествляет варнов с тюрингами, но самое право у варнов с англами общее. Ввиду всего этого вопрос о том, следует ли варнов причислить к готскому или ингевонскому племени, должен остаться открытым; но так как они совершенно исчезли, то и вопрос этот не имеет особого значения.

II. *Altera pars Ingaevones, quorum pars Cimbri, Teutoni ac Chaucorum gentes* [Другая часть — ингевоны, часть которых составляют кимвры, тевтоны и племена хавков].

Плиний указывает здесь прежде всего Кимврский полуостров и прибрежную полосу между Эльбой и Эмсом как на место жительства ингевонов. Из трех названных племен хавки были несомненно ближайшими сородичами фризов. Фризский язык и теперь еще господствует на берегах Северного моря, в голландской западной Фрисландии, в ольденбургском Затерланде, в шлезвигской северной Фрисландии. В эпоху каролингов по всему побережью Северного моря от Синкфалия (бухты, которая и теперь еще образует границу между бельгийской Фландрией и голландской Зеландией) до Зильта, шлезвигского Видау и, вероятно, еще на большом пространстве дальше к северу говорили почти исключительно по-фризски; только по обеим сторонам устья Эльбы до самого моря говорили на саксонском языке.

Под кимврами и тевтонами Плиний, очевидно, разумеет тогдашних обитателей Кимврского полуострова, которые принадлежали, следовательно, к хавко-фризской языковой группе. Мы можем, следовательно, вместе с Цейсом и Гриммом рассматривать северных

фризов как прямых потомков тех древних германцев, которые населяли полуостров.

Правда, Дальман в «Истории Дании» (Dahlmann. «Geschichte von Dänemark») утверждает, что северные фризы переселились с юго-запада на полуостров только в V веке. Но он не приводит ни малейших доказательств в пользу своего утверждения, и оно при всех дальнейших исследованиях справедливо не принималось совсем во внимание.

Ингевонское наречие может иметь поэтому прежде всего то же значение, что и фризский язык, в том смысле, что мы всю племенную языковую группу называем по наречию, от которого только и дошли до нас старинные памятники и продолжающие жить диалекты. Но исчерпывается ли этим объем ингевонского племени? Или Гримм прав, объединяя в нем всех, кого он не совсем точно обозначает как нижне-германцев, т. е. наряду с фризцами также и саксов?

Признаем с самого начала, что, причисляя херусков к гермюнам, Плиний отводит саксам совершенно незначительное место. Мы дальше увидим, что в сущности ничего другого не остается, как отнести и саксов к ингевонам и считать это основное племя фризско-саксонским.

Здесь будет уместно сказать об англах, которых Тацит предположительно, а Птоломей определенно относит к свевам. Птоломей помещает их на правом берегу Эльбы, напротив лангобардов; при этом, если его указание хоть сколько-нибудь правильно, то имеются, вероятно, в виду только *настоящие* лангобарды на Нижней Эльбе. В таком случае англв от Лауенбурга дошли, пожалуй, приблизительно до Пригница. Позднее мы их находим на самом полуострове, где сохранилось их имя и откуда они вместе с саксами переправились в Британию. Их язык представляется теперь определенно *фризским* элементом этого вновь образовавшегося англо-саксонского наречия. Что бы ни произошло с оставшимися во внутренних частях Германии или затерявшимися англами, один этот факт заставляет нас причислить англов к ингевонам, и притом к фризской их ветви. Им обязан англо-саксонский язык всей системой гласных, гораздо более фризской, чем саксонской, и тем обстоятельством, что дальнейшее его развитие во многих случаях протекает поразительно сходно с развитием фризских диалектов. Из всех континентальных диалектов фризские в настоящее время стоят ближе всех к английскому языку. Так, переход «гортанных» звуков в шипящие в английском языке также не французского, а фризского происхождения. Английское $ch = \check{c}$ вместо k и английское $d\check{z}$ вместо g перед мягкими глас-

ными могли, конечно, произойти из фризского *tz, tj* вместо *k* и *dz* вместо *g*, но никогда не могли произойти из французского *ch* и *g*.

Вместе с англами мы должны и ютов причислить к фризско-ингевонскому племени, независимо от того, жили ли они на полуострове уже во времена Плиния или Тацита или же переселились туда лишь позднее. Grimm находит их название в названии эвдзов, одного из тацитовских племен, почитавших Нерту; если англы принадлежат к ингевонам, то трудно отнести остальные народности той же группы к другому племени. В таком случае ингевоны простирались бы до устья Одера, и пустое пространство между ингевонскими и готскими племенами было бы заполнено.

III. *Proximi autem Rheno Iscaevones* (al. *Istaevones*) *quorum pars Sicambri* [Ближайшие же к Рейну — исевоны (иначе — исевоны), часть которых составляют сигамбры].

Уже Grimm и вслед за ним другие, как, например, Вайц, в большей или меньшей степени отождествляли исевонов с франками. Но Grimm вводит в заблуждение язык. Начиная с середины IX века все немецкие документы во франкском государстве составлялись на наречии, которое нельзя отличить от древне-верхне-немецкого языка; поэтому Grimm полагает, что древне-франкский диалект на чужбине погиб, а на родине был заменен верхне-немецким, и на этом основании он, в конце концов, причисляет франков к верхне-германскому племени.

В результате своего исследования дошедших до нас остатков языка Grimm сам приходит к выводу, что древне-франкское наречие имеет значение самостоятельного диалекта, занимающего среднее положение между саксонским и верхне-немецким. Этого здесь пока достаточно; более подробному исследованию франкского языка, условия развития которого еще очень неясны, должно быть посвящено особое примечание.

Во всяком случае, доставшаяся исевонскому племени территория представляется сравнительно небольшой для целого основного племени германцев, да еще для такого, которое играло такую крупную роль в истории. Начиная от Рейнгау, эта территория тянется по Рейну внутрь страны до истоков Дилля, Зига, Рура, Липпы и Эмса на север, хавками и фризами отрезана от моря и у устья Рейна заселена, кроме того, осколками народностей других племен, большей частью хаттского племени: батавами, хаттуариями и т. д. Затем к франкам относятся еще германцы, поселившиеся на левой стороне нижнего течения Рейна, может быть трибокки, вангионы, неметы. Небольшие размеры этой территории находят свое объяснение в том

СХЕМА

расселения германцев по Энгельсу
„Германские племена“

Германские племена.

ГОТЫ (Готские племена):
Готы,
Вандалы,
Сканды,
Скеры,
Руги,
Бастарны

ИНГЕВОННЫ (Фризно-Салонские племена):
Фризы (докутрианские племена),
Тевтоны и
Тевтоны
Халлы
Салсы
Инго (Садзы)
Херуски
Варны (?)

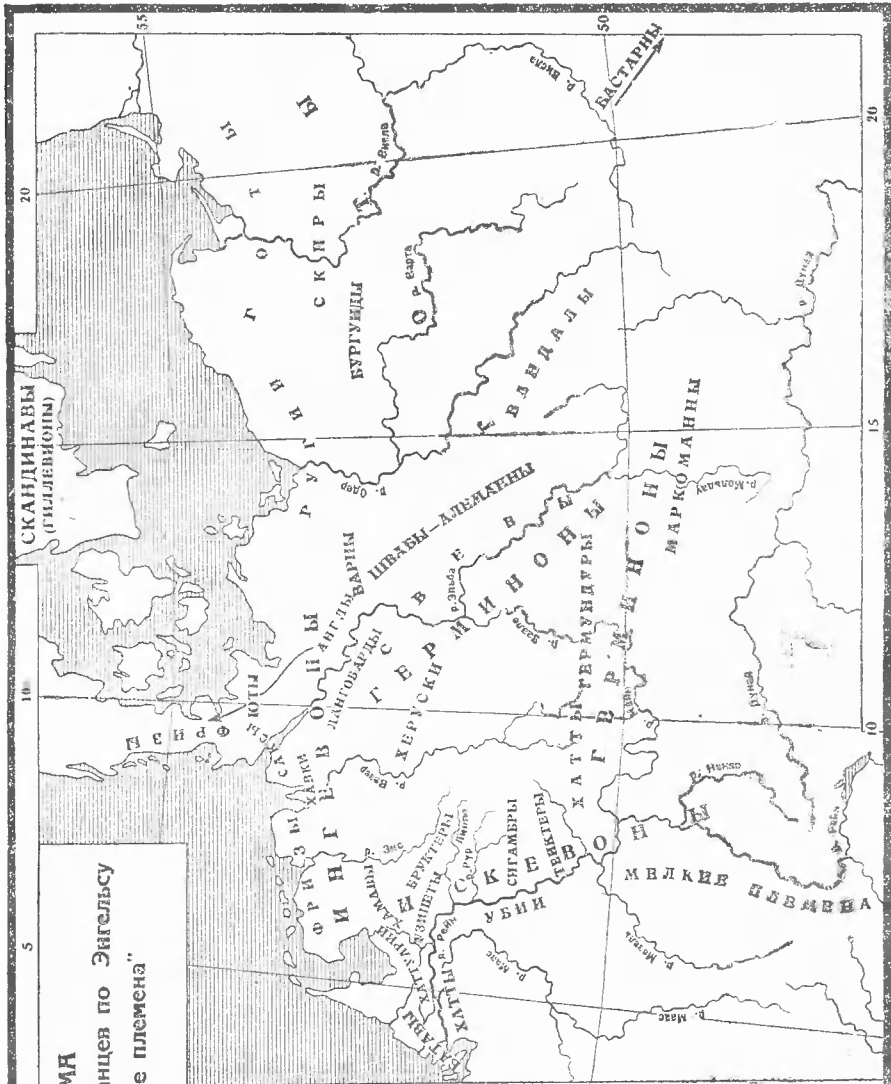
ИСЕВОННЫ (Фриланские племена):
Халлы
Халлы
Брутеры
Сигандры
Тонстры
Урбонны
Трибонны
Валонны (исключительно полисы)
Иванты

ТЕРМАННОНЫ
Севы (Дангобарды)
Швабы, Алеманны,
Баварцы — Марини
Германноны (Торингсы)
Готунды (Торингсы)
Халты (Гессы)
Хатские племена (Батунны и Хатунды)

СКАНДИНАВЫ (Готландцы)

МАСШТАБ

0 100 200 300 400 500 км

сопротивлении, какое оказывали распространению искевонгов на Рейне кельты и со времен Цезаря — римляне, в то время как в тылу уже поселились херуски, а с фланга, как свидетельствует Цезарь, все больше напирала свевы, в частности хатты. Что здесь на небольшой территории жило в крайней тесноте густое по германским условиям население, доказывает не прекращавшееся продвижение в рейнские земли вначале полчищ завоевателей, а затем добровольный переход на римскую территорию, как это делали убии. По той же причине здесь, и только здесь, римлянам с легкостью удалось уже давно переселить на римскую территорию значительные части искевонских племен.

Исследование, которое нам предстоит произвести в примечании о франкском диалекте, покажет, что франки представляют обособленную группу германцев, расчлененную на ряд различных племен, и говорят на особом диалекте, распадающемся на разнообразные наречья, словом — обладают всеми признаками основного германского племени, что и требуется для того, чтобы объяснить их тождество с искевонами. Об отдельных народностях, принадлежащих к этому основному племени, Я. Grimm необходимое уже сказал. Он относит сюда, кроме сигамбров, еще убиев, хамавов, бруктеров, тенктеров и узипетов, т. е. народности, населявшие правобережную Рейнскую область, которая выше была обозначена нами как искевонская территория.

IV. *Mediterranei Hermiones, quorum Suevi, Hermunduri, Chatti, Cherusci* [Внутри страны живут гермионы, в их числе — свевы, гермундуры, хатты, херуски].

Уже Я. Grimm отождествляет гермионов (употребляем более точную транскрипцию Тацита) с верхне-германцами. Название свевы, которое, по Цезарю, охватывает всех известных ему верхне-германцев, начинает дифференцироваться. Тюринги (гермундуры) и гессы (хатты) выступают как отдельные народности. Прочие свевы остаются еще неразделенными. Если мы даже оставим в стороне, как не поддающиеся исследованию, многочисленные загадочные названия, забытые уже в ближайшие столетия, то все же эти свевы, вероятно, состояли из трех говоривших на верхне-немецком языке больших племен, выступивших впоследствии на арену истории: алеманнов-швабов, баварцев и лангобардов. Лангобарды — это мы достоверно знаем — жили на левом берегу Нижней Эльбы, около Барденгау, отдельно от своих соплеменников, вклинившись между ингевопскими народностями; это их изолированное положение, которое приходилось удерживать длительной борьбой, превосходно изображает

Тацит, не зная его причин. Баварцы, о чем мы также знаем со времени Цейса и Гримма, жили под именем маркоманнов в Богемии, гессы и тюринги — в местах их теперешнего жительства и в прилегающих южных областях. А так как к югу от франков, гессов и тюрингов начиналась римская территория, то для швабов-алеманнов не остается другого места, кроме земель между Эльбой и Одером, в теперешней Бранденбургской марке и Саксонском королевстве. Последние были, повидимому, те же швабы; они граничили на северо-западе с ингевонами, на северо-востоке и на востоке — с готскими племенами.

До сих пор все идет довольно гладко. Но Плиний причисляет к герминонам и херусков и несомненно делает ошибку. Уже Цезарь определенно отделяет их от свевов, к которым еще причисляет хатов. Не знает ничего и Тацит о родстве херусков с каким-либо верхне-германским племенем. Не более осведомлен и Птоломей, который название свевов распространяет даже на англов. Один только тот факт, что херуски заполняют пространство между хаттами и гермундурами на юге и лангобардами на северо-востоке, еще далеко не достаточен, чтобы делать из него вывод о близком племенном родстве, хотя, может быть, именно этот факт и ввел в данном случае Плиния в заблуждение.

Насколько я знаю, ни один из исследователей, мнение которых может быть принято во внимание, не причислял херусков к верхнегерманцам. Таким образом, остается только под вопросом, следует ли их отнести к ингевонам или же к искевонам. Немногие названия, дошедшие до нас, носят на себе франкский отпечаток: *ch* вместо позднейшего *h* — в *cherusci*, *chariomerus*, *e* вместо *i* в *Segestes*, *Segimerus*, *Segimundus*. Но почти все германские имена, которые попали к римлянам с Рейна, получены были, повидимому, от франков во франкской форме. Кроме того, мы не знаем, не звучала ли в I веке у всех западно-германских племен, как *ch*, гуттуральная аспирата первого передвижения согласных, еще в VII веке произносившаяся у франков как *ch*, и которая только впоследствии смягчилась в общий всем звук *h*. Ни в чем другом мы также не находим племенного родства херусков с искевонами, какое проявили сигамбры, приняв [в свое племя] ускользнувшие от Цезаря остатки тенктеров и узипетов. Занятая римлянами во времена Вара на правом берегу Рейна территория, которую они рассматривали как свою провинцию, также совпадает с искевоно-франкской. Здесь были расположены Алпзон и другие римские укрепления; из земель херусков было, повидимому, действительно оккупировано римлянами по меньшей мере пространство между Оснингом и Везером; за этим римским владением жили

хатты, херуски, хавки, фризы, более или менее ненадежные союзники, обуздываемые страхом, но в своих внутренних делах автономные и освобожденные от постоянного постоя римских гарнизонов. В этом крае римляне, в случае сильного сопротивления, всегда временно приостанавливали свои завоевания на племенных границах. Так поступал еще Цезарь в Лаллии; на границе белгов он остановился и перешел ее только тогда, когда был уверен в надежности так называемой собственно кельтской Галлии.

Итак, не остается ничего другого, как в согласии с Я. Гриммом и с общепринятым взглядом отнести херусков и родственные им соседние народности к саксонскому племени, а вместе с этим и к ингевонам. В пользу этого говорит также и то, что как раз в древней земле херусков в наибольшей чистоте сохранилось старое саксонское *a* в окончании родительного падежа множественного числа и в слабом склонении существительных мужского рода в противоположность господствующему в Вестфалии *o*. В таком случае отпадают все трудности, ингевонское племя приобретает наравне с другими довольно округленную территорию; только герминонские лангобарды слегка вклиниваются в нее. Из обеих больших частей племени фризско-англо-ютская часть занимала побережье и по меньшей мере северный и западный районы полуострова, саксонская — внутренние земли и, может быть, уже в то время часть Нордальбингии, где Птоломей вскоре после того впервые упоминает саксов (*saxones*).

V. Quinta pars Peucini, Bastarnau, contermini Dacis [Пятая часть — певкины, бастарны, граничащие с даками].

То немногое, что мы знаем об этих обеих народностях, как и форма названия бастарны, характеризует их как соплеменников готов. Если Плиний представляет их как особое племя, то это происходит оттого, что он получил свои сведения о них с нижнего Дуная, через посредство греков, тогда как его познания о готских народностях почерпнуты были на Одере и Висле, на Рейне и у Северного моря; поэтому и ускользнула от него связь между готами и бастарнами. Бастарны, так же как и певкины, — германские народности, еще долгое время остававшиеся в кочевом состоянии у Карпат и у устья Дуная и подготовившие позднейшее большое готское королевство, в котором и исчезли бесследно.

VI. Гиллевнонов, под общим названием которых Плиний приводит германских скандинавов, я упоминаю только для порядка и для того, чтобы еще раз констатировать, что все древние писатели отводят этому основному племени только острова (к которым они

также причисляют Швецию и Норвегию), удаляя их с Кимврского полуострова.

Таким образом, мы имеем пять основных германских племен с пятью основными диалектами.

Готское племя на востоке и северо-востоке; у него в родительном множественного мужского и среднего рода *é*, женского рода *ó* и *é*; в существительных мужского рода слабого склонения *a*.

В спряжении формы флексий настоящего времени (изъявительного наклонения) еще тесно примыкают к формам искони родственных языков, особенно греческого и латинского, с соблюдением передвижения согласных.

Ингевонское племя на северо-западе; у него в родительном падеже множественного числа *a*, в существительных мужского рода слабого склонения также *a*; в настоящем времени изъявительного наклонения во всех трех лицах множественного числа окончание *d* или *dh* с выпадением всех носовых звуков. Племя делится на две главные ветви, саксонскую и фризскую, которые в англо-саксонском племени вновь сливаются. К фризской ветви примыкает скандинавское племя; родительный множественного на *a*, слабое склонение мужского рода на *i*, которое смягчено из *a*, как показывает все склонение. В настоящем времени изъявительного наклонения первоначальное *s* второго лица единственного числа перешло в *r*, первое лицо множественного сохраняет *t*, второе — *dh*, остальные лица более или менее искажены.

Этим трем противостоят два южных племени: искевонское и герминонское, в позднейшей терминологии — франкское и верхнегерманское. Общее у обоих — слабое склонение мужского рода на *o*; весьма вероятно, что и родительный множественного на *ó*, хотя во франкском он не установлен, а в древнейших западных (салических) памятниках винительный множественного оканчивается на *as*. В спряжении настоящего времени оба диалекта близки, насколько мы можем это установить для франкского, и, подобно готскому, тесно примыкают к искони родственным языкам. Но соединить воедино оба диалекта нам не позволяет вся история языка — от весьма существенных архаических особенностей древнейшего франкского диалекта до большого расхождения между современными говорами их обоих, точно так же как вся история самих народностей не дает возможности включить их в одно основное племя.

Если я во всем этом исследовании обращал внимание только на формы окончаний, а не на соотношение звуков, то это объясняется значительными изменениями, которые это соотношение претерпело —

по крайней мере, во многих диалектах — между I столетием и временем составления наших древнейших источников по изучению языков. Для Германии мне следует только упомянуть о втором передвижении согласных; в Скандинавии аллитерации древнейших песен показывают, как сильно изменился язык за время от их составления до их записи. То, что еще здесь следует сделать, будет, конечно, сделано немецкими лингвистами по специальности; в данном случае это без нужды только усложнило бы исследование.

Написано около 1881—1882 гг.

*Печатается впервые по рукописи,
хранящейся в архиве ИМЭЛ.*

ФРАНКСКИЙ ПЕРИОД.

[1.] Переворот в аграрных отношениях при меровингах и каролингах.

Строй марки оставался до конца средневековья основой почти всей жизни германской нации. После полутора тысяч лет своего существования этот строй начал, наконец, постепенно разлагаться в силу чисто экономических причин. Он распался под влиянием хозяйственного прогресса, которому больше не соответствовал. Нам предстоит ниже исследовать его упадок и окончательное исчезновение; мы установим, что его остатки существуют еще до сих пор.

Но если ему удалось так долго сохраниться, то это произошло за счет его политического значения. На протяжении столетий он служил формой, в которой осуществлялась свобода германских племен. Затем он становится основой тысячелетнего народного рабства. Как это могло произойти?

Древнейшая общинная организация (Genossenschaft) охватывала, как мы видели, весь народ. Ему принадлежала первоначально вся занятая территория. Позднее владельцами заселенной территории становились все жители области (Gau), состоявшие в близком родстве друг с другом, а на долю народа, как такового, оставалось лишь право распоряжения остальными, еще бесхозяйными землями. Население области, в свою очередь, уступало свои полевые и лесные марки отдельным сельским общинам (Dorfgenossenschaften), также образовавшимся из ближайших сородичей, причем избыточная земля оставалась в руках области. То же происходило и с коренными селениями (Stammdörfer) при выделении новых сельских колоний, которые наделялись землею из старой марки первоначального селения (Urdorf).

С ростом численности народа и дальнейшим его развитием все больше и больше забывали о союзе, основанном на кровном родстве и служившем здесь, как и повсюду, основой для всего строя народной жизни. Это прежде всего сказалось на народе в целом. Общее происхождение все в меньшей степени воспринималось как подлинное кровное родство, память о нем все больше ослабевала, оста-

вались лишь общая история и общий язык. Наоборот, у жителей области сознание кровного родства естественно сохранялось дольше. Таким образом, народ превратился в более или менее прочную конфедерацию областей. В таком состоянии, повидимому, находились германцы в эпоху переселения народов. Относительно алеманнов об этом определенно рассказывает Аммиан Марцеллин; в «народных правдах» это еще проглядывает повсюду; саксы находились на этой ступени развития еще во времена Карла Великого, а фризы — до потери фризской свободы.

Но переселение на римскую территорию разрывало областной союз, основанный на кровном родстве, и должно было его разрывать. Имелось, правда, в виду, что будут селиться племенами и родами, но нельзя было проводить это в жизнь. Продолжительные походы перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народы. Только с трудом могли удержаться союзы отдельных сельских общин, основанные на кровном родстве, и благодаря этому они стали настоящими политическими единицами, из которых составлялся народ. Новые области на римской территории уже с самого начала представляли более или менее произвольно созданные, — или обусловленные ранее существовавшими отношениями, — судебные округа или очень скоро становились таковыми.

Таким образом, народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка сама удовлетворяла свои нужды, сама производила необходимое, тем более что продукты отдельных близлежащих марок были почти в точности одни и те же. Обмен между ними был поэтому почти невозможен. Вследствие такого состава народа только из мелких общин, у которых экономические интересы, правда, одинаковые, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования нации становится государственная власть, возникающая не из их среды, а враждебно им противостоящая и все более их эксплуатирующая.

Форма этой государственной власти опять-таки обусловлена той формой, которую имеют к этому времени общины. Там, где она возникает, — как у арийских азиатских народов и у русских, — в период, когда община обрабатывает землю сообща или, по крайней мере, передает во временное пользование отдельным семьям, где, таким образом, еще не создалась частная собственность на землю, — там государственная власть появляется в форме деспотизма. Напротив, на завоеванной германцами римской территории мы находим, как мы видели, отдельные наделы пахоты и луга уже в качестве

аллода, в качестве свободной собственности владельцев, обязанных лишь обычными для марки повинностями. Теперь нам предстоит исследовать, как на основе этого аллода возник тот общественный государственный строй, который — такова обычная ирония истории — в конце концов разлагает государство и в своей классической форме уничтожает всякий аллод.

Аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность. С момента установления аллода германцев на бывшей римской территории он стал тем, чем уже давно была лежавшая рядом с ним римская земельная собственность, — товаром. И таков уж неумолимый закон всех обществ, покоящихся на товарном производстве и товарном обращении, что распределение собственности делается в нем все более неравномерным, противоположность между богатством и бедностью становится все резче, и собственность все более концентрируется в немногих руках, — закон, который в современном капиталистическом производстве достигает, правда, своего наиболее полного выражения, но отнюдь не только в нем вообще вступает в силу. Итак, с того момента, как возник аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупного землевладения стало лишь вопросом времени.

Но в ту эпоху, которой мы занимаемся, земледелие и скотоводство были решающими отраслями производства. Земельная собственность и ее продукты составляли самую большую часть тогдашнего богатства. Все существовавшее тогда движимое имущество, естественно, следовало за земельной собственностью и все больше собиралось в тех же руках, что и последняя. Промышленность и торговля были подорваны уже в эпоху римского упадка; германским нашествием они были почти совершенно уничтожены. То, что из этого еще уцелело, было большей частью в руках несвободных и чужестранцев и продолжало считаться позорным занятием. Господствующим классом, который постепенно складывался здесь с ростом имущественного неравенства, мог быть лишь класс крупных землевладельцев, формой его политического господства — аристократический строй. Поэтому, если мы увидим, как на возникновение и развитие этого класса неоднократно и как будто даже преимущественно оказывали влияние политические средства, насилие и обман, то мы не должны забывать, что эти политические средства только содействуют ускорению и усилению необходимого экономического процесса. Правда, мы часто будем наблюдать, как эти политические

средства задерживают экономическое развитие; это довольно часто и каждый раз происходит там, где различные участники пускают в ход эти средства в противоположных или взаимно перекрещивающихся направлениях.

Как же возник этот класс крупных землевладельцев?

Во-первых, мы знаем, что и после франкского завоевания в Галлии сохранилось много крупных римских землевладельцев, поместья которых в большинстве случаев обрабатывались свободными или зависимыми поселенцами, платившими оброк (*canon*).

Затем мы видели, как благодаря захватническим войнам королевская власть сделалась у всех переселившихся германцев постоянным учреждением и реальной силой, как она превратила старую народную землю (*Volkland*) в королевские домены, а также включила в свои владения римские государственные земли. В течение многочисленных гражданских войн, которые были вызваны раздорами империи, владения короны непрерывно росли за счет массовых конфискаций земель так называемых бунтовщиков. Но они расточались так же быстро, как росли, на дарения церкви и частным лицам — франкам и романам, дружинникам короля (*антрустионам*) или каким-нибудь другим его любимцам. Точно так же дарениями покупали удельные князья (*Theilfürsten*) помощь у господствующего класса крупных и могущественных землевладельцев, чиновников и военачальников, после того как начало образованию этого класса было положено уже во время гражданских войн и под их влиянием.

Что все это в огромном большинстве случаев были действительные дарения, т. е. пожалования в свободную, наследственную и отчуждаемую собственность, пока при Карле Мартелле не наступили перемены в этом отношении, — неопровержимо доказал Рот *.

Когда Карл взял в свои руки бразды правления, власть королей была уже совершенно подорвана, но далеко еще не замещена в силу этого властью майордомов. Созданный в эпоху Меровингов за счет короны класс магнатов всячески содействовал крушению королевской власти, но отнюдь не для того, чтобы подчиниться майордомам, людям одного с ними звания. Напротив, вся Галлия, как говорит Эйнгард, была в руках этих «тиранов, которые везде претендовали на господство» (*tyrannos per totam Galliam dominatum sibi vindicantes*). Наряду со светскими магнатами так же поступали и

* *P. Roth. Geschichte des Beneficialwesens. Erlangen, 1850* [П. Рот. История бенефициальной системы]. Это — одна из лучших книг до-мауреровского периода; я кое-что заимствую из нее в этой главе.

епископы, которые во многих местностях присвоили себе господство над окрестными графствами и герцогствами и были защищены как иммунитетом, так и крепкой церковной организацией. За внутренним распадом государства последовали нападения внешних врагов: саксы вторглись в рейнские области франков, авары — в Баварию, арабы через Пиренеи — в Аквитанию. В таком положении простое усмирение внутренних врагов и изгнание внешних не могли помочь делу на долгое время; нужно было найти способ крепче привязать к трону усмиренных магнатов или их преемников, поставленных на их место Карлом. А так как господство до сих пор покоилось на крупном землевладении, то первым условием для этой цели был полный переворот в отношениях землевладения. Этот переворот — важнейшее деяние Каролингской династии. Переворот замечателен тем, что, будучи применен как способ объединить государство, навсегда привязать магнатов к трону и усилить таким путем королевскую власть, он, в конце концов, совершенно обессилил корону, содействовал независимости магнатов и привел к распаду государства.

Чтобы понять, что заставило Карла избрать этот способ, мы должны предварительно исследовать имущественное положение церкви того времени; это положение, как существенный элемент в тогдашних аграрных отношениях, вообще не может быть оставлено в данном случае без внимания.

Уже в римскую эпоху церковь обладала в Галлии довольно значительными земельными владениями, доходы которых еще повышались благодаря большим налоговым и другим привилегиям. Но золотой век для галльской церкви наступил лишь с обращением франков в христианство. Короли соперничали между собой в том, кто из них сделает больше дарений в пользу церкви — землею, деньгами, драгоценностями, церковной утварью и т. д. Уже Гильперих обыкновенно говорил (ср. Григория Турского): «Смотрите, как обеднела наша казна, смотрите, все наши богатства переданы церкви». При Гунтраме, фаворите и холопе попов, дарения не знали уже никакой меры. Таким образом земли свободных франков, конфискованные в наказание за бунты, притекали большею частью в руки церкви.

За королями следовал и народ. Мелкие и крупные землевладельцы не знали меры в своих дарениях в пользу церкви. «Чудесное исцеление от действительного или мнимого недуга, исполнение заветного желания, например рождение сына, спасение от опасности приносили дарения той церкви, чей святой проявил милосердие. Быть щедрым представлялось тем более необходимым, что среди высших и низших слоев населения было распространено убеждение, будто

за дарения в пользу церкви получали отпущение грехов» (Рот, стр. 250). К этому присоединялся иммунитет, который в эпоху непрерывных гражданских войн, грабежей и конфискаций защищал владения церкви от насилий. Мелкий люд находил выгодным уступить свое земельное владение церкви, если за ним оставлялось право пользования владением за умеренную арендную плату.

Однако благочестивым попам всего этого было еще мало. Угрожая вечным адом, они буквально выжимали все больше дарения, так что Карл Великий еще в 811 г. в своем Аахенском капитулярии упрекал их за это, а также за то, что они «склоняют людей к клятвопреступлению и лжесвидетельству, для того чтобы умножить свое (епископов и аббатов) богатство». Выманивались и незаконные дарения в надежде на то, что церковь, помимо ее судебных привилегий, найдет достаточно других путей, чтобы обойти правосудие. В течение VI и VII веков почти ни один церковный собор в Галлии не обходился без угроз отлучения от церкви за всякое выступление против дарений в пользу церкви. Даже формально незаконные дарения превращались таким путем в законные, и частные долги отдельных представителей духовенства освобождались от взыскания. «Поистине презренны те средства, которые на наших глазах пускаются в ход, чтобы неизменно побуждать к дарениям. Если на дарителей уже не производило больше впечатления изображение небесного блаженства и адских мук, то привозили мощи из далеких краев, перемещали их из одной церкви в другую (*translationes*) и строили новые церкви; в IX веке это была целая отрасль промышленности» (Рот, стр. 254). «Когда посланцы суассонского монастыря Сен-Медар с большим трудом выпросили в Риме тело св. Себастиана и к тому же украли тело св. Григория и останки обоих были помещены в монастыре, то к новым святым сбежалось столько народа, что окрестность была им усеяна, как саранчой, и искавшие помощи исцелялись не по одиночке, а целыми толпами. Монахам пришлось поэтому мерить деньги четвериками, которых они насчитывали 85, и их золотой запас достигал 900 фунтов» (стр. 255). Для мошеннического выкачивания богатств в пользу церкви пользовались обманом, жульническими трюками, явлениями усопших, особенно святых, и, наконец, и даже главным образом, подделкой документов. «Много духовных лиц, — мы снова предоставляем слово Роту, — занималось такой подделкой в огромном масштабе... этот промысел начался уже очень рано... В каких размерах им занимались, видно из большого числа поддельных документов, содержащихся в наших сборниках. Из 560 меровингских дипломов, приведенных у Брекинья, около

130 — несомненно подложные... подложное завещание Ремигия было уже использовано Хинкмаром из Реймса с целью приобрести для церкви целый ряд владений, о которых в подлинном завещании ничего не было сказано, хотя оно никогда не было затеряно, и Хинкмар очень хорошо был осведомлен о подложности первого». Сам папа Иоанн VIII старался приобрести владения монастыря Сен-Дени около Парижа при помощи документа, подложность которого была ему известна (Рот, стр. 256).

Нас не должно поэтому удивлять, что земельные владения церкви, нахвачанные при помощи дарений, вымогательств, обманов, плутней, подлогов и других способов уголовного характера, приняты в течение немногих столетий прямо колоссальные размеры. Монастырь Сен-Жермен де Прэ, ныне расположенный в черте Парижа, владел в начале IX века земельной собственностью в 8 000 мансов, или гуф, или, по исчислению Герара, в 429 987 гектаров с годовым доходом в 1 миллион франков = 800 000 марок. Если принять среднюю площадь гуфы в 54 гектара с доходом в 125 франков = 100 маркам, то владения монастырей Сен-Дени, Люксейль и Сен-Мартен в Туре в это приблизительно время, при 15 000 мансов [наделов] в каждом, составляли 810 000 гектаров с доходом в 1½ миллиона марок. И это после конфискации церковных земель, произведенной Пиппином Коротким. Все церковные владения в Галлии к концу VII века Рот оценивает (стр. 249) не менее, скорее более, чем в 1/3 общей площади земли.

Эти огромные земельные владения обрабатывались частью несвободными, частью свободными поселенцами (Hintersassen) церкви. Из несвободных рабы (*servi*), как лица неспособные, первоначально обязаны были своему господину повинностями, размеры которых не были установлены, но, повидимому, и для поселенцев-рабов вскоре было установлено обычаем определенное количество платежей и работ. Наоборот, повинности обоих других несвободных классов, колонов и литов (относительно различий в их правовом положении в ту эпоху нет сведений), были твердо установлены и состояли в известной барщине личной (*Handdienst*) и конной (*Spanndienst*), также в доле дохода с земли. Это были отношения зависимости, сохранившиеся с давних пор. Напротив, то, что свободные люди сидели не на общинной и не на своей собственной земле, а на какой-то другой, было для германцев ново. Правда, в Галлии и вообще в областях действия римского права германцы достаточно часто встречали свободных римлян в качестве арендаторов; но они при оккупации территории позаботились о том, чтобы им самим не приходилось

превращаться в арендаторов и можно было сидеть на своей собственной земле. Следовательно, прежде чем свободные франки могли сделаться чьими-либо поселенцами, они должны были каким-нибудь образом потерять аллод, полученный ими при оккупации земли, должен был образоваться собственный класс безземельных свободных франков.

Этот класс стал образовываться вследствие начавшейся концентрации землевладения, вследствие тех же причин, которые вызвали самую концентрацию; это были, с одной стороны, гражданские войны и конфискации имущества, а с другой стороны, уступки земель церкви, большей частью под давлением обстоятельств и из стремления к безопасности. А церковь нашла скоро еще особый способ поощрять такие уступки, предоставляя дарителю за оброк право пользования не только его собственной землей, но сверх того еще и участком церковной земли. Эти дарения происходили в двоякой форме. Даритель получал в пожизненное пользование свое владение, которое переходило в собственность церкви только после его смерти (*donatio post obitum*); в этом случае было в обычае, а позднее было точно установлено королевскими капитуляриями, что даритель получал от церкви в пользование вдвое больше земли, чем он подарил. Или же дарение немедленно вступало в силу (*cessio a die praesente*), и тогда даритель получал от церкви в пользование сверх его собственного владения еще втрое больше церковной земли на основании выданного церковью документа, так называемого «прекария» (*precarium*), передававшего эти земельные участки дарителю большей частью пожизненно, но иногда также и на более или менее продолжительный срок. После того как образовался класс безземельных свободных людей, многие из них попадали в такое положение; прекарии, повидимому, вначале выдавались большей частью на 5 лет, но и для таких случаев вскоре сделались пожизненными.

Конечно, не приходится сомневаться в том, что уже в эпоху меровингов на землях светских магнатов создались совершенно такие же отношения, как и на церковных землях, и что, следовательно, и там рядом с несвободными были посажены на оброк и свободные поселенцы. Их, вероятно, даже при Карле Мартелле было уже очень много, потому что в противном случае начатый им и завершенный его сыном и внуком переворот в аграрных отношениях оставался бы, по крайней мере, в одном отношении совершенно необъяснимым.

Этот переворот в основе своей покоится на двух новых установлениях. Во-первых, для того чтобы прочнее привязать магнатов

государства к короне, им, как правило, коронных земель больше не дарили, а предоставляли в пожизненное пользование в качестве «бенефиция» на определенных условиях, под страхом отнятия бенефиция за несоблюдение условий. Так магнаты сами становились поселенцами короны. И, во-вторых, для того чтобы обеспечить набор свободных поселенцев крупных магнатов для военной службы, этим магнатам была передана часть административных прав областного графа над свободными поселенцами в их владениях, и они были назначены «сеньерами» над этими последними. Из этих двух реформ нам предстоит пока рассмотреть здесь только первую.

Подчиняя мелких мятежных «тиранов», Карл, вероятно (сведений нет), по старому «обычаю» конфисковал их владения, но, восстанавливая затем сан и служебное положение, он снова предоставлял им их земли целиком или частично в качестве бенефиция. С церковными владениями мятежных епископов он еще не осмеливался так поступать; он смещал их и отдавал их места преданным ему людям, из которых, конечно, у многих не было ничего духовного, кроме тонзуры (*sola tonsura clericus*). Эти новые епископы и аббаты начали по его приказанию передавать большие участки церковной земли светским людям в прекарий; такие примеры бывали и раньше, но теперь они приобрели массовый характер. Сын Карла, Пипин, пошел значительно дальше. Церковь пришла в упадок, духовенство было в презрении, папу теснили лангобарды, и он мог ждать помощи только от Пипина. Пипин помог папе, содействовал расширению господства церкви и вообще оказывал ему всяческое внимание. Но он свое получил, присоединив к коронным землям большую часть церковных и оставив епископам и монастырям только то, что было необходимо для их существования. Эту первую секуляризацию в крупном масштабе церковь допустила без сопротивления, синод в Лестине (*Lestines*)¹ утвердил ее, правда, с ограничительной оговоркой, которая, однако, никогда не соблюдалась. Эта огромная масса земель подняла вновь на подобающую высоту исчерпанные было королевские земельные владения и служила главным образом для дальнейших пожалований, которые на деле вскоре приняли форму обычных бенефициев.

Следует прибавить, что церковь очень скоро сумела оправиться от этого удара. Едва разделившись с Пипином, brave божьи люди

¹ Старинная королевская вилла, в настоящее время Эстин (*Estinnes*) в Бельгии, в провинции Эно (*Hainaut*). *Ред.*

возобновили старую практику. Дарения стали вновь притекать со всех сторон, мелкие свободные крестьяне продолжали оставаться в том же тяжелом положении, между молотом и наковальней, что и 200 лет тому назад; при Карле Великом и его преемниках им жилось еще гораздо хуже, и многие из них переходили со всем своим хозяйством под защиту епископского посоха. Некоторым привилегированным монастырям короли возвращали кое-что из награбленного; другим, особенно в Германии, они дарили огромные площади из коронных земель; при Людовике Благочестивом для церкви, казалось, вернулись благословенные времена Гунтрама. Монастырские архивы особенно богаты сведениями о дарениях в IX веке.

Бенефиций, этот новый институт, который нам предстоит теперь рассмотреть подробнее, еще не был позднейшим леном, но был уже его зародышем. Его жаловали с самого начала пожизненно — до смерти как жалователя, так и получателя. Если умирал один из них, то бенефиций переходил к собственнику или к его наследникам. Для возобновления прежнего отношения необходимо было новое пожалование — получателю или его наследникам. Бенефиций, таким образом, согласно позднейшей формулировке, стоял в тесной зависимости от смены на троне или от перехода владения по наследству (*dem Thronfall wie dem Heimfall unterworfen*). Смена на троне (*Thronfall*) скоро потеряла свою силу; крупные бенефициарии стали могущественнее короля. Переход по наследству (*Heimfall*) уже в ранние времена нередко приводил к дальнейшему пожалованию владения наследникам прежнего бенефициария. Поместье Патрициак (Перси) близ Отэна (Autun), которое было пожаловано Карлом Мартеллом в качестве бенефиция Гильдебранну, передавалось в семье от отца к сыну на протяжении четырех поколений, пока король в 839 г. не подарил это владение брату четвертого бенефициария в полную собственность. Начиная с середины VIII века нередки и другие подобные случаи.

Бенефиций мог быть конфискован жалователем во всех случаях, когда имущество вообще могло быть подвергнуто конфискации. А таких случаев при каролингах было более чем достаточно. Восстания в Алемании при Пипине Коротком, заговор тюрингов, повторные восстания саксов влекли за собою все новые конфискации как свободных крестьянских земель, так и владений и бенефициев магнатов. Это же имело место вопреки всем противоречащим такому порядку договорным установлениям во время междоусобных войн при Людовике Благочестивом и его сыновьях. Некоторые не полити-

ческие преступления также влекли за собой конфискацию имущества.

Бенефиции, кроме того, могли быть конфискованы короной в тех случаях, когда бенефициарий пренебрегал общими обязанностями подданного, например не выдавал разбойника с иммунитетной территории, не снаряжался в поход, не считался с письменными повелениями короля и т. д.

Бенефиции давались, далее, на особых условиях; несоблюдение их влекло за собой конфискацию бенефиция, которой, разумеется, не подвергалось остальное имущество бенефициария. Так бывало, например, когда бенефиции составляли бывшие владения церкви и бенефициарий не вносил причитавшихся с них платежей в пользу церкви (*nonae et decimae*¹) или когда бенефициарий приводил в упадок свое имение; в таком случае устанавливался обычно предупредительный годичный срок для того, чтобы бенефициарий мог исправиться и защитить себя от грозящей конфискации. Затем, пожалование владения могло быть связано также и с несением определенной службы, и это в действительности тем чаще имело место, чем больше бенефиций превращался в настоящий лен. Но первоначально в этом отнюдь не было необходимости, особенно для королевской службы; много бенефициев жаловалось низшим клирикам, монахам, женщинам, духовным и светским.

Наконец, отнюдь не исключено, что корона вначале раздавала также земли до отмены пожалования или на определенный срок, т. е. в прекарный. Это правдоподобно, если судить по отдельным сведениям и церковной практике. Тем не менее, это скоро прекратилось, так как пожалование на условиях бенефиция сделалось в IX веке всеобщим.

Так, церковь, — и то же самое мы должны предположить относительно крупных землевладельцев и бенефициариев, — церковь, которая раньше раздавала земли своим свободным поселенцам большей частью только в прекарный, во временное пользование, должна была подчиниться импульсу, исходившему от короны. Она не только также начала жаловать бенефиции, но эта форма пожалования стала до такой степени преобладающей, что уже ранее существовавшие прекарные незаметно принимали характер бенефициев, становились пожизненными, пока в IX веке прекарный почти полностью не превращается в бенефиций. Во второй половине IX века бенефициарии церкви, а также и светских магнатов, повидимому, заняли уже вид-

¹ *Nonae et decimae* — девятая и десятая, т. е. девятая и десятая доля урожая. *Ред.*

ное положение в государстве; некоторые из них были, повидимому, довольно крупными собственниками, основателями позднейшего рядового дворянства (des niederen Adels). Иначе Карл Лысый едва ли так горячо заступился бы за тех, у кого Хинкмар Лаонский отнял без оснований их бенефиции.

Как видим, бенефиций уже обладает некоторыми чертами, которые мы снова встречаем в развитом лене. Для обоих одинаково имеют силу смена на троне (Thronfall) и переход частного владения по наследству (Heimfall). Как лен, так и бенефиций подлежат конфискации только при определенных условиях. В созданной бенефициями общественной иерархии, идущей от короны через крупных бенефициариев, предшественников имперских князей, к средним бенефициариям, позднему дворянству, а от них к свободным и несвободным крестьянам, наибольшая часть которых живет в общинах марки, мы видим основы позднейшей замкнутой иерархии. Правда, надо заметить, что если позднейшее ленное поместье (Lehengut) при всех обстоятельствах представляется служилым поместьем (Dienstgut) ¹ и обязывает к несению военной службы у владельца лена, то для бенефиция последнее условие, конечно, еще не имеет места, а первое отнюдь не необходимо. Но тенденция бенефиция стать служилым поместьем уже бесспорно имеется налицо и приобретает в IX веке все большее распространение; и по мере дальнейшего распространения этой тенденции бенефиций развивается в лен.

Но этому развитию содействует еще один фактор — перемены в административном и военном строе, перемены, происшедшие сначала под влиянием крупного землевладения, а впоследствии под влиянием крупных бенефициев, в которые все больше превращались крупные земельные владения в результате непрерывных внутренних войн и связанных с ними конфискаций и новых пожалований.

Понятно, что в этой главе речь идет о бенефиции в его чистой, классической форме, каковая, конечно, была лишь переходной и далеко не везде одновременно имела место. Но такие исторические формы экономических отношений можно понять, наблюдая их только в таком чистом проявлении, и одна из главных заслуг Рота именно в том, что он очистил эту классическую форму бенефиция от шелухи всех затемняющих ее придатков.

¹ «Поместный оклад» в русской «поместной системе», участки «за службу» мелким служилым людям. *Ред.*

[2.] Областной и военный строй.

(GAU UND HEERVERFASSUNG).

Изображенный выше переворот в положении земельной собственности не мог остаться без влияния на старый государственный строй. Переворот вызвал в нем также значительные изменения, а эти последние, в свою очередь, оказали обратное влияние на отношения землевладения. Мы оставляем пока в стороне преобразование всего государственного строя и ограничиваемся рассмотрением влияния новой экономической ситуации на сохранившиеся еще остатки старого народного областного и военного строя.

Уже в эпоху меровингов мы нередко встречаем графов и герцогов в роли управителей коронных земель. Но только в IX веке мы находим коронные земли, достоверно известные как таковые, у которых связь с графской службой выражалась в том, что граф получал доходы с этих земель, пока оставался в этой должности. Прежняя почетная должность превратилась в оплачиваемую из обеспеченных доходов (durch Fundierung). Наряду с этим встречаются также и графы, владеющие королевскими бенефициями, лично им пожалованными, что при тогдашних отношениях представлялось само собою разумеющимся. Таким путем граф сделался могущественным землевладельцем внутри своего графства.

Прежде всего ясно, что авторитет графа должен был страдать от появления крупных землевладельцев под его начальством и рядом с ним; люди, которые во времена меровингов и первых каролингов довольно часто относились с насмешкой к приказам короля, должны были оказывать еще меньше уважения распоряжениям графа. Их свободные поселенцы под защитой могущественных вотчинников также часто оставляли без внимания требования графа явиться в суд или к отбыванию военной повинности. Это и было как раз одной из причин, вызвавших введение пожалования на началах бенефиция вместо аллода и позднее постепенное превращение в бенефиции большей части крупных земельных владений, которые ранее были свободными.

Но одно это еще не обеспечивало привлечения свободных поселенцев, сидевших на землях магнатов, к несению государственных повинностей. Должна была последовать дальнейшая перемена. Король вынужден был возложить на крупных землевладельцев такую же ответственность за явку их свободных поселенцев в суд, в ряды войск и к исполнению прочих традиционных государственных повинностей, какая до сих пор лежала на графе за всех свобод-

ных жителей его графства. А это король мог сделать только путем передачи земельным магнатам части служебных полномочий графа по отношению к их поселенцам. Вотчинник, или бенефициарий, должен был доставлять своих людей в суд; они, следовательно, должны были вызываться в суд через его посредство. Он должен был привести их в ряды войска, следовательно он должен был производить их набор; чтобы в дальнейшем нести за них ответственность, он должен был стать их военным предводителем и приобрести право подчинять их военной дисциплине. Но служба поселенцев была и осталась королевской службой; непокорных наказывает не землевладелец, а королевский граф; штраф идет в пользу королевской казны.

Эта реформа также восходит к Карлу Мартеллу. По крайней мере, только со времени его правления мы встречаем обычай призывать для военных походов самых сановных служителей церкви; по объяснению Рота, Карл приказывал епископам являться в войска во главе своих поселенцев только для того, чтобы обеспечить себе явку этих последних. Не подлежит сомнению, что со светскими магнатами и их поселенцами происходило то же самое. При Карле Великом новый порядок был уже почти установлен и повсеместно проведен в жизнь.

Но вместе с тем произошло значительное изменение и в политическом положении свободных поселенцев. Раньше юридически равноправные со своим вотчинником при всей своей экономической зависимости от него, они теперь и в правовом отношении стали его подданными. Экономическое подчинение получило политическую санкцию. Вотчинник становится сеньером (*seigneur*), поселенцы становятся его людьми (*homines*); господин (*Herr*) становится начальником «человека» (*Mann*). Равноправие свободных исчезает; простолюдин (*der unterste Mann*), полная свобода (*Vollfreiheit*) которого уже понесла сильный ущерб от потери наследственной земли (*Erbgut*), спускается еще на одну ступень ближе к несвободным. И тем выше поднимается новый «господин» над уровнем старой общей свободы (*Gemeinfreiheit*). Созданная уже экономически основа новой аристократии признается государством, становится одним из правомерно действующих маховых колес государственной машины.

Рядом с этими «*homines*», состоящими из свободных поселенцев, существовала еще и другая их группа. То были обедневшие свободные, добровольно поступившие на службу или в дружину к магнатам. Меровинги имели свою дружину в лице антрустионов, магнаты того времени также, вероятно, не оставались без дружины. При

каролингах дружинники называются «vassi», «vassalli» или «gasindi» [челядь] — названия, которые в древнейших «народных правдах» употребляются еще для обозначения несвободного, теперь же применяются обычно для обозначения свободного дружинника. Те же обозначения употребляются для дружинников магнатов, которые приобретают теперь почти всеобщее распространение и становятся все более многочисленным и важным элементом в обществе и государстве.

Как у магнатов появились такие дружинники, показывают старые формулы договоров. В одной из них (form. Sirmond. 44) говорилось, например: «Поелику всем известно, что мне нечем питаться и не на что одеваться, то я обращаюсь к благочестию вашему (господин) с просьбой позволить мне встать под ваше покровительство (mundeburdium, равнозначащее опеке) и в ваше распоряжение на следующих основаниях: вы должны будете помогать мне пищей и одеждой, по мере того как я буду вам служить и оправдаю это; а я, пока жив буду, обязуюсь нести службу в вашей дружине на положении свободного человека (ingenuili ordine); в течение всей своей жизни не волен я выходить из-под вашей власти и опеки и, напротив, пока я жив, должен оставаться под вашей властью и защитой». Эта формула полностью раскрывает возникновение и природу простого, свободного от всяких чуждых примесей положения дружинника, тем более, что воспроизводит крайний случай совершенно разорившегося бедняка. Вступление в дружину сеньера совершалось по свободному соглашению обеих сторон, — свободному в смысле римской и современной ¹ юриспруденции; оно нередко бывало сходно с поступлением теперешнего рабочего на службу к фабриканту. «Человек» поручал себя (kommendierte sich) господину, и этот последний принимал на себя поручение (коммендацию). Эта коммендация состояла в рукопожатии и клятве в верности. Договор был пожизненным и прекращался лишь со смертью одного или обоих контрагентов. Служилый человек (Dienstmann) был обязан нести всякую совместимую с положением свободного человека службу по поручению своего господина, который за это его содержал и по своему усмотрению вознаграждал. Земельное пожалование отнюдь не обязательно было с этим связано и в действительности имело место далеко не во всех случаях. Эти отношения при каролингах, особенно со времени Карла Великого, не только терпелись, но и прямо поощрялись; капитулярием 847 г. они были, наконец, сделаны обязательными, повиди-

¹ буржуазной. *Ред.*

тому, для всех свободных простых людей (*Gemeinfreie*) и были государством регламентированы. Так, служилый человек (*Dienstmann*) только в том случае мог односторонне порвать отношения к своему господину, если последний хотел его убить, клеймить, обесчестить его жену или дочь или отнять у него его наследственную землю (капитулярий 813 г.). Служилый человек попадал в зависимость от господина, как только получал от него какую-нибудь ценность в один солид; это лишний раз подтверждает, что вассальные отношения не были обязательно связаны в то время с земельным пожалованием. Те же постановления повторяет капитулярий 816 г. с добавлением, что служилый человек освобождается, если господин захочет незаконно обратить его в рабство или откажется оказывать ему обещанную защиту, хотя и в состоянии ее оказать.

Перед лицом государства вождь дружины (*Gefolgsherr*) получал те же права и обязанности в отношении своих вассалов, что и вотчинник (*Grundherr*), или бенефициарий, в отношении своих поселенцев. Они оставались обязанными службой королю, только здесь между королем и его графом вклинивался вождь дружины. Он доставлял вассалов в суд, собирал в поход, был их вождем на войне и поддерживал их военную дисциплину; он отвечал за них и за установленное для них вооружение. Но благодаря этому вождь дружины приобретал и некоторую карательную власть над своими подчиненными, власть, которая служит исходным моментом развивающейся впоследствии юрисдикции ленного господина по отношению к его вассалам.

В этих обоих будущих институтах, в образовании дружинной системы и в передаче землевладельцу, королевскому бенефициарию и вождю дружины, графской, следовательно и административной государственной власти (*staatliche Amtsgewalt*) над его подчиненными, как поселенцами, так и безземельными дружинниками, которые все уже обозначаются общими названиями «*vassi*», «*vassalli*», «*homines*», — в этом утверждении и усилении государством фактической власти господина над его вассалами мы видим уже значительное развитие того зародыша ленной системы, который уже был в бенефиции. Сословная иерархия от короля вниз через крупных бенефициариев к их поселенцам и, наконец, к несвободным становится признанным и официально действующим элементом государственного порядка. Государство признает, что оно не может существовать без ее помощи. Мы, впрочем, увидим, как эта помощь оказывалась на деле.

Различие между дружинниками и поселенцами важно только

вначале для доказательства двойственного происхождения зависимости свободных. Очень скоро оба вида вассалов сливаются и неотделимы ни по имени, ни по существу. У крупных бенефициариев все больше входит в обычай поручать себя (*sich kommandieren*) королю, т. е., будучи его бенефициариями, становиться также и его вассалами. Короли находили выгодным для своих интересов лично принимать клятву в верности от магнатов, епископов, аббатов, графов и вассалов (*Ann. Bertin.* 837; чаще всего в IX веке); при этом различие между общей присягой подданных и особой присягой вассалов скоро, повидимому, стерлось. Таким образом все крупные магнаты постепенно превращаются в королевских вассалов. Но тем самым медленно совершавшееся развитие крупных землевладельцев в особое сословие, в аристократию, было признано государством; это сословие было включено в государственную организацию и сделалось одним из рычагов правительственной машины.

Таким же образом дружинник отдельного крупного землевладельца постепенно превращался в его поселенца (*Hintersasse*). Помимо содержания непосредственно на барском дворе, которое, конечно, было возможно только для небольшого числа лиц, не оставалось никакого другого способа для обеспечения себе дружинников, как путем поселения их на землю, путем пожалования им земли в качестве бенефиция. Следовательно, многочисленную и боеспособную дружину, которая в ту эпоху постоянных войн составляла главное условие существования магнатов, можно было приобрести только путем земельных пожалований вассалам. Поэтому безземельные дворовые люди, служившие на барском дворе, постепенно ступшеваются перед массой поселенных на господской земле.

Но чем более вклинивался этот новый элемент в старый государственный строй, тем более он потрясал основы этого строя. Прежнее непосредственное выполнение функций государственной власти самим королем и графами все больше уступало место выполнению их через посредника; между государством и свободными простыми людьми (*Gemeinfreie*) встал сеньер, с которым они все в большей мере становились лично связанными узами верности. Граф, бывший раньше важнейшим деятелем в государственной машине, принужден был все больше отступать на задний план и действительно отступал. Карл Великий действовал в данном случае так, как он обыкновенно всегда поступал. Сначала он, как мы видели, поощрял распространение вассальных отношений, пока независимый свободный мелкий люд почти совершенно не исчез. Когда же обнаружилось, что в силу этого ослабела его собственная власть, он попытался вновь укрепить

ее путем государственного вмешательства. При властителе, столь энергичном и грозном, это в некоторых случаях, возможно, и удавалось, но при его слабых преемниках сила обстоятельств, с его помощью созданных, неудержимо пробивала себе дорогу.

Излюбленным приемом Карла было отправлять королевских посланцев (*missi dominici*) с чрезвычайными полномочиями. Там, где обыкновенный королевский чиновник — граф — не мог справиться с укоренившимся беспорядком, это должен был сделать специальный посланец.

Но был еще и другой способ, которым имелось в виду поставить графа в положение, по крайней мере, равное положению магната в его графстве, обеспечив его власть материальными ресурсами. Это было возможно лишь в том случае, если граф также вступал в ряды крупных землевладельцев, что опять-таки можно было сделать двумя способами. С самой должностью графа могла быть связана передача известных земельных владений в отдельных областях в виде дотации, и лицо, занимавшее в данный момент должность графа, официально обязано было управлять ими и пользоваться доходами с них. Таких примеров встречается много, особенно в грамотах, и притом уже с конца VIII века; начиная с IX века подобные отношения становятся вполне обычными. Такие дотации, само собою разумеется, производились большей частью из владений королевского фиска; уже в эпоху меровингов мы часто встречаем графов и герцогов в роли управителей расположенными в их области землями королевского фиска.

Встречаются также некоторые достойные быть отмеченными примеры (имеется даже установленная форма), когда епископы вознаграждают должность графа дотациями из церковных земель, — конечно, не отчуждая при этом церковного владения в какой-нибудь форме бенефиция. Щедрость церкви достаточно хорошо известна, чтобы допустить для этого какое-нибудь иное объяснение, кроме горькой нужды. Под все возрастающим нажимом соседних светских магнатов для церкви оставался только союз с остатками государственной власти.

Эти пожалования, связанные с самой должностью графа (*res comitatus, pertinentiae com.*), вначале были еще резко отделены от бенефициев, которые давались лично каждому графу. Бенефиции также обычно щедро раздавались; поэтому, если считать дотации и бенефиции вместе, то придется признать, что должность графа, бывшая раньше почетным званием, сделалась теперь очень доходным постом, и со времен Людовика Благочестивого ее начали, подобно другим

королевским щедротам, предоставлять людям, которых хотели привлечь или содействием которых желали себя обеспечить. Так, о Людовике Косноязычном сказано, что он «*quos potuit conciliavit dans eis abbatias et comitatus ac villas* (Ann. Bertin. 877)» [кого мог, он привлекал, жалую графствами, аббатствами и доменами]. Термин «*honor*» [честь], которым раньше обозначалась должность вместе со связанными с нею правами на почести, приобретает в течение IX столетия совершенно то же значение, что и бенефиций. Вместе с тем неизбежно совершалось существенное изменение и в характере должности графа, значение которого Рот правильно подчеркивает (стр. 408). Приобретший публично-правовой характер сеньерат вначале был копией графской должности и с графскими полномочиями. Теперь, во второй половине IX века, сеньерат получил такое повсеместное распространение, что угрожал поглотить должность графа, и эта последняя могла сохранить свой авторитет, только все более принимая характер сеньерата. Графы все в большей мере узурпировали, и не без успеха, положение сеньера по отношению к жителям своей области (*pagenses*), к их частным и публичным правам. Точно так же, как это делали прочие «господа» с соседним мелким людом, и графы старались добром или силою сделать наиболее нуждающихся свободных обитателей своих областей своими вассалами. Это удавалось им тем легче, что самая возможность прямого злоупотребления графом служебными полномочиями лучше всего доказывала, как мало защиты со стороны королевской власти и ее органов могли ожидать еще сохранившиеся остатки свободных простых людей (*Gemeinfreie*). Оставленные на произвол всяких насильников, мелкие свободные люди должны были быть рады найти какого-нибудь патрона, хотя бы уступая аллод и получив его обратно только в бенефиций. Уже в капитулярии 814 г. Карл Великий жалуется на то, что епископы, аббаты, графы, судьи и сотники продолжительными судебными злоупотреблениями, многократными призывами на военную службу до тех пор разоряют мелких людей, пока те не отдадут или не продадут им своих аллодов, и что бедные громко жалуется на разграбление их собственности и т. д. Таким путем в Галлии уже к концу IX века большая часть свободной собственности перешла в руки церкви, графов и других магнатов (Hinsmar, Rem. 869), а несколько позднее в некоторых провинциях уже совсем не было свободной земельной собственности мелких свободных людей (Mauger, Einl. 212). По мере того как с увеличением власти у бенефициариев и уменьшением ее у короны бенефиции постепенно становились наследственными, таковыми же становились

в силу обычая и должности графов. Если в многочисленных королевских бенефициариях мы усматривали первые зачатки будущего дворянства, то здесь виден зародыш территориального суверенитета позднейших владетельных князей (Landesherren), происшедших из областных графов.

В то время как общественный и политический строй стал, таким образом, совершенно иным, старинное военное устройство, основанное на военной службе, которая была в такой же степени правом, как и обязанностью всех свободных, осталось с внешней стороны тем же самым; и только там, где были новые отношения зависимости, сеньер вклинился между своими вассалами и графом. Но свободные простолюдины (Gemeinfreie) с каждым годом все менее были в состоянии нести бремя военной службы. Эта последняя заключалась не в одной только личной службе; призванный должен был также сам себя вооружать и жить на собственный счет в течение первых шести месяцев. Непрестанные войны Карла Великого довершили дело. Бремя сделалось столь непосильным, что массы мелкого свободного люда, чтобы от него избавиться, предпочитали отдавать не только остаток своих земель, но и лично себя и своих потомков в распоряжение магнатов, особенно церкви. Свободных воинственных франков Карл довел до того, что они готовы были терять независимость и становиться крепостными, лишь бы только не воевать. Таково было следствие военного строя, который Карл проводил в жизнь с крайним упорством, исходя еще из равенства земельных владений всех свободных, когда огромное число свободных потеряло всю свою землю или большую ее часть.

Но факты были сильнее, чем упрямство и честолюбие Карла. Старый военный строй нельзя было дольше сохранять. Вооружить и содержать войско на государственный счет было совершенно невозможно в ту эпоху натурального хозяйства, почти не знавшего ни торговли, ни денег. Карл был поэтому вынужден настолько ограничить воинскую повинность, чтобы оставалась возможность вооружить и содержать война. Это было проведено Аахенским капитулярием 807 г., когда войны сводились лишь к пограничным столкновениям и целостность империи была, повидимому, обеспечена. В первую очередь должны были являться все без различия королевские бенефициарии. Далее, всякий, владевший 12 гуфами (mansu), должен был являться в воинских доспехах, следовательно также и на коне (слово «caballarius», всадник, встречается в том же капитулярии); владельцы 3—5 гуф были военнообязанными. Каждый два владельца, имевшие по 2 гуфы, три владельца, имевшие по 1 гуфе, и шесть владельцев —

по $\frac{1}{2}$ гуфы, должны были выставлять одного воина и вооружать его за счет остальных. Из совершенно безземельных свободных, владевших, однако, движимым имуществом в 5 солидов, в поход также должен был идти каждый шестой человек, получая денежную поддержку в размере 1 солида от каждого из остальных пяти. Обязанность различных частей государства поставлять воинов для походов, выполнявшаяся во время пограничных войн в полном размере, в случае дальних войн ограничивалась, в зависимости от расстояния, поставкой половины и до шестой части воинов.

Карл, очевидно, стремился таким путем приспособить старое военное устройство к изменившемуся экономическому положению военнообязанных, спасти то, что еще можно было спасти. Но и эта уступка не помогла; уже вскоре после этого он принужден был в «*Capitulare de exercitu promovendo*» допустить новые изъятия. Этот капитулярий, который раньше обычно помечали под датой Аахенского, судя по всему его содержанию, появился несомненно на много лет позднее последнего. Он повышает число гуф, с которых следует поставлять одного воина, с трех до четырех; владельцы $\frac{1}{2}$ гуфы и безземельные освобождаются от воинской повинности, и для бенефициариев она также ограничивается обязанностью поставлять одного воина с каждых 4 гуф. При преемниках Карла минимальное число гуф, обязанных поставлять одного воина, было, повидимому, повышено даже до *пяти*.

Замечательно, что набор вооруженных владельцев 12 гуф встретил, повидимому, наибольшие затруднения. По крайней мере, в капитуляриях бесчисленное количество раз повторяется приказ, чтобы они являлись в панцырях.

Так все более исчезали свободные простые люди (*Gemeinfreie*). Если постепенное лишение земельной собственности гнало одну их часть в вассальную зависимость к новым крупным вотчинникам, то страх перед прямым разорением от военной службы толкал другую их часть под иго крепостничества (*Leibeigenschaft*). Как быстро совершалось закабаление (*Knechtschaft*), свидетельствует полиптик [опись земельных владений] монастыря Сен-Жермен де Прэ, который тогда еще был расположен за чертой Парижа. Полиптик составлен аббатом Ирмионом в начале IX века и среди поселенцев монастыря насчитывает 2 080 семей колонов, 35 — литов, 220 — рабов (*servi*) и только *восемь* свободных семейств. Но слово «колоны» обозначало в Галлии того времени определенно несвободного. Брак свободной женщины с колоном или с рабом подчинял ее, как обесчещенную (*deturpata*), господину (капитулярий 817 г.). Людовик Благочестив-

вый повелевает, чтобы «*colonus vel servus* (одного монастыря в Пуатье) *ad naturale servitium velit nolit redeat*»¹. Они подвергались телесному наказанию (капитулярии 853, 861, 864, 873 гг.) и отпускались иногда на волю (см. Guérard, «*Polupt. de l'abbé Irminon*» [Герар, «Полиптик аббата Ирминона»]). Эти крепостные крестьяне отнюдь не были романского происхождения, а, по свидетельству самого Якова Гримма («*Geschichte der deutschen Sprache*» [История немецкого языка], I), исследовавшего имена, это были почти «сплошь франки, значительно превосходившие численно небольшое количество романского населения».

Такой сильный рост несвободного населения, в свою очередь, произвел сдвиг в классовых отношениях франкского общества. Наряду с крупными землевладельцами, которые быстро превращались в то время в самостоятельное сословие, наряду с их свободными вассалами выступал класс несвободных, все больше поглощавший остатки свободных простых людей. Но эти несвободные частью сами раньше еще были свободными, частью были детьми свободных; в наследственном рабстве на протяжении трех или более поколений жило незначительное меньшинство. К тому же это были большей частью не привезенные из чужих земель саксонские, венские и прочие военнопленные; напротив, большинство составляли туземцы франкского и романского происхождения. С такими людьми, которые к тому же начинали составлять главную массу населения, не так легко было иметь дело, как с полученными по наследству или с иноземными крепостными. Рабство было им еще непривычно; телесные наказания, которые получали даже колонны (капитулярии 853, 861, 873 гг.), воспринимались еще как оскорбление, а не как нечто, само собою разумеющееся. Отсюда — многочисленные заговоры и восстания несвободных и даже вассальных крестьян. Карл Великий сам жестоко подавил восстание поселенцев Реймского епископства; Людовик Благочестивый в капитулярии 821 г. рассказывает о восстаниях рабов (*servorum*) во Фландрии и Менапике (по верхнему течению реки Лис). В 848 и 866 гг. пришлось подавлять восстания служилых людей (*homines*) Майнцкого епископства. Приказы подавлять подобные восстания повторяются в капитуляриях начиная с 779 г. Восстание стеллинг² в Саксонии было, пови-

¹ «Колон или раб должен быть возвращен в свое естественное зависимое состояние, хочет он того или нет». *Ред.*

² Стеллинга (*Stellinga*) — тайный союз свободных и зависимых крестьян-язычников (в Саксонии), восстававших против знати, которая была солидарна с франками и сочувствовала христианству. *Ред.*

димому, такого же характера. То обстоятельство, что с конца VIII и начала IX века повинности несвободных, и в том числе даже поселенцев-рабов, все больше устанавливаются в определенных, не подлежащих повышению размерах и что Карл Великий предписывает это в своих капитуляриях, было, очевидно, результатом угрожающего поведения этих несвободных масс.

Такова была цена, за которую Карл купил свою новую Римскую империю: уничтожение сословия свободных простых людей, которые в эпоху завоевания Галлии составляли всю массу французского народа, расслоение народа на крупных землевладельцев, вассалов и крепостных. Но вместе со свободными простыми людьми пришел в упадок и старый военный строй, а вместе с ним пала и королевская власть. Карл уничтожил единственную основу своего собственного господства. При нем оно еще держалось, но при его преемниках обнаружилось, что представляло из себя в действительности дело его рук.

[3.] Франкский диалект.

С этим диалектом языковеды сыграли удивительную шутку. В то время как Grimm дает ему раствориться во французском и верхне-немецком языках, новейшие исследователи приписывают ему распространение от Дюнкирхена и Амстердама до Унштрута, Заалы и Рецата, едва ли даже не до Дуная, а посредством колонизации и до Исполинских гор. Когда даже такой филолог, как Мориц Гейне, конструирует на основании изготовленной в Вердене рукописи Гелианда древний нижне-франкский язык, который представляет почти чистый древне-саксонский диалект с очень слабым франкским налетом, Брауне просто причисляет все действительно нижне-франкские диалекты частью к саксонскому, частью к нидерландскому. И, наконец, Арнольд ограничивает район завоеваний рипуарских франков территорией, лежащей к северу от водораздела между Ааром и Мозелем, и полагает, что все земли к югу и юго-западу заняты были сначала алеманнами, а потом исключительно хаттами (которых он также причисляет к франкам), и что они, следовательно, также говорили на алеманнско-хаттском диалекте.

Прежде всего введем область франкского языка в ее действительные границы. Причислять к ней Тюрингию, Гессен и Майнскую Франконию нет абсолютно никаких оснований, разве только что во времена каролингов общее название «Francia» простиралось и на эти земли. Язык, на котором говорят к востоку от Шпессарта, Фогельсберга и Калер Астен, есть все, что угодно, только не франкский.

Гессен и Тюрингия как земли, населенные самостоятельными племенами, имеют свои собственные, самостоятельные диалекты; в Майнской Франконии смесь славянского, тюрингского и саксонского населения была пронизана баварскими и франкскими элементами и выработала свой особый диалект. Только применяя в качестве основного отличительного признака степень проникновения верхне-немецкого передвижения согласных в диалекты, можно эти три ветви языка причислить к франкскому диалекту. Но именно этот способ, как мы увидим, вносит всю путаницу в суждения нефранков о франкском языке.

Начнем с древнейших памятников и прежде всего осветим надлежащим образом так называемый древне-нижне-франкский язык Морица Гейне*. Так называемая коттонская рукопись Гелианда, изготовленная в Вердене и в настоящее время находящаяся в Оксфорде, по его мнению, — древне-нижне-франкская, потому что она изготовлена в Верденском монастыре, еще на франкской территории, но очень близко от саксонской границы. Старая племенная граница еще и теперь служит здесь границей между графствами Берг и Марк; из расположенных между ними аббатств Верденское принадлежит Франконии, Эссенское — Саксонии. С востока и с севера к Вердену очень тесно примыкают бесспорно саксонские земли; на равнине между Руром и Липпой саксонский язык проникает местами почти до Рейна. Того обстоятельства, что саксонское произведение было переписано в Вердене, и притом, очевидно, франком, и что у этого франка то здесь, то там срывались с пера франкские формы, еще далеко не достаточно, чтобы язык списка признать франкским... Кроме коттонского Гелианда, Гейне рассматривает как нижне-франкские еще несколько верденских фрагментов, обнаруживающих тот же характер, и остатки перевода псалмов, который, по его мнению, сделан близ Аахена, а по мнению Керна (*Glossen in der Lex salica*) [Глоссы в «Салической правде»] — в Нидерландах. И в самом деле, в переводе встречаются, с одной стороны, вполне нидерландские формы, но, с другой стороны, наряду с ними настоящие рейнско-франкские формы и даже следы верхне-немецкого передвижения согласных. Он, очевидно, сделан на границе нидерландского языка и рейнско-франкского диалекта, приблизительно между Аахеном и Маастрихтом. Его язык значительно моложе языка обоих списков Гелианда.

* *Kleine altsächsische und altniederfränkische Grammatik* von M. Heyne. Paderborn, 1873 [М. Гейне. «Краткая древне-саксонская и древне-нижне-франкская грамматика»].

Но достаточно одного коттонского списка Гелианда, чтобы на основании небольшого числа встречающихся в нем франкских форм с несомненностью установить некоторые основные различия между франкским и саксонским диалектами.

I. Во всех ингевонских наречиях все три лица множественного числа настоящего времени в изъявительном наклонении оканчиваются одинаково, именно на зубную с предшествующей гласной: в древне-саксонском на *d*, в англо-саксонском на *dh*, в древне-фризском на *th* (которое, конечно, стоит также вместо *dh*). Так, в древне-саксонском *hebbiad* значит *wir haben, ihr habt, sie haben*, точно так же все три лица от *fallen, gewinnen* обозначаются одинаково через *fallad, winnad*. Третье лицо подчинило себе здесь все три, но, следует отметить, со специфически ингевонским выпадением *n* перед *d* или *dh*, которое так свойственно всем трем названным диалектам. Из всех живых диалектов эта особенность сохранилась только в вестфальском; там еще до сих пор говорят: *wi, ji, se hebbed* и т. д. Остальные саксонские наречия, так же как и западно-фризское, уже ее больше не знают; они различают все три лица ¹.

Западно-рейнские псалмы, как и средне-верхне-немецкий язык, имеют в первом лице множественного числа *m*, во втором лице *t*, в третьем — *nt*. Наоборот, в коттонском списке Гелианда наряду с саксонскими встречаются несколько раз формы совсем другого рода: *tholônd — sie dulden* [они терпят], *gernônd — ihr klagt* [вы сетуете] и как форма повелительного наклонения *mârient — verkündigt* [возвестите], *seggient — sagt* [скажите], где саксонский диалект требует *tholôd, gernôd, mâriad, seggiad*. Это не только франкские формы, это до сих пор настоящий верденский, бергский местный диалект. В бергском диалекте все три лица множественного числа настоящего времени также образуются одинаково, но не по-саксонски — на *d*, а по-франкски — на *nt*. В противоположность маркскому *wi hebbed*, здесь, у самой границы, говорят: *wi hant* и, аналогично вышеупомянутой форме повелительного наклонения *seggient*, говорят: *seient ens — sagt einmal* [скажите-ка]. На основании простого наблюдения, что здесь в бергском диалекте все три лица образуются одинаково, Брауне и другие без колебаний объявили всю горную бергскую область саксонской. Эта норма, конечно, проникла сюда из Саксонии, но она, к сожалению, применяется по-франкски и доказывает поэтому противоположное тому, что она должна доказывать.

¹ На полях рукою Энгельса написано: «п 3 от 2». *Ред.*

Выпадение *n* перед зубными не ограничивается в ингевонских диалектах этим случаем; оно распространено меньше в древне-фризском языке; в древне-саксонском и англо-саксонском, напротив, довольно широко; *mudh* — *Mund*, *kudh* — *kund*, *us* — *uns*, *odher* — *ein anderer*. Франкский переписчик Гелианда в Вердене вместо *odher* два раза употребляет франкскую форму *ander*. В верденских податных списках франкские формы имен *Reinswind*, *Meginswind* чередуются с саксонскими *Reinswid*, *Meginswid*. Наоборот, в левобережных рейнских псалмах мы везде имеем: *munt*, *kunt*, *uns*; в одном только случае, в так называемых глоссах Липсия, извлеченных из утерянной рукописи этих псалмов, встречается *farkutha*, *abominabiles* [ненавистные] вместо *farkuntha*. Древне-салические памятники также везде сохранили *n* в именах: *Gund*, *Segenand*, *Chlodosindis*, *Ansbertus* и т. д., что не существенно. Современные франкские диалекты везде имеют *n* (единственное исключение в бергском диалекте составляет форма *os* — *uns*).

II. Памятники языка, на основании которых обычно конструируют так называемую древне-саксонскую грамматику, происходят все из юго-западной Вестфалии, Мюнстера, Фрекенгорста, Эссена. Язык этих памятников обнаруживает некоторые существенные отступления не только от общих ингевонских форм, но и от таких, которые дошли до нас в качестве подлинных древне-саксонских форм в собственных именах из Энгерна и Остфалии; наоборот, у них поразительное сходство с франкским диалектом и древне-верхне-немецким языком. Поэтому новейший исследователь грамматики диалекта Косейн называет его даже древне-западно-саксонским.

Так как в этом исследовании мы ограничены почти одними собственными именами из латинских документов, то поддающиеся доказательству отличия в формах западно-саксонского и восточно-саксонского наречий могут быть лишь весьма немногочисленны; они ограничиваются двумя случаями, которые имеют решающее значение.

1) В англо-саксонском и древне-фризском языках родительный падеж множественного числа во всех склонениях оканчивается на *a*. Наоборот, в древне-западно-саксонском, древне-франкском диалектах и древне-верхне-немецком языке — на *o*. Какова же подлинная древне-саксонская форма? Действительно ли этот диалект отступил здесь от ингевонской нормы?

Документы из Энгерна и Остфалии дают на это ответ. В *Stediegarburg*, *Horsadal*, *Winethahûsen*, *Edingahûsun*, *Magathaburg* и во многих других названиях первая часть сложного слова поставлена

в родительном множественного и оканчивается на *a*. Даже в Вестфалии *a* еще не совсем исчезло: в свитке из Фрекенгорста встречается один раз *Aningera lō* и *Wernera holthūson*; *a* в *Osnabrück* — также старый родительный падеж множественного числа.

2) Точно так же слабое склонение в именительном падеже мужского рода оканчивается во франкском диалекте, как и в древневерхне-немецком языке, на *o* в противоположность готско-ингевонскому *a*. Для древне-западно-саксонского диалекта также нормой представляется *o*; следовательно, опять отступление от ингевонского употребления. Но это отнюдь не относится к древне-саксонскому языку вообще. Даже в Вестфалии *o* не встречалось без исключений; свиток из Фрекенгорста содержит наряду с *o* целый ряд имен на *a* (*Siboda*, *Uffa*, *Asica*, *Hassa*, *Wenda* и т. д.); в падерборнских памятниках Виганда почти всегда встречается *a* и только как редкое исключение *o*; в остфальских документах почти исключительно господствует *a*; поэтому уже Я. Гримм («*Geschichte d. deutschen Sprache*») [«История немецкого языка»] пришел к следующему заключению: нельзя не признать, что *a* и *an* в косвенных падежах — первоначальная саксонская форма, общая всем частям народа. Продвижение *o* вместо *a* также не ограничивалось Вестфалией. В начале XV века восточно-фризские мужские имена хроник и пр. почти постоянно оканчиваются на *o*: *Fokko*, *Occo*, *Enno*, *Smelo* и т. д. вместо более раннего *a*, еще сохранившегося в отдельных случаях в западно-фризском диалекте.

Итак, следует признать твердо установленным, что оба отступления западно-саксонского диалекта от ингевонской нормы не искони саксонские, а вызваны чужим влиянием. Это влияние очень просто объясняется тем обстоятельством, что Западная Саксония была раньше франкской территорией. Только после ухода главной массы франков саксы постепенно продвигались через Оснинг и Этге к той линии, которая еще и в настоящее время отделяет Марк и Зауерланд от Берга и Зигерланда. Влияние оставшихся франков, теперь уже слившихся с саксами, сказывается в вышеупомянутых двух *o* вместо *a*; его нельзя не признать еще и в современных диалектах.

III. Особенность рейнско-франкского языка, распространенная от Рура до Мозеля, это — окончание первого лица настоящего времени изъявительного наклонения на *n*; оно лучше всего удерживается там, где следует гласная: *dat don ek* — *das tue ich*, *ek han* — *ich habe* (в бергском диалекте). Эта глагольная форма в употреблении по всему Нижнему Рейну и по Мозелю, по меньшей мере, до ло-

тарингской границы: *don*, *han*. Эта же особенность встречается уже в левобережных рейнских псалмах, хотя и недостаточно последовательно: *bidдон* — *ich bitte* [прошу], *wirthon* — *ich werde* [становлюсь]. В салическом наречии нет этого *n*; уже в древнейшем документе там встречается *es forsacho* [отрекаюсь], *gelôbo* [обещаю]. Его нет также и в нидерландском языке. Древне-западно-саксонский диалект здесь отстывает от франкского только в том, что он знает это *n* лишь в одном спряжении (в так называемом втором слабом); *skawôn* — *ich schaue* [смотрю], *thionôn* — *ich diene* [служу] и т. д. Англо-саксонскому и древне-фризскому языкам оно совершенно чуждо. Мы можем поэтому предположить, что и это *n* представляет франкский пережиток в древне-западно-саксонском диалекте.

Кроме сохранившихся в документах и пр. многочисленных собственных имен и искаженных часто до неузнаваемости глосс в «Салической правде», у нас нет почти никаких остатков салического наречия. Однако Керн (*Glossen in der Lex salica*) [Глоссы в «Салической правде»] устранил значительное число этих искажений и установил в некоторых случаях точный, в других весьма вероятный текст и доказал, что он написан на языке, являющемся прямым предком средне-нидерландского и ново-нидерландского языков. Но реконструированный таким образом материал, конечно, не может просто быть применен для грамматики. Кроме того, мы располагаем еще только краткой формулой присяги, присоединенной к капитулярию Карломанна от 743 г. и, вероятно, составленной на соборе в Лестине, т. е. в Бельгии. И здесь мы с самого начала наталкиваемся на два характерных франкских слова: *es forsacho* — *ich entsage* [я отрекаюсь]. *Es* вместо *ich* и теперь еще очень распространено среди франков. В Трире и Люксембурге *eich*, в Кельне и Аахене *ech*, по-бергски *ek*. Если литературный нидерландский язык и имеет *ik*, то в народной речи, особенно во Фландрии, довольно часто приходится слышать *ek*. В древне-салических именах — *Segenandus*, *Segemundus*, *Segefredus* — везде единообразно *e* встречается вместо *i*. В *forsacho* *ch* стоит вместо *g* между гласными; это встречается в памятниках и в других случаях (например, *gachineburgius*) и еще до сих пор представляет характерный признак всех франкских наречий от Пфальца до Северного моря. К этим двум основным признакам франкского диалекта — *e* часто вместо *i* и *ch* между гласными вместо *g* — мы еще вернемся при рассмотрении отдельных говоров.

В качестве результата предыдущего исследования, с которым можно еще сопоставить то, что говорит о древне-франкском диалекте Гримм в конце I тома «*Geschichte der deutschen Sprache*» [Истории

немецкого языка»], мы можем выставить положение, которое, впрочем, вряд ли будет теперь кем-либо оспариваться, что франкский диалект уже в VI и VII веках был самостоятельным диалектом, представляющим переходное звено от верхне-немецкого, т. е. прежде всего алеманнского, к ингевонскому, т. е. прежде всего к саксонскому и фризскому, стоявшим тогда еще всецело на готско-нижне-немецкой ступени передвижения согласных. А раз принято это положение, то тем самым признано и то, что франки не представляли простой смеси различных племен, объединенных в союз под влиянием внешних обстоятельств, а были самостоятельным основным германским племенем, исковенами, которые в различные периоды включали в свой состав и чужие элементы, но имели достаточно сил, чтобы их ассимилировать. И мы можем также считать доказанным, что каждая из обеих основных ветвей франкского племени уже рано говорила на особом наречии, что диалект делился на салическое и рипуарское наречия и что некоторые особенности, разделяющие эти старые наречия, еще продолжают жить в современной устной народной речи.

Перейдем теперь к этим еще живым и в настоящее время наречиям.

I. В настоящее время уже нет более никаких сомнений относительно того, что салическое наречие продолжает жить в обоих нидерландских наречиях, фламандском и голландском, и притом в наибольшей чистоте в тех областях, которые уже с VI века стали франкскими. С тех пор как большие морские штормы в XII, XIII и XIV столетиях уничтожили почти всю Зеландию и образовали Зюдерзее, Долларт и Яде, а тем самым порвали вместе с географической и политическую связь между фризами, — погибли под напором окрестных владетельных феодалов остатки древней фризской вольности, а вместе с ними почти повсюду и фризский язык. На западе он был оттеснен или совсем вытеснен нидерландским языком, на востоке и севере — саксонским и датским; но в обоих случаях оставлял сильные следы в языке, который вытеснял его. Древнефризская Зеландия и Голландия сделались в XVI и XVII веках центром и опорным пунктом борьбы за независимость Нидерландов, так же как уже раньше они стали средоточием главных торговых городов страны. Здесь поэтому преимущественно и складывался ново-нидерландский литературный язык, воспринимая фризские элементы, слова и формы слов, которые следует отличать от франкской основы. С другой стороны, с востока в прежние фризскую и франкскую области проник саксонский язык. Проведение точных границ должно быть предоставлено специальному исследованию;

чисто салические только те части Бельгии, в которых говорят по-фламандски, — Северный Брабант и Утрехт, а также Гельдерланд и Оверэйсель, за исключением восточной, саксонской полосы.

Между границей французского языка на Маасе и саксонского к северу от Рейна сталкиваются салическое и рипуарское наречия. О разделяющей их линии, которую и в данном случае предстоит еще в частности установить, мы будем говорить ниже. Сначала займемся грамматическими особенностями нидерландского языка.

В гласных прежде всего обращает на себя внимание чисто франкская замена *i* посредством *e*: *brenge* — *bringen* [приносить], *kreb* — *Krippe* [ясли], *hemel* — *Himmel* [небо], *geweten* — *Gewissen* [совесть], *ben* — *bin* [есмы], *stem* — *Stimme* [голос]. В средне-нидерландском это встречается еще гораздо чаще: *gewes* — *gewiss* [разумеется], *es* — *ist* [есть], *selver* — *Silber* [серебро], *blent* — *blind* [слепой], в ново-нидерландском языке здесь *gewis*, *is*, *zilver*, *blind*. Точно так же вблизи Гента я нахожу два поселения: *Destelbergen* и *Desteldonk*; следовательно, еще и теперь здесь *Destel* вместо *Distel* [чертополох]. Средне-нидерландский язык, выросший на чисто франкской почве, в этом отношении вполне согласуется с рипуарским; но уже меньше — литературный ново-нидерландский язык, подвергшийся фризскому влиянию. Далее, также в согласии с рипуарским наречием *o* вместо *u* перед *m* или *n* со следующей согласной, но не с такой последовательностью, как в средне-нидерландском языке и рипуарском наречии. Наряду с *konst* [искусство], *gonst* [милость], *kond* [известный] в ново-нидерландском встречаются: *kunst*, *gunst*, *kund*; с другой стороны, в обоих одинаково: *mond* — *Mund* [рот], *hond* — *Hund* [собака], *jong* — *jung* [молодой], *ons* — *uns* [нам].

В отличие от рипуарского долгое *i* (*ij*) в произношении перешло в *ei*, чего еще не было, повидимому, в средне-нидерландском языке. Но это *ei* произносится не так, как верхне-немецкое *ei* = *ai*, а действительно как *e + i*, хотя и не совсем так узко (*dünn*), как, например, *ej* у дагчан и славян. Почти так же звучит дифтонг, который пишется не как *ij*, а как *ei*. Соответственно вместо верхне-немецкого *au* стоит *ou*, *ouw*.

Перегиб (Umlaut) исчезла из флексии. В склонении единственное и множественное числа, а в спряжении изъявительное и сослагательное наклонения имеют одну и ту же корневую гласную. Напротив, в словообразовании перегиб встречается в двойной форме: 1) в форме общей всем послеготским диалектам перегибавки *a* посредством *i* в *e*, 2) в форме, составляющей особенность нидерландского языка и развившейся только впоследствии. Средне-нидер-

ландский язык, как и рипуарское наречие, знает еще: *hus* — *Haus* [дом], *brun* — *braun* [бурый], *rum* — *geräumig* [просторный], *tun* — *Zaun* [забор]; во множественном числе *huse*, *brune*. Ново-нидерландский язык знает уже только чуждые средне-нидерландскому и рипуарскому формы *huis*, *bruin*, *ruim*, *tuin* (*ui* = верхне-немецкому *ei*). Наоборот, *ei* вместо краткого *o* (верхне-немецкого *u*) уже проникает в средне-нидерландский: *jeughet* наряду с *joghet*, ново-нидерландское *jeugd* — *Jugend* [молодость], *doghet* — *Tugend* [добродетель], *dog* — *Thür* [дверь], *kor* — *Wahl* [выбор] — наряду с формами с *ei*; в ново-нидерландском принято уже только: *deugd*, *keur*, *deur*. Это вполне совпадает с развившимся с начала XII века северо-французским *ei* вместо латинского *o* под ударением. На третий случай перегласовки обращает внимание Керн: в ново-нидерландском *ei* представляет перегласовку *é* (*ee*). Все эти три формы перегласовки неизвестны рипуарскому, как и прочим диалектам, и составляют характерную особенность нидерландского.

Ald, *alt*, *old*, *olt*, *uld*, *ult* превращаются в *oud*, *out*. Этот переход встречается уже в средне-нидерландском языке, в котором, однако, попадаются еще *guldin* [золотой], *hulde* [держал], *sculde* [долженствовал] наряду с *goudin*, *houde*, *scoude* (*sollte*), так что приблизительно известно время, когда произошел этот переход. Он составляет также особенность нидерландского языка, по крайней мере, в противоположность всем континентальным германским наречиям; напротив, он имеется также в английском ланкаширском диалекте: *gowd*, *howd*, *owd* вместо *gold* [золото], *hold* [держатъ], *old* [старый].

Что касается согласных, то нидерландский язык не знает чистого *g* («гортанного» итальянского, французского или английского *g*). Эта согласная произносится как сильно придыхательное *gh*, которое в некоторых сочетаниях звуков отличается от глубоко гортанного (швейцарского, ново-греческого или русского) *ch*. Мы видели, что этот переход *g* в *ch* был уже известен древне-салическому наречию. Он встречается также в части рипуарского и саксонских диалектов, развившихся на некогда франкской почве, например в Мюнстере, где, так же как и в Берге, в известных условиях даже *j* в начале слова, особенно в иностранных словах, звучит как *ch* и где можно услышать *Choserph* и даже *Chahr* (*Jahr*). Если бы М. Гейне обратил на это внимание, то ему не причинили бы особых затруднений частое смешивание и взаимные аллитерации *j*, *g* и *ch* в Гелианде.

В начале слова нидерландский язык местами сохраняет *wr*: *wringen* — *ringen* [крутить, ломать], *wreed* — *grausam* [жестокый],

wreken — rächen [мстить]. Остатки этого имеются и в рипуарском наречии.

Из фризского языка нидерландский язык заимствовал смягчение уменьшительного окончания *ken* в *tje, je: mannetje*—Männchen [человечек], *bietje*—Bienchen [пчелка], *halsje*—Hälschen [шейка] и т. д. Но сохраняется и *k*: *vrouken*—Frauchen [женушка], *hoeteken*—Hüttchen [хижинка]. Лучше сохраняется *k* во фламандском диалекте, по крайней мере в народном языке: известный человек в Брюсселе называется *manneken-pis*. Из фламандского, следовательно, заимствовали французы свое *mannequin*, а англичане *mannikin*. Множественное число обоих окончаний *vroukens, mannetjes*. С этим *x* мы еще встретимся в рипуарском наречии.

Общее с саксонскими и даже со скандинавскими диалектами в нидерландском выпадение *d* между гласными, особенно между двумя *e*: *leder* и *leer* [кожа], *weder* и *weer* [или], *neder* и *neer* [вниз], *vader* и *vaer* [отец], *moeder* и *moer* — Mutter [мать].

Нидерландское склонение обнаруживает полное смещение сильных и слабых форм, а так как перегласовки во множественном числе не бывает, то нидерландские образования множественного числа совпадают с рипуарскими или саксонскими только в очень редких случаях, и в этом также весьма ощутительная особенность языка.

Общей у салического и рипуарского со всеми ингевопскими диалектами является утрата признака именительного падежа в *er, der, wer*: по-нидерландски *hij, de* (член) и *die* (указательное местоимение), *wie*.

Разбор спряжения завел бы нас слишком далеко. Сказанного будет достаточно, чтобы повсюду отличать современный салический язык от граничащих с ним наречий. Более обстоятельное исследование нидерландских народных говоров, наверное, откроет еще не мало важного.

II. *Рейнско-франкское наречие*. Этим выражением я обозначаю все прочие франкские наречия. Если я здесь по-старому не противопоставляю салическому наречию рипуарского, то для этого имеются достаточные основания.

Уже Арнольд обратил внимание на то, что рипуарии в собственном значении этого слова занимали сравнительно узкий район, южная граница которого приблизительно определяется обоими селениями Рейффершейд — возле Аденау и Шлейдена. Это правильно постольку, поскольку этим самым чисто *рипуарская* область и по языку отграничивается от областей, занятых подлинными рипуариями после других германских племен или одновременно с ними.

Но так как название «нижне-франкский» уже приобрело другой смысл и включает также и саллическое наречие, то для группы близко родственных говоров, распространенных от саллической языковой границы до этой линии, у меня остается только обозначение «рипуарские» в узком смысле слова.

1. *Рипуарское наречие*. Граница, отделяющая эту группу говоров от саллической, отнюдь не совпадает с голландско-германской границей. Напротив, к саллическому наречию еще относится на правом берегу Рейна большая часть округа Рееса, где в районе Везеля сталкиваются наречия саллическое, рипуарское и саксонское. На левом берегу Рейна саллическими являются Клеве и Гельдерн, примерно до линии, проводимой от Рейна, между Ксантенем и Везелем, на юг к деревне Флюн (к западу от Мерса) и затем на юго-запад к Венло; установление более точных границ возможно только на месте, так как благодаря многолетнему голландскому управлению не только в Гельдерне, но и в графстве Мерс на картах сохранилось много рипуарских названий в саллическо-нидерландской форме.

Большая часть правого берега Мааса, — вверх по течению от окрестностей Венло, — повидимому, рипуарская, так что политическая граница здесь нигде не пересекает саллической области, а всегда рипуарскую, и последняя тянется почти до самого Маастрихта. Названия на *heim* (не *hem*) и на специфически рипуарское *ich* встречаются здесь в большом числе на голландской территории, а дальше к югу — уже с передвижением согласных — на *broich* (голландское *broek*), например Dollenbroich у Рурмонда, а также и на *rade* (Bingelrade у Ситтарда, там же Amstelrade, Holbelrade и 6—7 других); доставшийся Бельгии кусочек немецкой территории, по правую сторону Мааса, — целиком рипуарский (ср. Krützenberg в 9 километрах от Мааса с Круйсберга к северу от Венло). Даже по левую сторону Мааса, в бельгийском так называемом Лимбурге, я нахожу Kessenich у Маасейка, Storkheim и Reekheim на Маасе, Gellich у Маастрихта как доказательство, что здесь живет не чисто саллическое население.

Рипуарская граница с Саксонией направляется из окрестностей Везеля к юго-востоку, все больше удаляясь от Рейна, между Мюльгеймом на Руре и Верденом с франкской стороны и Эссенем — с саксонской, до бергско-маркской границы, которая еще и теперь служит пограничной линией между Рейнской провинцией и Вестфалией. Она покидает последнюю только к югу от Ольпе, откуда идет на восток, отделяя франкский Зигерланд от саксонского

Зауерланда. Далее к востоку вскоре начинается гессенское наречие.

Вышеупомянутая южная граница с наречием, обозначенным мною как «средне-франкское», приблизительно совпадает с южными границами старых областей Авальгау, Бонгау и Эйфлия и идет оттуда на запад к области валлонского наречия, слегка придерживаясь южного направления. Очерченная таким образом территория обнимает старую большую область Рипуарию и части областей, примыкающих с севера и запада.

Как уже было сказано, рипуарское наречие во многих отношениях совпадает с нидерландским, но таким образом, что средне-нидерландский язык ближе к нему, чем ново-нидерландский. С этим ново-нидерландским языком в рипуарском совпадает произношение *ei*, как *e* + *i* и *oi* вместо *ai*, а также переход *i* в *e*, который в рипуарском наречии и средне-нидерландском языке заходит еще гораздо дальше, чем в ново-нидерландском: средне-нидерландские *gewes*, *es*, *blend*, *selver* (*Silber* [серебро]) звучат еще и теперь совсем по-рипуарски. Точно так же и вполне последовательно *u* перед *m* или *n* со следующей согласной переходит в *o*: *jong*, *lomp*, *domm*, *konst*. Если же эта следующая согласная *d* или *t*, то она в некоторых говорах переходит в *g* или *k*; например, *honk*—*Hund* [собака], множественное число *hōng*; здесь переход *k* в звонкий *g* есть результат влияния отпавшей конечной гласной *e*.

Напротив, соотношения перегласовки (*Umlaut*) в рипуарском наречии резко отличаются от нидерландского и в общем совпадают с верхне-немецким языком, а в отдельных исключительных случаях с саксонским (например, *hanen* вместо *Nahne* [петухи]).

Wr в начале слова перешло в глухое *fr*, сохранившись в *fringen* [выжимать воду из ткани и т. п.] и *frêd* (по-голландски *wreed*) в значении: закаленный.

Вместо *er*, *der*, *wer* стоит *hê*, *dê*, *wê*. Склонение занимает среднее место между верхне-немецким и саксонским. Образования множественного числа на *s* встречаются часто, но почти никогда не совпадают с нидерландскими; это *s* в локальном литературном верхне-немецком наречии превращается в *r* в точном соответствии с предыдущим ходом развития языка. Уменьшительное окончание *ken*, *chen* после *n* обращается в *schēn*: *männchen*; множественное число, как и в нидерландском, имеет *s* (*männches*). Обе эти формы можно проследить до самой Лотарингии.

R перед *s*, *st*, *d*, *t* и *z* выпадает; предшествующая ему гласная в некоторых говорах остается краткой, в других удлиняется. Так

hart превращается в hatt (по-бергски) и haad (по-кельнски). При этом под южно-немецким влиянием *st* переходит в *sch*: Durst [жажда] — doascht по-бергски, dôscht по-кельнски.

Точно так же под верхне-немецким влиянием начальные *sl*, *sw*, *st*, *sp* превратились в *schl* и т. д. Как нидерландскому языку, так и рипуарскому наречию не известно чистое *g*. Часть говоров, расположенных у салической границы, как бергский, имеют в начале и в середине слова вместо *g* также придыхательное *gh*, но все же более слабое, чем в нидерландском языке. Прочие говоры имеют *j*. В конце слова *g* везде произносится, как *ch*, но не как сильное нидерландское, а как слабое рейнско-франкское *ch*, которое звучит, как приглушенное *j*. О нижне-немецком по существу характере рипуарского наречия свидетельствуют такие выражения, как *boven* вместо *oben*.

Большинство шумных согласных повсюду находится еще на первой ступени передвижения согласных. Только *t* и стоящее в середине и в конце слова *k*, а иногда и *p* в южных говорах уже подверглись верхне-немецкому передвижению. Эти говоры имеют *lôsze* вместо *lôten*, *lassen* [оставлять], *holz* вместо *holt* [дерево], *rich* вместо *rick*, *reich* [богатый], *êch* вместо *ek* — *ich* [я], *pief* вместо *pîpe*, *Pfeife* [дудка], но *et*, *dat*, *wat* и некоторые другие остаются без изменений.

Именно на этом даже не всегда последовательном проникновении в трех случаях верхне-немецкого передвижения согласных и основывается обычное разграничение средне-франкского и нижне-франкского диалектов. Но таким образом произвольно и по совершенно случайному признаку разрывается на части целая группа говоров, взаимно связанных, как было показано выше, определенными звуковыми соотношениями и еще до сих пор воспринимаемых в народном сознании как взаимно связанные.

Совершенно случайно, говорю я. Остальные средне-немецкие диалекты — гессенский, тюрингский, верхне-саксонский и др., каждый сам по себе — находятся в общем на определенной ступени верхне-немецкого передвижения согласных. Они могут обнаруживать, конечно, у нижне-саксонской границы несколько меньше, у южно-немецкой границы несколько больше явлений передвижения, но это создает, самое большее, лишь местные различия. Напротив, франкский диалект у Северного моря, на Маасе и Нижнем Рейне не обнаруживает никакого передвижения согласных, а на алеманнской границе — почти целиком алеманнское передвижение; между этими крайними типами имеются по меньшей мере три переходные ступени. Таким образом, передвижение проникло в рейнско-франкское наречие, уже самостоятельно развившееся, и разорвало его на несколько

частей. Последние следы такого передвижения согласных вовсе не должны исчезать на границе уже ранее существовавшей отдельной группы говоров; оно может отмирать и внутри этой группы, и так оно бывает в действительности. Наоборот, влияние передвижения, которое действительно образует говоры, прекращается, как будет ниже показано, непременно на границе двух, уже ранее различавшихся между собой групп говоров. И разве *schl*, *schw* и т. д. и *scht* в конце слова не проникли к нам также из верхне-немецкого диалекта и притом еще гораздо позднее? А между тем эти процессы, особенно первые из них, глубоко проникают даже в Вестфалию.

Рипуарские говоры составляли прочную группу задолго до того, как часть из них усвоила передвижение *t* и в середине и в конце слова *k* и *p*. Как далеко могли заходить эти изменения внутри группы, было и остается чисто случайным для группы. Диалект Нейсса тождествен с диалектами Крефельда и Мюнхена-Гладбаха до мелочей, даже не слышных для чужого уха. И, несмотря на это, один из них объявляется средне-франкским, а другой — ниже-франкским. Говор бергского промышленного района незаметными ступенями переходит в говор юго-западной рейнской равнины. И, тем не менее, они якобы принадлежат к двум в корне различным группам. Для всякого, кто в этих местах у себя дома, очевидно, что в данном случае кабинетная ученость втискивает мало известные или совсем не известные ей живые народные говоры в прокрустово ложе а priori сконструированных признаков.

И к чему приводит такое чисто внешнее разграничение? К тому, что южно-рипуарские говоры — под общим названием средне-франкского — сваливают в одну кучу с другими диалектами, от которых они, как увидим, отстоят гораздо дальше, чем от так называемых ниже-франкских диалектов. А с другой стороны, это приводит к тому, что получается узкая полоска, с которой не знают, что делать, и из которой, в конце концов, приходится один кусок объявлять саксонским, а другой — нидерландским, что резко противоречит фактическому состоянию этих наречий. Возьмем, например, бергский диалект, который Брауне без колебаний называет несомненно саксонским. Он образует, как мы видели, все три лица множественного числа настоящего времени в изъявительном наклонении одинаково, но по-франкски в древней форме — на *nt*. Он имеет перед *t* и *n* со следующим согласным неизменно *o* вместо *u*, что, по тому же Брауне, выходит решительно не по-саксонски, а специфически по-ниже-франкски. Все перечисленные выше отличительные рипуарские признаки — общие у него с прочими

рипуарскими диалектами. Незаметно переходя от деревни к деревне, от одного крестьянского двора к другому в наречие рейнской равнины, он на вестфальской границе очень четко отделен от саксонского диалекта. Может быть, нигде во всей Германии нет столь резко проведенной языковой границы, как здесь. И какое различие в языке! Вся система гласных точно преобразуется; узкому нижне-франкскому *ei* непосредственно противостоит очень широкое *ai*, так же как противостоит *au*; из многочисленных дифтонгов и полугласных нет ни одного сходного; здесь *sch*, как во всей остальной Германии, там *s + ch*, как в Голландии; здесь *vi hant*, там *vi hebbed*; здесь формы двойственного числа, употребляемые во множественном числе *get* и *enk*, *ihr* и *euch*, там только *i*, *ji* и *ü*, *jü*; здесь воробей (Sperling) называется, как и везде в рипуарском: *Mötsche*, там — как и везде в вестфальском: *Lüning*. Мы не говорим уже о других ему одному свойственных особенностях бергского говора, которые также внезапно исчезают здесь, на пограничной линии.

Чужестранец лучше всего уясняет себе особенности диалекта, когда говорят не на диалекте, а на понятном ему литературном верхне-немецком языке, который у нас, немцев, в большинстве случаев испытывает на себе сильное влияние диалекта. Но в этом случае нездешний уроженец абсолютно не в состоянии отличить обитателя бергского промышленного района, якобы саксонца, от жителя рейнской равнины, который говорит якобы по-средне-франкски, разве только по несколько более сильному придыхательному *gh* у одного там, где другой произносит *j*. Но житель бергского Гекинггауза (из Обербармена, с левого берега Вуппера) и житель маркского Лангерфельда, живущий на какой-нибудь километр к востоку от первого, даже в обиходной речи на местном литературном верхне-немецком языке дальше стоят друг от друга, чем жители Гекинггауза и Кобленца, не говоря уже о жителях Аахена и Бонна. Даже для жителя Рейнской Франконии проникновение передвижения *t* и конечного *k* не производит впечатления какой-либо языковой границы; даже в хорошо знакомом ему районе он принужден будет предварительно подумать, где же проходит граница между *t* и *z*, *k* и *ch*; при переходе через эту границу одно будет произноситься для него почти так же легко, как и другое. Это облегчается еще множеством верхне-немецких слов, проникших в говоры с подвергшимися передвижению *sz*, *z*, *ch* и *f*. Разительный пример представляет старый бергский процессуальный кодекс XIV столетия (Lacomblet, Archiv [Лакомблэ, «Архив», I, стр. 79 и сл.]). Тут встречаются: *zo*, *uiss* (*aus*) [из], *zween* [двум], *bezahlen* [платить]; но рядом в том же предло-

жени: *setten* [сажать], *dat nuttete* (*nützeste* [полезнейшее]); точно так же *Dache* [кровли], *redelich* [честный] наряду с *reicket* (*reicht* [достигает]), *upladen* [нагружать], *urheven* [поднимать], *hulper* (Helfer [помощник]) рядом с *verkouffen* [продавать]. В другом абзаце на стр. 85 встречается даже, чередуясь, *zo* и *tho* (*zu* [к]). Словом, говоры горной области и равнины все время перекрещиваются между собой, не причиняя при этом ни малейших затруднений переписчику. Как всегда, эта последняя волна, занесшая верхне-немецкое передвижение согласных на франкскую территорию, — самая слабая и мелкая. Несомненно интересно наметить линию, до которой она доходит. Но эта линия не может быть границей диалектов; она не в состоянии разорвать самостоятельную группу истари близко родственных говоров и не может дать повод к тому, чтобы в противоречии со всеми языковыми фактами причислить эти насильственно разъединенные обломки к более далеким друг от друга группам.

2. *Средне-франкское наречие* (*Mittelfränkisch*). Из вышеизложенного явствует само собою, что я провожу северную границу средне-франкского наречия значительно южнее, чем это обычно делается.

То обстоятельство, что средне-франкская полоса земли на левом берегу Рейна ко времени Хлодвига, *повидимому*, находилась в алеманнском владении, дает Арнольду повод среди тамошних названий мест искать следы алеманнских поселений; он приходит к выводу, что до линии Кельн — Аахен можно установить существование до-франкского, алеманнского населения, причем следы его, само собою разумеется, чаще всего встречаются на юге, а к северу становятся все реже. Названия мест, говорит он, указывают на то, что «алеманны на известный период продвинулись за пределы районов Кобленца и Аахена и долго владели Веттерау и южными наассаускими областями. В самом деле, названия с чисто алеманнскими окончаниями на *ach*, *brunen*, *felden*, *hofen*, *ingen*, *schwand*, *stetten*, *wangen* и *weiler*, которые нигде не встречаются в чисто франкских землях, рассеяны, начиная от Эльзаса, по всему Пфальцу, Рейнскому Гессену и Рейнской Пруссии и только к северу становятся все реже, все более уступая место преимущественно франкским названиям на *bach*, *berg*, *dorf*, *born*, *feld*, *hausen*, *heim* и *scheid*» («*Deutsche Urzeit*») [*«Первобытная история германцев»*]¹:

Исследуем прежде всего якобы алеманнские названия на средне-франкской земле. Окончания *brunen*, *stetten*, *felden*, *wangen*

¹ 2-е изд., стр. 140—141, Гота, 1880. *Ред.*

в этой области нигде не попадались мне на карте Реймана (которой я пользуюсь в этой работе). Окончание *schwand* встречается: поместье *Metzelschwand* у Винвейлера и затем еще *Schwanden* к северу от Ландштула. Оба раза, следовательно, в верхне-франкском Пфальце, который нас здесь еще не интересует. На *ach* мы имеем вдоль по Рейну *Kreuzenach*, *Bacharach*, *Hirzenach* у Санкт-Гоара, *Rübenach* у Кобленца (*Ribiniacus* по областной карте Шпрунера-Менке), *Andernach* (римское *Antunnasum*) и тут же *Wassenach*. Так как в римскую эпоху романизованное кельтское окончание *acum* встречается повсюду на левом берегу Рейна: *Tolbiacum* — *Zülpich*, *Juliacum* — *Jülich*, *Tiberiacum* — *Ziewerich* у Берггейма, *Mederiacum*, то в большинстве этих случаев алеманнское влияние могло обнаружиться разве только в выборе формы *ach* вместо *ich*. Только одно *Hirzenach* (= *Hirschenbach*) несомненно немецкое, но оно называлось раньше по областной карте *Hirzenowe* = *Hirschenau* [Олений луг], а не *Hirschenbach* [Олений ручей]. Но как в таком случае объяснить *Wallach*, лежащий у самой салической границы, между Бюдерихом и Рейнбергом? Это уж, наверное, не алеманнский [поселок].

В бассейне Мозеля также встречается несколько *ach*: *Irmenach* к востоку от Бернкастеля, *Waldrach*, *Kressenach* у Трира, *Mettlach* на Сааре. В Люксембурге — *Echternach*, *Modernach*, *Kanach*; в Лотарингии — только по правому берегу Мозеля, *Montanach*, *Rodelach*, *Brettnach*. Если даже согласиться с тем, что все эти названия указывают на алеманнское расселение, то, во всяком случае, на очень редкое, которое к тому же еще не простиралось дальше самой южной части средне-франкской территории.

Остаются *weiler*, *hofen* и *ingen*, требующие более тщательного исследования.

Прежде всего окончание *weiler* отнюдь не безоговорочно алеманнское, а провинциальное латинское *villarium*, *villare* и за старыми пределами Римской империи встречается в лучшем случае лишь в виде исключения. Не онемечение *villare* в *weiler* было привилегией алеманнов, а лишь предпочтительное и массовое использование этого окончания для новых поселений. Поскольку встречались римские *villaria*, франки были вынуждены онемечивать это окончание в *wilare*, впоследствии в *weiler* или совсем его отбрасывать. По всей вероятности, они делали то одно, то другое, точно так же, как они, наверное, то здесь, то там давали новым поселениям названия на *weiler*, только гораздо реже, чем алеманны. Арнольд не может найти к северу от Эшвейлера (*Eschweiler*) у Аахена и к северу от Арвейлера (*Ahrweiler*) ни одного значительного селения на *weiler*. Но тепе-

решнее значение мест не имеет отношения к делу; факт тот, что на левом берегу Рейна названия на *weiler* простираются к северу почти до салгической границы (Garzweiler и Holzweiler находятся на расстоянии меньше пяти миль от ближайшего Гельдернского селения, говорящего по-нидерландски), и к северу от линии Эшвейлер—Арвейлер (Eschweiler—Ahrweiler) их имеется по меньшей мере двадцать. Чаще всего они встречаются, понятно, близ старой римской дороги из Маастрихта через Юлих на Кельн; из них два—Ваасвиллер (Waaswiller) и Нусвиллер (Nuswiller) — даже на голландской территории; что же, и это — алеманнские поселения?

Далее к югу, в Эйфеле, их почти совсем нет, в секции Мальмеди (№ 159, Рейман) нет ни одного. В Люксембурге они так же редки, точно так же по нижнему течению Мозеля до гребня Гунсрюка. Напротив, в верховьях Мозеля они часто встречаются по обоим берегам реки, все чаще по направлению к востоку, а к востоку от Саарлуи это окончание все более становится господствующим. Но здесь уже начинается и область верхне-франкского языка, а здесь никто не станет оспаривать, что алеманны занимали эту землю раньше франков.

Итак, эти *weiler* на средне-франкской и рипуарской территории так же мало доказывают алеманнское расселение, как и многочисленные *villers* во Франции.

Перейдем к *hofen*. Это окончание далеко не исключительно алеманнское. Оно встречается на всей франкской территории, включая сюда и теперешнюю Вестфалию, занятую впоследствии саксами. Только несколько примеров на правом берегу Рейна: Wahofen у Рурорта (Ruhrort), Mellinghofen и Eppinghofen у Дуйсбурга (Duisburg), Benninghofen у Метмана (Mettmann), еще один Eppinghofen у Динслакена (Dinsslaken), в Вестфалии Kellinghofen у Дорстена (Dorsten), Westhofen у Кастропа (Castrop), Wellinghofen, Weisinghofen, Niederhofen, два Benninghofen, Berghofen, Westhofen, Wendhofen — все у Гельвега и т. д. До самых времен язычества восходит Ereshofen на Аггере, Martis villa [город Марса], и уже название бога войны — Эру — показывает, что здесь немыслимы алеманны; они называли себя тиувари (Tiuwâri), называли своего бога, следовательно, не Эру, а Тиу, позднее, в результате передвижения согласных, — Циу (Ziu).

На левом берегу Рейна с алеманнским происхождением *hofen* дело обстоит еще хуже. Здесь опять-таки имеется Eppinghofen к юго-востоку от Ксантена и, следовательно, может быть, уже салгический, а начиная отсюда к югу вся рипуарская территория пере-

полнена этими *hofen* наряду с *hof* для отдельных поместий. Когда же мы переходим на салическую территорию, дело становится еще хуже. По Маасу, начиная с границы французского языка, по обоим берегам все время тянутся *hofen*. Для краткости мы тут же перейдем на западный берег. Здесь мы находим в Голландии и Бельгии, по меньшей мере, семь *Orhoven*, в Голландии *Kinkhofen* и т. д.; для Бельгии мы возьмем прежде всего секцию Лёвен (Рейман, № 139). Здесь имеются: *Ruykhoven*, *Schalkhoven*, *Bommershoven*, *Wintershoven*, *Mettecoven*, *Helshoven*, *Engelmannshoven* у Тонгерна; *Tonhoven*, *Reckhoven*, *Konningshoven* близ Гассельта; далее к западу *Boyenhoven*, *Schuerhoven*, *Nieuwenhoven*, *Grischorshoven*, *Banlershoven* у Сен-Трюяна; на крайнем западе—*Gussenhoven* и *Droenhoven* к востоку и северо-востоку от Тирльмона (Тинен). В секции Тюрну (*Turnhout*) (№ 120) по крайней мере 33 *hoven*, большая их часть — на бельгийской территории. Далее к юго-западу идет *hove* (окончание дательного падежа *n* здесь закономерно опускается) вдоль всей пограничной линии французского языка: от *Neerlinckhove* и *Nieuwenhove* близ Нинова (*Ninove*), который сам представляет романизованное *hove* (средние члены, числом около 10, я опускаю) до *Ghyveninckhove* и *Collinckhove* близ Диксмойдена (*Dixmuyden*) и *Volkerinckhove* у Сент-Омера во французской Фландрии. *Nieuwenhove* встречается три раза; это указывает на то, что окончание еще живет в народе. Наряду с этим очень многочисленные отдельные поместья на *hof*. На основании сказанного можно судить о якобы исключительно алеманском характере *hofen*.

Наконец, переходим к *ingen*. Обозначение одинакового происхождения при помощи *ing*, *ing* свойственно всем германским племенам. Так как расселение происходило родами, то это окончание играет везде значительную роль в названиях мест. Иногда оно связывается в родительном падеже множественного числа с локальным окончанием: *Wolvaradingahusun* у Мюндена, *Sustingaham* (*Nottingham*) в Англии. Иногда для обозначения места употребляется только множественное число. *Flissingha* (*Vlissingen*), *Phladirhinga* (*Vlaardingen*), *Crastlingi* в голландской Фрисландии, *Grupilinga*, *Britlinga*, *Otlinga* в старой Саксонии. Эти названия в настоящее время большей частью сведены к дательному падежу и оканчиваются на *ingon*, реже на *ing*. Большинство племен знает и употребляет обе формы; алеманны, повидимому, предпочитают последнюю, по крайней мере в настоящее время. *Rümtingen* близ Лерраха раньше называлось (в 764 г.) *Romaninghova*, так что швабские *ingen* также иногда новейшего происхождения

(Mone, «Urgeschichte des badischen Landes», стр. 213) [Монэ, «Первобытная история Бадена»]. Швейцарские *kon* и *kofen* почти все получились из *inghofen*. Zollinchova — Zollikofen, Smarinchova — Schmerikon и т. д. Ср. F. Beust, «Histor. Atlas des Kantons Zürich» [Ф. Бейтс, «Истор. атлас Цюрихского кантона»], где их можно найти дюжинами на карте № 3, изображающей алеманнскую эпоху. Но так как они также встречаются у франков, саксов и фризов, то было бы очень смелым от наличия названий мест на *ingen* тут же делать вывод об алеманнском расселении.

Вышеприведенные названия показывают, что наименования на *ingas* (именительный множественного) и *ingim*, *ingon* (дательный множественного) не представляли ничего необычного от Шельды до Эльбы как у фризов, так и у саксов. Еще и теперь *ingen* не редкость во всей Нижней Саксонии. В Вестфалии по обеим сторонам Рура, к югу от линии Унна — Зёст, имеются по меньшей мере 12 *ingen* наряду с *ingsen* и *inghausen*. И везде, где имеется франкская территория, мы находим названия на *ingen*.

На правом берегу Рейна мы находим прежде всего в Голландии Wageningen на Рейне и Gendringen на Эйзеле (причем мы исключаем все названия, которые могут быть фризскими); в Бергском районе Huckingen, Ratingen, Esingen (непосредственно за ними на саксонской территории Hattingen, Sodingen, Ummingen), Heisingen у Вердена (производимое Гриммом от Silva Caesia Тацита, следовательно очень древнее), Solingen, Husingen, Leichlingen (на областной карте Leigelingon, т. е. тысячелетней древности), Guettingen и на Зиге Bödingen и Röcklingen, не считая двух названий на *ing*. Höningen у Рейнброля и Ellingen в районе Вида устанавливают связь с областью, лежащей между Рейном, Ланом и Диллем, где насчитывается по меньшей мере 12 *ingen*. Итти дальше на юг бесцельно, так как здесь начинается страна, уже бесспорно пережившая период алеманнского расселения.

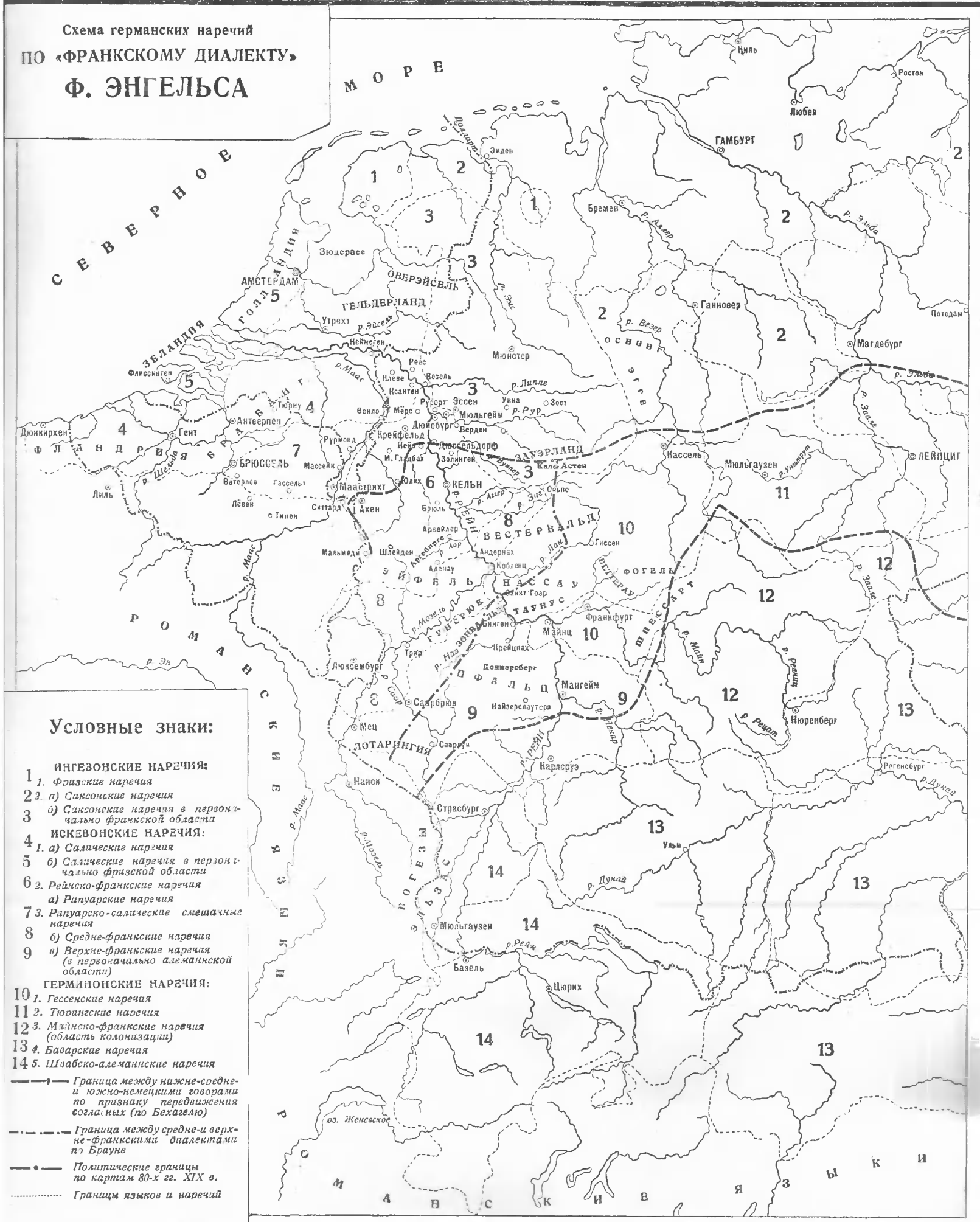
На левой стороне Рейна мы имеем Millingen в Голландии выше Неймегена, Lüttingen ниже Ксаитена, еще раз Millingen ниже Рейнберга, затем Kippingen, Rödingen, Hönningen, Worringen, Jühlingen — все севернее Кельна, Wesselingen и Köttingen близ Брюля. Отсюда названия на *ingen* идут в двух направлениях. В верхнем Эйфеле они редки; у Мальмеди на границе французского языка мы находим Büllingen, Hünningen, Mürringen, Iveldingen, Eibertingen, составляющие переход к очень многочисленным *ingen* в Люксембурге и в прусских и лотарингских верховьях Мозеля. Другая связующая линия идет вдоль Рейна и береговых долин (в районе Аар

7—8) и, наконец, вдоль долины Мозеля также к району, лежащему выше Трира; здесь *ingen* преобладают, но отделяются от большой массы алеманско-швабских *ingen* сначала названиями на *weiler*, а затем на *heim*. Итак, если мы, согласно требованию Арнольда, «взвесим все обстоятельства в их взаимной связи», то мы придем к заключению, что *ingen* в немецких верховьях Мозеля — франкские, а не алеманнские.

Как мало мы нуждаемся здесь в помощи алеманнов, станет вполне ясным только после того, как мы проследим *ingen* от франко-рипуарской языковой границы у Аахена по салической территории. У Маасейка к западу от Мааса расположен Geystingen, дальше к западу близ Брэ — Gerdingen. Затем, если мы снова возьмем секцию Лёвен № 139, то найдем: Mogertingen, Vlytingen, Rixingen, Aerdelingen, Grimmsingen, Gravelingen, Ordange (вместо Ordingen), Bavingen, Hatingen, Buvingen, Hundelingen, Bovingen, Curange, Reppertingen, Boswiningen, Wimmertingen и другие в районе Тонгерна, Сен-Трюяна и Гассельта. Наиболее западные недалеко от Лёвена — Willenbringen, Redingen, Grimmingen. Здесь связь как будто прерывается. Но если мы перейдем на территорию, на которой в настоящее время говорят по-французски, но в VI—IX веках шла борьба двух языков, то, начиная от Мааса, находим целый пояс офранцузенных *ange*; эта форма в Лотарингии и Люксембурге также соответствует *ingen*; идя с востока на запад — Ballenge, Roclenge, Ortrange, Loutremange, Roclang, Libertange, Noderange, Herdange, Oderinge, Odange, Gobertang, Watrenge; немного дальше на запад Louverange у Вавра и Ravelinge у Ватерлоо восстанавливают связь с Huysinghen и Stutinghen, передовыми постами группы в 20 с лишним *inghen*, которые тянутся к юго-западу от Брюсселя вдоль языковой границы от Галя (Hal) до Граммона (Grammont). И, наконец, во французской Фландрии: Gravelingen, Wulverdingen (т. е. совсем древне-саксонское Wolvaradinges-hûsun), Leubringhen, Leulinghen, Bonninghen, Peuplingue, Herdinghen, Hermelingen; у Сент-Омера и вплоть до Булони — Herbringhen, Hocquinghen, Vellinghen, Lottinghen, Ardinghen, — все резко отделены от еще более многочисленных в этой местности названий на *inghen* (= *ingheim*).

Итак, три окончания, которые Арнольд считает специфически алеманнскими, оказались в такой же мере и франкскими, и попытку доказать на основании этих названий, что на средне-франкской территории до франкского расселения имело место алеманнское, следует признать неудавшейся. При этом все же допустима возможность существования не очень силь-

Схема германских наречий
ПО «ФРАНКСКОМУ ДИАЛЕКТУ»
Ф. ЭНГЕЛЬСА

Условные знаки:

- ИНГЕЗОНСКИЕ НАРЕЧИЯ:**
 1. Фризские наречия
 2. а) Саксонские наречия
 б) Саксонские наречия в первоначально франкской области
- ИСКЕВОНСКИЕ НАРЕЧИЯ:**
 1. а) Салические наречия
 б) Салические наречия в первоначально фризской области
 2. Рейнско-франкские наречия
 а) Рипуарские наречия
 7.3. Рипуарско-салические смешанные наречия
 8. б) Средне-франкские наречия
 9. в) Верхне-франкские наречия (в первоначально алеманнской области)
- ГЕРМИОНСКИЕ НАРЕЧИЯ:**
 10.1. Гессенские наречия
 11.2. Тюрингские наречия
 12.3. Майнско-франкские наречия (область колонизации)
 13.4. Баварские наречия
 14.5. Швабско-алеманнские наречия
- — — — — Граница между нижне-средне- и южно-немецкими говорами по признаку передвижения согласных (по Бехагелю)
 - - - - - Граница между средне- и верхне-франкскими диалектами по Брауне
 — — — — — Политические границы по картам 80-х гг. XIX в.
 Границы языков и наречий

ного алеманнского элемента в юго-восточной части этой области.

От алеманнов Арнольд ведет нас к хаттам. За исключением собственно рипуариев, они будто бы занимали после алеманнов и одновременно с ними территорию, расположенную к югу от области *Ripuaria*, т. е. ту, которую мы называем средне-и верхне-франкской. И это обосновывается наличием в этом районе наряду с алеманскими и гессенских названий мест: «Совпадение местных названий по обе стороны Рейна до алеманнской границы столь замечательно и поразительно, что оно было бы настоящим чудом, если бы оно было случайным; но оно представляется, напротив, совершенно естественным явлением, если только предположим, что переселенцы давали принесенные с родины названия своим новым поселениям, как это еще и теперь постоянно делают в Америке».

Против этого положения мало что приходится сказать. Тем более против заключения, что собственно рипуарии не имели никакого отношения к заселению всей средне-франкской и верхне-франкской области и что мы находим здесь только алеманнов и хаттов. Большая часть хаттов, которые ушли со своей родины на запад (как батавы, каннинефаты и хаттуарии), повидимому уже в давние времена присоединились к искевонам. Да и куда им было обратиться? В течение двух первых веков нашей эры хатты были связаны с остальными герминонами только в тылу через посредство тюрингов; с одной стороны, у них были ингевонские херуски, с другой — искевоны, а впереди — римляне. Герминонские племена, которые впоследствии объединенно выступают как алеманны, пришли из внутренней Германии, были в течение столетий отделены от хаттов тюрингами и другими племенами и сделались им гораздо более чуждыми, чем искевонские хавки, с которыми они были связаны в продолжение многих веков как соратники по оружию. Таким образом, участие хаттов в заселении рассматриваемой территории не подлежит сомнению. Но сомнению подлежит выключение отсюда рипуариев. Это последнее будет доказано только в том случае, если здесь не встретятся специфически рипуарские названия. Имеет место обратное явление.

Из окончаний, приводимых Арнольдом в качестве специфически франкских, *hausen* — обще франкам, саксам, гессам и тюрингам; *heim* звучит в салическом наречии, как *ham*; *bach* в салическом и нижне-рипуарском звучит, как *beek*; из других только *scheid* действительно характерно. Оно специфически рипуарское, как *ich*, *rath* или *rade* и *sieren*. Далее, обоим франкским диалектам общи: *loo* (*loh*), *donk* и *bruch* или *broich* (по-салически — *broek*).

Scheid встречается только в горах и, как правило, лишь в местностях у водоразделов. Франки оставили это окончание во всем вестфальском Зауерланде, до гессенской границы, где оно еще встречается только в горных названиях до восточных окрестностей Корбаха. На Руре древне-франкскому *scheid* противостоит преобразованное по-саксонски *schede*: Melschede, Selschede, Meschede, тут же рядом Langscheid, Ramscheid, Bremscheid. Частое в Бергском районе, оно встречается на правом берегу Рейна до самого Вестервальда, но не южнее. Наоборот, налево от Рейна *scheid* естественно начинается только в Эйфеле *; в Люксембурге их по меньшей мере 21, в Гохвальде и Гунсрюкене они часты. Но как к югу от Лана, так и здесь, на восточном и южном склонах Гунсрюкена и Зоонвальда, к ним присоединяется форма «*schied*», которая, повидному, представляет адаптацию гессенским наречием. Обе формы тянутся рядом к югу, через Наа (Nahe), до Вогез, где мы находим Beisterscheid к западу от Доннерсберга, Langenscheid у Кайзерслаутерна, плоскогорье Breitscheid к югу от Гохшпейера, Haspelscheid у Блча, Scheidwald к северу от Лютцельштейна, наконец, в качестве самого южного поста, Walscheid на северном склоне Донона, южнее даже деревни Гессена у Саарбурга, самого крайнего хаттского поста по Арнольду.

Далее, специфически рипуарским является *ich* от того же корня, что и *ach*, готское *ahva* — Wasser [вода]; оба онемечивают также бельгийско-римское *acum*, как доказывает Tiberiacum, на областной карте — Civitana, в настоящее время Ziewerich. На правом берегу Рейна оно встречается не очень часто; Meiderich и Lirich у Рурорта самые северные; начиная отсюда, они тянутся вдоль Рейна до Bieberich. Левобережная рейнская равнина, начиная от Buderich, напротив Везеля, полна ими; они идут через Эйфель до самого Гохвальда, Гунсрюкена, но исчезают в Зоонвальде и в районе Наа еще до того, как прекращаются *scheid* и *roth*. Напротив, в западной части нашей области они продолжают до самой границы французского языка и за эту границу. Оставляем в стороне Трирскую область, где их множество; в голландском Люксембурге я насчитываю их двенадцать; еще по ту сторону границы, в Бельгии — Törnich и Merzig (Messancy — орфография *ig* ничего не меняет; этимология и произношение те же), в Лотарингии, к западу от Мозеля — Sontrich, Senzich, Merspich, Despich; к востоку от него Kunzich, Penserich, Semplich, Destrinch, два раза Kerprich, Hibrich, Halsprich.

* На равнине я нахожу только Waterscheid к востоку от Гассельта, в бельгийском Лимбурге, где мы уже выше наблюдали сильную рипуарскую примесь.

Окончание *rade*, *rad*, на левом берегу Рейна *rath*, также далеко выходит за пределы своей старой рипуарской родины. Оно заполняет весь Эйфель, долину среднего и нижнего Мозеля, а также его боковые долины. В той же местности, где *scheid* смешивается с *schied*, встречаются на обоих берегах Рейна *rod* и *roth* наряду с *rad* и *rath* также гессенского происхождения. Только на правом берегу, в Вестервальде, *rod* заходил дальше на север. В Гохвальде на северном склоне, как правило, названия на *rath*, на южном — на *roth*.

Наименее продвинулось *siepen* с передвижением согласных *seifen*. Этим словом обозначают маленькую долину ручья с крутым скатом, и оно еще повсюду употребляется в этом смысле. Налево от Рейна оно не выходит далеко за старую рипуарскую границу, направо от Рейна оно встречается в Вестервальде на Нистере и еще у Лангеншвальбаха.

Рассмотрение других окончаний завело бы нас слишком далеко. Но, во всяком случае, мы должны бесчисленные *heim*, которые следуют по Рейну вверх по течению от Бингена далеко на алеманнскую территорию и вообще встречаются повсюду, где селились франки, объявить не хаттскими, а рипуарскими. Их родина — не Гессен, где они попадают лишь изредка и куда они, повидимому, проникли лишь впоследствии, а Салическая земля и Рейнская равнина в окрестностях Кельна, где они встречаются почти в том же числе, что и другие специфически рипуарские названия.

Результат настоящего исследования, таким образом, тот, что рипуарии отнюдь не были задержаны у Вестервальда и Эйфеля потоком гессенского переселения, а, напротив, сами наводнили всю средне-франкскую территорию. И притом сильнее в направлении на юго-запад в бассейн верхнего Мозеля, чем на юго-восток, к Таунусу и в бассейн Наэ. Это подтверждает и язык. Юго-западные говоры до самого Люксембурга и Западной Лотарингии гораздо ближе к рипуарскому, чем восточные, особенно рейнские правобережные. Первые можно считать продолжением рипуарского, в большей степени подвергшимся верхне-немецкому передвижению согласных.

Характерной чертой средне-франкских говоров служит прежде всего проникновение верхне-немецкого передвижения согласных. Это не только передвижение нескольких глухих согласных в придыхательные, которое охватывает сравнительно немного слов и не затрагивает характера говора, а начинающееся передвижение *звонких согласных* (*Medien*), которое влечет за собою своеобразное средне- и южно-немецкое смешение *b* и *p*, *g* и *k*, *d* и *t*.

Только там, где не представляется возможным провести строгое различие между *b* и *p*, *d* и *t*, *g* и *k* в начале слова, т. е. имеет место то, что французы преимущественно разумеют под *accent allemand* [немецкий акцент], только там представитель нижне-немецкого наречия начинает ощущать тот великий разрыв, который произвело в немецком языке второе передвижение согласных. И этот разрыв проходит между Зигом и Ланом, между Ааром и Мозелем. В соответствии с этим в средне-франкском диалекте имеется в начале слова *g*, отсутствующее в более северных диалектах, но в середине и в конце слова еще произносится звонкое *ch* вместо *g*. Кроме того, *ei* и *oi* северных диалектов переходит в *ai* и *au*.

Несколько чисто франкских особенностей: во всех саллических и рипуарских говорах *Vach* [ручей], не измененное передвижением согласных *Beek* — женского рода. Это имеет также место, по меньшей мере, в самой большой западной части средне-франкского наречия. Подобно бесчисленным другим одноименным *Bäche* [ручьи] в Нидерландах и на Нижнем Рейне, и люксембургское *Glabach* (*Gladbach*, по-нидерландски *Glabeeck*) также женского рода. С другой стороны, имена девушек рассматриваются как существительные среднего рода: от Бармена и за Трир говорят не только *das Mädchen*, *das Mariechen*, *das Lisbethchen*, но и *das Marie*, *das Lisbeth*. На карте, составленной первоначально французами, указан у Форбаха в Лотарингии «*Karninschesberg*» (*Kaninchenberg*) [Кроличья гора]. Следовательно, то же уменьшительное окончание *schen*, во множественном числе *sches*, которое мы выше установили как рипуарское.

От водораздела между Мозелем и Наэ и у холмистой местности направо от Рейна, к югу от Лана, начинается новая группа языков.

3. *Верхне-франкское наречие*. Здесь мы находимся на территории, которая первоначально, несомненно, была областью алеманнского завоевания (если не говорить о более раннем заселении ее вангионами и другими, о племенном родстве и языке которых мы ничего не знаем) и в пределах которой мы охотно допускаем также более сильную хаттскую примесь. Но нам нет надобности повторять, что и здесь названия мест указывают на присутствие отнюдь не незначительных рипуарских элементов, особенно на рейнской равнине. Но еще больше указывает на это самый язык. Возьмем самый южный поддающийся определению диалект — пфальцский, на котором к тому же имеется литература. Здесь мы опять встречаемся с тем фактом, что все франки лишены возможности произносить звук *g* в середине

и в конце слова иначе, как звонкий *ch* *. Здесь говорят: Vöchel [птица], Flechel [цеп], geleche (gelegen) [удобный], gsacht — gesagt [сказанный], licht — liegt [лежит] и т. д. Точно так же общефранкское *w* вместо *b* в середине слова: Bûwe — Buben [мальчик], glâwe — glauben [верить] (но *i glâb*), bleiwe [оставаться], selwer — selbst [сам], halwe — halbe [половина]. Передвижение согласных далеко не столь совершенное, как это кажется на первый взгляд; встречается даже, именно в иностранных словах, обратное передвижение согласных (Rückverschiebung), т. е. шумный согласный в начале слова передвигается на одну ступень не вперед, а назад; как увидим ниже, *t* превращается в *d*, *p* в *b*; *d* и *p* в начале слова остаются на нижне-немецкой ступени: dûn — thun [делать], dag [день], danze [пляшу], dÛr [дверь], dodt [мертвый]; но не перед *r*: trinke [пью], trage [несу]; raff — Pfaff [поп], reife [дудка], palz — Pfalzparre — Pfarrer [священник]. Так как, однако, *d* и *p* стоят вместо литературных верхне-немецких *t* и *pf*, то и в иностранных словах происходит обратное передвижение начального *t* в *d*, а начального *p* в *b*: derke — TÛrke [турок], dafel — Tafel [доска], babeer — Papier [бумага], borzlan — Porzellan [фарфор], bulwer — Pulwer [порох]. Затем пфальцкий диалект, совпадающий в этом отношении только с датским, не терпит глухих согласных между гласными: ebbes — etwas [что-нибудь], labbe — Lappen [тряпка], schlubbe — schlupfen [ускользнуть], schobbe — Schoppen [кружка], Peder — Peter, dridde — dritte [третий], godhe — raten [угадать]. Только *k* составляет исключение: brocke, baske; но в иностранных словах *g*: musigande — Musikanten. Это также остаток нижне-немецкой ступени звуков, который получил дальнейшее распространение благодаря обратному передвижению согласных; только благодаря тому, что dridde, hadde не подверглись передвижению согласных, из Peter могло получиться Peder и, таким образом, соответствующие литературные верхне-немецкие *t* подверглись одинаково беспристрастному обращению. Точно так же остается *d* на нижне-немецкой ступени в halde — halten [держат], alde — alte [старые] и т. д.

Несмотря на то, что пфальцкий говор производит на представителя нижне-немецкого наречия общее впечатление определенно верхне-немецкого говора, он все же далеко не воспринял верхне-немецкого передвижения согласных, хотя бы в такой мере, в какой его сохраняет наш литературный язык. Наоборот, пфальцкий говор

* Все цитаты взяты из «Fröhlich Palz, Gott erhalt's. Gedichte in Pfälzer Mundart», von K. G. Nadler. Frankfurt a. M. 1851. [«Веселый Пфальц, да сохранил тебя бог. Стихотворения на пфальцском наречии». К. Г. Надлер].

своим обратным передвижением согласных протестует против верхне-немецкой ступени [передвижения], которая, проникнув в этот говор извне, до сих пор остается чуждым ему элементом. Здесь уместно рассмотреть явление, которое обычно неправильно понимается: смещение *d* и *t*, *b* и *p*, даже *g* и *k* у тех немцев, в диалекте которых звонкие согласные подверглись верхне-немецкому передвижению. Этого смещения не бывает, пока каждый говорит на *своем говоре*. Напротив, мы только что видели, что, например, житель Пфальца проводит здесь строгое различие, настолько строгое, что даже в иностранных словах производит обратное передвижение согласных, для того чтобы приспособить их к требованиям своего диалекта. Иностранное *t* в начале слова только потому превращается у него в *d*, что *t* немецкого литературного языка соответствует его *d*, а иностранное *p* потому превращается в *b*, что его *p* соответствует *pʃ* немецкого литературного языка. Не больше смешиваются шумные согласные в других южно-немецких говорах, пока говорят на *говоре*. Каждый из них имеет свой собственный, строго проведенный закон передвижения согласных. Дело меняется, как только начинают говорить на литературном или на чужом языке. Всякая попытка применить к ним закон передвижения согласных, свойственный данному говору, — а такая попытка делается произвольно, — приходит в коллизию с попыткой правильно говорить на новом языке. При этом писанные буквы *b* и *p*, *d* и *t* теряют всякое определенное значение; поэтому и мог иметь место, например, случай с Берне; он жаловался в своих парижских письмах, что французы якобы не умеют различать *b* и *p*, так как упорно полагали, будто его фамилия, которую он произносил как *Regne*, начинается на *p*.

Но вернемся к пфальцскому говору. Для того чтобы установить преимущественно франкский характер пфальцкого говора, совершенно достаточно доказать, что верхне-немецкое передвижение согласных было, так сказать, извне ему навязано и до сих пор осталось чуждым элементом, не достигнув даже звуковой ступени литературного языка, за которую далеко перешагнули алеманны и баварцы, в общем сохранившие ту или иную ступень древне-верхне-немецкого языка. Даже в Гессене, лежащем гораздо севернее, передвижение в общем проведено дальше; таким образом, якобы преимущественно гессенский характер пфальцкого говора сводится к скромным размерам. Для того чтобы у самой алеманнской границы среди оставшихся алеманнов оказывать такое сопротивление верхне-немецкому передвижению согласных, для этого рядом с верхне-немецкими по существу гессами здесь же должно было быть, по мень-

шей мере, столько же рипуариев. А их присутствие еще доказывается— кроме названий мест — двумя общефранкскими особенностями: сохранением франкского *w* вместо *b* в середине слова и проигношением *g*, как *ch*, в середине и в конце слова. К этому присоединяется еще много отдельных случаев совпадения. С пфальцским *Gundach—guten Tag* [добрый день] можно дойти до Дюнкпирхена и Амстердама. Как в Пфальце говорят *ein sichrer Mann* [надежный человек] в смысле *ein gewisser Mann* [известный человек], так во всей Голландии—*een zekeren man*. *Handsching* вместо *Handschuh* [перчатка] совпадает с рипуарским *Händschen*. Даже *g* вместо *j* в *Ghannisnacht* (*Johannisnacht*) есть рипуарское явление и доходит, как мы видим, до области Мюнстера. И общее всем франкам, даже нидерландцам, *baten* (*bessern, nützen* [исправить, помочь] от *bat, besser*) употребительно в Пфальце: *'s badd alles nix, es hilft alles nichts* [все это не поможет]; здесь даже *t* не передвинуто по верхне-немецки в *tz*, а пфальцски перешло между гласными в звонкое *d*.

Написано около 1881—1882 гг.

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве ИМЭЛ.*

[О РАЗЛОЖЕНИИ ФЕОДАЛИЗМА И РАЗВИТИИ БУРЖУАЗИИ.]

В то время как неистовые битвы господствующего феодального дворянства заполняли средневековые своим шумом, незаметная работа угнетенных классов подрывала феодальную систему во всей Западной Европе, создавала условия, в которых феодалу оставалось все меньше и меньше места. Правда, в деревне феодалы хозяйничали еще во-всю, истязали крепостных, роскошествовали, в то время как те обливались потом, вытаптывали их посевы, насиловали их жен и дочерей. Но кругом уже выросли города; в Италии, Южной Франции, на Рейне возродились из собственного пепла староримские муниципии; в других местах, особенно внутри Германии, создавались новые города; все они были обнесены для обороны стенами и рвами, их крепости были гораздо более неприступными, чем дворянские замки, потому что взять их можно было только с помощью значительного войска. За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло, — правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью, — накопились первые капиталы, возникла потребность взаимного общения городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью создавались также и средства охраны этого общения (Verkehr).

В XV веке городские бюргеры стали в обществе уже более необходимы, чем феодальное дворянство. Правда, земледелие было все еще главной отраслью производства, в нем была занята громадная масса населения. Но небольшое количество свободных крестьян, уцелевших кое-где от притязаний дворянства, достаточно убедительно доказывало, что в земледелии суть-то совсем не в туеядстве и вымогательствах дворянина, а в труде крестьянина. Да к тому же и потребности дворянства настолько выросли и изменились, что даже и ему стали нужны города; ведь оно же получало свое единственное орудие производства — свой панцырь и свое оружие из города! Сукно, мебель и украшения, производящиеся внутри страны, итальянские шелка, брабантское кружево, северные меха, арабские благовония, восточные фрукты, индийские пряности — все это, за исключением мыла, оно получало у горожан. Возникла

в некотором роде мировая торговля; итальянцы плавали по Средиземному морю и за его пределы вдоль берегов Атлантического океана до Фландрии. Несмотря на соперничество голландцев и англичан, Северное и Балтийское моря все еще находились во власти ганзейцев. Между северными и южными центральными гаванями, куда сходились морские пути сообщения, связь поддерживалась сухопутным путем; эти пути, по которым поддерживалась эта связь, проходили через Германию. В то время как дворянство становилось все более и более излишним и мешало развитию, горожане стали классом, который воплотил в себе дальнейшее развитие производства и обмена (*Verkehr*), просвещения, социальные и политические учреждения.

Все эти успехи производства и обмена с современной нам точки зрения носили очень ограниченный характер. Производство оставалось замкнутым в рамках чисто цехового ремесла, следовательно, по существу, сохраняло еще феодальный характер; торговля шла в пределах европейских вод и не распространялась дальше левантийских прибрежных городов, в которых происходил обмен на продукты дальнего Востока. Но хотя ремесла и вместе с ними и горожане-ремесленники были мелки и ограничены, у них хватило силы совершить переворот в феодальном обществе, и они, по крайней мере, находились в движении, в то время как дворянство коснело в неподвижности.

Притом у жителей городов было могучее оружие против феодализма — *деньги*. В образцовых феодальных хозяйствах раннего средневековья для денег почти вовсе не было места. Феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда, или в виде готового продукта; женщины пряли и ткали лен и шерсть и шили платья; мужчины обрабатывали поля, дети пасли скот господина, собирали для него грибы и ягоды, птичьи гнезда, подстилку для скота; кроме того вся семья должна была доставлять еще зерно, овощи, яйца, масло, сыр, птицу, молодняк скота и многое другое. Каждое феодальное хозяйство само удовлетворяло свои нужды целиком, даже военные поставки собирались продуктами. Торговли, обмена не было, деньги были излишни. Европа дошла до такого низкого уровня, ей настолько приходилось начинать все сызнова, что деньги обладали тогда гораздо менее общественной функцией, а лишь политической: они служили для *уплаты налогов* и добывались главным образом *грабежом*.

Теперь все это совершенно изменилось, деньги снова стали всеобщим средством обмена, и в силу этого масса их значительно

увеличилась. И дворянство тоже уже не могло обходиться без них. А так как у него очень мало было или даже вовсе ничего не было такого, что можно было бы продавать, — грабить же теперь стало также не так-то уж легко, — ему пришлось решиться прибегать к займам у городского ростовщика. Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты выстрелами новых орудий, их основы были подрыты деньгами. На самом деле порох был, так сказать, простым судебным исполнителем на службе у денег. Деньги были великим политическим уравнителем бюргерства. Всюду, где личное отношение было вытеснено денежным отношением, натуральная повинность — уплатой денег, там место феодального отношения заступало буржуазное. Правда, в большинстве случаев в деревне продолжало существовать старинное грубое натуральное хозяйство; но уже были целые округа, где, как, например, в Голландии, Бельгии, на Нижнем Рейне, крестьяне вместо барщины и оброка натурой платили господам деньги, где господа и подданные сделали уже первый решительный шаг к превращению в землевладельца и арендатора, где, следовательно, и в деревне тоже политические учреждения феодализма лишались своей общественной основы.

До какой степени в конце XV столетия деньги подкопали и развели изнутри феодализм, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой; *золота* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег. Но эта тяга к далеким путешествиям, приключениям в поисках золота хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, все же была в корне несовместима с феодализмом; основой последнего было земледелие, и завоевательные походы его по существу дела имели целью *приобретение земель*. К тому же мореплавание было определено буржуазным *промыслом*, который наложил печать своего антифеодального характера также и на все современные военные флоты.

В XV столетии во всей Западной Европе феодализм находился, таким образом, в полном упадке; повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами, с собственным правом и с вооруженным бюргерством. Они поставили феодалов в зависимость от себя, отчасти в общественном порядке с помощью денег, а кое-где даже и политически; даже в деревне, там, где зем-

ледение поднялось более высоко в силу особо благоприятных условий, старые феодальные связи стали ослабевать под действием денег; только во вновь завоеванных землях, как, например, в Ост-Эльбской Германии, или в иных отсталых, удаленных от торговых путей областях продолжало процветать старое дворянское господство. Но и в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в короле. И здесь мы подходим к тому пункту, когда рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений государственных, где мы от экономики переходим к политике.

Из этой сутолоки народов, которая существовала в раннее средневековье, развились постепенно новые национальности, процесс, в котором, как известно, побежденное население в большинстве когда-то бывших римских провинций, побежденные крестьяне и горожане ассимилировали себе победителя, германского завоевателя. Следовательно, современные национальности являются также продуктом угнетенных классов. Каким образом в одном месте происходило слияние, в другом разделение — об этом нам дает наглядное представление карта округов (Gau) средней Лотарингии, составленная Менке *. Стоит только проследить границу между романскими и германскими названиями мест, чтобы убедиться, что она в Бельгии и Нижней Лотарингии в общем совпадает с существовавшей 100 лет назад границей между французским и немецким языком. Кое-где встречается узкая полоска, где оба языка борются за преобладание; но в общем совершенно ясно, что должно быть немецким, что романским. Древне-нижне-франкская и древне-верхне-немецкая форма большинства названий мест на карте доказывает, что они относятся к IX, самое позднее к X веку, что, следовательно,

* *Spruner-Menke*, Handatlas zur Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit. 3 Aufl. Gotha, 1874, Karte № 32 [*Шпрунер-Менке*, Атлас по истории средних веков и нового времени, 3-е изд., Гота, 1874, карта № 32.]

граница в главных чертах была проведена в конце каролингского периода.

На романской стороне можно найти, в особенности поблизости от тех мест, где проходит граница языков, смешанные имена, составленные из германского имени и романского названия местности, например главным образом на Маасе близ Вердена: *Erpone curtis*, *Rotfridi curtis*, *Ingolini curtis*, *Teudegisilo villa*, ныне Иппекур, Рекур ла Кре, Анбленкур сюр Эр, Тьервилль. Это были франкские резиденции феодалов (*Herrensitze*), мелкие немецкие колонии на романской земле, которые рано или поздно подверглись романизации. В городах и отдельных частях страны находились более крупные немецкие колонии, которые более продолжительное время сохранили свой язык; из такой колонии, например, еще в конце IX века вышла *Ludwigslied*; то, что еще раньше большая часть франкских дворян (*Herren*) была романизирована, доказывают формулы присяги королей и феодалов (*Grossen*) 842 г., в которых романский язык уже является официальным языком Франкского королевства.

Как только произошло разграничение на группы по языку (оставляя в стороне позднейшие завоевательные войны и такие войны, ставившие своей целью полное истребление, которые велись, например, против приэльбских славян), вышло само собой, что эти группы стали служить основой образования государств, что национальности стали развиваться в нации. Насколько силен был этот стихийный процесс уже в IX веке, доказывает быстрый распад смешанного государства Лотарингии. Правда, в течение всего средневековья границы языка далеко не совпадали с границами государств; но все же каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством, и тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века.

В каждом из этих средневековых государств король представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они находились в состоянии непрерывного бунта. Основное отношение всего феодального хозяйства — пожалование в лен земли за определенные личные услуги и дань — даже в своем первоначальном, простейшем виде давало достаточно поводов к ссорам, в особенности когда так много народа было заинтересовано в том, чтобы находить поводы для смут. Как можно было избежать конфликтов в эпоху позднего средневековья, когда ленные отношения во всех

землях образовывали запутанный клубок прав и обязанностей, дарованных, отнятых, снова возобновленных, прекратившихся вследствие давности, измененных или каким-либо иным способом обусловленных, — клубок, который никак невозможно было распутать? Карл Смелый, например, был в одной части своих земель ленником императора, в другой — ленником короля Франции; с другой стороны, король Франции, его сюзерен (Lehnsherr) был в то же время в известных областях ленником Карла Смелого, своего собственного вассала. Как тут было избежать конфликтов? Вот в чем причина той длившейся столетия переменчивой игры силы притяжения вассалов к королевскому центру, который один был в состоянии защищать их от внешнего врага и друг от друга, и силы отталкивания от центра, в которую постоянно и неизбежно превращается эта сила притяжения; вот причина непрерывной борьбы между королевской властью и вассалами, дикий шум которой в течение этого длительного периода, когда грабеж был единственным достойным свободного мужа способом добывать себе средства к существованию, заглушает решительно все; вот причина этой бесконечной, непрерывно продолжающейся вереницы предательских убийств, отравлений, коварств и всяческих низостей, какие только возможно вообразить, которые скрываются под поэтическим именем рыцарства и при наличии которых все же решаются говорить о чести и верности.

Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов; далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника.

Как короли, так и горожане нашли могущественную поддержку в сословии *юристов*, влияние которого возрастало. Одновременно с тем, когда снова открыли римское право, установилось разделение труда — между попами, юридическими консультантами феодаль-

ной эпохи, и учеными юристами, не принадлежавшими к духовному сословию. Эти новые юристы, разумеется, по самому существу своему принадлежали к городскому сословию; да к тому же и то право, которое они изучали сами, которому учили других и которое применяли, по характеру своему было решительным образом антифеодальным и в известных отношениях буржуазным. Римское право настолько является классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений. Но буржуазная собственность средних веков была еще сильно связана феодальными ограничениями, состояла, например, главным образом из привилегий. Таким образом, римское право по сравнению с тогдашними буржуазными условиями ушло далеко вперед. Дальнейшее историческое развитие буржуазной собственности могло состоять только в том, что она, как это и случилось, стала развиваться в чистую частную собственность. Это развитие должно было найти могучий рычаг в римском праве, в котором содержалось уже в развитом виде все то, к чему городское сословие позднего средневековья стремилось пока еще только бессознательно.

Правда, во множестве отдельных случаев римское право служило предлогом к еще большему угнетению крестьян дворянством, в том случае, например, когда крестьяне не могли представить никаких письменных доказательств их свободы от обычных налогов, — но это по существу нисколько не меняет дела. Дворянство нашло бы и без римского права сколько угодно таких предлогов и ежедневно их находило. Во всяком случае, огромным прогрессом было то, что в силу вошло такое право, которому феодальные отношения абсолютно неизвестны и которое полностью предвосхитило современную частную собственность.

Мы видели, каким образом в обществе позднего средневековья феодальное дворянство в экономическом отношении начало становиться излишним, даже прямой помехой; каким образом и политически оно точно так же стояло поперек дороги и развитию городов и национальному государству, которое тогда было возможно только в монархической форме. Несмотря на все это, его поддерживало то обстоятельство, что за ним до сих пор сохранялась монополия в военном деле (*Waffenführung*), что без него невозможно было вести войны, невозможно было давать сражения. И в этом отношении дело должно было измениться: надо было сделать последний шаг, чтобы разъяснить феодальному дворянству, что наступил конец тому

периоду, когда оно господствовало в обществе и в государстве, что в качестве рыцарей оно не нужно больше даже и на поле битвы.

Вести борьбу против феодального хозяйства с помощью войска, которое само было феодальным, в котором солдаты были соединены со своим непосредственным сюзереном более тесной связью, чем с главнокомандующими королевской армии, — это, очевидно, означало возвращаться в заколдованный круг и не быть в состоянии сдвинуться с места. С начала XIV столетия короли стремятся освободиться от этого феодального войска, создать собственное войско. С этого времени мы в королевских армиях встречаем все более увеличивающуюся часть, состоящую из наемных и нанятых полков. Сначала это по большей части пехота, составленная из городских подонков, беглых крепостных, ломбардцев, генуэзцев, немцев, бельгийцев и т. д.; их употребляли главным образом для гарнизонов городов и для службы при осаде, в открытом бою на поле битвы сначала они были мало пригодны. Но уже в конце средних веков мы встречаем рыцарей, поступавших вместе со своими неизвестно каким путем набранными отрядами дружинников (*Gefolgschaften*) на службу иностранных государей, что было признаком окончательного крушения феодального военного устройства (*Kriegswesens*).

Одновременно создавалось основное условие для пригодной к войне пехоты в лице горожан и свободных крестьян там, где они были или вновь стали появляться. До тех пор рыцарство вместе со своей конной дружиной составляло не столько ядро войска, сколько самое войско; крепостные пешие ратники, состоящие при обозе и следующие за войском, в счет не шли; они появлялись на поле битвы только для того, чтобы обращаться в бегство, и для грабежа. До тех пор пока продолжался расцвет феодализма, до конца XIII века, рыцарство вело и решало все сражения. С этого момента повсюду дело меняется. Постепенное исчезновение крепостничества в Англии создало многочисленный класс свободных крестьян, землевладельцев (*yeomen*) или арендаторов — сырой материал для новой пехоты, умевшей владеть луком, английским национальным оружием того времени. Появление этих стрелков из лука, которые сражались всегда пешими, независимо от того, пользовались ли они во время переходов лошадьми или нет, послужило толчком к существенному изменению в тактике английских войск. Начиная с XIV столетия английское рыцарство предпочитало сражаться пешим там, где это допускала местность и прочие условия. Позади стрелков из лука,

которые начинают сражение и сламывают сопротивление врага, замкнутая фаланга спешившихся рыцарей выжидает вражеской атаки или подходящего момента для наступления, в то время как только часть рыцарей остается на конях, для того чтобы фланговыми атаками оказывать поддержку в решающий момент. Непрерывные победы англичан во Франции в то время в значительной степени были обусловлены как раз тем, что в войске восстановлен был элемент обороны. Сражения эти по большей части были оборонительными, сочетавшимися с наступательным ударом, подобно тому как Веллингтон действовал в Испании и Бельгии. С того времени как французы перешли к новой тактике — возможно, что с тех пор как наемные итальянские арбалетчики заняли у них место английских стрелков из лука, — победам англичан был положен конец.

Точно так же в начале XIV столетия пехота фландрских городов отважилась — и часто с успехом — выступать против французского рыцарства в открытом бою, а император Альбрехт своей попыткой предательски отдать свободных швейцарских крестьян в руки эрцгерцога австрийского, которым он сам же был, сам дал толчок созданию современной пехоты, завоевавшей себе славу во всей Европе. В результате тех побед, которые одержали швейцарцы над австрийцами и в особенности над бургундцами, пехота нанесла окончательное поражение закованным в железо рыцарям — на конях или спешенным, — начатки современного войска разбили на-голову феодальное войско, бюргеры и крестьяне победили рыцарей. И швейцарцы, для того чтобы с самого начала установить буржуазный характер своей первой независимой республики в Европе, сейчас же *обратили в деньги* свою военную славу. Все политические соображения исчезли; кантоны превратились в конторы для вербовки наемников для поступления на службу к тому, кто больше платит. И в других местах, главным образом в Германии, повсюду раздавался треск барабанов вербовщиков; но цинизм правительства, которое существовало как бы только для того, чтобы продавать своих подданных, не имел себе равного до тех пор, пока во времена глубочайшего национального унижения его не превзошли немецкие князья. Потом, в XIV же столетии арабы через Испанию ввели в Европе употребление пороха, артиллерии. До конца средних веков ручное огнестрельное оружие не имело значения, что понятно, так как лук английского стрелка при Креси стрелял так же далеко, как и ружье пехотинца при Ватерлоо и, может быть, еще более метко, хотя и не с одинаковой силой действия. Полевые орудия также

находились еще в своем младенческом возрасте; напротив, тяжелые пушки сделали уже много пробоин в стенах рыцарских замков и возвестили феодальному дворянству, что вместе с порохом пришел конец его царству.

Распространение книгопечатания, оживление изучения древней литературы, все культурное движение, которое с 1450 г. становилось все более сильным, все более всеобщим, — все это послужило на пользу бюргерству и королевской власти в борьбе против феодализма.

Совместное действие всех этих причин, усиливавшееся из года в год благодаря тому, что все они все более энергично действовали в одном и том же направлении, обеспечили во второй половине XV столетия победу над феодализмом, хотя и не бюргерства, но королевской власти. Повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще через феодальный строй, всюду королевская власть восторжествовала. На Пиренейском полуострове два тамошних племени, по языку романских, объединились в королевство Испанское; это подчинило говоривший на провансальском языке Арагон кастильскому литературному языку; третье племя объединило область, в которой господствовал его язык (за исключением Галисии), в королевство Португальское, в Иберийскую Голландию; оно отделилось от центральной части страны и своей деятельностью на море доказало свое право на отдельное существование.

Во Франции Людовику XI, наконец, после гибели Бургундского промежуточного государства (*Zwischenreichs*) удалось, на основе тогда еще очень урезанной французской территории (*Gebiet*), настолько восстановить национальное единство, представителем которого была королевская власть, что уже его преемник был в состоянии вмешаться в итальянские смуты, и единство это всего лишь однажды на непродолжительное время благодаря реформации было поставлено под вопрос.

Англия прекратила, наконец, свои дон-кихотские завоевательные войны во Франции, в которых она, если бы они продолжались дольше, истекла бы кровью; феодальное дворянство попыталось вознаградить себя войнами Роз и получило больше, чем искало; оно истребило себя во взаимной междоусобице и возвело на королевский трон Тюдоров, которые могуществом своей власти превзошли и всех своих предшественников и всех своих наследников. Скандинавские страны были объединены уже давно. Польша, королевская власть которой еще не ослабла, со времени своего объеди-

нения с Литвой шла навстречу периоду своего блеска, и даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III. Во всей Европе были еще только две страны, в которых не было ни королевской власти, ни без нее тогда невысказанного национального единства или они существовали на бумаге: Италия и Германия.

*Печатается по рукописи, хранящейся
в архиве ИМЭЛ.*

[ОБ АССОЦИАЦИИ БУДУЩЕГО.]

[на отдельном листке.]

Существовавшие до сих пор ассоциации, стихийно возникшие или же искусственно созданные, преследовали, в сущности, экономические цели, но прятали и скрывали эти цели за второстепенными идеологическими аксессуарами. Античный полис, средневековый город или цех, феодальный союз земельного дворянства — все имели побочные идеологические цели, святость которых они чтили и которые у патрицианского родового союза и у цеха возникали из воспоминаний, традиций и символов родового общества совершенно так же, как у античного полиса. Только капиталистические торговые общества — совершенно трезвые и положительные, но низменные.

Ассоциация будущего соединит трезвость капиталистических обществ с той заботой об общественном благосостоянии, которая была в древнем мире, и таким путем достигнет своей цели.

Написано в 1883 г.

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве ИМЭЛ.*

РОЛЬ НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ.

IV¹.

Применим теперь нашу теорию к современной немецкой истории и к ее насильственной практике крови и железа. Мы ясно увидим из этого, почему политика крови и железа должна была временно иметь успех и почему она, в конце концов, должна потерпеть крушение.

Венский конгресс в 1815 г. так разделил и распродал Европу, что весь мир убедился в полной неспособности монархов и государственных мужей. Всеобщая война народов против Наполеона была реакцией национального чувства, которое Наполеон попирает ногами у всех народов. В благодарность за это государи и дипло-

¹ Рукопись настоящей главы была найдена в бумагах Энгельса в конверте с надписью «Теория насилия». В этом конверте, кроме этой рукописи, было большое количество заметок и выписок, а также три главы из «Анти-Дюринга» (часть 2-я, гл. II, III и IV), носящие то же заглавие «Теория насилия». Энгельс готовил их к выпуску отдельной брошюрой под заглавием «Роль насилия в истории». В конверте находилось и предисловие к этой брошюре следующего содержания: «Настоящая работа представляет отдельный оттиск из моей книги «Переворот в науке, произведенный г. Е. Дюрингом», и содержит три главы, носящие название «Теория насилия». Они уже раньше появились отдельным изданием в русском переводе в качестве начала к русскому изданию моей работы «Развитие социализма от утопии к науке». В настоящем издании предстоит сделать самые необходимые изменения. Но для отдельного издания требуется особое прибавление.

Если я выпускаю в свет на немецком языке отдельную брошюру о «Роли насилия в истории», то немецкий читатель в праве потребовать, чтобы я не скрыл своего взгляда на значительную роль, какую сыграло насилие в последние тридцать лет в его же собственной истории. Поэтому я прибавляю еще одну главу, которая, разумеется, содержит только основные установки (Hauptgesichtspunkte). Может быть, впоследствии мне как-нибудь удастся подробнее разработать эту тему».

Четвертая глава брошюры, над которой Энгельс работал в 1888 г., осталась незаконченной. Только после смерти Энгельса она была напечатана в «Neue Zeit» (1895/96, т. I) под заглавием «Gewalt und Oekonomie bei der Herstellung des neuen Deutschen Reiches» [«Насилие и экономика при создании новой Германской империи»]. *Ред.*

маты Венского конгресса еще грубее попирали ногами это национальное чувство. Самая маленькая династия имела для них большее значение, чем великий народ. Германия и Италия были снова раздроблены на мелкие государства. Польша была четвертый раз разделена, Венгрия осталась под иноземным игом. И нельзя даже сказать, что народы были обижены: почему они это допустили и зачем приветствовали русского царя как своего освободителя?

Но так продолжаться не могло. С конца средних веков история ведет к созданию (Konstituierung) в Европе больших национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию (Verfassung) господствующей европейской буржуазии и служат вместе с тем необходимой предпосылкой для создания гармонического интернационального сотрудничества народов, без которого господство пролетариата не может существовать. Чтобы обеспечить международный мир, надлежит прежде всего устранить все, какие только возможно, национальные трения, каждый народ должен быть независимым и хозяином в собственной стране. И действительно, с развитием торговли, земледелия, промышленности, а вместе с тем и социального могущества буржуазии, начинался повсюду подъем национального чувства, а раздробленные и угнетенные нации стремились к объединению и самостоятельности.

Революция 1848 г. везде, кроме Франции, добивалась поэтому удовлетворения национальных требований наряду с требованиями свободы. Но позади буржуазии, которая в первый штурм оказалась победительницей, везде уже поднималась грозная фигура пролетариата, фактически одержавшего победу, и загнала буржуазию в объятия только что побежденного врага, в объятия монархической, бюрократической, полуфеодальной и военной реакции, от которой и потерпела поражение революция в 1849 г. В Венгрию, где обстоятельства сложились иначе, вторглись русские и подавили революцию. Не довольствуясь этим, русский царь приехал в Варшаву и стал править суд в качестве вершителя судеб Европы. Он назначил свою послушную креатуру, Христиана Глюксбургского, наследником датского престола. Он так унизил Пруссию, как она еще никогда не бывала унижена, воспретив ей даже и думать о том, чтобы воспользоваться объединительными стремлениями немцев, и заставив ее восстановить союзный сейм и подчиниться Австрии. Весь итог революции свелся, таким образом, на первый взгляд к тому, что в Австрии и Пруссии установился конституционный по форме, но

старый по духу образ правления и что русский царь стал властелином Европы в большей мере, чем когда-либо раньше.

В действительности, однако, революция выбила буржуазию из старой унаследованной рутины даже в раздробленных странах, в особенности в Германии. Она получила свою, хотя и скромную, долю политической власти, а всякий свой политический успех буржуазия использует для промышленного подъема. «Безумный год», оставшийся, к счастью буржуазии, позади, воочию доказал ей, что старой спячке и расхлябанности должен быть положен конец. Калифорнийско-австралийский золотой дождь и другие обстоятельства расширили до небывалых раньше размеров мировые торговые связи и вызвали невиданное оживление в делах, следовало только ухватиться за это и обеспечить себе свою долю. Бывшая в зачаточном состоянии крупная промышленность, возникшая за время с 1830 и особенно с 1840 г. на Рейне, в Саксонии, в Силезии, в Берлине и в отдельных южных городах, стала теперь быстро развиваться и расширяться; домашняя промышленность в сельских округах получила большое распространение, шло ускоренным темпом железнодорожное строительство, а выросшая, несмотря на все это, до огромных размеров эмиграция создала германское трансатлантическое пароходство, не нуждавшееся ни в каких субсидиях. Более прочно, чем когда-либо раньше, немецкие купцы стали обосновываться во всех отраслях колониальной торговли, все большее участие стали принимать в мировой торговле и начали постепенно обслуживать сбыт не только английских, но и немецких промышленных изделий.

Для этого могучего подъема промышленности и связанной с ней торговли раздробленность германских государств, с их самыми разнообразными торгово-промышленными законодательствами, должна была скоро превратиться в невыносимые оковы. Через каждые несколько миль другое вексельное право, другие условия для промысловых занятий, везде, решительно везде, другие полицейские каверзы, бюрократические и фискальные рогадки, часто еще цеховые барьеры, против которых не помогало даже официальное разрешение! А к этому еще многочисленные местные законодательства и ограничения жительства, лишавшие капиталистов возможности перебрасывать находящуюся в их распоряжении рабочую силу в достаточном количестве туда, где руда, уголь, водяная энергия и другие благоприятные естественные условия представляли все выгоды для организации промышленных предприятий! Беспрепятственная массовая эксплуатация отечественной рабочей силы была первым условием промышленного развития; но повсюду, куда патриоти-

ческий фабрикант стягивал рабочих со всех концов, полиция и попечительство о бедных противились водворению пришельцев. Общегерманское гражданское право и полная свобода передвижения для всех граждан страны, единое торгово-промышленное законодательство были теперь уже не патриотическими фантазиями восторженных студентов, а необходимым условием существования промышленности.

К тому же во всех этих разнокалиберных государствах были разные деньги, разные системы мер и весов, часто даже по две и по три системы в одном государстве. И из всех этих бесчисленных систем монет, мер и весов ни одна не была признана на мировом рынке. Не удивительно после этого, что купцам и фабрикантам, имевшим дело с мировым рынком или вынужденным конкурировать с импортными товарами, приходилось наряду с большим числом своих монет, мер и весов пользоваться еще, кроме того, иностранными; что хлопчатобумажная пряжа развешивалась на английские фунты, шелковые материи отмеривались на метры, счета за границу составлялись в фунтах стерлингов, долларах и франках! И как было возникать крупным кредитным учреждениям в областях с таким малым радиусом действия валютных систем? Здесь банкноты в гульденах, там в прусских талерах, рядом золотой талер, талер «новые две трети» («neue Zweidrittel»), марка в ассигнациях (Banko), марка в монете (courant), 20-гульденная монета (Zwanzig Guldenfuss), 24-гульденная монета (Vierundzwanzig Guldenfuss), — и все это с бесконечными перерасчетами при колебаниях курса.

Если даже и удавалось, в конце концов, все это преодолеть, то сколько тратилось на все эти трения усилий, сколько терялось денег и времени! Между тем, и в Германии начали, наконец, понимать, что в наши дни время — деньги.

Молодая германская промышленность должна была показать себя на мировом рынке; вырасти она могла только на экспорте. Но для этого она должна была пользоваться на чужбине защитой международного права. Английский, французский, американский купец мог за границей позволить себе даже больше, чем дома. За него вступалось его посольство, а в крайнем случае и несколько военных кораблей. Только не немец! На Ближнем Востоке австриец мог еще до известной степени положиться на свое посольство, — в других же местах и оно ему не очень-то помогало. Когда же прусский купец обращался на чужбине к своему послу с жалобой на причиненную обиду, то почти всегда получал ответ: «Так вам и нужно! Чего вы здесь ищете? Почему не сидите смирно дома?» А подданный

какого-нибудь мелкого государства уж совсем был бесправен повсюду. Куда бы ни приезжали немецкие купцы, они везде находились под чужой защитой — французской, английской, американской — или спешили скорее натурализоваться на новой родине¹. Впрочем, если бы даже их послы и пожелали вступиться за них, какая могла быть от этого польза? С самими-то немецкими послами за границей обходились, как с чистильщиками сапог.

Отсюда видно, что стремление к единому «отечеству» имело весьма материальную почву. Это уже не были туманные порывы студенческих корпораций на вартбургских торжествах, когда «отвагой души пламенели» и когда, как поется на французский мотив, «стремился юноша в кипучий бой, чтоб голову сложить за край родной», за восстановление романтической славы средневековой империи, — а на склоне лет сей пламенный юноша превращался в самого пошлого благочестивого холопа своего самодержавного государя. Это не был также объединительный клич адвокатов и прочих буржуазных идеологов гамбахских торжеств, клич, который уже раздавался значительно ближе к земле; эти идеологи воображали, что они любят свободу и единство ради них самих, и не видели, что превращение Германии по швейцарскому образцу в кантональную республику, к чему сводились наименее туманные их идеалы, так же невозможно, как и гогенштауфенская империя вышеупомянутых студентов. Нет, это было желание практического купца и промышленника, выросшее из непосредственных деловых потребностей, — желание выместить весь исторически унаследованный провинциальный хлам мелких государств, мешавший свободному развитию торговли и промышленности, устранить все излишние трения, которые должен был преодолеть у себя дома немецкий коммерсант, если хотел выступить на мировом рынке, и от которых были избавлены все его конкуренты. Германское единство сделалось экономической необходимостью. И люди, которые его теперь требовали, знали, чего они хотят. Они воспитались на торговле и для торговли, умели торговать и сторговываться. Они знали, что нужно побольше запрашивать, но и либерально уступать. Они распевали о германском отечестве, в том числе о Штирии, Тироле и Австрии, богатым победами и славой: «От Мааса и до Мемеля, от Эча и до Бельта—Германия, Германия превыше всего, превыше всего на свете» («Von der Maas bis an die Memel, von der Etsch bis die Belt, Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt»), но они были готовы, в случае расчета наличными, на весьма значительную скидку с этого

¹ В этом месте на полях карандашная пометка: «Верт». *Ред.*

все разраставшегося в их мечтах отечества — процентов на 25 или 30. Их план объединения был готов и мог быть немедленно осуществлен.

Но единство Германии не было только германским вопросом. Со времени Тридцатилетней войны уже ни одно общегерманское дело не решалось без весьма ощутительного иностранного вмешательства. Фридрих II завоевал в 1740 г. Силезию с помощью французов. Франция и Россия буквально продиктовали в 1803 г. имперский закон о реорганизации священной Римской империи¹. Затем Наполеон устроил Германию применительно к своим потребностям². И, наконец, на Венском конгрессе она была снова раздроблена, главным образом под влиянием России, а затем и Англии и Франции, на тридцать шесть государств и двести с лишним больших и малых клочков земли, и германские владетельные князья, совсем как на Регенсбургском имперском сейме 1802—1803 гг., добросовестно помогали этому и еще больше усугубили раздробленность страны. Вдобавок, отдельные куски Германии были отданы иноземным государям. Германия оказалась, таким образом, не только бессильной и беспомощной, раздираемой внутренними распрями, обреченной на ничтожество в политическом, военном и даже промышленном отношении, но, что еще гораздо хуже, Франция и Россия в силу повторявшегося обыкновения приобрели право на раздробление Германии, точно так же как Франция и Австрия присвоили себе право держать в раздробленном состоянии Италию. Этим мнимым правом и воспользовался царь Николай в 1850 г., когда, грубо воспротив всякое самочинное изменение конституции, заставил восстановить союзный сейм, этот символ германского бессилия.

Единство Германии приходилось, таким образом, завоевывать не только в борьбе против владетельных князей и других внутренних врагов, но и против заграницы. Или же — с помощью иностранцев. Каково же было тогда положение в других странах?

Во Франции Луи Бонапарт использовал борьбу буржуазии и рабочего класса, чтобы с помощью крестьян подняться на президентское кресло, а затем с помощью армии — на императорский престол. Однако новый император, Наполеон, возведенный на престол армией, в границах Франции 1815 г. — это была мертворожденная затея. Воскресшая наполеоновская империя означала расширение Франции до Рейна, осуществление традиционной мечты

¹ Пометка на полях: «Westf [älischer] und Tesch[ener] Friede» [«Вест[фальский] и Теш[енский] мир»]. *Ред.*

² Здесь добавлено: «Deutschland — Polen!» [«Германия — Польша!»]. *Ред.*

французского шовинизма. Но на первых порах захват Рейна был не по силам для Луи Бонапарта: всякая попытка в этом направлении привела бы к европейской коалиции против Франции. Между тем, представлялся удобный случай поднять престиж Франции и покрыть армию новыми лаврами, объявив почти вместе со всей Европой войну России, которая использовала революционный период в Западной Европе для того, чтобы втихомолку занять дунайские княжества и подготовить новую захватническую турецкую войну. Англия заключила союз с Францией, Австрия дружественно относилась к обеим, и только героическая Пруссия продолжала целовать русскую розгу, которую ее еще вчера так больно секли, и сохраняла дружественный России нейтралитет. Но ни Англия, ни Франция не хотели серьезной победы над противником, и война закончилась поэтому лишь незначительным унижением России и заключением русско-французского союза против Австрии *.

Крымская война сделала Францию руководящей европейской державой, а авантюриста Луи Наполеона — героем дня, что, впро-

* Крымская война была несравненной, колоссальной комедией ошибок, в которой перед каждой новой сценой спрашиваешь себя: кто же на этот раз будет обманут? Но эта комедия стоила несметных денег и более миллиона человеческих жизней. Едва началась война, как Австрия вступила в дунайские княжества; русские отступили перед австрийцами, и пока Австрия оставалась нейтральной, война с Турцией на сухопутной русской границе сделалась невозможной. Но привлечь к войне на этой границе Австрию в качестве союзника было вполне возможно под условием вести войну серьезно, с тем, чтобы восстановить Польшу и надолго отодвинуть назад западную русскую границу. Тогда должна была примкнуть и Пруссия, через которую Россия еще получала весь свой импорт; Россия была бы блокирована с суши и с моря и скоро была бы побеждена. Но это не входило в расчеты союзников. Они были, наоборот, довольны тем, что миновала всякая опасность серьезной войны. Пальмерстон предложил перенести театр военных действий в Крым, чего желала сама Россия, и Луи Наполеон очень охотно пошел на это. Война в Крыму могла быть только показной, и в таком случае все главные участники были бы удовлетворены. Но царь Николай вбил себе в голову мысль о необходимости вести там серьезную войну, забыв при этом, что если это место было наиболее благоприятным для показной войны, то и самым неблагоприятным для серьезной войны. То, что составляет силу России при обороне, — огромное протяжение ее редко населенной, бездорожной и бедной вспомогательными ресурсами территории, — при всякой наступательной войне России обращается против нее самой и больше всего как раз именно в направлении Крыма. Южно-русские степи, которые должны были стать могилой вторгшегося неприятеля, стали могилой русских армий, которые Николай с тупым и жестоким упорством гнал одну за другой в Севастополь, последнюю — в середине зимы. И когда последняя, наспех собранная, кое-как вооруженная и нищенски снабженная армия потеряла в пути около двух третей своего состава (от мятежей погибали целые батальоны),

чем, не так уж много стоит. Но Крымская война не дала Франции территориальных приращений и была поэтому чревата новой войной, в которой Луи Наполеону предстояло осуществить свое истинное призвание — «расширить границы империи». Эта новая война уже была подготовлена во время первой тем, что Сардинии разрешено было примкнуть к союзу западных держав в качестве сателлита императорской Франции и специально в качестве форпоста против Австрии; она была, далее, подготовлена при заключении мира соглашением Луи Наполеона с Россией, которой больше всего хотелось наказать Австрию.

Луи Наполеон сделался теперь кумиром европейской буржуазии. Не только за совершенное им 2 декабря 1851 г. «спасение общества», которым он, правда, уничтожил политическое господство буржуазии, но лишь для того, чтобы спасти ее социальное господство; не только потому, что он показал, как всеобщее избирательное право можно при соответствующих условиях превратить в орудие угнетения масс; не только потому, что в его правление торговля и промышленность, а особенно спекуляция и биржевой шантаж достигли небывалого расцвета. А потому, прежде всего, что буржуазия признала в нем первого «великого государственного деятеля»; он был плотью от ее плоти, костью от ее кости, выскочка, как и всякий настоящий буржуа. «Прошедший огонь и воду» заговорщик-карбонарий в Италии, артиллерийский офицер в Швейцарии, обремененный долгами знатный бродяга и полицейский волонтер в Англии, но всегда и везде претендент на престол, он своим авантюристским прошлым и морально скомпрометированным именем во всех странах подготовил себя к роли императора французов и руководителя судеб Европы, как образцовый американский буржуа рядом честных и бесчестных банкротств пробирается в миллионеры. Став императором, он не только подчинил политику интересам капиталистической наживы и биржевого шантажа, но и в самой политике всецело придерживался правил фондовой биржи и спекулировал на «принципе национальности». Раздробленность Германии и Италии была для прежней французской политики неотчуждаемым сенъериальным правом Франции; Луи Наполеон тотчас же приступил к розничной распродаже этого сенъериального права за так называемые компенсации. Он готов был помочь Италии и Германии избавиться от раздробленности при условии, что Германия и Италия за каждый свой

а остатки ее были не в силах прогнать неприятеля с русской земли, тогда надменный пустоголовый Николай не выдержал и отравился. С этого момента война опять превратилась в показательную и вскоре закончилась миром.

шаг к национальному объединению заплатят ему уступкой территории. Это не только давало удовлетворение французскому шовинизму и постепенно расширяло империю до границ 1801 г., но и снова ставило Францию в исключительное положение просвещенной державы, освободительницы народов, а Луи Наполеона — в положение защитника угнетенных национальностей. И вся просвещенная буржуазия, живо заинтересованная в устранении всех торговых препятствий с мирового рынка, была увлечена национальной идеей и восторженно приветствовала эту просвещенную деятельность, несущую освобождение всему миру.

Начало было сделано в Италии¹. Здесь с 1849 г. неограниченно властвовала Австрия, а Австрия была в то время козлом отпущения для всей Европы. Скромные результаты Крымской войны приписывали не нерешительности западных держав, желавших только показной войны, а колеблющейся позиции Австрии, позиции, в которой, однако, никто не был так виноват, как сами западные державы. Россия же была так оскорблена наступлением австрийцев на Прут — в благодарность за русскую помощь в Венгрии в 1849 г. (хотя именно этот поход и спас ее), что приветствовала всякое нападение на Австрию. Пруссию не принимали больше в расчет и уже на Парижском мирном конгрессе ее третировали *en canaille* [с презрением]. При таких условиях война для освобождения Италии «до Адриатики» могла быть при содействии России затеяна, весной 1859 г. начата и уже летом на Минчио закончена. Австрия не была выброшена из Италии, Италия не была «освобождена до Адриатики» и не была объединена, Сардиния увеличила свою территорию, но Франция приобрела Савойю и Ниццу и таким образом восстановила свои итальянские границы 1801 г.

Но это не удовлетворило итальянцев. В Италии тогда еще господствовало мануфактурное производство, крупная промышленность была еще в пеленках. Рабочий класс был далеко еще не весь экспроприирован и пролетаризирован; в городах он владел еще собственными орудиями производства, в деревне промышленный труд был побочным промыслом мелких крестьян-собственников или арендаторов. Поэтому энергия буржуазии еще не была сломлена существованием противостоящего ей современного сознательного класса пролетариев. А так как раздробленность Италии сохранялась только как результат иноземного австрийского владычества, под сенью которого злоупотребления княжеских правительств дошли

¹ На полях пометка: «Орсини». Ред.

до крайнего предела, то и крупное землевладельческое дворянство и городские народные массы стояли на стороне буржуазии как передового борца за национальную независимость. Но с иноземным владычеством в 1859 г. было покончено повсюду, кроме Венеции; дальнейшему вмешательству Австрии в итальянские дела был положен предел Францией и Россией, — никто ее больше не боялся. А в лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить чудеса и творившего чудеса. С тысячько партизан он перевернул вверх дном Неаполитанское королевство, фактически объединил Италию, разорвал искусственную сеть бонапартистской политики. Италия была свободна и по существу объединена, — не проясками Луи Наполеона, а революцией.

Со времени итальянской войны внешняя политика второй империи уже ни для кого не была тайной. Победители великого Наполеона должны были понести кару, но *l'un après l'autre* — один после другого. Россия и Австрия уже получили свою долю, на очереди стояла теперь Пруссия. А Пруссию презирали теперь больше, чем когда-либо раньше; ее политика во время итальянской войны была трусливой и жалкой, совсем как во время Базельского мира 1795 г. «Политика свободных рук» довела ее до того, что она осталась совершенно изолированной в Европе, что все ее большие и малые соседи только радовались, предвкушая, как Пруссия будет разбита на-голову, что руки у нее были свободны только для того, чтобы уступить Франции левый берег Рейна.

Действительно, в первые годы после 1859 г. все были убеждены, что левый берег Рейна безвозвратно перейдет к Франции; больше всего этому верили на самом Рейне. Собственно говоря, перехода этого не желали, но его считали неотвратимым, как рок, и не очень уж его боялись. У крестьян и городской мелкобуржуазной массы воскресли воспоминания о годах французского владычества, которое действительно принесло им свободу; среди буржуазии финансовая аристократия, особенно кельнская, была уже сильно запутана в спекулятивных аферах парижского *Crédit Mobilier* и других дутых бонапартистских компаний и громко требовала аннексии*.

Однако потеря левого берега Рейна должна была ослабить не только Пруссию, но и Германию. А Германия была раздроблена больше, чем когда-либо. Отчужденность между Австрией и Пруссией

* Что таково было тогда общее настроение на Рейне, в этом Марксу и мне не раз приходилось убеждаться на месте. Левобережные рейнские промышленники спрашивали меня, между прочим, как отразится на их предприятиях переход к французскому таможенному тарифу.

чрезвычайно усилилась из-за нейтралитета Пруссии во время итальянской войны; мелкокняжеское отребье не то с боязнью, не то с вожделием косилось на Луи Наполеона как на будущего покровителя возобновленного Рейнского союза, — таково было положение официальной Германии. И это в такой момент, когда только соединенными силами всей нации можно было предотвратить опасность раздробления.

Но как объединить силы всей нации? После того как почти все без исключения попытки 1848 г., имевшие туманный характер, потерпели неудачу, но именно в силу этой неудачи туман несколько рассеялся, в этом направлении открывались три пути.

Первый путь состоял в действительном объединении — в уничтожении всех отдельных государств, т. е. был открыто революционным путем. Этим путем только что достигли цели в Италии; Савойская династия присоединилась к революции и таким образом стяжала себе итальянскую корону. Но на такой смелый шаг наши немецкие савойцы, Гогенцоллерны, и даже их наиболее решительные Кавуры à la Бисмарк были абсолютно неспособны. Все пришлось бы сделать самому народу, — и в войне за левый берег Рейна он действительно сумел бы это сделать. Неизбежное отступление Пруссии за Рейн, длительная осада рейнских крепостей и предательство южно-германских князей, которое, без сомнения, после этого последовало бы, — этого было бы достаточно, чтобы поднять такое национальное движение, которое уничтожило бы все эти мелкие княжества. И тогда Луи Наполеон первый вложил бы шпагу в ножны. Вторая империя могла воевать только с реакционными государствами, против которых она выступала как преемница Французской революции, освободительницей народов. Против народа, который сам был охвачен революцией, она была бессильна; правда, победоносная германская революция могла дать толчок к низвержению всей Французской империи. Это был бы наиболее благоприятный случай; в худшем случае, если бы владетельные князьки захватили движение в свои руки, левый берег Рейна был бы временно отдан Франции, активное или пассивное предательство князей было бы разоблачено перед всем миром, и создалось бы критическое положение, из которого для Германии не оставалось бы другого выхода, кроме революции, изгнания всех князей и установления единой германской республики.

При существовавших условиях на этот путь объединения Германия могла бы вступить только в том случае, если бы Луи Наполеон начал войну из-за рейнской границы. Но эта война не после-

довала — по причинам, о которых будет сказано ниже. А вместе с тем и вопрос о национальном объединении переставал быть неотложным жизненным вопросом, который должен был быть решен не сегодня-завтра под страхом гибели. Нация могла до поры до времени ждать.

Второй путь заключался в объединении под верховенством Австрии. Австрия полностью сохранилась в 1815 г. как государство со сплошной, округленной территорией, которая была ей навязана наполеоновскими войнами. На отторгнутые от нее прежние ее владения в Южной Германии она больше не предъявляла притязаний; она довольствовалась присоединением старых и новых земель, которые можно было географически и стратегически связать с уцелевшим еще ядром монархии. Отделение немецкой Австрии от остальной Германии, начатое покровительственными пошлинами Иосифа II, усиленное полицейским хозяйничаньем Франца I в Италии и доведенное до крайних пределов распадом Германской империи и образованием Рейнского союза, фактически сохранялось в силе еще и в 1815 г. Меттерних окружил свое государство со стороны Германии настоящей китайской стеной. Таможенные пошлины не пропускали материальной немецкой продукции, цензура — духовной; невероятнейшие паспортные стеснения ограничивали личные сношения до крайнего минимума. Внутри страна была обеспечена от всякого — даже самого слабого — политического движения абсолютистским произволом, единственным в своем роде даже в Германии. Поэтому Австрия оставалась совершенно чуждой всему буржуазно-либеральному движению Германии. После 1848 г. рухнуло, по крайней мере в большей своей части, духовное средостение между ними; но события этого года и их последствия по своему характеру отнюдь не могли способствовать сближению Австрии с остальной Германпией; наоборот, Австрия всемерно поддерживала свое положение независимой великой державы. И поэтому, хотя австрийских солдат в союзных крепостях любили, а прусских ненавидели и осмеивали, и хотя на всем преимущественно католическом юге и западе Австрия все еще была популярна и пользовалась уважением, все-таки никто, в конце концов, серьезно не думал об объединении Германии под австрийским главенством, кроме разве двух-трех мелких или средних германских князьков.

Иначе и не могло быть. Австрия сама ничего другого не хотела, хотя втихомолку и продолжала лелеять романтические мечты об империи. Австрийская таможенная граница осталась с течением времени единственной заградительной стеной, уцелевшей внутри

Германии, и тем резче она чувствовалась. Независимая великодержавная политика теряла всякий смысл, если не жертвовала немецкими интересами ради специфически австрийских, т. е. итальянских, венгерских и т. д. Как до революции, так и после нее Австрия оставалась самым реакционным государством Германии, которое больше других противилось современным течениям; к тому же она, единственная из уцелевших, была специфически католической державой. Чем больше послемартовское правительство старалось восстановить старое господство попов и иезуитов, тем более становилась невозможной его гегемония над страной, на одну-две трети протестантской. И, наконец, объединение Германии с Австрией во главе было бы возможно только после разгрома Пруссии. Но если это последнее событие само по себе и не было бы несчастьем для Германии, то все же разгром Пруссии Австрией был бы столь же губителен, как и разгром Австрии Пруссией накануне предстоящей победы революции в России (после которой этот разгром станет излишним, так как тогда ставшая излишней Австрия сама должна будет распасться).

Словом, германское объединение под сенью Австрии было романтической мечтой, как это и обнаружилось, когда германские мелкие и средние владетельные князья в 1863 г. собрались во Франкфурте, чтобы провозгласить австрийского Франца Иосифа германским императором. Король прусский просто не явился, и имперская комедия плачевно провалилась.

Оставался третий путь: объединение под прусским верховенством. И этот путь, которым действительно пошла история, возвращает нас из области умозрений на твердую, хотя и довольно грязную почву практической, «реальной политики».

Со времен Фридриха II Пруссия видела в Германии, как и в Польше, лишь территорию для завоеваний, территорию, от которой урывают, что возможно, но которой, само собой разумеется, приходится делиться с другими. Раздел Германии совместно с иноземными государствами и прежде всего с Францией — такова была «немецкая миссия» Пруссии с 1740 г. «*Je vais, je crois, jouer votre jeu; si les as me viennent, nous partagerons*» [«Я думаю, что сыграю игру в вашу пользу; если ко мне придут тузы, мы поделимся»], — таковы были прощальные слова Фридриха французскому послу, когда он отправлялся в свой первый военный поход. Верная этой «немецкой миссии», Пруссия предала Германию в 1795 г. при заключении Базельского мира, наперед согласилась (договор от 24 августа 1796 г.) уступить левый берег Рейна французам за обещание территориальных приращений и действительно получила награду за

свое предательство империи в имперском законе, продававшимся Россией и Францией. В 1805 г. она еще раз совершила предательство, предала своих союзниц Россию и Австрию, едва только Наполеон поманил ее Ганновером, — на эту приманку она шла всегда, — но так запуталась в своей собственной глупой хитрости, что втянута была в войну с Наполеоном и понесла под Йеной заслуженное наказание. Под незабываемым впечатлением этих ударов Фридрих Вильгельм III, даже после побед 1813 и 1814 гг., хотел отказаться от всех западно-германских форпостов, ограничиться северо-восточными германскими владениями, уйти, по примеру Австрии, как можно дальше от германских дел, — что превратило бы всю Западную Германию в новый Рейнский союз под русским или французским протекторатом. План не удался: вопреки воле короля ему были навязаны Вестфалия и Рейнская область, а с ними и новая «немецкая миссия».

За исключением единичных незначительных земельных владений, которые покупались, территориальные аннексии теперь временно прекратились. Внутри страны постепенно снова пышно расцвели старые юнкерско-бюрократические порядки; конституционные обещания, сделанные народу в момент жестокой необходимости, упорно нарушались. Но при всем том значение буржуазии и в Пруссии все больше вырастало, так как без промышленности и торговли даже высокомерное прусское государство было теперь нулем. Медленно, упорствуя, гомеопатическими дозами приходилось делать экономические уступки буржуазии. А между тем эти уступки давали основание рассчитывать на то, что «немецкая миссия» Пруссии будет поддержана, когда Пруссия, в целях устранения чужих таможенных границ между обеими своими половинами, предложила соседним немецким государствам объединиться в таможенный союз. Так возник этот союз, который оставался до 1830 г. лишь благочестивым пожеланием (в него вошел тогда только Гессен-Дармштадт), но позднее, когда политическое и экономическое движение начало развиваться несколько более быстрым темпом, он присоединил к Пруссии экономически большую часть Германии. Не прусские приморские земли еще после 1848 г. оставались вне союза.

Таможенный союз был крупным успехом Пруссии. То, что он обозначал победу над австрийским влиянием, было еще наименее важно. Самое главное было в том, что он привлек всю буржуазию мелких и средних германских государств на сторону Пруссии. За исключением Саксонии, ни в одном германском государстве про-

мышленность не достигла хотя бы приблизительно такого же развития, как в Пруссии; и этим были обязаны не только естественным и историческим условиям, но и большим размерам таможенной территории и внутреннего рынка. И чем больше расширялся таможенный союз, втягивая мелкие государства в этот внутренний рынок, тем больше поднимавшаяся буржуазия этих государств привыкала смотреть на Пруссию как на свой экономический, а в будущем и политический оплот.

Буржуазии вторила профессура. Если в Берлине гегельянцы философски обосновывали, что Пруссия призвана стать во главе Германии, то в Гейдельберге то же самое исторически доказывали ученики Шлоссера — Гейсер и Гервинус. При этом, конечно, предполагалось, что Пруссия изменит всю свою политическую систему, что она выполнит требования идеологов буржуазии*.

Все это делалось, впрочем, не из какого-либо особого пристрастия к прусскому государству, как, например, было у итальянских буржуа, которые признали гегемонию Пьемонта, после того как он открыто стал во главе национального конституционного движения. Нет, это делалось против воли; буржуа выбирали Пруссию как меньшее зло, потому что Австрия не допускала их на свой рынок и потому что Пруссия, по сравнению с Австрией, уже по своей скаредности в финансовых делах все же имела до некоторой степени буржуазный характер. Два хороших учреждения составляли преимущество Пруссии перед другими большими государствами: всеобщая воинская повинность и всеобщее обязательное школьное обучение. Она ввела их в период горькой нужды, а в лучшие дни удовлетворялась тем, что небрежным их осуществлением и сознательным искажением лишила их опасного, при известных условиях, характера. Но на бумаге они продолжали существовать, и это давало Пруссии возможность развязать в один прекрасный день дремлющую в народных массах потенциальную энергию в таких размерах, каких такое же количество населения нигде в другом месте достигнуть не могло. Буржуазия приспособилась к обоим этим учреждениям; от личной военной службы вольноопределяющимся, т. е. буржуазным сынкам, можно было около 1840 г. легко и довольно дешево избавиться за взятку, тем более, что в самой армии не очень ценили тогда офице-

* «Рейнская Газета» обсуждала в 1842 г. с этой точки зрения вопрос о прусской гегемонии. Гервинус говорил мне уже летом 1843 г. в Остенде: «Пруссия должна стать во главе Германии, но для этого необходимы три условия: Пруссия должна дать конституцию, свободу печати и вести внешнюю политику определенной окраски».

ров ландвера, набранных из купеческих и промышленных кругов. А бесспорно существовавшее в Пруссии, благодаря обязательному школьному обучению, довольно значительное число лиц с известным запасом элементарных знаний было для буржуазии в высшей степени полезно; по мере роста крупной промышленности оно стало даже, в конце концов, недостаточно *. Жалобы на высокие налоги, которые взимаются на содержание обоих учреждений, раздавались главным образом среди мелкой буржуазии; входившая в силу крупная буржуазия рассчитала, что неприятные, правда, но неизбежные издержки будущего великодержавного положения страны с избытком окупятся возросшими прибылями.

Словом, немецкие буржуа не строили себе никаких иллюзий насчет прусской пленительности. Если с 1840 г. прусская гегемония стала пользоваться среди них успехом, то только в той степени и потому, что прусская буржуазия благодаря своему более быстрому экономическому развитию начинала экономически и политически возглавлять немецкую буржуазию и что Роттеки и Велькеры искони конституционного юга стали оттесняться на задний план Кампгаузенами, Ганземанами и Мильде прусского севера, адвокаты и профессора — купцами и фабрикантами. И в самом деле, в прусских либералах последних лет перед 1848 г., особенно в рейнских, чувствовался совсем иной революционный дух, чем в провинциальных либералах юга. Тогда появились две лучшие со времени XVI века политические народные песни: песня о бургомистре Чехе и песня о баронессе фон Дросте-Фишеринг ¹. Бунтарский дух этих песен теперь возмущает на старости лет тех самых людей, которые их в 1846 г. весело распевали:

Hatte ja ein Mensch so'n Pech
Wie der Bürgermeister Tschech,
Dass er diesen dicken Mann
Auf zwei Schritt nicht treffen kann!

[Кто не слышал, что за грех
Этот бургомистр Чех,—
В двух шагах он не попал
В толстяка, что здесь стоял.]

* Еще во времена «культуркампфа» рейнские фабриканты жаловались мне, что они не могут назначать превосходных во всех отношениях рабочих на должность надсмотрщиков за отсутствием у них достаточных школьных знаний. Особенно это давало себя чувствовать, по их словам, в католических местностях.

¹ Двоюродная сестра нельнского архиепископа Дросте-Фишеринга, баронесса Дросте-Гюльсгоф. *Ред.*

Но все это очень скоро должно было измениться. Разразилась Февральская революция, за ней мартовские дни в Вене и берлинская революция 18 марта. Буржуазия победила без серьезной борьбы; бороться серьезно, когда до этого дело дошло, она вовсе и не хотела. Буржуазия, которая еще так недавно кокетничала с тогдашним социализмом и коммунизмом (особенно на Рейне), вдруг заметила теперь, что она вырастила не только отдельных рабочих, но и рабочий *класс*, — правда, еще наполовину дремавший, но уже просыпавшийся пролетариат, революционный по самой природе своей. И этот пролетариат, повсюду в боях добывший победу для буржуазии, уже предъявлял — особенно во Франции — требования, несовместимые с существованием всего буржуазного порядка; в Париже 23 июня 1848 г. дело дошло до первой страшной битвы между двумя классами; после четырехдневного боя пролетариат потерпел поражение. С этого момента масса буржуазии во всей Европе перешла на сторону реакции, объединилась с только что свергнутыми ею с помощью рабочих абсолютистскими бюрократами, феодалами и попами против врагов общества, т. е. против тех же рабочих.

В Пруссии этот переход на сторону реакции нашел выражение в предательстве буржуазией ею же самой избранных представителей и в тайной или явной радости, с которой она встретила их разгон, учиненный правительством в ноябре 1848 г. Юнкерско-бюрократическое министерство, на целых десять лет обосновавшееся теперь в Пруссии, должно было, правда, управлять в конституционных формах, но мстило за это целой системой мелочных, небывалых даже в Пруссии придинок и вымогательств, от которых буржуазия же и страдала больше всех. Но эта последняя смиренно ушла в себя, безропотно принимала градом сыпавшиеся на нее удары и пинки как наказание за свои бывшие революционные вождения и постепенно привыкала теперь к мысли, которую впоследствии и высказала: ведь собаки же мы все-таки!

Наступил период регентства. Чтобы доказать свою преданность престолу, Мантейфель окружил наследника, нынешнего императора¹, шпионами совершенно так же, как Путкаммер теперь окружает ими редакцию «Социалдемократа». Когда наследник сделался регентом, Мантейфель был, естественно, грубо устранен, и началась новая эра. Это была только перемена декораций. Принц-регент соизволил разрешить буржуазии опять стать либеральной. Буржуа

¹ Вильгельма I. *Ред.*

с удовольствием воспользовались этим разрешением, но вообразили, что они теперь господа положения, что прусское государство должно плясать по их дудке. Но это совсем не входило в планы «руководящих кругов», выражаясь языком рептилий. Реорганизация армии должна была быть ценой, которую либеральные буржуа платили за новую эру. Правительство в данном случае требовало только фактического проведения в жизнь всеобщей воинской повинности в тех размерах, в каких она осуществлялась около 1816 г. С точки зрения либеральной оппозиции против этого нельзя было привести решительно ни одного возражения, которое убийственно не противоречило бы ее же собственным фразам о престиже и германской миссии Пруссии. Но либеральная оппозиция давала свое согласие при условии законодательного ограничения срока военной службы двумя годами. Само по себе это было вполне рационально; вопрос был только в том, можно ли этого добиться, готова ли либеральная буржуазия страны отстаивать это условие до конца, до последней капли крови. Правительство твердо настаивало на трех годах военной службы, палата — на двух; конфликт разразился. А вместе с конфликтом в военном вопросе внешняя политика снова приобретала решающее значение и для внутренней политики ¹.

Мы видели, что позиция, которую Пруссия занимала во время крымской и итальянской войн, окончательно лишила ее всякого уважения. Эта жалкая политика отчасти находила оправдание в плохом состоянии прусской армии. Так как уже и до 1848 г. нельзя было вводить новые налоги или заключать займы без согласия сословий, а созывать сословных представителей также не хотели, то на армию никогда не хватало денег, и она совершенно погибала от безграничных урезок. Укоренившийся при Фридрихе Вильгельме III дух парадной шагистики довершал остальное. Какой беспомощной оказалась эта армия парадов в 1848 г. на полях сражений в Дании, можно прочесть у графа Вальдерзее. Мобилизация 1850 г. была полнейшим фиаско: недостаток был во всем, а что было, то большей частью не годилось. Вотированные палатами кредиты, правда, помогли делу; армия была выбита из старой рутин; полевая служба, по крайней мере в большей части, вытесняла парады и шагистику. Но численность армии оставалась та же, что и к 1820 г., между тем как все другие державы, особенно Франция, со стороны которой как раз теперь угрожала опасность, значительно увеличили свои вооруженные силы. Между тем, в Пруссии существовала всеобщая

¹ Здесь Энгельсом оставлено место для вставки. *Ред.*

воинская повинность; каждый пруссак был на бумаге солдатом, тогда как население возросло с $10\frac{1}{2}$ миллионов (1817 г.) до $17\frac{3}{4}$ миллионов (1858 г.), а кадры армии не позволяли принять на службу и обучить больше одной трети всех годных к военной службе лиц. Теперь правительство требовало увеличения армии, почти в точности соответствовавшего приросту населения с 1817 г. Но те же самые либеральные депутаты, которые беспрестанно требовали от правительства, чтобы оно встало во главе Германии, охраняло престиж Германии за границей, восстановило ее международный авторитет, эти самые люди вдруг стали скряжничать и торговаться и ни за что не хотели давать свое согласие иначе, как на основе двухгодичного срока службы. Были ли они, однако, достаточно сильны, чтобы осуществить свою волю, на которой они так упорно настаивали? Стоял ли за ними народ или хотя бы только буржуазия, готовая выступить за них?

Отнюдь нет. Буржуазия приветствовала их словесные бои с Бисмарком, но в действительности она организовала движение, которое, хотя и бессознательно, но фактически было все же направлено против политики большинства прусской палаты. Покушение Дании на конституцию Голштинии, попытки насильственного насаждения датского языка в Шлезвиге приводили в негодование немецкого бюргера. К третированию со стороны великих держав он привык, но пинки со стороны маленькой Дании вызывали в нем негодование. Был образован Национальный союз; его силу составляла как раз буржуазия мелких государств. А Национальный союз, при всем своем либерализме, требовал прежде всего национального объединения под руководством Пруссии, по возможности либеральной Пруссии, в крайнем случае — Пруссии как она есть. Добиться, наконец, прекращения жалкой роли немцев на мировом рынке как людей второго разряда и обуздания Дании и показать зубы великим державам в Шлезвиг-Голштинии — этого прежде всего требовал Национальный союз. К тому же требование прусской гегемонии было теперь свободно от всего мечтательного тумана, которым оно еще было окутано до 1850 г. Совершенно точно знали, что это требование означает исключение Австрии из Германии, фактическое уничтожение суверенитета мелких государств и что то и другое невозможно без гражданской войны и раздела Германии. Но гражданской войны теперь уже не боялись, а раздел только подводил итог запретительной таможенной политике Австрии. Немецкая промышленность и торговля настолько развились, сеть немецких торговых фирм, охватывавшая мировой рынок, так расширилась

и сделалась настолько густой, что система мелких государств у себя дома и бесправие и беззащитность за границей не могли быть долее терпимы. И в то самое время, как сильнейшая политическая организация, какую только когда-либо немецкая буржуазия имела, фактически выносила берлинским депутатам вотум недоверия, последние продолжали торговаться из-за срока военной службы!

Таково было положение, когда Бисмарк решил активно вмешаться во внешнюю политику.

Бисмарк, это — Луи Наполеон, французский авантюристский претендент на корону, обернувшийся прусским провинциальным юнкером и немецким студентом-корпорантом. Как и Луи Наполеон, Бисмарк — человек большого практического ума и необычайной изворотливости, прирожденный и тертый делец, который при других обстоятельствах мог бы потягаться на нью-йоркской бирже с Вандербильтами и Джей Гульдами; он и в самом деле весьма прилично устроил свои частные делишки. Такой развитой ум в области практической жизни часто бывает, однако, связан с соответствующей ограниченностью кругозора, и в этом отношении Бисмарк превосходит своего французского предшественника. Этот последний все же сам в годы скитаний выработал себе свои «наполеоновские идеи», — правда, они и были по нему, — между тем как Бисмарк, как мы увидим, никогда даже на след какой-нибудь оригинальной политической идеи не напал и только комбинировал готовые чужие идеи. Но эта ограниченность и была как раз его счастьем. Без нее он никогда не ухитрился бы представить себе всю мировую историю со специфически прусской точки зрения; и стоило бы в этом его истинно прусском мирозерцании образоваться дыре, сквозь которую проникал бы дневной свет, как он запутался бы во всей своей миссии, и всей его славе был бы конец. Правда, уже выполнив на свой манер свою особенную, предписанную ему извне миссию, он оказался в тупике; и мы увидим, какие неожиданные скачки он вынужден был делать вследствие абсолютного отсутствия у него рациональных идей и его неспособности понять им же самим созданную историческую ситуацию.

Если Луи Наполеона его прошлое приучило не стесняться в выборе средств, то Бисмарка история прусской политики, особенно политики так называемого великого курфюрста и Фридриха II, научила действовать еще с меньшей щепетильностью, причем он мог найти поддержку в возвышающем сознании, что он остается верен отечественной традиции. Его практическое чутье учило отодвигать на задний план свои юнкерские вождедения, когда это было необ-

ходимо; когда казалось, что надобность в этом исчезала, они снова грубо выступали наружу; это, конечно, было признаком упадка. Его политическим методом был метод копоранта; до смешного дословное толкование пивного устава, — к которому прибегают на студенческих пирушках, чтобы найти выход из затруднения, — он бесцеремонно применял в палате к прусской конституции; все новшества, которые он ввел в дипломатию, заимствованы им из обихода корпорантского студенчества. Но если Луи Наполеон часто терялся в критические моменты, как, например, во время государственного переворота 1851 г., когда Морни пришлось положительно силой заставить его довершить начатое дело, или накануне войны 1870 г., когда своей нерешительностью он портил все свое положение, то с Бисмарком, нужно признать, этого никогда не случалось. Сила воли его никогда не покидала, гораздо скорее она выливалась у него в грубое насилие. И в этом прежде всего кроется тайна его успеха. У всех господствующих классов Германии, у юнкеров, как и буржуа, в такой степени иссякли последние остатки энергии, в «просвещенной» Германии настолько вошло в обычай не иметь воли, что единственный человек среди них, который действительно еще обладал волей, тем самым стал их величайшим человеком и их общим тираном, перед которым они, вопреки рассудку и совести, по собственному их выражению, охотно «прыгают через палочку». Во всяком случае, в «непросвещенной» Германии так далеко дело еще не зашло: рабочий народ показал, что у него есть воля, с которой не справиться даже сильной воле Бисмарка.

Блестящее поприще открывалось перед нашим старопруссским (altmärkisch¹) юнкером, которому нужно было только смело и умно взяться за дело. Разве Луи Наполеон не потому стал кумиром буржуазии, что разогнал ее парламент, но поднял ее барыши? А Бисмарк разве не обладал теми же талантами дельца, которыми так восхищались буржуа в лже-Наполеоне? Разве не тянулся он к своему Блейхредеру, как Луи Наполеон к своему Фульду? Разве в Германии в 1864 г. не было противоречия между буржуазными представителями в палате, желавшими урезать срок военной службы, и буржуа вне палаты, в Национальном союзе, где жаждали во что бы то ни стало национальных подвигов, подвигов, для которых

¹ Альтмарк (Altmark) — собственно старая марка, старая община, северная часть современного Магдебургского округа, послужившая исходным владением для образования Пруссии; в 928 г. основана королем Генрихом I под названием Нордмарк (Nordmark — северная марка). *Ред.*

нужна армия? Точно такое же противоречие было во Франции в 1851 г. между буржуа в палате депутатов, обуздывавшими власть президента, и буржуа вне палаты, жаждавшими спокойствия и сильного правительствa, спокойствия во что бы то ни стало, — и Луи Наполеон разрешил это противоречие, разогнав парламентских крикунов и обеспечив спокойствие буржуазной массе. Разве положение в Германии не было гораздо более благоприятным для смелого удара? Разве план реорганизации не был уже в совершенно готовом виде представлен буржуазией, разве сама она не предъявляла громко требования на энергичного прусского государственного мужа, который выполнил бы ее план, исключил бы Австрию из Германии, объединил бы мелкие германские государства под главенством Пруссии? И если бы пришлось при этом не особенно мягко обойтись с прусской конституцией и оттолкнуть в сторону вполне это заслуживших парламентских и внепарламентских идеологов, то разве нельзя было бы, подобно Луи Бонапарту, опереться на всеобщее избирательное право? Что могло быть демократичнее, чем введение всеобщего избирательного права? Не доказал ли Луи Наполеон его полной безопасности при надлежащем обращении? И не представляло ли как раз это всеобщее избирательное право такого способа, при помощи которого можно было апеллировать к широким народным массам и слегка пококетничать с зарождающимся социальным движением в случае упорства со стороны буржуазии?

Бисмарк взялся за дело. Надлежало повторить государственный переворот Луи Наполеона, воочию показать немецкой буржуазии действительное соотношение сил, силой разрушить ее либеральный самообман, но выполнить ее национальные требования, которые совпадали с прусскими желаниями. Повод для выступления подала прежде всего Шлезвиг-Гольштейния. Почва внешней политики была подготовлена. Русского царя Бисмарк привлек на свою сторону полицейскими услугами, оказанными ему в 1863 г. в борьбе против восставших поляков; Луи Наполеон также был обработан и мог оправдывать свое равнодушие, если не молчаливое содействие бисмарковским планам, своим излюбленным «принципом национальности»; в Англии премьер-министром был Пальмерстон, поставивший маленького лорда Джона Росселя во главе ведомства иностранных дел с единственной целью сделать его смешным. Но Австрия была соперницей Пруссии в борьбе за гегемонию в Германии и в данном случае меньше всего могла предоставить первое место Пруссии, тем более что в 1850 и 1851 гг. она выступала в Шлезвиг-

Голштинии в качестве жандарма царя Николая, фактически еще подлее, чем сама Пруссия. Ситуация была, таким образом, в высшей степени благоприятной. Как ни ненавидел Бисмарк Австрию и как ни хотела бы Австрия, со своей стороны, сорвать свой гнев на Пруссии, все же после смерти датского короля Фридриха VII им не оставалось ничего другого, как совместно выступить против Дании — с молчаливого разрешения Франции и России. Успех был заранее обеспечен, пока Европа оставалась нейтральной; так и случилось: герцогства были завоеваны и уступлены по мирному договору.

У Пруссии в этой войне была еще и другая цель — испытать на деле свою армию, которую с 1850 г. обучали по-новому, а в 1860 г. реорганизовали и увеличили. Армия сверх всяких ожиданий хорошо выдержала испытание, и притом в самых разнообразных военных положениях. Что игольчатое ружье имеет большие преимущества перед ружьем, заряжающимся с дула, и что им умеют правильно пользоваться, доказала стычка под Лёнгбю в Ютландии, где 80 расположившихся за кустарником пруссаков своим частым огнем обратили в бегство датчан, которые численно превосходили их втрое. Вместе с тем представлялся случай заметить, что австрийцы из итальянской войны и из французской боевой тактики извлекли только тот урок, что стрельба ничего не стоит и что настоящий солдат должен сразу же опрокинуть неприятеля штыком; это намотали себе на ус, так как более благоприятной неприятельской тактики перед дулами скорострельных ружей и желать нельзя было. И чтобы дать австрийцам возможность как можно скорее убедиться в этом на деле, завоеванные герцогства были по мирному договору переданы под общий суверенитет Австрии и Пруссии; таким образом было создано временное положение, которое должно было стать источником бесконечных конфликтов и давало поэтому Бисмарку полную возможность воспользоваться таким конфликтом для своего большого выступления против Австрии. При традиционной прусской политике — «без колебаний использовать благоприятную ситуацию до самого конца», как выражается г. фон Зибель, — было вполне естественно, что, под предлогом освобождения немцев от датского гнета, к Германии были присоединены 200 000 датских жителей северного Шлезвига. С пустыми руками остался только кандидат мелких германских государств и немецкой буржуазии на шлезвиг-голштинский престол герцог фон-Аугустенбург.

Так выполнил Бисмарк в герцогствах волю немецкой буржуазии против ее же воли. Он прогнал датчан, бросил вызов державам —

и державы с места не тронулись. Но с герцогствами, едва освобожденными, стали обращаться, как с завоеванной страной; совсем не спрашивая их согласия, их просто временно поделили между Австрией и Пруссией. Пруссия снова стала великой державой, она уже не была больше пятым колесом в европейской колеснице; национальные чаяния буржуазии выполнялись великолепно, но путь, избранный для их осуществления, не был либеральным путем буржуазии. Прусский военный конфликт поэтому продолжался, и его даже все труднее становилось разрешить. Предстоял второй акт государственного драматического выступления Бисмарка.

Датская война осуществила часть национальных чаяний. Шлезвиг-Гольштейн была «освобождена», варшавский и лондонский протоколы, которыми великие державы запечатлели унижение Германии перед Данией, были разорваны и брошены им под ноги, а они даже не пикнули. Австрия и Пруссия снова стояли вместе, их войска плечом к плечу сражались и победили, и ни один властелин не думал больше посягать на германскую территорию. Вождения Луи Наполеона относительно Рейна, — вождения, которые до сих пор отодвигались на задний план разными другими делами — итальянской революцией, польским восстанием, датскими осложнениями, наконец экспедицией в Мексику, — теперь не имели никаких видов на успех. Международная ситуация, таким образом, для консервативного прусского политика не оставляла желать ничего большего. Но Бисмарк до 1871 г. вовсе не был консервативен, менее всего в этот момент, а немецкая буржуазия отнюдь не была удовлетворена.

Немецкая буржуазия попрежнему стояла перед знакомым противоречием. С одной стороны, она требовала исключительной политической власти для себя, т. е. для министерства, выбранного из либерального большинства палаты; а такому министерству пришлось бы десять лет вести борьбу со старой системой, представленной короной, прежде чем его новая власть была бы окончательно признана, следовательно десять лет внутреннего обессиливания. Но, с другой стороны, буржуазия требовала революционного преобразования Германии, осуществимого только при помощи насилия, следовательно при помощи фактической диктатуры. А между тем с 1848 г. буржуазия на каждом шагу, в каждый решающий момент доказывала, что у нее нет и следа необходимой энергии, чтобы провести в жизнь хотя бы одно из этих требований, — не говоря уже об обоих. В политике только две силы имеют решающее значение: организованная сила государства, армия, и неорганизованная, сти-

хийная сила народных масс. Апеллировать к массам буржуазия разучилась в 1848 г.; она боялась их еще больше, чем абсолютизма. Армия же отнюдь не была в ее распоряжении, но ею распоряжался, конечно, Бисмарк.

В продолжавшемся конституционном конфликте Бисмарк самым решительным образом боролся против парламентских требований буржуазии. Но он горел желанием осуществить ее национальные требования, тем более что они совпадали с самыми сокровенными сердечными желаниями прусской политики. Если бы он теперь еще раз выполнил волю буржуазии против ее же воли, если бы он осуществил объединение Германии, как оно было сформулировано буржуазией, то конфликт был бы сам собой улажен, и Бисмарк сделался бы таким же кумиром буржуазии, как и его прообраз, Луи Наполеон.

Буржуазия указала ему цель, Луи Наполеон — путь к цели; на долю Бисмарка осталось одно только осуществление.

Чтобы поставить Пруссию во главе Германии, следовало не только силой изгнать Австрию из германского союза, но и подчинить мелкие германские государства. Такие неожиданные войны немцев против немцев искони были для прусской политики главным способом территориального расширения; таких вещей ни один бра- вый пруссак не боялся. Столь же мало сомнений вызывал и второй основной способ — союз с заграницей против немцев. Сентиментальный царь Александр всегда был к услугам. Луи Наполеон всегда признавал пьемонтское призвание Пруссии в Германии и был вполне готов войти в сделку с Бисмарком. Он предпочитал получить то, что ему нужно было, мирным путем, в форме компенсаций, если только мог. К тому же ему вовсе не нужен был весь левый берег Рейна сразу; если бы его давали по частям, по куску за каждое новое продвижение Пруссии, то это не так бросалось бы в глаза и, тем не менее, вело бы к цели. А в глазах французских шовинистов одна квадратная миля на Рейне значила больше, чем вся Савойя и Ницца. Итак, завязаны были переговоры с Луи Наполеоном и получено его разрешение на увеличение Пруссии и создание Северо-германского союза¹. Что ему за это был предложен кусок германской территории на Рейне, не подожмет никакому сомнению; в переговорах Бисмарка с Говона речь шла о рейнской Баварии и рейнском Гессене. Правда, впоследствии Бисмарк облыжно это отрицал. Но дипломат, особенно прусский, имеет свои соб-

¹ В рукописи вписано: «линия раздела — Майн». *Ред.*

ственные взгляды относительно границ, в каких он имеет право или даже обязан сделать некоторое насилие над истиной. Ведь истина — женщина, и, значит, по юнкерским представлениям, ей это, собственно, даже приятно. Луи Наполеон не был так глуп, чтобы позволить Пруссии расширить свою территорию, не получив от Пруссии обещания компенсации; скорее Блейхредер ссудил бы деньги без процентов. Но он недостаточно знал своих пруссаков и, в конце концов, все-таки был обманут. Словом, после того как с ним дело было обеспечено, заключили союз с Италией для «удара в сердце» («Stoss ins Herz»).

Филистеры различных стран глубоко возмущались этим выражением. Совершенно напрасно! *A la guerre comme à la guerre* [На войне как на войне]. Выражение только доказывает, что Бисмарк считал немецкую гражданскую войну 1866 г. тем, чем она была в действительности, т. е. *революцией*, и что он был готов провести эту революцию революционными средствами. Он это и сделал. Его выступление против Союзного сейма было революционным. Вместо того чтобы подчиниться законному решению союзных властей, он обвинил их в нарушении союзного договора (пустая отговорка!), взорвал союз, провозгласил новую конституцию с рейхстагом, избранным на основе революционного всеобщего избирательного права, и выгнал, наконец, Союзный сейм из Франкфурта. В Верхней Силезии он сформировал венгерский легион под командой революционного генерала Клапки и других революционных офицеров, солдаты которых, венгерские перебежчики и военнопленные, должны были воевать против своего собственного законного главнокомандующего¹. После завоевания Богемии Бисмарк издал прокламацию «К жителям славного королевства Богемии»; содержание прокламации также грубо попирало легитимные традиции. Мирным путем он отобрал в пользу Пруссии все владения трех законных германских союзных князей и одного вольного города, причем это изгнание князей, которые были «божией милостью» не в меньшей мере, чем прусский король, не вызвало никаких угрызений его христианской и легитимистской совести. Коротко говоря, это была самая настоящая революция, проведенная революционными средствами. Мы не станем, конечно, упрекать его за это. Напротив, мы упрекаем его за то, что он был недостаточно революционен, что он был только прусским революционером сверху; что он начал целую революцию, когда по своему положению

¹ Здесь на полях стоит слово: «присяга». Австрийских перебежчиков призывали к нарушению присяги. *Ред.*

мог провести только пол-революции; что, раз вступив на путь аннексий, он удовлетворился четырьмя нищенскими мелкими государствами.

Но тут же вслед приплелся и маленький Наполеон и потребовал своего вознаграждения. Во время войны он мог бы взять на Рейне все, что хотел; не только край, но и крепости были обнажены. Он колебался; он ждал затяжной войны, которая утомит обе стороны, а последовали быстрые удары, сломившие Австрию в восемь дней. Он потребовал сначала то, что Бисмарк в беседе с генералом Говонэ наметил как возможную компенсацию, — рейнскую Баварию и рейнский Гессен с Майнцем. Но этого Бисмарк уже не мог бы теперь дать, даже если бы захотел. Огромные военные успехи возложили на него новые обязанности. С того момента как Пруссия взяла на себя защиту и охрану Германии, она уже не могла продать иностранцам ключ к среднему Рейну — Майнц. Бисмарк ответил отказом. Луи Наполеон был готов поторговаться; он потребовал только Люксембург, Ландау, Саарлуи и Саарбрюкенский угольный район. Но и этого Бисмарк теперь уже не мог уступить, тем более, что на этот раз претензии были предъявлены и на прусскую территорию. Почему Луи Наполеон сам не совершил захвата в надлежащий момент, когда пруссаки были прикованы к Богемии? Так или иначе, но из компенсаций в пользу Франции ничего не вышло. Что в дальнейшем это означало войну с Францией, Бисмарк знал, но как раз этого-то он и хотел.

При заключении мира Пруссия не использовала на этот раз благоприятной ситуации так бесцеремонно, как она обычно это делала в момент удачи. Для этого были достаточные основания. Саксония и Гессен-Дармштадт были втянуты в новый северо-германский союз и уже поэтому были пощажены. С Баварией, Вюртембергом и Баденом требовалось мягкое обращение потому, что Бисмарк собирался заключить с ними ряд тайных оборонительных и наступательных союзов. А Австрия — разве Бисмарк не оказал ей услуги тем, что рассек мечом традиционные пути, приковывавшие ее к Германии и Италии? Не создал ли он ей только теперь то независимое положение великой державы, о котором она так долго мечтала? Разве не лучше ее самой понимал он фактически ее выгоды, победив ее в Богемии? Разве, здраво рассуждая, не должна была Австрия убедиться, что географическое положение и взаимные уступки обеих стран превращали объединенную вокруг Пруссии Германию в ее необходимую и естественную союзницу?

Таким образом Пруссия могла в первый раз за все свое суще-

ствование окружить себя ореолом великодушия, — потому что «она отказывалась от колбасы ради ветчины» (mit der Wurst nach dem Schinken warf).

На богемских полях сражений была разбита не только Австрия, но и немецкая буржуазия. Бисмарк доказал ей, что он ее выгоды знает лучше ее самой. Продолжение конфликта со стороны палаты было немыслимо. Либеральные притязания буржуазии были надолго похоронены, а ее национальные требования с каждым днем все больше выполнялись. С удивлявшей ее самой быстротой и точностью Бисмарк осуществлял ее национальную программу. И, показав ей воочию *in corpore vili*, на ее собственном мерзком теле, ее расхлябанность и отсутствие энергии и вместе с тем ее полную неспособность провести свою собственную программу, он, якобы проявляя великодушие, вошел в палату, теперь фактически обезоруженную, с проектом о безнаказанности антиконституционного правительства. Тронутая до слез палата выразила свое одобрение этому теперь уже безобидному прогрессу.

Тем не менее, буржуазии напомнили, что при Кениггреце была побеждена и она. Конституция Северо-германского союза была скроена по шаблону прусской конституции, которая в этом конфликте получила аутентичную интерпретацию. Отказ от вотирования налогов был воспрещен. Союзный канцлер и его министры назначались прусским королем независимо от всякого парламентского большинства. Утвердившаяся благодаря конфликту независимость армии от парламента была сохранена и по отношению к рейхстагу. Зато у членов этого рейхстага было гордое сознание, что они были избраны всеобщим голосованием. Об этом обстоятельстве напоминал им также, хотя и в неприятной форме, вид двух социалистов, которые сидели среди них. Впервые социалистические депутаты, представители пролетариата, появились в составе парламента. Это было зловещее предзнаменование.

На первых порах все это не имело значения. Теперь предстояло создать и эксплуатировать в интересах буржуазии новое единство государства, по крайней мере на севере, и таким путем заманить в новый союз и южно-германских буржуа. Союзная конституция изыкала важнейшие в экономическом отношении отрасли законодательства из ведения отдельных государств и поручила их упорядочение союзу: общее гражданское право и свободу передвижения по всей территории союза, право гражданства, законодательство в области промышленности, торговли, таможенных пошлин, судоходства, монетного дела, мер и весов, железных дорог, водных.

путей сообщения, почты и телеграфа, патентов, банков, всей иностранной полиции, консульств, охраны торговли за границей, санитарной полиции, уголовного права, судопроизводства и т. д.: Большая часть этих вопросов была урегулирована быстро в законодательном порядке и, в общем, в либеральном духе. Так, наконец, были уничтожены — наконец! — наиболее уродливые проявления государственной раздробленности, больше всего мешавшие капиталистическому развитию, с одной стороны, и властолюбивым замыслам Пруссии — с другой. Но это отнюдь не было всемирно-историческим достижением, как старался развонить буржуа, который становился теперь шовинистом, а лишь очень, очень поздним и несовершенным подражанием тому, что было сделано французской революцией еще 70 лет тому назад и что другие культурные государства давно ввели у себя. Вместо того чтобы хвастать, впору было устыдиться того, что «высоко просвещенная» Германия оказалась в этом деле на самом последнем месте.

За весь этот период существования Северо-германского союза Бисмарк охотно шел навстречу буржуазии в экономической области и даже при обсуждении вопросов парламентской компетенции показывал железный кулак только в бархатной перчатке. Это была его лучшая пора; временами даже можно было усомниться в его специфически прусской ограниченности, в его неспособности понять, что в мировой истории имеются также и другие силы, более мощные, чем армии и опирающиеся на них дипломатические интриги.

Что мир с Австрией был чреват войной с Францией, это Бисмарк не только знал, он этого хотел. Эта война с Францией и должна была предоставить средства для завершения прусско-германской империи, которую требовала от него германская буржуазия *. Попытки постепенно преобразовать тамозженный парламент в рейхстаг и мало-по-малу втянуть таким образом южные государства в Северный союз разбились о громкий крик южно-германских депутатов: «Никакого расширения компетенции!» Настроение прави-

* Еще до войны с Австрией, на запрос министра одного из средне-германских государств по поводу демагогической немецкой политики Бисмарка, последний ответил, что он, вопреки всем фразам, выбросит Австрию из Германии и взорвет союз. — «И что же, вы думаете, что средне-германские государства будут спокойно смотреть на это?» — «Вы, средне-германские государства, не сделаете ровно ничего». — «А что станет после этого с немцами?» — «Я поведу их тогда в Париж и объединю их там». (Рассказано в Париже накануне войны с Австрией упомянутым министром и опубликовано во время этой же войны в «Manchester Guardian» его парижской корреспонденткой г-жой Крауфорд.)

тельств, только что потерпевших поражение на поле сражения, было не более благоприятно. Только новое, наглядное доказательство того, что Пруссия по сравнению с ними чрезвычайно сильна, а также достаточно сильна, чтобы их защитить, — следовательно только новая общегерманская война могла сильно ускорить капитуляцию. И к тому же пограничная линия по Майну, о которой заранее состоялось тайное соглашение между Бисмарком и Луи Наполеоном, была, повидимому, навязана последним Пруссии, несмотря на победы; объединение с Южной Германией было поэтому нарушением формально признанного на этот раз за французами права на раздробление Германии, было поводом к войне.

Между тем, Луи Наполеон должен был отыскать где-нибудь у германской границы клочок земли, который он мог бы забрать как компенсацию за Садовую¹. При образовании Северо-германского союза Люксембург не вошел в него, так что теперь это было вполне независимое государство, состоявшее в личной унии с Голландией. При этом он был приблизительно так же офранцужен, как и Эльзас, и решительно гораздо больше тяготел к Франции, чем к Пруссии, которую положительно ненавидел.

Люксембург — разительный пример того, что стало с немецко-французскими пограничными областями вследствие политического убожества Германии с конца средних веков, тем более разительный, что до 1866 г. Люксембург номинально принадлежал Германии. Хотя до 1830 г. он состоял из двух половин, французской и немецкой, тем не менее и немецкая часть уже рано испытала влияние более высокой французской культуры. Германские императоры из Люксембургского дома были по языку и образованию французами. Со времени включения Люксембурга в бургундские земли (1440 г.) он, подобно остальным Нидерландам, оставался только в номинальной связи с Германией; в этом отношении ничего не изменил и его прием в германский союз в 1815 г. После 1830 г. французская его часть и изрядная доля немецкой отошли к Бельгии. Но и в оставшейся еще немецкой части Люксембурга все продолжалось на французский лад: в судах, в правительственных учреждениях, в палате вся процедура происходила на французском языке; все официальные и частные документы, все торговые книги велись на французском языке; во всех средних школах преподавание велось на французском языке; языком образованных людей был и остался

¹ Садовая — деревня в Чехословакии у Кениггреца. Здесь прусские войска нанесли решительное поражение австрийцам (3 июля 1866 г.). *Ред.*

французский, — разумеется, французский язык, жестоко страдавший от верхне-немецкого передвижения согласных. Словом, население Люксембурга говорило на двух языках — на рейнско-франкском народном диалекте и по-французски, но верхне-немецкий оставался чужим языком. Прусский гарнизон столицы скорее ухудшал, чем улучшал положение. Все это достаточно позорно для Германии, но это правда. И это добровольное офранцужение Люксембурга проливает надлежащий свет на подобные же явления в Эльзасе и немецкой Лотарингии.

Суверенный герцог Люксембурга, голландский король, нуждался в наличных деньгах и изъявил готовность продать герцогство Луи Наполеону. Люксембуржцы безусловно отнеслись бы благосклонно к воссоединению с Францией: это доказала их позиция во время войны 1870 г. Пруссия ничего не могла возразить с точки зрения международного права, так как сама содействовала исключению Люксембурга из Германии. Ее войска стояли в люксембургской столице в качестве союзного гарнизона германской союзной крепости; с того момента, как Люксембург перестал быть союзной крепостью, они теряли там все права. Почему же они не ушли, почему Бисмарк не мог допустить этой аннексии?

Да просто потому, что теперь выступили наружу те противоречия, в которых он запутался. До 1866 г. Германия была еще для Пруссии только территорией для аннексий, которою приходилось делиться с заграницей. После 1866 г. Германия стала охраняемой территорией, которую Пруссия должна была защищать от когтей иностранцев. Правда, из прусских соображений целые германские области были выключены из вновь основанной так называемой Германии. Но право немецкой нации на всю ее собственную территорию возлагало теперь на прусскую корону обязанность не допускать включения этих частей прежней союзной территории в состав иностранных государств, обеспечить им на будущее время воссоединение с новым прусско-немецким государством. Поэтому Италия остановилась у тирольской границы, поэтому же теперь Люксембург не должен был перейти в руки Луи Наполеона. Подлинно революционное правительство могло бы открыто заявить об этом, но не королевско-прусский революционер, которому удалось, наконец, превратить Германию в меттерниховское «географическое понятие». Он сам нарушил международное право и мог выйти из затруднения, лишь применяя свое излюбленное корпорантско-кабацкое толкование международного права.

Если его при этом не высмеяли, то только потому, что весной 1867 г. Луи Наполеон еще совсем не был готов к большой войне. На Лондонской конференции состоялось соглашение. Пруссакки очистили Люксембург; крепость была скрыта, герцогство объявлено нейтральным. Война была снова отсрочена¹.

Луи Наполеон не мог на этом успокоиться. Он согласен был на усиление могущества Пруссии, но только при условии соответствующих компенсаций на Рейне. Он был готов удовольствоваться малым; но и из этого он еще уступил и ровно ничего не получил, был кругом обманут. Однако для существования бонапартистской империи во Франции необходимо было, чтобы французская граница постепенно подвигалась к Рейну и Франция оставалась — в действительности или хотя бы в воображении — арбитром Европы. Отодвинуть границу не удалось, положение арбитра уже было под угрозой, бонапартистская пресса громко кричала о реванше за Садовую; чтобы сохранить за собой престол, Луи Наполеон должен был остаться верен своей роли и добыть силой то, чего он не получил добром, несмотря на все оказанные услуги.

С обеих сторон начались, таким образом, деятельные приготовления к войне, дипломатические и военные. При этом произошел следующий дипломатический случай.

Испания искала кандидата на престол. В марте [1869 г.] французский посол в Берлине, Бенедетти, узнает по слухам о притязаниях на этот трон принца Леопольда Гогенцоллерна и получает из Парижа предписание проверить правильность этого. Товарищ статс-секретаря фон-Тиле заверяет его честным словом, что прусскому правительству об этом ничего не известно. В свой приезд в Париж Бенедетти узнает мнение императора: «эта кандидатура явно антинациональна, страна не согласится на нее, ее нельзя допустить».

Этим Луи Наполеон, между прочим, доказал, что его положение уже сильно пошатнулось. Что, в самом деле, могло быть лучшей «местью за Садовую», чем прусский принц на королевском троне в Испании, неизбежно вытекающие отсюда неприятности, вовлечение Пруссии во внутренние испанские партийные отношения и даже, может быть, война, поражение карликового прусского флота и во всяком случае в высшей степени смешное положение Пруссии перед Европой? Но Луи Наполеон уже не мог себе позволить такое зрелище. Его кредит был уже настолько подорван, что он должен был считаться с традиционной точкой зрения, согласно которой прус-

¹ Здесь в рукописи оставлено свободное место. *Ред.*

ский принц на испанском троне поставил бы Францию между двух огней и, следовательно, не мог быть терпим, — точка зрения после 1830 г. ставшая смешной.

Бенедетти посетил Бисмарка, чтобы получить дальнейшие разъяснения и изложить ему точку зрения Франции (11 мая 1869 г.). Он не узнал от Бисмарка ничего определенного. Зато Бисмарк узнал от него то, что хотел узнать, что кандидатура Леопольда обозначает немедленную войну с Францией. Бисмарк получил, таким образом, возможность начать войну, когда ему будет угодно.

Действительно, в июле 1870 г. снова выплывает кандидатура Леопольда и немедленно приводит к войне, как ни противился этому Луи Наполеон. Он не только видел, что попался в ловушку. Он знал также, что дело идет о его императорской власти и мало верил в правдивость своей бонапартистской серной банды, уверявшей его, что все до последней пуговицы готово, и еще меньше верил в ее военные и административные способности. Но логические последствия его собственного прошлого гнали его к гибели; самые его колебания ускоряли его падение.

Напротив, Бисмарк был не только в полной боевой готовности, но за ним на этот раз действительно стоял народ, который за всей обоюдной дипломатической ложью видел только одно: речь идет о войне не за Рейн только, а за существование нации. Резервы и ополченцы—впервые после 1813 г. — снова бодрые и боевые стекались под знамена. Безразлично, как все это произошло, какая часть 2000-летнего национального наследства была или не была самовольно обещана Бисмарком Луи Наполеону, — дело шло о том, чтобы раз навсегда внушить за границе, что ей нечего вмешиваться во внутренние немецкие дела и что Германия не призвана подпирать шаткий трон Луи Наполеона уступкой немецкой территории. И в этом национальном подъеме исчезли все классовые различия, развеялись, как дым, все мечты южно-германских дворов о рейнском союзе, все реставрационные поползновения изгнанных князей.

Обе стороны заблаговременно позаботились о союзниках. Луи Наполеон был уверен в Австрии и Дании и — до некоторой степени — в Италии. На стороне Бисмарка стояла Россия. Но Австрия была, по обыкновению, не готова, не могла активно выступить ранее 2 сентября, — а 2 сентября Луи Наполеон был уже германским военнопленным; к тому же Россия уведомила Австрию, что она нападет на нее, как только Австрия нападет на Пруссию. В Италии же Луи Наполеону приходилось поплатиться за свою двуличную политику: он хотел поднять национально-объединительное движение

итальянцев, но в то же время охранить папу от этого национального единства; Рим был занят его войсками, которые были ему теперь нужны дома, но которых он не мог убрать, не обязав предварительно Италию соблюдать суверенные права Рима и папы, а это, в свою очередь, помешало Италии притти к нему на помощь. Наконец, Дания получила от России приказ сидеть смирно.

Однако решительнее всех дипломатических переговоров влияли на локализацию войны быстрые удары германского оружия от Шпихерна и Верта до Седана. Армия Луи Наполеона терпела поражение в каждой стычке и перекочевала, наконец, на три четверти в германский плен. В этом были повинны не солдаты, которые дрались довольно храбро, а вожди и управление. Но когда создают свою империю, подобно Луи Наполеону, с помощью банды проходимцев, когда в течение восемнадцати лет удерживают в своих руках власть над этой империей только тем, что отдают Францию этой самой банде в эксплуатацию, когда на все важнейшие посты в государстве ставят людей из этой банды, а на все второстепенные места — их подручных, то не следует затевать борьбу на жизнь и на смерть, чтобы не оказаться в безвыходном положении. Меньше чем в пять недель рухнуло все здание империи, которому долгие годы дивились европейские филистеры; революция 4 сентября только убрала обломки; а Бисмарк, начавший войну с намерением основать малогерманскую империю, оказался в одно прекрасное утро основателем Французской республики.

Согласно прокламации самого Бисмарка, война велась не против французского народа, а против Луи Наполеона. С падением последнего отпадал, следовательно, всякий повод к войне. Так воображало и правительство 4 сентября — в других вопросах далеко не столь наивное — и было крайне удивлено, когда Бисмарк внезапно обернулся прусским юнкером.

Никто в мире не питает такой ненависти к французам, как прусские юнкеры. Мало того, что юнкеру, бывшему раньше свободным от налогов, пришлось жестоко пострадать во время кары, ниспосланной через французов в 1806—1813 гг. и вызванной его же собственной заносчивостью; гораздо хуже было то, что безбожные французы своей нечестивой революцией посеяли такую смуту в умах, что бывшее юнкерское величие было похоронено в значительной мере даже в старой Пруссии, а за последние остатки этого величия бедным юнкерам приходилось из года в год вести упорную борьбу, и большая их часть уже опустилась до уровня жалкого паразитического дворянства. За это следовало отомстить Франции,

и эту задачу выполнили юнкерские офицеры в армии под руководством Бисмарка. В Пруссии были составлены списки французских военных контрибуций и по ним установлены размеры военной дани, подлежащей взысканию с отдельных городов и департаментов Франции, — конечно, из расчета на гораздо большее богатство Франции. Съестные припасы, фураж, одежда, обувь и т. д. реквизировались с демонстративной беспощадностью. Один мэр в Арденнах, заявивший, что не может выполнить поставку, получил без дальнейших объяснений двадцать пять палочных ударов; парижское правительство опубликовало официальные доказательства этого. Вольные стрелки, действовавшие в таком точном соответствии с уставом прусского ландштурма 1813 г., словно они специально его изучали, безжалостно расстреливались на месте. Верны также рассказы про отсылавшиеся на родину стенные часы; «Kölnische Zeitung» сама сообщала об этом. Только, по понятиям пруссаков, эти часы были не украдены, а найдены как бесхозяйное имущество в покинутых виллах под Парижем и аннектированы в пользу дорогих соотечественников. Таким образом, юнкеры под руководством Бисмарка позаботились о том, чтобы, несмотря на безупречное поведение солдат и значительной части офицерства, сохранить специфически-пруссский характер войны и вдолбить его в головы французов; последние же возложили ответственность за мелкие низости юнкеров на всю армию.

И все же этим самым юнкерам выпало на долю воздать французскому народу такие почести, равных которым до сих пор не знала история. Когда все попытки освободить Париж от осады потерпели неудачу, когда все французские армии были отбиты и последняя большая атака Бурбаки на коммуникационную линию немцев тоже не увенчалась успехом; когда вся европейская дипломатия предоставила Францию ее собственной участи, не ударив палец о палец, тогда изголодавшийся Париж вынужден был капитулировать. И сильнее забились сердца юнкеров, когда им представилась, наконец, возможность вступить триумфаторами в это гнездо безбожников и полностью отомстить парижским архимятежникам, чего не позволил им сделать в 1814 г. русский император Александр, а в 1815 г. — Веллингтон; теперь они вволю могли расправиться с очагом и родиной революции.

Париж капитулировал, уплатив 200 миллионов контрибуции; его форты были переданы пруссакам; гарнизон сложил оружие к ногам победителей и выдал свои полевые орудия; пушки парижских укреплений были сняты с лафетов; все средства сопротивления,

принадлежавшие государству, были выданы одно за другим. Но подлинные защитники Парижа — национальная гвардия, вооруженный парижский народ — остались неприкосновенными; у них никто не посмел потребовать выдачи оружия, ни их ружей, ни их пушек *. И чтобы поведать всему миру, что победоносная немецкая армия почтительно остановилась перед вооруженным населением Парижа, победители не вошли в Париж, а удовольствовались тем, что им дали занять на три дня Елисейские поля — общественный парк! — со всех сторон окруженные, охраняемые и запертые сторожевыми патрулями парижан! Ни один немецкий солдат не зашел в парижскую ратушу, ни один не прогулялся по бульварам, а те несколько человек, которых пропустили в Лувр для осмотра сокровищ искусства, должны были просить разрешения; это было нарушением капитуляции. Франция была разгромлена, Париж изнемогал от голода, но своим славным прошлым парижский народ заставил уважать себя настолько, что ни один из победителей не посмел потребовать его разоружения, ни один не дерзнул войти в его дом и осквернить триумфальным шествием эти улицы, боевую арену стольких революций. Словно новоиспеченный германский император обнажил голову перед живыми революционерами Парижа, как его покойный брат обнажил ее перед трупами мартовских бойцов Берлина, и словно вся германская армия стоит позади императора и отдает им честь.

Но это была также и единственная жертва, на которую пришлось пойти Бисмарку. Под предлогом, будто во Франции нет правительства, с которым можно было бы заключить мир, — 4 сентября это было в такой же мере верно и в такой же неверно, как и 20 января, — он использовал свои успехи чисто по-прусски, во всей точности, и согласился заключить мир лишь после окончательного разгрома Франции. При заключении мира он опять-таки по настоящей старо-прусской манере «использовал благоприятное положение без всякой пощады». Не только было выжато неслыханное военное возмещение в 5 миллиардов, но сверх того две провинции, Эльзас и немецкая Лотарингия, с Мецом и Страсбургом, были отторгнуты от Франции и включены в состав Германии. С этой аннексией Бисмарк впервые выступил как независимый политик, который не просто выполняет по-своему предписанную ему изве

* Именно эти пушки, принадлежавшие национальной гвардии, а не государству, и поэтому не выданные пруссакам, Тьер приказал 18 марта 1871 г. украсть у парижан, что и послужило поводом к восстанию, из которого возникла Коммуна.

программу, но осуществляет на практике произведение своего собственного разума; и это, вместе с тем, была его первая колоссальная ошибка.

Эльзас был в сущности завоеван Францией еще в Тридцатилетнюю войну. Ришелье тогда изменил разумному принципу Генриха IV, который говаривал: «Та земля, где говорят по-испански, пусть принадлежит испанцам, где говорят по-немецки — немцам, но земля, где говорят по-французски, принадлежит мне». Ришелье опирался при этом на принцип естественной границы по Рейну, исторической границы древней Галлии. Это была глупость; но Германская империя, в состав которой входили области Лотарингии и Бельгии и даже Франш-Конте, в которых говорили по-французски, не имела права упрекать Францию в захвате земель с немецким по языку населением. И если Людовик XIV в 1681 г. в мирное время захватил Страсбург с помощью франкофильской партии города, то не Пруссии приходило от этого в негодование, после того как она точно так же в 1796 г. силою овладела, хотя и неудачно, вольным имперским городом Нюрнбергом, куда ее во всяком случае ни одна прусская партия не звала*.

Лотарингия была в 1735 г. продана Австрией по венскому мирному трактату Франции, а в 1766 г. окончательно перешла во владение французов. В течение веков она только номинально принад-

* Людовика XIV упрекают в том, что он в самое мирное время напускал свои палаты воссоединения на немецкие области, которые ему не принадлежали. О пруссаках даже самые злостные их завистники не могут сказать ничего подобного. Наоборот, заключив в 1795 г. сепаратный мир с Францией, что было прямым нарушением имперской конституции, и объединив под своим главенством своих столь же вероломных мелких соседей за демаркационной линией в первый Северо-германский союз, они использовали для захватнических попыток во Франкнии затруднительное положение южно-германских имперских сословий, которым пришлось одним продолжать войну в союзе с Австрией. Они учредили в Ансбахе и Байрейте (которые были тогда прусскими) палаты воссоединения по французскому образцу и заявили притязание на целый ряд соседних местностей под такими предложениями, по сравнению с которыми юридические аргументы Людовика были верхом убедительности. Когда же немцы были затем разбиты и отступили, а французы вошли во Франконию, спасители пруссаки заняли всю Нюрнбергскую область, включая пригороды, до самой городской стены и заставили трепетавших от страха нюрнбергских мещан подписать договор (2 сентября 1796 г.), по которому город отошел под власть пруссаков с условием, чтобы в город никогда не впускали евреев. Но вслед за этим эрцгерцог Карл опять перешел в наступление и разбил французов при Вюрцбурге 3 и 4 сентября 1796 г., а вместе с тем потерпела неудачу и эта попытка Пруссии вбить нюрнбержцам в голову представление о германской миссии пруссаков.

лежала Германской империи, ее герцоги были во всех отношениях французами и почти всегда находились в союзе с Францией.

В Вогезах до французской революции существовало много мелких князьков, которые по отношению к Германии вели себя как имперские князья, члены Союза, но всегда признавали над собой суверенитет Франции; они извлекали выгоды из этого двойственного положения, и если Германская империя это терпела, не привлекая наследственных князьков к ответственности, то ей нечего было жаловаться, когда Франция, в силу своих верховных прав, брала под защиту население этих областей против изгнанных князей.

В общем эта немецкая область до революции почти совсем не была офранцузена. Немецкий язык оставался языком школы и официальных сношений, по крайней мере внутри Эльзаса. Французское правительство покровительствовало немецким провинциям, которые после долголетних опустошительных войн, теперь, с начала XVIII века, не видели больше врагов в своей стране. Раздираемая вечными внутренними войнами, Германская империя уже во всяком случае не могла возбуждать в эльзасцах желание вернуться обратно в материнское лоно; царили, по крайней мере, мир и спокойствие, знали, с кем имеют дело, а задававшие тон филлисты видели в этом неисповедимые судьбы господни. К тому же они были не одиноки в своей судьбе: ведь голштинцы также находились под чужеземным датским владычеством.

Но вот вспыхнула французская революция. То, чего Эльзас и Лотарингия не смели и ждать от Германии, они получили от Франции. Феодалные оковы были разбиты. Крепостной, обремененный барщиной крестьянин стал свободным человеком, во многих случаях свободным собственником своего двора и поля. Господство знати и цеховые привилегии в городах исчезли. Дворян прогнали, а во владениях мелких князей и герцогов крестьяне последовали примеру соседей, изгнали владетельных господ, правительственные палаты и дворян и провозгласили себя свободными французскими гражданами. Нигде во Франции народ не присоединился к революции с большим энтузиазмом, чем в провинциях с немецким населением. Когда же Германская империя еще объявила революции войну, когда немцы не только все так же покорно влачили собственные цепи, но дали еще себя использовать для того, чтобы навязать французам старое рабство, а эльзасским крестьянам только что прогнанных феодалных господ, — тогда было покончено с немецким происхождением эльзасцев и лотарингцев, они тогда научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была

сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами «Марсельеза», и тогда французские немцы, невзирая на язык и прошлое, срослись в сотнях сражений, в борьбе за революцию, в единый народ с исконными французами.

Не такое же ли чудо совершила Великая революция с фламандцами Дюнкирхена, с кельтами Бретани, с итальянцами Корсики? И когда мы жалуемся на то, что то же самое случилось также с немцами, не забываем ли мы всю нашу историю, которая сделала это возможным? Неужели мы забыли, что весь левый берег Рейна, который принимал только пассивное участие в революции, был на стороне французов, когда в 1814 г. туда снова вторглись немцы, и оставался на стороне французов до 1848 г., когда революция реабилитировала немцев в глазах населения рейнских областей? Что восторженное отношение Гейне к французам и даже его бонапартизм были только отголоском общего настроения народных масс на левом побережье Рейна?

Во время своего вторжения в 1814 г. союзники как раз в Эльзасе и немецкой Лотарингии встретили наиболее враждебное отношение, наиболее сильное сопротивление со стороны самого народа, так как здесь чувствовали опасность, что придется опять стать немцами. А между тем, в то время там еще говорили почти исключительно по-немецки. Когда же опасность отторжения от Франции миновала, когда аннексионистским вождениям немецко-романтических шовинистов был положен конец, убедились в необходимости более тесного сращения с Францией и по языку, и с этих пор началось такое же офранцужение школы, какое добровольно проводили у себя и люксембуржцы. Тем не менее преобразовательный процесс протекал очень медленно; лишь нынешнее поколение буржуазии действительно офранцужено, между тем как крестьяне и рабочие говорят по-немецки. Положение приблизительно такое же, как в Люксембурге: литературный немецкий язык вытеснен французским, за исключением отчасти церковной кафедры, но народный немецкий диалект уступил свое место только на языковой границе и в приятельской беседе употребляется гораздо больше, чем в большинстве местностей Германской империи.

Такова та страна, которую Бисмарк и прусские юнкеры возымили смелость вновь онемечить, опираясь на возрождение шовинистической романтики, неотделимое, повидимому, от всех немецких начинаний. Мысль превратить Страсбург, родину «Марсельезы», в немецкий город была такой же нелепостью, как и мысль офранцузить родину Гарибальди, Ниццу. Но в Ницце Луи Наполеон со-

блюдал, по крайней мере, приличие, поставив вопрос об аннексии на голосование, — и маневр ему удался. Не говоря уже о том, что пруссаки отвергают подобные революционные методы по весьма веским причинам, — еще не было случая, чтобы народные массы захотели где-нибудь присоединения к Пруссии, — слишком хорошо было известно, что как раз население этих провинций более единодушно привязано к Франции, чем сами исконные французы. Отторжение было, таким образом, произведено путем голого насилия. Это была своего рода месть французам за революцию: от Франции был оторван один из кусков, которые именно благодаря революции спаялись с нею воедино.

В военном отношении аннексия Эльзас-Лотарингии во всяком случае имела смысл. Завладев Мецом и Страсбургом, Германия приобретает сильнейший защитный фронт. Пока Бельгия и Швейцария сохраняют нейтралитет, французы могут начать массовое наступление только на узкой полосе между Мецом и Вогезами; и к тому же Кобленц, Мец, Страсбург и Майнц образуют самый сильный и большой в мире четырехугольник крепостей. Но и этот четырехугольник, как и австрийский в Ломбардии, расположен наполовину в неприятельской стране и служит там цитаделью, при помощи которой держат в повиновении население. Более того: чтобы замкнуть четырехугольник, нужно было произвести захват за пределами немецкой языковой области, нужно было аннектировать четверть миллиона исконных французов.

Крупная стратегическая выгода, следовательно, — единственный момент, который может оправдать аннексию. Но идет ли этот выигрыш в какое бы то ни было сравнение с тем вредом, который им причинен?

Прусский юнкер даже не замечает крупного морального ущерба, который причинила себе молодая Германская империя, открыто и беззащитно провозгласившая грубое насилие своим основным принципом. Наоборот, ему нужны непокорные, силою обуздываемые подданные: они свидетельствуют о росте прусского могущества; да, в сущности, других у него никогда и не было. Но на что он обязан был не закрывать глаз — это на политические последствия аннексии. А они были ясны, как день. Еще до того как аннексия вступила в законную силу, Маркс громко, на весь мир возвестил о ней в циркуляре Интернационала: *«Аннексия Эльзаса и Лотарингии делает Россию арбитром Европы»*. И социал-демократы довольно часто повторяли это с трибуны рейхстага до тех пор, пока истины этих слов не признал, наконец, сам Бисмарк в своей парламентской

речи от 6 февраля 1888 г. своим пресмыкательством перед всемогущим царем, вершителем войны и мира.

В самом деле, это было ясно, как день. Оторвав от Франции две до фанатизма патриотические провинции, ее толкали в объятия всякого, кто подавал ей надежду на их возвращение, и делали ее своим вечным врагом. Правда, Бисмарк, достойный и добросовестный представитель немецкого филистерства в этом отношении, требует от французов, чтобы они отказались от Эльзас-Лотарингии не только в государственно-правовом порядке, но и морально, да еще даже радовались «возвращению» этих двух кусков революционной Франции «в свое старое отечество», которого они и знать не хотят. Но этого, к сожалению, не делают французы, как и немцы во время наполеоновских войн морально не отказывались от левого берега Рейна, хотя он отнюдь и не стремился тогда вернуться к ним. Пока эльзасцы и лотарингцы хотят вернуться к Франции, до тех пор Франция будет и должна добиваться их обратного получения и позаботиться о средствах для этого, следовательно, между прочим, и о союзниках. А естественный союзник Франции против Германии — Россия.

Если обе величайшие и сильнейшие нации западного континента нейтрализуют друг друга враждой, если даже лежащее между ними вечное яблоко раздора встраивает их в обоюдную борьбу, то выплывает от этого только Россия, у которой тогда еще больше развязываются руки, — Россия, чьим завоевательным стремлениям Германия тем меньше может помешать, чем больше Россия в праве надеяться на безусловную поддержку со стороны Франции. Разве Бисмарк не поставил Францию в такое положение, что она должна вымалывать у России союз и любезно предоставить ей Константинополь, если Россия пообещает ей провинции, которых она лишилась? Если же, несмотря на это, мир поддерживался в течение семнадцати лет, то не по той ли единственной причине, что введенная во Францию и в России система ополчения требует, по меньшей мере, шестнадцати, а после недавнего немецкого нововведения — даже двадцати пяти лет, чтобы дать полное число обученных годовых контингентов? И не служит ли в настоящий момент аннексия Эльзас-Лотарингии, бывшая за последние семнадцать лет основным фактом всей европейской политики, главной причиной всего кризиса, угрожающего войной нашей части света? Устраните один этот факт — и мир обеспечен!

Эльзасский буржуа, говорящий по-французски с верхне-немецким акцентом, этот ублюбочный хлыщ, который щеголяет француз-

скими манерами больше настоящего француза, который смотрит на Гете сверху вниз и бредит Расином, но который все-таки не может избавиться от мучительного сознания тайны своего немецкого происхождения и именно потому должен в презрительном тоне болтать обо всем немецком, так что не годится даже в посредники между Германией и Францией, — этот эльзасский буржуа — бесспорно весьма презренное существо, будет ли он мюльгаузенским фабрикантом или парижским журналистом. Но кто же сделал его тем, чем он является, как не немецкая история последних трехсот лет? Разве не были еще совсем до недавнего времени почти все немцы за границей, особенно купцы, настоящими эльзасцами, которые отрекались от своего немецкого происхождения, подвергая себя настоящему самоистязанию, подделывались под чужую национальность своей новой родины и при этом, по меньшей мере, ставили себя в такое же смешное положение, как эльзасцы, которые все же более или менее вынуждены к этому обстоятельствами? В Англии, например, все немецкие купцы, переселившиеся туда между 1815 и 1840 г., были почти сплошь англазированные, говорили между собой почти исключительно по-английски, и теперь еще на манчестерской бирже толкуются разные старые немецкие филистеры, которые отдали бы половину своего состояния, чтобы только сойти за настоящих англичан. Только после 1848 г. и в этом отношении наступила перемена, а с 1870 г., когда даже лейтенанты запаса начинают приезжать в Англию и Берлин присылает сюда свои контингенты, прежнее низкопоклонство сменяется прусской заносчивостью, которая делает нас в глазах иностранцев не менее смешными.

И разве воссоединение с Германией после 1871 г. было проведено более справедливым для эльзасцев путем? Напротив. Их подчинили диктатуре, между тем как тут же рядом, во Франции, была республика. У них ввели педантическую докучную прусскую систему ландратов, по сравнению с которой постоянное вмешательство пресловутых французских префектов, строго регулируемое законом, — настоящая благодать. С последними остатками свободы печати, права собраний и союзов было быстро покончено, строптивые городские советы были распущены, бургомистры замещены немецкими бюрократами. Наоборот, «нотаблям», т. е. насквозь офранцузившимся дворянам и буржуа, всячески угождали и обеспечили им эксплуатацию хотя и не по-немецки настроенных, но все же по-немецки говорящих рабочих и крестьян, представлявших единственный элемент, с которым можно было сделать попытку примирения. И чего этим достигли? Достигли того, что в феврале

1887 г., когда вся Германия дала себя запугать и послала в рейхстаг большинство из бисмарковского картеля, эльзасцы и лотарингцы выбрали одних лишь завязтых французов, отвергнув всех, которых можно было заподозрить хотя бы в малейших симпатиях к немцам.

Имеем ли мы в таком случае право негодовать на эльзасцев, что они именно таковы? Ни в коем случае. Их враждебное отношение к аннексии — исторический факт, который нуждается в объяснении, а не в попреках. И тут мы должны спросить себя: какие многочисленные и колоссальные исторические грехи должна была совершить Германия, чтобы в Эльзасе стало возможно такое настроение? И какое впечатление должна производить наша новая Германская империя на сторонних наблюдателей, если после семнадцатилетних попыток вновь онемечить эльзасцев они в один голос заявляют нам: «Оставьте нас в покое!» Имеем ли мы право воображать, что двух удачных походов и семнадцати лет бисмарковской диктатуры уже достаточно, чтобы уничтожить все последствия трехсотлетней позорной истории?

Бисмарк был у дел. Его новая Прусско-германская империя была официально провозглашена в Версале, в парадном зале Людовика XIV. Франция лежала беззащитная у его ног; мятежный Париж, которого он сам не осмелился тронуть, был втравлен Тьером в восстание Коммуны и затем разгромлен вернувшимися из плена солдатами бывшей императорской армии. Все европейские филистеры восхищались теперь Бисмарком, как в 50-х годах восхищались его прототипом Луи Бонапартом. Германия сделалась с помощью России первостепенной силой в Европе, а вся сила Германии была сосредоточена в руках диктатора Бисмарка. Теперь все зависело от того, как сумеет он воспользоваться этой силой. Если он до сих пор осуществлял объединительные планы буржуазии, хотя и не буржуазными, а бонапартистскими средствами, то теперь эта задача была в достаточной мере исчерпана и следовало создавать собственные планы, показать, на какое идейное творчество способна его собственная голова. Это должно было выясниться на внутреннем строительстве новой империи.

Немецкое общество состоит из крупных землевладельцев, крестьян, буржуа, мелких буржуа и рабочих; эти группы, в свою очередь, распадаются на три главных класса.

Крупное землевладение сосредоточено в руках немногих магнатов (преимущественно в Силезии) и большого числа средних землевладельцев, которых больше всего в старопрусских провинциях к востоку от Эльбы. Эти же прусские юнкеры занимают более или

менее господствующее положение во всем землевладельческом классе. Они сами—сельские хозяева, поскольку в большинстве случаев поручают управляющим ведение хозяйства в своих имениях, и, кроме того, очень многие из них имеют винокуренные и свеклосахарные заводы. Их земли закреплены, где это возможно, за родом как майоратные. Младшие сыновья поступают в армию или на гражданскую государственную службу, так что за этим мелкопоместным дворянством тянется еще более мелкое дворянство, офицерское и чиновничье, причем последнее пополняется дворянами, усиленно фабрикуемыми из среды буржуазного высшего офицерства и чиновничества. В низах всего этого дворянства, естественно, образуется примыкающее к нему многочисленное паразитическое дворянство, дворянский люмпенпролетариат, который живет долгами, сомнительной игрой, бесцереминным попрошайничеством и политическим шпионажем. Все это общество в своей совокупности составляет прусское юнкерство и служит одним из главных столпов старопрусского государства. Но землевладельческое ядро этого юнкерства само едва держится на ногах. Обязанность жить по чину обходится с каждым днем все дороже; поддержка младших сыновей до получения ими чина лейтенанта или асессора, выдача дочерей замуж—все это стоит денег; а так как перед выполнением этих обязанностей должны умолкнуть все другие соображения, то не удивительно, что доходов нехватает и приходится подписывать векселя или даже закладывать имения. Словом, все юнкерство постоянно находится на краю пропасти; всякое бедствие, будь то война, неурожай или торговый кризис, грозит ему крахом, и не удивительно, что за последние сто с лишним лет его спасала от гибели только государственная помощь в разных видах и что в действительности оно продолжает существовать только благодаря государственной помощи. Этот только искусственно поддерживаемый класс обречен на гибель; в конце концов, его не спасут никакие государственные субсидии. Но вместе с ним исчезнет и старопрусское государство.

Крестьянин—политически мало активный элемент. Пока он сам остается собственником, он все более и более разоряется вследствие неблагоприятных производственных условий парцеллярного крестьянского хозяйства, лишенного старой общинной марки или общинного выгона, без которого у него нет возможности держать скот. В качестве арендатора он находится еще в худшем положении. Мелкое крестьянское земледелие предполагает главным образом натуральное хозяйство, при денежном хозяйстве оно гибнет.

Отсюда рост задолженности, массовая экспроприация ипотечными кредиторами, переход к домашней промышленности, лишь бы его не согнали с его клочка земли. В политическом отношении крестьянство большей частью индифферентно или реакционно; на Рейне оно настроено клерикально из старой ненависти к пруссакам; в других местностях оно проникнуто партикуляризмом или протестантским консерватизмом. Религиозное чувство еще до сих пор служит в этом классе выражением общественных или политических интересов.

О буржуазии мы уже говорили. С 1848 г. она переживала небывалый экономический подъем. С каждым годом росло участие Германии в промышленности, колоссально выросшей после кризиса 1847 г. под влиянием созданного в это время океанского судоходства, огромного расширения железнодорожной сети и открытия золотых сокровищ Калифорнии и Австралии. Именно ее упорное стремление устранить все создаваемые мелкими государствами препятствия к свободным сношениям и добиться на мировом рынке равного положения со своими иностранными конкурентами и вызвало революцию Бисмарка. Теперь, когда в Германию хлынули французские миллиарды, перед буржуазией открылся новый период лихорадочной промышленной деятельности, и национально-германским крахом она впервые показала себя крупнопромышленной нацией. Она уже тогда была экономически наиболее сильным классом населения, к ее экономическим интересам должно было прислушиваться государство; революция 1848 г. дала государству внешнюю конституционную форму; буржуазия могла также господствовать политически и все больше расширять свое господство. Тем не менее, она была еще далека от действительной политической власти. В конфликте с Бисмарком она не была победительницей; ликвидация конфликта путем революционирования Германии сверху показала ей, далее, что исполнительная власть еще находится пока в лучшем случае только в очень слабой, косвенной зависимости от нее, что она не может ни устранять, ни заставить принять министров, ни распорядиться армией. К тому же она была труслива и слаба перед энергичной исполнительной властью; такими же были и юнкеры, но для нее это было более извинительно ввиду прямого экономического антагонизма между нею и революционным индустриальным пролетариатом. Не подлежало, однако, никакому сомнению, что она постепенно должна уничтожить юнкерство экономически, что из всех имущих классов только она имела еще виды на будущее.

Мелкая буржуазия состояла, во-первых, из остатков средневековых ремесленников, которые в очень отсталой Германии представляли гораздо большую массу, чем в остальной Западной Европе; во-вторых, из обедневших буржуа и, в-третьих, из неимущих элементов населения, выбившихся в мелкие торговцы. По мере расширения крупной промышленности существование всей мелкой буржуазии лишалось последних остатков своей устойчивости; смена занятий и периодические банкротства сделались правилом. Этот раньше столь устойчивый класс, составлявший основное ядро немецкого филистерства, живший в довольстве и отличавшийся смиренным, холопством, благочестием и благопристойностью, пришел теперь в состояние полного развала и недовольства ниспосланной ему богом судьбой. Сохранившиеся ремесленники громко требовали восстановления цеховых привилегий, другие — частью становились кроткими демократами-прогрессистами, частью сближались даже с социал-демократией и местами прямо примыкали к рабочему движению.

Наконец, рабочие. Сельские рабочие, по крайней мере восточные, все еще жили в полукрепостных условиях и не могли приниматься в расчет. Зато среди городских рабочих социал-демократия сделала бурные успехи и росла, по мере того как крупная промышленность пролетаризировала народные массы и вместе с тем обостряла классовую противоположность между капиталистами и рабочими. Если социал-демократические рабочие и были еще до поры до времени расколоты на две борющиеся партии, то после появления «Капитала» Маркса принципиальные разногласия почти совершенно исчезли между ними. Правоверное лассальянство с его специфическим требованием «производительных ассоциаций с государственной помощью» постепенно сходило на-нет, все больше обнаруживая свою неспособность создать ядро бонапартистской, государственно-социалистической рабочей партии. То, в чем навредили в этой области отдельные вожди, было выправлено благодаря здоровому чутью масс. Прошло немного времени, и объединение обоих социал-демократических направлений, которому препятствовали почти исключительно вопросы личного характера, состоялось. Но уже во время раскола и вопреки ему движение стало достаточно мощным, чтобы нагнать страх на промышленную буржуазию и парализовать ее борьбу против независимого еще от нее правительства; впрочем, вообще с 1848 г. немецкая буржуазия не могла уже освободиться от красного призрака.

Это классовое расчленение страны легло в основу партийных группировок в парламенте и ландтагах. Крупные землевладельцы и часть крестьянства составляли массу консерваторов; из промыш-

ленной буржуазии вербовалось правое крыло буржуазного либерализма — национал-либералы, тогда как левое его крыло — ослабленная демократическая или так называемая прогрессистская партия — состояло из представителей мелкобуржуазных слоев, поддерживаемых частью буржуазии и рабочих. Наконец, рабочие имели в социал-демократии свою самостоятельную партию, к которой принадлежали и мелкие буржуа.

Человек в положении Бисмарка и с его прошлым должен был бы при некотором понимании положения сказать себе, что юнкерство в том виде, в каком оно было, не представляло жизнеспособного класса; что из всех имущих классов только буржуазия могла иметь притязания на будущность и что поэтому (за исключением рабочего класса, так как понимания его исторической миссии мы не собираемся требовать от Бисмарка) его новая империя обещала тем большую прочность, чем больше он подготовит ее к постепенному переходу в современное буржуазное государство. Не будем от него требовать того, что при данных обстоятельствах для него было невозможно. Немедленный переход к парламентарному правительству с решающей властью рейхстага (как в английской палате общин) был и невозможен и в тот момент даже неблагоприятен; советвенная диктатура в парламентарных формах должна была самому Бисмарку представляться еще необходимой на первых порах; мы отнюдь не ставим ему в вину, что он сохранил на первых порах диктатуру; мы спрашиваем только, для какой цели ее следовало использовать. Едва ли можно сомневаться в том, что положить начало порядку, соответствующему английской конституции, было единственным путем, на котором открывалась перспектива — обеспечить новой империи прочное основание и спокойное внутреннее развитие. Предоставив большую часть юнкерства, все равно обреченную на гибель, ее неизбежной участи, еще казалось возможным образовать из остальной его части и из новых элементов класс независимых крупных землевладельцев, который сам был бы только декоративной верхушкой буржуазии и которому буржуазия, даже обладая всей полнотой власти, должна была бы оставить официальное представительство, а вместе с тем и наиболее доходные посты и большое влияние. Делая буржуазии политические уступки, в которых, в конце концов, ей все равно нельзя было отказать (такова должна была быть во всяком случае точка зрения имущих классов), делая ей эти уступки постепенно и даже изредка и в малых дозах, можно было бы, по крайней мере, направить новую империю на путь, на котором она могла бы догнать остальные политически далеко опередившие ее государства

Западной Европы, освободилась бы, наконец, от последних остатков феодализма и еще очень сильной в бюрократических кругах филистерской традиции, а главное — приобрела бы способность стоять на собственных ногах в те дни, когда ее уже отнюдь не молодые основоположники распростились бы с бранным существованием.

К тому же это вовсе не было так трудно. Ни юнкерство, ни буржуазия не отличались даже средней энергией. Юнкеры доказали это за последние шестьдесят лет, когда государство постоянно проводило меры в их же интересах вопреки оппозиции этих Дон-Кихотов. У буржуазии, также приученной долгой предшествовавшей историей к уступчивости, еще сильно болели бока после конфликта; с тех пор успехи Бисмарка еще больше надломляли силу ее сопротивления, а остальное довершил страх перед грозно нарастающим рабочим движением. При таких условиях человек, осуществивший национальные вождедения буржуазии, мог бы без труда соблюдать любой удобный ему темп в осуществлении ее политических требований, в общем достаточно скромных. Он должен был только ясно представлять себе цель.

С точки зрения имущих классов это был единственный разумный путь. Ясно, конечно, что с точки зрения рабочего класса было уж слишком поздно создавать прочную власть буржуазии. Крупная промышленность, а вместе с нею буржуазия и пролетариат образовались в Германии в такое время, когда пролетариат мог самостоятельно выступить на политическую арену почти одновременно с буржуазией, когда, следовательно, борьба между обоими классами уже начинается до того, как буржуазия завоевала исключительное или преобладающее политическое господство. Но если даже для спокойного и прочного господства буржуазии в Германии время уже прошло, то в 1870 г. все еще самой правильной политикой, с точки зрения имущих классов вообще, была ориентация на это господство буржуазии. В самом деле, только таким путем возможно было устранить массу пережитков из эпохи загнивающего феодализма, пышно процветавших в законодательстве и управлении; только таким способом можно было постепенно пересадить на германскую почву все достижения Великой французской революции, словом — отрезать Германии ее предлинную старомодную косу и сознательно и окончательно направить ее на путь современного развития, приспособить строй ее политической жизни к строю ее промышленности. Когда же впоследствии началась бы, наконец, неизбежная борьба между буржуазией и пролетариатом, она протекала бы, по крайней мере, в нормальных условиях, где каждый мог бы видеть, из-за чего идет

борьба, а не в той неясной, запутанной обстановке перекрещивающихся интересов и беспомощности, какую мы наблюдали в Германии в 1848 г., только с тем отличием, что на этот раз беспомощность будет исключительно на стороне имущих; рабочий класс знает, чего он хочет.

При том положении вещей, какое создалось в Германии в 1871 г., такой человек, как Бисмарк, действительно должен был в своей политике лавировать между различными классами. За это его не приходится упрекать. Все зависит от того, какую цель преследовала его политика. Если она сознательно и твердо стремилась, все равно каким темпом, к установлению в конечном счете господства буржуазии, то она была в соответствии с историческим развитием, поскольку она вообще могла быть в таком соответствии с точки зрения имущих классов. Если ее целью было сохранение старопруссского государства, постепенное опруссачение Германии, то она была реакционной и в конечном счете была обречена на полный крах. Если же ее установкой было только сохранение власти Бисмарка, то она была бонапартистской и должна была окончиться, как и всякий бонапартизм.

Ближайшей задачей была имперская конституция. В качестве материала имелись конституция Северо-германского союза, с одной стороны, и договоры с южно-германскими государствами — с другой. Факторами, с помощью которых Бисмарку пришлось создавать конституцию, были, с одной стороны, представленные в союзном совете династии, а с другой — представленный в рейхстаге народ. Притязаниям династий был поставлен предел северо-германской конституцией и договорами. Народ, наоборот, предъявлял притязания на значительное увеличение своей доли в политической власти. Независимость от иностранного вмешательства и свое объединение (насколько об этом могла идти речь) он завоевал на поле сражения; он и был в первую очередь призван решать, как воспользоваться этой независимостью, как в отдельных случаях проводить и реализовать это объединение. И если даже народ признавал правовую почву за северо-германской конституцией и договорами, то это все-таки несколько ему не мешало получить по новой конституции большую долю власти, чем по старой. Рейхстаг был единственной корпорацией, действительно представлявшей новое «единство». Чем больший вес приобретал голос рейхстага, чем свободнее была имперская конституция в отношении к местным конституциям, тем теснее должна была сплотиться новая Германская империя, тем полнее баварец, саксонец, пруссак должен был раствориться в немце.

Для всякого, кто видел дальше своего носа, это было совершенно ясно. Но не так думал Бисмарк. Наоборот, он использовал охвативший после войны широкие круги патриотический угар, для того чтобы склонить большинство рейхстага отказаться не только от расширения, но даже от ясного определения прав народа, и ограничиться простым воспроизведением в имперской конституции тех правовых начал, которые лежали в основе северо-германской конституции и договоров. Все попытки мелких партий отразить в конституции политические права народа были отвергнуты — в том числе даже предложение католического центра втиснуть статьи прусской конституции, гарантирующие свободу печати, союзов и собраний, а также самостоятельность церкви. Таким образом, прусская конституция, наполовину или на две трети урезанная, все еще была более либеральной, чем имперская. Налоги не вотиrowались ежегодно, а устанавливались раз навсегда «законом», так, что для рейхстага была исключена возможность отказывать правительству в утверждении налогов. Таким путем в Германии была применена непонятная для остальных конституционных стран прусская доктрина, согласно которой народные представители имеют право только на бумаге отклонять расходы, между тем как правительство собирает в казну доходы в звонкой монете. Но в то время как у рейхстага было, таким образом, отнято вернейшее орудие власти и он был низведен до жалкого положения Прусской палаты, сломленной пересмотрами конституции 1849 и 1850 гг., мантейфелевщиной, конфликтом с правительством и Садовой, Союзный совет (Bundesrat) пользуется в основном всей полнотой власти, которою старый Союзный совет владел номинально, и пользуется ею на самом деле, так как свободен от тех пут, которые связывали Союзный сейм (Bundestag). Союзный совет не только имеет решающий голос в законодательстве наряду с рейхстагом, но он же, вместе с тем, и высшая административная инстанция, так как издает постановления о проведении в жизнь имперских законов и, кроме того, выносит решения «о недостатках, которые возникают при исполнении имперских законов», т. е. о недостатках, которые в других цивилизованных странах могут быть устранены только новым законом (ст. 7, абз. 3, весьма напоминающий юридическую ловушку для конфликтов).

Итак, Бисмарк искал для себя главную опору не в рейхстаге, представлявшем национальное единство, а в Союзном совете, представителе партикуляристской раздробленности. У него не хватало мужества — хотя он и разыгрывал представителя национальной идеи — действительно встать во главе нации или ее представителей;

демократия должна была служить ему, а не он ей; не на народ он полагался, а скорее на закулисные интриги, на свое умение дипломатическими средствами, с помощью пряника и плетки, сколотить хотя бы и строптивное большинство в Союзном совете. Узкий кругозор и низменная точка зрения, которые мы здесь видим, вполне отвечают характеру этого человека, каким мы его знали до сих пор. Тем не менее, нельзя не удивляться тому, что его крупные успехи не могли помочь ему хотя бы на одно мгновение подняться выше его уровня.

Однако обстоятельства сложились так, что все дело было в том, чтобы дать один единственный прочный стержень для всей имперской конституции, именно имперского канцлера. Союзный совет нужно было поставить в такое положение, при котором не могло бы быть иной ответственной исполнительной власти, кроме власти имперского канцлера, а в силу этого становилось невозможным существование ответственных имперских министров. Действительно, всякая попытка урегулировать управление империей путем назначения ответственного министерства рассматривалась как покушение на права Союзного совета и наталкивалась на непреодолимое препятствие. Конституция, как вскоре было обнаружено, была «скроена по мерке» Бисмарка. Она была дальнейшим шагом на пути к его единоличному господству, осуществляемому путем балансирования между партиями в рейхстаге и между партикуляристскими государствами в Союзном совете, дальнейшим шагом на пути к бонапартизму.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы новая имперская конституция — не считая отдельных уступок Баварии и Вюртембергу — представляла прямой шаг назад. Но это и есть лучшее, что можно о ней сказать. Экономические потребности буржуазии были в основном удовлетворены, а ее политическим притязаниям, — поскольку она их еще предъявляла, — были поставлены те же преграды, что и в период конфликта.

Поскольку буржуазия еще предъявляла политические притязания. В действительности неопровержимо, что в устах национал-либералов эти притязания сократились до очень скромных размеров и с каждым днем все больше сокращаются. Эти господа не только не требовали, чтобы Бисмарк облегчил им сотрудничество с ним, но, наоборот, старались угождать ему, где это было возможно, а очень часто и там, где это не было возможно или не было допустимо. То, что Бисмарк их презирал, ему в вину никто не поставит, — но разве его юнкеры были хоть на волосок лучше и мужественнее?

Следующая область, в которой предстояло установить имперское единство, область денежного обращения, была урегулирована монетным и банковским законодательством 1873—1875 гг. Введение золотой валюты было значительным шагом вперед, но она вводилась медленно и с большими колебаниями и до сих пор еще [1888 г.] не упрочилась окончательно. Принятая денежная система — с дриттель-талером (полугульденом) под названием марки в качестве единицы и с десятичным делением — была еще в конце 30-х годов предложена Зетбеером; фактически денежной единицей была золотая 20-марковая монета. Посредством почти незаметного изменения ее ценности ее можно было бы точно приравнять к золотому соверену, или к золотой 25-франковой монете, или к американскому золотому в 5 долларов и установить таким образом связь с одной из трех главных денежных систем мирового рынка. Предпочли создать свою особую денежную систему, затруднив этим без нужды торговлю и курсовые расчеты. Законами об имперских казначейских билетах и банках ограничена была спекуляция бумажными деньгами в мелких государствах и их банках, и ввиду наступившего тем временем краха соблюдена была некоторая осторожность, которая была вполне уместна для неискушенной еще в этой области Германии. И тут экономические интересы буржуазии были в общем соответственно приняты во внимание.

Наконец, приходилось еще ввести согласованное единое правовое законодательство. Сопrotивление, оказанное средне-германскими государствами распространению компетенции империи и на материальное гражданское право, было сломлено; но гражданский свод законов еще находится в процессе составления, между тем как уголовный кодекс, уголовный и гражданский процесс, торговое право, конкурсный устав и судоустройство уже единообразно установлены. Устранение пестрых правовых норм, формальных и материальных, господствовавших в мелких государствах, было уже само по себе настоятельной потребностью для развившейся буржуазии, и в этом устранении главная ценность новых законов, — гораздо меньше ценности в их содержании.

Английский юрист стоит на почве исторического развития права, развития, которое во времена средневековья и после него сберегло значительную долю древне-германской свободы, которому не известно полицейское государство, в зародыше задушенное двумя революциями XVII века, и это правовое развитие нашло свое высшее осуществление в двух столетиях непрерывного развития гражданской свободы. Французский юрист стоит на почве Великой

революции, которая, уничтожив окончательно феодализм и абсолютистский полицейский произвол, перевела экономические условия жизни вновь возникшего общества на язык юридических норм в своем классическом кодексе, который был опубликован Наполеоном. А какова историческая основа наших немецких юристов? Не что иное, как пассивно тянувшийся на протяжении столетий, большей частью подгоняемый ударами извне и до сих пор еще не завершившийся процесс разложения остатков средневековья; экономически отсталое общество, в котором феодальный юнкер и цеховой мастер бродят, как призраки, в поисках нового тела для нового воплощения; правовой порядок, в котором полицейский произвол, несмотря на исчезновение в 1848 г. юстиции княжеского кабинета, до сих пор ежедневно пробивает брешь за брешью. Из этой наихудшей из всех плохих школ вышли они, творцы новых имперских уложений, такова же и их работа. Не говоря о чисто юридической стороне, политической свободе не очень поздоровилось в этих кодексах. Если суды шеффенов предоставляют буржуазии и мелкой буржуазии возможность участвовать в обуздании рабочего класса, то от опасности возобновления буржуазной оппозиции государство по мере возможности обеспечивает себя ограничением компетенции присяжных судов. Политические статьи уголовного уложения часто настолько неопределенны и растяжимы, словно они пригнаны к нынешнему имперскому суду, а этот суд к ним. Что новые уложения представляют шаг вперед по сравнению с прусским гражданским правом, разумеется само собой, — ничего более чудовищного, чем этот кодекс, не мог бы в наши дни состряпать и Штеккер, даже если бы над ним совершили обряд обрезания. Но провинции, в которых до сих пор действовало французское право, слишком остро чувствуют различие между полинявшей копией и классическим оригиналом. Отречение национал-либералов от своей программы сделало возможным это усиление государственной власти за счет гражданских свобод, этот первый положительный шаг назад.

Следует еще упомянуть об имперском законе о печати. Относящееся сюда материальное право в основных чертах уже регламентировано уголовным уложением; установление единообразных формальных норм для всей империи и уничтожение существовавших еще кое-где залогов и штемпельных сборов составляет, таким образом, главное содержание этого закона и вместе с тем его единственное прогрессивное достижение.

Чтобы еще раз показать Пруссию как образцовое государство, там ввели так называемое самоуправление. Задача заключалась в том,

чтобы уничтожить наиболее зазорные остатки феодализма и в то же время, по возможности, все оставить по-старому. Для этой цели служила организация округов. Полицейско-помещичья власть господ юнкеров стала анахронизмом. Номинально, как феодальная привилегия, она была отменена, а по существу снова восстановлена, так как были созданы самостоятельные земские округа (*Gutsbezirke*), внутри которых помещик или сам выступает в качестве земского начальника (*Gutsvorsteher*) с полномочиями сельского общинного старшины (*ländlicher Gemeindevorsteher*), или же назначает такого начальника, и, кроме того, вся полицейская власть и полицейская юрисдикция в пределах административного округа (*Amtsbezirk*) была передана начальнику округа (*Amtsvorsteher*), каковым в деревне почти всегда без исключения был крупный землевладелец; под его опеку попадали таким образом и сельские общины. Феодальные привилегии были отняты у отдельных лиц, но связанная с ними полнота власти была передана всему классу. При помощи аналогичного мошеннического приема английские крупные землевладельцы стали мировыми судьями и господами в сельской администрации, полиции и низовых судебных органах и обеспечили себе таким образом под новым, модернизированным титулом дальнейшее пользование всеми важнейшими административными постами, которые уже нельзя было сохранить за собой в их старой феодальной форме. Но это и есть единственное сходство между английским и немецким «самоуправлением». Хотел бы я видеть английского министра, который посмел бы войти в парламент с предложением утверждать выбранных общинных должностных лиц, а в случае негодных выборов назначать представителей правительством в принудительном порядке, вводить должности государственных чиновников с полномочиями прусских ландратов, членов окружных управлений и обер-президентов; осуществлять предусмотренное положением об округах право государственной власти вмешиваться во внутренние дела общин, уездов и округов и, наконец, даже отрезать путь к правовой защите, что можно видеть почти на каждой странице положения об округах и что представляется совершенно недопустимым в странах английского языка и английского права. И в то время как [в Пруссии] окружные собрания и провинциальные ландтаги все еще состояются по старому феодальному способу из представителей трех сословий — крупных землевладельцев, городов и сельских общин, — в Англии даже консервативнейшее министерство вносит законопроект о передаче графствами всего управления в руки органов, избираемых почти всеобщим голосованием.

Проект положения об округах для шести восточных провинций (1871 г.) был первым указанием на то, что Бисмарк отнюдь не собирается растворить Пруссию в Германии, а, наоборот, еще сильнее укрепить эти шесть восточных провинций, твердыню старого пруссачества. Под измененным названием юнкеры сохранили за собой власть на всех важнейших позициях, а илоты Германии, сельскохозяйственные рабочие названных местностей, — как батраки, так и поденщики, — фактически остались попрежнему крепостными, допущенными к выполнению только двух общественных функций: служить в солдатах и играть роль голосующего стада в пользу юнкеров на выборах в рейхстаг. Услуга, которую Бисмарк этим оказал революционной социалистической партии, не поддается описанию и заслуживает всяческой благодарности.

Но что сказать о тупоумии господ юнкеров, которые, точно избалованные дети, стали отбиваться руками и ногами от этого положения об округах, выработанного исключительно в их собственных интересах, в интересах дальнейшего сохранения их феодальных привилегий только под несколько модернизированным названием? Прусская палата господ, или, вернее, юнкеров, сначала отвергла проект, внесенный с запозданием на целый год, и приняла его только после того, как последовало назначение партии пэров из 24 новых «господ». Пруссские юнкеры снова показали себя в этом деле мелочными, закоснелыми, безнадежными реакционерами, неспособными образовать ядро большой самостоятельной партии с исторической миссией в жизни нации, как это фактически делают английские крупные землевладельцы. Они этим констатировали полное отсутствие ума; Бисмарку оставалось только обнаружить перед всем миром полное отсутствие у них характера, и мало-мальски умелый нажим превратил их в партию Бисмарка *sans phrase* [беспрекословно подчиняющуюся].

Этой цели должен был сослужить службу «культуркампф».

Осуществление плана прусско-германской империи должно было, как ответ на это, повлечь за собой объединение в одну партию всех антипруссских элементов, опиравшихся на прежнее обособленное развитие. Общее знамя эти пестрые элементы нашли в ультрамонтанстве. Возмущение здравого человеческого рассудка даже у многочисленных ортодоксальных католиков против нового догмата папской непогрешимости, с одной стороны, уничтожение церковной области и так называемое пленение папы в Риме — с другой, заставили все боевые силы католицизма теснее сплотиться. Таким образом, еще во время войны, осенью 1870 г. в прусском ландтаге обра-

звалась специфически католическая партия центра; в первый германский рейхстаг 1871 г. от нее прошло только 57 человек, но она усиливалась с каждым новыми выборами, пока не перевалила за сто. Она состояла из самых разнородных элементов. В Пруссии главную ее силу составляли рейнские мелкие крестьяне, все еще смотревшие на себя как на «пруссачков поневоле»; затем — крупные католические землевладельцы и крестьяне вестфальских епископств Мюнстера и Падерборна и католической Силезии. Второй крупный контингент вербовался из южно-германских католиков, особенно из баварцев. Сила центра заключалась, однако, не столько в католической религии, сколько в том, что он выражал неприязнь народных масс к специфическому пруссачеству, притязавшему теперь на господство в Германии. Эта неприязнь особенно живо чувствовалась в католических местностях; вместе с тем наблюдалось дружелюбное отношение к Австрии, выброшенной из пределов Германии. В соответствии с этими популярными настроениями центр занял решительно партикуляристскую и федералистскую позицию.

Этот антипруссаческий в своей основе характер центра был тотчас же распознан остальными мелкими партиями рейхстага, которые были настроены против Пруссии из местных, а не из национальных и общих соображений, как социал-демократы. Не только католики, поляки и эльзасцы, но даже протестанты вельфы вступили в тесный союз с центром. И хотя буржуазно-либеральные фракции никогда не могли вполне уяснить себе подлинного характера так называемых ультрамонтанов, они все же обнаружили, что догадывались относительно истинного положения вещей, назвав центр «не имеющим отечества» (*vaterlandslos*) и «враждебным империи» (*reichsfeindlich*).

Написано в 1888 г.

*Печатается по рукописи, хранящейся
в архиве ИМЭЛ.*

[ПРОГРАММА СЕВЕРО-АНГЛИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ПОПРАВКАМИ ЭНГЕЛЬСА.¹]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Северо-английская социалистическая федерация.

(Основана в Нортумберленде в мае 1887 г.)

Принципы.

Северо-английская социалистическая федерация основана с целью воспитывать и организовывать рабочие массы для экономического освобождения труда.

Полностью сочувствуя и поддерживая всякие усилия со стороны наемных рабочих, направленные на то, чтобы добиваться лучших условий жизни при существующем строе, Социалистическая федерация стремится к уничтожению класса капиталистов и помещиков¹ и к объединению рабочих² в кооперативную республику.

¹ Добавлено: «а также и класса наемных рабочих».

² Вместо слова «рабочих» — «всех членов общества».

Класс предпринимателей, монополизирующий все средства, служащие для приобретения и создания богатств, и класс наемных рабочих, вынужденных работать прежде всего³ ради прибылей этих предпринимателей, представляют систему тирании и рабства.

³ «Прежде всего» — вычеркнуто.

Антагонизм обоих классов вызывает⁴ ожесточенную конкуренцию — из-за работы среди рабочих и из-за рынков среди капиталистов. Они вызывают классовую ненависть и классовую борьбу⁵ и разрушают действительную независимость, свободу и счастье.

⁴ Вместо слова «вызывает» — «выражается в».

⁵ Вместо «вызывают классовую ненависть и классовую борьбу» — «раскалывают нацию, делят ее на два враждебных лагеря».

При современном строе праздные люди пользуются досугом и роскошью, на долю рабочих достается труд и бедность, а на долю всех — общий упадок; этот строй по существу несправедлив и должен быть уничтожен⁶.

⁶ Добавлено: «и он может быть уничтожен теперь, когда производительность труда настолько возросла, что никакое расширение рынков не может поглотить чрезмерную продукцию; самое изобилие

¹ Поправки Энгельса даны курсивом. *Ред.*

средств жизни и удовольствий становится, таким образом, причиной застоя промышленности, безработицы и вытекающей отсюда нищеты миллионов трудящихся.

Наша цель состоит в установлении социалистического строя, который предоставит всем здоровую и полезную работу, материальную обеспеченность, досуг и полную, истинную свободу.

Все приглашаются помочь социалистической федерации в этом великом деле. Присоединяющиеся должны признавать основой своего отношения друг к другу и ко всем людям — правду, справедливость и нравственность. Они должны признать, что *нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.*

Поправки написаны на английском языке

в июне 1887 г.

Печатается по рукописи, хранящейся

в архиве ИМЭЛ.

ИНТЕРВЬЮ, ДАННОЕ ЭНГЕЛЬСОМ РЕДАКЦИИ «NEW YORKER VOLKSZEITUNG».

У Фридриха Энгельса, который по предписанию врачей совершил в августе и сентябре путешествие в Америку, редакция «New Yorker Volkszeitung» запросила его мнение по некоторым вопросам европейской политики. Так как его ответы представляют интерес и для наших читателей, то мы приводим их здесь, причем особенно обращаем внимание читателей на высказывания Энгельса об ирландском движении, которые должны положить конец многим упорно до сих пор повторявшимся недооценкам и переоценкам этого движения.

Вопрос. Прогрессирует ли в Англии социализм, т. е. принимают ли английские рабочие организации в большей мере, чем раньше, социалистическую критику хозяйственного развития и проявляют ли они сколько-нибудь значительное стремление к социалистическим конечным целям?

Энгельс. Я вполне доволен успехами социализма и рабочего движения в Англии; эти успехи состоят главным образом в росте пролетарского сознания масс. Официальным рабочим организациям, тред-юнионам, которые местами грозят стать реакционными, приходится плестись в хвосте, подобно австрийскому ландштурму.

Вопрос. Как обстоит в этом отношении дело в Ирландии? Есть ли там что-нибудь — помимо национального вопроса, — на что могли бы возлагать надежды социалисты?

Энгельс. В Ирландии еще долго придется ждать чисто социалистического движения. Там люди хотят только стать крестьянами с небольшими участками земельной собственности, а когда они этого достигнут, появится ипотека и разорит их вторично. Впрочем, это не значит, что мы не должны помочь им освободиться от помещиков, т. е. перейти от полуфеодалных условий к капиталистическим.

Вопрос. Каково отношение английских рабочих к ирландскому движению?

Энгельс. Массы за ирландцев. Организации, как и вообще рабочая аристократия, идут с Гладстоном и с либеральной буржуазией и не дальше их.

Вопрос. Что вы думаете о России? В какой мере вы изменили свою точку зрения, высказанную вами и Марксом лет шесть тому назад во время моего пребывания в Лондоне, когда вы предполагали, что тогдашние террористические успехи нигилистов могли служить исходным толчком для революционного движения в Европе?

Энгельс. Я и теперь еще целиком того мнения, что революция в России или даже созыв какого-нибудь национального собрания там вызвали бы переворот во всем политическом положении Европы. Но в настоящий момент это уже не ближайшая возможность. *Ведь у нас теперь другой Вильгельм.*

На вопрос — как бы он охарактеризовал современное положение Европы, Энгельс ответил: «У меня уже семь недель не было в руках ни одной европейской газеты, и потому я не в состоянии охарактеризовать что-нибудь из того, что там происходит».

На этом беседа закончилась.

Напечатано в «Der Sozialdemokrat»

13 октября 1888 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Август Октавиан (63 до н. э. — 14) — первый римский император — 100, 124, 163, 344, 345, 351, 352, 354, 361, 362, 363, 366, 368, 370.

* *Агассиз* (Agassiz), *Луи* (1807—1873) — швейцарский естествоиспытатель, автор ряда работ по зоологии, палеонтологии и геологии; в последние годы своей жизни — решительный противник Дарвина — 35.

Агенобарб, *Люций Домиций* (40-е годы I века до н. э. — 25) — римский консул, в начале I века возглавлял походы в Германию — 344, 354, 356.

Агриппа, *Марк Випсаний* (63—12 до н. э.) — римский полководец, зять и соратник Августа Октавиана — 351, 352, 354.

Адлер (Adler), *Виктор* (1852—1918) — 328, 329.

Адриан, *Публий Элий* (76—138) — римский император (117—138) — 364.

Александр Баттенбергский (1857—1893) — болгарский князь (1879—1886) — 260, 261, 262, 264.

Александр Великий (356—323 до н. э.) — македонский царь (336—323) — 43.

Александр I (1777—1825) — русский император (1801—1825) — 486.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 473, 476.

Александр III (1845—1894) — русский император (1881—1894) — 257, 260, 262, 263, 264, 265, 266.

Альбрехт (Albrecht) (1788—1844) — вождем христианского социализма в Швейцарии — 216, 448.

Аммиан Марцелин (ок. 330—400) — родом грек из Антиохии, один из крупнейших историков древности, написал историю Рима за период с 95 по 378 г. — 51, 73, 391.

Анакреон (ок. 580—495 до н. э.) — древне-греческий поэт-лирик — 58.

Анастасий (ок. 431—518) — византийский император (491—518) — 371.

Аппий Клавдий (жил в V в. до н. э.) — римский консул, по преданию один из десяти децемвиров, которые составили первые римские писанные законы, так называемые «Двенадцать таблиц» — 100.

Ариовист (жил в I веке до н. э.) — вождем германских племен в их борьбе с римлянами — 344, 345.

Аристид (ок. 540 — ок. 467 до н. э.) — афинский политический деятель (глава консервативной партии) и полководец; активный участник борьбы греков против персов — 95.

Аристотель (384—322 до н. э.) — греческий философ — 86.

* *Аристофан* (ок. 450—385 до н. э.) — греческий драматург, автор сатирических комедий, направленных против афинской демократии — 46.

Арминий (16 до н. э. — 19) — вождем германцев — 357, 358, 359, 360, 361.

Арнольд (Arnold), *Вильгельм* (1826—1883) — немецкий историк права и культуры, профессор университета в Марбурге — 412, 420, 427, 432, 433, 434.

Артасеркс — имя трех древне-персидских царей: первый царствовал с 465 по 425 г., второй — с 405 по 359 г. и третий — с 359 по 338 г. до н. э. — 105.

Аспрен, *Люций Ноний* (I век) — римский консул — 357, 360.

Аугустенбург, герцог, фон — см. *Фридрих Христиан Август*.

Ауэрсвальд (Auerwald), *Ганс Адольф фон* (1792—1848) — прусский генерал, член правой Франкфуртского национального собрания — 155.

Б.

* Звездочкой обозначены авторы, работы которых цитируются или упоминаются Энгельсом. Ред.

Байи (Bailly), *Жан Сильвен* (1736—1793) — французский политический

- деятель, жирондист, председатель Национального собрания (1789), член Конвента; в 1793 г. гильотинирован — 171.
- Бакунин, Михаил Александрович* (1814—1876) — 275, 302, 307.
- **Банг* (Bang), *Катринус Доротеус* (1822—1898) — историк скандинавской литературы, норвежец, профессор в Христиании — 115.
- **Банкрофт* (Bancroft), *Хьюберт Хау* (1832—1918) — американский историк — 21, 34, 36, 135.
- Барбес* (Barbès), *Арман* (1809—1870) — французский революционер, мелкобуржуазный демократ; участник восстаний 1834, 1839 гг. и Февральской революции 1848 г.
- Баттенберг* — см. *Александр Баттенбергский*.
- **Баур* (Baur), *Фердинанд Христиан* (1792—1860) — теолог, профессор богословия в Тюбингене, глава «Тюбингенской школы» — 159.
- Бауэр* (Bauer), *Генрих* — немецкий сапожник, один из руководителей Союза справедливых и Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне; впоследствии отошел от движения и переехал в Австралию — 209, 210, 219, 222, 223, 224.
- Бахофен* (Bachofen), *Иоганн Якоб* (1815—1887) — швейцарский юрист и этнолог, профессор римского права в Базеле, известен своими исследованиями первобытного права — 17, 18, 25, 26, 33, 34, 35, 36, 40, 63.
- Беда* (Bede, Beda или Baeda), «*Достопочтенный*» («*Venerabilis*») (ок. 672—735) — английский монах-бенедиктинец, историк, богослов — 112.
- Безант* (Besant), *Анни* (1847—1933) — английская писательница-теософка, соредактор журнала «*National Reformer*»; член Социал-демократической федерации и Фабианского общества — 328.
- **Бейст* (Beust), *Фридрих* (1817—1899) — бывший прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, соредактор «*Neue Kölnische Zeitung*» (1848); эмигрант в Швейцарии (Цюрих) — 431.
- Бекк* (Beck), *Александр* — портной, сторонник Союза коммунистов в Магдебурге — 211.
- Беккер* (Becker), *Август* (1814—1875) — один из руководителей вейтлинганцев в Швейцарии, сотрудник газет «*Rheinische Zeitung*» и парижской «*Vorwärts*» — 211.
- **Беккер* (Becker), *Вильгельм Адольф* (1796—1846) — немецкий археолог и историк, профессор археологии в Лейпцигском университете — 80.
- Беккер* (Becker), *Герман* («*Красный Беккер*») (1820—1885) — немецкий публицист, демократ, член Союза коммунистов в Кельне (1850—1851), впоследствии национал-либерал — 224, 225.
- Беккер* (Becker), *Иоганн Филипп* (1809—1886) — 268, 269, 270, 271, 272, 273, 299, 300.
- **Бенари* (Benary), *Франц Симон* (1805—1880) — ориенталист, доктор богословия и философии, профессор Берлинского университета — 162.
- Бенедетти* (Benedetti), *Винсент*, граф (1817—1900) — французский посол в Берлине в 1864—1870 гг. — 483, 484.
- Бенинг* (Böning) — участник революции 1848 г. — 269.
- Берендс* (Berends), *Юлий* — немецкий мелкобуржуазный демократ, член Берлинского национального собрания — 169.
- **Берне* (Börne), *Людовиг* (1786—1837) — немецкий публицист и критик, идеолог группы «Молодая Германия» — 438.
- Бернштейн* (Börnstein), *Генрих* (1805—1892) — немецкий актер, журналист, эмигрант, редактор парижской газеты «*Vorwärts*» — 219.
- Бероз* (Burrows), *Герберт* (1845—1923) — английский теософ, деятель Социал-демократической федерации — 328, 330.
- Бисмарк* (Bismark), *Отто* (1815—1898) — 46, 148, 191, 196, 204, 207, 225, 257, 260, 263, 264, 265, 267, 462, 470—482, 484—487, 490, 491, 492, 494, 499, 500, 501, 502, 506.
- **Блан* (Blanc), *Луи* (1811—1882) — 221, 224.
- Бланки* (Blanqui), *Огюст* (1805—1881) — 209.
- Блейхрöder* (Bleichröder), *Герсон* (1822—1893) — глава германского банкирского дома в Берлине — 148, 472.
- Бонапарт* — см. *Наполеон III*.
- Боркгейм* (Borkheim), *Ида* — жена С. Боркгейма — 302.
- Боркгейм* (Borkheim), *Сигизмунд Людовиг* (1825—1885) — 299, 300, 301, 302, 303.
- Борн* (*Буттермильх*) (Born), *Стефан* (1824—1898) — 221.
- Борнштедт* (Bornstedt), *Адальберт* (1808—1851) — бывший прусский лейтенант, основатель и издатель «*Deutsche Brüsseler Zeitung*» — 219.

- Брайт** (Bright), **Джон** (1811—1889) — английский фабрикант, либерал, «буржуазный демагог» (Маркс), один из вождей фриттергерского движения; совместно с Р. Кобденом основал Лигу борьбы против хлебных законов (1839); министр торговли в министерстве Гладстона (1868—1870) — 104.
- Бракке** (Braske), **Вильгельм** (1842—1880) — немецкий социал-демократ, издатель и книготорговец, член Всеобщего германского рабочего союза с 1865 г., с 1869 г. член ЦК социал-демократической рабочей партии, в 1877—1879 гг. — член рейхстага — 206.
- Бранденбург** (Brandenburg), **Фридрих Вильгельм**, граф (1792—1850) — прусский генерал, в ноябре 1848 г. во главе министерства Бранденбург — Мантейфель — 201, 248.
- * **Брауне** (Braune), **Вильгельм** (1850—1926) — немецкий филолог-германист; ему принадлежит ряд критических изданий старо-немецких текстов и исследований средневековой немецкой литературы — 412, 414, 425.
- * **Брей** (Brau), **Джон Френсис** (1809—1895) — английский социалист, оуэнист — 176—181.
- * **Брекиньи** (Bréquigny), **Луи Жорж де** (1714—1794) — французский буржуазный историк, член Французской академии (1772) — 395.
- Брентано** (Brentano), **Лоренц** (1813—1891) — немецкий адвокат, мелкобуржуазный демократ, в 1848 г. член франкфуртского парламента; в мае 1849 г. возглавлял баденское временное правительство — 269, 300.
- Бродгаус** (Broadhouse), **Джон** — 230, 231—238.
- * **Бугге** (Bugge), **Софус Эльзеус** (1833—1907) — норвежский языковед, профессор в Осло, исследователь и издатель памятников древне-скандинавской литературы — 115.
- * **Бужар** (Bougeart), **Альфред** (1815—1882) — французский публицист и историк, радикал, автор двухтомной биографии Марата (1865) — 170.
- Буланже** (Boulangier), **Жорж Эрнест** (1837—1891) — французский генерал, участник франко-прусской войны, один из руководителей подавления Парижской коммуны, военный министр (1886—1887); в конце 80-х годов возглавлял монархистское движение и подготовлял государственный переворот; после раскрытия заговора бежал в Брюссель; покончил самоубийством — 266.
- Бурбаки** (Burbaki), **Шарль** (1816—1897) — греческий генерал на французской службе, участник крымской войны, итальянской кампании 1859 г. и франко-прусской войны 1870 г. — 486.
- Буттермильх** — см. **Борн, Стефан**.
- Бюргерс** (Bürgers), **Генрих** (1820—1878) — член Союза коммунистов и соредaktor «Новой Рейнской Газеты»; был привлечен по Кельскому процессу коммунистов; в 60-х годах прогрессист, депутат ландтага — 167, 224, 225.
- Бюхнер** (Büchner), **Георг** (1813—1837) — немецкий драматург, мелкобуржуазный революционер; автор «Воззвания к гессенским крестьянам» под лозунгом «Мир хижинам, война дворцам!» и др. — 209.

В.

Вагнер (Wagner), **Адольф** (1835—1917) — немецкий буржуазный экономист, профессор Берлинского университета, представитель социально-этического направления исторической школы; в 1878 г. был одним из основателей реакционной христианско-социальной партии — 180.

* **Вагнер** (Wagner), **Рихард** (1813—1883) — 23.

Вайц (Waitz), **Георг** (1813—1886) — немецкий буржуазный историк средневековья, ученик Ранке — 118, 382.

* **Ваксмут** (Wachsmuth), **Эрнст Вильгельм** (1784—1866) — немецкий буржуазный историк, профессор в Лейпциге — 46.

Вальдерзее (Waldersee), **Альфред**, фон (1832—1904) — германский фельдмаршал — 469.

Вандербильты — фамилия американских миллиардеров; родоначальник — Корнелий Вандербильт (1794—1877) — 252, 471.

Вар, **Публий Квинтилий** (ум. в 9 г.) — римский военачальник, наместник в Сирии и Германии — 100, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 386.

* **Ватсон** (Watson), **Джон Форбс** (1827—1892) — английский этнолог, автор работ по новейшей истории Индии — 26.

* **Веерт** (Weerth), **Георг Людвиг** (1822—1856) — немецкий пролетарский поэт, член Союза коммунистов, редактор отдела фельетонов в «Новой Рейнской Газете» — 154, 155, 156, 457.

- **Вейтлинг* (Weitling), *Вильгельм* (1808—1871) — 211, 212, 213, 215, 216, 222, 224, 308.
- Великий курфюрст* — см. *Фридрих Вильгельм*.
- **Веллей*, *Патеркул* (ок. 19 до н. э. — 31) — римский историк, начальник конницы и участник походов Тиберия в Германию и Паннонию; был квестором (в 7 г.) и претором (с 15 г.) — 354, 355, 356, 358, 359, 360, 378.
- Веллингтон* (Wellington), *Артур Уэлсли*, герцог (1769—1852) — английский фельдмаршал, победитель Наполеона I при Ватерлоо; консерватор, премьер-министр (1828—1830 и 1832—1834) — 449, 486.
- **Велькер* (Welcker), *Карл Теодор* (1790—1869) — немецкий профессор права, публицист, представитель южно-германского либерализма; в 1848 г. член Франкфуртского национального собрания; вместе с Роттеком издавал «Staats-Lexikon» (1834—1848) — 467.
- Венедей* (Venedey), *Якоб* (1805—1871) — немецкий публицист, эмигрант в Париже в 30-х годах, член Союза отверженных в Париже в 30—40-х годах, член умеренной левой Франкфуртского национального собрания — 209.
- **Вермут* (Wermuth) — прусский полицейский чиновник, полицей-президент в Ганновере — 208, 218.
- Верцингеторикс* (ум. в 46 г. до н. э.) — вождь галлов в их борьбе с Цезарем — 361.
- **Вестермарк* (Westermarck), *Эдуард Александр* (род. в 1862 г.) — этнолог и социолог, профессор Гельсингфорского университета, с 1907 г. профессор в Лондоне — 19, 20, 22, 34.
- Вестминстер*, маркиз — см. *Гровенор, Роберт*.
- Виберг* (Wiberg), *Ц. Ф.* — автор исследования об отношениях греков и римлян с Севером — 365, 368.
- **Виганд* (Wigand), *Пауль* (1786—1866) — немецкий историк, основатель журнала «Archiv für Geschichte und Altertumskunde Westfalens» — 416.
- Виллих* (Willich), *Август* (1810—1878) — бывший прусский лейтенант, участник баденского восстания 1849 г.; эмигрировал в Лондон; член ЦК Союза коммунистов; возглавлял вместе с Шаппером ультра-«левую» фракцию союза, боровшуюся против Маркса; генерал в гражданской войне США на стороне северян (1861—1865) — 173, 222, 224, 225, 269.
- Вильгельм I* (1797—1888) — прусский король (1861—1888) и германский император (1871—1888) — 267, 468.
- Вильгельм II* (род. в 1859 г.) — германский император и король прусский (1888—1918) — 513.
- Вильгельм III* (1817—1890) — герцог люксембургский, король Нидерландов (1849—1890) — 482.
- Вильсон* (Wilson), *Даниэль* (род. в 1840 г.) — французский политический деятель, либерал — 227.
- Вирхов* (Virchow), *Рудольф* (1821—1902) — известный немецкий патолого-анатом, физиолог, гигиенист, биолог и антрополог; противник эволюционной теории Дарвина; депутат рейхстага в 1880—1893 гг., прогрессист — 341.
- Висшневецкая* (Wischnewetzky), *Флоренс*, урожденная Келли (1859—1932) — американская социалистка, переводчица «Положения рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса на английский язык; впоследствии буржуазная реформистка — 308.
- Вольф* (Wolff), *Вильгельм* (1809—1864) — немецкий коммунист, член ЦК Союза коммунистов, активный участник революции 1848 г.; соратник и друг Маркса и Энгельса; с 1851 г. эмигрант в Лондоне, затем в Манчестере — 155, 172, 173, 217, 219, 221, 239, 246, 248.
- **Вольфрам фон-Эшенбах* (Wolfram von Eschenbach) (ок. 1170—1220) — средневековый немецкий поэт — 52.
- **Ворсо* (Worsaae), *Йенс Яков Асмуссен* (1821—1885) — датский археолог, директор Северного музея в Копенгагене — 367.

Г.

Габсбурги — австрийская династия (1822—1918) — 171.

**Гай* (жил во II веке) — римский юрист — 41.

Гальба, *Сервий Сульпиций* (5 до н. э. — 69) — римский император с июня 68 г. — 163.

Ганзман (Hanseman), *Давид* (1799—1864) — рейнский банкир, автор ряда книг по экономическим и конституционным вопросам, министр финансов и глава министерства в 1848 г., либерал — 467.

Гарибальди (Garibaldi), *Джузеппе* (1807—1882) — 204, 271, 461, 490.

**Гарни* (Harny), *Джордж Докуман* (1817—1897) — вождь левого крыла чартистского движения в Англии,

- член I Интернационала; редактор «The Northern Star», «Red Republican» и «Friend of the People» — 215, 305.
- Гарринг* (Harring), *Гарро* (1798—1870) — немецкий поэт, демократ — 215.
- Гартман, Лев Николаевич* (1850—1913) — русский революционер, народолюбец, эмигрант во Франции, затем в Англии и Америке — 191.
- Гаупт* (Haupt), *Вильгельм* (род. в 1833 г.) — приказчик в Кельне, участник Кельнского процесса коммунистов, выдал членов Кельнского центрального комитета; до суда бежал в Бразилию — 224.
- Гегг* (Goegg), *Аманд* (1820—1897) — немецкий публицист, мелкобуржуазный республиканец, член баденского революционного правительства (1849), член Центрального комитета буржуазной Лиги мира и свободы — 224.
- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — 145.
- **Гейне* (Heine), *Генрих* (1797—1856) — 156, 490.
- **Гейне* (Heune), *Мориц* (1837—1906) — немецкий филолог-германист — 412, 413, 420.
- **Гейсер* (Häusser), *Людвиг* (1818—1867) — немецкий историк, баденский политический деятель, либерал — 466.
- **Гейслер* (Heusler), *Андреас* (1834—1921) — швейцарский юрист, профессор в Базеле; автор работ по швейцарскому и германскому праву — 42.
- Геккер* (Hecker), *Фридрих* (1811—1881) — немецкий демократ, один из руководителей баденского восстания 1849 г., в 1861 г. полковник в американской гражданской войне на стороне северян — 268, 269.
- Генрих IV* (1553—1610) — французский король (1589—1610), первый из династии Бурбонов — 488.
- **Георг* (Georg) *Г.* — автор «Die Falschmünzer oder die Agenten der russischen Regierung» (Genf, 1875) — 192.
- **Генфнер* (Hoerpfner), *Эдуард*, фон (1797—1858) — прусский генерал-майор, военный писатель — 302.
- **Герар* (Guérard), *Бенжамин Эдм Шарль* (1797—1854) — французский буржуазный историк; автор ряда работ по истории феодальной Франции — 396, 411.
- Гервег* (Herwegh), *Георг* (1817—1875) — немецкий революционный поэт-демократ; с 1843 эмигрант в Швейцарии и Франции; в 60-х годах примкнул к Лассалю — 219.
- **Гервинус* (Gervinus), *Георг Готфрид* (1805—1871) — немецкий либеральный историк и историк литературы — 466.
- Германик*, *Гай Юлий* (15 до н. э. — 19) — римский полководец, усмиренный Тиберием; известен своими походами в Германию; оратор и поэт — 348, 360, 363.
- **Геродот* (485—425 до н. э.) — 26, 46, 342.
- **Герцен, Александр Иванович* (1812—1870) — 302.
- **Гете* (Goethe), *Иоганн Вольфганг* (1749—1832) — 23, 156, 493.
- **Гильдебранд* (Hildebrandt), *Ганс Олаф* (1842—1913) — шведский историк культуры; в 1879—1907 гг. государственный антиквар, профессор Стокгольмского университета — 369.
- Гильдебранн* (Hildebrannus) (VIII век) — 399.
- Гильперих I* (ум. в 584 г.) — франкский король из династии меровингов (561—584) — 394.
- Гирс, Николай Карлович* (1820—1895) — русский дипломат, статс-секретарь с 1875 г. и министр иностранных дел с 1882 г. — 263—264.
- Гиршфельд* (Hirschfeld), *Мориц*, фон (1791—1859) — прусский генерал, участник подавления баденского восстания 1849 г. — 270.
- Гиффен* (Giffen), *Роберт* (1837—1910) — английский буржуазный экономист и статистик — 197.
- **Гладстон* (Gladstone), *Вильям* (1809—1898) — с конца 50-х годов вождь английской либеральной партии, министр торговли (1843—1846), финансов (1852—1855 и 1859—1866), премьер-министр (1868—1874, 1880—1885, 1886 и 1892—1894) — 84, 191, 261.
- Говона* (Govone), *Джузеппе* (1825—1872) — итальянский генерал, участник войны Сардинии с Австрией (1848), крымской кампании (1856), военный министр (1869—1871) — 476, 478.
- Гоенцоллерн* (Hohenzollern), *Леопольд Тассило*, принц, фон (1835—1905) — брат румынского короля Карла, майор прусской гвардии; его кандидатура на испанский трон (под именем Филиппа VII) послужила формальной причиной франко-прусской войны — 265, 266, 483, 484.
- Гоенцоллерны* — династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918) — 171, 462.

- Гогенштауфены* — швабская династия на германском императорском престоле (1138—1454) — 456.
- **Годскин* (Hodgskin), *Томас* (1787—1869) — английский экономист школы Рикардо; делал социалистические выводы из теории Рикардо — 176.
- **Гомер* — 13, 45, 82, 83, 84, 157.
- **Гораций Флакк* (65—8 до н. э.) — римский поэт — 157, 328.
- Гофман* (Hoffman) — совладелец гамбургской книгоиздательской фирмы «Гофман и Кампе» — 155.
- Грей* (Gray), *Джон* (1798 — 1850) — английский экономист, последователь Оуэна — 179, 180, 181, 185, 188.
- **Григорий Турский* (ок. 540—594) — с 573 г. епископ в г. Туре, в Галлии, богослов, историк — 116, 394.
- Гримм* (Grimm), *Якоб Людвиг* (1785—1863) — немецкий филолог и историк, профессор Берлинского университета; автор работ по лингвистике и истории немецкого языка, по германской мифологии, истории средневековой литературы, истории германского права, по фольклору и др.; основоположник исторического направления в языковедении — 113, 351, 378, 379, 380, 381, 382, 385, 386, 411, 412, 416, 417, 431.
- Грот* (Grote), *Джордж* (1794—1871) — английский историк, либерал; член парламента (1831—1839); автор работы по истории афинской демократии — 79, 80, 81, 82.
- Гульд* (Gould), *Джей* (1836—1892) — крупный американский капиталист — 471.
- Гунтрам* или *Гонтрам* (Guntram, Gonttram) (около 525—592) — король Бургундии с 561 г. — 394.
- **Гушке* (Huschke), *Георг Филипп* (1801—1886) — немецкий юрист, профессор богословия и права в Бреславле; автор ряда работ по истории римского права — 104.
- **Гфререр* (Gfrörer), *Август Фридрих* (1803—1861) — немецкий историк-богослов «Тюбингенской школы», профессор богословия в Фрейбургском университете — 159.
- Д.**
- **Дальман* (Dahlmann), *Фридрих Христов* (1785—1860) — немецкий политический деятель и историк, один из лидеров «правого центра» Франкфуртского национального собрания и малогерманской («Готской») партии — 381.
- Даниэльс* (Daniels), *Роланд* (1819—1855) — врач в Кельне, член Союза коммунистов, один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов — 225.
- **Дарвин* (Darwin), *Чарлз* (1809—1882) — 308.
- **Даукинс* (Dawkins), *Вильям Бойд*, сэр (1837—1929) — английский геолог и археолог, профессор геологии и палеонтологии Оуэновского колледжа в Манчестере с 1872 г. — 339, 342, 365.
- Демосфен* (383—322 до н. э.) — афинский оратор и политический деятель; возглавлял республиканскую партию — 79.
- Джордж* (George), *Генри* (1839—1897) — американский экономист, «буржуазный национализатор земли» (Ленин) — 286, 287, 288.
- Дизраэли* (Disraeli), *Бенджамин*, лорд *Биконсфильд*, граф (1804—1881) — вождь английской консервативной партии, один из идеологов и организаторов британской колониальной экспансии, министр финансов (1852, 1858—1859 и 1866—1868), премьер-министр (1868 и 1874—1880) — 260.
- **Дикеарх* (жил в IV веке до н. э.) — древне-греческий историк, экономист и географ, ученик Аристотеля — 80.
- **Диодор Сицилийский* (жил в I веке до н. э.) — греческий историк; автор многотомной работы по общей истории — 114, 123.
- **Дион Кассий* (ок. 155—ок. 235) — греческий историк, был сенатором в Риме и проконсулом в Африке; автор 80-томной «Истории Рима» — 344, 353, 354, 356, 358, 359, 360, 379.
- **Дионисий Галикарнасский* (жил в I веке до н. э.) — греческий историк и учитель словесности — 83.
- Домициан*, *Тит Флавий* (51—96) — римский император (81—96) — 364.
- Дросте-Гюльсгоф* (Droste-Hülshoff), *Анета Элизабет*, баронесса (1797—1848) — немецкая поэтесса — 467.
- Друз*, *Нерон Клавдий* (38—9 до н. э.) — римский полководец, участвовал в завоевании Реции и в успешных военных действиях против германцев в 12—9 гг. до н. э. — 352, 353, 355, 363.
- **Дюринг* (Dühring), *Евгений* (1833—1921) — немецкий мелкобуржуазный социалист, философ (вульгарный материалист) и экономист; приват-до-

цент Берлинского университета 1863—1877 гг. — 452.

**Дюро де-ля-Малль* (Dureau de la Malle), *Адольф Цезарь* (1777—1857) — французский географ, экономист и историк; автор ряда работ по экономике древнего Рима и Северной Африки — 107.

Ж.

**Жиро-Талон* (Giraud-Teulon), *Алексис* (род. в 1839 г.) — профессор истории в Женеве, ученик Бахофена — 19, 20, 44.

З.

**Заке* (Sax), *Эмиль* (1845—1927) — австрийский буржуазный экономист, профессор в Праге в 1879—1893 гг.; сторонник «австрийской школы» — 275.

Занд (Sand), *Карл Людвиг* (1795—1820) — студент Йенского университета, патриот, убит в 1819 г. редационного немецкого писателя Коцебу; был казнен — 272.

Засулич, *Вера Ивановна* (1851—1919) — русская социал-демократка; в молодости участница народнического движения; в 1878 г. покушалась на жизнь петербургского градоначальника Трепова; в 1883 г. одна из основательниц группы «Освобождение труда»; после II съезда РСДРП примыкала к меньшевикам — 307.

Зегимер (Segimerus) (жил в начале I века) — вождь германского племени херусков, отец Арминия — 358, 359.

Зетбеер (Soetbeer), *Адольф* (1814—1892) — немецкий буржуазный экономист и статистик; один из инициаторов денежной реформы в Германии (введения золотой валюты) — 503.

**Зибель* (Sybel), *Генрих*, фон (1817—1895) — германский историк, национал-либерал — 474.

**Зугенгейм* (Zugenheim), *Самуэль* (1811—1877) — немецкий буржуазный историк — 36.

И.

Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь московский (1462—1505) — 450.

Иоанн VIII — римский папа (872—882) — 396.

**Иорданис* (Jordanis, Jornandes) (ок. 500—ок. 552) — древне-германский историк — 368.

Йорк (York) — см. *Ричард III*.

Иорнад (Jornandes) — см. *Иорданис*.
Иосиф II (1741—1790) — австрийский император (1765—1790) — 463.

**Ириней* (ок. 130 — ок. 202) — греческий епископ, богослов, проповедник христианства — 162, 163.

**Ирминон* (Irminon) (жил в IX веке) — французский монах-бенедиктинец — 130, 410, 411.

Ирод (37—4 до н. э.) — царь Иудеи — 105.

К.

**Кабэ* (Cabet), *Этьенн* (1788—1856) — французский коммунист-утопист, автор утопии «Путешествие в Икарию» — 307.

Кавур (Cavour), *Камилло Бензо*, граф (1810—1861) — итальянский политический деятель, либерал, премьер-министр Пьемонта, один из главных деятелей национального объединения Италии — 462.

Калигула, *Гай Цезарь* (12—41) — римский император с 37 г. — 163.

Кальноки (Kalnoky), *Густав Сигизмунд*, граф (1832—1898) — австрийский государственный деятель; с 1880 г. посланник в России; сторонник Бисмарка — 264.

Каменский, *Гавриил Павлович* (1824—1898) — экономист, с 1848 г. агент русского министерства финансов в Лондоне и член многих торговых конференций — 192.

Кампаузен (Camphausen), *Людольф* (1803—1890) — крупный рейнский капиталист, в 1848 г. министр-президент, либерал — 467.

Кампе (Campe), *Юлиус* (1792—1867) — совладелец гамбургского издательства «Гофман и Кампе» — 155.

Карл (1771—1847) — австрийский эрцгерцог, фельдмаршал — 488.

Карл Великий (742—814) — король франков, с 800 г. германский император — 129, 130, 131, 391, 395, 399, 403, 404, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412.

Карл II Лысый (823—877) — король западных франков и римский император, сын Людовика Благочестивого — 401.

Карл Смелый (1433—1477) — герцог бургундский — 445.

Карл Мартелл (Charles Martel) (688—741) — франкский майордом, фактически управлявший государством при меровингах — 393, 394, 397, 398, 399, 403.

Карломани — 417.

- Каролинги* — династия франкских королей и императоров (751—987) — 380, 390, 394.
- **Керн* (Kern), *Генрих* (1833—1917) — профессор Бенаресского и Лейденского университетов, специалист по санскриту и германским языкам — 413, 417, 420.
- Кинкель* (Kinkel), *Готфрид* (1815—1882) — немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания 1849 г.; эмигрировал в Лондон — 224.
- Клавдий* — римский патрицианский род, ведущий свое начало от Аппия Клавдия (V век до н. э.) — 100.
- Клавдий Тиберий Германик* (10 до н. э. — 54) — римский император (41—54), сын Друза — 163, 362.
- Кларка* (Кларка), *Георг* (1820—1892) — генерал венгерской революционной армии 1848 г. — 204, 477.
- **Клаузевиц* (Clausewitz), *Карл* (1780—1831) — прусский генерал и теоретик военного искусства, участник войны 1806—1807 и 1812—1814 гг. — 303.
- Клейн* (Klein), *Иоганн Якоб* — кельнский врач, член Союза коммунистов, привлекался по Кельнскому процессу — 225.
- Клемансо* (Clemenceau), *Жорж* (1841—1929) — французский радикал-социалист; член парламента с 1876 г.; с 1880 г. редактор газеты «Justice»; из демократа постепенно становится империалистом и шовинистом; возглавлял правительство во время войны; был ярким врагом революционных рабочих и СССР — 227, 228.
- Клисфен* (жил в конце VI века до н. э.) — афинский политический деятель и законодатель — 95, 96.
- **Ковалевский*, *Максим Максимович* (1851—1916) — русский юрист, социолог, историк, умеренный либерал — 40, 41, 43, 109, 113, 118.
- **Кольб* (Kolb), *Георг Фридрих* (1800—1884) — немецкий статистик, мелкобуржуазный демократ, бургомистр г. Шпейера; издатель «Neue Speierer Zeitung» (1849—1858); с 1863 г. член баварской палаты депутатов — 320.
- Константин I Великий*, *Август* (ок. 280—337) — римский император (306—337) — 371.
- **Корф* (Korff), *Герман* — бывший прусский офицер, официальный издатель «Новой Рейнской Газеты»; впоследствии эмигрировал в Америку — 203.
- Косейн* (Cosyn или Cosijn) *И. П.* — немецкий филолог, специалист по германским языкам, профессор Лейденского университета — 415.
- Котцебу* (Kotzebue), *Август*, фон (1761—1819) — немецкий писатель-драматург, крайний реакционер, тайный агент русского правительства в Германии; убит студентом Зандом — 272.
- Косшут* (Kossuth), *Людвиг* (1802—1894) — венгерский буржуазный политический деятель, глава революционного правительства во время революции 1848 г.; после подавления революции — в эмиграции, бонапартист — 224.
- Кравчинский-Стенняк*, *Сергей Михайлович* (1852—1895) — русский революционер, писатель, эмигрировал за границу; сотрудник бакуинской газеты «Община» и журнала «Земля и Воля»; в последние годы жизни склонялся к либерализму — 191.
- Красс*, *Марк Лициний* (114—53 до н. э.) — римский полководец, в 71 г. подавил восстание Спартака; участник I триумvirата (Цезарь, Помпей и Красс) — 344, 348.
- Крауфорд* (Crawford), *Эмили* (урожденная Джонсон) (род. в 1841 г.) — английская буржуазная журналистка; парижская корреспондентка «Daily News» и «Manchester Guardian» — 481.
- Криге* (Kriege), *Герман* (1820—1850) — немецкий социалист, сторонник Вейтлинга, редактор «Volkstribune» в Нью-Йорке, в 1848—1849 гг. был в Германии; умер в Америке — 215, 216.
- Кропоткин*, *Петр Алексеевич*, князь (1842—1921) — русский революционер, анархист-коммунист; эмигрировал за границу; в империалистическую войну оборонец, после Февральской революции возвратился в Россию — 191.
- Куланж де — см. Фюстель де Куланж.*
- Кульманн* (Kuhlmann), *Георг* (род. в 1812 г.) — один из руководителей вейтлингианского движения в Швейцарии, «истинный социалист», впоследствии установлено, что он был провокатором — 216.
- **Кунов* (Cupow), *Генрих* (род. в 1862 г.) — один из теоретиков немецкой социал-демократии — 43.
- Кэй* (Kaue), *Джон Уильям* (1814—1876) — английский историк; автор работ по новейшей истории Индии — 26.
- **Кювье* (Cuvier), *Жорж* (1769—1832) — французский естествоиспытатель, положил основание сравнительной анатомии и палеонтологии — 17.

Л.

- Ламартин* (Lamartine), *Альфонс* де (1790—1869) — французский поэт-лирик, историк, умеренно-либеральный политический деятель; министр иностранных дел временного правительства 1848 г. — 220.
- * *Ланге* (Lange), *Людвиг* (1825—1885) — немецкий лингвист и историк, профессор Лейпцигского университета — 104.
- Лассаль* (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — 151, 152, 306.
- Лафайет* (La Fayette), *Мари Жозеф* (1757—1834) — французский генерал и политический деятель, один из вождей либеральной буржуазии, в 1789 г. начальник национальной гвардии; в 1792 г. изменил революции и бежал за границу, в 1830 г. содействовал возвращению Луи Филиппа — 171.
- * *Лев Африканец* (он же Хасам ибн-Мохамед аль-Вассаб) (Hasan ibn-Mohammed al-Wassab) (ок. 1492—ок. 1550) — арабский ученый, преподаватель арабского языка в Италии во время папы Льва X; автор историко-географического описания «Африка» — 377.
- * *Леви* (Lévi), *Леоне* (1821—1888) — английский экономист и статистик; сторонник фритредерской политики; профессор торгового права в Королевском колледже в Лондоне — 197.
- Ледрю-Роллен* (Ledru-Rollin), *Александр* (1807—1874) — французский публицист, вождь демократической мелкой буржуазии, член временного правительства 1848 г. — 224.
- * *Лелевель* (Lelewel), *Иоазим* (1786—1861) — польский историк, участник восстания 1830 г., член временного правительства, позднее эмигрант — 343.
- Лесснер* (Lessner), *Фридрих* (1825—1910) — немецкий портной, член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг., один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов; с 1856 г. в эмиграции в Лондоне; член Генерального совета I Интернационала с 1864 г.; защищал в I Интернационале линию Маркса; позднее деятель тред-юнионов; друг Маркса и Энгельса — 216, 225.
- * *Летурно* (Létourneau), *Шарль Жан Мари* (1831—1902) — французский этнограф и социолог, профессор Парижского университета, автор многочисленных исследований по истории культуры — 18, 19.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — 301.
- * *Ливий Тит* (59 до н. э. — 17) — римский историк — 102, 104.
- * *Липсиус* (Lipsius), *Юстус* (1547—1506) — нидерландский филолог, латинист, профессор в Вене и в Лейдене — 415.
- Литнер* (Lithner) — немецкий анархист — 259.
- * *Лиутбранд Кременский* (Liutbrand) (ок. 929—972) — историк, участник похода Оттона I в Италию, с 961 г. епископ в Кремоне — 127.
- Лихновский* (Lichnowski), *Феликс*, князь (1814—1848) — прусский офицер, член правого крыла Франкфуртского национального собрания — 155, 207.
- * *Лонг* (жил в III веке до н. э.) — греческий писатель; ему приписывается авторство романа «Дафнис и Хлоя» — 58.
- Лохнер* (Lochner), *Георг* — немецкий рабочий-столяр, член Союза коммунистов; с начала 50-х годов жил в эмиграции в Лондоне; член Генерального совета I Интернационала (1864—1866 и 1871—1872), сторонник Маркса; делегат на лондонских конференциях (1865 и 1871) I Интернационала — 216.
- Луи Бонапарт* — см. *Наполеон III*.
- Луи Наполеон* — см. *Наполеон III*.
- Луи Филипп* (1773—1850) — французский король (1830—1848) — 209, 228, 229.
- Лукиан* (ок. 120—180) — древне-греческий писатель, сатирик — 23.
- Людвиг I Благочестивый* (778—840) — сын Карла Великого, римско-германский император (814—840) — 399, 407, 410, 411.
- Людвиг II Косноязычный* (846—879) — король франков, сын Карла Лысого, король Аквитании с 866 г. и западных франков с 877 г. — 408.
- Людвиг XI* (1423—1483) — французский король (1461—1483) — 449.
- Людвиг XIV* (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 488, 494.
- Люксембурги* — династия германских королей с Генриха VII (1208 г.) — 481.
- Люксембургский герцог* — см. *Вильгельм III*.
- Лякомбле* (Lacomblet), *Теодор Иозеф* (1789—1866) — немецкий историк, прусский архивариус, издатель журнала «Archiv für die Geschichte des Niederrheines» — 426.

М.

- Мадзини* (Mazzini), *Джузеппе* (1805—1872) — 209, 212, 224.
- **Мак-Леннан* (Mac Lennan), *Джон Фергюсон* (1827—1881) — шотландский историк и социолог — 16, 32, 44, 67, 109.
- **Маклолей* (Macaulay), *Томас Бабингтон*, лорд (1800—1859) — английский историк, политический деятель, автор «Истории Англии» и других исторических работ; умеренный либерал — 205.
- Макрим*, *Марк Опелий* (164—218) — римский император (217—218) — 372.
- Макфарлейн* (Macfarlane), *Эллен* — переводчица «Коммунистического манифеста» на английский язык — 305.
- Мантейфель* (Manteuffel), *Отто Теодор*, барон фон (1805—1882) — прусский министр внутренних дел в кабинете Бранденбурга 1848 г.; в 1850—1858 гг. премьер-министр — 468.
- Марат* (Marat), *Жан Поль* (1743—1793) — 170, 171.
- Марий Гай* (156—86 до н. э.) — римский полководец, в 104 г. провел демократизацию армии (lex Maria), консул — 344, 362.
- Марк Аврелий Антонин* (121—180) — римский император (161—180) — 366, 369.
- Марк Вициний* — 354.
- Маркс*, *Женни* (урожденная фон-Вестфален) (1814—1881) — жена К. Маркса — 216.
- Маркс*, *Карл* (1818—1883) — 7, 16, 22, 23, 40, 41, 45, 47, 50, 78, 80, 81, 82, 84, 85, 134, 140, 154, 155, 156, 158, 165, 166, 167, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 177—179, 180, 187, 188, 189, 190, 196, 201, 202, 203, 208, 211, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 222, 224, 225, 226, 230, 231, 232, 233—238, 254, 255, 272, 276, 277, 283, 288, 291, 298, 301, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 312, 313, 326, 327, 330, 461, 491, 497.
- Маробод* (Maroboduus) (ум. в 41 г. до н. э.) — вождь германского племени маркоманнов; участвовал с Арминием в борьбе германских племен за освобождение от римской зависимости — 345, 355, 360, 365.
- **Марциан* (ок. 400 г. до н. э.) — греческий географ — 366.
- **Маурер* (Mauger), *Георг Людвиг* (1790—1872) — немецкий историк, исследователь средневекового строя сельской и городской общины, экономическая и социальная роли германской марры; в 1847 г. был баварским министром иностранных дел и юстиции — 75, 116, 118, 408.
- **Мейцен* (Meitzen), *Август* (1822—1910) — немецкий статистик — 247, 249.
- Ментель* (Mentel), *Христиан Фридрих* (род. в 1812 г.) — берлинский портной; арестован за участие в коммунистической организации, которую предал; был освобожден и эмигрировал в Америку — 211.
- Меровинги* — первая династия франкских королей — 390, 393, 402, 403.
- Мерославский* (Mieroslawski), *Людвиг* (1814—1878) — польский революционер, участник восстания 1830 г.; в 1849 г. командующий баденской революционной армией, затем эмигрант в Швейцарии и во Франции; в 1863 г. назначен диктатором польского национального правительства — 269, 270.
- **Месторф* (Mestorf), *И.* — 365, 369.
- Меттерних* (Metternich), *Клеменс Лотар*, князь (1773—1859) — австрийский министр иностранных дел (1809—1848), имперский канцлер (1821—1848); стоял во главе европейской реакции — 463.
- Мильде* (Milde), *Карл Август* (1805—1861) — крупнейший бреславльский текстильный фабрикант, представитель либеральной буржуазии, член прусского ландтага (1847—1848) и Национального собрания (1851—1855 и 1859—1861) — 467.
- Молль* (Moll), *Йосиф* (1812—1849) — часовщик из Кельна, один из организаторов и руководителей Союза справедливых; член ЦК Союза коммунистов; убит во время баденского восстания 1849 г. — 210, 217, 219, 222.
- **Моммзен* (Mommsen), *Теодор* (1817—1903) — немецкий юрист и историк, либерал, член рейхстага; автор ряда работ по римской истории и по истории римского права — 80, 101, 102, 103, 104, 105.
- **Моне* (Mone), *Франц* (1796—1871) — немецкий буржуазный историк-германист — 431.
- **Морган* (Morgan), *Льюис Генри* (1818—1881) — американский ученый, этнограф и историк — 3, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 24, 27, 28, 31, 48, 64, 65, 66, 67, 69, 75, 81, 82, 84, 86, 88, 96, 104, 112, 134, 153.

Морни (Mornu), *Шарль Огюст*, де — (1811—1865) — сводный брат Наполеона III; будучи министром внутренних дел, содействовал перевороту 2 декабря 1851 г.; председатель Законодательного корпуса (1854—1856 и 1857—1865) — 472.

**Мосх* (жил во II веке до н. э.) — древнегреческий поэт — 58.

Мур (Moore), *Сэмюэл* (1837 — ок. 1912) — член I Интернационала, переводчик «Капитала» и «Коммунистического манифеста» на английский язык, друг Маркса и Энгельса — 309.

Мэн (Maine), *Генри Сэмнер* (1822—1888) — английский буржуазный правовед и социолог, профессор Оксфордского и Кембриджского университетов, автор ряда работ по истории общественных учреждений и права — 60.

**Мюллентоф* (Müllenhof), *Карл* (1818—1884) — немецкий филолог-германист, профессор — 343.

**Мюльбергер* (Mülberger), *Артур* (1847—1907) — немецкий доктор медицины, публицист, сторонник Прудона; автор статей о жилищном вопросе в «Volksstaat» — 275.

Н.

**Надлер* (Nadler), *Карл Христиан* (1809—1849) — поэт, автор стихотворений на пфальцском наречии — 437.

Наполеон I (1769—1821) — французский император (1804—1814 и 1815) — 49, 67, 168, 206, 245, 265, 452, 457, 461, 465, 473.

Наполеон III (Луи Бонапарт) (1808—1873) — французский император (1851—1870) — 155, 189, 196, 261, 262, 271, 361, 457, 458, 459, 460, 461, 471, 472, 473, 475, 476, 477, 478, 481, 482, 483, 484, 485, 490, 494.

**Неарх* (род. ок. 360 г. до н. э.) — сподвижник Александра Великого, командовал флотом — 43.

Нерон, Клавдий (37—68) — римский император (54—68) — 162, 163, 164, 366, 372.

**Нибур* (Niebuhr), *Бартольд Георг* (1776—1831) — немецкий историк — 80, 82, 105, 145.

Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 457, 458, 459.

**Новикова, Ольга Алексеевна* (1840—1925) — писательница - журналистка либерального направления — 191.

Ноттинг (Nothjung), *Петр* (1821—1880) — портной, позже фотограф;

член Кельнского рабочего союза; один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов, позднее ласкальенец — 224, 225.

Нумоний Вала (I век) — предводитель конницы в германских легионах Вара — 360.

О.

Оборский (Oborski), *Людвиг* (1787—1873) — полковник, польский эмигрант в Лондоне; в 1845 г. председатель общества Демократических друзей всех наций в Лондоне; участник революции 1848 г.; с 1865 г. член Генерального совета I Интернационала — 300.

**Овидий, Публий Назон* (43 до н. э. — 17) — 361.

Одоакр (433—493) — вождь германских дружин, состоявших на римской службе; в 476 г. свергнул малолетнего римского императора Ромула Августа и провозгласил себя королем Италии — 121.

**Орозий, Павел* (конец IV — начало V) — римский историк — 343.

Отон, Марк Сальвий (32—69) — римский император (январь — апрель 69 г.) — 163.

Отто (Otto), *Карл Вундальд* (род. ок. 1810 г.) — доктор химии, член Союза коммунистов, один из обвиняемых в Кельнском процессе — 225.

**Оуэн* (Owen), *Роберт* (1771—1858) — 297.

П.

Палгрэйв (Palgrave), *Роберт Парри*, сэр (1827—1919) — английский банкир, экономист, издатель газеты «Economist» (1877—1883) — 199.

Пальмерстон (Palmerston), *Генри Джон*, виконт (1784—1865) — английский политический деятель, виг, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1852), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865) — 457, 473.

Персей (212—166 до н. э.) — последний македонский царь (179—168); вел борьбу с Римом за независимость Македонии — 124, 343.

Персий, Флак Авл (34—62) — римский сатирик — 160.

Пизистрат (ок. 600—527 до н. э.) — афинский тиран с 560 г. — 98.

Пиль (Peel), *Роберт* (1788—1850) — английский государственный деятель; возглавлял торийскую группу «пили-

- тов»; премьер-министр (1834—1835 и 1841—1846); в 1846 г. провел билль об отмене хлебных пошлин — 318.
- Пинн Короткий* (714—768) — франкский король (751—768) из династии каролингов — 396, 398, 399.
- **Питеас* (жил во второй половине IV века до н. э.) — греческий географ, астроном и математик — 343, 347.
- **Платон* (427—348 до н. э.) — 157.
- **Плиний Старший* (23—79) — римский историк и натуралист, автор 37-томной «Естественной истории» — 348, 350, 351, 365, 368, 378, 379, 380, 381, 382, 386, 387.
- **Плутарх* (ок. 46 — ок. 125) — греческий историк, автор 46 биографий знаменитых людей Греции и Рима — 46, 344.
- Појкер* (Peucker), *Эдуард, фон* (1791—1876) — прусский генерал, в 1848 г. военный министр, участник подавления баденского восстания 1849 г. — 269, 270.
- Проб, Марк Аврелий* (232—282) — римский император (276—282) — 375.
- **Прокотий* (жил в VI в.) — византийский историк и юрист; участник описанных им походов Велизария — 51, 380.
- **Прудон* (Proudhon), *Пьер Жозеф* (1809—1865) — 174, 175, 176, 179, 180, 181, 185, 221, 275, 276, 277, 278.
- **Птоломей, Клавдий* (II век) — александрийский астроном, математик и географ — 364, 365, 370, 372, 377, 378, 379, 381, 386, 387.
- Путткаммер* (Puttkammer), *Роберт Виктор* (1828—1900) — прусский реакционный министр внутренних дел в 1881—1888 гг.; один из инициаторов исключительных законов против социал-демократов — 468.
- Пфендер* (Pfänder), *Карл* (1818—1876) — немецкий живописец-миниатюрист, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне; член Генерального совета I Интернационала с 1864 г., сторонник Маркса — 216.
- Р.**
- **Райт* (Wright), *Этер Артур* (1803—1875) — американский миссионер; прожил около 40 лет среди ирокезского племени сенека — 33.
- **Расин* (Racine), *Жан* (1639—1699) — французский драматург и придворный историк Людовика XIV — 493.
- Резер* (Röser), *Петер Гергардт* (1814—1865) — рабочий-сигарочник, председатель Кельнского рабочего союза (1849 г.), член Союза коммунистов, обвиняемый по Кельнскому процессу коммунистов, позднее лассальянец — 224, 225.
- Рейман* (Reumann), *Даниэль Готлоб* (1759—1837) — прусский военный топограф и хранитель картографического архива — 429, 430.
- Рейфф* (Reiff), *Вильгельм Иосиф* (род. ок. 1824 г.) — обвиняемый по Кельнскому процессу коммунистов — 224, 225.
- **Реймский* (437—533) — реймский архиепископ — 396.
- **Ренан* (Renan), *Эрнест* (1823—1892) — французский писатель и историк, автор исследований по истории христианства — 152, 222.
- **Рено* (Renault), *Элиас* — автор «Histoire des principautés danubiennes» (1855) — 192.
- **Рикардо* (Ricardo), *Давид* (1772—1823) — 175, 176, 177, 178, 187, 311.
- Ричард III* (1452—1485) — король Англии (1483—1485) — 361.
- Ришелье* (Richelieu), *Арман Жан Дюпlessis* (1585—1642) — французский герцог и кардинал, министр — 488.
- Робертус-Ягецов* (Robertus-Jagetsov), *Иоганн Карл* (1805—1875) — 174, 175, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 184—187.
- Россель* (Russell), *Джон* (1792—1878) — лорд, один из вождей партии вигов, премьер-министр (1846—1852, 1865—1866); министр иностранных дел (1852—1853 и 1859—1865) — 473.
- Рот* (Roth), *Пауль, фон* (1820—1892) — немецкий правовед, автор многих работ по истории права — 393, 394, 396, 401, 403, 408.
- Роттек* (Rotteck), *Карл Венцеслав, фон* (1775—1840) — немецкий историк и политический деятель, профессор, родоначальник немецкого либерализма, кантианец — 467.
- Руге* (Ruge), *Арнольд* (1802—1880) — немецкий демократ, левогегельянец, издавал вместе с Марксом «Deutsch-Französische Jahrbücher», участник революции 1848 г.; с 1866 г. сторонник Бисмарка — 224.
- С.**
- **Сальвиан Марсельский* (ок. 400—484) — епископ в Марселе, в Галлии — 127, 130.

- **Светоний, Транкви.* (ок. 75—160) — римский историк. автор дошедших до нас 12 биографий римских императоров от Цезаря до Домициана — 353.
- Сегест* (Segestes) (I век) — вождь германского племени херусков, друг римлян — 359.
- **Сенека, Люций Анней* (3 до н. э. — 65) — римский писатель и философ-стоик, воспитатель императора Нерона — 160.
- **Сен-Симон* (Saint-Simon), *Клод Анри*, граф, де (1760—1825) — 297.
- Сентий Сатурнин* (I век) — консул, соратник Тиберия в походах в Западную Германию — 355.
- Септимий Север Люций* (146—211) — римский император (193—211) — 369, 371, 372.
- Сервий Туллий* (578—535 до н. э.) — полулегендарный шестой римский царь — 107.
- **Серно-Соловьевич, Александр Александрович* (1838—1869) — русский революционер, последователь Чернышевского; с 1862 г. эмигрант в Швейцарии; с 1867 г. член Женевской секции I Интернационала; выступил против Герцена в своей брошюре «Наши домашние дела» (1867) — 302.
- **Сирмон* (Sirmond), *Жак* (1559—1651) — французский иезуит, исповедник Людовика XIII—404.
- **Скотт* (Scott), *Вальтер* (1771—1832) — 112.
- **Смит* (Smith), *Адам* (1723—1790) — 297, 311.
- Смит-Хедингли* (Smith-Headingley), *Адольф* — английский журналист, член Социал-демократической федерации — 328.
- Солон* (ок. 638—558 до н. э.) — афинский законодатель — 81, 89, 93, 94, 107, 151.
- **Соссюр, Генри* (Henri de Saussure) (1829—1905) — швейцарский естествоиспытатель, путешественник — 19.
- Стенстранд* (Steenstrand) — голландский коммерсант, торговец хлопком в Англии — 334.
- **Страбон* (ок. 63 до н. э. — ок. 21) — древне-греческий географ — 347, 348, 361, 377.
- Струве* (Struve), *Густав* (1805—1870) — немецкий адвокат и журналист, мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания 1849 г., эмигрировал в Америку, участник гражданской войны в Америке; в 1865 г. вернулся в Германию — 299.
- Сулук* (Soulouque) (1787—1867) — с 1847 г. президент республики Гаити;

с 1849 г. провозгласил себя императором под именем Фаустина I; в 1859 г. был низложен республиканцами — 155.

Сурита (Zurita), *Алонзо* (жил в середине XVI века) — испанский историк; один из первых исследователей древней Мексики — 43.

Т.

- Тарквиний, Люций Гордый* — по преданию седьмой и последний римский царь (534—510 до н. э.) — 106, 108.
- **Тацит, Публий Корнелий* (55—120) — римский историк — 8, 13, 50, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 339, 345, 348, 349, 350, 357, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 371, 372, 374, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 385, 386.
- Теодорих* — имя трех королей германских племен; первый (419—451), второй (453—466), третий (471—526) — 106.
- Тиберий, Клавдий Нерон* (42 до н. э. — 37) — римский император (14—37) — 106, 163, 353, 354, 355, 363, 372.
- Тиле* (Thile), *Герман*, фон (1812—1889) — прусский дипломат, посол в Риме в 1854—1859 гг. — 483.
- **Томпсон* (Thompson), *Вильям* (1785—1833) — английский экономист, последователь Оуэна — 176.
- Траян, Ульпиус* (ок. 53—117) — римский император — 371.
- Трулав* (Truelove), *Эдуард* (1809—1899) — издатель, в ранние годы последователь Оуэна — 309.
- Тьер* (Thiers), *Луи Адольф* (1797—1877) — 487, 494.

У.

Ульфила (ок. 311—383) — первый епископ готов, ученый и политический деятель; создал готский алфавит и перевел на готский язык Библию и Евангелие — 106.

Ф.

- Фабии* — старейший римский патрицианский род — 104.
- **Файсон* (Fison), *Лоример* (1832—1907) — антрополог и этнограф, английский миссионер в Австралии, исследователь первобытного туземного населения — 28, 29, 30.
- **Феокрит* (ок. 320 г. — в середине III века до н. э.) — греческий поэт, создавший «пастушеский» жанр — 58.

- ***Фергусон** (Ferguson), *Адам* (1723—1816) — шотландский буржуазный философ и историк — 237.
- Фердинанд II Католик** (1452—1516) — король Сицилии с 1468 г. и с 1479 г. король Кастилии и Арагона под именем Фердинанда V — 36.
- Ферри** (Ferri), *Жюль* (1832—1893) — один из палачей Коммуны, французский премьер-министр (1880—1881 и 1883—1885), организатор ряда военно-колониальных экспедиций — 227.
- Фецения** (Fecenia), *Гиспала* — 102.
- Филипп II** (1527—1598) — испанский король (1556—1598) — 362.
- Филипп VII** — см. *Гогенцоллерн, Леопольд*.
- ***Филон Александрийский** (ок. 20 до н. э. — 50) — представитель эллинизма, богослов, эклектик; в своих комментариях дает аллегорическое толкование Библии — 160.
- Флокон** (Flocson), *Фердинанд* (1800—1866) — французский мелкобуржуазный радикал, журналист, редактор левореспубликанской газеты «Réforme» (1845—1848), член Временного правительства 1848 г.; после переворота в 1851 г. эмигрировал из Франции — 220.
- ***Флор**, *Люций Аннеус* (жил в конце I и в первой половине II века) — римский историк — 353.
- Фогт** (Vogt), *Карл* (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель и публицист, вульгарный материалист; член Франкфуртского национального собрания; в эмиграции был одним из лидеров мелкобуржуазной демократии; агент Луи Бонапарта, разоблачен Марксом в памфлете «Господин Фогт» (1860) — 300.
- Франц Иосиф** (1830—1916) — австрийский император (1848—1916) — 464.
- Франц I** (1768—1835) — австрийский император (1792—1835) — 463.
- Фрейлиграт** (Freiligrath), *Фердинанд* (1810—1876) — немецкий революционный поэт, член редакции «Новой Рейнской Газеты», член Союза коммунистов; в конце 50-х годов примкнул к буржуазно-демократическим элементам немецкой эмиграции; вернулся в Германию в 1868 г. — 156, 157, 225.
- Фридрих Вильгельм** (1620—1688) — курфюрст бранденбургский (1640—1688) — 206.
- Фридрих Вильгельм III** (1770—1840) — прусский король (1797—1840) — 244, 465, 469.
- Фридрих II Великий** (1712—1786) — прусский король (1740—1786) — 156, 206, 244, 246, 457, 464, 471.
- Фридрих Христиан Август** (1829—1880) — принц Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Августенбургский — 474.
- Фридрих VII** (1808—1863) — король Дании (1848—1863) — 474.
- ***Фримен** (Freenan), *Эдуард Август* (1823—1892) — английский историк, профессор Оксфордского университета — 8.
- ***Фукидид** (ок. 460 — ок. 396 до н. э.) — греческий историк, афинянин, участник Пелопонесской войны — 86.
- Фульд** (Fould), *Ашиль* (1800—1867) — французский финансист; после революции 1848 г. бонапартист; министр финансов (1849—1860 и 1861—1867) — 471.
- Фурье** (Fourier), *Шарль Франсуа* (1772—1837) — 53, 133, 153, 297.
- Фустель де Куланж** (Fustel de Coulanges), *Нюма Дени* (1830—1889) — французский буржуазный историк — 83.

X.

- Хаскисон** (Huskisson), *Вильям* (1770—1830) — английский государственный деятель; будучи членом министерств Ливерпуля и Каннинга, проводил снижение ставок таможенного тарифа — 318.
- ***Хауит** (Howitt), *Альфред Вильям* (1830—1908) — австралийский антрополог — 270.
- Хинкмар Лаонский** (830—882) — епископ — 401.
- ***Хинкмар Реймский** (ок. 806—882) — архиепископ с 845 г. — 396, 408.
- Хлодвиг I** (466—511) — король франков, основатель династии меровингов — 427.
- Христиан Глюкбургский** — см. *Христиан IX* — 453.
- Христиан IX** (1818—1906) — король Дании (1863—1906) — 453.

Ц.

- ***Цезарь**, *Гай Юлий* (ок. 100—44 до н. э.) — 13, 25, 26, 71, 110, 112, 117, 118, 119, 121, 123, 339, 343, 344, 345, 346—347, 348, 349, 351, 361, 362, 367, 376, 385, 386, 387.
- ***Цейсс** (Zeuss), *Каспар* (1806—1856) — немецкий буржуазный историк и филолог, профессор в Шпейере с 1839 г. и в Бамберге с 1847 г. — 378, 379, 380, 386.

Цивилис, Юлий (жил в I веке) — вождь германского племени батавов, восставших против римского владычества в 68 г. — 116.

Ч.

Чех (Tschech), *Генрих Людвиг* (1789—1844) — юрист, в 1837—1841 г. бургомистр г. Сторкова (Пруссия), демократ; 26 июля 1844 г. совершил неудачное покушение на жизнь прусского короля Фридриха Вильгельма IV и был казнен — 467.

III.

**Шаафгаузен* (Schaafhausen), *Герман* (1816—1893) — немецкий анатом-физиолог, профессор Боннского университета, основатель современной антропологии — 341.

Шанпер (Schapper), *Карл* (1813—1870) — немецкий революционер, участник заговора Бюхнера (1832), эмигрант в Париже, один из руководителей Союза справедливых; эмигрировал в Лондон, член ЦК Союза коммунистов; в 1850 г. вместе с Виллихом стоял во главе ультра-«левой» фракции Союза коммунистов, борющейся против Маркса; позже, будучи председателем Немецкого рабочего просветительного союза в Лондоне, вновь сблизился с Марксом; в 1865 г. был членом Генерального совета I Интернационала — 202, 209, 210, 215, 219, 222, 224, 225.

Швейцер (Schweitzer), *Иоганн Бантист*, фон (1833—1875) — франкфуртский адвокат, лассальянец; вскоре после смерти Лассалья стал во главе Всеобщего германского рабочего союза; основатель берлинской газеты «Social-Demokrat» (1865), на которую, как обнаружилось впоследствии, получал субсидию от Бисмарка; после 1871 г. отошел от политической жизни — 174.

**Шеман* (Shömann), *Георг Фридрих* (1793—1879) — немецкий историк-языковед, автор ряда работ по истории Греции — 46, 84.

Шлефбель (Schlöffel), *Густав Адольф* (1828—1849) — немецкий демократ, участник баденского восстания 1849 г. — 168.

**Шлоссер* (Schlosser), *Фридрих Христов* (1776—1861) — буржуазный немецкий историк, профессор Гейдельбергского университета, либерал — 466.

Шнаппганский — см. *Лизновский*.

**Шнейдер* (Schneider), *Иоганн Готлоб* (1750—1822) — немецкий филолог и естествоиспытатель, профессор филологии (1776—1811) во Франкфурте на Одере — 364.

Шнейдер (Schneider), *Карл* — адвокат из Кельна, демократ, защитник коммунистов на Кельнском процессе — 202, 203.

Шпрунер (Spruner), *Карл фон Мерц* (1803—1892) — немецкий историк-картограф — 443.

Штейн (Stein), *Юлиус* (род. в 1813 г.) — немецкий либеральный журналист, редактор «Neue Oder-Zeitung», с 1862 г. редактор «Breslauer Zeitung», член «левой» Берлинского национального собрания — 169.

Штеккер (Stoecker), *Адольф* (1835—1909) — немецкий теолог и политик; основатель христианско-социалистической партии (1878), член консервативной партии рейхстага в 1881—1908 гг. — 504.

**Штибер* (Stieber), *Вильгельм* (1818—1882) — начальник прусской политической полиции; один из организаторов Кельнского процесса коммунистов — 208, 218.

**Штраус* (Strauss), *Давид Фридрих* (1808—1874) — немецкий гегельянец, историк и теолог — 159.

Шульце-Делич (Schulze-Delitzsch), *Франц Герман* (1808—1883) — немецкий буржуазный экономист; один из вождей буржуазной «партии прогрессистов», в 60-х годах выступал с пропагандой производственных товариществ, организуемых за счет «сбережений» рабочих, проповедник «гармонии труда и капитала» — 169.

Шурц (Schurz), *Карл* (1829—1906) — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Америке; участвовал там в гражданской войне; затем был посланником США в Испании, сенатором, министром внутренних дел — 223.

Э.

Эвербек (Ewerbeck), *Герман* (1816—1860) — немецкий врач, публицист, эмигрант в Париже; один из вождей Союза справедливых и Союза коммунистов — 215, 224.

**Эврипид* (480—406 до н. э.) — древнегреческий драматург — 46.

**Эдмондс* (Edmonds), *Томас Роберт* — английский экономист, последователь Оуэна — 176.

- Эйзенбарт* (Eisenbart), *Иоганн Андреас* (1661—1727) — прусский врач, окулист и хирург, известный шарлатан; его имя стало нарицательным — 185.
- **Эйнгард* (Einhard или Eginhard) (ок. 770—840) — немецкий историк, секретарь Карла Великого — 393.
- Эккариус* (Eccarius), *Иоганн Георг* (1818 — 1889) — немецкий рабочий-портной; эмигрант в Лондоне, член Союза коммунистов, позднее участник английского тред-юнионистского движения; принимал активное участие в организации I Интернационала, член Генерального совета (1864—1872); в 1872 г. примкнул к «большинству» британского Федерального совета, выступал против решений Гаагского конгресса (1872) и принял участие в клеветнической кампании против Генерального совета и Маркса; участник Женевского (1873) и Брюссельского (1874) конгрессов анархистов — 216.
- Эльснер* (Elsner), *Карл Фридрих Молиц* (1809—1894) — немецкий демократ, член Национального собрания, редактор «Neue Oder-Zeitung» — 169.
- Энгельгардт* (Engelhardt), *Гельвиг Конрад Христиан* (1825—1881) — датский археолог, профессор и директор музея скандинавских древностей в Копенгагене — 372.
- Энгельс*, *Фридрих* (1820—1895) — 38, 118, 164, 165, 173, 188, 190, 193, 200, 207, 218, 219, 226, 228, 229, 232, 233, 235—237, 238, 249, 256, 259, 267, 273, 292, 294, 304, 305, 308, 309, 310, 327, 330, 336, 337, 414, 452, 469, 510, 512, 513.
- Эргард* (Erhardt), *Иоганн Людвиг* (род. в 1820 г.) — приказчик в Кельне, один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов — 225.
- **Эспинас* (Espinasse), *Виктор Альфред* (1844—1922) — французский философ и социолог, профессор Парижского университета — 19, 20.
- **Эсхил* (525—456 до н. э.) — древнегреческий драматург — 45, 84.

Ю.

- **Ювенал*, *Децим Юний Ювеналис* (ок. 60—140) — римский поэт-сатирик, стоик — 157.
- Юлии* — древнейший римский род — 113.

Я.

- Якоби* (Jacobi), *Абрагам* — врач в Кельне, член Союза коммунистов, участник Кельнского процесса коммунистов; эмигрировал в Америку — 225.
- **Ярослав I* (978—1054) — киевский князь — 42.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИМЕНА.

А.

- Авраам* (из Библии) — 38.
Агамемнон — 45, 82, 85.
Альтея (из греческой мифологии) — 114.
Анаитис — 35, 48.
Анаксандрид (из греческой мифологии) — 45.
Аристон (из греческой мифологии) — 46.
«Атта Троль» (произведение Гейне) — 155.
Афродита — 48.
Ахиллес или *Агилл* — 45, 85.

Б.

- Бореады* (из греческой мифологии) — 85.
Брунгильда (из «Песни о Нибелунгах») — 59.

В.

- Веледа* — 113.

Г.

- Гадубранд* (сын Гильдебранда; из средневекового немецкого эпоса) — 113.
Ганимед — 47.
Гартмут (из средневекового немецкого эпоса «Гудрун») — 59.
Геракл (из греческой мифологии) — 114.
Гервиг (из «Гудрун») — 59.
Гетель (из «Гудрун») — 59.
Гильда (из «Гудрун») — 59.
Гильдебранд (из древне-верхне-немецкого эпоса) — 113, 138.
Гудрун (из одноименной поэмы) — 59.
Гунтер (из «Песни о Нибелунгах») — 59.

Д.

- Даниил* (из Библии) — 162.
Демодок (из «Одиссеи») — 85.
Джон Буль (прозвище англичан, заимствованное из политической сатиры Дж. Арбатнота: J. Arbuthnot, «History of John Bull», 1712) — 311.
Дон-Кихот Ламанчский — 499.

Е.

- Енох* (из Библии) — 162.

Ж.

- Жорж Дандэн* (из комедии Мольера «Жорж Дандэн») — 143.

З.

- Зевс* — 85.
Зигбант (из «Гудрун») — 59.
Зигфрид (из «Песни о Нибелунгах») — 59.
Зигфрид (из «Гудрун») — 59.

И.

- Иезавель* (из Библии) — 160.
Иисус Христос — 160.
Инге, Иске и Эрмине (из древне-германской мифологии) — 379.
Иоанн («апостол») — 161, 162, 163, 164.

К.

- Кассандра* (из трагедии Эсхила) — 45.
Клеопатра Бореада (из греческой мифологии) — 114.
Кримгильда (из «Песни о Нибелунгах») — 59.

Л.

- Локи* (из скандинавской мифологии) — 23.

М.

- Мани* (из древне-германской мифологии) — 379.
Мелеагр (из греческой мифологии) — 114.
Милитта — 35.
Моисей (из Библии) — 33, 160.
Мулий (из «Одиссеи») — 85.

Н.

- Нерта* — 380, 382.
Нестор (из «Илиады») — 82.
Нибелунги — 59, 272.
Ньерд (из скандинавской мифологии) — 23.

О.

Одиссей (он же Улисс) (из «Илиады» и «Одиссеи») — 85.

П.

Полник (из трагедии Эсхила «Семеро (вождей) против Фив») — 84.

Р.

Ромул (из римской мифологии) — 105.

Т.

Тевкр (из «Илиады») — 45.

Теламон (из «Одиссеи») — 45.

Телемак (из «Одиссеи») — 45.

Тестий (из греческой мифологии) — 114.

У.

Ута (из «Гудрун») — 59.

Ф.

Финей (из древне-греческой мифологии) — 114.

Фолькер (из «Песни о Нибелунгах») — 273.

Фрейя (из скандинавской мифологии) — 23.

Э.

Эвмей (из «Одиссеи») — 85.

Этеокл (из трагедии Эсхила «Семеро (вождей) против Фив») — 84.

Этцель (из «Песни о Нибелунгах») — 59.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.

А.

- Авальгау* (Avalgau) — старая область Средней Франконии (Mittelfranken) — 423.
- Аггер* (Agger) — правый приток Зига в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн — 429.
- Аденау* (Adenau) — районный пункт в округе Кобленц, в Рейнской провинции Пруссии, в горной области Эйфель — 421.
- Адольфсек* (Adolfseck) — деревня в Нассау (Германия), к северу от и близ Лангеншвальбаха — 364.
- Аквитания* (Aquitania) — одна из четырех провинций древней Галлии между Пиренеями и Гаронной — 394.
- Ализон* (Alison) — римская крепость на р. Липпа (разрушена в 15 г.) — 353, 354, 359, 360, 363, 386.
- Ализа-сент-Рэн* (Alise-Sainte-Reine, у римлян Alesia) — местечко во французском департаменте Кот-д'Ор (Côte d'Or) в округе Семюр (здесь памятник, поставленный Наполеоном III Верцингеторигсу) — 361.
- Альма* (Alme) — левый приток Липпы в Вестфалии, близ Нейгауза — 353.
- Амстельраде* (Amstelrade) — селение в голландской провинции Лимбург, на р. Амстель — 422.
- Андернах* (Andernach) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц, в районе Майен, на Рейне — 428.
- Ансбах* (Ansbach) — главный город Средней Франконии, в Баварии — 488.
- Ар* (Ahr) — левый приток Рейна в Рейнской провинции Пруссии, берет начало у Бланкенгейма из горной местности Эйфель, впадает у Зинцига — 431.
- Арвейлер* (Ahrweiler) — город в Рейнской провинции Пруссии, на левом берегу р. Ар, в районе Кобленца — 428, 429.

- Ардинген* (Ardingenen) — селение во французском департаменте Па-де-Кале, у Сент-Омера — 432.
- Ауэрштедт* (Auerstedt) — прусская деревня в Восточной Тюрингии, у Энкартсберга — 244.

Б.

- Баденвейлер* (Badenweiler) — селение в Бадене, в округе Леррах, в районе Мюльгейм, у подножия Южного Шварцвальда, курорт — 302.
- Байрейт* (Bayreuth) — главный город Верхней Франконии, в Баварии, на обоих берегах Красного Майна — 488.
- Балланж* (Ballenge) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 432.
- Банлерсгофен* (Banlershoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт, близ Сен-Трюяна — 430.
- Бардевик* или Бардовик (Bardewiek или Bardowiek) — местность в Ганновере, в округе Люнебург — 378.
- Батавский остров* (Batavia, Batavische Insel) — римское название Голландии и всего Нидерландского государства, земля германского племени батавов — 352.
- Бахарач* (Bacharach) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц — 428.
- Бевинген* (Bevingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт, в районе Сен-Трюян — 432.
- Бёдинген* (Bödingen) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн, в районе Зиг — 431.
- Безансон* (древн. Vesontio, Besançon) — главный город французского департамента Ду (Doubs), у канала, соединяющего Рону с Рейном — 269.
- Бейстершейд* (Beisterscheid) — селение в баварском Пфальце, к западу от Доннерсберга — 434.

- Беннинггофен* (Benninghofen) — 1) деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, близ Метманна; 2) деревня в Вестфалии, в округе Арнсберг, в местности Гельвег — 429.
- Бере* (Berg) — бывшее герцогство, теперь часть Рейнской провинции Пруссии — 356, 413, 416, 420, 434.
- Бергейм* (Bergheim) — город в Эльзасе, в Верхне-эльзасском округе, на левом притоке р. Илль, в бассейне Рейна — 428.
- Берггофен* (Berghofen) — деревня в Вестфалии, в округе Арнсберг, в районе Херде, в местности Гельвег — 429.
- Бернкастель* (Bernkastel) — город в Трирском округе, в Пруссии, на правом берегу Мозеля — 428.
- Бечва* (Bečva) — левый приток Моравы (Марх), в Моравии (Чехо-Словакия) — 366.
- Биберих* (Bieberich) — поместье в прусской провинции Гессен-Нассау, в округе Висбаден, близ Браубаха — 434.
- Биль* (франц. Bièppe) — город в швейцарском кантоне Берн, на берегу Вильгельмского озера — 201.
- Бингелраде* (Bingelrade) — селение в голландской провинции Лимбург, в районе Маастрихта, у Ситтарда — 422.
- Бинген* (Bingen) — город в гессенской провинции Рейнгессен, при впадении Наэ в Рейн — 435.
- Бич* (Bitsch) — город у подножия Вогезов, в Лотарингии, в районе Сааргемюнд — 434.
- Бланкенлох* (Blankenloch) — селение в Бадене, в округе Карлсруэ — 300.
- Блекинге* (Blekinge) — юго-восточная провинция Швеции, у Балтийского моря, образует южную террасу Смаландской возвышенности — 370.
- Бовинген* (Bovingen) — селение в Бельгии, в провинции Брабант — 432.
- Бойенгофен* (Boyenhoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт, близ Сен-Трюяна — 430.
- Бонгау* (Bonngau) — старая область Средней Франконии — 423.
- Бонн* (Bonn) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн, на левом берегу Рейна — 353, 355, 426.
- Боннинген* (Bonninghen, Binningues-lès-Andres) — селение во Франции, в департаменте Па-де-Кале, в округе Сент-Омер, в районе Ардр — 432.
- Борнгольм* (Bornholm) — датский остров в Балтийском море, между Швецией и Померанией — 369.
- Босвиннинген* (Boswinningen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург — 432.
- Бредфорд* (Bradford) — фабричный город в Иоркшире (Англия) — 274.
- Брейтшейд* (Breitscheid) — плоскогорье в Баварском Пфальце, у Гохшпайера — 434.
- Бремшейд* (Bremscheid) — деревня в Вестфалии, в округе Арнсберг — 434.
- Бреттах* (Brettach) — деревня в Юртемберге, в округе Неккар, на р. Бреттах — 428.
- Бреттен* (Bretten) — город близ Карлсруэ, в Бадене, на р. Заальбах — 273.
- Бреттнах* (Brettnach) — селение в Лотарингии, в округе Больхен, в районе Бузендорф — 428.
- Бриллинга* (Brillinga) — селение в старой Саксонии — 430.
- Бромберг* (Bromberg) — окружной город в прусской провинции Позен — 365.
- Брэ* (Brée) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Маасейк — 432.
- Брюль* (Brühl) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн — 431.
- Буvingен* (Buvingen) — селение в Бельгии, в провинции Люттих, в округе Варемм — 432.
- Булонь* (Bulogne) — французский портовый город в департаменте Па-де-Кале — 432.
- Бүдерих* (Büderich) — местечко близ Дюссельдорфа, в Рейнской провинции Пруссии — 428, 434.
- Бюллинген* (Büllingen) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Лахен, в районе Мальмеди — 431.

В.

- Ваасвиллер* (Waaswiller) — селение в голландской провинции Гельдерланд — 429.
- Вавр* (Wawre, фламанд. Wawere) — город в бельгийской провинции Брабант, в округе Нивель (Nivelles) (фламанд. Нейфель—Nijvel) — 432.
- Вагенинген* (Wageningen) — город в Голландии, в провинции Гельдерланд, на Нижнем Рейне — 430.
- Ваггайзель* (Waghäusel) — замок и селение (однодворцев) в Нижне-франкском округе, в Бадене, близ Филиппсбурга — 270.
- Валлах* (Wallach) — поселок в Рейн-

- ской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, в районе Мерс, близ Рейнберга — 375.
- Вальдрах* (Waldrach) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе и районе Трир, на р. Рувер, правом притоке Мозеля — 428.
- Вальдшейд* (Waldscheid) — селение на северном склоне Дона, в Лотарингии, в округе Саарбург — 434.
- Варин* (Warin) — город в Мекленбург-Шверине на одноименном озере — 366.
- Варта* (Warta) — правый приток Одера — 379.
- Вассенах* (Wassenach) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц, в районе Майен, близ Андернаха — 428.
- Ватерлоо* (Waterloo) — деревня в бельгийской провинции Брабант — 432.
- Ватершейд* (Waterscheid) — селение в бельгийском Лимбурге, близ Гассельта — 434.
- Ватренжес* (Watrenoges) — селение в Люксембурге — 432.
- Вагофен* (Wahofen) — селение у Рурорта, в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф — 429.
- Везель* (Wesel) — город и крепость в прусском округе Дюссельдорф, в Рейнской провинции Пруссии, при впадении Липпы в Рейн — 345, 422, 434.
- Везер* (Weser) — одна из главных германских рек бассейна Северного моря; образуется соединением при Мюндене Верры и Фульды — 348, 350, 352, 353, 356, 377, 386.
- Вейльбург* (Weilburg) — город в Гессен-Нассау, на р. Лан (Lahn) — 209.
- Вейслингофен* (Weislinhhofen) — деревня в Вестфалии, в округе Арнсберг, в местности Гельвег — 429.
- Велинген* (Velinghen) — селение во Франции у Сент-Омера — 432.
- Веллингхофен* (Wellinghofen) — деревня в Вестфалии, в округе Арнсберг, в местности Гельвег — 429.
- Вендгофен* (Wendhofen) — деревня в Вестфалии, в районе Арнсберг, в местности Гельвег — 429.
- Венло* (Venlo) — город в нидерландской провинции Лимбург, на Маасе — 422.
- Верден* (Werden) — город (старинное аббатство) в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, в районе Эссен, на р. Рур — 412, 413, 422.
- Верра* (Werra) — правый главный приток Везера, начинается в юго-западной части гор Тюрингенского леса — 366.
- Верт* (Werth) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен — 485.
- Верцелли* (Vercelli) — город в Италии, в провинции Новаре, на правом берегу р. Сезия — 344.
- Весселинген* (Wesselingen) — селение близ Брюля, в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн — 431.
- Вестервальд* (Westerwald) — горная область в Германии между Рейном, Зигмом и Ланом в прусских округах Висбаден, Кобленц, Кельн и Арнсберг — 434, 435.
- Вестгофен* (Westhofen) — деревня в Вестфалии, в округе Арнсберг, в районе Дортмунд, у Кастропа — 429.
- Веттерау* (Wetterau) — пересеченная плодородная местность в Верхнем Гессене и Гессен-Нассау, к северу и северо-востоку от Франкфурта на Майне — 352, 353, 355, 364, 427.
- Вид* (Wied) — 1) правый приток Рейна, берет начало из Вестервальда в Гессен-Нассау; 2) селение в Гессен-Нассау, в округе Обервестервальд, в районе Гахенбург — 431.
- Видау* (Widau) — селение в Шлезвиге — 380.
- Вилленбринген* (Willenbringen) — селение в Бельгии, в провинции Брабант, в округе Лёвен — 432.
- Виммертинген* (Wimmertingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт — 432.
- Винвейлер* (Winnweiler) — город в Баварии, в Пфальце, близ Кайзерслаутерна — 428.
- Винтерсгофен* (Wintershoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 430.
- Вольвардингахузуи* (Wolvaradingahusun) — селение в прусской провинции Ганновер, в округе Гильдесгейм, у Мюндена — 430.
- Вормс* (Worms) — город в великом герцогстве Гессен, в провинции Рейнгессен, на левом берегу Рейна — 345.
- Ворринген* (Worringen) — местность в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн, близ Рейна — 431.
- Вульфердингген* (Wulverdingen) — селение во французской Фландрии — 432.
- Вуппер* (Wupper) — правый приток Рейна, в который впадает между Кельном и Дюссельдорфом — 355, 363, 426.

Г.

Гавель (Havel) — небольшая судоходная река в Пруссии, правый приток Эльбы — 380.

Гавелланд (Havelland) — местность в бассейне рр. Гавель, Рин и Доссе в их нижнем течении — 380.

Галь (Hal, фламанд. Halle) — город в бельгийской провинции Брабант, в округе Брюссель, на р. Сен и на канале Брюссель—Шарлеруа — 432.

Гальстрих (Halsprich) — деревня в Лотарингии, к востоку от Мозеля — 434.

Ганау (Hanau) — город в прусской провинции Гессен-Нассау, в округе Кассель, при впадении Кинцига в Майн, гавань на Майне — 364.

Гарцвейлер (Garzweiler) — селение в районе Гревенбройх, в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф — 429.

Гассельт (Hasselt) — главный город бельгийской провинции Лимбург — 430, 432, 434.

Гастингс (Hastings) — город (курорт) в английском графстве Сассекс — 302.

Гебр (Hebrus или Hebros у древних) — теперешняя Марица (Maritza), самая значительная река на Балканском полуострове — 344.

Гейльбронн (Heilbronn) — город в Вюртемберге, на Неккаре, в Германии — 216.

Гейссинген (Huysinghen) — селение в Бельгии, в провинции Брабант, в округе Брюссель — 431.

Гейстинген (Geystingen, Geistingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, в районе Зиг — 432.

Гекингауз (Heckinghaus) — селение в бергском округе Обербармен, на левом берегу Вуппера — 426.

Геллик или *Геллих* (Gellick, Gellich) — селение в бельгийской провинции Лимбург, у Маастрихта — 422.

Гельвег (Hellweg) — селение в районе Гаген, в округе Арнсберг, в Вестфалии, близ Вёрде (Vörde), на запад от Гарштрандских гор — 429.

Гельдерланд (Gelderland) — провинция в Нидерландах — 429.

Гельдерн (Geldern) — бывшее герцогство, провинция Нидерландов на Нижнем Рейне — 422, 429.

Гельшофен (Helshoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 430.

Гелунден (Gelunden) — Восточно-прусский район — 378.

Гендринген (Gendringen) — селение в Голландии, в провинции Гельдерланд, близ Арнгейма, на р. Эйсель — 431.

Гент (Gent) — главный город бельгийской провинции Восточная Фландрия, при впадении р. Лис (Lys) в Шельду — 420.

Гербринген (Herbringen) — селение во Франции, в департаменте Па-де-Кале, у Сент-Омера — 432.

Герданюс (Herdange) — селение в Люксембурге — 432.

Гердинген (Gerdingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Маасейк — 432.

Гермелинген (Hermelingen) — деревня в Лотарингии, в округе Саарбург, в районе Лерхинген — 432.

Гермерсгейм (Germersheim) — окружной город в Баварском Пфальце — 270.

Гессен (Hessen) — селение в Лотарингии, в округе Саарбург — 413, 434, 435, 436.

Гибрих (Hibrich) — деревня в Лотарингии, к востоку от Мозеля — 434.

Гивенинкгофе (Ghyveninckhove) — селение в Бельгии, в провинции Западная Фландрия, близ Диксмейдена — 429.

Гирценах (Hirzenach) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц, в районе Санкт-Гоар — 428.

Гиригорн (Hirschhorn) — город в Гессене, в провинции Штаркенбург, в округе Гелпенгейм (Herpeltheim), на Неккаре — 269.

Гирифельд (Hirschfeld) — селение в Верхне-франкском округе в Баварии, в районе Тейшнитца — 270.

Гиссен (Giessen) — город в Верхнем Гессене, на р. Лан — 209.

Глабах (Glabach, бельг. Glabbek) — селение в Бельгии, в округе Лёвен — 436.

Гладбах (Gladbach) — название двух городов в Рейнской провинции Пруссии: 1) Мюнхен-Гладбах — в округе Дюссельдорф; 2) Бергиш-Гладбах — в округе Кельн — 425.

Глогау (Glogau) — крепостной город в Прусской Силезии, на Одере — 366.

Гобертанг (Gobertang) — селение в Люксембурге — 432.

Гокинген (Hocquinghen) — селение во Франции, в департаменте Па-де-Кале, в округе Сент-Омер — 432.

Гольцвейлер (Holzweiler) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, в районе Эркленц — 429.

- Горжовиц* (Hogovic) — город в одноименном округе Западной Богемии (Чехо-Словакия) — 373.
- Готланд* (Gotland, Götaland) — шведский остров в Балтийском море — 369, 370.
- Гохвальд* (Hochwald) — горный хребет на правом берегу Саара, часть Гунсрюка — 434.
- Гохштейер* (Hochspeyer) — селение в Баварии, в округе Пфальц, в районе Кайзерслаутерн — 434.
- Гравелинген* (Gravelingen, Gravelines) — кантональный центр во французском департаменте Нор, у устья р. Аа — 432.
- Граммон* (Grammont, фламанд. Geeraerdsbergen) — город в бельгийской провинции Восточная Фландрия, на р. Дендер — 432.
- Гребен* (Greben и Kребен) — селение в Средней Франконии, в Баварии — 270.
- Грейфсвальд* (Greifswald) — город в прусской провинции Померания, на р. Рик — 299.
- Гриммерсинген* (Grimmersingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт — 432.
- Гримминген* (Grimminge(n)) — селение в Бельгии, в провинции Восточная Фландрия, в округе Аллост — 432.
- Гришоршофен* (Grischorshoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт, близ Сен-Трюяна — 430.
- Групилинга* (Grupilinga) — селение в старой Саксонии — 430.
- Грюнинген* (Grüningen) — деревня близ Виллингена в Бадене — 364.
- Гунсрюк*, «Высокая спина» (Hunsgück, «Hoher Rücken») — часть рейнских сланцевых гор между Мозелем и Наэ — 429, 434.
- Гунценгаузен* (Gunzenhausen) — город в Средней Франконии, в Баварии — 364.
- Гуссенгофен* (Gussenhoven) — селение в Бельгии, в провинции Брабант, в округе Лёвен, к востоку от Тирльмона — 430.
- Гюннинген* (Hünningen) — деревня в районе Мальмеди — 431.
- Гюеттинген* (Guettingen) — деревня в Бадене, в округе Констанц — 431¹.
- Д.**
- Дейц* (Deutz) — часть города Кельна на правом берегу Рейна — 355.
- Деказвилль* (Decazeville) — город во французском департаменте Авейрон на р. Рьемор — 259.
- Дерен* (Dören) — ущелье близ Детмольда (Detmold) в свободном государстве Липпа — 360.
- Деспих* (Despich) — селение в Лотарингии, к западу от Мозеля — 434.
- Дестельберген* (Destelbergen) — селение в нидерландской провинции Гельдерланд близ Гента — 420.
- Дестельдонк* (Desteldonk) — селение в нидерландской провинции Гельдерланд, близ Гента — 419.
- Дестрих* (Destrinch) — деревня в Лотарингии к востоку от Мозеля — 434.
- Детмольд* (Detmold) — главный город в свободном государстве Липпа, на восточном склоне Тевтобургского леса, на р. Верра, в Германии — 360, 361.
- Диксмейден* (Dixmuyden) — город в Бельгии на Изерском канале — 430.
- Дилль* (Dill) — правый приток Лана, берет начало в рейнских сланцевых горах Вестервальда — 372, 431.
- Динкельсбюль* (Dinkelsbühl) — древний промышленный город в Средней Франконии, в Баварии, на р. Вернитц — 364.
- Динслакен* (Dinslaken) — город в одноименном районе, в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, на р. Рур — 429.
- Долларт* (Dollart) — залив в Немецком море, при устье р. Эмс, на немецко-нидерландской границе — 418.
- Долленбройх* (Dollenbroich) — селение в нидерландской провинции Лимбург, близ Рурмонда — 422.
- Доннерсберг* (Donnersberg) — гора в Баварии, в округе Пфальц — 434.
- Донон* (Donon) — одна из самых высоких вершин горной цепи Васгау, на границе между Нижним Эльзасом и Лотарингией, к северо-западу от Шпримека; дает начало рекам Белый и Красный Саар — 434.
- Дорстен* (Dorsten) — город в Вестфалии, в округе Мюнстер, в районе Реклиннгаузен, на р. Липпа — 429.
- Дронтгейм* (Drontheim, норвежский Thronthjem) — город в Норвегии у одноименного фиорда — 211.
- Друнгофен* (Droenhoven) — селение в Бельгии, в провинции Брабант, в округе Лёвен, близ Тирльмона — 430.
- Дуйсбург* (Duisburg) — окружной город в прусском округе Дюссельдорф, между Рейном и Руром — 429.

¹ См. также названия на X.

Дурлах (Durlach) — город в баденском округе Карлсруэ, на р. Пфинц — 270, 271, 272.

Дюнкирхен (Dünkirchen, Dunkerque) — приморский город во Франции, в департаменте Нор — 412.

3.

Заала (Saale), Тюрингенская — левый приток Эльбы — 366, 412.

Заалбург (Saalburg) — восстановленная римская крепость близ Гомбурга, на Таунусе, на остатках Римского вала — 352.

Затерланд (Saterland, Saterdag) — местность в западном Ольденбурге, орошается р. Затер-Эмс и каналом Хунте-Эмс — 380.

Зауерланд (Sauerland) или Зюдерленд — местность между Зигом и Руром, в Вестфалии, покрытая среднюю частью Зауерландских гор — 416, 423, 434.

Зейдерзе (Zuidersee) — залив в Северном море у берегов Голландии — 418.

Зеландия (Seeland) самая западная провинция Нидерландов — 418.

Земплих (Semplich) — деревня в Лотарингии, к востоку от Мозеля — 434.

Зенцих (Senzich) — селение в Лотарингии, к западу от Мозеля — 434.

Зиг (Sieg) — правый приток Рейна, в который впадает ниже Бонна — 350, 355, 364, 382, 431, 435.

Зиген (Siegen) — город в прусской провинции Вестфалия, на р. Зиг — 416.

Зигерланд (Siegerland) — местность в прусском округе Арнсберг, в бассейне р. Зиг — 416, 422.

Зилт (Sylt) — самый большой из северо-фризских островов у берегов Шлезвиг-Голштинии — 380.

Зинсгейм (Sinsheim) — город в Нижне-рейском округе в Бадене, близ Маннгейма — 270.

Зодинген (Sodingen) — деревня в Вестфалии, в районе Гизенберг — 431.

Золинген (Solingen) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, на р. Вуппер — 431.

Зонтрих (Sontlich) — селение в Лотарингии, к западу от Мозеля — 434.

Зосвальд (Sooowald) — северо-восточная часть горной цепи Гунсрюк в Рейнской провинции Пруссии — 434.

Зюдауен (Südauen) — область в старой Пруссии, в теперешней Восточной Пруссии — 378.

Зюдербаруп (Süderbrarup) — селение в Шлезвиг-Голштинии в районе Шлезвиг — 372.

И.

Ивельдинген (Iveldingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, в районе Мальмеди — 431.

Идиавизио — см. *Идиставизио*.

Идиставизио (Idistaviso; по Гримму — Idisiaviso) — поле сражения между римлянами (Германик) и германцами (Арминий) в 16 г. (Тацит), на правом берегу Везера, у Миндена — 348, 363.

Изерлон (Iserlon) — окружной город в прусском округе Арнсберг — 172.

Ирменаш (Irmenach) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц, в районе Целль, близ Трарбаха — 428.

Ирсинг (Irsing) — селение в Баварии, в округе Нижняя Бавария, в районе Кельгейм — 364.

К.

Кайзерслаутерн (Kaiserslautern) — город в Баварии, в округе Пфальц — 434.

Калер Астен или *Астенберг* (Kahler Asten, Astenberg) — самая большая возвышенность Зауерландского горного кряжа в Вестфалии (Германия) — 412.

Канах (Kanach) — деревня в Люксембурге, в кантоне Ремих, близ Леннингена — 428.

Канинченберге (Kaninchenberg, «Karnin-schesberg») — местность в Лотарингии, в округе Форбах — 436.

Карнунт (Carnuntum) — древний город на Дунае, в Верхней Паннонии, в Нижней Австрии; развалины — близ города Гайнбурга — 365.

Кастроп (Kastrop) — город в Вестфалии, в округе Арнсберг, в районе Дортмунд — 429.

Келлинггофен (Kellinghofen) — деревня в Вестфалии, в округе Мюнстер, в районе Реклинггаузен, у Дорстена — 429.

Кельгейм (Kelheim) — город на Дунае, в Баварии — 364.

Кениггрец (Königgrätz), чешск. Hradec Kralové) — богемский окружной город на Эльбе — 479.

Керприх (Kerprich) — деревня в Лотарингии, в округе Шато-Сален (Chateau-Salins), в районе Диейце (Dieuze) — 434.

Кессених (Kessenich) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Маасейк — 422.

Кеттинген (Köttingen) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн, в районе Оксирхен—431.

Киммерские предгорья (Скаген) (Skagen) — северо-восточные предгорья Ютландии, между Скагерраком и Каттегатом — 370.

Киммерский полуостров (Cimbrische Halbinsel) — Ютландский полуостров, первоначальная родина германского племени кимбров — 343, 350, 370, 380, 388.

Кинкгофен (Kinkhoven) — селение в Голландии — 429.

Киппинген (Kippingen) — поместье в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, в районе Эркленц—431.

Кирфенберге (Kirfenberg) — местечко в Средней Франконии, в Баварии, на левом притоке Дуная Альтмюле—364.

Кирена (Сутене) — греческая колония на северном берегу Африки; была разрушена арабами — 365.

Клеве (Kleve) — город в округе Дюссельдорф, в Рейнской провинции Пруссии, близ нидерландской границы на р. Спойграбен, соединенной с Рейном — 422.

Книлинген (Knillingen) — селение в Бадене, в округе Карлсруэ — 367.

Коллинкгофе (Collinckhove) — селение в Бельгии, в провинции Западная Фландрия, близ Диксмейдена — 429.

Коннелсвилл (Connelsville) — город в Пенсильвании, в США — 253.

Коннигсгофен (Konningshoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт — 430.

Корбах (Korbach) — город в районе Вальдек, в округе Кассель — 434.

Кростлинге (Crostlingi) — селение в голландской Фрисландии — 430.

Крейсберге (Kruysberg) — селение в нидерландской провинции Лимбург, близ Венло — 422.

Крейцнах (Kreuznach) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц, на р. Наэ — 428.

Крессенах (Kressenach) — деревня близ Трира, в Рейнской провинции Пруссии — 428.

Крефельд (Krefeld) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, близ Рейна — 423.

Крютценберге (Krützenberg) — селение в Бельгии, близ Мааса — 422, 428.

Ксантен (Xanten) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, близ Рейна — 422, 429, 431.

Кунцих (Kunzich) — деревня в Лотарингии, к востоку от Мозеля — 434.

Курпенгейм (Kuppenheim) — город в Средне-рейнском округе в Бадене, близ Раштатта, на р. Мург — 366.

Кюранж (Cuirange) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт — 432.

Л.

Лан (Lahn) — правый приток Рейна, берет начало в Вестфалии, в округе Арнсберг, в районе Зиген — 350, 352, 364, 366, 434, 436.

Лангензайфен (Langenseifen) — деревня в Гессен-Нассау, в округе Висбаден, в районе Нижний Таунус — 435.

Лангеншвальбах (Langenschwalbach) — город в районе Нижний Таунус, в округе Висбаден, в провинции Гессен-Нассау, близ р. Ар — 434.

Лангерфельд (Langerfeld) — селение в прусском округе Арнсберг, в Вестфалии, в районе Швельм — 426.

Лангеншейд (Langenscheid) — селение в баварском Пфальце, у Кайзерслаутерна — 434.

Ланшейд (Langscheid(t)) — поместье в Вестфалии, в округе Арнсберг — 434.

Ландау (Landau) — окружной город в баварском Пфальце — 478.

Ландштул (Landstuhl) — город в Баварии, в округе Гомбург, в Пфальце — 428.

Лаунбург (Lauenburg) — город в округе Шлезвиг, на Эльбе — 381.

Лёвен (Löwen) (фламанд. Лефен — Leuven, франц. Лувен — Louvain) — город в бельгийской провинции Брабант, на р. Дейле (Dyle, Duyle) — 430, 432.

Лейбринген (Leubringen) — селение во французской Фландрии — 432.

Лейлинген (Leulinghen) — селение во французской Фландрии — 432.

Лейхлинген (Leichlingen) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, в районе Золинген, на р. Вуппер — 431.

Лёнбю (Lyngby) — местность в Дании близ Копенгагена, на одноименном озере — 489.

Леррах (Lerrach) — город в Бадене, в долине р. Визе — 430.

Либертанж (Libertange) — селение в Лотарингии — 432.

Лимбург (Limburg, франц. Limbourg) — бельгийская провинция — 422, 434.

Липпа (Lippe) — правый приток Рейна, в прусском округе Падерборн, в провинции Вестфалия, впадает в Рейн у Везеля — 350, 352, 353, 354, 355, 356, 363, 377, 382, 413.

- Липштадт* (Lippstadt) — город в Вестфалии, в округе Арнсберг, на р. Липпа — 353.
- Лирих* (Lirich) — поселок в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, близ Рурорта — 434.
- Лис* (Leue, Leie, франц. Lys) — левый приток Шельды, берет начало на плато Артуа, во Франции — 411.
- Лоттинген* (Lottingen) — селение во французском департаменте Нор, в округе Авен — 432.
- Луверанж* (Louverange) — селение в бельгийской провинции Брабант, в округе Нивель (Нейфель), у Вавра — 432.
- Люксеиль* (Luxeuil) — город во Франции, в одноименном кантоне у подножия Вогезов, в департаменте От-Саон (Haute-Saone), в округе Люр (Lure) — 396.
- Люттинген* (Lüttingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, в районе Мерс, у Ксантена — 431.
- Лютцельштейн* (Lützelstein, франц. La Petite-Pierre) — город в Нижнем Эльзасе — 434.
- Лантреманж* (Lantremange) — селение в бельгийской провинции Люттих (Льеж) — 432.
- М.**
- Маас* (Maas) — река, берет начало во французском департаменте Верхней Марны, затем переходит в Нидерланды, впадает в рукав Рейна — 345, 353, 419, 422, 423, 430, 432.
- Маасейк* (Maaseijk или Maeseysck) — город в бельгийской провинции Лимбург, на левом берегу Мааса — 422, 432.
- Маастрихт* (Maastricht) — главный город Нидерландской провинции Лимбург, при впадении Геера в Маас — 413, 422, 429.
- Мальмеди* (Malmedy) — бывший окружной город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, на р. Варх; с 1920 г. — в Бельгии, в провинции Люттих — 429, 431.
- Марк* (Mark) — бывшее графство в нынешней прусской провинции Вестфалия, в округе Арнсберг — 356, 363, 413, 416.
- Марш* (March, чешск. Morava, латинск. Marus) — главная река в Моравии (Чехо-Словакия) — 365, 366.
- Мейдериш* (Meiderich) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, в районе Рурорт — 434.
- Меллинггофен* (Mellinghofen) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, в районе Мюльгейм — 429.
- Мельшеде* (Melschede) — поместье в Вестфалии, на Руре — 434.
- Менапик* (Menapicus) — земля менапиев, живших по верхнему течению р. Лис — 411.
- Мерс* (Mörs) — бывшее графство, позднее район в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф — 422.
- Мерсприх* (Mersprich) — селение в Лотарингии, к западу от Мозеля — 434.
- Мерфрисборо* (Murfreesboro) — город в штате Тенесси, в США — 224.
- Метлах* (Metlach) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Трир, в районе Мерциг, на Сааре — 428.
- Метманн* (Mettmann) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, к востоку от Дюссельдорфа на правом притоке Дюссели — 429.
- Меттекофен* (Mettecoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 430.
- Метцельшванд* (Metzelschwand) — поместье в верхне-франкском Пфальце, в Баварии, у Винвейлера, близ Кайзерслаутерна — 428.
- Метциг* (Metzig, франц. Messancy) — селение в бельгийской провинции Люксембург, в округе Арион — 434.
- Мешеде* (Meschede) — город в Вестфалии, в округе Арнсберг — 434.
- Миллинген* (Millingen) — 1) селение в Голландии, в провинции Гельдерн; 2) деревня в Рейнской провинции Пруссии — 431.
- Милвоки* (Milwaukee) — город в штате Висконсин, в США, при впадении одноименной реки в озеро Мичиган — 285.
- Милтенберг* (Miltenberg) — окружной город на Майне, в баварском округе Нижняя Франкония, между Оденвальдом и Шпессартом — 364.
- Могертинген* (Mogertingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 431.
- Модернах* (Modernach) — селение в Люксембурге — 428.
- Мозель* (Mosel, франц. Moselle) — левый приток Рейна, в который впадает у Кобленца — 412, 416, 428, 429, 431, 432, 434.

Моллиц (Mollwitz) — деревня в прусском округе Бреславль — 244.
Монтабаур (Montabaur) — город в округе Висбаден, в Гессен-Нассау, у одновременной возвышенности — 364.
Монтанаш (Montanach) — селение в Лотарингии, по правому берегу Мозеля — 428.
Мург (Murg) — правый приток Рейна, ниже Раштатта, берет начало из Бюртембергского Шварцвальда — 326.
Мусс (Muss) — деревушка в Рейнской провинции Пруссии, в районе Нейвид, в округе Кобленц — 355.
Мюльгейм (Mülheim) — город в Рейнской провинции Пруссии, на Рейне, в округе Кельн — 422.
Мюнден (Münden) — город в Ганновере, в округе Гильдесгейм, при слиянии Фульды и Верры — 430.
Мюнстер (Münster) — город в Вестфалии, в одноименном округе — 415, 420.
Мюнстерланд (Münsterland) — северо-западная Вестфалия, между Тевтобургским лесом и Липпой — 414.
Мюнхен-Гладбах (München-Gladbach) — см. *Гладбах*.
Мюрринген (Mürringen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, в районе Мальмеди — 431.

Н.

Наа (Nahe) — левый приток Рейна, в который впадает у Бингена — 434, 435, 436.
Неерлинкгофе (Neerlinkhove) — селение в Бельгии, в провинции Восточная Фландрия, близ Нинова — 430.
Нейвид (Neuwied) — город в прусском округе Кобленц (Рейнская провинция), на правом берегу Рейна — 355, 364.
Нейгауз (Neuhaus) — город в Ганновере, в округе Штаде, в районе Блекеде, на р. Оста — 366.
Нейсс (Neuss) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, на канале р. Эрфт — 425.
Нейфарвассер (Neufahrwasser) — порт и предместье Данцига — 370.
Некар (Neckar) — правый приток Рейна, берет начало у Бюртембергского Шварцвальда — 269.
Неккаремиунд (Neckargemünd) — город в Нижне-рейнском округе, в Бадене, близ Маннгейма, на Неккаре — 270.
Нидам (Nydam) — селение в бывшей провинции Шлезвиг-Гольштиния, те-

перь в Дании, на так называемом Нидамском болоте (Nydamer Moor), в местности Зундевитт (Sundewitt) — 370, 373.
Нидергофен (Niederhofen) — деревня в Вестфалии, в округе Арнсберг, в районе Херде, в местности Гельвег — 429.
Нимвеген (Niemwegen, нидерланд. Неймеге, Nijmegen) — город в нидерландской провинции Гельдерланд, на Рейне — 432.
Нинов (Ninove, фламанд. Nieuwenhoven) — город в Бельгии, в провинции Восточная Фландрия — 430.
Нистер (Nister) — деревня в Гессен-Нассау, в округе Висбаден — 435.
Нодеранж (Noderange) — селение в Лотарингии — 432.
Нордальбингия или Нордэльбингия (Nordalbingen, Nordelbingen) — область нижнего течения Эльбы, у римлян — Saxonia transalbina, заселенная нордальбингами, совпадает с современной Гольштинией — 387.
Норicum (Noricum) — древне-римское название Южно-дунайской области между Рецией и Паннонией, обнимающей нынешнюю Верхнюю и Нижнюю Австрию к югу от Дуная, большую часть Штирии, Каринтию и Зальцбург — 351.
Нусвиллер (Nuswiller) — селение в голландской провинции Гельдерланд — 428.
Нутинген (Nutinghen) — селение в бельгийском Брабанте — 432.
Ньювенгофе (Nieuwenhove) — селение в Бельгии, в провинции Восточная Фландрия, близ Нинова — 430.
Ньювенгофен (Nieuwenhoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт — 430.

О.

Обербармен (Oberbarmen) — северо-западная часть города Бармена в прусском округе Дюссельдорф — 426.
Оданж (Odange) — 432.
Оденвальд (Odenwald) — горы юго-западной Германии, между Неккаром на юге, Майном на севере и Рейном на западе — 269.
Одеренж (Oderinge) — 432.
Ольпе (Olpe) — город в Вестфалии, в округе Арнсберг, на р. Бигге — 422.
Огофен (Orhoven) — 430.
Орданж (Ordange, Ordingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург — 432.

- Ортранж* (Ortrange) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 432.
- Оснабрюк* (Osnabrück) — город в Ганновере, в Германии — 416.
- Оспинг* (Osning) — горный кряж Тевтобургского леса, на левом берегу Верры, у Детмольда — 356, 386, 416.
- Оста* (Oste) — левый приток Эльбы в Ганновере, берет начало в южной части округа Люнебург и впадает в Эльбу у Нейгауза — 366.
- Острова королевы Шарлотты* (Königin Charlotte Inseln) — группа островов у северо-западного берега Северной Америки — 135.
- Остфалия* (Ostfalen) — Восточная Саксония, между Люнебургской степью и Гарцем, Эльбой и Везером — 415.
- Отлинга* (Otlinga) — селение в старой Саксонии — 432.
- Отэн* (Autun) — город во французском департаменте Соны и Луары, на р. Арру (Arroux) — 399.
- Оверейсель* (Overijs(s)el) — провинция в Нидерландах — 420.

II.

- Падерборн* (Paderborn) — город в Вестфалии, в 4 километрах от р. Падер — 353.
- Паннония* (Pannonia) — римская провинция, заселенная иллирийским племенем паннонцев и занимавшая восточную часть современной Австрии, Штирию, часть Крайны, Венгрии (между Дунаем и Савойей), Славонии и северный край Боснии — 351.
- Пейплинген* (Peplingen, Peuplingues) — селение во Франции, в департаменте Пад-де-Кале, в округе Булонь, в районе Кале — 432.
- Пенсерих* (Penserich) — деревня в Лотарингии, к востоку от Мозеля — 434.
- Пиллау* (Pillau) — гавань в Восточной Пруссии, на Балтийском море, в округе Кенигсберг — 370.
- Пирмонт* (Pyrmont) — город в Пруссии, на р. Эммер — 360.
- Пригниц* (Prignitz и Priegnitz) — северо-западная часть провинции Бранденбург; на юго-западе ее границу составляют Эльба и Гавель — 381.

P.

- Равеленж* (Ravelinge) — деревня в бельгийской провинции Брабант, у Ватерлоо — 432.

- Рамшайд* (Ramscheid) — деревня в Вестфалии, в округе Арнсберг — 434.
- Ратинген* (Ratingen) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф — 431.
- Раштатт* (Rastadt или Rastatt) — город в великом герцогстве Баденском, на р. Мур — 270, 271.
- Регенсбург* (Regensburg) — главный город баварского Верхнего Пфальца, на Дунае, против устья р. Реген — 457.
- Рединген* (Redingen) — селение близ Лёвена — 432.
- Рединген* (Rödingen) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, в районе Юлих — 431.
- Реекгейм* (Reekheim) — селение в бельгийской провинции Северный Брабант, на Маасе — 422.
- Реес* (Rees) — город в Рейнской провинции Пруссии, на Рейне — 422.
- Рейкхофен* (Ruykhoven) — селение в бельгийской провинции Лимбург, в округе Тонгр — 430.
- Рейнберге* (Rheinberg) — город в Пруссии, в округе Дюссельдорф — 428.
- Рейнброль* (Rheinbrohl) — местность в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц, в районе Нейвид — 431.
- Рейнгау* (Rheingau) — 25-километровая полоса правого берега Рейна в прусской провинции Гессен-Нассау — 382.
- Рейффершейд* (Reifferscheid) — два одноименных селения в Рейнской провинции Пруссии, в округах Кобленц и Аахен — 421.
- Рекхофен* (Reckhoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт — 430.
- Реклинген* (Röcklingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн, в районе Зиг — 431.
- Ремс* (Rems) — правый приток Неккара в Вюртемберге — 364.
- Рен* (Rhön) — горы в Германии между рр. Верра и Верхняя Фульда, Зинн и Франкская Заала — 277.
- Репертинген* (Raepertingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт — 432.
- Рецат* (Rezat) — две реки в Средней Франконии, в Баварии; из их слияния образуется р. Редниц — 412.
- Реция* (Raetia) — самая западная из дунайских провинций Римской империи; в состав ее входили южные части нынешнего Бадена, Вюртемберга и Баварии, северо-восточная и восточная части Швейцарии, Тироль и часть Ломбардии — 351, 366.

- Риксинген** (Rixingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 432.
- Риксгоф** (Rixhöft) — маяк на берегу Балтийского моря в Пруссии — 370.
- Ринкёбинг** (Ringkjöbing) — фиорд в Дании, на западном берегу полуострова Ютландии — 343.
- Ринтельн** (Rinteln) — котловина между Хаусберге и Хамельном в Пруссии, в бассейне Везера — 360.
- Рипуария** (Ripuaría) — страна рипуариев, живших по Рейну (от Кельна до Майнца) и по Мозелю — 423, 432.
- Роделаш** (Rodelach) — селение в Лотарингии, по правому берегу Мозеля — 428.
- Рокленж** (Roelenge) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 432.
- Ротенфельз** (Rothenfels) — город в Баварии, в округе Нижняя Франкония, в районе Лор, на Майне — 222.
- Рур** (Ruhr) — правый приток Рейна, в который впадает при Рурорте — 350, 353, 355, 363, 382, 413, 422, 430.
- Рурмонд** (Roermond) — город в нидерландской провинции Лимбург, при впадении Рура в Маас — 422.
- Рурорт** (Ruhrort) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, при впадении Рура в Рейн — 429, 434.
- Рубенах** (Rübenach) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе и районе Кобленц — 428.
- Рүминген** (Rümingen) — селение в Бадене, близ Лерраха — 430.
- С.**
- Саар** (Saar) — река в Западной Германии, правый приток Мозеля, в который впадает близ Трира, протекает по Лотарингии и Рейнской провинции Пруссии — 428.
- Саарбурге** (Saarburg) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Трир, при впадении р. Ленк в Саар — 434.
- Саарлуи** (Saarlouis) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Трир, на Сааре — 429.
- Сант-Гоар** (St. Goar) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц, на Рейне — 428.
- Сан-Стефано** (греч. Hagios Stephanos) — портовое местечко на Мраморном море, в 15 километрах к западу от Константинополя — 260, 261.
- Саутпорт** (Southport) — город в английском графстве Ланкастер — 255.
- Сельшеде** (Selschede) — селение в Вестфалии, в округе Арнсберг — 432, 434.
- Сент-Омер** (St. Omer) — город в одноименном округе, во Франции, в департаменте Па-де-Кале — 430.
- Сен-Трюан** (Saint-Truyen) (или Saint-Trond) — город в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт — 430, 432.
- Синкфаль** (Sinkfal) — бухта между бельгийской Фландрией и голландской Зеландией, в Северном море — 380.
- Ситтард** (Sittard) — город в нидерландской провинции Лимбург — 422.
- Слагельзе** (Slagelse) — город на западной стороне датского острова Зеландия — 369.
- Соест** (Soest) — город в Вестфалии, в округе Арнсберг, на р. Гельвег — 429.
- Сторкгейм** (Storkheim) — селение в бельгийской провинции Лимбург, на Маасе — 422.
- Стутинген** (Stutinghen) — селение в бельгийской провинции Брабант — 432.
- Т.**
- Таунус** (Taunus) — горная цепь в юго-восточной части Рейнско-вестфальского сланцевого плоскогорья, в бассейне Рейна, Майна и Лана — 353, 364, 435.
- Ташберг** (Taschberg, Thorsbjerg) — гора на острове Готланд (Восточная Швеция), к юго-востоку от Висби — 372, 373.
- Терних** (Törnich) — селение в Бельгии, в провинции Люксембург, в округе Арлон — 434.
- Тершеллинг** (Terschelling) — нидерландский остров в Северном море, в провинции Северная Голландия — 353.
- Тешен** (Teschen) — город в Чехо-Словакии, на левом берегу р. Оlsa — 457.
- Тиенен** (Thienen) — см. *Тирльмон*.
- Тирльмон** (Tirlmont, Thienen) — город в Бельгии, в провинции Брабант, в округе Лёвен — 430.
- Тонгэрн, Тонгр** (Tongern, Tongres) — главный город в бельгийской провинции Лимбург — 430, 432.
- Тонгофен** (Tonhoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт — 430.
- Требниц** (Trebnitz) — город в Силезии, в Бреславльском округе, в Германии — 366.

Тюрну (Turnhout) — город в одноименном округе, в провинции Антверпен, в Бельгии — 430.

У.

Убштадт (Ubstadt) — селение в Бадене, в округе Карлсруэ — 300.

Умминген (Ummingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, в районе Эссен, близ Вердена — 431.

Унна (Unna) — город в Вестфалии, в районе Арнсберг — 431.

Унштрут (Unstrut) — левый приток Заалы, берет начало в округе Эрфурт, в Саксонии — 412.

Ф.

Флаардинген (Vlaardingen, Phladringa) — город в нидерландской провинции Южная Голландия, на левом берегу Нового Мааса, у Роттердама — 430.

Флево (Flevo lacus) — римское название залива Зейдерзе (Zuidersee) — 353.

Флиланд (Vlieland) — нидерландский остров в Северном море, в провинции Северная Голландия — 353.

Флиссинген (Vlissingen, Flissingha) — укрепленный город в нидерландской провинции Зеланд — 430.

Флитинген (Vlytingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 432.

Флюн (Flun) — селение в округе Дюссельдорф, в Рейнской провинции Пруссии — 422.

Фогельсберг (Vogelsberg) — базальтовые горы в Гессене, в Средней Германии, между горами Рен и Таунус — 412.

Фолькерингофе (Volkerinkhofe) — селение во Франции, в департаменте Нор (Nord), в округе Дюнкерк, у Сент-Омера — 430.

Форбах (Förbach) — город в Лотарингии, в Саарском угольном районе — 436.

Франкенталь (Frankenthal) — город в Баварии, в рейнском Пфальце — 268.

Фрекенгорст (Freckenhorst) — город в Вестфалии, в округе Мюнстер, в районе Варендорф — 413, 416.

Фрисландия (Friesland u. Vriesland) — северо-западная провинция Нидерландов — 380, 430.

Фришгаф (Frisches Haff) — мелководный залив Балтийского моря в Восточной и Западной Пруссии — 350.

Фюнен (Fünen и Fyen) — датский

остров, Малым Бельтом отделенный от Шлезвига и Большим Бельтом от Зеландии — 373.

Х.

Хамельн (Hameln) — город в Ганновере, в одноименном округе, на рр. Везер и Хамель — 360.

Хаспельшейд (Haspelscheid) — деревня в Лотарингии, в округе Сааргемюнд, в районе Бич — 434.

Хатинген (Hatingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт, в районе Сент-Трюан — 432.

Хаттинген (Hattingen) — город в Вестфалии, в округе Арнсберг, на р. Рур — 431.

Хаусберге (Hausberge) — город в Вестфалии, в округе и районе Минден, близ Везера и «Вестфальских ворот», прохода в Рогевских горах — 360.

Хейсинген (Heisingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, в районе Эссен, у Вердена — 431.

Хейсинген (Huysinghen) — селение в бельгийском Брабанте, в округе Брюссель — 432.

Хенинген (Hönningen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц, в районе Нейвид, на Рейне — 431.

Хердинген (Herdingen) — селение во французской Фландрии — 432.

Хольберате (Holberade) — селение в голландской провинции Лимбург, близ Рурмонда — 422.

Хузинген (Husingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии — 431.

Хукинген (Huckingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, близ Ратингена — 431.

Хунделинген (Hundelingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт, в районе Сент-Трюан — 431, 432¹.

Ц.

Циверих (Zieverich) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн, в районе Берггейм, на р. Эрфт — 428.

Цоллинкофен (Zollinkofen, Zollinchova) — селение в Швейцарии, в кантоне Берн — 431.

¹ См. также названия на Г.

Цюльпих (Zülrich) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн, в районе Ойскирхен, между рр. Ротбах и Неффель — 428.

Ш.

Шалькгофен (Schalkhoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 430.

Шванден (Schwanden) — деревня в баварском Пфальце, у Ландштула — 428.

Шейдвальд (Scheidwald) — селение в Эльзасе, к северу от Лютцельштейна — 431.

Шлеем (Schleem, Nieder- und Ober) — селение в Голландии, к востоку от Гамбурга — 347.

Шлейден (Schleiden) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, близ Гейнсберга — 421.

Шмерикон (Schmerikon, Smarinova) — селение в Швейцарии, в кантоне Санкт-Галлен, на Цюрихском озере — 431.

Шпессарт (Spessart) — горный хребет в Нижней Франконии, на правом берегу Майна — 412.

Шпигерн (Spighern) — французская деревня на юге от Саарбрюкена — 485.

Шюргофен (Schuerhoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт, близ Сен-Трюяна — 430.

Э.

Эгге (Egge) — юго-восточная часть горной цепи Тевтобургский лес — 416.

Эзелъ (Oesel) — принадлежащий Эстонии остров в Балтийском море, у входа в Рижский залив — 365.

Эзинген (Esingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, в округе Трир, в районе Саарбург — 431.

Эйбертинген (Eibertingen) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, в районе Мальмеди — 431.

Эйдер (Eider) — река в Шлезвиг-Голштинии, впадает в Северное море — 347.

Эйссель, Старый (Ijssel, Oude) — река, протекающая в Вестфалии, Рейнской провинции и Нидерландах — 353, 364.

Эйфель (Eifel) — в средние века Eiflia или Aiflia — горная местность (сланцевые горы) в Рейнской провинции между Мозелем, Рейном и Руром — 423, 429, 432, 434, 435.

Эйфлия — см. *Эйфель*.

Экс (Aix-en-Provence, древн. Aquae Sextae) — окружной город во Франции, в департаменте Буш-дю-Рон (Bouches-du-Rhône), на левом берегу р. Арк — 344.

Эланд (Oeland) — шведский остров в Балтийском море, отделен от берега Швеции Кальмарским проливом — 369, 370, 371.

Элизо (Eliso) — приток Липпы — 352.

Эллинген (Ellingen) — город в Баварии, в округе Средняя Франкония, в районе Вейсенберг — 364.

Эллинген (Ellingen) — селение в районе Вида, в Гессен-Нассау, в округе Обервестервальд — 432.

Эльзен (Elsen) — селение в районе Гревенбройх, в округе Дюссельдорф, в Рейнской провинции Пруссии, на левом берегу Нижнего Эрфта и напротив Гревенбройха — 353.

Эмс (Ems) — 1) река в северо-западной Германии, берет начало в Вестфалии; 2) левый приток Лана, в который впадает выше Лимбурга — 350 352, 353, 363, 364, 377, 380, 382.

Энгельмансгофен (Engelmannshoven) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Гассельт, в районе Сен-Трюян — 430.

Энгерн (Engern) — средневековое название средней части старой Саксонии, между Остфалией и Вестфалией, по обоим берегам Везера — 415.

Энгерс (Engers) — местность в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кобленц, в районе Нейвид — 378.

Эно (Hainaut, или Hennegau, или Hennegouwen) — провинция в Бельгии — 399.

Эрринген (Erpingen) — город в Средне-рейнском округе, в Бадене, на р. Эльзенц, близ Карлсруэ — 270.

Эрпингофен (Erpinghoven) — три деревни: 1) в Рейнской провинции Пруссии, в округе Дюссельдорф, в районе Рурорт, близ Динсладена; 2) там же, у Дуисбурга, и 3) на левом берегу Рейна, близ Ксатена — 429.

Эрделинген (Aerdlingen) — селение в Бельгии, в провинции Лимбург, в округе Тонгр — 431.

Эресунд (Oeresund) — пролив, соединяющий Немецкое море с Балтийским — 369.

Эрессофен (Ereshofen) — деревня в Рейнской провинции Пруссии, в округе Кельн, на р. Аггер — 429.

Эхтернах (Echternach) — город в Люксембурге — 428.

Эшвейлер (Eschweiler) — город в Рейнской провинции Пруссии, в округе Аахен, к северо-востоку от Аахена, на рр. Инде и Денте — 429.

Ю.

Юлинген (Jühlingen) — селение в Рейнской провинции Пруссии, севернее Кельна — 431.

Юлих (Jülich) — город в Рейнской

провинции Пруссии, в округе Аахен, на правом берегу Рура — 429.

Я.

Яде (Jade) — залив на берегу Северного моря, в Пруссии — 418.

Янтарный берег (Bernsteinküste) — берег на Балтийском море, от Пиллау до Кранца — 343, 365.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

- Австралия* — открытие золота — 250—251, 313.
Австрия — 460, 463—464.
Австро-прусская война (1866 г.) — 477—479.
Аллод — 128, 392.
Америка — 37, 148, 314, 316;
 — поляризация классов — 254.
См. также Буржуазия, Пролетариат, Международное рабочее движение, Протекционизм.
Анархизм — 276.
Анархия капиталистического производства — см. *Капиталистическое производство.*
Англия:
 — отмена хлебных пошлин — 194, 250, 251;
 — промышленная и торговая монополия — 184, 198, 199, 200, 253, 311, 313;
 — фабричные законы — 195.
Армия:
 — наемная — 121;
 — народная — 294;
 — прусская — 293.

Б.

- Базилевс* — 84—86;
Бенефиций — 399—401, 402, 405, 407, 408.
Берлинский мир, конгресс 1878 г. — 260.
Берлинское «Национальное собрание» — 169—170, 201.
Болгария — 260, 261, 262.
Большая семья — 42, 43, 113, 118, 119, 139.
Бонапартизм, бонапартисты — 147.
Босния — 260.
Брак:
 — групповой — 21, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 49, 56, 60, 62, 63;
 — индивидуальный — 47, 48, 50, 62, 63;

- парный — 30, 31, 32, 34, 38, 56, 60, 63;
 — у римлян — 50;
 — у германцев — 50, 116;
 — у нельтов — 109, 110;
 — в древности — 58;
 — в средние века — 59—60;
 — буржуазный — 52, 58, 60, 61, 62;
 — пролетарский — 53;
 — при социализме — 62, 63.
См. также Моногамия, Полигамия, Семья.

Буржуазия:

- ее мировоззрение — 296;
 — английская — 331, 332;
 — французская — 331, 332;
 — итальянская — 460;
 — немецкая — 166—167, 331, 332, 475, 479, 496, 497, 498, 502;
 — прусская — 201.

В.

- Варварство* — 9, 11—14, 37, 56, 88, 133, 140, 141.
Венский конгресс 1815 г. — 452, 453;
 — и раздел Германии — 206, 457.
Войны:
 — пунические — 101;
 — гражданские — 204;
 — и родовой строй — 134;
 — и рабство — 137;
Всеобщее избирательное право — 148, 459, 473.

Г.

- Германия* — 205, 206, 280, 314, 482, 501;
 — союзный сейм — 457;
 — объединение — 169, 454—457, 462—467.
 — и Австрия — 463—464.
См. также Венский конгресс, Классы, Партии, Промышленность, Революция 1848 г., Социал-демократия.

- Германский таможенный союз* — см. *Таможенный союз*.
- Германцы* — 122—123, 342—349, 364;
— их роль в истории — 132—133;
— переселение — 347, 348;
— и монегамия — 132;
— завоевание независимости от Рима — 124, 127—128, 361;
— классификация племен Плиния — 350—351, 379—388.
- См. также *Дружины*, *Промышленность*, *Скотоводство*.
- Гетеризм* — 18, 48, 49, 53, 56, 143.
- Государство* — 75, 87, 97;
— возникновение — 88, 98, 122, 144, 145, 147;
— и классовые противоречия — 144—149;
— как организация экономически господствующего класса — 147, 148, 151;
— и уничтожение классов — 149;
— его историчность — 149;
— и родовой строй — 88, 89, 93, 98;
— и общественная власть — 75, 88, 97, 146, 147;
— в Афинах, возникновение — 141;
— его классовая основа — 148;
— гибель — 149;
— римское, образование — 145;
— его основа — 148;
— уничтожение — 124—127;
— германское, образование — 127—129, 145;
— франкское — 129—131;
— и семья — 81.

Д.

- Дания:*
— война с Австрией и Пруссией — 474, 475.
- Дворянство* — 121, 122;
— наследственное — 86, 140;
— феодальное, немецкое — 241, 244.
- См. также *Юнкерство*.
- Демократическая республика* — 98, 148, 155;
— и всеобщее избирательное право — 148.
- Деньги:*
— возникновение — 92, 136;
— металлические — 141;
— и родовой строй — 90, 92;
— и купечество — 142;
— и феодализм — 441, 442, 443;
— и обмен — 136.
- Деспотизм* — 391.
- Дикость* — 9—11, 14, 37, 56.
- Диктатура пролетариата* — 257, 286, 308.

- Домашняя промышленность* — 278, 281, 282;
— значение для крестьянства — 283.
- См. также *Заработная плата*.
- Дружина, дружинники:*
— у германцев — 73, 121;
— у франков — 404, 405, 406.

Е.

- Египет* — 261.
- Естественный подбор у человека* — 31, 37.

Ж.

- Железо:*
— его революционная роль в истории — 138.
- Женщина:*
— положение женщины у диких и варварских народов — 33;
— в древней Греции — 45—47;
— у германцев — 116;
— при капитализме — 55;
— при социализме — 57;
— условие ее освобождения — 56, 138.

З.

- Задруга* — 42.
- Закон стоимости* — 183.
- Закон товарного производства* — 392.
- Законодательство:*
— древних Афин и Рима — 142;
— в Германии, аграрное — 245—248;
— правовое — 503, 504;
— финансовое — 503.
- Заработная плата:*
— в домашней промышленности — 281;
— немецкого рабочего — 281.
- Земельная рента* — 282.
- Земельная собственность* — 92, 142.
- Землевладение, крупное* — 393;
— в Пруссии — 244;
— в Германии — 494—495.
- См. также *Земельная собственность*, *Экспроприация*.
- Земледелие* — 11, 12, 13, 14, 136;
— рентающая отрасль производства древнего мира — 126, 392;
— в эпоху феодализма — 440, 442;
— у древних германцев — 375, 376.

И.

- Иена, битва* — 244.
- Избирательное право в Англии* — 148.
- См. также *Всеобщее избирательное право*.
- Иммиграция в Америке и рабочее движение* — 253, 254.

Индивидуальная половая любовь — 57—64.
 Интернационал I — 272, 306.
 Ипотeka — 90, 142, 143, 282.
 Ирландия — 109, 110, 111, 112, 119.
 Италия — 261, 460—462.
 Июньское восстание рабочих в Париже 1848 г. — 171, 305.

К.

Калифорния, открытие золота — 250—251, 313.
 «Капитал» Маркса — 7, 134, 175, 230, 497.
 Капиталистическое производство — 199, 250, 252, 287, 318, 326, 327;
 — анархия капиталистического производства — 150.
 Кельский процесс коммунистов — 225, 305.
 Кельты — 109—112, 341, 342.
 Классы:
 — их происхождение — 137, 139, 144, 149;
 — их противоположность — 8, 48, 97, 213, 252, 254, 288;
 — их борьба — 8, 144, 145, 158, 214, 284, 296;
 — уничтожение — 149;
 — и государство — 144, 145, 146, 147;
 — и род — 140, 143, 144, 145;
 — в Афинах — 89, 94, 97;
 — в Риме — 106—108.
 Кодекс Наполеона — 504.
 Колонь — 126, 410, 411.
 Коммунизм — 307;
 — научный — 178, 213, 214, 226, 255;
 — Вейтлинга — 211;
 — утопический — 214.
 См. также Первобытный коммунизм.
 Коммунистическое общество — 57, 63, 149.
 Коммунистическая партия, немецкая — 165, 166, 218, 219.
 Конкуренция — 183, 296.
 Концентрация и централизация богатств — 143.
 Королевская власть у германцев — 121, 129, 393, 445, 446.
 Крепостное право — 151, 447;
 — в Германии — 240—249.
 Крестьянство, немецкое — 239—249.
 Кризисы экономические — 141, 150, 184, 199, 255, 313.
 Крымская война (1853—1856 гг.) — 458, 459, 460.
 Купечество — 141, 142.
 Курии — 99, 104, 105, 106, 107.

Л.

Лассальянство — 306, 497.
 Латифундии — 126, 247.
 Ленная система — 401, 405.
 Лондон — 332, 333.
 Лотарингия — см. Эльзас-Лотарингия.
 Люксембург — 480—482.

М.

«Манифест Коммунистической партии» — 158, 163, 208, 218, 291, 305, 306, 307, 308, 309.
 Мануфактура — 282, 283.
 Марка — 72, 75, 118, 282, 390, 391;
 — и род — 128, 132.
 Марксизм — 298.
 Материалистическое понимание истории — 7, 18, 190, 213, 214, 298, 308.
 Материнское право — 26—27, 38, 39, 43, 66, 69, 79, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 138;
 — его отмена — 39, 40.
 Машина — 152.
 Международное рабочее движение — 208;
 — в Америке — 254, 285—287;
 — в Европе — 285;
 — в Германии — 225.
 См. также Интернационал I, Прудонизм, Чартизм.
 Международное товарищество рабочих — см. Интернационал I.
 Мелкобуржуазная демократия, немецкая — 168—169.
 Меновая стоимость — 233, 234.
 Металл, у древних германцев — 372—374.
 Мецанство, немецкое — 206.
 Militarизм — 293.
 Мировоззрение:
 — средних веков — 295;
 — юридическое, буржуазное — 296;
 — пролетарское — 298.
 Многоженство — 17, 43—44.
 Многомужество — 17, 21, 43—44.
 Монархия:
 — наследственная — 86, 140;
 — абсолютная — 147.
 Моногамия — 18, 37, 43, 44—47, 51, 56, 60, 63, 64, 90, 142;
 — экономические основы — 56—57;
 — внутренние противоречия — 49.
 См. также Семья.

Н.

Навквария — 93.
 Наемный труд — 49, 57, 151.
 Налог — 146.
 Народная армия — см. Армия.
 Наследственное право — см. Отцовское право, Материнское право.

Наука:

— ее роль в эпоху цивилизации — 152.

Национальный вопрос:

— образование наций — 73—74, 443—444;

— образование национальных государств — 449—453.

Национальный союз в Германии — 470.

Норма прибыли — 178.

О.**Обмен:**

— возникновение — 8, 136;

— развитие — 140—141;

— и деньги — 136.

Отцовское право — 60, 69, 90, 99, 115, 120;

— возникновение — 39, 40;

— его экономическая основа — 55, 56, 79, 137, 138;

— уничтожение — 63, 138.

П.

Парижская коммуна — 257, 275, 309, 487.

Парламентаризм:

— парламентский кретинизм — 170;

— парламентские реформы в Англии — 194, 196.

Партии в Германии — 497, 498, 506—507.

Парцеллы — 126, 142.

Пастушеские народы — 12, 37, 135, 136.

Патриции — 105.

Патрон — 127.

Первообытный коммунизм — 24, 30—31, 33, 36, 42—43, 77, 100, 117, 135, 149.

Пехота — 447, 448.

Плебс — 106, 107, 145.

Племя — 71, 76, 81, 105, 106;

— индейское — 71—74;

— греческое — 83, 84;

— союз племен — 72, 74—75, 121, 139.

Полигамия — 57.

Политическая экономия, буржуазная — 177.

Полиция — 97.

Половое общение, беспорядочное — 17, 18, 21, 22, 25.

Потребление, на ранних ступенях общественного развития — 149.

Право римское — 357, 446.

Права и обязанности:

— в период родового строя — 134;

— в период цивилизации — 152.

Прибавочная стоимость — 178;

— основа капиталистической системы — 252.

Приручение животных — 11, 12, 37, 135.

Производство:

— на ранних ступенях общественного развития — 149;

— у ирокезов — 91;

— социалистическое — 91;

— товарное — 88, 139, 149, 150, 392;

— феодальное — 295.

Пролетариат:

— и всеобщее избирательное право — 148;

— влияние промышленной монополии — 200;

— причина его бедственного положения — 252;

— развитие его мировоззрения — 296—298;

— и домашняя промышленность — 279, 280;

— его историческое призвание — 158, 308, 327.

— условия его исчезновения — 57;

— американский — 253;

— английский — 195, 197, 198, 199, 253;

— итальянский — 460;

— германский — 166—167, 211, 212, 277, 472, 497, 499.

Пролетарская революция — 223, 225, 282, 283, 313.

Промышленность:

— в Англии — 251;

— в Германии — 280, 454.

Проституция — 48, 56, 143;

— происхождение — 49;

— уничтожение — 57.

Протекционизм — 310, 316, 317, 325, 326;

— в Америке — 315, 316, 323, 324;

— в Англии — 311, 312;

— в Германии — 320—322;

— во Франции — 322.

Противоположность между городом и деревней — 151.

Прудонизм — 277, 306;

— в Бельгии — 275, 276;

— в Испании и Италии — 276;

— во Франции — 275, 276.

Пруссия — 206, 460;

— политика в Крымскую войну (1853—1856 гг.) — 469;

— во время итальянской войны (1859 г.) — 461, 469;

— и объединение Германии — 464;

— создание таможенного союза — 465—466;

— и Германия — 464, 465, 482.

См. также *Армия, Юнкерство.*

Р.

- «Рабочее братство» (в Берлине) — 221, 223.
Рабочее движение — см. *Международное рабочее движение*.
Рабочий класс — см. *Пролетариат*.
Рабочие деньги — 181, 182, 184, 185, 186, 187.
Рабство (рабы) — 126, 127, 151, 287, 368;
Рабство (рабы), возникновение — 38;
 — у греков — 83, 86, 90, 92, 98, 143;
 — уничтожение — 127;
 — и латифундии — 126, 368;
 — и войны — 137;
 — и первое крупное разделение труда — 137;
 — и второе крупное разделение труда — 139;
 — в патриархальной семье — 41;
 — и род — 140.
Разделение труда — 137;
 — между полями в первобытную эпоху — 48;
 — первое крупное разделение труда — 135, 137;
 — второе крупное разделение труда — 139;
 — третье разделение труда — 141;
 — и производство — 149;
 — в роде — 135;
 — в эпоху цивилизации — 141.
Революция 1848 г. — 170, 194, 196, 206, 222, 453, 454, 468.
Реформация — 295—296.
Римское право — см. *Право*.
Род — 67, 140, 143, 144;
 — возникновение — 24, 25, 27;
 — его первоначальная форма — 27, 66;
 — его экономическая основа — 76, 78, 135;
 — его расцвет — 134;
 — причины уничтожения — 77—78, 89, 140;
 — и классы — 8, 89, 134;
 — и государство — 89, 145, 146, 147;
 — родословная — 81, 82;
 — и семья — 80, 81;
 — и денежное хозяйство — 90, 92;
 — и марка — 75, 128;
 — у ирокезов, его устройство — 66—69, 74—78;
 — греческий, его основа — 79, 80;
 — разрушение — 86, 93, 140;
 — римский, его устройство — 99—101, 104, 114;
 — причины гибели — 107;

- у кельтов и германцев — 109—115, 121, 132—133.
Россия — 118, 171, 192, 263, 266, 464;
 — и Австрия — 261;
 — в Болгарии — 260;
 — и Германии — 263;
 — и Италия — 261;
 — и Турция — 260, 261, 265;
 — и Франция — 265.
См. также Семейная община.
Ростовичество — 90, 125, 142.
Румелия — 260, 261.
Русические письма — 375.
 «*Рыцари труда*» — 288—289.

С.

- Свобода торговли* — 195, 198, 311, 312, 313, 325, 326.
Секуляризация церковных земель — 398.
Сельская община — 43, 109, 113, 118, 119, 390.
Сельское хозяйство — см. *Земледелие*.
Семейная община — 118.
Семья:
 — кровнородственная — 22—23;
 — первая ступень семьи — 22;
 — ее развитие — 17, 31, 32;
 — «дуналуа» — 23—28, 30;
 — парная, переход к парному браку — 30, 31, 32, 37;
 — патриархальная — 40, 41, 44;
 — моногамная, возникновение — 41, 44—47;
 — ее экономическая основа — 47, 56;
 — и индивидуальная половая любовь — 32, 51, 57—58;
 — и рабство — 44;
 — и классовые противоречия — 48, 49—50;
 — в буржуазной среде — 55;
 — в пролетарской среде — 53;
 — при социализме — 57;
 — и проституция — 49;
 — и законодательство — 49, 54;
 — уничтожение ее экономической основы — 56, 62;
 — и система родства — 16—17;
 — и стая — 19, 20;
 — и частная собственность — 38, 47;
 — при родовом строе — 80—81;
 — и государство — 81.
Сербия — 260, 262.
Скотоводство (скот) — 14;
 — у древних германцев — 368, 375—376, 392.

Собственность:

- феодальная — 93;
 - буржуазная — 93, 446.
- Социал-демократия, германская:**
объединение эйзенахцев и лассальянцев—497.

Социализм:

- научный — 159, 255, 286, 307;
- утопический — 297;
- мелкобуржуазный — 179, 277;
- истинный социализм — 216:

См. также *Коммунизм*.

Социалистическая рабочая партия, американская — 289—290.

Союз коммунистов — 165, 210—213, 217—223, 225, 226, 305.

Союз отверженных — 208, 209.

Союз справедливых — 209—217.

Стоимость:

- теория стоимости Рикардо — 175, 176, 177, 178, 179;
- Родбертуса — 180, 181, 187;
- и цена — 183.

Судостроение, у древних германцев — 374.

Т.

Тамозенный союз (германский) — 319, 465.

Товар — 91, 232, 233.

Товарное производство — 88, 149, 150;

— его возникновение — 139;

— его законы — 150, 392;

— и обмен — 150;

— и торговля — 88, 90, 92, 139.

Торговля — 88, 90, 92, 125, 139, 376.

Тред-юнионы — 195, 306.

Тридцатилетняя война (1618—1748 гг.) — 243.

Труд, двойственный характер труда — 236.

Турция — 260.

Ф.

Феодализм — 287, 440, 442, 444, 447;

— мировоззрение — 295;

— способ производства — 295;

— его основа — 442;

— роль церкви — 295;

— и деньги — 441, 442;

— крушение военного устройства — 447.

Философия немецкая — 255.

Франко-прусская война (1870—1871 гг.) — 483—487.

Франкфуртский парламент — 169—170.

Франция:

— борьба классов — 190;

— переворот 2. декабря 1851 г. — 459;

— участие в Крымской войне — 459.

См. также *Международное рабочее движение, Парижская коммуна, Пролетариат, Промышленность, Французская революция XVIII столетия.*

Французская буржуазная революция (1789—1794 гг.) — 93, 190, 206, 244, 255, 503.

Фратрия — 69, 76, 81, 134;

— у греков — 80, 82—83;

— у римлян — 104;

— у ирокезов — 70—71.

Х.

Христианство — 159, 160;

— отношение к работорговле — 127.

Ц.

Цена и стоимость — 183.

Церковь — 295, 408;

— имущественное положение при каролингах — 394;

— мошеническое вымогательство даяний — 395;

— земельные владения в Галлии в конце VII и IX веков — 396, 408;

— роль в феодальную эпоху — 295.

См. также *Бенефиций, Секуляризация церковных земель.*

Цивилизация — 9, 14, 37, 49, 56, 149, 151—153;

— происхождение — 140, 141;

— ее основа — 152;

— ее движущая сила — 152;

— и моногамия — 44, 151;

— и проституция — 49;

— и классовые противоречия — 50;

— и государство — 151;

— и товарное производство — 151.

Ч.

Чартизм — 194, 212, 215.

Частная собственность — 87, 94, 448;

— возникновение — 8, 38;

— и рабство — 38;

— и семья — 38, 47;

— и отцовское право — 38—40;

— и моногамия — 139;

— и обмен — 91;

— в Афинском государстве — 88, 91, 92.

Ш.

Швейцария — 448.
Шотландия, распад родового строя —
109, 112.

Э.

Экзогамия — 29, 67, 104.
Эксплоатация — 91, 151, 326, 327;
— основа цивилизации — 152.

Экспроприация крестьянства — 287.
Эльзас-Лотарингия — 267, 488—490;
— аннексия Германией — 487, 491—
494.
Эндогамия — 67, 102.

Ю.

Юнкерство прусское — 495, 498, 499,
506.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Ф. Энгельс. Исследования и статьи.

1883—1889 гг.

Предисловие. В. Адоратский VII—VIII

Происхождение семьи, частной собственности и государства.

Предисловие к первому изданию 1884 г.	7—8
I. Доисторические ступени культуры	9—14
1. Дикость	9
2. Варварство	11
II. Семья	15—64
III. Ирокезский род	65—78
IV. Греческий род	79—87
V. Возникновение афинского государства	88—98
VI. Род и государство в Риме	99—108
VII. Род у кельтов и германцев	109—122
VIII. Образование государства германцев	123—133
IX. Варварство и цивилизация	134—153

1883 г.

«Песня подмастерья» Георга Веерта (1846 г.)	154—157
Предисловие к третьему немецкому изданию «Коммунистического манифеста» (1883 г.)	158
Книга откровения	159—164

1884 г.

Маркс и «Новая Рейнская Газета» 1848—1849 гг.	165—173
Предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии»	174—183

1885 г.

Предисловие к третьему немецкому изданию «Восемнадцатого Брюмера Луи Бонапарта»	189—190
Императорские русские действительные тайные динамитные советники	191—193
Англия в 1845 и 1885 годах	194—200
Предисловие к брошюре «К. Маркс перед судом присяжных»	201—207
К истории Союза коммунистов	208—226
[Создавшееся положение] [La Situation] [из письма к французскому товарищу].	227—228

	<i>Стр.</i>
Редакционному комитету «Socialiste»	229
Как не следует переводить Маркса	230—238
К истории прусского крестьянства [из предисловия к книге В. Вольфа «Силезский миллиард»]	239—249
1886 г.	
Приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии»	250—256
[К годовщине Парижской коммуны.] [Письмо Энгельса французским товарищам.]	257—258
О стачке рабочих стекольных заводов в Лионе	259
Политическое положение в Европе	260—267
Иоганн Филипп Беккер	268—273
1887 г.	
Предисловие ко второму изданию «Жилищного вопроса»	274—283
Рабочее движение в Америке (Предисловие к американскому изда- нию «Положения рабочего класса в Англии»)	284—292
[Письмо организационному комитету международного праздника в Париже]	293—294
Юридический социализм	295—298
Введение к брошюре Боркгейма «На память ура-патриотов 1806—1807 гг.»	299—304
1888 г.	
Предисловие к английскому изданию «Манифеста коммунисти- ческой партии»	305—309
Протекционизм и свобода торговли	310—327
1889 г.	
Поссибилистские мандаты	328—330
Отставка буржуазии	331—336
Из рукописного наследия Энгельса.	
К истории древних германцев	339—389
Цезарь и Тацит	339
Первые бои с римлянами	351
[Прогресс за период до переселения народов.]	364
Германские племена	376
Франкский период	390—439
Переворот в аграрных отношениях при меровингах и ка- ролингах	390
Областной и военный строй	402
Франкский диалект	412
[О разложении феодализма и развитии буржуазии.]	440—450
[Об ассоциации будущего.] [На отдельном листке.]	451
Роль насилия в истории	452—507

*Стр.***Приложения.**

[Программа Северо-английской социалистической федерации с поправками Энгельса.]	511—512
Интервью, данное Энгельсом редакции «New Yorker Volkszeitung»	513—514

Указатели.

Именной указатель	517—532
Литературные и мифологические имена	533—534
Указатель географических названий	535—548
Предметный указатель	549—555

Иллюстрации.

Обложка первого издания «Происхождения семьи, частной собственности и государства», 1884 г.	5
Карта к главе «Германские племена»	383
Карта к главе «Франкский диалект» между	432—433.

Техред *В. А. Чуфаров.*

Под наблюдением *М. Я. Гринбаум.*

Отв. корректор *П. В. Юдин.*

Книга слана в набор 14/ХП—1936 г. Подписана к печати 16/IV 1937 г. Партиздат № 524. Главлит № Б-8272. Заказ № 1082. Формат бумаги 68×100^{1/16}. Печ. л. 35^{1/2} (86400 тит. зн. в 1 б. л.). Бум. листов 17^{3/4}. Тираж 40.000 экз. Бумага ф-ки им. Менжинского. Коленкор Целковской ф-ки.

Фабрика книг «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б). Москва, Краснопролетарская, 16.